Дональд Маккуин
Ведьма

, OCR, SpellCheck: shtuks http://lib.rus.ec/
«Ведьма»: Изд-во ЭКСМО-Пресс; М; 1998
ISBN 5-04-001868-1

Аннотация

Пережив гибель собственной цивилизации и очнувшись через пять столетий от криогенного сна, группа добровольцев-исследователей оказывается в отброшенном далеко назад мире, балансирующем на грани гибели. Кочевники Летучей Орды, дикие воины народа Ква, морские пираты Скэны пытаются уничтожить государство, давшее приют «чужеземцам». «Гости из прошлого» не могут оставаться в стороне. Однако с их вмешательством война становится еще ужаснее, ибо они несут с собой страшное оружие…

Дональд Маккуин
ВЕДЬМА

Кейтлин, Эммет, Илане и Алеку с любовью.

Пролог

В темноте штормовой ночи, разрываемой раскатами грома, мерцал единственный слабенький огонек. Нависающие валуны естественным амфитеатром закрывали его со стороны материка, направляя свет в сторону бушующего моря.

Черной блестящей стеной вздымался прибой. Волны нескончаемой чередой набрасывались на берег и в призрачно-светлом сиянии разбивались об острые скалы. Над пламенем, спиной к морю, сидела старуха.

Возле нее среди гладких камушков стояла серебряная чаша, немного позади виднелся треножник из человеческих костей. В верхней трети кости скреплялись, поддерживая золотой кубок, поверхность которого украшал выгравированный стилизованный осьминог.

Неожиданно старуха запела. Звуки, подобно иглам, пронизывали рокот прибоя.

Вознося песнопения, моля о завоеваниях и добыче, голос обещал выполнить все пожелания бога Сосолассы. Продолжая петь, старуха поднялась на ноги и обратилась лицом к морю.

Порыв ветра отбросил капюшон, обнажив скрытую под ним голову. Подобно пене прибоя, на ветру в беспорядке забились длинные пряди седых волос. Гонимые ветром капли влаги оседали на грубых, изменившихся от времени чертах лица старухи. Ее темные, как у хорька, глаза злобно сощурились. Опущенные уголки тонких губ, прикрывавших крепкие белые зубы, вытянулись в тонкую дугу. Покрытое морщинами лицо напоминало карту путешествия, длившегося много десятилетий. Она была свидетелем начала, расцвета и конца многих жизней, словно время не властвовало над ней самой.

На несгибающихся ногах старуха подошла к морю, держа серебряную чашу, зачерпнула воды и, вернувшись к кубку, вылила воду в него. Выровняв кубок, она потянула за тонкую золотую цепочку на шее и вытащила странный изогнутый предмет. Он напоминал половинку широкого птичьего клюва. Заостренный конец тщательно отполированного металла сверкнул в свете костра.

Старуха заговорила, и казалось, голос ее принадлежал видению из кошмарного сна. Скрежещущий, хриплый, он напоминал шелест сухого песка.

— Сосоласса, охотник из Глубокого Покоя, отец бурь, услышь молитвы своей рабы. Я вверяюсь в твои руки. Вкуси и знай — я живу только для того, чтобы служить тебе.

Старуха провела «клювом» по большому пальцу левой руки. С бесстрастным лицом она возвратила талисман на прежнее место и подняла пораненный палец над кубком. В воду закапала кровь. Свет огня приглушил красный цвет, и только дымчатые темные завитки расползались по поверхности воды после каждой капли. Удовлетворенная, старуха подняла серебряную чашу и, держа кубок в другой руке, возвратилась к линии прибоя.

С трудом согнувшись в церемониальном поклоне, она совершила жертвоприношение, вылив содержимое чаши в отступающую волну. Немного спустя старуха снова наполнила чашу. Возвратившись к костру, она встала на прежнее место и вылила в кубок свежую воду.

На этот раз из ее уст послышались удивительно чистые звуки без слов. Она ритмично, раз за разом, повторяла все тот же мотив. Ее взор был неотрывно направлен на плоскую, спокойную поверхность жидкости. Голова ее дрогнула, и вскоре старуха уже кивала и раскачивалась в такт песнопению. Оставленный без присмотра костер стал гаснуть. Куски дерева падали на горящие угли и вспыхивали, превращаясь в пепел. Голова в капюшоне резко наклонилась вперед. Песнопение оборвалось. Ветер усилился, и от резких порывов старуху пробирала дрожь. Волны прибоя почти докатывались до ее ног. Колдунья продолжала раскачиваться. Мех на спине накидки встал дыбом, как у мокрой злой кошки.

В кубке появились маленькие волны. Старуха задергалась, ее руки выскочили из рукавов, хватая пригоршнями песок и камни. В экстазе она издала глухой стон. Ее тело резко наклонилось вперед. Из-под капюшона появилась серебристая нить слюны, подхваченная ветром.

Женщина забормотала. Ей ответил другой голос — низкий и властный.

Это было жутко. Похожий на звериный рык голос исходил из ее крошечного тела. Слова были неразличимы. Утробные, сырые, они схватывали шипение моря и превращали его в некое шумное, пузырящееся подобие речи.

Иногда к старухе возвращался ее обычный голос, и она подобострастно приседала и вертелась в отвратительном раболепстве.

Странная беседа продолжалась, пока костер не погас. Но вот странный голос прозвучал в последний раз, и старуха неуверенно, как будто проснувшись, выпрямилась. Обессилевшая, она чуть не упала от порыва ветра. Опершись на посох, отставила в сторону треногу и кубок и склонилась над красно-черными останками костра, под ветром и дождем пытаясь согреться последним теплом.

Поднявшись, она достала из-под своей накидки деревянный свисток. Ветер подхватил пронзительный звук и унес его через валуны в сторону материка. Через несколько мгновений показался мужчина, тяжело бегущий по краю природного амфитеатра. Огромный, в меховой

шапке, накидке и брюках, он был в полтора раза выше старухи. Он резко остановился, разбросав в стороны гальку. Скрестив руки, мужчина снова двинулся вперед, и стало заметно, что он хромает. Он заговорил со старухой:

— Я здесь, Слезы Нефрита. Ты закончила?

Та даже не взглянула на него. На жестком грубоватом лице мужчины промелькнуло выражение обиды. Оно сменилось озабоченностью, когда рука колдуньи опустилась, почти выпустив посох. В ужасе, беспомощно протянув к ней руки, мужчина смотрел, как ее жестоко вырвало.

Наконец старуха выпрямилась, и он сказал:

— Это все от грибов, которые ты ешь, чтобы приготовиться к этим встречам. Тебе становится все хуже. Раньше у тебя только кружилась голова, но никогда не тошнило. Это слишком тяжело для тебя.

Слезы Нефрита отбросила капюшон, не обращая внимания на брызги прибоя и дождь. Ее лицо призрачно белело на фоне темной одежды и черной ночи.

— Твой язык тебя погубит, дурак. Грибы — пища богов, от нее я слышу слова Сосолассы. Ты хаешь то, что позволяет мне общаться с божеством?

В голосе мужчины слышалось отчаяние:

— Гриб тебя убивает!

Старуха задохнулась, ее голос поднялся до пронзительного визга.

— Ты говоришь о смерти в присутствии того, кто сам является смертью? Молись! Молись, Лорсо, прежде чем Он тебя приберет. — Старуха схватила его за запястья. — Не оборачивайся. Не смотри. Может быть, именно сейчас к тебе тянется холодное щупальце, замораживающее сердце. Увидеть — значит умереть.

Задрожав, мужчина закрыл глаза. Побелевшие губы беззвучно шептали молитву. Слезы Нефрита внимательно и бесстрашно смотрела в море. Она была подобна какому-то небольшому, похожему на хорька животному, защищающему свое потомство. Постепенно успокоившись, она отпустила руки Лорсо.

— Мы в безопасности. Он простил тебя. Пока.

Лорсо несколько раз судорожно вздохнул, не осмеливаясь взглянуть на море. Следуя ритуалу, он произнес:

— Позволит ли мне Женщина-Дух прикоснуться к священным предметам?

Лорсо уже протянул руки, когда его остановило шелестящее «нет»: Осторожно выпрямившись, он ждал. Старуха сказала:

— Ты должен услышать. Сосолacca меня предупреждает. На востоке поднимаются враги. Я вижу мужчину-солнце, яркого и прекрасного. Я вижу женщину. Она темная, но сияет подобно ночному морю, играющему со звездами. Цветы земли склоняются перед нею в любви и согласии. Мужчина — завоеватель, такой, который приходит править, а не грабить. Эти мужчина и женщина — дети пророчества. — Она сделала паузу, сплюнула. — Он — земная крыса, море ему незнакомо, из тех, кто роется в земле для пропитания. Женщина тоже земная крыса, она еще хуже, чем мужчина. Она зла. Она бросает вызов, называя его любовью. Я чувствую проклятие излишнего знания. Она не подчиняется законам, определяющим, чем должны быть повсюду все женщины.

Слезы Нефрита замолчала. Затаив дыхание, Лорсо ждал. Наконец старуха продолжила:

— Сосолacca говорит, что мужчина, собирающийся всех завоевать, бросит своих солдат против Скэнов — против нас, правящих всем, что соприкасается с царством Сосолассы. Божество жаждет пожрать этих самонадеянных мертвецов. Слезам Нефрита приказано уничтожить детей пророчества. Сосолacca будет божеством для всех.

Старуха широко раскинула руки и завертелась волчком, впитывая смятение и ярость ночи. Лорсо ждал, пока она не успокоится.

— Ты, взрастившая меня с пеленок, знаешь, что я с радостью и гордостью убиваю во имя Сосолассы. Мне уже не сосчитать, сколько жизней я отправил в Глубокий Покой. Я хочу убить этих детей пророчества, но ведь они находятся под его защитой. Говорит ли

Сосоласса, что защитит нас от их божества?

Натянув на голову капюшон, старуха неторопливо обернулась. Ее взгляд обжег возвышавшегося над ней человека.

— Сосоласса не дает обещаний, он приказывает.

Ее когтистые пальцы протянулись, чтобы погладить Лорсо по щеке. Тот мигнул; белки его глаз сверкали, как у испуганной лошади. Старуха продолжила, обращаясь больше к себе самой, чем к мужчине:

— Могучий Лорсо. Поработитель. Не ошиблась ли я, избрав тебя? Не ты ли возвысился и превратил Скэнов в правителей Великого океана и питающих его рек? Мне нужен мужчина, который бросит вызов армиям, а мой Лорсо дрожит от страха перед мужчиной и женщиной. Я стара и устала. Должна ли я воспитать другого мальчика, чтобы он занял место Лорсо, кто будет искренне любить меня и повиноваться нашему божеству?

Лорсо бросился на колени.

— Я присягнул тебе, Слезы Нефрита. Это всем известно. Приказывай! Я подчиняюсь. Я — твое орудие.

Старуха взяла его голову в свои руки.

— Я знаю, сын мой. Знаю. Мой безотказный Лорсо. Мне не следовало тебя дразнить. Но я предвижу губительные, катастрофические перемены, исходящие от этих врагов. Ты можешь быть лишь одним из моих орудий. Мне понадобится другое. Не более мощное. Не более смелое. Более хитрое и ядовитое, Лорсо. И ты мне его добудешь.

Лорсо быстро кивал, сияя от преданности. Все же, когда колдунья зашагала прочь, его рука украдкой легла на рукоять меча. Он глянул в сторону вздымающегося прибоя, и на лице его мелькнула болезненная тоска. Лорсо вздохнул и покачал головой. Подняв священные атрибуты, он поплелся за ней.

Книга первая
Зло

Глава 1

Последние лучи солнца окрасили золотом темнеющую поверхность Внутреннего Моря. Свет, скрытый весь день серо-стальными тучами, вырвался на свободу, ослепительно торжествуя. Почти горизонтальные потоки чистой энергии оттенили высокие ели и крутые берега островов Морской Звезды.

Море заволновалось при этой мгновенной перемене, будто предчувствуя, как быстро исчезнет эта красота и как темна будет пришедшая ночь. Но люди были слишком заняты, чтобы обращать на это внимание. Со смехом и прибаутками последняя тяжело нагруженная лодка была вытащена далеко на берег. Ее экипаж — отец и сын — показали лоснящихся тунцов и, как все рыбаки, повеселили компанию байками о последней рыбище, которой удалось уйти. Рассказ продолжался и после того, как все потянулись в сторону лагеря.

Эти люди были из племени Фор с недалекого полуострова Китового Побережья. Каждую весну они приплывали сюда для заготовки рыбы. Закончив последнюю песню и посмеявшись над последней шуткой, они разошлись спать по хижинам.

Оставленный без присмотра затухающий костер время от времени разгорался, и языки пламени отражались в воде, напоминая открывающиеся злобные глаза.

Недалеко от берега какой-то морской хищник схватил добычу. Первобытное торжество и ужас послышались в раздавшихся всплесках. Один из двух часовых племени Фор пошевелился. Его стеганая одежда на гусином пуху успокаивающее согревала. Мягкая поношенная кожа остро пахла шкурой и дубильными веществами. На другом конце лагеря часовой дремал, клюя носом.

Узкий, похожий на остро отточенный нож, акулий челн Скэнов осторожно пробирался к берегу. Шепотом Лорсо отдавал команды своему кормчему. Промасленные кожаные

уключины заглушали скрип весел. Море одобрительно плескалось о корпус челна.

На носу челна красовалась резная фигура огромного белого медведя с угрожающе разинутой пастью. Его голодные глаза высматривали берег.

Снова вода была потревожена нападением хищника, но гребцы даже не взглянули в ту сторону. Воины Скэнов жили в убеждении, что они и есть самые грозные морские хищники. Малые победы низших существ не имели никакого значения.

С тихим скрипом корпус челна заскользил по дну. Быстро, но осторожно двое воинов спрыгнули в воду и поспешили на берег. Один из них распутывал прочный канат из плетеной кожи. На корме медленно опустили якорь. Через мгновение канат, прикрепленный к носу, туго натянулся, и Лорсо возглавил высадку нападающей группы.

Одетые в черное, с лицами в боевой раскраске, воины сливались с ночным мраком. У каждого на спине куртки красовался белый знак — большое стилизованное изображение орла, медведя, комара. Ориентируясь по этим ритуальным изображениям, колонна бесшумно двигалась на лагерь, как смертельно опасный зверь с множеством ног.

Несмотря на хромоту, Лорсо шел довольно быстро. Он принюхивался к дующему со стороны лагеря ветерку, одновременно поворачивая голову и вслушиваясь в привлекший его внимание звук. Обоняние говорило ему о многом; кедровый и еловый пепел был еще теплым. В лагере ели тунца. И еще что-то, наверно тюленей. Остро пахло теплой кровью.

Раздался прежний звук. Пригнувшись еще ниже, Лорсо повернулся, осматриваясь боковым зрением. Он вслушивался и всматривался в тайны ночи, как паук, воспринимающий мир через подергивание своей паутины.

Впереди кто-то храпел. Отступив к ближайшему Скэну, Лорсо указал на неясно видневшуюся фигуру спящего часового. Воин застыл над своей жертвой, а Лорсо с остальными нападающими двинулись вперед.

До хижин оставалось всего несколько шагов, когда Лорсо остановился. Повернувшись так, чтобы из лагеря не был виден белый медведь на спине куртки, Лорсо распределил своих людей. Всего их было двадцать человек, не считая его самого.

Выпрямившись, Лорсо обратил лицо к небу. Его крик разорвал ночную тишину. Скэны были у хижин прежде, чем затих этот жуткий звук.

Каждый воин был вооружен копьем и мечом. Они насквозь протыкали кожаные стенки хижин. Если из дверей хижины кто-то выбегал, его встречал удар меча. Некоторые воины Форов были настолько сильны, что приподнимали хижину и выкатывались из-под нее. Они сражались отчаянно и безнадежно.

Раздавались внезапно обрывавшиеся крики ужаса, слышался плач детей. Женщины рыдали над своими чадами. Все это перекрывалось хриплыми и жестокими боевыми кличами.

Вскоре все было кончено.

Скэны ловко и быстро вязали пленных, затыкая им рты. Проверяли убитых, искали среди них притворяющихся мертвыми и прячущих оружие. Из оставшихся в живых приканчивали тех, кого из-за полученных ран нельзя было продать в рабство. Лорсо взглянул на сбившихся в кучку, объятых ужасом пленников.

— Разведите огонь! — приказал он. Воины поспешно выполнили приказ.

Большинство Скэнов рылись в разбросанных повсюду пожитках побежденных Форов. Схватив за плечо одного особенно рослого Скэна, Лорсо сказал:

— Возьми троих человек и доставь ее сюда.

Даже боевая раскраска на лице воина не смогла скрыть его гримасу.

— Почему я, Лорсо?

Лорсо улыбнулся. Это была далеко не дружелюбная улыбка.

— Потому, что ты ей нравишься. Ты хочешь, чтобы я рассказал Слезам Нефрита, что ты ее не любишь?

Воин мгновенно повернулся, подозвал троих, и они рысцой направились к челнам у берега.

Лорсо крикнул, чтобы принесли побольше дров, и в свете разгоревшегося огня стал ковыряться концом меча в остатках хижины. Рывком раскрыв корзину, он нашел сочных копченых устриц и принялся за еду, скрестив ноги и рассевшись среди разрушений, как на пиру. Глубоко задумавшись, он размеренно жевал, не обращая внимания на плач детей и другие звуки продолжавшегося погрома.

Лорсо знал, что у этих людей не было ничего действительно ценного. Кроме, возможно, одной вещи. Лорсо вздрогнул и тут же оглянулся, проверяя, не заметил ли это кто-нибудь. Что-то приближалось в темноте. Поднявшись, Лорсо пинком опрокинул корзину с устрицами.

— Подведите пленников сюда, к свету.

Загрубевшие от весел руки Скэнов рывком подняли пленников на ноги. Не обращая внимания ни на раны пленников, ни на испытываемую ими боль, воины быстро выстроили их в ряд.

Когда Лорсо снова повернулся к берегу, в свете огня показалась четверка его воинов, несущих на плечах платформу. На ней находилась сидящая на стуле темная фигура. Опираясь на копья, воины осторожно продвигались со своей ношей. Подойдя к костру, они с почти смешными предосторожностями опустили платформу на землю.

Заостренные туфли Слез Нефрита высунулись из-под широкой юбки, похожие на черные когти сидящей на насесте птицы.

Плоская плетеная шляпа закрывала лицо, руки прятались в рукавах накидки. Накидка была темно-зеленого цвета, местами на ней сверкали белые блестки, как будто старуха была одета в кусочек моря.

— Лорсо, подведи их поближе, мне нужно хорошенько их разглядеть. — Ее голос был тихим и мягким, как дым, и в то же время в нем чувствовалась ужасающая властность.

Жест Лорсо был излишним — Скэны повиновались.

Слезы Нефрита с угрожающей медлительностью повернулась и взглянула на Лорсо.

— Зачем ты меня злишь? Разве я не сказала, что мне нужно?

Заикаясь, Лорсо промямлил:

— Сегодня днем… Ты сказала — рабы для домашних работ. Я думал…

Резким голосом она его оборвала:

— Ты думал… Избавься от всех, кроме тех, кто мне нужен.

Снова Скэны пришли в движение, не дожидаясь приказа Лорсо.

Слезы Нефрита смерила взглядом двух донельзя испуганных молодых женщин, которых выволокли из толпы и поставили перед старухой. У обеих была светлая кожа и темные волосы, которыми так гордились женщины Форов. Падающие в беспорядке длинные пряди волос развевались на ветру. Традиционные тесно прилегающие платья до колен не скрывали полных жизненными силами тел на пороге полного расцвета женственности.

Среди собравшихся вокруг Скэнов раздался звук, похожий на дикое утробное ворчание.

Молодые женщины стояли так близко от Слез Нефрита, что она могла бы дотронуться до них. Несмотря на это, старуха еще ближе наклонилась к ним.

— Вы знаете, кто я?

Напуганные до ужаса, с кляпами во рту, обе женщины замотали головами.

— Меня зовут Слезы Нефрита. Вам известно это имя?

Глаза молодых женщин еще больше расширились от страха.

Испытывая наслаждение от их ужаса, старуха почти замурлыкала:

— Женщина-Дух Скэнов. Служительница божества, говорящая с мертвыми, нож, разрезающий вуаль, скрывающую будущее. Развяжите их. Выньте кляпы.

Пока двое воинов выполняли ее приказ, Слезы Нефрита продолжила:

— Теперь вы можете бежать. В руки этих мужчин. Вы молоды. Красивы. Они получили бы большое удовольствие от вас.

Однако они быстро пресыщаются. Тогда они ищут… более грубые развлечения.

Лучше, чтобы вы не бежали. Улыбнитесь мне.

Остолбеневшие девушки уставились на нее.

— Улыбнитесь. — Щуплое тельце наклонилось вперед. Одна девушка зарыдала. Вторая состроила дикую гримасу. — Повернитесь. Медленно. — Девушки обернулись кругом, и Слезы Нефрита освободила из-под накидки узловатый палец, указав на более высокую. Сделав два быстрых шага, Лорсо встал перед ней. Схватив в кулак длинные распущенные волосы девушки, он запрокинул ее голову. Другой воин схватил ее за руки. Прежде чем она успела закричать, у ее горла мелькнул нож Лорсо. Высокий воротник ее платья раскрылся. Еще одним взмахом Лорсо распорол платье сверху донизу, и стоящий рядом воин сорвал платье с девушки. Обнаженная, безмолвная от ужаса, девушка смотрела мимо Лорсо на Слезы Нефрита.

Снова в толпе воинов прозвучало утробное ворчание, на этот раз более настойчивое. Одна из лежащих на земле женщин задергалась, нечленораздельно пытаясь что-то прокричать через кляп. Воин ударил ее ногой. Заглушенные крики превратились в рыдания.

Слезы Нефрита произнесла:

— Лорсо, мы возвращаемся домой. Найди для этой одежду. — Голова древней старухи медленно поворачивалась от одного воина к другому, и каждый отрывал взгляд от обнаженной беззащитной девушки, опуская его в землю. Лорсо хотел прореветь, что они — воины Скэнов, но, проклиная себя, понял, что и сам не может выдержать взгляда этих старых ужасных глаз.

Наконец Слезы Нефрита продолжила:

— Эта девушка — моя. Вы не смеете даже думать о ней. — Обращаясь к Лорсо, она добавила: — Если та плачущая на земле женщина — мать этой девушки, сохрани ее для меня. Что до остальных — поступи с ними как прежде. Мы не можем задерживаться из-за пленников. Никто не должен остаться в живых, чтобы потом искать помощи и преследовать нас. Мы уйдем, когда путеводная звезда будет там. — И ее палец ткнул в небо, указывая, где именно.

Лорсо отрывисто отдал приказания:

— Вы четверо несите Слезы Нефрита к челну. Вы двое — снимите платье с той девушки и отдайте его рабыне Слез Нефрита.

Близко наклонившись к Слезам Нефрита, чтобы никто не мог услышать его слова, Лорсо все же должен был повысить голос, чтобы перекрыть крики отвергнутой девушки, когда ее оттаскивали воины.

— Ты уверена, что нашла ту, которая нужна? Как ты это знаешь?

Раздался смех Слез Нефрита.

— Я просто знаю, и для тебя этого достаточно. Твоя забота меня трогает. Ты видишь — она девственница, не поранена. Она будет моим орудием, точно так же, как и ты. У меня теперь есть имена: Гэн Мондэрк и Жрица Роз Сайла. Гэн будет править государством. Сайла изменит бесхребетную религию, которая называет себя Церковью. Я должна их уничтожить, чтобы Сосоласса и народ Скэнов взяли власть. У меня мало времени — год, максимум два. Затем тот, кто ждет в Глубоком Покое, будет пировать.

— Скажи мне, как помочь. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

Слезы Нефрита жестом подозвала своих носильщиков. Ее подняли на платформе, и старуха протянула руку вниз к Лорсо. Холодные сухие пальцы скользнули по его бровям и губам.

— Бедный Лорсо. Ты никогда не понимаешь. Дело не в удовольствии. Моя цель — уничтожить детей пророчества, чтобы имена Гэн и Сайла стали синонимами стыда и позора. — Она выпрямилась и жестом приказала себя унести.

Глава 2

Гэн Мондэрк выпрямился, завидев яркие флаги своих Волков. Стоя в стороне от

обступивших его людей, он испытывал весьма противоречивые чувства — удовлетворение от того, что ему удалось сделать, и изматывающее бремя ответственности. Подходило к концу его первое лето — первое лето правителя Трех Территорий. Хотя иногда ему казалось, что оно уже сотое.

Могло статься, что оно будет последним.

Сначала на них обрушился мор, а теперь война. Всем племенам пришлось тяжело. Когда Гэн присоединил Олу и Харбундай к своему народу, он надеялся: мир и процветание обеспечены. Не тут-то было. Новый странный враг пришел с севера. И теперь Гэн должен был остановить чужаков.

Мысленно Гэн посмотрел на себя со стороны. Высокий. Светловолосый. Он до смешного гордился своей необычайной физической силой и умением обращаться с оружием. Ему с трудом удавалось скрывать эту гордость. Жена утверждала, что он красив. Он уверял себя, что Нила пристрастна, втайне надеясь, что она права. Ее собственная невероятная красота была несомненна. Так же, как и красота их сына Колдара, который искренне верил, что можно прекрасно бегать, не умея как следует ходить.

Семья — это было самое лучшее в жизни Гэна.

Но не в этом состоял ее главный смысл.

Гэн Мондэрк правил.

Был ли он достаточно хорош? Заслужил ли право быть правителем, или он — один из тех, кто вознесся на вершину лишь по везению и низвергнется в пропасть, не справившись с тяжелой ношей?

Его мать предсказала, что он принесет славу Людям Собаки. И еще она говорила, что в его жизни всегда будет два пути. Сегодня — день выбора.

Кольчуга Гэна сверкала в лучах утреннего солнца. Медная рукоять меча изображала касатку, а лезвие имело форму наконечника копья. Такой меч Люди Собаки называли «мурдат». Хвостовые плавники касатки образовывали широкое основание, а из зубастой пасти выходило лезвие. Рядом с Гэном лежал его боевой пес Шара. Этим утром на его шее красовался широкий, усеянный острыми шипами боевой ошейник.

Волки Джалайла первыми прошли через Восточные ворота Олы. Они маршировали с песнями, построившись в колонну по четыре человека. Обычно их было пятьсот, но сейчас — значительно меньше. Одежда воинов была белых и черных цветов — цветов Джалайла, но звание первой Волчьей стаи давало им право носить на высоко поднятом вымпеле личные цвета Гэна Мондэрка — красный и желтый. Когда они вышли из обитых медью ворот, над полями прокатился гром огромных барабанов, которые везли на повозках. Казалось, что сотрясенный воздух как по волшебству затвердел и теперь сотрясал внутренности всех, кого касался. Мысленно Гэн усмехнулся, подумав, насколько он сам подвластен этой силе — едва ли он мог признаться в этом кому-либо другому.

Гэн все еще ощущал себя воином, Ночным Дозорным племени Людей Собаки. Он подумал, не разглядел ли кто-нибудь другой в нем испуганного, неуверенного в своих силах юношу, от всего сердца желающего сбросить с плеч груз ответственности, который обязан был нести.

Присмотревшись к марширующей колонне, он отметил, как много его воинов хромает, как неловко многие из них взмахивают рукой. Его кавалеристы, понурив головы, сидели на шаркающих копытами лошадях.

Прошло едва ли две недели, как многие из них поднялись после болезни и встретили первую волну вторгшихся на земли Трех Территорий воинов Ква и их новых союзников, спустившихся с Гор Дьявола. Этот первый натиск заставил войска Гэна откатиться на юг к укреплениям Олы. Теперь в двух днях похода на восток наступала еще более многочисленная армия Ква и горцев, чтобы завершить покорение только оперившихся Трех Территорий.

В нескольких шагах от Гэна стояла группа мужчин. Все, кроме одного, были одеты в доспехи, украшенные стальными полосками и нашлепками, сделанные из кожи бизона. Кожу

сперва варили в масле, пока она не становилась податливой, затем прижимали к человеку, чтобы она, высыхая, приняла формы его тела. Такие доспехи защищали от ударов меча и стрел, кроме выпущенных с близкого расстояния. Кажущиеся украшениями стальные полосы усиливали их защитные свойства. Ноги воинов были защищены высокими сапогами, а бедра и пах — кожаным фартуком с такими же украшениями.

Человек, одетый иначе, шагнул вперед и стал справа от Гэна. Необычным в его одежде был разрез справа, позволяющий легко доставать пистолет из кобуры на поясе. Огнестрельное оружие казалось диким на фоне доспехов, мечей и кинжалов. Тем не менее этот человек не вызывал никакого удивления у своих товарищей.

Гэн заговорил с ним, и чувствовалось, что они давние и хорошие друзья.

— Ну, Луис, каждый приводит свой довод против этого последнего моего хода. Наверное, наступила твоя очередь?

Уловив мелькнувший на лице Луиса испуг, Гэн усмехнулся. Луис выпрямился:

— Тогда я не буду тратить время впустую. Нужно защищать стены города, пусть Ква и горцы идут к нам. У нас есть мой черный порох. У тебя есть я, Бернхард, Анспач и Картер. На этих стенах каждое оружие-молния стоит от тридцати до пятидесяти человек. — Для убедительности Леклерк шлепнул рукой по пистолету.

Не произнеся в ответ ни слова, Гэн вопросительно поднял брови. Леклерк покраснел.

— Ладно, забудем о Картер и Анспач. Они против убийства, считая это неправильным, вот и все. И хоть Бернхард — тоже женщина, но я верю, что она встанет рядом со мной. Мы отобьем атаку на любую из этих стен.

Гэн положил руку на его плечо, заставив Луиса идти рядом с собой. Тихим голосом он повторил последние слова Леклерка:

— Отобьем… Я тоже обратил внимание на выражение лица твоей Бернхард, когда сказал, что оборона должна быть агрессивной. Ладно, мы поступим так, как считаем лучше. А это возвращает меня к вопросу об обороне. Не забывай, что многие из этих горцев были союзниками короля Алтанара. Это давнишние смертельные враги моего народа. Мы неспроста называем их Дьяволами. Теперь они вернулись со своими северными братьями. Они будут охотиться за тобой, поверь мне. Капитан найонского корабля, который стоял здесь дней десять тому назад, сказал, что Скэны плывут на своих акульих челнах. Их очень много — столько никто раньше не видел. Их прибытие ожидают через два дня после атаки Ква. Какую стену ты тогда будешь защищать?

Леклерк упрямо повторил:

— Тем более нужно сидеть на месте. Заставь их приблизиться к нам, используй с выгодой для себя нашу огневую мощь.

— Огневую мощь. — Гэн натянуто усмехнулся. — Ты имеешь в виду оружие-молнию и разрушающий все черный порох? «Огневая мощь»… Да, в твоем языке есть образные слова. Но подумай… Сейчас середина лета. Из-за мора мы забросили поля и скот. Если я не смету этих захватчиков, они учинят грабеж и бойню моего народа, уничтожат наш и так скудный урожай. Для выживших зима будет означать голодную смерть. Тогда что хорошего в том, что сегодня стены Олы устоят?

— Почему воины Людей Собаки сидят к востоку от Гор Дьявола, пока на западе ты сражаешься с общим противником?

— Мое племя больше остальных пострадало от мора. С востока его теснят Поедатели Бизонов. На север продвигаются кочевники, поклоняющиеся луне. Люди Собаки не могут нам помочь. Луис, я должен, атаковать прежде, чем объединятся мои враги. Я должен уничтожить и Ква, и Дьяволов, а потом разбить Скэнов.

— А что, если ты проиграешь?

На лице Гэна неожиданно появилось угрожающее выражение.

— Я должен победить. Иначе — рабство. На это я не соглашусь.

Его правая рука легла на рукоять меча. На побледневшем лице сверкали синие глаза, напомнившие Леклерку странный зловещий цвет льдов на горе Отец Снегов. Между тем Гэн

продолжил:

— Однажды похитили мою жену, а с ней и нашего еще не родившегося сына. Мы с Нилой решили: или живем свободными, или погибнем свободными.

Какое-то время Леклерк не мог сказать ни слова. При каждом вдохе его пронизывала боль. Что ж, вроде все ясно. Он уже повернулся, чтобы уйти, но неожиданно остановился.

— А как насчет Конвея и Тейт? Если воины племени Собаки, направившиеся на юг к Дому Церкви, нашли их, то они скоро будут здесь. Разве ты не можешь немного обождать? Тейт и Конвей сами по себе стоят армии.

Гэн ответил с отсутствующим видом:

— Если их обнаружили и они еще живы, и явятся сюда вовремя, это изменит многое. Я переполнен множеством «если» и «возможно». Луис, я могу позволить себе все, что угодно, кроме нерешительности и напрасной траты времени.

«И человеческих чувств», — подумал Леклерк, удаляясь от Гэна. И тут же устыдился — уж кому, как не ему и его друзьям, которые вместе с ним переделывали этот мир, знать о человечности Гэна.

Леклерк присоединился к группе ожидавших людей, не обращая внимания на их явное нетерпение узнать, что сказал Гэн. Леклерк мысленно возвратился в то время, когда они выбрались из криогенных капсул, сохранивших жизнь членам их группы, и открыли этот новый мир.

Временами он оценивал этот дар как глупейшую шутку в какой-то сумасшедшей комедии, приведшей к уничтожению всего, что ему было знакомо.

Мир, в котором родился Луис Леклерк, сам себя уничтожил. Природа со свойственными ей бесконечным терпением и добротой стерла большинство ядерных шрамов, но оставались места, где по милости человека поверхность земли спеклась в остекленевшую массу. Сверкание таких участков в лучах солнца служило укором для понимающих.

А понимали это только выходцы из тех криогенных капсул. Они знали также о нервно-паралитических газах и ужасных искусственно созданных болезнях. Немногие уцелевшие научили своих потомков, что все оставшееся после светопреставления опасно. В этом была доля истины. Останки городов служили вместилищем заразы, радиации и химического загрязнения. Вначале служившие прибежищем для укрывавшихся от ядерной зимы, они превратились в рассадники болезней. Люди избегали творений человека. Самонадеянность людей, разрушивших мир, приписывалась знаниям, и образование предали анафеме.

Леклерк и его друзья появились в этом мире благодаря высшему технологическому достижению человечества — криогенному устройству, на более чем пять веков остановившему для них ход времени. «Проснувшись», они попали в общество, где умение читать и элементарное знание арифметики считались настолько опасными, что допускались только для Избранных. Люди этого мира извлекали из разрушенных городов металл, керамику, стекло. Любые найденные книги немедленно уничтожались под наблюдением Церкви, монотеистической религии, которая представлялась Леклерку причудливой смесью христианства, иудаизма и медицины.

Он подумал о своих отсутствующих друзьях. Доннаси Тейт — профессиональный военный. И Мэтт Конвей — бывший уличный регулировщик, в этом мире ставший воином по призванию.

Им удалось спасти жизни его друзей, когда те были захвачены королем Алтанаром.

Только таким бойцам, как Тейт и Конвей, Гэн Мондэрк мог позволить сопровождать Жрицу Роз Сайлу в ее походе за тем, что Церковь называла «Вратами». Особенно с их оружием. Оно также сохранилось на протяжении веков. Это было легкое пехотное вооружение, автоматы — «вайпы» и пистолеты. Рука Леклерка скользнула к пистолету. Неожиданно он осознал, что ни разу не стрелял из нею с тех пор, как Гэн сверг короля Алтанара. Тем не менее через два дня придется.

Леклерк вздохнул. Он надеялся мирно провести остаток своей жизни в Трех

Территориях Гэна. Напрасные мечты. В этом мире покой заканчивался при твоем рождении. И возвращался только после смерти.

Если при помощи «вайпа», который теперь назывался оружием-молнией, не удастся повернуть вспять поток, наступающий на Три Территории, Луис Леклерк познает все, что касается вечного покоя.

Он увидел себя неловко распростертым на земле. Из груди торчит оперенная стрела. Живот распорот, открывая взору мокрое месиво внутренностей. Вздрогнув, Леклерк отвернулся. Часто моргая, он прогнал видение прочь.

Потрясенный, он почувствовал, как по его нервам пополз страх. Леклерк вытянул руку — она не дрожала. Но он понимал: в нем жил страх, как болезнь. Вздрагивая от подавляемых рыданий, он приказал себе спрятать его как можно глубже, чтобы никто о нем не узнал. Это было его единственной надеждой. Трусам здесь не было места.

Обратив наконец внимание на остальных людей, Леклерк ответил на их вопросы.

— Мурдат[1] должен нанести удар. Войска не будут отозваны. Мы, его бароны, его командиры, должны позаботиться о том, чтобы Мурдат нанес верный удар и чтобы каждый удар был смертелен. Мы победим. Так будет.

Человек, которого звали Эмсо, седой, покрытый шрамами воин, вынул из ножен свой меч. Он был среди первых, присягнувших Гэну в те времена, когда тот был только блуждающим отверженным. Теперь он нес свой мурдат точно так, как это делал его вождь. Эмсо плашмя ударил мечом по своему щиту.

— Мурдат! — В его крике слышалось дикое ликование воина. Эмсо повторил свой клич еще громче. Его подхватили бароны.

Услыхав этот дружный рев, Волки присоединились к нему.

Как буря, их клич пронесся над полями и отразился от стен города. «Мур-дат! Мур-дат!» Хор голосов гремел все время, пока выходили из города остальные полки со своими барабанами.

Гэн вслушивался, наблюдая за потоком воинов, змеившимся вдоль дороги. Закусив губу, он пытался справиться с комком в горле. Он не был уверен, чем именно вызваны навернувшиеся слезы: гордостью и любовью, которые он испытывал к этим людям, или страхом за их судьбу. Он страстно желал, чтобы время остановилось и это мгновение длилось вечно.

Глава 3

Кейт Бернхард ждала у Восточных ворот, когда к ней подъехал Леклерк. Она куталась в черный широкий плащ служительницы Церкви, который носила почти всегда, как и две другие женщины, пережившие Апокалипсис в криогенных капсулах и теперь оставшиеся в Оле. Четвертая, Доннаси Тейт, была единственной среди них, ищущей приключений.

Бернхард глубоко сочувствовала жрицам Церкви и их усилиям придать некое подобие цивилизованности мириадам существовавших в этом мире культур. Это вызывало у Леклерка уважение. Он уважал за это и Сью Анспач с Дженет Картер, хотя ему казалось, что они уж чересчур увлеклись делами Церкви. Еще немного, и они станут большими ортодоксами, чем их духовные наставницы.

Бернхард помахала ему. Он махнул в ответ; его неожиданный взмах заставил шарахнуться в сторону проходившую рядом вьючную ламу. Леклерк обернулся, собираясь извиниться перед торговцем, и по бело-черному полосатому поясу узнал в нем выходца из Джалайла.

— Никаких проблем, Луис! — Он рассмеялся, увидев удивление Леклерка. — Это мое первое возвращение в Олу. Почти год назад я вместе с Гэном Мондэрком мчался в атаку

---

[1] Мурдат — прозвище, данное Гэну Мондэрку воинами.

через эти поля. Я сражался под красно-желтыми цветами стаи Джалайла. Будет чем похвастаться перед своими внуками! Расскажу им о чужестранцах, которые нам помогли. Ты тот, кто дал нам гром, разбивший двери короля Алтанара. Благодаря тебе многие из нас сегодня живы. — Немного помолчав, он продолжил, как показалось Леклерку, с нарочитым весельем: — Как только распродам эти меха, присоединюсь к добровольцам на стенах. На тот случай, если Ква оттеснят Мурдата обратно в город. Не думал, что доживу до того дня, когда буду предлагать свои услуги для защиты старой каменной коробки Алтанара!

На прощание он отсалютовал, прижав правый кулак к челюсти около уха.

Слова этого человека напомнили Леклерку о беседе с Гэном, и его снова охватило раздражение. Построенный из камней и кирпича, город представлял собой вполне пригодную для обороны позицию. Окруженный стенами замок стоял на краю скалы, круто обрывающейся к Внутреннему Морю. Перед замком расстилался ровный луг, где у нападавших не было ни малейшего шанса укрыться от стрел. Или от огнестрельного оружия. Стены города и замка были высокими, крепкими, с башнями, удобными для фланговой стрельбы. Кроме того, противники Алтанара когда-то построили под городом сеть подземных ходов.

У ворот Леклерк снова посмотрел на Бернхард. Без особой надежды он поискал глазами Картер и Анспач. Бернхард догадалась, кого он ищет, и, поймав его взгляд, с упреком сказала:

— Сожалею. Дженет и Сью… — Она указала рукой на то место, где рядом с ней должны были бы находиться ее подруги. — Им не по душе, что ты уезжаешь на войну с Гэном. Они считают, что нужно попытаться вести переговоры, найти компромисс.

— Разве они не погашают, что это — борьба не на жизнь, а на смерть?

Подойдя ближе, Бернхард положила руку на удила пританцовывающей лошади Леклерка.

— Успокойся, Луис. Ты заставляешь лошадь нервничать, а ведь ты не очень хороший всадник.

— Лошадь в порядке. Едва ли можно считать, что я отправляюсь на войну. Я просто обеспечу огневую поддержку…

— Мы. Мы обеспечим огневую поддержку. Я тоже еду.

Леклерк преувеличенно поморщился.

— И ты сказала об этом Дженет и Сью? Тут потребовалось больше храбрости, чем на войне!

Смех Бернхард был под стать ее дородной фигуре и манере держаться. Она была плотной женщиной, невысокой, но крепкого сложения. Никто не посчитал бы ее красавицей, но изначально присущая ей женственность была намного привлекательней, чем ей самой это могло прийти в голову. Леклерку всегда казалось, что, когда Бернхард расслабляется, ее лицо принимает выражение скрытой грусти, будто есть нечто такое, чем она хочет поделиться, но никак не решается это высказать.

— Я хорошо стреляю, — сказала Бернхард. — Я сильная. До того места, где Гэн собирается встретить Ква и их союзников, всего два дня пути. Мы однажды уже столкнулись с Дьяволами, Луис. Я знаю, что нас ждет, если они победят. Бой будет отчаянным.

— Все не так уж плохо. — Леклерк тревожно оглянулся. Не хватало еще и моральных проблем.

— Я работала в лечебнице вместе с целительницами. Раненые и больные, еще не оправившиеся после эпидемии, заставляли себя подняться с постели и вернуться в войско. Целительницы не помнят, чтобы прежде здоровые терпели рядом с собой только что выздоровевших. Ты знаешь, как они обычно избегают всех, кто соприкоснулся с эпидемией, и даже тех, кого лишь подозревают в этом. Дела обстоят даже хуже, чем просто плохо.

— Тем больше причин, чтобы ты осталась здесь. Нам надо бы обучить некоторых Волков, как пользоваться этим оружием.

Бернхард сжала губы.

— Мы все согласились, что последний наш шанс в этом мире — «вайпы» и пистолеты, умение с ними обращаться. Если кто-то убьет одного из нас и завладеет оружием, он не сможет обратить его против наших друзей. Так должно быть.

Тихо засмеявшись, Леклерк спешился. Бернхард пошла вслед за ним к его жилищу.

— Наша жизнь — сплошная ирония, — проговорил Леклерк. — Я вызвался участвовать в опыте с капсулами, посчитав, что оказаться в выжившем мире будет волнующим приключением. Я покинул свой мир с надеждой, что, проснувшись, воссоздам точно такую же культуру.

Бернхард следила за ним краем глаза.

— Я всегда подозревала, что ты обрадовался, когда оказалось, что мы пробыли в пещере с капсулами века, а не десятки лет.

Леклерку снова стало страшно. Он не мог поднять глаза на Бернхард. Ведь она могла заметить того трепещущего перед смертью человека, с которым он вел борьбу. Неестественно громким голосом Леклерк сказал:

— К стыду, должен признаться, что мне действительно здесь нравится. Но все равно, прежде всего я — технарь.

Он неестественно рассмеялся. Пренебрежительно махнув рукой, Леклерк продолжил:

— Я бы мог стать воином. Не таким, как Тейт и Конвей. Я бы был большим стратегом, чем они. Всю свою жизнь я мечтал стать человеком действия. И здесь я понял, что знаю слишком много, чтобы позволить себе пропасть напрасно. Это может показаться самоуверенностью, но это так. Лучшее, что я могу сделать, — это поднять уровень здешней техники. А геройствуют пусть молодые.

— Ах, прекрати. Ты просто напрашиваешься на комплименты. Тебе не может быть больше тридцати. Это был предельный возраст для добровольцев. Ты хорош собой, с милой улыбкой и добрым сердцем. Я, кстати, считаю, что все это плюс то, что ты первоклассный технарь, значительно важнее, чем воинские доблести.

Леклерк упрямо продолжил:

— Только подумай, Кейт, развитая технология усилила загрязнение, а не уменьшила. Терроризм и непрерывные войны — следствие невообразимой перенаселенности. Ты ведь помнишь, что наши современники говорили детям об интеллектуалах и технологии. Вот я заново изобрел черный порох. Ты видела, как женщины прячут своих детей при моем появлении?

Леклерк замолчал, пораженный мыслью настолько неожиданной, что она казалась откровением свыше. Ошеломленный, он тихо продолжил:

— Я раньше об этом не подумал. Черный порох позволяет не только разрушить стену или пробить кольчугу или броню. Это способ одновременного уничтожения многих одним человеком. Это простое вещество, которое даже эти люди могут делать в изобилии. Я спровоцировал весь мир перейти от боя один на один к массовому уничтожению. Они почувствовали, что я собой представляю, и неудивительно, что меня боятся.

Бернхард обхватила свои плечи.

— Ты не должен испытывать чувство вины. Гэн не страшится прогресса. Вспомни, он приказал нам обучать всех Избранных грамоте и основам арифметики.

Ответ Леклерка был грубоват:

— Избранные! Церковь покупает детей, которых работорговцы иначе убьют. Это реальный мир, Кейт, рабство. Ты забыла упомянуть, что другие твои школяры — все военные офицеры Гэна. Они учатся читать и писать, чтобы эффективнее поддерживать связь на поле боя.

— Ты считаешь, я довольна тем, что воины — это элита? По крайней мере, они сражаются с теми, кто практикует рабство. С такими, как Ква и горцы. Как Скэны. Наши Избранные и воины будут обучать других. Что, если мы сможем создать культуру, борющуюся за справедливость для всех?

Откинув голову, Леклерк расхохотался, но тут же оборвал свой смех, увидев, как

болезненно восприняла его Бернхард. С виноватой улыбкой он сказал:

— Ты душечка. Я смеялся не над тобой, честно. Я смеялся над человечеством. Каждая культура борется за справедливость. Дело просто в том, что эти кровожадные глупцы, — он сделал широкий взмах, — не догадываются, что только мы понимаем, что такое истинная справедливость.

Немного успокоившись, Бернхард фыркнула.

— Это правда. Ты меня просто дразнишь, потому что сознаешь мою правоту.

Леклерк взял ее под руку.

— Старушка Земля почти оправилась от того кошмара, который мы сотворили, но не думаю, что на этот раз она предоставит нам столько же шансов.

Глава 4

Широкая долина была погружена в тишину. Солнце ласкало раскинувшиеся луга, но на роскошной траве не было пасущегося скота. Не было видно и крестьян, собирающих урожай, и дети не вспугивали огромные стаи голубей и гусей, принявшихся разорять поля. Вороны носились над зеленой землей, подобно зловещим черным стрелам. Массивные горы, чьи склоны были покрыты хвойными лесами, нависали над долиной. Вдали еще выше громоздились Горы Дьявола.

Стоя на холме в центре долины, Гэн указал на ближнюю возвышенность.

— Они пойдут по тем параллельным хребтам, под прикрытием деревьев. Проникнув в тыл нашей обороны, они сомкнутся, чтобы отрезать нам путь к отступлению.

Седой Эмсо слушал молча. Когда он заговорил, его голос был полон сарказма.

— Если так, то не разрешить ли мне своим людям поесть как следует? А заодно отозвать разведчиков? Раз мы будем просто сидеть тут и погибать, то по крайней мере перед этим поедим и отдохнем, Мурдат.

Он отвернулся, скрывая ухмылку, а Гэн подивился, сколько оттенков удалось вместить Эмсо в последнее слово. Оно прозвучало одновременно как титул, вызов и почти как оскорбление. Шара шагнул вперед, пытаясь разгадать выражение лица своего хозяина.

— Спокойно, Шара. Это только Эмсо.

Взглянув на животное, Эмсо проворчал:

— Пес, будь у тебя разум, ты рычал бы на него, а не на меня. Не я предсказываю твою гибель!

— Я ничего не сказал о нашей гибели. Я говорил о том, как собирается поступить вождь Ква.

— А! Тогда у тебя имеется план. Устроим конкурс догадок с призом для отгадавшего?

— Ты чересчур раздражен и озлоблен. Это тот Эмсо, который мне нужен! — Гэн наконец посмотрел на своего собеседника. — Помнишь, как мы разбили Алтанара, обойдя его фланги под покровом ночи?

— Конечно. Но разведчики доносят, что эти войска надвигаются. Они нас атакуют задолго до наступления темноты.

— Мы атакуем.

Помаргивая, Эмсо не отрываясь вглядывался в даль.

— Не пытайся взбудоражить меня, как юнца, Мурдат. Мы оба знаем, что наш единственный шанс — остановить этих людей и отступить, а потом снова их ужалить. Тут и не пахнет славной победой. — Произнося эти слова, Эмсо даже раскраснелся.

— Точно. Мы разобьем их войско на несколько частей и одолеем, иначе они нас просто раздавят. По численности противник нас превосходит по меньшей мере в пять раз.

— Тогда какого черта мы топчемся вокруг этого холма? Зачем рыть западни для лошадей и пехоты, зачем изнурять людей строительством той стены? — Указующий перст Эмсо был подобен злому копью.

— Потому, что здесь будут стоять все, кроме Волков Джалайла, — ответил Гэн. — Ты

— приманка, а мы — западня.

Лицо Эмсо немного подобрело. Гэн позвал:

— Леклерк! Бернхард! Идите сюда. — Оба подбежали, гремя «вайпами» о свои кольчуги. Гэн распорядился: — Вы отправитесь с Эмсо. Тут неподалеку есть неглубокий ручей. По руслу ручья стая Джалайла должна подойти к южному хребту. Оттуда вы направитесь на восток. Вы должны встретить наступающие войска Ква.

Достав свой меч, Гэн начертил на земле их расположение, а потом показал фланговые удары и массированную атаку в центре. Бормоча, он продолжал что-то царапать на земле.

— Разведчики и беженцы сообщают, что основные силы противника находятся в долине. Другие разведчики доносят, что Ква идут по горным хребтам. С севера мы встретим их нападение своей кавалерией. Эмсо, остановив их атаку в южном направлении, обрушится на тыл и фланг основных сил Ква.

Леклерк изучал нарисованную на земле схему. Нарочито безразлично он обратился к Эмсо:

— Если ты действительно разгадал намерения Ква, то лучшего плана нам не придумать.

Эмсо фыркнул.

— Умереть в постели тоже хороший план. Ты делаешь ставку на него?

Повеселевший Гэн рассмеялся, а Бернхард пробормотала Леклерку:

— Как он может так поступать? Я знаю, что мы ему дороги, но он получает удовольствие от этой убийственной игры. В этом просто нет логики.

Гэн снова заговорил:

— Если мой план сработает, мы хорошо потреплем Ква. Но все же они могут нас раздавить. Эмсо, я делаю ставку только на тебя и наших Волков.

Эмсо криво усмехнулся.

— Твой язык быстр, как твой мурдат. Ты хочешь обратиться к Волкам? Нам нельзя терять время.

Леклерк и Бернхард присоединились к Гэну и Эмсо.

— Я не смогу поспевать за этими людьми! — сказала Бернхард.

— Я думаю, они это учтут.

Леклерк шлепнул рукой по прикладу своего «вайпа». Эмсо обернулся на этот звук.

— Вы поедете верхом, — сказал он. — В составе моего резерва. Я выделю вам сопровождающего. Когда мы обнаружим Ква, я постараюсь передать вам, где будет нужно ваше оружие-молния. Если это мне не удастся, пусть решение примет сопровождающий.

Леклерк стиснул зубы. Его губы зашевелились, проглатывая непроизнесенные вслух слова.

Бернхард положила ему на плечо руку. Он сделал вид, что не заметил этого прикосновения, но Бернхард все равно заговорила:

— В этом нет ничего личного, Луис. Эмсо не обижается, когда ты его учишь, как обращаться с твоим черным порохом. Он уважает твои знания и умения. Все, что он хочет от тебя, — это чтобы ты так же отнесся к его помощнику.

— Он дает мне понять, что мне нет места среди них, что только мое оружие имеет значение. Дескать, «Воины — вперед! Леклерк — в тыл к женщинам и детям!»

Слева от них, тщательно маскируясь, уже пришла в движение кавалерия. Без верховых воинов Людей Собаки у Гэна оставалась только его тяжелая кавалерия Олы на рабочих крестьянских лошадях. Это была и разведка, и ударная сила. Крестьяне, рыбаки и лесорубы с западных склонов Гор Дьявола были угрюмыми, упорными бойцами. Их леса исключали стремительные кавалерийские маневры. Когда они взгромождались на лошадь, то делали это не для того, чтобы кого-то объехать, а чтобы переехать его.

Успех обороны холма, занятого Гэном, зависел от боеспособности его воинов. В их снаряжение входили переносные ограждения для установки на поле боя. Чрезвычайно длинные копья воинов позволяли им доставать врага, прячась за этими ограждениями.

Верхняя часть холма была опоясана траншеей с невысоким бруствером. Под ее прикрытием лучники могли послать в противника дождь стрел.

Переносные ограждения были выдумкой Леклерка и представляли собой довольно простую конструкцию. Два коротких кола связывались поперек. Привязанные к ним еще более короткие колья придавали сооружению прочность и препятствовали продвижению противника. Кроме того, короткие колья были соединены крепким шнуром с металлическими крючьями. Никто не мог бы вести бой, таская на себе такое снаряжение. Тем не менее эти небольшие, легкие и относительно легко уничтожаемые конструкции представляли собой для противника досадное неудобство.

Леклерк превратил их в смертельно опасное средство. На каждое ограждение прикреплялся кожаный мешок, набитый небольшими камнями, плотно упакованный заряд черного пороха и запальный шнур, теоретически рассчитанный на четыре минуты горения. При испытаниях запальные шнуры оказались несовершенными — некоторые из них сгорали слишком быстро. Никто серьезно не пострадал, но несколько человек оказались в неприятной близости от разлетавшихся со свистом камней, и публика была восхищена быстротой, с которой они разбежались с полигона. Таков солдатский юмор.

Справа над воинами, в последний раз проверявшими ограждения, на ветру трепетало голубое знамя Галмонтиса. Слева под своим желто-черным полосатым знаменем трудились воины Фина. Воины Одиннадцатого Западного и Малтена заняли передовые позиции, готовясь задержать продвижение Ква перед тем, как отступить к холму. Далеко в тылу, под прикрытием сада, сидел в резерве боевой отряд Оланов.

Внимание Леклерка привлекла какая-то ярко-фиолетовая вспышка. Это оказались развевающиеся полы плаща настоятельницы Фиалок. Ее расшитая мантия разительно отличалась от строгого черного одеяния собравшихся вокруг нее шести военных целительниц. Леклерк нахмурился, вспомнив о том, как резко настоятельница критиковала Жрицу Роз Сайлу, обвиняя ее в расколе Церкви.

Однако сейчас не время для подобных мыслей. Повернув голову, Леклерк заметил поодаль двух праздных вестников, которых можно было легко отличить по яркой одежде. Как и Гэн Мондэрк, Леклерк не испытывал к вестникам дружеских чувств. Как сказал Гэн, они были подобны стервятникам, всегда появляющимся во время беды. Вестники беспрепятственно передвигались по всем территориям. Если кому-нибудь из них чинили препятствия, а тем более калечили или убивали, то племенам, на землях которых это случилось, отказывали в услугах вестников, пока не достигалась договоренность о соответствующих компенсациях и наказаниях. В мире, где эпидемии возникали с быстротой и непредсказуемостью весеннего дождя и соседние племена на протяжении поколений поддерживали когда-то возникшую вражду, отсутствие связи с другими было равносильно смертному приговору. Вестников принимали, им угождали, но никто их не любил.

Маршевый барабан Волков Джалайла прогрохотал сигнал сбора. Больше сигналов не было. Крадучись, подобно братству воров, колонна рысцой пробежала под прикрытием кустарника к ручью. На солнце засверкали мелкие брызги, разлетающиеся из-под ног бегущих людей.

Леклерк и Бернхард поспешили вслед. Когда они отошли на несколько сот ярдов вверх по течению, сопровождающий разрешил им сесть на коней, сказав, что они уже достаточно далеко зашли в лес. Задыхающийся, с раскрасневшимся лицом, Леклерк сделал вид, что взвешивает целесообразность этого предложения. Луиса покоробило, с какой благодарностью его приняла Бернхард. Поджав губы, он постарался всем своим видом показать, что неохотно подчиняется приказу. Они быстро догнали Волков.

Вскоре до них долетел рев команд и крики схлестнувшихся в схватке людей. Волки впереди Леклерка и Бернхард перестроились из колонны в небольшие отряды. Половина из них продвигалась вперед, натянув тетиву своих луков. Другие размахивали мурдатами, подняв левой рукой тяжелые прямоугольные щиты.

Леклерк и Бернхард ожидали в окружении двадцати человек, составлявших резерв.

Волков оттеснили назад. В изумлении Леклерк видел, что большая часть резерва скорее терзается бездействием, чем мрачными предчувствиями. Ему нужно было это понять; они слышали звуки боя, в котором участвовали их товарищи, но им было запрещено идти на помощь. Мурдаты в нетерпеливых руках вздрагивали, как кошачьи хвосты. Леклерка одолевали совсем иные чувства. Всей душой он желал, чтобы Ква обратились в бегство.

Три коротких и два длинных свистка бросили застоявшийся резерв вперед.

Леклерк послал своего коня за ними. Их одинокий воин-сопровождающий поймал поводья.

— Еще не время. Мы должны подождать сигнала.

Снова раздался пронзительный сигнальный свист: две высокие ноты, потом еще две.

— Вперед! — Сопровождающий шлепнул лошадей по спинам, заставив их вздыбиться. Прежде чем животные оправились от неожиданности, сам он, выхватив свой мурдат, уже бросился в гущу боя. Леклерк и Бернхард во весь опор понеслись вперед сквозь густой лес.

Бернхард невольно вскрикнула, увидев, как буднично и деловито люди убивают друг друга. Дисциплинированные Волки дрались попарно. Они передвигались как единое целое, отражая удары щитами и нанося их мурдатами, и отводя мурдатом выпад противника, чтобы оглушить того щитом.

Почти непроизвольно Леклерк начал стрелять. Открывшаяся перед ним картина первобытной жестокости вызывала отвращение. Осознание того, что каждым выстрелом он убивает себе подобного, вызывало тошноту. Рядом с ним Бернхард кричала, заклиная всех прекратить бой. Скатывающиеся по ее щекам слезы падали с подбородка при каждой отдаче «вайпа». Леклерк надеялся, что гром выстрелов «вайпов» обратит Ква в бегство. Однако у этих воинов нервы оказались крепкими. Только понесенные потери заставили их остановить наступление, расстроить ряды и отступить.

Было трудно поверить, что бой закончился. Ква, унося раненых, бежали, скрываясь в лесу. Оставленные ими на поле боя раненые разделили муки с ранеными Волками. Сутулясь в своих седлах, Леклерк и Бернхард наблюдали, как Эмсо проверял, кому из раненых еще можно оказать помощь. Пока основные силы готовились к возможной контратаке, остальные переносили своих товарищей к импровизированному госпиталю.

Бернхард и Леклерк присоединились к примитивным попыткам оказания первой помощи. Под их руководством один из воинов приступил к промыванию ран, а второй стал рвать полотно, чтобы приготовить бинты. Эмсо мрачно и одобрительно улыбнулся.

— Я посылаю человека за военной целительницей. Один воин останется здесь, чтобы присмотреть за ранеными. Мы же продолжим выполнять свое задание.

Завязывая бинт, Леклерк подбородком указал на остатки стаи Джалайла.

— У тебя не осталось достаточно людей даже для того, чтобы безопасно отступить и присоединиться к основным силам Гэна. Ты не можешь сейчас нападать.

Леклерк будто говорил на незнакомом Эмсо языке. Взгляд седого военачальника был столь невыносимо напряженным, что заставил Леклерка отвернуться прежде, чем Эмсо заговорил.

— Мы пойдем по моей команде. — С этим Эмсо удалился.

Леклерк было начал спорить, но на него зашипела Бернхард.

— У него нет выбора! — сказала она, когда переполненный негодованием Луис повернулся к ней. Она продолжила свою работу.

Восседая в дамском седле на ослике, к ним приблизилась военная целительница. Животное осторожно, с напряженной грацией выбирало дорогу среди лежавших на земле стонущих воинов.

Леклерк придвинулся к Бернхард. Указав большим пальцем в сторону военной целительницы, он с ухмылкой сказал:

— Ты видела, как она подъехала? Прямо сцена из Нового Завета.

Задыхаясь от волнения, Бернхард выпрямилась и быстро отошла в сторону от воина, которому она оказывала помощь.

— Ты что, с ума сошел? Ты знаешь, что с тобой сделали бы эти люди, знай они о том, как ты со мной говорил о Той, которая ехала на осле. О ней нельзя говорить с женщинами — это запрещено. И еще, помнишь свое нытье о том, что тебя отправляют к женщинам и детям? Так вот, забудь об этом. Я не думаю, что ты достаточно крут для того, чтобы жить вместе с нами.

Оставив его стоять с открытым ртом, она величаво удалилась к военной целительнице. К тому времени, когда Леклерку удалось прийти в себя, она уже вела тихим голосом беседу со Жрицей. Леклерку ничего не оставалось, как проглотить свое возмущение. Ничего не получалось так, как ему хотелось. Он направился к ней с намерением принести должные извинения.

Когда Бернхард заметила его приближение, на ее лице появилась прощающая и поощряющая улыбка.

Тщательно подготовленная Леклерком речь была прервана хриплым приказом Эмсо построиться в походную колонну.

Глава 5

Группа перехвата Эмсо едва успела достичь леса, когда основные силы Ква начали наступление на занятый Гэном холм. Подобно Волкам, воины Ква носили доспехи из кожи или кольчугу. Их головные уборы были разношерстны, от искусно сделанных латунных и медных шлемов до высоченных оленьих рогов, прикрепленных к кожаным шлемам. Меченосцы несли высокие узкие щиты, закрывающие воина от глаз почти до самой земли. Наступая, Ква в ритм шагам ударяли по щитам. Этот шум в сочетании с дробью барабанов и воем латунных боевых труб создавал впечатление бури. За спиной наступающих оставались вытоптанные поля и изломанные сады. Пастбища превращались в плоские пыльные участки земли.

За Ква, готовясь воспользоваться любым разрывом фронта Волков, шли Дьяволы. Их воины отправлялись на войну с лицами, раскрашенными, как маски смерти, — черные глазницы и кроваво-красный рот на фоне белых черепов. Торсы воинов прикрывала броня, называвшаяся бармал, — скорлупа из черных коровьих шкур поверх сплетенных ивовых прутьев. В пешем бою, как сегодня, они пользовались короткими мечами — ма.

С передовых позиций обороны Гэна смертоносной стаей на наступавших полетели стрелы. Почти одновременно, подчиняясь рефлексу, опытные воины Ква подняли свои щиты. Раздались отдельные крики боли. Две одетые в черное военные целительницы потащили в тыл сначала троих, потом четвертого, а затем и пятого раненого. Другие раненые помогали друг другу или обходились собственными силами. Несколько воинов остались лежать там, где упали.

Ряды наступающих организованно сомкнулись и продолжили движение, не обращая внимания на потери.

Один воин смело выбежал вперед. Его стальной шлем украшали огромные рога дикого буйвола, щит — изображение демонического лица. Он высоко поднял боевой топор, и над всем войском Ква распростерлась угнетающая тишина. Повернувшись лицом к обороняющимся, воин громоподобным голосом проревел:

— Вы-ы-ы-ы!

Крик перешел в глухой рокот, вслед за которым прокатилось дрожащее эхо. Ква, все как один, подхватили крик.

Мурашки побежали у Гэна по коже. Все, стоявшие рядом с ним, схватились за оружие.

Стоявший впереди всех одинокий Ква выкрикивал имена всех стай Волков, одно за другим. Остальные воины Ква повторяли каждое. Последним было названо имя Гэна, оттененное громом ударов мечами о щиты.

Еще два воина Ква вышли вперед, таща сопротивляющегося связанного пленника с кляпом во рту. За ними поспешал ковыляющий бородатый человек. В своем длинном

землистого цвета плаще этот старик отдаленно напоминал облаченных в черное женщин Церкви. Конец его посоха возвышался над ним на целую голову. К верхушке посоха был прикреплен диск со свисающими прозрачными кристаллами горного хрусталя. Несмотря на то что темные тучи грозили совсем закрыть солнце, эти украшения сверкали хищными искрами.

Гэн подозрительно наблюдал за происходящим. Едкий запах предбоевой напряженности приобрел характер неприятной гнили. Гэн заметил, что прежде ругавшийся Волк умолк. Старик в плаще землистого цвета встал перед вождем в стальном рогатом шлеме, и тот поспешно опустился на одно колено. Бородач взмахнул рукой. Расстояние скрадывало его слова. Все Ква также опустились на колени. Из-под своего плаща старик достал нечто большое и белое. Наклонившись к вождю, он надел на него этот предмет, оказавшийся маской, и отступил. Все воины Ква одновременно вскочили на ноги. Шелест одежды и позвякивание оружия угрожающе прокатились по всей долине.

Повернувшись лицом к Волкам, вождь дал им себя хорошо рассмотреть в своем новом обличье. Маска имела яйцеобразную форму, сужаясь кверху. Она почти достигала плеч и закрывала воина, начиная от середины шлема и кончая основанием шеи. Слегка отогнутые назад к ушам края маски оставляли боковой обзор через наклоненные вниз прорези для глаз. Рот маски представлял собой выгнутый вниз овал. И больше никаких черт. Плоское белое лицо маски носило печать невыразимой муки. Гэну показалось, что этот пустой, нечеловеческий взгляд направлен только на него одного.

За спиной Гэна послышался шум. Обернувшись, он увидел настоятельницу Фиалок.

— Северный Ветер, — произнесла она, осенив себя Тройным Знаком. Ее глаза нервно бегали, как у затравленного зверька. — Это их бог войны, — продолжила она. — Народ Ква считает, что вначале именно Северный Ветер принес убийственный бесконечный холод и дождь. Тот старик — священник. Смотри.

Гэн снова повернулся к войску чужаков. Отступив, священник прикоснулся своим посохом к связанному пленнику. Придав посоху вертикальное положение, он стал быстро вертеть его вокруг оси. Образованный кристаллами круг засверкал. Продолжая отступать от пленника, облаченный в плащ старик не переставал вертеть посох.

Держа пленника за руки, оба приволокших его воина чуть отступили. Вождь поднял свой топор и рубанул. Второй раз. И еще.

Пленник, подергиваясь, упал.

Ква взревели.

Настоятельница Фиалок вымолвила:

— Ты навлек на нас это, Гэн Мондэрк. Ты и отступница Сайла, и ее сообщница Ланта. Ты позволил им отправиться в их глупый поход, и их богохульство разделило Церковь. Вездесущий отвернул свой лик от тебя из-за твоих прегрешений.

От проклятий женщины Гэн почувствовал, будто чья-то холодная влажная рука легла ему на спину.

Ква бросились в атаку. Их лучники послали в обороняющихся шелестящую тучу стрел поверх голов своих атакующих воинов. Лучники Гэна выпустили стрелы в ответ и отступили, чтобы укрыться в траншеях.

Боевые кличи и призывы были нарушены пронзительными криками боли.

Из леса, прикрывавшего склоны северной гряды, вынеслась колонна кавалеристов, нацелившаяся нанести удар по флангу оборонявшихся. Гэн подал сигнал. Раздался звук трубы, и на высоком шесте взметнулся узкий белый флажок. Из своего укрытия в русле ручья навстречу коннице Ква галопом понеслась тяжелая кавалерия Трех Территорий.

Ква достигли переносных заграждений. Гэн невольно удовлетворенно хмыкнул, когда увидел, как передовые воины Ква попросту накрыли заграждения своими телами, превращаясь в живые мостки для следовавших за ними. Копейщики Волков, сбитые с толку быстротой, с которой было покончено с их заграждениями, оказывая слабое сопротивление теснившим их Ква, стали в растерянности отступать.

Уже казалось, что копейщики неминуемо будут раздавлены, но тут взорвались первые мешочки Леклерка с черным порохом. Воины Ква остановились, будто натолкнувшись на стену. Взрывы продолжались. Наступление захлебнулось. Люди выли от страха и страданий, а свистящие в воздухе камни рвали плоть, пробивали доспехи и ломали кости.

Гэн снова подал сигнал. На этот раз загремел огромный главный барабан, высотой в рост человека и диаметром в половину человеческого роста. Барабанщики, по одному у каждого конца барабана, били сигнал к контратаке. Он привел в движение скрывавшиеся в садах силы Оланов. При помощи сигнальных флажков атаку направили вправо от холма. Воины Ква отступали вниз по склону, когда в них сбоку врезались защищенные броней Оланы.

Это оказалось для Ква полной неожиданностью. Ведь они были уверены, что победа близка.

Отклоняясь к левому флангу, вождь Ква направил свои основные силы против Оланов.

Разрывающий воздух треск оружия-молнии оповестил о прибытии Леклерка и Бернхард. Разящие выстрелы заставляли воинов Ква падать, кувыркаясь, словно осенняя листва.

Ква дрогнули. Гэн с тревогой искал взглядом вождя Ква. Он знал, что этот человек, как и он сам, понимает — исход сражения балансирует на острие.

По долине прокатились звуки боевых труб. С востока из-за холма показался мчавшийся галопом конный резерв Ква. Он прогрохотал по южной стороне долины, направляясь в сторону оружия-молнии.

Вождь Ква, уже верхом, бросился к воинам, ведущим бой с Оланами, и сам возглавил повторную атаку. Оланы были вынуждены отступить.

Посмотрев влево, Гэн убедился в успехе своей кавалерии: уцелевшие противники убегали под защиту леса. Барабаны Гэна призвали всадников отказаться от преследования сломленного противника и прийти на помощь сдающей позиции обороне.

Именно сейчас тренировка и умение поддерживать связь войск Гэна подвергались суровому испытанию. Воины Трех Территорий никогда не отступали по воле противника.

Гэн вспомнил своего отца — Вождя Войны. В традициях Людей Собаки был молниеносный маневр — ударить и тут же отступить, мгновенно повернуться и снова ударить. Хорошо обученная пехота могла поступать так же, хоть и не столь быстро.

Гром барабана Гэна царил над полем боя, заглушая звуки меньших барабанов его подразделений, пронзительные свистки и нескончаемые людские крики. Стаи Волков рвали толпу Ква. Нанеся молниеносный удар, они столь же быстро останавливались, а затем удирали. И каждый раз потрепанные Ква с победными криками бросались им вслед только для того, чтобы получить неожиданный удар с другой стороны, наносимый новой стаей.

И все же Ква пробивались вперед.

Гэн посмотрел на восток и юг. Эмсо со своими людьми, Леклерк и Бернхард были скованы. Несмотря на наносимый ими противнику урон, они не могли пробиться к основным силам.

Гэн Мондэрк был побежден.

Осознание этого пришло, когда Оланов оттеснили и разъяренные Ква бросились вверх по склону. Это потрясло Гэна так, будто некто, кого он уважал, прошептал ему в ухо что-то невыразимо непристойное. То, что он видел, приводило его ум в смятение.

Внезапно он потерял равновесие. Что-то заставило взмахнуть руками и податься на несколько шагов назад. С удивлением Гэн уставился на дрожащую окровавленную стрелу, застрявшую в его кольчуге. Кольчуга не позволила острию войти в тело. Издав глухое рычание, он выдернул и отбросил в сторону стрелу.

Смятение исчезло. Его заменило чувство освобождения, желание отдаться безумству боя. Одним прыжком он взлетел на боевого коня и кликнул своего громадного пса Шару. Отошли прочь тяжелая обязанность управлять боем, чувство скорби об убитых и искалеченных воинах, выполнявших его волю. Мурдат исчез. Человек, лошадь и собака

налетели на противника подобно триединой смерти.

Простые воины — и свои, и враги — уклонялись от этого вихря разрушения. Лишь отдельные излишне храбрые Ква заступали путь этой троице. Мелькали в воздухе копыта коня со стальными подковами. Хрустели ломающиеся в челюстях Шары кости. Мурдат Гэна разил.

Уже в тылу сил Ква личная охрана вождя убила под Гэном коня. Пронзенный множеством стрел, негодующе визжа, конь врезался в плотные ряды врага, лягаясь и кусаясь в предсмертной ярости, разбрасывая воинов. Выброшенный из седла Гэн приземлился на ноги.

В нескольких шагах он увидел вождя Ква. На мгновение обе противостоящие силы будто исчезли. Существовали только две противоборствующие воли.

Раскат грома возвестил о поединке. Не обращая внимания на гром и первые капли дождя, вождь Ква ждал, будто знал, что это должно было произойти. Окружавшие их воины Ква в изумлении постарались незаметно отодвинуться подальше.

Тяжелые капли усиливающегося дождя стекали красными струйками с кольчуги Гэна.

Сильным прыжком какой-то молодой воин встал рядом с вождем Ква. Оба были примерно одинакового роста. На руках буграми вздувались мышцы. Сильные люди. Спокойные, уверенные. Вождь в маске двинулся влево. Его обе ноги не отрывались от земли. Молодой воин остался на месте, но присел. У каждого из них был топор и длинный узкий щит.

Голос старшего воина из-под скорбной маски звучал как голос самого рока.

— Ну что же, Гэн Мондэрк. Я — Красное Небо. А это мой сын, Два Кулака. Я и мой сын против тебя и твоего сына. У тебя, по-моему, превосходство. Твой сын еще больше похож на тебя, чем мой на меня.

Гэн безразлично улыбнулся.

— Пес встретился со своим отцом. А этому мальчишке остается только гадать, встретился ли он со своим.

Два Кулака проглотил наживку. С гневным криком он бросился на Гэна. Краем глаза Гэн заметил, как дернулся Красное Небо. Это была отчаянная попытка остановить сына. Отцу ничего не оставалось, как присоединиться к нему. Отступив назад и в сторону, Гэн вынудил следовавшего за ним Два Кулака встать вместе с отцом перед собой. Этим он предотвратил нападение Красного Неба с фланга.

Раскрыв пасть, Шара поднялся на задние лапы рядом с Гэном. Когда Красное Небо принял защитную стойку, нес ринулся в атаку.

Красное Небо был очень ловок. Его топор опустился с невероятной быстротой. Шара взвизгнул, когда лезвие топора скользнуло по его телу, развалив мясо широкой отвратительной полосой. Но голос пса был приглушен — его клыки сомкнулись на бедре Красного Неба. Встряхивая головой, пес рвал артерии, отрывал мясо от большой, удивительно белой кости бедра.

Красное Небо свалился на землю.

Два Кулака, проскочивший в пылу атаки мимо Гэна, развернулся и обнаружил, что Гэн уже снова готов к обороне. Сын взглянул на отца, безуспешно пытавшегося освободиться от Шары. Из развороченного бедра Красного Неба фонтаном била кровь. Два Кулака рассвирепел, полностью утратив самообладание.

Гэн испытал мимолетное чувство сожаления, но это не имело никакого значения. Он отступил на шаг, и топор Двух Кулаков со свистом пронесся мимо. Скользнув влево, Гэн вонзил свой меч в незащищенный бок воина. Продолжая двигаться по дуге, выпущенный из рук сына вождя топор врезался в столпившихся воинов, наблюдавших поединок.

Два Кулака упал на колени и рухнул на землю лицом вниз.

Гэн повернулся и присел. Шара кружил вокруг Красного Неба — в съехавшей набок маске, стоя на одном колене, тот пытался подняться на ноги. Он сделал ложный выпад в сторону собаки, а затем молниеносно повернулся и попытался рубануть по ногам Гэна.

Гэн спасся только благодаря мгновенной реакции. Он подпрыгнул, и сверкающий топор описал дугу под его ногами. Приземлившись, Гэн нанес удар своему противнику. Мурдат рассек шею Красного Неба. Пройдя через кожу и мышцы, лезвие врезалось в тыльную сторону маски. Обезглавленный вождь Ква в конвульсиях свалился на землю. В нескольких шагах белела запачканная кровью и грязью маска, скрывавшая лицо Красного Неба. Казалось, что она возносит безмолвную жалобу хмурым небесам.

Кликнув Шару, Гэн бросился в промежуток между воинами, созданный вырвавшимся топором Двух Кулаков. Угрожающе подняв свой посох, священник попытался преградить им путь. Шара рванулся мимо хозяина, схватив в пасть голову священника. Человек и собака упали на землю. Рыча, Шара встряхнул свою жертву, словно терьер, ломающий позвоночник крысе. Хруст ломающихся костей заглушили крики ярости и ужаса воинов Ква.

Нанося неистовые удары тем, кто пытался его остановить, Гэн вспрыгнул на одного из привязанных неподалеку коней. Распластавшись у шеи боевого скакуна, он приказал Шаре напасть на остальных коней.

Собака с лаем увертывалась от мелькавших вокруг нее стрел. Над головой Гэна пролетело копье, показавшееся ему огромным, как бревно, и задело древком голову коня.

Раздался визг Шары. Гэн увидел, как пес схватил зубами стрелу, вонзившуюся в бок около раны, оставленной топором Красного Неба. Стрела переломилась, и собака в несколько прыжков перегнала Гэна. В тот момент, когда Гэн уже мысленно поздравлял себя со спасением, в него попали. Держа поводья в одной руке, другой рукой Гэн попытался схватить впившуюся ему в шею стрелу.

Заскрипев зубами, Гэн обломал древко.

С трудом повернув голову, он увидел вдали сигналы к отступлению Волков.

Послышались звуки барабана предводителя. Его барабана.

Над долиной пронеслись раскаты грома. С неба потоками низвергался дождь. Небольшие группы людей продолжали борьбу у защитных сооружений Волков, но большая часть воинов Ква устремились к большой, постоянно растущей группе воинов, уставившихся в безмолвном изумлении на три распростертых у их ног тела.

Однако не все предавались созерцанию мертвецов. Не менее двадцати воинов отправились в погоню. Водяная пыль поднялась над залитым дождем гороховым полем, когда через него поскакали охотники и их дичь.

Гэн чувствовал, как его покидают силы. Усилием воли он погрузил свой разум в состояние нары — транс, дающий воину мужество и собранность.

Шара с трудом поспевал за Гэном. Гэн подбадривал собаку. Впереди были деревья. Укрытие.

Гэн затосковал об упущенной славе, которую он думал принести Людям Собаки и Трем Территориям. Скорее в густой благоухающий лесной воздух. Вверх. Найти место для последнего боя.

Ему не доведется умереть в своей любимой степи. Это было то, чего он боялся начиная с того дня, когда пересек горы.

Глава 6

Дыхание Шары напоминало звук, издаваемый ржавой пилой. Собака, у которой деревенел пораненный бок, скособоченно двигалась, опустив голову и понуро глядя перед собой. У Гэна дела обстояли немногим лучше. Ему пришлось напрячь все силы, чтобы удержать коня на крутом скользком склоне. Возбуждение боя давно прошло. Он промок, замерз и был совершенно измучен. Застрявший в шее наконечник стрелы напоминал о себе острой болью при каждом ударе сердца, при каждом движении.

Гэн с завистью подумал о своем друге и наставнике Класе на Бейле, который мог почти полностью отключать чувство боли. Раны были для Класа просто неудобством, если не считать потерю крови.

Сосредоточившись на внутренней духовной силе нары, Гэн мысленно представил себе свою боль, создал ее образ. Так ему было легче управлять своими ощущениями.

Далеко позади слышались голоса преследователей и фырканье их лошадей. Гэна окружали запахи мокрой коры, хвои и лесной подстилки. И еще явный запах мокрой звериной шерсти. Он не мог исходить от Шары, направление ветра было не то. Значит, это волки. Гэна это открытие подбодрило. Волки уже не раз помогали ему.

Дождь. Отнимающий все силы и почти ослепляющий. Гэн подумал, что последнее как нельзя более кстати. Если он с трудом мог что-либо разглядеть, то в таком же положении и его враги. Гэн обернулся, пытаясь взглянуть, что делается внизу на склоне горы.

Наконечник стрелы ожил и пронзил все существо Гэна острейшей болью. Эта боль пыталась разрушить волю Гэна. Будто издалека ему послышался голос Класа: «Боль — убийца. Побежишь от нее — и она тебя догонит и уничтожит. Повернись к ней лицом. Пусть она будет тем, чем должна быть. Отдели рану от своего „я“. Заградись от нее стеной, Гэн».

Задыхающийся конь с трудом забрался на почти ровный уступ, образующий горный луг. Сделав еще несколько шагов, животное остановилось в полном изнеможении, широко расставив ноги и опустив голову.

Гэн быстро спешился. С трех сторон ровная поверхность плавно переходила в горные склоны. Слева лужайка упиралась в скалу, вершина которой скрывалась в тумане. Благоразумный человек направился бы вниз и попытался бы оторваться от погони. В конце концов, их лошади тоже выбились из сил.

Гэн натянуто улыбнулся Шаре.

— Даже если мне удалась бы убежать, ты не сможешь долго выдержать, правда ведь, парень?

В знак согласия лежавший на мокрой траве пес слабо вильнул хвостом.

В том месте, где луг переходил в крутой склон нависающей над ним горы, виднелось нагромождение обломков скалы, обвалившейся много веков тому назад. В этом склоне было несколько узких трещин.

Гэн шлепнул коня по крупу. Животное со стоном выгнуло спину. Когда конь повернул голову, чтобы посмотреть на Гэна, из его ноздрей капала кровь. Вдали раздались крики. Заржала лошадь.

— Ты должен их увести, — сказал Гэн. — Если они тебя обнаружат, то поймут, что я неподалеку.

Конь опустил голову почти до самой земли и судорожно закашлял.

Гэн обнажил свой мурдат. Если он убьет коня около ближайших камней, его, наверно, не обнаружат.

Погоня приближалась. Уже можно было различить отдельные голоса.

Гэн вложил мурдат в ножны и побежал. Когда он добрался до обломков скалы, Ква находились как раз под гребнем, над которым начинался луг. Гэн уже прыгал с одного скользкого от дождя валуна на другой. При каждом приземлении пронизывающая боль грозила свалить его с ног. Рядом выл и рычал от боли Шара.

Кто-то криком возвестил о находке — брошенном коне.

Дальше продолжить путь через валуны незамеченным было невозможно. Гэн лег на живот. Рядом с ним растянулся Шара. Позади Ква искали следы.

Гэн заполз в одну из узких трещин. В ней он обнаружил неширокую манящую тропинку, усеянную обломками камней. Камни разного размера образовали какое-то подобие ведущих вверх по склону ступенек, скрывавшихся в дожде и тумане. Если ступеньки обрывались где-то вне пределов видимости, то это оказалось бы самой худшей ловушкой.

— Шансов на успех мало, — сказал Гэн, потрепав Шару по голове. — Или поднимемся вверх, или…

Подстегиваемый возбужденными криками преследователей, Гэн с трудом вскарабкался на валун. Лежа на покатой поверхности, он не мог дотянуться до стоявшего на задних лапах

Шары. Собака раз за разом, воя от боли, безуспешно пыталась забраться на камень. Гэн уговаривал Шару, как никогда прежде.

Шара собрался для последней, как понял Гэн, попытки. Гэн распростерся на валуне лицом вниз. От боли, причиняемой наконечником стрелы, у него в глазах все расплывалось, исчезало и возникало вновь.

Шара прыгнул. Вытянувшись, насколько это было возможно, Гэн ухватился рукой за боевой ошейник Шары.

«Что бы ни случилось, — подумал Гэн. — Теперь мы разделим общую судьбу. Мы слишком тесно связаны друг с другом, чтобы расстаться».

Он был рад, что Нила никогда не узнает о том, какое невероятно глупое решение он принял.

Шип на ошейнике собаки вонзился в запястье Гэна. При каждом движении Шары он разрывал кожу. Когда он пробил ее насквозь, его укол показался ничем по сравнению с прежней болью. Но только на мгновение. Шип стал скользить по кости то вверх, то вниз. Стиснув зубы, Гэн застонал. Подбадривая пса, Гэн проклинал его огромный вес. Наконец, поджав под себя задние лапы, Шара сделал последний рывок и взобрался на вершину валуна, и они свалились по другую его сторону грязной окровавленной кучей. Оба настолько обессилели, что не могли пошевелиться. Гэн очнулся только тогда, когда Шара, шевельнув головой, вырвал шип из его запястья. Ему удалось сдержать крик боли. Потребовалось сделать несколько глубоких вздохов, чтобы унять охватившую его дрожь.

Со всеми предосторожностями Гэн подполз к краю валуна и осмотрелся. У начала прохода воин Ква изучал следы на камнях. Гэн едва успел скрыться, когда воин неожиданно поднял голову. Подгоняемые криками своего преследователя, звавшего своих товарищей, Гэн и Шара продолжили путь, спотыкаясь на каждом шагу.

Гэн чуть не прошел мимо отверстия в скале. В высоту оно доходило до колен и было настолько узким, что протиснуться удалось с огромным трудом. Ногами вперед Гэн вполз в пещерку. Она оказалась столь низкой, что он не мог даже стать на колени. Тем не менее он помещался в ней вместе с Шарой.

Оттолкнув собаку в сторону, Гэн принялся лихорадочно искать, чем бы замаскировать вход. Снизу его частично закрывал упавший обломок скалы. Гэн схватился за другой обломок. И при обычных обстоятельствах этот груз был бы нелегким. Теперь он был непосильным.

В узком проходе крики Ква будили эхо. Впервые Гэн отметил, что дождь прекратился. Кровавый след будет как на ладони.

Он обрывался у входа в пещерку.

Гэн прополз по гроту несколько шагов. На полу и стенах оставались следы от его раненой руки. С трудом ему удалось загородить вход. Он постарался вместе с Шарой забраться как можно глубже в пещерку.

Ква остановились у входа. Один из них возбужденно указал на кровавый след. Другой ответил:

— Это не пролитая кровь. Это похоже на краску.

— Он падал. Или собака падала. Пошли!

Послышались удаляющиеся шаги, а затем тоном упрека кто-то крикнул:

— Чего ты ждешь?

— Здесь что-то не так, — ответил более опытный следопыт. — Вот, смотри, тут царапины. Он что-то передвигал.

— Такие следы здесь повсюду! Если ты слишком устал, чтобы поспевать за нами, посиди и подожди. Мы приведем его тебе.

Гэн не обращал внимания на перепалку. Приваленный им ко входу обломок скалы оставлял свободным пространство размером примерно с два кулака. Это отверстие то и дело заслоняли тени. Вот в него просунулось лезвие меча. Кто-то рассмеялся.

— Ты полагаешь, он превратился в сурка? А как насчет собаки? Что, она превратилась

в мышь?

Внутрь пещерки скользнуло копье. Гэн отклонил его в сторону. Оно поворачивалось в разные стороны, но Гэн отклонял его к стенам. Копье убрали. Следопыт что-то заподозрил.

— Похоже, что-то мешает копью. Не знаю… Помоги мне с этими камнями. Я хочу посмотреть, что находится за ними.

Гэн выставил перед собой мурдат.

Неожиданно близкая вспышка молнии распорола небо, и раскат грома прокатился по горе. Громкие крики вторили грому. Тут же послышался нарастающий шум ливня.

— Прекрасно! — прозвучало с яростным сарказмом. — Теперь кровь смоет. Если ему удастся уйти, это будет твоя вина!

Послышатся удаляющийся топот сапог.

Гэна подмывало выйти из грота, но он прогнал эту мысль. Даже если удалось бы незамеченным достичь того луга, около лошадей, несомненно, оставлена охрана. Если его обнаружат, ему не устоять против численно превосходящего противника. Лучше надеяться на то, что Ква прекратят поиски.

Гэн содрогнулся. Быть убитым в дыре, наколотым на копье, как заяц. Как выразился тот Ква? Сурок. Это было бы не слишком почетной смертью.

Зашевелившись, Шара толкнул Гэна. Он с раздражением отпихнул пса, но тот не успокоился. Гэн попытался повернуться к Шаре.

Вдруг он услышал зов. Слабый, затухающий, который невозможно спутать ни с чем. Волки. Воющие. И не один, а много волков. Воющие днем, под дождем. Невероятно!

Раздался звук трубы. Два длинных гудка, затем несколько коротких. Не было нужды знать сигналы Ква, чтобы понять его важность.

Снаружи послышатся шум. Злые голоса…

— …Говорил же, что он не обычный человек. Волки никогда так не воют. Это волшебство. Если они напали на наших лошадей…

Снова тишина. Покойная. Спать…

Сон пришел не торопясь, словно черная пелена. Под пеленой темная колеблющаяся морская вода. Гэн увидел себя в небольшой лодке. Паруса в клочьях, корпус дал течь.

Кто-то за ним следил. Из-под воды. Он чувствовал его присутствие. Холодное, липкое. И все же он ничего не мог рассмотреть.

— Он ждет тебя, молодой Гэн. Тебя, ничтожество.

Голос был переполнен ненавистью. Он напоминал скрежет ногтей по известняку. Гэн попытался проснуться. Раздался смех, еще более ужасный, чем слова.

— Я освобожу тебя тогда, когда все тебе скажу. Смотри сон. Пойми его.

Море горой вздыбилось перед лодкой. Описать это иначе было невозможно. Гора, которая тянула за собой черную воду. По краям шипели пузыри. Гора все росла и росла. Лодку несло к этой горе. Схватившись за леера, Гэн попытался поднять парус. Стоило ему только потянуть, как леер порвался. Черное нечто теперь нависало прямо над лодкой. Снова раздался голос, на этот раз изнутри горы. Наслаждаясь своей ужасающей силой, он прошептал:

— Ты готов помериться силой с морем, не так ли? Тебя не устрашает эта мощь? Тогда смотри, что случится!

Это невообразимое нечто стало уменьшаться. При этом оно вращалось вокруг своей оси, сначала почти незаметно, потом все быстрее и быстрее. Когда оно стало вровень с морем, образовалась темная воронка. Там, где раньше возвышалась гора, теперь зияло огромное отверстие. Водоворот подхватил и стал швырять суденышко из стороны в сторону. Одной рукой Гэн вцепился в мачту, другой — в бортик. Далеко внизу Гэн увидел темные, искаженные толщей воды и неверным светом силуэты каких-то выскочивших из мрака хищных существ. С ужасом Гэн осознал, что они поджидают именно его. Бортик, за который он держался, отломался и исчез в воронке. Вслед за ним в бездну канула сломавшаяся мачта. Распластавшись на накренившейся палубе, Гэн лихорадочно пытался найти точку опоры.

Посреди этого холодного ужаса рука Гэна неожиданно наткнулась на что-то теплое. Он опять услышал голос, который с каждым произнесенным словом становился сильнее и требовательнее:

— Море ждет тебя. Иди, Гэн. Сейчас. Гэн. Гэн!

Но этот голос заглушил другой.

— Гэн! Это я! Ответь мне!

Яркий свет ослепил Гэна. Краем глаза он различил лежавшую поперек его ноги голову Шары. Он подивился, как сюда могла попасть собака? Почему они оба лежат?

Пещера. Ква. Он потянулся за мурдатом.

— Твое оружие у меня, Гэн. Дай мне руку.

Сознание Гэна прояснилось. Эмсо. Гэн вытащил свою руку из-под головы своего пса. Она была мокрой там, где Шара облизал ее.

Мысли Гэна путались. Холод, вода.

Схватив его за руки, Эмсо уже тащил Гэна из пещеры. Гэн понял, что снова теряет сознание. Он вскрикнул, похолодев от мысли, что что-то поджидало, чтобы схватить его беспомощного.

— Я с тобой. Я тут. Ты в безопасности, — сказал Эмсо.

Гэн услышал, как поджидавшее его нечто засмеялось. Мокрое, пузырящееся.

Глава 7

Сайла любовалась Матерью Рек, обрамленной бушующей зеленью. Склоны расположенных вдали от живительной влаги холмов светились теплыми золотистыми, желтыми и оранжевыми красками. Все кричало о том, что хотя река сильна, но это — страна солнца.

Сидя верхом на своем коне Рыжике, Сайла обернулась, бросив долгий взгляд на север. Земля под копытами коня была горячей и пыльной. Животное стремилось вниз к воде, копыта гулко ударяли по сухим камням.

Слегка переменившийся ветер принес на склон холма прохладное дыхание реки. В пойме Мать Рек создала свой собственный климат. Вдоль нее дули ветры с моря, смягчая суровые зимы. Во время летней жары те же ветры приносили прохладу. Утром в разгар лета у реки для защиты от тумана и холода была нелишней куртка, а после полудня хватало самой легкой рубашки.

Повернувшись, Сайла посмотрела на север и восток. Ее сердце сжалось от боли. Три, самое большее — четыре дня пути, и она могла бы оказаться в объятиях мужа.

Ей хотелось быть вместе с ним, но он распорядился по-другому.

Удалявшийся вестник, доставивший новости, был уже почти неразличим. Вместе с ним были воины Людей Собаки, которые спасли Сайлу и ее друзей от кочевников. Они сопровождали ее во время долгого и трудного путешествия на север из Суши.

Сайла поднялась на стременах и взглянула на юг, мимо своих четверых спутников. Они тоже смотрели в ту сторону, откуда пришли сюда. Когда их преследовали кочевники Летучей Орды, оглядываться было некогда. Осенив себя Тройным Знаком, Сайла молча вознесла молитву с благодарностью за то, что им удалось скрыться с места, где они отыскали Врата. Причем скрыться, заполучив сокровище, к которому она стремилась всю свою жизнь. Теперь оно принадлежало Сайле. Эта мысль приводила ее в восторг. Воспитанная стать Цветком, чтобы спасти тайну для Церкви, она достигла цели. Краска стыда залила ее щеки: она вспомнила о своих тайных помыслах воспользоваться тайной Врат в собственных целях. Полученный от друзей совет спас ее от этого. Те же друзья не позволили Жрецу Луны выкрасть тайну. К несчастью, этому исчадию все-таки удалось восстановить свою власть над разбитым, пораженным эпидемией государством кочевников.

По иронии судьбы, похоже, что эпидемия началась с Мэтта Конвея, который так помог Сайле в ее миссии. В начале похода Конвей был загадкой. Тогда казалось, что он ищет

самого себя. Теперь он излучал уверенность. Странно, она полностью ему доверяла, но при этом Сайла знала, что он врал о своем прошлом. Так же, как врала сопровождавшая его чернокожая женщина, Доннаси Тейт.

— Мы из далекой страны, — говорили они всем, — расположенной далеко на востоке.

Лгуны. Все они. Конвей и Тейт, еще четверо в Оле с Гэном Мондэрком — мужчина Леклерк и трое женщин — Сью Анспач, Дженет Картер и Кейт Бернхард. И еще был тот, которого звали Джонс. Теперь он стал Жрецом Луны, предводителем кочевников Летучей Орды и их духовным отцом.

Тейт и Конвей только во время похода научились скрытно передвигаться и кое-как читать следы. Невозможно было поверить, что таким людям удалось незаметно пробраться через Горы Дьявола. И в довершение всего — и это вызывало подозрение — их мужчины обращались со своими женщинами как с равными себе.

Направление хода мыслей Сайлы изменилось.

Клас.

Он понимал, что поиски Врат — смысл ее жизни. Только ее мужчина мог так любить, доверять женщине, чтобы предоставлять ей столько свободы и даже уважать ее за такую целеустремленность. Но что он скажет, узнав, что передаваемая из поколения в поколение легенда о тайне Врат заключалась в том, что называют книгами? Или что Конвей и Тейт могут их прочитать?

То, как поступили Тейт и Конвей, на чем они настаивали, было богохульством. Оба посмели произнести запретное слово, они настаивали, что должны научить ее и остальных пользоваться книгами. Всем было известно требование Церкви: любую бумагу с написанными на ней словами, найденную на месте разрушенных городов, нужно немедленно передать Церкви, которая совершала ее ритуальное сожжение во время церемонии Возвращения. Всем также было известно, что в древние времена правившие миром гиганты поработили человечество. Рабы слишком много узнали, слишком возомнили о себе и стали мятежными. Гиганты уничтожили рабов, превратив их огромные поселения в руины, в источники невидимой заразы, где ничего не подозревающего человека подстерегала ужасная болезнь.

Люди, называвшиеся Сиа, собрали племена в тех местах, где Вездесущий позволил людям выжить.

В каждой культуре умение читать и писать, знание арифметики стали привилегией самых высокопоставленных лиц, которых больше всего опасались и за которыми больше всего следили. Сайле такие законы были ненавистны. Но она понимала их необходимость — иначе как Церковь могла быть уверена, что никто не посягнет на установившийся в мире порядок.

Чужаки обращались с книгами непринужденно. У Сайлы же в горле вставал комок от страха каждый раз, когда ей приходилось брать в руки книгу. В ней так много слов!

И все же она осознавала свою ответственность, которую накладывало на нее звание Цветка. Ее жизнь состояла в поиске власти. Не для себя, а для всех женщин. Ею двигала ее собственная ярость, ее протест против того, как с ней обращались, но ее цели никогда не были эгоистичными. За исключением одной — «Мною никто никогда не будет владеть».

Ее, сироту, Церковь вызволила из рабства и воспитала как Избранную, как дитя Церкви. Жизнь Сайлы была посвящена привилегии вечного служения другим. Никто не смел нанести вред служительнице Церкви, иначе все племя, где это случилось, отлучили бы от Церкви. Ни одна целительница или военная целительница не оказала бы им помощи.

И все же жрицы были женщинами. Мир, видевший даже в служительницах Церкви прежде всего прислугу и деторождающих существ, подавлял их. Когда Сайла размышляла о своей жизни, первым ее чувством была обида. «Мною никто никогда не будет владеть».

Однако теперь она обрела ту власть, которую так долго искала. Если только она сумеет ее удержать! Если только она выдержит!

Вдали исчезали из виду спасшие ее воины Людей Собаки и отыскавший ее вестник.

Как будто их никогда и не было.

За ее спиной воин-монах, которого она женила на Доннаси Тейт, сказал:

— Нам нужно двигаться, Сайла. Мы знаем, что где-то позади нас кочевники Летучей Орды.

Взмахом руки дав понять, что услышала его слова, Сайла горько усмехнулась и тихо произнесла:

— Новый мир построишь завтра, Жрица. А сегодня — опять беги.

Когда Сайла повернулась к своим спутникам, она сидела в седле прямо и излучала спокойную уверенность.

— Их еще не видно, Налатан?

Налатан заставил своего коня попятиться, чтобы он поравнялся с конем, на котором сидела Тейт. И он, и чернокожая женщина делали вид, что не замечают друг друга, но даже камню было ясно, как они тянутся один к другому.

— Никаких признаков после той засады, которую мы проскочили четыре дня назад, — ответил Налатан.

— Мы не нанесли им слишком больших потерь, — сказала Тейт. — Это не похоже на них — уйти, не попытавшись на нас напасть еще раз.

Тут подала голос Ланта, вторая одетая в черный плащ Жрица:

— Они не посмеют нас преследовать на другом берегу реки. Они опасаются патрулей Трех Территорий.

— Мне кажется, Ланта права, — сказал Конвей.

Сайла кивнула. То, что Конвей согласился с Лантой, было в порядке вещей. Если он был с чем-то не согласен, то хранил молчание. Все были уверены, что таким образом он старается загладить какую-то вину. Но какую именно, никто не знал.

— Если кто-то за нами наблюдает, он мог сообщить основным силам, что конвой ушел и мы остались одни, — продолжил Конвей.

Тейт нахмурилась.

— Сегодня солнечный день, и они могут пользоваться зеркалами… — Тейт замялась и с виноватым видом взглянула на Конвея.

Мрачно усмехнувшись, Конвей сказал:

— Да, зеркалами. Я сам научил кочевников ими пользоваться. Одна из моих оплошностей, и довольно серьезная.

— Прости, — сказала Тейт, подъехав к Конвею. — Я все забываю, что ты был в лагере кочевников вместе со Жрецом Луны. Не могу вас представить вместе после того, как он так изменился.

— Я и сам хотел это забыть. Странно, мне хочется думать о нем, как о Джонсе. Не могу поверить, что друг превратился в Жреца Луны.

Наклонившись вперед, Тейт со злостью сказала:

— Джонс мертв. Вместо него живет Жрец Луны.

— Мы все скоро будем очень мертвыми, если поскорее не переберемся через эту реку! — сказал Налатан.

Тейт обернулась к нему с проказливым выражением лица:

— Ой-ой! Мы сегодня очень нервничаем, не так ли? Разве в этом вашем братстве не учат, что нельзя прерывать других?

— Нас учат выживать! — Зная задиристость Тейт, Налатан оставался невозмутимым. Сквозь его нарочитое спокойствие, подобно тлеющим углям, светилась любовь.

— Конвей, поезжай вперед, — сказала Сайла, — и посмотри, свободна ли паромная переправа.

Конвей свистнул. К нему бросились два пса, которые до того наблюдали за тем, что делалось в тылу этой небольшой группы путников. Никто кроме Тейт не взглянул в их сторону. На ее лице с высокими скулами отразилось страдание. Это была не столько забота или грусть, сколько невыносимая потеря. Даже когда Налатан накрыл ее руку своей, ее

взгляд оставался прикованным к собакам.

Наклонившись, Конвей почесал собак за ушами.

— Микка опередила тебя, Карда. Сдаешь под старость?

Кобель, будто понимая шутку, завилял хвостом.

Пустив коня галопом, Конвей направился вниз. Впереди бежал Карда, а более светлая Микка следовала за конем. Четверка людей привычно построилась в походный порядок. Сайла и Ланта ехали впереди с вьючными животными. Тейт и Налатан замыкали строй. Налатан воспользовался возможностью, чтобы выразить сочувствие Тейт.

— Ты не должна так горевать из-за потери своих собак. Они прожили предназначенную им жизнь. О них можно скорбеть потому, что они тебя любили, но смотри не запятнай их смерть.

Тейт резко повернулась и со злостью уставилась на Налатана, который продолжил:

— Доннаси, для них ты воплощала собой и солнце, и луну. Как для меня. Конечно, им не хотелось умирать. Никто добровольно не расстается с жизнью. Но в такой жертве — огромное значение. Она придает особый смысл всему, что было прежде. Пожалуйста, попробуй взглянуть на случившееся с такой точки зрения.

— Ты что, пытаешься сказать мне, что я должна почувствовать, если тебя убьют? Именно этот бред ты хочешь мне внушить? Я никогда не буду хвастаться смертью. Подобно тому, как ты хвастаешься этими дурацкими шрамами или как твои друзья погибли, воюя за Церковь. Никогда.

— «Хвастаться» — резкое слово. Даже так, рассказы о битве за жизнь — это единственная победа воина над смертью, разве ты это не понимаешь? Мы, оставшиеся в живых, об этом помним. Так в нас вырастает самое лучшее — истинная целеустремленность, честь.

Тейт яростно затрясла головой.

Налатан противопоставил ее горячности нежное упрямство.

— Танно и Ошу погибли ради тебя. Я им навсегда за это благодарен. Я их любил. И продолжаю их любить.

— И я тоже! — Это был крик раненой души. Слезы навернулись на широкие темные глаза Тейт. — Ты знаешь, что это так.

— Тогда думай о них с любовью и радостью.

Тейт задумчиво посмотрела на Налатана. Какое-то время он выдерживал этот изучающий взгляд. Наконец обнаружил на поводьях пятно, потребовавшее внимательного изучения. Спустя пару минут Тейт сказала:

— Я действительно тебя люблю, Налатан.

Налатан покраснел, но упорно продолжал рассматривать поводья.

— Я не была уверена, скажу ли я эти слова кому-нибудь снова. Я знала, что не смогу даже подумать об этом в отношении белого мужчины. Однако это случилось благодаря тому, что ты помог мне раскрыть глаза на многое. В основном на то, что касается меня самой. Но я никогда по-настоящему тебя не узнаю, не так ли? Понимаешь, я наблюдала за тобой во время боя, я была рядом, мы дрались бок о бок. И после всего этого ты говоришь о моих собаках, и о воинах, и о смерти, и во всем этом есть грусть, радость и тайна, которые заставляют меня плакать. Ты меня сбиваешь с толку.

Лицо Тейт снова приняло свое обычное шаловливое выражение. Перегнувшись в седле, она поцеловала Налатана в щеку.

— Какая у нас будет жизнь, мой любимый! Это точно будет лучше, чем жить в Суши со всеми этими братьями-монахами, как ты думаешь?

Ее улыбка была явно сладострастной.

Заикаясь, Налатан пробормотал что-то о необходимости проверить тыл. Развернув своего коня, он рысцой отправился вверх по склону.

Увидев, как зарделась его шея, Тейт в восторге закрыла рот рукой. Ее улыбка медленно угасла, сменившись целой гаммой эмоций, непредсказуемых, как узор масляного пятна на

поверхности воды.

— Ну и жизнь! Кто бы мог подумать, что, потеряв целый мир, человек сможет быть таким счастливым в другом?

Глава 8

Конвей поджидал своих спутников в прохладе ольховой рощи. Когда они к нему присоединились, он со злостью указал на видневшуюся невдалеке деревню Людей Реки.

— Конники Летучей Орды нас опередили. Они предупредили паромщика, чтобы тот не вздумал иметь с нами дело. Он говорит, что возьмет нас, но нам придется смириться с обществом нескольких Речных Торговцев. Кочевники их уже запугали. Паромщик боится, что они сообщат воинам Летучей Орды о нас. Могут возникнуть неприятности.

— Почему этот паромщик хочет нам помочь?

Криво усмехнувшись, Конвей встряхнул небольшой кожаный мешочек. Он весело зазвенел.

— Коссиарская монета. Есть еще новость. Отряды Коса нападают на деревни Людей Реки. Прежде они никогда этого не делали так далеко на севере.

— Мы знаем, что восстание рабов ослабило Кос и что Летучая Орда разбила их армию. Почему они решаются на набега? — спросила Тейт.

— Хотят восполнить утрату рабов, — сказал, будто плюнул, Конвей. — Думаю, что Коссиарам удалось окончательно подавить восстание. Теперь им нужна замена потерянной рабочей силы.

На лице Сайлы появилась гримаса.

— Никогда не прощу Коссиарам их вероломства. Никогда. Мне так хотелось верить их правителю. В глубине души я понимала, что Капитан лжет, утверждая, что рабы будут освобождены. Я сглупила и едва ли не погубила всех нас. Надеюсь, когда-нибудь вы простите меня.

При упоминании о прощении во взгляде Конвея мелькнула подозрительность.

— У нас хватает собственных забот, не стоит добавлять к ним твои. Вот почему среди нас так часто можно услышать «прости».

Сайла повернулась, чтобы ответить, но Конвей оборвал ее:

— Позже, Сайла, пожалуйста. Торговцы уже здесь. — И он кивком указал на собравшихся людей. Четырнадцать взрослых мужчин, отметила Сайла. Ни женщин, ни детей, ни стариков.

По ее спине пробежали мурашки.

И все же, за исключением обычных ножей на поясе, Речные были безоружны. К Сайле рысцой направился паромщик. На нем было развевающееся на ветру одеяние, похожее на юбку, поверх которого была надета плотно облегающая тело куртка, и, в отличие от торговцев, на левом боку был меч в украшенных бусами ножнах. Внимание Сайлы привлекла лента на мягкой широкополой шляпе. Это была шкура гремучей змеи вместе с головой. Высушенная мертвая змея разевала пасть, из которой угрожающе высовывались ее кривые ядовитые зубы. Позади свисали змеиные погремушки, издававшие пощелкивание при каждом движении паромщика.

Рот паромщика искривился в нервозной улыбке.

— Я знаю тебя, Жрица Роз Сайла. Весь Речной Народ знает Сайлу, все знают ее мужа, Класа на Бейла. Я — Сарис.

То, что Сарис приветствовал ее по обычаю Людей Собаки, было знаком его уважения. Но эта любезность сопровождалась слишком пристальным и изучающим разглядыванием. И держался он слишком самоуверенно. Представляя своих друзей, Сайла наблюдала за ним и группой мужчин, стоящих рядом. Они были очень сдержанны, но не враждебны. Когда Сайла представила Тейт, Сарис почти утратил самообладание.

— Все знают о Черной Молнии. Признаюсь, я считал, что врут. Ты действительно

черная. Я никогда не видел…

Тейт спокойно прервала его:

— Я знаю тебя, Сарис. Какие новости ты можешь нам сообщить?

Отвечая, Сарис продолжал нервничать, хотя и пытался взять себя в руки.

— Тот, которого зовут Мэтт Конвей, рассказал вам — меня предупредили, чтобы я вам не помогал?

— Да. Мы признательны тебе за твою храбрость, — ответила Сайла.

Сарис украдкой оглянулся.

— Они тебя ненавидят. Говорят, что ты — отверженная, как и маленькая Жрица Фиалок. Мне-то это безразлично. Всем известно, что служительницам Церкви нельзя причинять вреда, и Сарис никогда не нарушит священный закон.

Излучавший дружелюбие взгляд Сариса на мгновение стал хитрым. Перемена была столь скоротечной, что ее было трудно уловить.

— Кочевники Летучей Орды говорят, что ты украла сокровище Врат.

— Разве мы похожи на людей, у которых есть сокровища? — ответила Тейт. — Кочевники пытались захватить нас в плен, но нам удалось отбиться.

Налатан верхом на коне подъехал ближе.

— Многих мы убили. Они враги Церкви.

Сарис коротко кивнул. Он бочком придвинулся к Сайле.

— Мы должны спешить. Идем.

Приблизившись к Конвею, Ланта, нахмурившись, промолвила:

— Держи Микку и Карду около себя.

Конвей мгновенно насторожился.

— Что ты заметила?

— Предательство. Сарис врал. Остальные Речные слишком безразличны.

Подозвав собак, Конвей послал своего коня вперед. Поддержать этот разговор с Лантой означало вызвать спор, а он дал себе слово избегать этого. И все же эта постоянная необходимость себя сдерживать начинала задевать его за живое. Как долго ему придется терпеть эту добровольную епитимью? Если на то пошло, то как долго он сможет сохранить чувство кающегося грешника?

Ланта говорила, что может простить, но забыть — никогда.

Сам того не замечая, он рассердился. Что это значило? Постепенно злость прошла. Он подумал, настанет ли день, когда, посмотрев на него, Ланта не будет вспоминать то страшное, постыдное мгновение.

Он любил ее. Она любила его. Разве этого недостаточно?

Развьюченные лошади по сходням забрались на борт парома. Напуганных, скользивших и оступавшихся животных отвели в трюм. Собаки бежали за Конвеем.

Покончив с устройством лошадей, Конвей и Налатан присоединились к женщинам на передней палубе над трюмом.

Сарис отчалил. Ветер наполнил выцветший парус. Мачта, прочно соединенная с килем, проходила через трюм с лошадьми. Когда укосина проносилась над их головами, лошади испуганно фыркали и пытались освободиться от удерживающих их пут.

Чем дальше они отходили от берега, тем темнее становилась вода. Течение было быстрым, значительное быстрее, чем можно было ожидать для такой широкой реки. Вблизи воды ее мощь приводила в трепет.

Тейт близко наклонилась к Конвею.

— Ты видел, какой там выпрыгнул лосось? Держу пари, что в нем не меньше тридцати фунтов!

— Я знал одного парня, который однажды здесь рыбачил.

— На этой реке? Серьезно?

— Он выиграл разрешение на рыбалку по лотерее. Ты помнишь, как дорого стоило участие в этой лотерее. Мы считали, что он сошел с ума. А потом он не просто выиграл

разрешение, но и сам им воспользовался.

Это произвело на Тейт впечатление.

— Ого! Эти разрешения стоили целое состояние!

— С ними рыбачило больше иностранцев, чем американцев, — продолжал Конвей. — Иностранцы могли себе позволить перекупить у американцев выигранные ими разрешения. Что действительно обходилось иностранцам дорого, так это телохранители. Рыбалка могла принять очень неприятную окраску, ведь очень многим было не по душе, во что превратился спорт под открытым небом.

Погрузившись в воспоминания, оба некоторое время молчали. Вдруг Тейт решительно улыбнулась:

— Тот твой друг, ему удалось что-нибудь поймать?

— В тот день установили лимит — пять рыб. Он поймал три. Реку закрыли еще до полудня. Повезло ему, правда?

— Вот это да! — Тейт покачала головой. — Никогда не была знакома ни с тем, кто рыбачил здесь, ни тем более с тем, кому удалось поймать лосося. В нашей прошлой жизни.

Она уставилась невидящим взглядом на воду, затем, резко повернувшись, подошла и встала рядом с Налатаном.

Сарис ловко и без излишних усилий, что говорило о большом опыте, положил свое судно на нужный курс. Благодаря хитроумному устройству, фиксирующему руль, его руки оставались свободными для управления сплетенными из кожи снастями.

Торговцы расположились на корме. Некоторые из них разглядывали маленькую группку людей, стоявших в носовой части судна. Конвей и Налатан обменялись настороженными взглядами, когда несколько Речных спустились вниз к лошадям. Но боевые кони Людей Собаки, принадлежавшие Конвею и Тейт и не выносившие чужих, быстро преподали Торговцам урок. Один из Речных дотронулся до бока Вихря. Мгновенно мелькнуло убийственное копыто. Оплошавший Торговец отпрыгнул к голове коня. Но Вихрь, потерпев неудачу в попытке искалечить человека копытом, попытался достать его зубами.

Выругавшись, Речной отступил. Несколько его товарищей, злобно взглянув на коней и их хозяев, спрыгнули вниз, чтобы убедиться, не ранен ли он.

— Смотрите себе на здоровье сколько хотите, — крикнул им Конвей. — Только им не нравится, когда их трогают!

Тот, кого чуть не покалечило, что-то зло пробормотал.

Вдоль каждого борта парома тянулись узкие мостки, позволявшие перемещаться с кормы на нос и обратно. Речные теперь расположились на этих мостках. Некоторые из них свесили ноги почти до самой воды.

— Смотрите! — сказала Сайла, указывая пальцем. — Сожженная деревня.

Один из стоявших на мостках, посмотрев в указанном Сайлой направлении, сказал:

— Коссиары. Охотники за рабами. Никто никогда не видел их так далеко вверх но реке. Они пришли ночью.

Он что-то продолжал говорить, но Сайла больше не слушала. Перед ее мысленным взором мелькали беспорядочные вспышки и образы. Пламя. Ее отец в свете горящих домов соседей. Он размахивал обычным топором, единственным оказавшимся под рукой оружием, встречая обрушившийся на них ужас. Этот топор не спас ни его, ни его семью.

Крики, пожар. Утратившую от ужаса речь, ее вместе с другими детьми посадили в громадную корзину.

У ребенка, как и у ее убитых братьев и сестер, было имя. Оно умерло в хижине.

Сайла. Избранная Церкви, которой Церковь запрещала хранить память о ее детстве. Сайла. Такая умница. Достаточно умная, чтобы, когда к ней вернулась способность говорить, никому не открыть, что помнила о своей любви к матери и отцу.

— Сайла? — голос Налатана вернул ее к действительности. С безразличным лицом она повернулась к нему. Налатан озабоченно смотрел на Сайлу.

— Они обращались к тебе, — сказал он, указывая на шестерых Речных, собравшихся на мостках и в трюме. Сайла ничего не видела. Она еще находилась во власти воспоминаний. Ее шатало. Прикосновение Ланты подействовало успокаивающе. Та указала Сайле на обратившегося к ней Речного. Тот повторил:

— Как друг Гэна Мондэрка, не можешь ли ты объяснить, почему он отказался помочь Речным? Коссиары нас уничтожают. Мы обращаемся к могучим Трем Территориям за помощью, а он нам отказывает. Почему?

В его вопросе прозвучали не только обида и замешательство. За его словами крылось нечто другое: издевка.

Повернувшись к Ланте, Сайла приняла намеренно самодовольный вид:

— Так неприятно, когда удовольствие прерывается обсуждением серьезных проблем. Помнишь нашу ночную прогулку на лодке в Косе? Когда случился пожар? И вот опять то же самое.

Не дожидаясь ответа, она снова повернулась к задавшему ей вопрос человеку. Придерживаясь того же легкого тона, она сказала:

— Гэн Мондэрк — один из моих ближайших друзей. Его мать из Речного Народа.

— Украденная.

Это категоричное обвинение изрек Сарис. Казалось, что все Речные вздрогнули. Сайла поняла, что история матери Гэна здесь всем известна.

— Согласна, полученная в подарок, — быстро ответила Сайла. — Но тем не менее отец Гэна любил ее беззаветно всю жизнь. Он так и не взял себе в жены другую женщину.

Сарис неприятно рассмеялся.

— А у него и не было такой возможности. Всем известно, что она ведьма. Он думал, что совершил выгодную сделку, однако мы неспроста торговцы! Ведьма. Речные сразу распознают ведьм. — Сарис самодовольно закивал головой в подтверждение своих слов. Змея на его шляпе угрожающе шевелилась в такт кивкам.

— Гэн должен был нам помочь, — снова заговорил первый собеседник Сайлы, теперь перебравшийся ближе к носовой палубе.

Сайла скорее почувствовала, чем услышала, как позади пошевелились ее друзья. Снова обращаясь к ближайшему от нее Речному, она сказала с глуповатой улыбкой:

— Почему мы спорим? Повторяется то, что случилось во время нашего предыдущего водного путешествия. Всем было так хорошо, до того как случился спор, даже маленькому Джессаку.

— Джессаку? Ты сказала Джессаку?! — вскрикнул Сарис. Стоявший ближе всех к Сайле отпрянул, заставив остальных отступить. — Ты была в одной лодке с Джессаком?

С невинным видом Сайла спросила:

— А что, это имя тебе о чем-то говорит?

Страх исказил лицо Сариса.

— Все, доверившие свою жизнь воде, знают Джессака. Он — легенда. Он держит наши жизни в своих руках. Он — божество! — Сарис тревожно оглянулся. — Церковь не признает никакого бога, кроме Вездесущего. Только ведьма может утверждать, что знает Джессака!

С легким смехом и деланной шаловливостью, Сайла взмахнула рукой. Она делала все, чтобы показаться невозможно тупой.

— Джессак, о котором я говорю, еще просто ребенок. Мы спасли его от Коссиаров, когда восстали рабы…

— Говорят, что вы выкрали сына Капитана — Джессака. Это его имя?

Сарис снова обрел уверенность, и это послужило для остальных сигналом. Все как один посмотрели на Сайлу и ее друзей, стоявших в носовой части судна.

Из-за спины Сайлы Конвей сказал:

— Сарис, мы уже достаточно долго поднимаемся вверх по течению. Когда же мы повернем?

— Скоро!

Зловещие интонации, прозвучавшие в голое Сариса, заставили волосы на голове у Сайлы встать дыбом.

Налатан озадаченно заметил:

— Странно… Ветер шевелит листву только на вон той группе деревьев, которая как раз впереди нас.

Сайла не поддалась желанию взглянуть на эти деревья. Она сосредоточилась на Сарисе. Глядя вверх по течению, тот схватился за грудь и выкрикнул:

— Теперь!

Выхватив спрятанный под одеждой меч, стоявший ближе всего к Сайле Речной ринулся к ней.

Конвей крикнул собакам. Карда напал в тот миг, когда Речной протянул руку к Сайле. Пес с хрустом сомкнул свои челюсти на левой руке человека и встряхнул головой. С криком нападавший упал за борт. Вода, сомкнувшаяся над ним, стала красной. Вслед за первым к Сайле устремился еще один Речной, но Карда уже был готов его встретить. Оба, человек и собака, скатились в трюм. На помощь орущему соплеменнику, размахивая мечом, поспешил еще один Речной.

Не желая увидеть смерть собаки, Сайла отвернулась. Ее оглушил выстрел «вайпа». Снова заглянув в трюм, Сайла увидела, как вторая жертва Карды прощалась с жизнью, прижимая руки к своему разорванному горлу. Тот Речной, что размахивал мечом, лежал лицом вниз под копытами взбесившихся коней.

Сопровождаемый обоими собаками, Конвей бросился мимо коней на корму. Повернувшись, Сайла увидела, что Тейт смотрит перед собой. Прежде чем Сайла могла что-нибудь сказать, Налатан, схватив ее за плечо, бросил на палубу, где ее подхватили руки Ланты.

Взглянув на корму, Сайла увидела Конвея около Сариса. Собаки разорвали еще троих, пытавшихся приблизиться к их хозяину. Конвей вел огонь с методичностью плотника, забивающего гвозди.

Уцелевшие Речные искали спасения в реке. С искаженным яростью лицом Конвей ткнул дулом прямо в голову испуганного Сариса.

Внимание Сайлы привлек донесшийся с носовой части звук глухого выстрела из нижнего ствола «вайпа», называвшегося «бупом».

Тейт вела огонь по акульему челну. У Сайлы невольно отвисла челюсть при виде челна Скэнов, забравшегося так далеко вверх по течению Матери Рек. Зловещая лодка отделилась от прибрежной зелени, освобождаясь от маскировавших ее веток и небольших деревьев.

— Деревца повыше были привязаны к веслам, — пояснил Налатан. — Я видел, как они падали, когда их лодка отчалила от берега. Скэны поджидали нас.

Сайла молча кивнула.

Паром опасно накренился, заставив всех стоявших упасть. Сайла, прижатая к Ланте, услышала, как Конвей крикнул:

— Держитесь! Мы поворачиваем вниз по течению. Тейт, иди на корму!

Женщины лежали на палубе, пока не закончился крутой разворот. Хватаясь за поручень, Тейт проложила себе путь к корме. Сайла заметила, как поднятые вертикально вверх весла акульего челна опускаются на воду. Сбросив камуфляж, челн открыл свои хищные черты. С первым же гребком весел он заметно приблизился к парому.

Остальные спутники Сайлы поспешили вслед за Тейт. Конвей продолжал сидеть рядом с Сарисом, приставив дуло к уху Речного. Шляпа Сариса с устрашающей лентой валялась на палубе. Голова змеи оказалась под сапогом Конвея.

— Налатан, возьми эти кожаные веревки и привяжи эту свинью за шею к поручню на тот случай, если он вздумает откланяться! — сказал Конвей.

— Мы не сможем уйти от акульего челна, — взмолился Сарис, — разрешите мне остановить паром, я с ними поговорю. Они меня знают.

Перебив иронический смех Конвея, Сайла сказала:

— Доставь нас на берег, Сарис. Если мы оторвемся, обещаю, что ты будешь свободен. Даю слово.

— Они нас настигают, — сказал Налатан. — Так быстро не может двигаться даже лошадь!

— Я заставлю их снизить скорость! — сказала Тейт. Ухнул выстрел «бупа». Мгновением позже, когда заряд взорвался в воде, она пробормотала: — Если удастся попасть в них!

Она снова выстрелила. Налатан преданно подбодрил ее при очередном промахе.

Передав Сариса на попечение Налатана, Конвей присоединился к попыткам Тейт.

Очередной заряд угодил в палубу челна. Скэны, оправдывая свою репутацию бесстрашных воинов, не обращая внимания на потери, продолжали погоню. Потом весла стали падать за борт. По мере того как расстояние между суднами невероятно быстро сокращалось, Конвей и Тейт перешли на фосфорные заряды.

Из-за защищавшего гребцов планшира повалили клубы дыма. Появились языки пламени. Вопли раненых оттеняли пронзительный визг кожаных снастей парома.

Не отрывая взгляда от стремительно приближавшегося челна, Тейт крикнула Налатану:

— Они потеряли руль. Пусть пройдут рядом с нами. Мы разнесем их «вайпами»!

Вдохновляемый острием кинжала Налатана, приставленного к его горлу, Сарис выполнил требуемый маневр. В последнее мгновение он провел неуклюжий паром на расстоянии корпуса от беспомощного челна. Челн Скэнов, весь в клубах дыма, валившего из палубы и в обрушившихся снастях, скользил мимо парома. За завесой дыма было видно, как метавшийся по палубе экипаж челна пытался загасить пламя, черпая воду ведрами. Делая все возможное, чтобы удержать челн на курсе, многие гребцы оставались на своих местах. Ослепленные дымом и никем не предупрежденные, они оказались застигнутыми врасплох. Их весла, ударившись о борт парома, вырвались из рук. Двигавшийся корпус массивного судна зацепил весла и послал их вперед, превратив в огромные дубинки. Раздавленные гребцы были сметены со своих сидений, как гнилые овощи.

Конвей и Тейт видели побоище. Они опустили свое оружие даже до того, как челн прошел мимо.

Река предъявила свои права на челн. Кружась и зачерпывая воду бортами, он понесся вниз по течению.

Вскоре паром со скрежетом причалил к берегу. Сайла и Ланта допрашивали Сариса, пока остальные спускали лошадей на берег. Прежде всего Сайла объяснила Ланте:

— Он схватился за грудь, когда приказал своим людям напасть. Я хочу знать почему.

Обнаружив на горле Сариса тонкую цепь, она вытащила из-под его одежды плоский, сверкающий на солнце серебряный диск.

— Культ Луны, — в устах обеих женщин это произнесенное шепотом слово прозвучало как проклятие.

Оскалив зубы, Сарис прижался спиной к корпусу парома.

— Сила Луны раздавит вас всех: и Церковь, и ведьм.

— Кто меня называет ведьмой? — спросила Сайла.

— Ты с теми, кто повелевает молнией. Разве Ланта не провидица? Все они ведьмы, и все равно, называет ли их так Церковь или нет. Всем известно, что черная женщина околдовала монаха Налатана. Она заставила его отречься от Церкви.

— Им все это известно, да? — В противоположность Ланте, которая кипела от ярости, Сайла сохраняла спокойствие.

Тон Сариса стал евангелическим.

— Мы, Люди Реки и Летучая Орда, объединились со Скэнами. Мы заключим мир с Коссиарами. И Гэн Мондэрк увидит, как мы наступаем на него со всех четырех святых сторон. Воды и горы поднимутся против него и всех тех, кто противостоит нам. Три Территории и Церковь дадут обильный урожай рабов!

Сайла не заметила, как к ней приблизился Налатан. Не удостоив Речного взглядом, он

сказал:

— Лошади на берегу. Если ты присоединишься к остальным, я позабочусь об этой мрази. Я видел проклятый диск! — И он поднял свой меч.

Сарис пронзительно закричал:

— Я умру, чтобы навсегда воскреснуть на Луне. Я буду отомщен! Луна, Луна!

— Освободи его, — отступив, сказала Сайла.

С искаженным от презрения лицом Налатан рассек кожаные путы.

Быстро наклонившись к щиколотке, Сарис выхватил из прикрепленных там ножен короткий кинжал и выпрямился. Ухмыляясь в религиозном экстазе, он сделал выпад в сторону Сайлы. Как во сне, Сайла видела свои медленно поднимавшиеся руки, слишком медленно, чтобы отразить предательский удар.

Нож заполнил все пространство.

Вдруг перед ней мелькнуло что-то блестящее с неясными очертаниями. В куртке Сариса возникла дыра. Кинжал выпал из его рук. Его экстаз сменился ошеломлением. Он остановился, прижав руки к груди, с недоумением глядя на заливавшую его грудь и руки алую кровь.

Налатан приготовился нанести последний удар.

Сайла схватила своего товарища за руку и держала ее, пока он не успокоился. Тогда она принялась оказывать помощь Сарису.

Сарис прижал левую руку к груди, сжав пальцами рану на своем правом бицепсе. Снова погрузившись в состояние экстаза, он забормотал:

— Посмотришь, ведьма, еще посмотришь. Ты проклянешь тот день, когда ты меня пощадила. Проклянешь так, как я проклинаю тебя!

— Ты оказываешь милосердие там, где ему не рады, и там, где оно не нужно, — сказал Налатан Сайле.

— Милосердие именно тогда больше всего и требуется, — спокойно ответила Жрица Роз.

Глава 9

Через сложенные из камня и дерева стены форта Скэнов переваливался дым. Сине-серые клубы дыма казались продолжением зеленых волн холодного моря, разбивавшихся о берег на расстоянии полета стрелы от форта. Смешавшись с дымом, утренний туман придавал стенам угрюмый вид.

Прихрамывая, Лорсо шел по узким боевым мосткам, тянувшимся с внутренней стороны вдоль частокола. Через каждые несколько шагов он проходил мимо бойниц для лучников — узких вертикальных прорезей в местах соединения двух бревен. Достигнув юго-западного угла квадратного форта, Лорсо повернул налево. Лучи рассветного солнца, встающего над горизонтом, согрели его лицо. Впереди на гладкой поверхности естественной гавани к востоку от форта застыли акульи челны. Взглянув на яркое отражение рассвета в воде, Лорсо подумал о лезвии бритвы. Он услышал шелест лезвия по коже ремня.

Это был его любимый звук. Еще с детства он находил в нем успокоение. Никогда прежде Лорсо не думал, что этот шепот стали может вызывать сексуальные чувства.

Джалита.

Если всего лишь звук был способен разжечь желание, то Джалита была единственной женщиной, необходимой ему, чтобы это желание продолжало гореть. И чтобы погасить его. Так противоречиво. Как заточка ножа. Успокаивающе. Возбуждающе. Как это могло быть?

Джалита. Он остановился, положив руку на стену. За гаванью Виднелись деревянные хижины города. Желание ослабило его ноги. Он посмотрел на юг. Там возвышался округлый расколотый пик, олицетворявший клюв Сосолассы, божества-осьминога Скэнов. Сосоласса, который слышал все, видел все и вещал через избранную им Женщину-Духа Слезы Нефрита.

Владелица Джалиты. Джалита, оружие, которое Сосоласса приказал найти Слезам

Нефрита.

Когда бы Лорсо не взглянул на Джалиту, он помимо своей воли видел ее обнаженной, освещенной огнем, такой, какой он ее захватил в плен. Ранимой. Дрожащей. Принадлежащей ему по праву сильного.

Желудок Лорсо болезненно сжался. Джалита была запретной, она принадлежала божеству.

Однако Лорсо знал, что Джалита не желала божества. Джалита хотела Лорсо. Этой ночью.

Ладони Лорсо покрылись потом. Он обтер их о свои грубые, словно из мешковины, штаны.

В неверном лунном свете Лорсо скользил от хижины к хижине, пробираясь через город. Караула, как такового, не было. Но глаз было предостаточно. Спали не все.

Кроме того, были стаи собак. Одичавшие, они жили в лесу, но иногда устраивались в сараях или рыли норы под хижинами. Обычно дикие собаки приходили, когда ждали появления потомства. По ночам они бродили среди хижин. Здесь их не трогали волки и можно было беспрепятственно рыться в отбросах. Они могли быть очень опасными. По крайней мере раз в год кто-нибудь оказывался серьезно искусанным. Когда такое случалось, устраивалась облава. На какое-то время собак становилось меньше. Но вскоре все возвращалось на свои места.

Лорсо нередко посещала тревожная мысль о том, что у него много общего с этими собаками. Они никому не принадлежали, но находили у человека защиту тем, что приносили ему пользу. В среде Скэнов Лорсо пользовался славой, но всегда оставался одиноким. Сосоласса забрал всю его семью. Поэтому Слезы Нефрита и усыновила его.

Он напомнил себе, что она его любит. Да, он усыновленный, но любимый. Безусловно.

Какое-то время Лорсо был не уверен: то ли его мысли о собаках создавали ощущение их присутствия, или действительно за ним кто-то крался. Обнажив меч, Лорсо обернулся.

Присевший вожак стаи был совсем рядом. Увидев, что его заметили, вожак почти распластался на земле. Темноту прорезало его рычание. Волосы на голове у Лорсо встали дыбом.

Медленно, выставив вперед свое оружие, Лорсо отступал. Страх себя обнаружить принудил его отступить. Разъяренному Лорсо очень хотелось нанести удар по собаке. Это была очень крупная собака, и стая безропотно слушалась ее. Кроме легкого поскребывания когтями и изредка раздававшегося пыхтения, собаки были совершенно безмолвны.

Наклонившись вперед, Лорсо поднял меч. Стая, как дым, припадая к земле, подалась назад.

На окраине города хижины разделялись большими расстояниями. Кусты и деревья давали лучшее укрытие, чем углы и дверные проемы. Лорсо перевел дух. Через щель в двери хижины Слез Нефрита пробивался свет. Старая женщина бодрствовала. Холодный страх охватил Лорсо. Женщина-Дух знала.

Ужас бился у него в крови, в ушах зашумело. Он схватился обеими руками за меч. Если его обнаружат, Лорсо решил умереть сражаясь, но не стать развлечением для воющей толпы.

Тут он услышал нежные звуки музыки, льющейся из хижины рядом с обиталищем Слез Нефрита. Это жилище было погружено в темноту. Хижина Джалиты.

Приятная, тонкая мелодия напоминала запах цветов в ночном воздухе. Слышались мелодичные аккорды тарна, струнного инструмента Скэнов, на их музыкальным фоне пел нежный, зовущий голос.

Лорсо ползком перебрался через открытый участок. Осторожно обойдя цветники, он присел на корточки около дверей Джалиты. Лорсо тихонько постучал.

Не сбиваясь с такта и не изменяя мелодию, Джалита мелодично пропела:

— Войди, возлюбленный! Не произноси ни звука. Замри и жди меня.

Лорсо проскользнул в дверь. Все еще сжимая в руке меч, он прислонился к стене и, как было велено, стал ждать. Сердце бешено колотилось о его ребра. Он тяжело дышал, вдыхая

запахи женщины: чисто вымытой кожи, расчесанных волос и сладковатый запах кедрового масла. Его виски и верхняя губа покрылись капельками пота.

Закончив песню, Джалита сказала:

— Мы должны быть осторожными!

В ее голосе чувствовался огонь желания, шелест ее движений в темноте заставил кровь Лорсо вскипеть.

Потом наступила абсолютная тишина. Тяжелая, удушающая тишина. Его охватило ощущение присутствия рядом кого-то или чего-то.

Перед его мысленным взором предстал образ покрытой морщинами Слез Нефрита, на лице которой была написана ненависть к Лорсо.

Лорсо вздрогнул, когда что-то прикоснулось к его щеке. Чьи-то пальцы прижались к его губам.

— Я здесь, моя любовь. С тобой, твоя. Эта ночь — наша.

Рука Джалиты переместилась с его губ на руку, схватившуюся за рукоять меча.

— Тебе это не понадобится, — тихо засмеялась Джалита. — Этой ночью ты будешь покорять другим оружием.

Потом ее рука легла ему на грудь, переместилась к верхней застежке его блузы и расстегнула ее. Ловкие пальцы проникли под блузу и стали гладить его грудь.

Лорсо рванулся вперед, чтобы схватить Джалиту в объятия. В ответ с другого конца комнаты послышался ее дразнящий смех.

— Лорсо, я здесь. Обнаженная. Такая, какой ты однажды уже меня видел. Такая, какой я была, когда ненавидела тебя, только теперь я жду тебя.

Лорсо бросил меч на пол. Дрожащими руками он торопливо справился с застежками, шнурками и поясом и небрежно бросил свою одежду на пол рядом с мечом.

Лорсо перешел через комнату и почувствовал под своими протянутыми руками такую нежную, упругую, влекущую кожу, что на мгновение замер от удивления. Джалита поймала его запястья, не давая больше прикасаться к себе. Рассердившись, Лорсо наклонился вперед, но Джалита, не ослабевая своей хватки, увернулась. Совершенно другим, требовательным голосом она произнесла:

— Подожди. Сначала принесем клятву. Потом…

Джалита выпустила руки Лорсо. Через время, показавшееся Лорсо вечностью, в его руки легло что-то металлическое. Это оказался короткий кинжал. Большим пальцем он потрогал острое лезвие, которое сам наточил, когда Джалита обещала ему эту ночь. Он быстро провел лезвием две черты на своих руках ниже локтей. Пальцы Джалиты прикоснулись к ранам и задержались на них, почувствовав влагу.

— Теперь — я! Скорее, Лорсо, скорее!

Она дважды судорожно вздохнула, когда Лорсо нанес ей такие же порезы. Потом Джалита прижалась своим горячим и податливым телом к Лорсо. Они соединили руки, подняв их над головой. Кровь, текущая из тонких порезов, смешалась.

— Вот, — Лорсо с трудом выговаривал слова клятвы. — Кровь одного — кровь обоих. Я клянусь тебе своей жизнью. Сосоласса меня слышит.

Прильнув к Лорсо, Джалита прошептала ему на ухо слова клятвы. Они стали с жаром ласкать друг друга, их возбужденный шепот шелестел в ночи. Между словами язык Джалиты ласкал кожу Лорсо. Ее тело скользило по его телу.

Издав низкий рычащий звук, Лорсо подхватил ее на руки и отнес на покрытую мехами кровать.

* * *

Опираясь одной рукой на сопровождавшую ее женщину, хромая, Слезы Нефрита вошла в хижину Джалиты. В другой руке она держала свой разукрашенный посох, которым ткнула спящую Джалиту.

— Вставай! — удивительно молодым и веселым голосом приказала старуха. Джалита, опустив ноги на деревянный пол, немедленно села, завернувшись в медвежью шкуру.

На морщинистом лице Слез Нефрита появилась улыбка — как щель на камне. Ее зубы ослепительно сверкали, как и ее быстрые, вопрошающие глаза.

— Похоже, что ты неплохо перенесла бурю. Моя прелестная маленькая морская птичка поймала первую рыбу. Да, моя дорогая, ты полностью оперилась и встала на крыло!

Мгновенно отбросив свою игривость и став серьезной, она наклонилась над Джалитой. При этом она тяжело оперлась на сопровождавшую ее молчаливую женщину.

— Все прошло хорошо?

Джалита глубоко вдохнула. Ее лицо ничего не выражало, глаза еще не проснулись и уставились невидящим взором в одну точку. Полные губы расплылись, потеряв свой четкий рисунок. Подняв руку, Джалита провела по ним пальцами. Потом она заулыбалась, превратившись из только что разбуженного, никому не нужного, брошенного ребенка в сладострастную, пресыщенную женщину.

— Хорошо? Лучше сказать чудесно! Если вообще это можно выразить словами. Как бы мне хотелось, чтобы ему не нужно было уходить! — сказала она, надув губы.

— Ах ты, проказница! — Изумленная и посмеивающаяся Слезы Нефрита оторвалась от своей спутницы и подошла к стулу около окна. Посохом она указала женщине, сопровождавшей ее, место в углу. — Мне не интересны непристойные подробности вашей случки, ты, молодая бездельница! — продолжила Женщина-Дух. — Покажи мне свои руки. Он принес клятву?

Джалита показала порезы на руках.

— Итак, — довольным тоном произнесла Слезы Нефрита, — мы делаем успехи.

— Успехи в чем? — В этот раз Джалита действительно надулась.

— Это не твоего ума дело. Разве ты плохо живешь? Разве я не выполнила каждое данное тебе обещание?

— Ты со мной обращаешься как с собственной дочерью.

— Лучше. Поверь мне, намного лучше. Потому что ты принесешь Скэнам славу. Славу, которую они заслуживают. С моей помощью ты возвысишься до таких высот, которые ни одному Скэну, а может быть, и никому в мире, никогда не снились. Ты будешь править. Я воссоздаю себя, Джалита. Такой же живой ум, как мой, тело и силы — они сделают то, что эта старая оболочка уже никогда больше не сможет сделать снова. Ты будешь жить, чтобы я жила.

Джалита кивнула.

— Тот, кто нам нужен, попался в наши сети, — продолжала Слезы Нефрита. — Теперь моя очередь. Этой ночью он отправится с акульими челнами в Три Территории. Пусть он еще немного созреет.

Женщина в углу нарушила свое молчание:

— Нападение на столицу Гэна Мондэрка отложат до его прибытия?

Опустив голову, старуха затрясла седыми космами.

— Ква не те союзники, которые нам нужны для уничтожения Гэна Мондэрка. Если при этом нападении его удастся свергнуть, тем лучше. В конце концов, все они работают на меня.

Она повернулась к Джалите.

— На нас. Мы используем их силы, их мечты, их умы. Люди подобны морю: громоподобны, непреодолимы, ужасны. Мы пребываем рядом с Сосолассой, скрытые во тьме, в тиши. Мы наблюдаем. Ждем. Подобно луне, вечной сестре женщин, излучаемый нами свет обманчив, наша тьма ослепляет и опутывает.

Перебирая шишковатыми руками по своему посоху, Слезы Нефрита с трудом поднялась. Единственный ее взгляд в сторону женщины, вскочившей из своего угла, чтобы помочь старухе подняться, как удар, заставил ту отступить. Шаркая по направлению к двери, Слезы Нефрита произнесла:

— Останься со своей дочерью, Мена. Я позову, когда ты мне потребуешься.

Оставшиеся в хижине две женщины еще долге после ухода Слез Нефрита сидели, неподвижно застыв. Наконец Мена подошла к окну. Прежде чем заговорить, она отвернулась от окна.

— Она ушла. С тобой все в порядке?

Джалита отбросила медвежью шкуру и с удовольствием по-кошачьи потянулась. Она ухмыльнулась, потом взглянула на свою мать. Самообладание ей изменило, и она, покраснев, снова нырнула под медвежью шкуру. Опустив глаза, Джалита кивнула.

— Со мной все в порядке. Это не было… обузой.

Сморщив нос, Мена поспешила к высокому сундуку, вся внешняя поверхность которого была покрыта резьбой, изображавшей Сосолассу. Открыв сундук, она выудила из него бальзам.

— Хорошо, что твой Лорсо знает, как пользоваться ножом. Твои порезы очень тонкие. Они быстро заживут. Слезы Нефрита сказала, что ты должна их скрывать, но тебе нельзя носить бинты. — Ее голос осекся, когда она повернулась к дочери, а глаза наполнились невыплаканными слезами. — Мне уже давно следовало себя убить. Ничего бы этого не случилось. Мое бедное дитя.

Протянув руки, чтобы мать натерла раны бальзамом, Джалита усталым тоном сказала:

— Сколько раз мы уже об этом говорили? Наша жизнь не так уж и плоха. Слезы Нефрита была жестокой, пока мы не научились относиться к ней как к другу. Ты достаточно меня била, когда мы жили с народом Фор. «Чтобы я понимала». Слезы Нефрита просто ударила больнее.

Мена шмыгнула носом и стала втирать бальзам сильнее, чем требовалось. Чуть заметно поморщившись, Джалита сказала: Ты видишь? Боль. То же, что я получаю от Слез Нефрита.

— Я тебя не понимаю. У меня были такие надежды! — Лицо матери выражало муку. — Я тебя наказывала за проступки, чтобы ты не навредила себе. Она же тебя терзала. Не давала спать, давала тебе ровно столько еды и воды, чтобы ты не умерла. И ни с кем, кроме нее, ты не могла разговаривать. Я молилась, чтобы ты умерла, ведь мне казалось, что ты лишишься рассудка. Теперь ты себя ведешь так, будто она…

У Мены так сжало горло, что она не могла больше говорить.

— Будто она моя мать? — Джалита погладила по щекам склонившуюся перед нею пожилую женщину. Роли неожиданно поменялись. Теперь утешала она.

— Я была готова к тому, чтобы сойти с ума. Или умереть. Слезы Нефрита знала это. Это ей доставляло удовольствие. Но ее путь оказался правильным. Я это понимаю. Ты слышала, что она сказала, — я буду править. На что я, девушка из народа Фор, могла надеяться? Получить больше рыбы? Лучшую лодку? Единственные светлые воспоминания из моей прошлой жизни — воспоминания о тебе. Но теперь мне нужно побыть одной, хорошо?

Испуганная Мена схватила ласкавшую ее щеку руку дочери.

— Тебе больно?

Поднимаясь и натягивая медвежью шкуру, Джалита улыбнулась.

— Нет, мне не больно. Просто я хочу подумать.

Что-то бормоча, Мена ушла, не споря.

Джалита осмотрела свои руки, будто надеялась что-то узнать, изучив порезы.

— Твои планы, мама, умерли под мечами Скэнов. Планы Слез Нефрита — ее тайна. Никому в голову не приходит, что у Джалиты имеются собственные планы. «Ты будешь править». — Это был голос Слез Нефрита, скрипучий до смешного. Она даже карикатурно изобразила появление старухи, согнувшись и тряся головой. Джалита выпрямилась. С удовольствием потянулась. Ее немой смех был подобен предупреждению из самого темного закутка неизвестной комнаты.

Глава 10

Вдоль узкой тропы, ведущей на север, в Олу, росли огромные ели. Обломки коры и густые ветви поглощали свет и звуки, окружив Сайлу и ее друзей угрюмой тишиной. Самым опасным в таком окружении была кажущаяся открытость. Видно было очень далеко. Это напоминало какой-то парк. На самом же деле огромные стволы и тень представляли опасность. Все они видели, как отряд Волков из ста воинов рысцой вбежал в такой лес и тут же исчез из виду.

Вдруг из леса на вьючную тропу прямо перед ехавшим во главе группы Конвеем выскочила Микка. Она посмотрела на своего хозяина, а потом снова в лес. Шерсть на ее загривке встала дыбом. Конвей знаком подозвал к себе Тейт и Налатана. Троица сошла с тропы. Сайла и Ланта тоже покинули тропу, оставив между собой своих вооруженных спутников.

Поравнявшись с Миккой, Конвей всмотрелся в лес.

— Я чувствую запах дыма, — прошептала Тейт.

Расширив ноздри, Налатан утвердительно кивнул.

— Не только дерево горит. Кожа, мясо.

Образовав цепь, они последовали за настороженной Миккой. Она привела их к Карде, который лежал на берегу довольно широкого ручья.

Конвей первым приблизился к горящей хижине. Огонь еще не вырвался из нее наружу. У задней двери хижины лежала женщина. Из открытой двери и окна клубами вырывался дым. У дальнего угла хижины двое верховых со смехом боролись за кусок яркой ткани, вырывая его один у другого. Один из них что-то кричал. Спереди хижины ему отвечали голоса других мужчин.

Снова раздался крик.

Конвей дважды выстрелил. Кони шарахнулись в сторону, а разнесенные в клочья седоки выпали из седел. Кликнув собак, Конвей бросился в атаку. Обогнув хижину, он наткнулся на группу растерявшихся пеших воинов. Они уставились на убегавших коней.

Еще два выстрела сразили одного из них. Посреди группы появилось что-то бело-красное. Конвей избегал туда смотреть. Ему удалось еще раз выстрелить. Еще один воин упал.

Наиболее агрессивный из застигнутых врасплох воинов повернулся и сделал выпад окровавленным мечом, пытаясь достать Конвея. Карда тут же бросился на его открывшееся горло. Собака и человек упали на землю, затем Карда снова последовал за своим хозяином.

Появились спешившиеся Тейт и Налатан. Тейт уже вела огонь. Налатан издал боевой клич. В левой руке он держал свой странный железный посох, на середине которого был прикреплен щит, а на каждом конце — шар. Меч в его правой руке выписывал в воздухе серебристый шипящий круг. Конь Налатана, врезавшись в группу людей, свалил на землю двоих, а третий упал под мечом.

Тейт убила еще двоих.

Когда они развернули коней, чтобы вернуться на свои исходные позиции, единственный оставшийся на ногах воин, отшвырнув свой меч, со всех ног бросился в лес. За ним помчался Налатан. Раздался резко оборвавшийся вопль. Возвращаясь, Налатан свесился из седла, вытирая свой боевой посох о землю.

Конвей не мог поверить, что стычка окончена. Так жестоко и так быстро. Его шею сковал нервный спазм. Налатан подъехал к нему. Тейт перед хижиной наклонилась, рассматривая маленькую обнаженную фигуру, окруженную телами ее мучителей.

Один из поверженных воинов зашевелился. Другой со стоном двинул рукой. Конвей поручил их охрану собакам.

Тейт поднялась. Встретив взгляд Налатана, она покачала головой и вымолвила:

— Слишком поздно. Это был просто маленький мальчик.

Галопом на лошадях примчались Сайла и Ланта. Едва взглянув на павших воинов, они поспешили в хижину. Огонь набирал силу. Из левого окна показались языки пламени, но

дверь еще не занялась. Конвей заглянул сквозь дым и пламя в хижину. Там он увидел еще два тела — мужчину, так и не выпустившего из рук лопату, и еще одного мальчика. Рядом с ним лежал до смешного крошечный ножик. Конвей и Налатан вошли в хижину. Осмотревшись, они заметили молодую обнаженную женщину. Конвей вспомнил о воинах, дурачившихся с куском яркой ткани.

Жрицы подошли к двум оставшимся в живых воинам.

— Видите, что они натворили? — спросил Конвей.

— Сайла — военная целительница, я — целительница, — ответила Ланта. — Ты свои обязанности выполнил, теперь дай нам выполнить свои.

На этом Ланта повернулась к Конвею спиной, давая понять, что тема исчерпана.

Ланта занялась воином, который пострадал от зубов собаки. Его правая рука была разорвана от локтя до кисти.

— К какому народу вы принадлежите? — спросил его Конвей.

— Мы — Ква, — простонал тот в ответ, потом закричал от боли и обмяк.

— Ква?! Но ведь ваши земли так далеко на севере! — встревоженно отреагировала Сайла.

У Конвея сжался желудок.

— Вы напали на Олу? Прошли на юг через Харбундай?

На лице раненого сквозь боль проступило торжество.

Мы заключили союз с Людьми Гор. Эпидемия не выпускает Людей Собаки из их лагерей, поэтому они не смогут оказать помощь. Сегодня мы завоюем Олу.

— Сколько вас? Что происходит в Оле?

Раненый сглотнул. Его молчание красноречиво свидетельствовало, что положение Олы скверное. Налатан так близко наклонился к пленнику, что их носы едва не соприкасались.

— Мародеры и трусы, оставленные здесь, чтобы совершать набеги на таких бедняков, как эти люди!

Ква завизжал и попытался отползти.

Сайла осторожно, но решительно оттолкнула Налатана.

— Перевяжи его получше, — велела она Ланте. — Я перевяжу ногу второму.

— Мы оставим вам еду и воду, — сказала она раненому.

Встревоженный Ква попытался приподняться.

— Острая Скала не сможет держать в руках оружие. Я не смогу идти. Наши лошади исчезли. Кто-нибудь нас обнаружит! — Он скосил глаза на пылающую хижину.

— Здесь почти никто не живет, — ответил ему Конвей. — Вас скорее всего найдет какой-нибудь тигр или волки. Они с вами обойдутся лучше, чем вы с этой семьей!

Помогая Ланте подняться, Конвей со злобным удовольствием многообещающе улыбнулся Ква.

Сайла и Ланта настояли на том, чтобы с убитыми поступили как положено. Конвей сложил в небольшом сарае валежник для погребального костра. Налатан с интересом посмотрел на своего друга.

— Ты как будто страшно торопишься. Эти Ква тебя обеспокоили?

— И немало! Если они в Оле, Гэн попал в беду. Наши друзья в беде.

— Им нужна наша помощь?

Улыбнувшись тому, как Налатан автоматически воспринял сказанное как относящееся и к нему, Конвей ответил:

— Боюсь, что да. Мы должны спешить!

Когда они покидали это место, над ревущим огнем поднимался густой черный дым. От жара огня свисавшие ветви растущих вблизи елей беспорядочно поднимались и опускались. Они напомнили Конвею беспомощную жестикуляцию плакальщиков у открытой могилы. Оставленные двое Ква жались друг к другу на фоне пылающего огня.

Ланта ехала рядом с Конвеем перед Сайлой. Он попытался отослать ее назад, ведь впереди — опаснее всего, но ее улыбка заставила его умолкнуть.

Наконец они взобрались на гребень горы. Между ними и сверкавшими вдали в утренних солнечных лучах стенами осажденной Олы возвышались несколько гребней. Среди скученных строений были видны языки пламени. Подхваченный ветром дым образовал плоскую траурную мантию. Даже на этом расстоянии были слышны звуки труб и барабанов.

Налатан, у которого было почти соколиное зрение, заметил: — Затишье. К стенам не приставлены осадные лестницы.

— Красное и желтое, — с волнением сказала Сайла, схватившись за спину куртки Налатана. На коже оставались царапины от ее ногтей. — Красное и желтое — цвета Гэна!

Сощурившись и наклонившись вперед, будто такое мизерное сокращение расстояния имело какое-нибудь значение, Налатан сосредоточенно вглядывался. Неожиданно он с улыбкой выпрямился.

— В центре, около тех сверкающих ворот!

— Тогда мы не опоздали! — воскликнула Тейт, поправляя «вайп» на своем плече. — Десантники! К затворам — заряжай!

У Налатана был обескураженный вид.

— Ты и раньше такое говорила. Когда ты ждала неприятностей. Что это? Молитва?

— Эгей-й-й! Не совсем молитва, любимый, не совсем. Возможно, почти молитва!

Она снова рассмеялась. Налатан посмотрел на Конвея, который беспомощно пожал плечами.

— Наше оружие и внезапность могут дать преимущество, — сказал Конвей. — Мы можем напасть с тыла на этих людей, прежде чем они поймут, что случилось. Ну как, Доннаси?!

— Чем скорее, тем лучше. Единственное, что нам мешает, — эти гребни. Мы должны пересекать их с осторожностью, чтобы наши силуэты не стали видны на фоне неба.

— Вон там и там: деревья и кустарник. Мы двинемся тем путем и появимся не прямо в тылу, а на фланге противника. И вообще нам не нужно оказаться прямо напротив них: мы же не хотим, чтобы они нас затоптали, когда побегут!

Конвей послал собак вперед. Помчавшись во весь опор, они пересекли поле и скрылись в первой рощице. Через несколько мгновений Микка выскочила назад и посмотрела на Конвея.

Тейт промолчала, когда Налатан и Конвей намеренно сблизились и поехали впереди, оттеснив ее назад. Она постаралась спрятать довольную улыбку. Она знала, что из них троих она лучше всего натренирована и лучше вооружена для данного случая. Каждый из этих двоих мужчин был физически сильнее ее, а следовательно имел перед ней преимущество в рукопашном бою. У Конвея был определенный тактический опыт, приобретенный во время его непродолжительного пребывания в Летучей Орде. Тем не менее ни у одного из них не было ее подготовки к бою с огнестрельным оружием. Поэтому она позволила им ехать впереди. Пусть думают, что защищают ее!

Они без приключений достигли последнего перед городом хребта. Невдалеке воины набирались боевого духа, барабаня по щитам и завывая.

Налатан пригнулся. Эта простая предосторожность для Тейт изменила все. Впереди были враги. Они хотели смерти Налатана.

Острые укусы страха попытались нарушить ее решимость.

Она его любила. Он не должен пострадать. Он будет сражаться. Бой — главное в его жизни. Но он сам — ее жизнь. Слабый внутренний голос нашептывал, что жизнь изменчива, а смерть — всегда наготове. Тейт прогнала этот голос. Она и ее мужчина были воинами. Рожденные друг для друга, рожденные для этого мига.

Никто не повредит Налатану. Она этого не допустит.

Ритмические крики Ква перешли в нестройные вопли. Раздался разноголосый рев боевых труб. Видимо, под стенами Олы кипело сражение.

Тейт впитывала этот хаос в себя. Ее лицо покрылось потом. Она так крепко сжала в руках свой черный «вайп», что хрустнули суставы пальцев. Нервная дрожь мешала как

следует привязать коня к деревцу.

Фланговый караул Ква состоял всего из трех человек. Они неосторожно покинули свой пост на южном склоне горы, зачарованные зрелищем проходящего мимо них потока воинов. Обнажив мечи, Налатан и Конвей налетели на них.

В голосе Тейт зазвучал металл.

— Налатан, там для тебя хорошее укрытие. Они нападут на нас. Отгони их. Конвей, мы сосредоточимся на основных силах. Твой сектор — от той боевой трубы на север; бей их из «бупа». Мой сектор — южный. Когда они бросятся на нас, отход прикрываю я — у меня самый быстрый конь.

Усмехаясь, Конвей кивнул.

— Принято, кроме последнего, дорогуша!

Он уже распластался на земле и занимал положение для стрельбы.

— Вы с Налатаном отступаете первыми. Без тебя он ни за что не покинет этот хребет, и ты это знаешь. — Резким движением он прекратил ее возражения. — Замолчи и стреляй! Они уже у стены.

Треск «вайпов» и глухие выстрелы «бупов» защитников стен перекрыли шум боя, пока Тейт с Конвеем не открыли огонь. Воины Ква завертелись, падая на землю.

Что-то золотистое мелькнуло перед Тейт. Шлем. Воин размахивал мечом. Тейт пальнула из «бупа». В толпе образовалась дыра, которая немедленно затянулась. Предводитель высматривал, откуда возникла эта новая угроза. При вспышке от следующего выстрела Конвея воин в шлеме схватил за руку стоящего рядом с ним человека и указал на хребет. Гонец, увертываясь от воинов, устремившихся в атаку, помчался в южном направлении.

Тейт снова выстрелила по человеку в шлеме. Перезаряжая оружие, она увидела, как Конвей вел огонь на максимальной дальности. Он нанес противнику ощутимые потери. Северное крыло сил Ква заметно замедлило свое продвижение. Небольшие группы воинов искали спасения под своими щитами и боком отступали.

С восточного направления троицу атаковала стоявшая до сих пор в скрытом резерве кавалерия. Отдельные кавалеристы подались в сторону и заехали за хребет, отрезая им таким образом путь к отступлению. Одновременно пешие воины отделились от южного фланга Ква и двинулись в сторону нового противника.

Никто не замечал урона, который наносили стрелы Налатана. Воины с криками приближались короткими перебежками от укрытия к укрытию.

— Мэтт! Займись пехотой! — крикнула Тейт.

Она присоединилась к Налатану, отражавшему нападение двигавшейся вверх по склону кавалерии.

Она увидела, как копье ударило Налатана. Его боль, его удивление отозвались внутри Тейт. Она почувствовала, как длинный треугольник наконечника вонзился в правый бок Налатана, ощутила его неверие в то, что произошло, и мгновенный привкус смерти.

Для Тейт над полем боя нависла тишина. Мимо медленно проплывали стрелы, медленные, обыденные. Налатан вырвал копье из своей брони и отшвырнул его в сторону. Его лицо заливал пот. Расставив ноги, он готовился встретить приближающегося к нему воина, метнувшего копье. Дьявол в маске Смерти нацелил на него свой длинный меч — содал.

Тейт не могла выстрелить: мешал Налатан. Она закричала. Содал рассек воздух. В последнее мгновение Налатан отпрянул в сторону, увернувшись от удара за коня. Если бы Дьявол захотел воспользоваться мечом как копьем, ему пришлось бы направить его из-под горла коня.

Дьявол оказался превосходным воином. Он нанес мечом удар сверху вниз. Налатан отразил его своим боевым посохом. Горец по инерции промчался мимо. Налатан бросил посох и схватил лук. Когда Дьявол развернулся, чтобы продолжить атаку, стрела Налатана уже была в воздухе. Она впилась врагу в лицо. Воина, как щелчком, выбросило из седла.

Теперь уже все кавалеристы достигли их. Мелькание стрел, огонь «вайпов». Прижавшись спиной к стволу дерева, Тейт стояла рядом с Налатаном. Взбешенные Ква, побросав свои луки, ринулись в атаку, размахивая мечами и жутко вопя.

Боковым зрением Тейт заметила, что Конвея стали теснить назад. Собаки кидались на нападавших и отступали. Откуда-то появился невероятно высокий воин, который набросился на Конвея. На нем был бронзовый шлем в форме головы медведя. Медведь как бы держал голову человека в своей пасти.

Услышав боевой клич своего лучшего воина, прочие расступились. Конвей поднял «вайп».

От выстрела бронзовый шлем, будто взрывом, сорвало с головы воина и подбросило высоко в воздух. Он медленно кувыркался, подобно какой-то кошмарной игрушке. Воин растянулся на спине. Вонзившись в землю, его меч медленно покачивался, как тростинка.

На этом все кончилось. Еще несколько выстрелов по убегавшим пехотинцам и кавалерии превратили отступление в безудержное бегство. Наступившее облегчение перешло в тошноту, когда они оглядели место побоища. Тейт с трудом успокоилась. Сайла уже была рядом с Налатаном и осматривала его рану. Он улыбнулся обеим женщинам. Блеск его глаз показывал, чего ему стоило это самообладание.

Ланта бросилась к Конвею.

— Ты ранен? Они тебя ранили?

Отрешенный, все еще находящийся на грани помешательства, Конвей ответил:

— Ни одной царапины. Повезло. Посмотри собак. Они лежат там, у них небольшие порезы. Вот и все. Еще одно дело сделано.

— Действительно, сделано. — Она указала в сторону Олы: — Смотри, Ква побеждены!

* * *

Грязный, с забрызганным кровью лицом, черты которого говорили о том, что пережитые часы равносильны годам, Гэн отдавал приказы Эмсо.

— Кавалерию. Через Восточные ворота. Не давай им покоя, Эмсо, ни одного шанса перегруппироваться. Убивай любого с награбленным или мародерствующего. Будь беспощаден. Хорошо обращайся с теми, кто не грабил и сдается. Позаботься о том, чтобы им оказали помощь военные целительницы. Проявляй сострадание ко всем, кто этого заслуживает, Эмсо. Прочих — убивай.

Приложив кулак к скуле в традиционном салюте Волков, Эмсо повернулся и бегом удалился.

Леклерк, прислонившись к Бернхард, наблюдал эту сцену. Его горло конвульсивно сжималось.

— Ты слышала это? «Прочих — убивай»! Что же нам делать, Кейт? Мне казалось, что я хочу действия, схватки. Я не ожидал этой безостановочной… бойни. Там, в лесу, теперь здесь, на стенах… Но иначе ведь было нельзя, да?

Бернхард обняла его за плечи Леклерк обмяк. Одна сторона ее лица страшно вспухла, правый глаз заплыл. Когда она заговорила, вспухшие лицевые мышцы придали ее нежным словам какую-то расплывчатость.

— Ты сделал больше, чем мог, Луис. Ты был храбрее всех. Но будущее всех нас зависит от твоих знаний. Ты — гарант нашего существования.

Леклерк понимал, что это правда. Ему стало гораздо лучше. Военные действия — не только личный риск. Гэн, такие люди, как Гэн, никогда этого не поймут. Интеллект. Истинное руководство требовало истинного интеллекта.

При воссоединении были забыты раны и усталость. Остававшиеся на стенах Волки присоединили свои голоса к крикам городских жителей и наводнивших город беженцев, радовавшихся победе и приветствовавших вернувшихся героев.

— Сайла, ты прекрасно рассчитала время, — сказал Гэн. — Как это ты узнала, что на нас напали?

Одной рукой Сайла обняла Тейт за плечи, а другой указала на Конвея и Налатана.

— Эта троица обнаружила мародеров Ква. Оставшиеся в живых рассказали нам все. Именно поэтому мы подоспели вовремя, чтобы принять участие в битве. Ланта и я просто присутствовали, это все они, эти трое.

— Если бы не эти мародеры, — сказала Ланта, — мы никогда не узнали бы о нападении и не поспешили бы на помощь. Стоит задуматься над тем, что зло может привести к добру.

Гэну показалось странным, что, говоря это, она смотрела на Конвея. Еще более странной ему показалась реакция Конвея, которого эти слова явно обрадовали. За этим что-то крылось. Узнает ли он когда-нибудь, что именно? Странно, Гэн неожиданно вспомнил слова Эмсо о приметах и предзнаменованиях.

Нила изменила тему беседы:

— Сайла, расскажи нам о Вратах. Твой поход был удачен?

Грязное лицо Нилы, еще покрытое потом после сражения на стене, светилось уверенностью, что ее подруга добилась своего.

Сама того не осознавая, Сайла гордо вскинула подбородок.

— Тайна Врат раскрыта. Теперь она на Трех Территориях!

Громоподобные крики еще не стихли, когда Нила наклонилась к уху Сайлы.

— Тайна с тобой? Она здесь? Мы можем на нее посмотреть?

— С первого взгляда ее не поймешь. Нам нужно поговорить. Не просто как Сайле и ее другу Гэну. Должно быть взаимопонимание между Цветком и Мурдатом.

В разговор вступил Гэн:

— Тогда мы это отложим. — Гэн уловил плохо скрываемое нетерпение Нилы и властным тоном продолжил: — Волки и я можем себе позволить лишь немного сна перед походом на север. Скэны идут. Они упустили свой шанс напасть на нас одновременно с Ква. Я должен заставить их поверить в то, что у меня хватит сил их победить.

Тейт повернулась к Налатану.

— Нужно посмотреть твою рану. Сайла…

Налатан предупреждающе поднял руку. Гэн от изумления раскрыл рот, когда Тейт безропотно прервала свою речь на полуслове. Гэн подумал, что из всего прекрасного, что он увидел в этот день, самым прекрасным было то, как Тейт подчинилась этому мужчине, которого она называла своим.

— До тех пор, пока я не буду убежден в том, что Цветок и тайна Врат в безопасности, — сказал Налатан, — я не могу считать себя свободным от своей клятвы. Рана тому не помеха. Я еду с ним! — и он кивнул в сторону Гэна.

Заметив промелькнувшее на лице Тейт выражение гордости, любви и озабоченности, Гэн ласково улыбнулся. Он повернулся к Сайле.

— В чем бы не заключалось это сокровище, мне будет спокойнее, если оно будет при тебе в этом замке, пока я не разберусь со Скэнами.

Сайла замерла в нерешительности. Она так сблизилась со своими друзьями, они столько пережили вместе. Но Гэн был прав. Она согласно кивнула. Удовольствие, с которым он принял ее согласие, отдавало мужским превосходством, и это разозлило Сайлу.

Ответственность загнала ее в угол. Одна игра закончилась, но только что началась другая.

Мной никто не будет владеть! Эти слова сейчас звучали в ее мозгу как насмешка.

Глава 11

Гэн подумал, неужели он выглядит столь же измотанным, как его товарищи? Тейт спала в седле. Казалось, что ее кости размякли. Рядом, охраняя ее, ехал воин-монах Налатан.

Можно было подумать, что тяжелая рана в его боку от копья просто царапина. Гэн одобрил выбор Тейт.

Втайне Гэн уже давно размышлял над тем, смог бы приглянувшийся Тейт мужчина стерпеть ее поразительную независимость. Казалось, Налатану нравится эта особенность ее характера. Гэну хотелось поближе с ним познакомиться.

Леклерк и Бернхард, свернувшись, как щенки, спали в повозке. Несмотря на раны и на то, что теперь их было кому заменить, они настояли на участии в этом походе. Напротив, правивший повозкой юноша был слишком возбужден, чтобы поддаться усталости.

Погруженный в раздумья Конвей ехал сразу за повозкой. Гэн не переставал удивляться перемене, произошедшей в этом чужеземце. В его поведении появилась новая черта. Что-то говорило Гэну, что это отчаяние.

Цепь догадок была прервана могучим зевком, от которого хрустнули челюсти. Гэн улыбнулся, моргая и потягиваясь. После дня боев, марша, длившегося всю ночь и весь этот день, у них был вид не победителей, а скорее спасшихся. Ладно, позаботиться о себе они еще успеют.

Разведчики донесли о двадцати челнах, стоявших на якоре напротив устья реки Сладкие Луга. К югу от ее болотистой дельты имелось хорошее место для высадки. Гэну прежде никогда не доводилось вести со Скэнами бой такого масштаба, однако они были ему известны по пиратским налетам. Свирепые, безжалостные люди; идя в сражение, они выкрикивали имя своего темного божества-осьминога. Они предпочитали рабов любой другой добыче. Ходили ужасные слухи о приношении в жертву людей и о леденящих кровь обрядах.

На двадцати челнах могло разместиться до восьмисот человек.

Никогда и никому не приходилось противостоять такой мощи Скэнов.

Вздрогнув, Гэн выпрямился. Он забыл о челне-разведчике. Посмотрев сквозь листву, он успокоился, увидев плывущий вдоль берега челн. Он появился на рассвете с севера, явно высматривая марширующую на север колонну. Укрыться они от него не могли, и поэтому Гэн его просто игнорировал. Или пытался игнорировать. Он знал, что этот челн всем действует на нервы. Он плыл, как ворон в своей стихии — грациозный и даже красивый. И нес смерть.

Гэн был убежден, что, как только его сухопутные силы приготовятся к бою, Скэны поднимут якоря и стремглав помчатся на юг. Там тоже есть подходящие места для высадки. А Гэн окажется отрезанным от Олы, чьи стены защищали теперь лишь юнцы, старики и раненые.

Гэну было нечего противопоставить маневренности. Людей Собаки уважали и боялись за быстроту их коней и умелое ведение боя. На этот раз ноги Гэна Мондэрка как бы вросли в землю, а его противник был готов в любой момент сорваться с места и двинуться в любом направлении. Гэну оставалось только медленно преследовать его.

Он делал ставку на то, что застанет Скэнов на берегу, готовящихся к грабежу. Эта ставка оказалась битой. Оставался последний шанс.

Собрав начальников своих отрядов, Гэн сказал:

— Если получится, я буду вести переговоры со Скэнами. Если нет, надо выманить их в этом месте на берег. Если мне не удастся сделать ни первое, ни второе, то я хочу, чтобы все отряды, кроме Оланов и Волков Джалайла, возвратились в свои собственные земли и защищали их.

Жилистый, хитроватый на вид барон Фир покачал головой.

— Скэны никогда не станут вести переговоры на берегу. А если ты поедешь к ним, они тебя убьют.

— У нас нет времени для пререканий. Всем отрядам расположиться на этой возвышенности. Разложите костры, больше костров, чем вам действительно необходимо. Пусть заговорят барабаны и военные трубы. Мне нужны шум и активность, только не позволяйте им видеть наших людей. Я собираюсь убедить их, что они не смогут нас

победить.

Бородатый, покрытый шрамами барон Галмонтис натянуто улыбнулся.

— Я предпочел бы размахивать поджаренным барашком перед голодным тигром!

Остальные мрачно засмеялись.

Гэн улыбнулся.

— Я отправляюсь в деревню рыбаков. Мне потребуется человек, который сможет совладать с лодкой.

Фир кивнул:

— У меня есть рыбаки. — Он обернулся и назвал кого-то по имени. Молодой воин с трудом поднялся на ноги и подошел к ним.

— Мне это не нравится, — сказал Галмонтис. Мы можем сейчас отступить, подождать, пока они высадятся и тогда атаковать.

— Это ведь не твои земли они готовятся жечь, — возмутился один из баронов Олы. — Мы дадим им окончательный бой здесь или заставим их отступить. Другого выбора нет!

Нахмурив свои густые брови и еще больше став похожим на медведя, Галмонтис спросил:

— А что, если мы потеряем Мурдата?

— Мы его не потеряем, — ответил Конвей. — Я отправляюсь с ним.

Гэн покраснел. Прежде чем он успел открыть рот, к нему обратился Конвей:

— Я останусь в лодке. Мы будем вне досягаемости их стрел. Ты им дашь понять, что у меня оружие-молния. Расскажи им, что я тот, кто уничтожил акулий челн на Матери Рек. Я могу повторить это и здесь.

— Возьми его с собой, — посоветовал Фир.

Гэн недовольно согласился.

Достигнув низины, откуда не было видно Внутреннее Море, Тейт подъехала к Гэну.

— Прежде чем отправишься на переговоры, умойся и побрейся. Войскам нужно время, чтобы занять свои позиции, и ты не можешь появиться у Скэнов в таком запущенном виде. Прежде чем ты отправишься, мы переменим твои бинты.

Гэн открыл было рот, чтобы возразить, но Тейт перебила его:

— Не спорь. Дай-ка мне этот мурдат и кольчугу. Я позабочусь, чтобы их отполировали. Заодно я почищу твой вымпел. Его понесет Конвей.

Беспомощно посмотрев на самодовольного Налатана, Гэн покачал головой и спешился, чтобы снять тяжелую кольчугу. Улыбаясь Тейт, Конвей проделал то же самое.

— Поразительно! С тех пор, как ты решила, что с Налатаном все в порядке, ты стала совсем домашней, — сказал он.

— Как-как? Домашней?! Глаза Тейт округлились, ноздри расширились. У нее в руках был красно-желтый вымпел Гэна. Свесившись с седла, она потрясла им перед лицом Конвея.

— Я покажу тебе «домашней»! Затолкать тебе эту тряпку в нос, а?!

— Ой, ой, ой! — Конвей предостерегающе помахал пальцем. — Сейчас нет времени для твоих сладких речей, моя златоустая дорогуша. — Он полуобернулся и подмигнул Налатану: — Она всегда будет любить меня сильнее, чем тебя!

Конвей едва увернулся от пинка Тейт. Смеясь, как школьники, он и Гэн трусцой направились к реке.

— Тебе следует быть более уважительной, Доннаси, тихо проговорил Налатан. — Другое мужчины могут это неправильно истолковать.

— Плевать! — невозмутимо ответила Тейт. Она крикнула воину, чтобы принесли масло и брусок для заточки, а затем направилась на другой участок берега реки. — Разумеется, они не понимают, — продолжила Тейт разговор, — но ведь у них не с чем сравнивать. Они видели, что Мурдат смеется и спокоен. Это должно им прийтись по душе.

Налатан засмеялся.

— Ты с каждым разом меня удивляешь все больше и больше. А ты сама как себя чувствуешь?

Поблагодарив молодого Волка, принесшего масло и брусок, Тейт стала начищать кольчугу.

— Неважно, вот как. Просто будь рядом со мной, слышишь? Пожалуйста.

Вместо ответа Налатан положил свою руку на ее плечо и крепко сжал его. Потом он присел рядом и занялся заточкой меча Гэна.

Вскоре, стоя у кромки плещущихся волн Внутреннего Моря, Гэн поднял вверх белый флаг. С одного из челнов ему ответили таким же сигналом. Из челна выдвинулись весла, напомнив ноги паука-водомера. Быстро двигаясь, челн подошел на расстояние полета стрелы от берега. Челн развернулся бортом к берегу. Роняя серебристые капли, весла одновременно поднялись вертикально вверх. С носа и кормы со всплеском были брошены якоря. На висевших вдоль бортов щитах ярко светились в солнечных лучах дикарские рисунки. Мягко покачиваясь в унисон с мачтой и частоколом весел, акулий челн, казалось, рвался в бой.

— Смотри, Мэтт, — тихим голосом, в котором чувствовалось восхищение, проговорил Гэн. — Он как живой. Такой же живой, как наши боевые собаки или кони.

Конвей с опаской согласился. Разглядывая вырезанную из дерева голову медведя, презрительно взирающую на мир с носа челна, Конвей вспомнил о своем коне Вихре. Тот тоже был уверен, что против него не устоять целой армии.

— Если эта операция сорвется, — сказала Тейт, взяв Конвея за руку, — ты займешься тем медведем. Со мной будут Леклерк и Бернхард, мы обеспечим вам огневое прикрытие. Если мы откроем огонь, возвращайся на берег с удвоенной скоростью, ладно?

— Если смогу. Я его не брошу.

Он ждал ответа, боясь встретиться с Тейт взглядом.

— Именно этого я и опасалась. — Она вздохнула. — Ну, седлай, простофиля. И береги свою задницу!

Конвей смотрел прямо перед собой. Так было легче скрыть улыбку. Тейт разговаривала с ним точно так, как разговаривала бы с другим морским пехотинцем.

Он решил, что с удовольствием отказался бы от такой привилегии.

Конвей устроился на корме, подняв вымпел Гэна. Мондэрк стоял в передней части лодки, опершись спиной о мачту. Четыре Волка налегли на весла.

Молодой Волк у руля был смертельно бледен. Его широко раскрытые глаза не отрывались от зловещих челнов. Конвей его хорошо понимал. Как только по корпусу лодки перестали скрежетать камни и она пошла по воде, он с удивлением отметил, что челн Скэнов стал казаться гораздо больше.

Вскоре он заметил, что между щитами стоят изготовившиеся к стрельбе лучники.

Сзади раздался гром скрытно расположенных боевых барабанов Волков. Конвей надеялся, что в этих звуках Скэны услышат решимость, а не отчаяние, которое слышалось ему.

Глава 12

В средней части челна Скэн поднял щит с изображенной на нем стилизованной медвежьей лапой. Гэн обернулся к «лодочнику».

— Ты видишь, куда они велят нам пристать?

С трудом сглотнув, юноша кивнул.

— Когда будешь на челне Скэнов, не отходи далеко от борта, — сказал Конвей. — Я должен все время тебя видеть.

Гэн рассеянно кивнул. Он повернулся к берегу и посмотрел на флаги, ярко выделявшиеся на фоне леса. Вдали возвышались покрытые снегом Горы Дьявола. Гэн смотрел мимо них, думая о своем.

Оставалось время для нары.

Спокойствие. Медленно и спокойно дыша, он прислушался к своему сердцу, закрыл глаза.

Конвей зачарованно наблюдал за своим другом. Бледное спокойное лицо Гэна покрылось ровным румянцем. Нервные пальцы расслабились. Превозмогая боль в раненой шее, голова медленно покачивалась. Расслабились напряженные мышцы вокруг глаз.

— Гэн, мы у цели! — сказал Конвей, когда они почти приткнулись к боку акульего челна, и был удивлен мгновенным переходом Гэна в состояние полного самообладания.

Какой-то воин, перегнувшись через борт челна, протянул руку, всю в красно-черной татуировке. Приняв предложенную ему помощь, Гэн легко вспрыгнул на палубу. Он прислушался к хлопанью паруса и плеску воды, когда его спутники отвалили от борта акульего челна. Во рту у него появился солоноватый привкус. Силой воли он прогнал его прочь.

Захромавший ему навстречу человек был обнажен до пояса. Его свободные штаны достигали щиколоток. Мягкие кожаные сапоги облегали ноги. С наружной стороны каждого сапога в чехлах были прикреплены кинжалы. Кроме того, на широком поясе висел массивный меч. Его темные волосы были заплетены в тугие косички. Гэн не пересчитывал их, но был уверен, что их не менее восьми. Это соответствовало бы числу щупальцев осьминога, вытатуированного на торсе этого человека.

— Меня зовут Лорсо, — заявил Скэн. У него был низкий голос, каким, должно быть, выкрикивались четкие приказы, перекрывающие рев бури или шум боя. Его молодые черты будто были покрыты патиной, которую могли создать только годы, проведенные на ветру под солнцем. Бледно-голубые, почти серые глаза вызывающе уставились на Гэна. — Мне известно, что ты победил Ква, — продолжил он. — Они глупцы. Им следовало подождать нас. Но они вас ослабили, иначе тебя бы не было тут для переговоров!

— Ква глупцы уже потому, что они вообще на нас напали. Мало кто из них вернется домой.

Лорсо жестко улыбнулся.

— Ты послал вслед за ними Эмсо с большей частью своей кавалерии. У меня на этих челнах почти восемьсот человек. Мы можем высадиться где угодно. Ты пытаешься не замечать очевидного. Твоя рука почти беспомощна, а голова неудобно сидит на раненой шее.

— Неудобно, но прочно! Ты думал выманить меня подальше от стен Олы. Я заставил тебя сидеть на месте, пока подходила помощь от Людей Собаки.

Гэн заметил, как дернулось веко Лорсо. Он почувствовал, что здесь для него открывается некая возможность. И он знал, что в бою нет ничего столь кратковременного, как внезапность. Гэн продолжил в том же ключе:

— Эпидемия закончилась. Ты приказал одному из своих акульих челнов следовать за нами вдоль берега. Тебе известно, что на протяжении всего пути я оставлял отряды. Они не смогут помешать вам высадиться, но, где бы вы ни вышли на берег, вам придется отбивать атаки моих людей. Около Олы в лесу спрятаны резервы. Я окажусь на севере от тебя. Резервы будут с юга. Вы попадете на берег, но, куда бы вы ни повернулись, на спине у вас будут Волки!

Гэн помолчал, давая Лорсо переварить услышанное, а затем продолжил:

— Ты никогда не видел оружие-молнию моих друзей. Двое из них с таким оружием были на борту парома на Матери Рек.

Твой челн напал на них. Оружие-молния уничтожило его. Многие Скэны никогда не увидят снова своей родины. А сколько из них никогда не вернутся домой отсюда?

Лорсо почти одеревенел от внезапного напряжения.

Боковым зрением Гэн отметил позы и выражение лиц экипажа. Явно враждебно настроенные, воины, похоже, не были готовы к атаке. Значит, они ждали какого-то известного им сигнала.

И Лорсо был готов подать этот сигнал.

Повернувшись спиной к Лорсо и не обращая внимания на покалывание в плечах, Гэн спокойно помахал Конвею, чтобы тот приблизился. Потом, повернувшись опять к Лорсо, он сказал:

— Нам не о чем вести переговоры, Лорсо, кроме как о жизни твоих людей. Мой народ ушел в глубь материка. Ты не найдешь ни рабов, ни добычи. Мои Волки ждут вас. Оружие-молния готово.

Парусник стукнулся о борт акульего челна, и Гэн перескочил на него.

Правая рука Лорсо начала подниматься. При этом экипаж зашевелился. Значит, сигнал был связан с движением правой руки Лорсо.

За спиной Гэн щелкнул пальцами и был вознагражден звуком металла, щелкающего о металл. Он знал, что так щелкает оружие-молния, когда готовится заговорить. По спине у него побежали мурашки.

Управлявший парусником Волк так резко повернул его, что шаткая мачта застонала. Грубый парус, едва не лопнув, с хлопком мгновенно поймал ветер.

За прыгающим из последних сил по волнам маленьким парусником виднелись узкие корпуса акульих челнов, покачивающихся на поверхности моря в беззаботном ленивом танце. Гэну это напомнило кошек, следящих за мышью.

И все же ничего не произошло.

К флоту присоединился челн, следовавший вдоль берега за колонной Волков. На мачте судна Лорсо взвился сигнальный флаг, и вновь прибывший челн подошел к нему.

Гэн наблюдал, стоя у кромки берега. Обернувшись к собравшимся за ним друзьям, Гэн сказал:

— Я дважды соврал Лорсо: что воины Людей Собаки направляются в Олу и что мы оставляли по пути вдоль берега отряды. Думаю, что он мне поверил. В любом случае капитан судна-разведчика попал в ловушку. Если он заявит Лорсо, что не заметил, чтобы наша численность уменьшалась — чего на самом деле и не было, — то Лорсо может подумать, что он это пропустил. Если капитан подтвердит мои слова, Лорсо должен подумать, не затевает ли он большую драку ради пустяка. Будем надеяться, что он уйдет. Тем не менее я хочу, чтобы разведывательные группы по два человека всю ночь патрулировали этот берег. Если Скэны высадятся, эти группы должны тихо отступить и предупредить нас. Мы дадим бой из прикрытия на возвышенности, а не здесь, в низине. Пусть все барабаны молчат, пока вы не услышите командный барабан. Двое из каждых десяти воинов по очереди должны постоянно бодрствовать. Людей и животных накормить до заката. Сухой паек. Никаких костров, никакого огня. Я буду в отряде Джалайла в центре лагеря. — Гэн снова отвернулся и стал смотреть в море, не замечая ничего, что делалось за его спиной.

Позже Тейт, Бернхард, Леклерк и Конвей, усевшись вместе, наблюдали за темными силуэтами челнов. Закатное солнце окрасило в багряный цвет пухлые летние облака. Пики далекого Китового Побережья на фоне алого неба напоминали обломанные зубья.

Бернхард нарушила молчание:

— Думаете, они придут ночью?

— Нет! — Конвей надеялся, что его голос выражает уверенность, хотя у него ее не было. — Эти Скэны приходят ради добычи, и Гэн попал в яблочко, сказав, что для них здесь нет поживы. Нет добычи, нет боя. Они уйдут домой.

— Когда? — Леклерк вложил в это слово все свои сомнения.

— Сейчас! — воскликнула вскочившая на ноги и едва не упавшая при этом взволнованная Тейт. — Смотрите! Паруса поднимаются. Повсюду!

С кораблей донеслись крики и сигналы рожков. Барабан задал темп гребли. Гнусаво загудели трубы, прозвучавшие теперь, когда челны были почти неразличимы, как-то призрачно. Тьму прорезал свет кормовых огней. Пляшущие огни образовали четыре линии, по пять в каждой. Они двигались в сторону скрывшегося за горизонтом солнца. Потом огни исчезли.

Глава 13

Мягкий свет сумерек заливал Внутреннее Море. Под балконом замка на воде цвета нефрита покачивались небольшие катамараны. Лениво полоскавшиеся на ветерке паруса все же позволяли им довольно быстро скользить по перламутрово-серебряным волнам.

Нила нарушила тишину, которую будто боялись спугнуть люди, обступившие небольшой стол.

— Я обожаю смотреть, как вода расступается перед носом катамарана. Она похожа на возникающую ниоткуда серебристую ленту, сверкающую и исчезающую.

— Кость в ее зубах, — рассеянно произнесла Тейт, думая о чем-то своем. Ниле пришлось дважды переспросить ее, прежде чем Тейт расслышала. Ужаснувшись своей ошибке, она посмотрела на Конвея — какова его реакция? Его подбадривающая улыбка убедила ее, что она не выдала тайну их прошлого. Остальные пришельцы в этот мир — Дженет Картер, Сью Анспач, Кейт Бернхард и Льюис Леклерк — также не выказывали никакого беспокойства.

— Это старое выражение, — сказала Тейт. — Мы говорим, что лодка выглядит так, будто в зубах у нее кость.

Нила рассмеялась.

— Странное выражение, особенно когда, говоря о катамаране, вы употребляете женский род. Это звучит так агрессивно! Вы всегда так выражаетесь?

— Конечно! Они такие красивые, храбрые, бережливые, и ни одному мужчине никогда не удается ими по-настоящему управлять! — Тейт подмигнула своему другу.

Когда стих общий смех, Гэн сухо заметил:

— Кроме того, катамараны могут сильно отвлекать. Мы собрались здесь, чтобы решить, что делать с этим, — при этом он указал на стол, — а не любоваться видом.

Кроме его жены и чужеземцев, в зале были Сайла, Ланта, Налатан и возвратившийся после преследования разгромленных Ква Эмсо. Все уставились на раскрытую тайну Врат.

Книги.

Глядя на Сайлу, Гэн продолжил:

— Закон Церкви всегда требовал, чтобы любая бумага с написанными на ней словами из эпохи гигантов передавалась Церкви для сожжения во время церемонии Возвращения. Хотя новая, не настоящая Сестра-Мать тебя отлучила, Сайла, но все, кто тебя знают, понимают, что ты душой принадлежишь Церкви. Ты — Цветок, и тебе судьбой предназначено отыскать тайну Врат. Но твоя тайна запретна. Книги равносильны знанию. Знание привело к тому, что люди бросили вызов гигантам и были уничтожены. Знание — это зло!

— Знание не является злом, — голосом острым, как нож, сказала Картер. — Само по себе оно — ни добро, ни зло. Оно просто существует. Хорошим или плохим знание становится в зависимости от того, как им пользуются.

— В Завете Апокалипсиса сказано: *«Самые дурные поступки совершаются под личиной самых благих намерений* , — заметила Ланта. — *Правда, произнесенная лживым языком, является отравой лгуна».*

Как всегда, скромная Анспач использовала более личностные сравнения:

— Чтение тоже является знанием, Гэн. Ты сам говорил о том, как тебе поможет управлять Тремя Территориями то, что мы обучим еще больше людей чтению. То, что заключено в этих книгах, принесет лучшую жизнь твоему народу.

Вместо того чтобы ответить Анспач или Картер, Гэн уставился сначала на Конвея, а потом на Тейт.

— А теперь, Доннаси Тейт, я прошу сказать правду, сказал Гэн. — Ты смешала свою кровь с кровью Класа на Бейла. Ты никогда не опозоришь его, солгав мне. Из всего вашего племени только ты и Конвей заглядывали в эти книги. Это правда?

Тейт настороженно кивнула.

— Тогда как остальные могут знать, что в них? Как они могут утверждать, что эти книги помогут мне? Что это, колдовство, Доннаси?

Тейт лихорадочно думала. Если бы она посмотрела сейчас на Конвея, Гэн решил бы, что они в сговоре. Если бы она попыталась рассказать ему о том мире, который погиб, и о криогенных капсулах, благодаря которым они тут очутились, Гэн решил бы, что она сошла с ума. Или скорее решил бы, что они все колдуны.

Доннаси Тейт не может предать Класа на Бейла, Значит, она должна сказать правду.

— Мы все знаем, что написано в книгах, — она сделала паузу, услышав, как ее друзья затаили дыхание. Она также заметила, как Гэн и Эмсо потянулись к своему оружию. Эмсо был напуган и озлоблен, а это было опасным сочетанием. Гэн был напряжен. У Налатана был больной вид. Позади Гэна Шара и Чо, почувствовав общее настроение, тяжело поднялись на ноги. Тейт продолжила: — Конечно, мы не знаем полностью, что в них, но все мы знаем часть этого. В нашем племени всем дают знания о книгах. Никто не знает всего. Некоторые знают больше других. Например, среди нас Леклерк знает больше о том, как делать разные вещи.

— Он помогал нам строить, — прервал ее Гэн. — И он с такой же легкостью уничтожает. Черный порох — дар Божий. Он спас многие, многие наши жизни. Но это нечестный способ воевать! — И он украдкой виновато взглянул на Сайду. Настоятельница Фиалок цитировала мне из Завета Первой Церкви. Она мне сказала, что там говорится о том, как гиганты поразили людей «ревущим огнем, поглощающим высокие здания, и невидимым дымом, который убивал». Я вспоминаю эти слова, когда взрывается черный порох Леклерка.

Тейт поспешила продолжить:

— Ты должен думать об этом. Ты всегда должен помнить о цене войны. Твоя мать пророчествовала, что твое назначение — принести славу Людям Собаки. Ты это сделал. Однако на этом твоя жизнь не завершилась. Есть другие племена, которые хотели бы присоединиться к тебе. Они нуждаются в твоей силе, чтобы противостоять тем, кто хотел бы уничтожить Три Территории и опозорить Церковь. И тебя.

— Мне не нужно никакого королевства. Я боролся против Алтанара и баронов Харбундая потому, что они не оставили мне другого выхода. Я…

Тейт прервала его протесты:

— Хочешь ты этого или нет, ты — Мурдат. Какой у тебя выбор? Ты никогда не наносил вреда Скэнам. И все же они являются, чтобы убивать и грабить. На юге Кос мечтает превратить вас в рабов. На востоке кочевники Летучей Орды бродят, подобно диким собакам. Какой они оставляют выбор Трем Территориям?

— Если нас вынудят, мы будем с ними сражаться! — Гэн был угрюм. Одно это говорило о том, насколько хорошо он понимал нависшую опасность.

Развивая свой успех, Тейт сказала:

— Мы поможем тебе победить. При помощи знаний, заключенных в этих книгах. Тебе не обязательно к ним прикасаться. Тогда никто не сможет утверждать, что ты имеешь отношение к… Прости, Мурдат, но я вынуждена употребить запретное слово — что ты имеешь отношение к учению.

Гэн поморщился, как от боли. Эмсо потянул из ножен свой мурдат.

Налатан опасливо сделал полшага по направлению к Тейт.

— Сама эта мысль запретна, Доннаси. Произнести это слово равносильно преступлению, нельзя даже предлагать делать это…

Возбужденный Леклерк прервал Налатана:

— Что дает тебе право говорить Гэну, что я — тот, кто будет пользоваться этими книгами? У нас уже начались неприятности только из-за того, что ты их сюда доставила. Теперь ты хочешь превратить меня в козла отпущения, в крайнего! Тебе хочется, чтобы кто-то принес науку и технологию в этот мир? Сделай это сама!

Гэн, явно удивленный реакцией Леклерка и озадаченный незнакомыми словами, немедленно постарался восстановить мир.

— Я слушал Тейт, Луис. Я слышал уважение. Ни у кого здесь нет неприятностей. Я предчувствую большие возможности.

Неожиданно улыбнувшись, он отошел от своих друзей и взял свечу с одной из стоявших повсюду этажерок. Положив немного пакли в керамическую посудину с тлеющими углями, Гэн стал дуть, пока в ней не вспыхнуло пламя. Зажигая остальные светильники в комнате, Гэн продолжил свои рассуждения:

— В каждой возможности кроется несчастье. Возьмем, к примеру, силу, заключенную в этих маленьких, неподвижных, немых книгах. Церковь расколота. Темная религия культа Луны спешит воспользоваться замешательством. Сайла и Ланта отлучены. Каждый из вас, сопровождавший Сайлу в ее походе, терпел лишения, подвергался жестокому испытанию. Это же испытали и целые государства. Могущество Коссиаров подорвано. Непобедимая Летучая Орда впервые получила отпор. Пришлось заплатить страшную цену только для того, чтобы мы могли взглянуть на эти книги. Какие дальнейшие бедствия мы выпустим на волю, если воспользуемся этим сокровищем?

— Возвратить! — Голос Эмсо прозвучал как стук камня о камень. — Вездесущий нанесет свой удар, как прежде! Книги должны быть возвращены!

С решительным видом, в развевающемся длинном черном плаще, Сайла величаво приблизилась к столу.

— Книги являются тайной Врат, о которой на протяжении многих поколений говорила Церковь. Я их нашла, и я оставлю их у себя!

— Ты оставишь их у себя?! — Лицо Эмсо скривилось. — Может быть, ты и являешься Цветком, Жрица, но ты не сама Церковь! Какая бы сила ни заключалась в этих книгах, она принадлежит Церкви, а не отдельному человеку. Мурдат должен принять решение. Без него и Волков Трех Территорий тебе негде искать убежища!

С царственным видом Сайла повернулась к Эмсо. Гэн чуть не вскрикнул от удивления. Она преобразилась в ту женщину, которую он увидел, встретив ее впервые. Небесно-голубые глаза сверкали, густые длинные черные волосы развевались, напоминая подрагивание хвоста рассерженной кошки. Оказывается, он успел позабыть, какой властной и прекрасной она была.

— Я знаю свой долг. И знаю своих врагов. Я приведу Церковь на подобающее ей место!

— И не одна! — сказал Конвей.

Сайла ясно различила нотки ласкового упрека в его словах. Она стала менее надменной. Благодарно взглянув на Конвея, Сайла обернулась к Эмсо.

— Прости меня. Я хватила через край. Я вижу дальше Трех Территорий. Я вижу Церковь такой, какой она была раньше, всегда ищущей, всегда ведущей людей к лучшей жизни. Для достижения такой цели требуется лидер, Эмсо, а я — Цветок. Я хотела отыскать Врата, но никогда не желала выйти за пределы собственной личности. Теперь я обязана принести миру силу Учителей.

Злость Эмсо прошла, и он принял свой обычный недовольный вид. Прежде чем ответить Сайле, он бросил раздраженный взгляд на Гэна.

— Все здесь присутствующие озабочены тем, как принести добро. Я требую возвратить эти книги потому, что иначе любой глупец, способный сколотить шайку воров, будет стремиться украсть это «сокровище». Еще больше глупцов захотят убить Сайлу, обладающую этим «сокровищем». В их число входят все простаки, исключая нас. А нас слишком мало, чтобы править всеми остальными. Если только ваши книги не способны останавливать армии. Если уж суждено, чтобы кто-то вонзил свой меч в мои кишки, то пусть это будет из-за его или моей земли, а не этих глупостей! — И он взмахом руки указал на книги, а затем быстро осенил себя Тройным Знаком, будто невольная близость к ним могла его заразить. Подняв подбородок, он с вызовом закончил: — Я не могу даже читать, Сайла, и горжусь этим! Вот так.

— А ведь я приказал, чтобы все мои начальники научились читать, — ласковым тоном сказал Гэн. — Мы обсудим вопросы твоей чести позже.

То, с какой яростью Эмсо посмотрел на книги, ясно показывало, кого он считал

виновником того незадачливого положения, в котором оказался.

Гэн опустился в большое деревянное кресло, вдали от свечей у самой Стены. При слабом освещении его глаза казались темными и ввалившимися. Кулак, подпирающий его скулу, растянул рот в каком-то оскале. Над ним на спинке кресла было резное изображение пумы, защищавшей добытого ею оленя от стаи койотов.

Тейт сопоставляла симметрию изображений, когда кто-то дотронулся до ее плеча. Обернувшись, она увидела Сайлу, которая жестом показала, что хочет с ней поговорить на балконе. Тейт проследовала за Сайлой и стала терпеливо дожидаться, пока та соберется с мыслями.

— Доннаси, ты была очень смелой этой ночью. Никто не хотел рассказать Гэну о том, что он уже подозревал. Клас был бы горд тем, что ты не посрамила чести его крови.

Тейт промолчала, но подумала о том, как она оттеняла правду, придавая ей нужную для себя окраску. Она не рассказала о самой потрясающей находке, обнаруженной за Вратами. Только Тейт и Конвей понимали важность маленькой красной записной книжки, подтверждавшей существование других пещер с криогенными капсулами, созданных миром, который сам себя уничтожил. В записной книжке указывались и их приблизительные координаты.

— Я знаю, — сказала Сайла. — Ты могла бы еще больше ему рассказать. У меня все время были определенные подозрения о вас — чужеземцах из далекой страны. Они еще больше усилились с тех пор, как мы открыли Врата. Возможно, когда-нибудь мое любопытство будет удовлетворено.

Сайла засмеялась, однако этот веселый смех закончился задумчивостью. Глядя на звездное небо, Сайла проговорила:

— Я упомянула о своих подозрениях, чтобы ты поняла, что я не боюсь их признать. Подозрение не обязательно равносильно недоверию. Ты мой друг. Я — твой. Наши цели не всегда совпадали. Они будут отличаться и впредь. Однако я люблю тебя, как свою сестру, и, когда мне нужна помощь, — я обращаюсь за ней к тебе. — Набравшись сил, она продолжила: — Все, что говорилось об опасностях, заключающихся в книгах и познании, — правда. Познания Леклерка помогли Гэну покончить с жизнью многих людей. Какое еще средство разрушения вложила я в руки Леклерка? Или в руки других, не столь добрых людей?

— Познания и мудрость не всегда произрастают на одном и том же дереве. Люди будут прибегать к любым мерам, чтобы добиться своего. При всеобщей мудрости мы бы все желали одного и того же.

— Целей Церкви. Всеобщего блага.

— Теперь уже нет, — повернувшись лицом к Сайле, Тейт положила локти на ограждение балкона. На фоне теплого света свечей и людей, двигавшихся внутри комнаты, Сайла выглядела почти загадочно. Черты ее лица были скрыты капюшоном, руки она спрятала в рукава. — До тех пор, пока Жнея правит в качестве новой Сестры-Матери, Церковь будет попросту еще одной фигурой в бесконечной борьбе за власть. Если Церковь будет силой, направленной на общее благо, то это должно начаться сейчас, Сайла. С тебя.

— Я не смогу это сделать. У меня не хватит сил. Все, что я хотела, — это быть свободной, Доннаси, ты это знаешь. — Сайла прошла вперед. В своем достигавшем пола плаще она, казалось, плыла по воздуху. Бледная рука, мелькнув в воздухе, легла на рукав Тейт. — Я хочу оградить себя от приказов и послушания. Я надеялась, что Врата дадут мне свободу, позволят разорвать те границы, которые устанавливают мужчины или Церковь. Я оказалась еще большей пленницей, чем прежде. Избравшая и оказавшая мне помощь настоятельница сделала меня Цветком. Отчего же она мне ничего не объяснила? Она же знала, чем это закончится. Я хочу встретиться со своим мужем. Я хочу быть сама собой, а не Цветком. Отчего же мне это не дано?

Взяв в свою смуглую руку трепетную светлую руку Сайлы, Тейт успокаивающим тоном сказала:

— Оглянись вокруг. Гэн оправдывает предсказание. Ты думаешь, что ему не хочется бросить все это и вырастить кучу маленьких Гэнов и Нил? А Леклерк? Бедняге хотелось приключений, и теперь у него их по горло. Ты видишь Картер, Анспач и Бернхард? Первые новые Наставники. Одухотворенные. И напуганные до смерти потому, что понимают, насколько эта задача опасна и что кроме них с ней никто не справится. Мы все бьемся, как кошки в мешке. По крайней мере у тебя и Гэна есть миссия. Вы не можете стать свободными до тех пор, пока не расчистите путь другим. Конечно, ты можешь очень просто получить свободу. Просто уйди. Иди к Класу. Но ты никогда не обретешь внутренней свободы. До тех пор, пока не совершишь то, что обязана совершить.

Сайла заплакала. Не было ни рыданий, ни всхлипываний. С невыразимой грустью слезы текли по ее лицу, как капли весеннего дождя.

Задыхаясь, Тейт обняла ее. Они стояли так, пока Сайла не отклонилась, взглянув в глаза подруге.

— Умом я понимаю, что ты права, но сердце хочет, чтобы ты оставила меня и ушла.

В ответ Тейт задорно усмехнулась.

— Меня не так-то просто отвадить! Я достаточно упряма!

— Сестра моя!

Прежде чем Тейт смогла ответить, их позвал Гэн. Он стоял возле одного из стульев, положив руку на его резную спинку. Гэн обратился к Сайле:

— Сайла, мы снова в одной упряжке. От этих книг исходит нечто, действующее на меня. Это пугает меня и будоражит мне кровь. Мы построим мир или потерпим поражение, но в любом случае покроем себя невиданной славой. Кто со мной?

Деревянные и каменные стены отразили эхом дружеские восклицания собравшихся. Переходя в столовую, они возбужденно переговаривались и смеялись.

Сайла заговаривала то с одним, то с другим, постоянно отставая при этом от всей группы до тех пор, пока не оказалась замыкающей.

Привитое Церковью умение распознавать реакции людей многое ей открывало.

Она видела озлобленную нерешительность, скрытую за вымученной улыбкой Эмсо, и промелькнувшее на лице Леклерка самодовольство. Она также заметила обращенные на него одобрительные взгляды трех женщин из его племени.

Но больше всего ее задел скрытный обмен взглядами между Тейт и Конвеем. Эти взгляды выдали постыдную тайную ложь. Каждой военной целительнице было известно, что лучшее лекарство для гноящейся раны — чистота. И солнечный свет, который посылал Единый в Двух Лицах.

Обман был заразой, отравившей дружбу. Это смертельная зараза, которая нуждается в целебном солнце.

Глава 14

Гремучая змея предупреждающе затрещала.

Она внимательно следила за приближавшимся человеком, нацелив на него клинообразную голову, похожую на наконечник стрелы.

Змея была большая. Сжавшись в кольца, она устроилась под нависавшей скалой. Ее длинное мускулистое тело на треть возвышалось над сухой песчаной почвой. Пятнадцать вибрирующих трещоток слились в одно размытое пятно, раздражавшее глаза так же, как и колеблющиеся волны горячего воздуха, поднимавшиеся от обожженной солнцем земли.

Ядовитые зубы змеи были размером почти с пальцы подростка. Позади них поперек змеиного нёба разместились мешочки с ядом. При атаке, под давлением сомкнувшихся на жертве челюстей, мешочки сжимались, и полые зубы превращались в русла, по которым вытекал смертоносный яд.

Мешочки с ядом были переполнены. Последнее время охота была неважной. Змея голодала и сейчас была очень раздражена.

Человек опустился на корточки перед змеей на границе зоны досягаемости пресмыкающегося.

Далеко позади этого смельчака стояли другие люди. Змея на них не обращала внимания.

Белые одежды человека отражали лучи солнца, причинявшие боль змеиным глазам. Больше, чем на зрение, змея полагалась на расположенные в углублениях на ее голове органы, реагирующие на тепловое излучение. Но и они не действовали как следует из-за мощного теплового потока от широких одежд человека. Тепловые и зрительные образы были размытыми и неопределенными.

Быстро мелькающий раздвоенный язык змеи, служащий органом обоняния, четко определил это странное медлительное существо как человека. Удивительно, но от него исходил и змеиный запах. Тонкий язык замелькал еще быстрее, пытаясь разобраться в этой загадке.

Больше всего змею раздражало то, что эта белая фигура не переступала ту черту, за которой ее нерешительность превратилась бы в мгновенную и безошибочную атаку.

По чешуйкам на змеином животе пробежали волны сокращений. Это существо, змея-человек, производило шум. В змеином мире шум означал, что нужно искать или прятаться. Но сейчас змее было некуда деваться.

Перебирая чешуей, змея незаметно, песчинка за песчинкой, продвигалась вперед. Если нет возможности для отступления, нужно напасть!

На голове человека был белый тюрбан. На его груди болтался подвешенный на цепочке, яркий полированный серебряный диск. Взгляд человека был таким же холодным, как и у змеи. И все же он улыбнулся и заговорил с ней, как с ребенком:

— Тебе страшно, мой старый толстый брат. Ты не узнаешь меня. Я — Жрец Луны. Моя Мать, Луна, дает мне власть над твоими братьями, которые теряют свою кожу и, подобно мне, рождаются вновь. Меня должны признавать все люди. И ты должен признать меня.

Человек направил отраженные от диска солнечные лучи прямо в глаза змеи. Та сжалась, и ее трещотки загремели еще сильнее.

Прижимаясь к земле, она продвинулась еще на волосок вперед.

Жрец Луны продолжал свои увещевания:

— Эти дикари должны понять мое могущество. Мне не хотелось бы причинять тебе боль, но они должны увидеть, как ты мне подчинишься. Гляди, у меня с собой твои братья!

Запустив руку под одежды, он вытащил пару гремучих змей. Они были почти такого же размера, как и свернувшаяся в тени нависавшей скалы. Обе змеи немедленно свились в кольца и загремели своими трещотками. Жрец Луны торопливо запихнул их обратно в висевший на его груди кожаный мешок.

— Они ненавидят полуденное солнце так же, как и ты, мой брат.

Жрец Луны медленно как можно шире развел колени. Обеими руками он туго натянул между ними материю своего облачения. Неуклюже переваливаясь, он стал осторожно приближаться к змее. Со стороны его спутников послышались взволнованные голоса. На лице Жреца Луны на миг появилась презрительная усмешка, сменившаяся выражением полной сосредоточенности. По его покрытому пылью лбу и щекам стекали струйки пота.

Змея нанесла свой удар. Он был так стремителен, что ей некогда было рассмотреть, куда именно он направлен.

Она с треском прокусила ткань между коленями Жреца Луны. Позади горячий воздух разорвали встревоженные и восторженные вскрики.

Застрявшая в материи змея тяжело билась. Жрец схватил ее позади головы и высоко поднял. Хвост рептилии свисал до колен. Ему с трудом удавалось справляться с ней. Тюрбан Жреца сбился набок. Он поправил его прежде, чем повернулся к толпе, состоявшей из сотни воинов Людей Реки и пяти кочевников Летучей Орды. Из-за спин мужчин выглядывали женщины и дети.

Выставив перед собой разъяренную извивавшуюся змею, Жрец медленно пошел к ним.

На змеиных зубах виднелись капли яда, золотисто сверкавшие в лучах солнца.

В тот же золотистый цвет были окрашены и два следа от зубов змеи на одеянии Жреца Луны.

Остановившись в нескольких метрах от толпы, Жрец театральным жестом поднес змеиную голову с раскрытой пастью к своему лицу. С блаженной улыбкой он наклонился и поцеловал ее.

В толпе раздались приглушенные возгласы ужаса. Многие не могли поверить своим глазам. Хорошо поставленным голосом оратора, привыкшего выступать перед толпами, Жрец произнес:

— Ступай, брат мой. Расскажи всем нашим братьям, что твой повелитель Жрец Луны пришел сюда, чтобы принести вечную жизнь всем тем из Людей Реки, что придут к нему! — Он бережно опустил змею и освободил, направляя ее голову в сторону кустов.

Змея замерла в нерешительности. Ничего подобного с ней прежде не случалось, и инстинктивные рефлексы не могли подсказать ей, что делать. И тогда она бросилась наутек. Безмолвно извиваясь, переливаясь своим черным ромбовидным узором, она стремительно исчезла.

С трех сторон Жреца Луны окружили восторженные Люди Реки. Каждый старательно избегал того места, куда он отпустил змею.

— Теперь приведите мне Сариса, — сказал Жрец. Окружившая его толпа тут же умолкла. Расступившиеся люди дали дорогу двум воинам. Они несли на одеяле Сариса. Тот был бледен. Воины опустили Сариса к ногам Жреца.

— Я здесь, сын мой, — Жрец Лупы опустился на колени и положил руку на лоб Сариса. — Ты был моей главной опорой среди твоего народа. Я явился потому, что ты и твой народ нуждаетесь во мне. Если на то будет воля моей Матери, я тебя исцелю!

Сарис попытался что-то сказать. Жрец своей ладонью закрыл ему рот — кто знает, что этот болван может сболтнуть! Сейчас толпа полностью была в его власти. Такой она и должна оставаться впредь.

Рана Сариса оказалась в значительно худшем состоянии, чем предполагал Жрец. Лезвие меча развалило ему грудь и перерезало правый бицепс. К счастью, главные кровеносные сосуды не пострадали, но как бы не началось заражение. Вонь, исходившая от раны, действовала сильнее, чем ее вид. Жрец громко сглотнул.

Горящие глаза Сариса встревоженно расширились.

Жрец Луны поспешно вытер воображаемые слезы.

— Мне больно видеть твои страдания, — произнес он, не забывая при этом закрывать Сарису рот. На какое-то мгновение Жрецу страстно захотелось, зажав ему нос, ладонью надавить на подбородок. Он представил себе закатившиеся глаза и вздымающуюся грудь Сариса, пытающегося глотнуть воздуха. Вот было бы поделом этому недоумку! Никто не давал Сарису право о чем-то договариваться с этими язычниками Скэнами. Отвратительными дикарями.

Дурак Сарис. Однако полезный. Жрец вздохнул. Он попытается спасти этого недоумка. Только надо придумать, как обернуть выгодой и его смерть, если эта вероломная деревенщина умрет.

Жрец склонил голову.

Люди Реки одобрительно забормотали при виде такой набожности, выказанной ради человека из их среды.

Выпрямившись, Жрец заставил себя снова осмотреть рану. После этого он громко произнес:

— Моя Мать говорит, что ты совершил большой грех, когда договорился со Скэнами без моего разрешения. Но ей известны твои благие намерения. Мать мне сказала, что, если ты искренне раскаешься, ты поправишься.

Глаза Сариса еще больше заблестели. Он сделал слабую попытку оттолкнуть мешавшую ему говорить руку Жреца.

Тому ничего не оставалось, как позволить ему это. Жрец злобно смотрел, как Люди Реки столпились вокруг Сариса, чтобы услышать его слова. Он почувствовал, что задыхается. Как это он раньше не замечал, какая вонь исходила от этих людей? Рыба, пот и грязь. Жрец замахал руками, заставив отступить ближайших к нему Речных.

— Я не хочу умирать, — вымолвил Сарис. Жрец подавил вздох облегчения. Если так пойдет и дальше, беспокоиться не о чем.

Прерывающимся голосом Сарис с трудом продолжил:

— Если Жрец Луны… истинный новый Сиа… Обратись к Луне. Спаси меня.

Жрец поднялся, не обращая внимания на протестующе хрустнувший коленный сустав.

— Отнесите моего сына в лагерь, — сказал он воинам, доставившим Сариса, — я буду молиться о нем.

Воины подняли импровизированные носилки. Сарис застонал. Седой воин, стоявший за носилками напротив Жреца Луны, хмуро посмотрел на него.

— Верховный Вождь всех Людей Реки знал о намерениях Сариса. Он их одобрил. Он также осматривал раны Сариса два дня назад. Он сказал, что Сарис умрет. То же говорю и я.

Сарис глухо застонал. Жрец сделал знак, чтобы раненого унесли. Обращаясь к седому воину, он сказал:

— Будь осторожен, сын мой. Ты присваиваешь себе власть божества. Только моя Мать определит судьбу Сариса.

Воин плюнул под ноги Жрецу.

— Его убьют невидимые в его ране, а не Луна. Я, Весса, воин Людей Реки, верю в Церковь и не признаю никакой поддельной религии!

Злоба исказила лицо Жреца Луны.

— Ты бросаешь вызов моей Матери?! Рассерди ее, и она уйдет, забрав с собой свое могущество. — Зловеще улыбнувшись, он неожиданно предположил: — Ты и Сарис далеко не друзья, не так ли? Его смерть тебя бы обрадовала!

Это был удар по угрюмому презрению Вессы, однако он выдержал взгляд Жреца. В его ответе было больше бравады, чем вызова.

— Я спорю со всеми, кто говорит о союзе со Скэнами и кто последователь ложного Сиа. Сарис сам отослал нашу единственную военную целительницу. Вездесущий испытывает его. Я утверждаю, что ни ты, ни Луна не сможете ему помочь. Колдовство со змеей не может спасти человеку жизнь. Когда Сарис умрет, мы будем знать, чего ты стоишь.

— Он не умрет! — крикнул Жрец. — Я спасу его!

Осознав смысл ненароком вырвавшихся слов, Жрец прикусил язык. Он скользнул испуганным взглядом по толпе. Настроение людей явно изменилось, и он ощутил, как мурашки побежали у него по спине. Эти люди были как в трансе. Дитя божества обещало спасти их соплеменника!

С улыбкой Весса ждал, пока взгляд Жреца снова остановится на нем. Тот судорожно соображал, что ему сказать. Разве он не говорил, что Сарис должен искренне раскаяться? Только его Мать-Луна могла оценить искренность Сариса.

Весса нанес удар именно по этому аргументу:

— Ты утверждаешь, что обладаешь властью. Сарис будет жить или умрет по твоей воле.

Позже Жрец сидел в одиночестве на крутом берегу и неотрывно смотрел на реку. Встревоженно оглянувшись, чтобы убедиться, что он действительно в одиночестве, он с облегчением заметил свой эскорт из кочевников Летучей Орды, готовящих ужин. Его переполнило чувство искренней привязанности к ним.

Было грустно, что чувство привязанности, а лучше было бы сказать обожания, возникало в связи с такими низшими существам! Жрец снова повернулся к реке. В итоге он всегда оставался одиноким.

Конвей понимал. Вероломный, сопротивляющийся Конвей. При одном упоминании этого имени Жрецу Луны хотелось рычать от ярости. Конвей все время общался с

кочевниками, притворяясь, что искренне помогает им, а на самом деле плел заговор со лживыми, бездушными и продажными рабами, чтобы низвергнуть божество. Это было действительно отвратительно. Несчастный Конвей, распространяющий заразу. Зараза и оружие-молния лишили Летучую Орду сокровищ Врат.

В ярости Жрец ударил кулаком по своему бедру. Боль, вызванная ненамеренно сильным ударом, возвратила его мысли к стоявшим перед ним проблемам.

Тот воин, старый безобразный Весса — вот проблема. Он говорил о колдовстве.

Сарис должен был выжить, но как?

К вечеру раненый стал еще слабее. Он грезил о воде. Ничего не сказав, один из кочевников отправился в степь. Жрец был уверен, что тот дезертирует. Он ему никогда не доверял. Шрам, навсегда придавший его лицу пренебрежительное выражение, говорил о многом. Жрец упрекнул себя за то, что прежде не подверг этого человека испытанию. Теперь уже было слишком поздно.

Сумерки уже начали приносить облегчение выжженной земле, когда кочевник возвратился. Он протянул Жрецу Луны горсть листьев.

— Что это? — Вся накопившаяся подозрительность проявилась в этом пренебрежительном отрывистом вопросе.

— Моя мать называла эти листья болевой травой. Она готовила из них для нас чай, когда мы не могли заснуть или если ранились.

Жрец молча принял листья. С исказившимся от злости лицом кочевник смотрел, как удаляется его неблагодарный вождь. Потом он рывком развернул своего коня и повел его к коновязи.

Принесенная кочевником трава поставила перед Жрецом еще одну задачу. Даже если она действительно была хорошим средством, он не знал дозировки. Эти листья могли убить Сариса. Случайно или, может быть, преднамеренно?

Кругом предательство. Вероломство.

Жрец разложил отдельный костер и собственноручно приготовил себе ужин.

Его эскорт из кочевников Летучей Орды нервно наблюдал за тем, как он ел. Он слышал, как они перешептываются. О нем. Их неуклюжее показное безразличие было подобно громогласно произнесенной лжи.

В случае смерти Сариса Жрец будет не единственным пострадавшим. Если им повезет, их казнят, как принято у Людей Реки: связав по рукам и ногам, бросят в реку, чтобы они утонули. К сожалению, иногда в этом племени любили поразвлечься некоторыми болезненными и изощренными пытками.

Жрец Луны умрет как колдун. Он не знал, чем это чревато, но был уверен, что смерть будет ужасной. Он осознавал, что в религии страх играл роль топлива для разжигания духовного экстаза, а колдунов боялись больше всего.

С такой же жадностью, как весь вечер пил воду, Сарис выпил приготовленный для него чай. Жрец с тревогой наблюдал за ним. Когда совсем стемнело, он заметил перемену. Несмотря на ночную прохладу, Сарис обильно потел. Его дыхание стало почти нормальным. Казалось, что он успокоился. Слишком успокоился? Жрец мог различить у Сариса только очень слабый пульс.

В лагере Людей Реки зазвучал барабан. Тревожные поначалу звуки быстро приобрели властный успокаивающий темп, почти совпадающий с пульсом Сариса.

Жрец присел. Сгорбившись и опустив голову на кулак, он уставился в ту точку, где должна была взойти луна. Пока он размышлял, едва заметные звезды превратились в яркие точки. Луна однажды уже спасла его, назвав его своим сыном. Религия Луны обязана победить, и для этого ее сын должен выжить. Кивая головой в темноте, Жрец пришел к согласию с самим собой.

Однако Мать позволила им мучить его. Она позволила ему умереть. Она воскресила его, чтобы доказать его правдивость и значение.

Он помнил те муки. Утонченную агонию. Дни и ночи.

Ему необходимо было отвлечься, и он отдал себя во власть звуков барабана, успокаивающему действию его неизменного ритма.

Гипноз.

Слово из другого времени и другого мира.

Отрывочные, пугающие фрагменты воспоминаний пронеслись перед его мысленным взором. Когда-то в нем было место для логики. Тот мир превращал мотив в аргумент, путал мысль и эмоции. Конфронтация. Дискриминация. Терроризм. Убийство.

Тело Жреца сотрясала могучая непреодолимая дрожь. Его свалил сон, подобный трансу. Над горизонтом появился серп взошедшей луны.

Глава 15

Осторожно приблизившись к тому месту, где лежал Жрец Луны, эскорт кочевников в страхе остановился. Жрец лежал совершенно неподвижно рядом с Сарисом. Один из кочевников издал стон.

Командир эскорта локтем пихнул застонавшего воина в живот. Тот, пошатываясь, отступил назад.

— Жрец Луны жив! — сказал один из кочевников. — Трава у его рта шевелится от дыхания.

Командир осторожно подошел ближе.

Жрец свернулся калачиком, как ребенок в материнской утробе. Он крепко прижал кулаки к подбородку. За исключением его мертвенно-бледных рук, он выглядел нормально. Командир нарочно шаркнул сапогом по сухой почве. Жрец не пошевелился. Покашливание тоже ничего не дало. Как и обращения к нему, которые вскоре почти перешли в крики. Отчаявшись, командир дерзнул толкнуть Жреца в плечо.

Он тут же отпрянул, будто обжегся.

Жрец открыл глаза и уставился на командира эскорта, что-то бормоча и моргая, как сова. Треща суставами, он уселся.

— Она явилась мне. Моя Мать. Она говорила со мной.

Напуганный командир эскорта пробормотал слова извинений. Его товарищи с опаской отошли. Как один, все они сжали в руках свои лунные диски.

И Жрец увидел, как люди прячутся за символом Луны.

Они и прежде сомневались. Он знал это. Ему стало почти грустно. Как могли они надеяться осознать честь его повторного рождения как единственного сына божества? Они ничего не понимали. Неблагодарные. Разве не он молился над всеми жертвами мора и тем самым спас их? Эти люди видели, как падали сраженные молнией сомневавшиеся в Жреце. Они видели, как верные гремучие змеи убивали предателей. Несмотря на мор и военные поражения, Церкви не удалось поколебать истинную веру. Культ Луны и Жрец продолжали контролировать народ Летучей Орды. И эти несчастные посредственности считали, что они могут усомниться в ее сыне, а потом искать спасения, спрятавшись за несчастным кусочком серебра!

Жрец широко раскрыл глаза, зашипел и стал имитировать треск погремушек гремучей змеи и тыкать перед собой похожим на змею пальцем.

Воины дрогнули. Раскаты пронзительного смеха Жреца вспороли рассветную тишину и обратили в бегство какую-то пташку. Успокоившись, он сказал:

— Все будет хорошо. Посредственности сомневаются. Боги милостивы. Если на то их воля.

Это определение «посредственности» заставило его задуматься. Он отвернулся от своего эскорта. Ему никогда прежде не приходило в голову такое определение для других, и тем не менее он уже дважды его употребил в это утро. Сразу после того, как он проснулся и очнулся от приснившегося ему свидания с Матерью.

Как замечательно, что она дала ему такое точное слово, слово, которое точно

определяло тех, для предводительства которыми он был возрожден.

Волшебство этого мгновения было нарушено напряженным вопросом кочевника:

— Сарис жив?

— Конечно! — Подавив готовый сорваться с губ стон, вызванный болью в суставах, Жрец повернулся, чтобы осмотреть раненого. Дыхание Сариса не улучшилось, а пульс был таким же слабым. Рана по-прежнему распространяла ужасную вонь.

Жрец собрал волю в кулак и стянул с Сариса одеяло. Его едва не стошнило.

И в этот миг он вдруг осознал, что совершенно не помнит наставления, данные ему Матерью во сне.

Подобно ледяному дождю, обрушившемуся с ясного неба, Жреца охватила паника. Не имея сил сдвинуться с места, он стал нечленораздельно кудахтать и беспорядочно размахивать руками. Воины-кочевники все разом отступили от него.

Рывком поднявшись на ноги, Жрец, шатаясь, побрел прочь от Сариса, прочь из лагеря. Он выл от бессилия и продирался сквозь кустарник, не обращая внимания на ветки, рвущие ткань его одеяния и его собственную кожу. Он опомнился, только когда одна ветка едва не сбила с его головы тюрбан. Схватившись за тюрбан, Жрец плотно натянул его на свою голову. Даже сейчас он не хотел обнажать голую розовую кожу на своей голове в том месте, где оперировала Сайла.

Когда к Жрецу вернулась способность здраво рассуждать, он проклял Луну. Это было хуже любой физической боли. Женщина. Все они одинаковы. Вместилища разочарования. Он ей верил, а теперь вот что случилось!

Он стал кулаками бить по кустам. Он лягался и выл. Перебегая от куста к кусту подобно крадущимся койотам, за Жрецом следовал его эскорт. Шепотом они высказывали друг другу свое изумление этим божественным безумием. Утро было прохладным, но их кожа блестела от пота.

Споткнувшись о труп козла, Жрец плашмя растянулся на земле. Ослепленный съехавшим на глаза тюрбаном, барахтаясь на земле, он снова поправлял свой головной убор. Первое, что он увидел, была пульсирующая куча личинок.

Задыхаясь, Жрец перекатился на бок и, шатаясь, поднялся на ноги. Спиной вперед, беспомощно выставив перед собой руки, он стал пятиться от отвратительной массы. Сейчас он не был в состоянии предотвратить то, чего не мог позволить себе около Сариса. Он упал и стал ползти, как зверь. Его так сильно стошнило, что выступили слезы.

Командир эскорта подбежал к тому месту, где, прислонившись к валуну, хватая ртом воздух, сидел Жрец. Он предложил ему воды из ярко раскрашенного и украшенного резьбой сосуда, сделанного из тыквы. Пробкой служил оскалившийся череп. Жрец не обращал на пробку внимания, пока не осознал, что она вырезана из кости. Это напомнило ему о смерти. О мертвом козле. Об отвратительной шевелящейся живой массе под его носом. В животе у него заурчало.

Едва заметив изменившееся выражение лица Жреца, кочевник бросился наутек.

Жрец с жадностью отпил воды, сплюнул и снова отпил. Мало-помалу к нему возвращалось самообладание. Грязь, подумал он, почему его должна окружать грязь? Его цвет — белый, цвет чистоты, цвет Луны, цвет серебра.

Личинки тоже были белыми.

Жрец содрогнулся, обхватил себя руками и стал раскачиваться из стороны в сторону.

Он знал, что должен что-то вспомнить. Что-то ужасное. Но что?

Он скрипнул зубами. Грязь.

Из подсознания пытались всплыть какие-то другие, неясные слова. И вдруг, едва не вскрикнув от радости, он понял! «Из грязи возникнет сильнейшее. Высшая чистота возникает из подлейшего осквернения. Так враг является чудесным средством в руках разумного».

Это слова его Матери. Он вспомнил. Она говорила еще:

«Требуй чрезмерного. Только при чрезмерности настолько катастрофичной, что она сокрушает все вокруг, может возникнуть истинное созидание. Человеческие существа способны познать красоту умеренности, только пребывая среди руин, вызванных чрезмерностью. Веди их. Насильно. К спасению. Ко мне».

Жрец понял. Любовь к ней смирила его. Он бросился на колени и вознес краткую благодарственную молитву. Затем он поспешил обратно в лагерь. Проносясь мимо своего обескураженного эскорта, он обрушил на него град приказов и проклятий.

Наскоро искупавшись в реке, Жрец переоделся и занялся Сарисом, который к этому времени уже пришел в сознание. Пока один из кочевников неуклюже кормил Сариса кашей, Жрец объяснил, что необходимо сделать.

— Нездоровая плоть должна быть удалена, Сарис. Она наполнена злом. Если это зло завладеет твоим телом, я потеряю контроль над твоей душой. Из всех воинов, которые сражаются за меня, и погибают, и присоединяются ко мне на Луне, чтобы снова возродиться со мной, только те будут отвергнуты, которые погибли от злых чар. Ты должен позволить мне очистить тебя.

В глазах Сариса серо-голубого предсмертного цвета вспыхнул огонек. Едва шевеля губами, он проговорил:

— А если ты потерпишь неудачу? Если я умру, пока ты пытаешься меня спасти?

— Тогда ты будешь принадлежать мне. При условии твоего полного доверия ко мне я спасу твою душу, даже если потеряю твое тело. Но я знаю, что могу спасти и его.

— Спаси меня! — Сарис сжал руку Жреца, как когтями.

Жрец глубоко вздохнул и взял Сариса за руку.

— Порой солнце является злейшим врагом моей Матери, но мы должны им воспользоваться. Твоя рана нуждается в солнечном свете. Но она должна быть чистой.

— Чистой? Невидимые с каждым днем все больше пожирают мое тело, Жрец. Никому не удавалось гнить, как мне, и выжить, — и по его щекам потекли прозрачные слезы.

Жрец крепко взялся за руки Сариса. Раненый ослаб до предела, но не стоило рисковать.

— Я должен сделать так, чтобы то, что наслаждается злом, пожрало зло.

Ничего не понявший поначалу, Сарис пришел в неистовство. Он бился, пока его слабые силы не были полностью истощены. Он попытался крикнуть на помощь, но смог издать лишь хриплое шипение. Тогда он признал свое поражение.

— Ты имеешь в виду личинок?

— Может, тебя больше устраивает, чтобы злые невидимые завладели твоей душой? Не сомневайся, они также завладеют и твоей жизнью.

Освободивший свои руки, Сарис забил кулаками по земле. Он был настолько слаб, что даже пыль не поднялась. Наконец он отвернулся от Жреца и с отвращением прошептал, ненавидя себя самого:

— Спаси меня. Спаси мою жизнь.

— Ты будешь стоять по правую сторону от меня, когда меня призовет моя Мать. — Жрец смочил лоб Сариса холодной водой, встал и подошел к своему ожидавшему указаний эскорту.

Он посмотрел на каждого воина взглядом, который был тяжел, как камень.

— Сделайте то, что я велю, и мы останемся живы. Ослушайтесь, и семь поколений ваших детей будет проклято. Ни один из Людей Реки не должен видеть Сариса. Ты, крайний, отправляйся к мертвому козлу. Положи две полные горсти личинок в корзину и доставь ее ко мне. Ты, который принес мне болевую траву. Мне нужно еще этой травы. Она мне потребуется каждый день.

Командир эскорта спросил:

— Ты сможешь его вылечить, Жрец?

— Я уже сказал, что смогу, не так ли? Выполняй приказ!

Эскорт бросился врассыпную.

Всю следующую неделю Жрец спал рядом с Сарисом. В течение дня он сидел рядом с

ним, руководил его кормлением, перекладывал его так, чтобы раны облучались солнечным светом. По нескольку раз в день Жрец обмывал здоровые участки кожи вокруг ран. Тысячи мух садились на его руки, на лицо, на открытое тело Сариса, готовые внести свой вклад в увеличение количества личинок. Жрец почти с испугом отгонял мух. Все же некоторым мухам удавалось отложить свои полупрозрачные яйца.

С самого начала Жрец заставил себя наблюдать за отталкивающей деятельностью этих покрытых слизью маленьких существ. Озабоченная только продлением жизни, эта тяжелая, полужидкая на вид масса прожорливо выполняла свою работу.

Жрец был удивлен и обрадован тем, как быстро улучшалось состояние ран. Там, где ранее был только гной — появлялась свежая ткань. Личинки не трогали ее. Жрец постоянно протирал эти новые участки отваром листьев, которые приносил искушенный в травах воин. Вскоре заживающие участки тела стали настолько большими, что их можно было бинтовать. Сжав зубы от отвращения к находящимся рядом личинкам, Жрец массировал раны. Сарис при этом жаловался на боль. Жрец не обращал никакого внимания на эти жалобы. Он был убежден в том, что кровообращение играет большую роль в заживлении.

Жрец по нескольку раз в день проверял, не появились ли признаки окукливания в стаде своих крошечных помощников. Непродуктивные личинки бесцеремонно выбрасывались при помощи прутика в ближайший кустарник. По ночам в этом кустарнике среди мышей возникали настоящие сражения из-за этой нежданной добычи.

Жрец приказал своему эскорту расставить в кустарнике ловушки для мышей. Ими, в свою очередь, объедались гремучие змеи Жреца. Разжиревшие и довольные, они были послушнее, чем обычно. Когда Жрецу приходилось отправляться к границе своего лагеря, чтобы встретить очередную из бесконечных делегаций Людей Реки, эти пресмыкающиеся увивали его распростертые руки. Их головы с мелькавшими раздвоенными языками покоились на его ладонях, откуда золотистые с черным глаза змей презрительно взирали на собеседников Жреца.

Одно способствовало другому.

Долгими ночами Жрец часто обдумывал эту мысль. То, что человек познавал, подготавливало его к новым познаниям. Одно способствовало другому.

Сайла и ее товарищи скрылись из библиотеки. Церковь на протяжении многих поколений болтала о «сокровище Врат», а в конце концов оказалось, что оно состоит в основном из видеодисков.

Жрец предпочел, чтобы оно состояло только из видеодисков. Что могло быть более бесполезным, чем видео в мире, где извлеченная из руин давно забытого города розетка служила только источником вторичной меди? Никто не слышал о телевидении по крайней мере последние пятьсот лет.

Дверь скрывала и нечто другое. Книги. Сайла заполучила книги. Кроме того, при ней находились шесть человек из криогенной колыбели, которые были грамотны.

Сарис будет жить благодаря знаниям. В данном случае божественным знаниям, подумал Жрец, хотя мирские познания кочевника-травознатца тоже пригодились.

Продолжая предаваться воспоминаниям, Жрец подумал, что он приказал предать огню библиотеку, скрывавшуюся за Вратами, по двум причинам. Во-первых, для того, чтобы уничтожить Сайлу и ее спутников, во-вторых, чтобы уничтожить любые знания, неподконтрольные ему самому.

Этот случай с Сарисом доказывал состоятельность второй причины. Луна открыла ему, что личинки уничтожат заразу, убивающую Сариса. Кочевник открыл ему траву, оказавшуюся противовоспалительным средством.

Насытившиеся личинки насыщали мышей, которые кормили собой змей.

Одно способствовало другому. Чтобы служить Жрецу.

Научив его, как излечить одного бесполезного болвана, Мать-Луна преподала ему главный урок.

Этот новый, наполненный грехом мир с его нескончаемым насилием не созрел для

неуправляемых знаний. Было несправедливым, что Сайла, этот отпрыск лицемерной Церкви, получила доступ к знаниям и тем более власть над ними. Власть над знаниями являлась священным правом, которое должно принадлежать Жрецу. Управлять должен он.

Чтобы управлять, он должен обладать. Для полного обладания нужно уничтожить любого, кто мог бы бросить ему вызов. Жрец царапал имена в пыли у своих ног.

Сайла. Конвей. Тейт. Леклерк. Бернхард. Картер. Анспач.

Шаркая ногами, будто исполняя какой-то странный танец, Жрец стер имена. Раздался его тихий счастливый смех. Как будто имен никогда и не было. Нечестивцы должны быть уничтожены так же, как был уничтожен их мир и его самонадеянность.

Стерты. Все.

Глава 16

Откинув назад голову и уперев сжатые кулаки в бока, Лорсо смотрел на сидевших перед ним полукругом мужчин в комнате совета.

Толстенные кедровые стволы, вкопанные в наполненную гравием траншею, образовывали овальное сооружение. На внутренней поверхности десяти стволов за спиной Лорсо были вырезаны лица. Каждому лицу размером в полтора человеческих роста искусно придали такое выражение, что казалось, будто они все уставились на один и тот же прямоугольный кусок черного вулканического стекла с неровными рваными краями. Высотой примерно до уровня колен и вдвое длиннее, эта глыба покоилась на закругленной подушке из чистого белого песка, которая простиралась от основания образующих стену стволов до первого ряда расположенных амфитеатром сидений. Глыба служила трибуной для выступающих.

Глаза сидящих в зале мужчин, равно как и хмурые взгляды выложенных из ракушек глаз резных ликов, были прикованы к стоявшему босиком на глыбе вулканического стекла Лорсо. В металлических жаровнях, установленных перед каждым резным изображением, пылали дрова. Колеблющееся пламя бросало причудливый отсвет на переливчатые ракушки. Неморгающие глаза казались живыми.

Лорсо не обращал внимания на резные изображения, искусственные глаза и идущий от жаровен свет. Предки за его спиной уже давно умерли, ушли в Глубокий Покой. Жертвоприношение умилостивит их. Здесь собрались все сорок Навигаторов. Живые и разозленные. Если они решат, что нужна жертва, все будет по-другому.

— Для воинов Скэнов недостаточно просто храбро погибать! — крикнул Лорсо, чтобы прекратить ропот Навигаторов. Он воинственно оглядел всех присутствующих. — Скэны всегда хорошо дерутся и всегда хорошо умирают. Разве Навигаторы назвали меня Поработителем для того, чтобы я посылал Скэнов на смерть, доказывая свою храбрость? Пусть встанет тог, кто сомневается в храбрости Скэнов, в моей храбрости! — Он снова оглядел всех присутствующих.

Пожилой бритоголовый человек, сидевший в первом ряду, встал с видом сосредоточенной решимости. Лорсо запротестовал:

— Домел, пожалуйста, вовсе необязательно вставать. Это формальность…

Исполненный чувства собственного достоинства взгляд остановил его.

— Традиция всегда важна, — сказал Домел, — что я сейчас и докажу.

Он медленно вышел вперед. Выражение лица говорило о внутренней твердости этого человека, которую можно было сравнить с твердостью камня, служившего трибуной. Щиколотки, колени, вышитая шерстяная блуза Домела были украшены браслетами из раковин моллюсков. Они были окрашены во все цвета радуги геометрическими узорами Скэнов. Сбросив обувь, Домел взошел на глыбу. У него был грубый сильный голос.

— Лорсо говорит о причинах для сражения. Он правильно делает. Скэны послали почти восемьсот человек, чтобы уничтожить Три Территории. Они превосходили по своей численности жалкие остатки стай Волков, которые Гэну Мондэрку удалось наскрести для

защиты стен его крепостей. Три Территории ранены, истекают кровью после битвы с Ква. И все же Поработитель поверил хвастовству Гэна Мондэрка и отменил атаку. Самые крупные силы, которые Скэны когда-либо отправляли на войну, не выполнили своей задачи.

После небольшой паузы Домел взмахом руки указал на резные изображения лиц за своей спиной. Потом он указал на Лорсо, не взглянув на него.

— Что бы на это сказали предки?

Из среды собравшихся послышался осуждающий ропот. Казалось, их ярко вышитая и украшенная бусами и аппликациями одежда горела в красных отблесках огня. Раздались выкрики: «Виновен!» Они стали повторяться все громче. Одинокий голос пытался протестовать, но его быстро заглушили. Подняв руку, Домел прекратил шум. Он улыбнулся. Крепкие белые зубы резко контрастировали с его состарившимся лицом. В его словах звенело презрение:

— Какие вы дети! Скэны воюют ради добычи. Мы доказываем свою храбрость, свои умения в бою. Какой идиот породил мысль смерти во имя чести? Если кто-то решает сразиться с кем-то ради славы или исправить несправедливость, то это в природе человека. Мы все знаем, что так поступают дураки. Но племя сражается во имя своего выживания, чтобы уничтожить врагов. И ради своего процветания. Как учит нас первый предок: «Что имеем, то защищаем. Что хотим, то берем». Торговля хороша, добыча лучше. Но Скэны принимают во внимание цену. Всегда. Лорсо это понимает.

Когда Домел остановился, чтобы перевести дыхание, слышалось только угрюмое бормотание. Он продолжил:

— Скэны охотятся на слабых, как показал нам первый предок. Теперь выслушайте Лорсо.

Когда Домел занял свое место, Лорсо снял сандалии и снова занял место на глыбе. Смягчившимся тоном он сказал:

— Вблизи побережья не было никаких рабов, никаких продуктов. Там были только Волки. Ква предали нас своей преждевременной атакой. Их раздавили. Они нанесли Трем Территориям рану. Но недостаточно серьезную. Теперь мы объединим силы с более надежными Людьми Реки и Летучей Ордой. Весной они помогут нам уничтожить Гэна Мондэрка. Мы соберем урожай из его людей и их имущества на всем протяжении к северу от горы Разрушитель до Матери Рек.

Поднялся другой мужчина, старше Домела. Его седые волосы были заплетены в традиционные восемь косичек-щупалец Сосолассы.

— Скэны никогда не делились своей добычей. Скэны берут. Скэны оставляют у себя! — с тем он сел на место.

Лорсо кивком подтвердил свое согласие.

— Кроме того, Скэны используют мелкую рыбешку как приманку для крупной рыбы. Когда Три Территории будут побеждены, нам больше будут не нужны ни Люди Реки, ни Летучая Орда. Никто не предлагает, чтобы мы на них не нападали.

Угрюмая настороженность сменилась громкими одобрительными возгласами.

Когда Лорсо у дверей вешал свои сандалии на колышек, сменив их на свои обычные сапоги, к нему подошел Домел и сказал:

— Уцелевшие с акульего челна, уничтоженного оружием-молнией, говорят, что ты правильно сделал, не высадившись у Медовой реки. Мне никогда не приходилось видеть Скэнов такими потрясенными.

— У человека, сопровождавшего к моему судну Гэна Мондэрка, было оружие-молния. Я узнал его по рассказам. Если бы не оно, я бы захватил Мурдата в плен. Тебе рассказали выжившие после нападения на Матери Рек, что этот человек, Жрец, владеет молнией, так же как и те чужаки, служащие Гэну Мондэрку? Скэны должны завладеть этим оружием.

— Такое никогда добровольно не отдадут. Как нам его украсть?

Лорсо напряженно улыбнулся.

— Говорят, что ты был величайшим Поработителем всех времен. Я этому верю. Ты

станешь следующим предком!

Домел скорчил гримасу.

— А я не тороплюсь стать чьим-либо предком. Но ответь: как ты намереваешься добыть оружие-молнию?

— Мы пошлем челн, чтобы направлять действия воинов Людей Реки и Летучей Орды. Они все разузнают об оружии Жреца. Как только Три Территории будут побеждены, они украдут его.

Домел молча шагал вперед, склонив голову. Они уже выходили через ворота из форта. Как всегда, Лорсо залюбовался тем, с каким мастерством они были сделаны. Толщина горизонтальных брусьев равнялась расстоянию от кончиков пальцев мужчины до его локтя. Вертикальные доски были на две трети тоньше, но той же ширины. Бревна были скреплены между собой штырями толщиной в запястье. Высота самих ворот позволяла свободно проехать всаднику. Над ними возвышалась плоская шестиугольная башня, чьи деревянные стены были обшиты медными листами для защиты от огня.

На башне, как и в определенных точках на стенах форта, постоянно дежурили караульные. Скэны предпочитали внезапность, но не намеревались сами стать ее жертвой.

Лорсо обратил свой взгляд на хижину Джалиты, уставившись на окно. Полупрозрачная овечья шкура, закрывавшая окно, будто издевалась над Лорсо. Будто глаз, пораженный бельмом, шкура не желала открывать то, что скрывалось за ней.

Они приближались к торговым рядам. Ветер, дувший с моря, наполнялся запахами кедровых бревен, свежей шерсти, трав, промасленной кожи, мехов. В голове у Лорсо все перепуталось. Его мысли постоянно возвращались к безумным, неземным наслаждениям, которые дарила ему Джалита. Стоявшие в воздухе запахи кедрового дерева и шерсти вызывали в памяти грубые одеяла, которые она хранила в сундуке возле окна. Среди запахов трав можно было уловить аромат тех, которыми она натирала тело. Он представил себе ее, когда она, подобно духу искушения, лежала, раскинувшись на кровати, на темных мехах, и стоны кожаных кроватных ремней…

— Что с тобой?

Лорсо вздрогнул так, что хрустнули шейные позвонки. Домел смотрел на него с неподдельной тревогой.

— Слышал ли ты хоть слово из того, что я тебе говорил? — Отступив, он с подозрением оглядел Лорсо. — Не заболел ли ты?

Лорсо потер основание шеи.

— Я просто думал о том, как обеспечить вылазку на Мать Рек.

— Что?! — возмутился Домел. — Да просто расспроси того, кто снаряжал последнюю вылазку! Ты уверен, что с тобой все в порядке? Не первый раз твои мысли где-то блуждают.

Разыгрывая негодование и стремясь избавиться от навязчивых мыслей о Джалите, Лорсо резко ответил:

— Мне приходится думать о многом!

— Лучше думай о том, что я тебе говорю. Я сказал, что у Гэна шесть человек с оружием-молнией. Мы могли бы заслать к ним шпиона. Вызвать среди них разлад. Украсть оружие.

— Даже если бы нам удалось войти в доверие к этим людям, что маловероятно, нужно учесть одно обстоятельство, касающееся Жреца. Если он владеет таким же оружием-молнией, почему эта шестерка на службе у Гэна не исповедует никакой религии? Наверно, потому, что Жрец более могущественен. Никто не боготворит Гэна или его людей, владеющих оружием-молнией. Все говорят, что Люди Реки отрекаются от Церкви и переходят в религию Луны. Жрец уже руководит кочевниками. Перед ним все трепещут.

— И ты?

На протяжении нескольких шагов Домел старался притворяться, что не замечает того, что Лорсо уже не шагает рядом с ним. Наконец, обернувшись, он увидел, что тот стоит, сильно побледнев, но сохраняя самообладание. Несколько прохожих, взглянув на эту

парочку, немедленно ретировались. Продавец овощей тихонько ускользнул, скрываясь за своим сложенным товаром.

— Имя, Домел! — воскликнул Лорсо. — Кто утверждает, что я кого-то боюсь? Я принесу тебе его голову!

Губы Домела дрогнули в мимолетной улыбке.

— Пойдем. Можешь ли ты подобрать экипаж таких же смельчаков? Сколько людей, даже из Скэнов, способны без страха жить рядом с теми, кто владеет оружием-молнией?

— А им и не нужно быть неустрашимыми. Все, что от них требуется, — терпение и дерзновение. Все Скэны таковы.

Домел проговорил мягче и рассудительнее:

— Я уверен, что мы сможем подобрать нужных нам людей. А тебе известно, что Форы строят акульи челны? У этой береговой крысы Вала, который отважился выйти в море, есть несколько штук. И, как я слышал, у него хорошие экипажи.

— Если они попытаются нам помешать, мы сметем их. У нас самые лучшие люди, и мы превосходим Форов числом.

Домел широко улыбнулся.

— Я уверен, что ты сможешь это сделать.

Они еще некоторое время поговорили на отвлеченные темы. Лорсо показалось, что у Домела стало проявляться растущее нетерпение. Он едва не улыбнулся, осознав, что если кто-то из них двоих испытывает нетерпение, то это он сам. Солнце уже было далеко на западе. Скоро Джалита будет снова в его объятиях.

Домел пошутил. Из вежливости Лорсо заставил себя рассмеяться. Одновременно, расслабляясь, он с блаженством потянулся, наслаждаясь ощущением напрягшихся мышц.

Опираясь на посох, Слезы Нефрита медленно приоткрыла дверь хижины. Свет от единственной свечи, горевшей около камина, не мог пробить темень ночи. Она с сарказмом промолвила:

— Что, бедный Домел, неужели так поздно, что ты заблудился в темноте?

— Следи за своим языком! — ответ неслышно приблизившегося Домела был неожиданным, как гром среди ясного неба. Быстро отступив, Слезы Нефрита едва не упала. Входя в ее хижину, Домел улыбнулся.

— Все в порядке? Они вместе? — спросил Домел.

Прочистив горло, Слезы Нефрита ответила:

— Девка получает слишком много удовольствия от работы.

Домел рассмеялся.

— Если бы ты могла вспомнить свою далекую юность, старуха, ты бы ей завидовала, вместо того чтобы расстраиваться! У нас ее мать. Дочь сделает то, что мы ей велим.

— Джалита — странный ребенок. Иногда я даже сомневаюсь, знаю ли я ее мысли?

— Сомнения? Гарпун брошен и попал в кита. Слишком поздно задавать вопросы. Что тебе удалось сделать?

— Говори тихо. — Слезы Нефрита была спокойна, почти безразлична. — План удастся.

— От этого зависит будущее Скэнов. — Домел наклонился так, что его нос почти касался носа Слез Нефрита. — Если он прознает о том, что мы с ним сделали, он позаботится, чтобы чайки начисто обглодали наши кости.

— Твои, а не мои. Я его мать.

— Никакая ты не мать. Ты прибрала его, когда умерла твоя сестра, чтобы сделать из него подручного. Он — твоя воля, твои мышцы.

— Так же как и Джалита — моя воля.

— Но ты сомневаешься.

— Не в том, что она сделает. Я просто гадаю, о чем она думает, когда не занята выполнением моих приказаний. Она все выполняет даже слишком хорошо.

Домел заметно успокоился.

— Никогда не думал, что увижу, как ты нервничаешь! — Он опустился на один из

стоявших в хижине стульев. Прямо над ним на стене висела желтая маска с невероятно длинными черными клыками и черными волосами. Ничего не выражавшие глаза маски уставились в пространство. Домел не обращал на маску никакого внимания.

— Наступает время штормов. Если мне предстоит убедить Навигаторов, что Лорсо должен возглавить экипаж, который отправится на переговоры с кочевниками и Людьми Реки, то мне нужно уже начинать готовиться.

— Лорсо не говорил о том, чтобы послать один из челнов на Мать Рек? — Слезы Нефрита присела на стул рядом с Домелом.

— Сегодня.

Слезы Нефрита поглаживала свой подбородок. Домел посмотрел на ее согнутый костлявый палец, на когтеобразный ноготь. Потом он перевел взгляд на свечу. Женщина промолвила:

— Он сделает то, что потребуют Навигаторы. Займись ими. А как насчет Найона? Ты ему доверяешь?

— Разумеется, нет. Я уверен, что знаю, чего он стоит. Он оставляет своего сына как заложника. По-моему, все в порядке.

— Ты рассказал Найону, что случится с его сыном, если он предаст нас?

Поднимаясь, Домел улыбнулся.

— Я сказал, что тогда отдам мальчика тебе.

Слезы Нефрита закивала головой, и из ее горла вырвался какой-то странный кашель. Глаза Домела расширились, но он взял себя в руки. Он успел позабыть этот смех Слез Нефрита. Взмахом руки Женщина-Дух отпустила его. Отвратительный хохот древней старухи холодил Домелу спину.

Глава 17

Лорсо побледнел.

— Командовать акульим челном? Отправиться в поход? — Это прозвучало скорее не как вопросы, а как мольба.

Домел старательно сохранял сочувственное и вместе с тем твердое выражение лица.

— Этот сброд из Трех Территорий все еще боится селиться около побережья.

— Я не могу отправиться на Мать Рек. Не теперь, когда…

— Не теперь? А в чем дело?

Лорсо едва не сболтнул правду. На языке вертелось имя Джалиты. У него перехватило горло. Заикаясь, он выдавил:

— Приближается время штормов.

— Ты — Поработитель. Что решат Навигаторы, то и будешь делать. Это не похоже на тебя, так противоречить.

— Да, Поработитель. И дитя Слез Нефрита. Посмотрим, как отнесется моя мать к плану Навигаторов! — опустив голову, пробормотал Лорсо.

Домел обратил внимание, что со скул Лорсо исчезли красные пятна. Более того, выражение раненого зверя сменилось хитроватым прищуром. Домел увидел в этом мрачном лице смерть и вдруг почувствовал груз своих годов, тяжесть в голове. У него внутри все сжалось.

— Это не мой план, Лорсо. Это план всех Навигаторов. Его подробно обсудили.

— Но не со мной. Поработитель должен присутствовать на всех заседаниях совета.

— Совета не было. План мы обсудили так.

Лорсо выпрямился. Он бросил на Домела испытующий взгляд.

— Кому-то было нужно назначить меня ответственным за выполнение обоих заданий. Я узнаю, кому именно. А пока поговорим с моей матерью.

По дороге Домел пытался завязать разговор. Лорсо отказался поддержать беседу.

Лорсо вошел в хижину Слез Нефрита. Окна были завешены медвежьими шкурами,

полностью закрывавшими дневной свет. Старуха сидела перед жаровней, установленной на четырех ножках, изображавших драконов. В своих челюстях они держали поднос, на котором пылали жаром угли. Над углями был подвешен небольшой котел. Пар, густой как сироп, поднимался из глубин сосуда и растекался, как щупальца по грубому потолку хижины.

Не отрывая взгляда от своего огня, Слезы Нефрита приказала:

— Быстро закройте дверь, не то пропадет то, что вы уже потревожили! Садитесь на пол возле кровати, оба!

Она запустила руку в лежавший у ее ног плетеный мешок с сухими травами. Из повалившегося набок мешка высыпалась какая-то неприятная масса. Кривым пальцем Слезы Нефрита стала выуживать из нее что-то для своего котла. Лорсо обратил внимание на то, что теперь, после того как дверь была закрыта, дым устремился в окно за его и Домела спинами.

Едва слышным голосом Слезы Нефрита молилась:

— Сосоласса, помоги своей рабыне. Помоги мне объединить то, что ты открыл мне, открыл моей матери, открыл моей бабушке. Возношу тебе свою молитву, отец штормов, охотник из Глубокого Покоя.

В темноте на стенах хижины мягко светились полированные маски. Чучела животных наблюдали за происходящим своими агатовыми глазами, отсвечивавшими рубиновым огнем от пылавших углей.

Лорсо втянул щеки и крепко их закусил. Слезы Нефрита обращалась к божеству, и, как ему было известно из собственного опыта, она не могла в полной мере контролировать происходящее. После ее общения с Сосоласссой появлялись странные микстуры и порошки. Слезы Нефрита никогда не говорила, для чего они. Тем не менее Лорсо рос и видел, как враги Слез Нефрита становились ее союзниками. Кроме тех, которые чахли и умирали. В клубящемся дыму было нечто зловещее. Чувствуя это, Лорсо бессознательно сопротивлялся. Рядом с ним Домел заметно терял самообладание.

— Этот запах, — протяжно проговорил он. — Он мне не нравится. Он проникает мне в голову. Он не раздражает. Он пугает. Но мне хорошо. Я настроен дружелюбно, понимаешь? Мне хочется говорить с тобой, Слезы Нефрита. Ты хороший человек. Гораздо лучше, чем все думают. Я люблю тебя. Когда мы с твоим сыном беседовали…

Протянув руку, Слезы Нефрита ударила его по голеням своим посохом. Домел вскрикнул и сказал:

— Ты это сделала потому, что я тебе нравлюсь, да? — Он повернулся к Лорсо: — Разве не замечательно то, как мы все любим…

— Закрой свой рот! — Слезы Нефрита еще раз ударила Домела, на этот раз сильнее.

— Вынеси котел наружу, — обратилась она к Лорсо. — Быстро. И не дыши около него.

Когда Лорсо вернулся в хижину, Домел трясущимися руками снимал с окон медвежьи шкуры. Солнечный свет прямоугольным светлым столбом сиял в остатках дыма. Лорсо смотрел, как в этом столбе поднимался, опускался и завивался дым. Протянув руку, он отогнал тоненькую струйку и счастливо засмеялся.

Потом он вспомнил о чем-то, что его беспокоило. О чем-то злом. Он был очень зол. Нет, не был. Все было прекрасно. Какой замечательный этот дым! Он играл с его клубами. Его рука превратилась в рыбу. У рыбы вырос рот.

Посох щелкнул его по лбу, как кнут. Он тяжело шлепнулся на землю у двери в хижину, держась обеими руками за выраставшую на лбу здоровенную шишку. Над ним, держа Домела за ухо, как нашкодившего ребенка, стояла Слезы Нефрита. В другой ее руке была миска. В ней тлели смятые листья. Отпустив Домела, который с глупой улыбкой немедленно растянулся на траве, она глубоко вдохнула этот новый дым и потом сунула миску Лорсо.

— Дыши. Глубоко. Быстрей.

Лорсо повиновался. Дым щипал и отдавал горечью во рту. Он вспомнил о драгоценном порошке, который доставали у Коссиаров и называли сушеной апельсиновой кожурой. Потом дым вдыхал Домел. На какое-то мгновение Лорсо стало смешно: голова старика

болталась на шее, как зрелая тыква на лозе.

Потом к Лорсо возвратилась прежняя злость. В его воображении возникла Джалита с издевательским выражением на лице. Затем она стала уменьшаться и вовсе исчезла.

Слезы Нефрита передала миску Лорсо, чтобы тот отнес ее на место. Он направился было в хижину, но потом, передумав, поставил ее на лавку у двери. Когда Лорсо повернулся обратно, Слезы Нефрита нежно прикоснулась к шишке на его лбу.

— Боль обостряет ум. Я видела, как ты соединяешься с дымом. Это меня напугало. Ничто не должно к тебе прикасаться, сын мой, ничто.

Он посмотрел на ее сухое, сморщенное лицо. Он рассмотрел в этих древних чертах то, что никто другой никогда не видел. Любовь. Любовь к нему.

Ему было знакомо то зло, та враждебность и алчная жажда власти, которые отражались на этом лице. Все Скэны знали это лицо так же хорошо, как они знали море. И только Лорсо знал о ее любви.

Это выражение любви уводило страх, успокаивало. Лорсо чувствовал, что оно его защищает.

Но не в этот раз. По его лицу стекал пот.

— Случилось что-то плохое.

Ему страстно хотелось взять ее руку и приложить к своей щеке.

— Расскажи мне, что случилось. Мы всегда разрешали твои проблемы. Позволь мне еще раз оказать тебе помощь, сын мой.

Лорсо повернулся к Домелу. Ему было проще говорить, глядя на другого мужчину.

— Навигаторы провели без меня тайное собрание. — Он вкратце пересказал принятое решение. — Пусть переговоры о заключении союза поручат кому-нибудь другому, лучше подготовленному, чем я. Пожалуйста, мать, разреши мне остаться здесь, — закончил Лорсо.

Безразлично слушавший Домел посмотрел на Слезы Нефрита.

— Почему моему сыну не позволили присутствовать? — спросила она.

— Собрания не было. Люди просто встретились и обсудили этот вопрос. Они обратились ко мне и попросили, чтобы я передал их решение Лорсо. Никакого заговора не было. Все было сделано с полным уважением и для того, чтобы обеспечить славу и могущество Скэнов.

Слезы Нефрита долго хранила молчание. С каждым ударом сердца у Лорсо нарастала тревога. Наконец женщина сказала:

— Навигаторы — мозг Скэнов. Это сказал первый предок. Моему сыну, Поработителю, это известно. — Казалось, что Лорсо стал ниже ростом. Слезы Нефрита ласковым тоном продолжила: — Поработителю приказали. Поработитель может подать в отставку. Такое случалось, в этом нет ничего позорного.

— Тогда я пойду в отставку. Навигаторы меня обманули. Поработитель сражается. Прочие болтают. Спасибо, мать. Ты мне указала путь. Спасибо. — У Лорсо сдавило горло.

— Не принимай поспешных решений, — сказала Слезы Нефрита, взяв Лорсо под руку. Она повернула его лицом к заливу, где, освещенные солнцем, грациозно покачивались акульи челны. — Уйди на небольшой лодке туда, где Скэны получают ответы на свои мысли. Выслушай море и небо. Постись два дня. Потом мы поговорим, и ты примешь решение.

Лорсо открыл рот, чтобы что-то сказать, но его остановил взгляд Слез Нефрита. Старуха подтолкнула его по направлению к заливу. Лорсо ушел, опустив голову и шаркая ногами.

Домел подождал, пока Лорсо не отошел достаточно далеко.

— Это очень рискованно. Мы пытаемся вытащить кита, пользуясь снастями для ловли окуней. Я знаю, что дым размягчает мозг, заставляет воспринимать твои слова как собственные мысли, но каждый раз я боюсь, что когда-нибудь это может не сработать.

Слезы Нефрита осторожно опорожнила котел, тщательно растирая крошечной ступней остатки варева.

— Ты бы лучше больше беспокоился о другом — когда-нибудь станет известно, что мы

работаем с тобой вместе. Племени не понравится, что мы манипулируем им. А что касается этого плана — он надежен. Там, где речь идет о славе Скэнов, не может быть большого риска. Лорсо поступит именно так, как я пожелаю.

— Ты, старая, всех нас держишь в руках, не так ли? Ты когда-нибудь слышала о культе Медведя у северных Ква? Они украшают стены своих ритуальных домов черепами медведей. Некоторые даже держат медведей как духовных наставников. Они как домашние животные. Живут в доме и так далее. Огромные гризли. Я знал одного такого человека. Его медведь ни на шаг не отходил от него, выполнял все его команды. Но однажды медведь убил своего хозяина. Съел его голову и удрал. Ква берут медвежьи головы, медведь взял голову Ква. Они были так напуганы, что переселились всей деревней в другое место. Мы их застали прежде, чем они смогли подготовить оборону. Этот набег дал нам сорок рабов.

Слезы Нефрита безразлично фыркнула.

Домел еще не вернулся в форт, а Лорсо уже вышел из залива. Направляя лодку вдоль побережья, он наблюдал за стариком и улыбался, невзирая на легкое головокружение. Он был уверен, что дым Слез Нефрита каким-то образом был с этим связан. Она явно использовала дым, чтобы унять его злость. Она была очень мудрой.

И Домел, и Слезы Нефрита считали себя весьма искушенными интриганами. Но они забыли о силе любви. Лорсо громко рассмеялся. Казалось, его смех наполняет парус и становится частью ветра. Два дня, сказала Слезы Нефрита. Это означало три ночи.

Для человека с опытом Лорсо причалить и скрытно подойти к хижине Джалиты было не труднее, чем прогуляться в звездную ночь.

Она ждала его, белея в ночи. Переступая через порог, он поразился этому совершенству образа их любви — этим потаенным формам, скрытым от посторонних глаз, почти не различимым их собственными глазами. Им принадлежала любовь в ночи — чувство, не допускающее света, но расплавлявшее без огня. Их время отмеряли звезды, беседа ограничивалась жаркими вскриками страсти.

Однако сегодня протянутые руки Джалиты удерживали его на расстоянии. Она зарыдала. Лорсо так резко отступил, что его подвела хромая нога, и он неуклюже оступился. Он подошел к сидевшей на краю кровати Джалите и обнял ее колени, но она снова удержала его.

— Как ты мог это сделать? Я думала, что ты меня любишь. Ты говорил, что любишь. Ты лгал мне!

— Лгал? Я? Когда? Конечно, я люблю тебя.

— Ты говоришь просто так, чтобы получить, что хочешь. Ты себя так же вел сегодня со Слезами Нефрита, да? Ты думаешь только о себе!

Совершенно сбитый с толку, Лорсо присел на корточки.

— Что она сказала?

— Она сказала, что ты больше не будешь Поработителем.

— Чтобы мы могли быть вместе, Джалита. Чтобы мне не нужно было отправляться на Мать Рек. Чтобы на время штормов я мог быть вместе с тобой.

— И что случится со мной? Когда ты попросишь меня у Слез Нефрита, Навигаторы отдадут меня простому воину? Или даже капитану акульего челна? Слезы Нефрита говорит, что Навигаторы решают, кому достается рабыня для постели, лишь бы этот человек внес плату за рабыню. Ни у одного капитана нет достаточно мехов, нефрита или золота, чтобы заплатить за меня. Поработитель мог бы владеть мной бесплатно, ведь он встречается с Навигаторами. Но ты меня не хочешь!

— Хочу. И ты это знаешь. — Он двинулся вперед. Тихо взвизгнув, она перекатилась на другую сторону кровати.

— Меня хочешь ты, а не Поработитель. Я люблю только Поработителя!

В душе Лорсо, подобно волне, гонимой северным ветром, бушевали и разбивались о его «я» ярость, сила, гордость. Он вскочил, готовый зареветь, но превозмог это желание, вложив все свои чувства в хриплый шепот, обжигавший его горло:

— Что бы ты ни хотела, что бы тебе ни было нужно, я тот, кто тебе это даст. Любой, кто скажет иначе, кто скажет, что дотронется до тебя, погибнет. Если ты любишь Поработителя, иди ко мне!

Ее расплывчатый белый силуэт зашевелился. Кожаные ремни кровати вздохнули. Как и Джалита, приглашая Лорсо в свои объятия.

Глава 18

Найонский капитан выбрался на берег из небольшой гребной лодки с осторожностью оленя, пришедшего на водопой. И эта настороженность была нелишней. Вокруг него затаились хищники. И первые среди них — пловцы Скэны, готовые отрезать ему путь к отступлению морем. Слезы Нефрита и Домел ждали у разложенного на берегу небольшого костра. Домел с непокрытой головой сидел нарочито спокойно, обняв колени, на бревне у самого огня. Позади него на подобающем ее сану кресле расположилась Слезы Нефрита. Она была в темном платье, сшитом из какой-то блестящей материи, переливающейся в свете костра. Ее лицо скрывала низко надвинутая широкополая шляпа с темной вуалью, а руки прятались в складках широких рукавов.

Найон был одет как для боя. Его одеяние из вареной кожи сплошь покрывали блестящие узоры. На груди был нарисован свирепый демон с клыкастой пастью, державший в каждой из своих когтистых рук по кричащему воину. К внутренней стороне кожаного одеяния были искусно пришиты стебли бамбука, прикрытые тонкими стальными пластинами. Эти доспехи хорошо защищали, но очень стесняли движения. На левом боку капитана в разукрашенных ножнах висели два меча — длинный и короткий. На голове у него красовался позолоченный шлем в виде кричащего петуха. Распростертые петушиные крылья были из настоящих перьев, а хвостовые перья — из стали и соединялись со шлемом стальными кольцами. Свисавшие хвостовые перья петуха прикрывали шею капитана.

Ростом капитан Найонов был ненамного выше Слез Нефрита. Зато он был значительно шире, с бочкообразной грудью и крепкими конечностями. Его ноги защищали кожаные латы.

Обнаженные руки бугрились мышцами. Темноволосый, весь золотисто-красный в свете костра, он постоянно косил своими странно-темными глазами. Правую руку капитан держал на рукоятке своего длинного меча.

Слезы Нефрита из-под своей вуали поддразнила Найона:

— Ты так нервничаешь, Хада? Тебя так напугали древняя жрица и старик, которому требуется помощь, чтобы зашнуровать сапоги?

В тишине непроницаемого мрака ее шелестящий вкрадчивый голос, казалось, был рожден самим лесом.

Хада приветливо улыбнулся. Но его правая рука осталась на рукоятке меча.

— В лесу может скрываться опасность, о которой жрица даже не подозревает. Я предпочитаю осторожность.

— Это всегда безопаснее, — с мудрым видом кивнул Домел. — Тебя наш план устраивает?

Хада взмахнул свободной рукой.

— Что может быть проще? Я скажу, что обнаружил девушку в дрейфующей лодке, после того как она убежала от вас. Доставлю ее в Олу. Она даст мне предмет, подтверждающий, что я ее благополучно доставил на место. Его я возвращаю вам, а вы мне дадите тот нефрит, о которым мы договорились.

— И еще мы отдадим тебе твоего сына, которого ты нам оставишь в подтверждение своей искренности.

Впервые за все время в речи Хады послышался сильный акцент. Он натянуто ответил:

— Мой сын ждет в лодке. Где ваша девушка?

Домел свистнул. За спиной Слез Нефрита зашелестел кустарник. Хада напрягся. Из кустарника показались Джалита и ее мать. На старшей женщине были кожаные штаны, юбка

и блузка. На Джалите была накидка, как у Слез Нефрита. Вместо шляпы ее лицо закрывал капюшон. Хада улыбнулся и расслабился.

— Нет никакой нужды так ее укрывать. Мои люди дисциплинированны. Она будет в безопасности.

Слезы Нефрита наклонилась и предупреждающе подняла палец. Внезапно пламя костра осело, превратившись в жалкие, едва светящиеся язычки. Гаснущие угли зашипели, как умирающие пресмыкающиеся. Все, кроме Слез Нефрита, испуганно вскрикнув, отшатнулись. Едва оправившийся от испуга Домел протянул руку жрице, чтобы помочь ей встать, но Слезы Нефрита раздраженно ее оттолкнула. По мере того как она поднималась, костер оживал вновь. Казалось, что крошечная фигурка тянет за собой пламя вверх. Когда она, отбросив вуаль, уставилась на Хаду, пламя горело в полную силу.

— Найонам наше божество безразлично, но я тебя предупреждаю: обидеть ее — значит нанести обиду Сосолассе. Он властитель моря. Он пригасил костер, чтобы ты знал о его присутствии. — После небольшой паузы она добавила: — Обмен, Хада. Покажи мне мальчика.

Хада посмотрел на Домела.

— Мы зря теряем время, — сказал Скэн. — Чтобы выбраться отсюда до рассвета, тебе нужно воспользоваться приливом. А нам предстоит долгий путь на западный берег острова.

Глядя в спину удалявшегося Хады, Слезы Нефрита прошептала Домелу:

— Мои приказания, Домел, не нуждаются в одобрении кого бы то ни было, а такому отребью, как этот Хада, я не объясняю свои мотивы. Помни, кто я!

— О тебе никто никогда не забывает, — ответил Домел. — Не забывай, что Хада — не Скэн. Он не понимает твоей исключительности! — заключил старик, хитро усмехнувшись.

Хада возвратился в сопровождении найонского мальчика лет четырнадцати, с остриженными в кружок волосами. Он был очень похож на своего отца и немного выше его ростом. Мальчик был в блузе и штанах из грубой саржи, на ногах сапоги прекрасно выделанной кожи. На боку висел в простых ножнах обычный меч. Он изо всех сил пытался глядеть на Слезы Нефрита без страха. Когда эта невысокая женщина направилась к нему, шагнув прямо сквозь пламя костра, он содрогнулся. Если бы у него хватило присутствия духа посмотреть на окружавших его взрослых мужчину он увидел бы, как они, потрясенные, стоят с открытыми ртами. Джалита и ее мать схватились друг за дружку.

Из-под воротника накидки Слез Нефрита сочился дым. Развевая подол своей доставшей до земли юбки, она дважды обошла вокруг обоих Найонов. Тело мальчика сотрясала дрожь. Низким грудным голосом Хада издал предупреждающее рычание.

Возвращаясь на свое место, снова сквозь пламя костра, Слезы Нефрита старательно обошла лежавшую перед ее креслом ветку папоротника, которая отмечала место, где под тонким слоем мягкой земли был спрятан наполненный водой тюлений пузырь. Вспомнив ошарашенный вид и испуганный возглас Домела, она едва не разразилась смехом. Она не переставала удивляться тому, как такой маленький фокус мог неизменно производить сильнейшее впечатление на окружающих. Просто наполненный водой пузырь и короткий кусок тюленьей кишки, проложенный под землей между пузырем и центром кострища. Если наступить на этот сосуд, вода поступала в костер и временно заливала пламя. Влажная нижняя юбка, защитившая ее от огня, была неудобна, но вряд ли была настоящим чудом.

Слезы Нефрита взглянула на священную вершину. Выдуманное ею волшебство являлось даром Сосолассы, ниспосланным ей для того, чтобы она прославляла его божественность. Это развлекало божество. Она смеялась вместе с божеством, но никогда не смеялась одна. Никогда.

Слезы Нефрита повернулась к Хаде.

— Прекрасный юноша, делающий честь своему отцу. И матери, — при последних словах Хада переменился в лице. Лицо старухи, казалось, затряслось, как от смеха. Она продолжила: — Как его зовут?

Хада согласно улыбнулся и с еще более сильным акцентом сказал:

— Ты не смогла бы выговорить его имя. По-вашему его зовут Топор, — для ясности он взмахнул рукой, будто что-то рубил.

— Я отойду в сторону, чтобы попрощаться с девушкой, — сказала Слезы Нефрита. — Ты можешь попрощаться наедине с сыном, если пожелаешь.

— В этом нет нужды, — Хада гордо выпрямился, и его лицо приняло суровое выражение. — Сыновья Найонов знают свои обязанности!

— Я в этом не сомневаюсь. — Слезы Нефрита взяла Джалиту за локоть и отвела ее на самый край освещенного костром участка берега. — Отбрось сомнения и страхи. Я тебе рассказала обо всем, что нам известно об окружении Гэна Мондэрка и этой ведьмы Сайлы. Делай то, что я приказала. Ты будешь такой богатой, у тебя будет такая власть, какая тебе никогда не снилась! Если ты предашь меня, я об этом узнаю. Ты понимаешь, что я тогда сделаю?

— Да, — содрогнувшись, ответила Джалита.

Слезы Нефрита положила руку на рукав Джалиты, захватив между суставом указательного пальца и большим пальцем складку материи и тело под ней. Поворачивая кисть, старуха с силой ущипнула ее. Судорожно втянув ртом воздух, Джалита отпрянула. Старуха усилила свою хватку, и девушка тихо застонала от боли.

— Что значит это «да», дура? Тебе никогда не дано знать, что я буду делать, как я стану действовать. Ты должна повиноваться. Тебе не дано «понимать»!

— Да. Да, я пони… Я знаю. Я буду точно следовать твоим указаниям, клянусь!

— Само собой. Потому, что здесь остается твоя мать. Ей будет хорошо, если тебе будет сопутствовать успех. — Слезы Нефрита разжала пальцы. Она стала поглаживать руку Джалиты в том месте, где ее разрывала боль. — Бедняжка, — старуха пыталась придать нежность своему голосу, но он звучал как шелест осиных крыльев. — Иногда мне кажется, что ты надеешься в один прекрасный день попытаться меня обмануть. Все на это надеются. Они приходят ко мне со своими мечтами, своей затаенной враждой. Они ждут, что я им помогу. А я их использую. Всех. Так, как того желает Сосоласса. Теперь я использую тебя. Божество повелевает. Оно обещает награду. Будь послушна, прекрасная Джалита. Будь послушна, и тебе будет хорошо. Идем, твое приключение начинается.

* * *

Три дня спустя под серыми тучами, из которых сеялся надоедливый мелкий дождь, низкое найонское торговое судно опустило паруса и, тяжело переваливаясь, остановилось за каменным молом Олы. Матросы бросили концы в поджидавшие гребные лодки, которые отбуксировали судно к деревянной пристани. Как только наладили сходни, Хада и Джалита поспешили на берег. При свете дня можно было ясно различить на накидке девушки красно-черные геометрические узоры Скэнов. Что-то похожее на спазм ненависти молниеносно пронеслось по всему порту. За каждым шагом этой пары следили десятки глаз. Привычный портовый шум затих, и стало слышно, как в снастях шумит ветер и дерево трется о дерево.

Гэн появился на стене замка задолго до того, как Хада и Джалита прошли через Южные ворота Олы. Рядом с ним стояли Нила и юный Колдар. Справа от него Сайла, Бернхард, Картер и Анспач также наблюдали за приближением Найона, уверенно шагавшего через лужайку, разделявшую замок и город. Вслед за ним, отстав на несколько шагов, поспешала укрывшая голову капюшоном Джалита.

— Это женщина с ним, — сказала Картер. — Я в этом уверена. Да она же почти бежит! Невоспитанный олух!

— Может, это мальчик, — поддразнивая ее, сказал Гэн. — Под этой накидкой невозможно…

— Тебе виднее! — На лице Картер промелькнула усмешка, которую все заметили. Гэн подумал о том, насколько эта усмешка типична для Картер. У нее был острый, как клинок, ум, она всегда готова проявить свой характер. Среди них она олицетворяла любовь и

нежность. Наблюдая за ней в окружении ее подопечных, Гэну помимо воли приходил в голову образ снежного барса с его выводком. Картер проявляла такую же деликатную заботливость и любовь. Гэну было известно также, как эти свойства Картер мгновенно переходили в дикую ярость при малейшей угрозе ее подопечным.

В то же время он никогда не забывал о том, как однажды Картер сломалась. Это воспоминание возникло, как неприятная тень.

Гэн постарался отогнать его. Всегда чувствительная к настроению своего мужа, Нила, нахмурившись, взглянула в его лицо.

— Найон уже почти здесь, — сказал Гэн.

Нила схватила его за руку, когда он собрался уйти. Несказанно удивленный, он обернулся. Она рассмеялась:

— Ты же не собираешься разговаривать с этим загадочным Найоном и его спутником Скэном наедине?

Гэн в полнейшем недоумении оглядел всех присутствующих.

— Вас разбирает любопытство? Невероятно. Никогда не мог бы подумать. Конечно, вы можете пойти со мной. Только не забывайте об обычаях. Найоны никогда не ведут никаких дел в присутствии женщин. Они считают, что это приносит неудачу. Я часто думал…

— А я думаю о том, — прервала его Сайла, — какой будет твоя жизнь, Гэн Мондэрк, если ты произнесешь еще одно слово. Хотя бы одно!

Гэн усмехнулся.

— Вы спрячетесь за занавесом, который разделяет комнату на две части. Но только без него, — и Гэн указал на Колдара. — Вам ни за что не удастся заставить его молчать!

Колдар совершенно не обратил внимания на смысл слов своего отца. Его вполне удовлетворило привлеченное к его особе внимание присутствующих. С торжествующим воплем он схватил отца за его указующий перст. Отец и сын обменялись заговорщическими взглядами.

— Вот, видите! — воскликнул Гэн.

— Идите, — с деланной досадой сказала Нила. — Я поищу кого-нибудь, кто смог бы присмотреть за этим непоседой, а потом к вам присоединюсь.

Вместо того чтобы удалиться, служительницы Церкви, окружив Нилу, ушли вместе с ней. Проходя мимо Гэна, они все как одна насмешливо ухмыльнулись.

Веселое выражение лица Гэна сменилось серьезным, как только он остался один. Подозвав Шару и Чо, он направился к лестнице.

Не приходилось ждать ничего хорошего от той женщины, сопровождавшей Найона, кто бы она ни была. Скэны не послали бы женщину вести официальные переговоры. Отношения между Скэнами и Найонами всегда оставляли желать лучшего. Гэн подумал с сожалением, что его собственные отношения с Найонами были очень шаткими. Найоны были агрессивным народом, готовым рьяно защищать то, что они считали своим. Хуже всего, они были очень вольны в определении того, что им надлежало защищать.

С другой стороны, любые взаимоотношения со Скэнами были связаны с кровопролитием. С ними торговали из-за их нефрита и розово-красного камня. В отличие от других людей, рассматривавших море как кратчайший путь из одной точки в другую, Скэны относились к морю как к своему дому. Их поселения существовали только для того, чтобы пополнить запасы возвратившихся из плавания акульих челнов. Нередко их челн мог отсутствовать и год, и два, занимаясь торговлей, набегами или просто в ожидании того, что принесет им следующий день.

В глубине души Гэн вынужден был признать, что завидует им.

Однако на этот раз ему предстоит иметь дело с одной из их женщин. Вполне возможно, что она пленница Найонов.

В коридоре перед Залом собраний ждал Волк из стаи Джалайла. На фоне бело-черной домотканой блузы резко выделялись свисавшие концы красно-желтой нарукавной повязки.

Ответив на салют, Гэн спросил:

— Знает ли этот Найон наш язык или мне потребуется переводчик?

Молодой Волк ответил, скорчив гримасу:

— Он хорошо владеет нашим языком хотя сильно коверкает слова.

— Вот как? Что он рассказал?

— Немногое. Его поведение говорит больше, чем слова. Он сказал: «Расскажите самому могущественному воину по эту сторону Великого Моря, что представитель могущественнейшей в мире державы просит о беседе с ним». Если бы меня спросили, я сказал бы, что на его устах мед, а в руке — кинжал.

— Я не спросил, но должен был спросить, — сказал Гэн. — А как насчет женщины?

— Ни звука. Никто не видел ее лица, она укутана в эту накидку Скэнов. Наверно, она настоящая красавица, раз не снимает ее в такую жару.

Когда Гэн вошел в зал собраний через боковую дверь, Хада и Джалита стояли у массивного стола, перед разделявшей зал занавесью. На занавеси были нарисованы стилизованные волки, каждый был окрашен в цвет соответствующей стаи. Расположенные полукругом, они, оскалившись, взирали на стоявших перед столом.

Гэн обратился к Найону:

— Знай, я — Гэн Мондэрк.

Повернувшись к нему лицом, Найон вытянулся, а затем поклонился в пояс, протянув вперед обе руки. Гэн понял этот жест как доказательство того, что у того нет намерения выхватить оружие. Найон выпрямился и правой рукой сжал кулак левой под, своим подбородком.

— Я тебя знаю, Гэн Мондэрк. Знай же, что я — Хада из Найонов. Мы — островной народ Меча, подданные императора Маса-Победителя! — с тем Хада опустил свои руки.

— Я тебя знаю, Хада. Ты прекрасно владеешь нашим языком. Приношу свои извинения за то, что не знаю твоего, — сказал Гэн.

— Это предполагалось, — ответил Хада. Гэн уловил в тоне Хады, что иначе он удивился бы больше, чем если бы вдруг запел дикий буйвол. Вспомнив о молодом Волке в коридоре, Гэн решил про себя, что позаботится, чтобы этого способного юношу повысили в звании.

— Твои суждения я понял и принял, — вежливо сказал Гэн. — Ты первый Найон, с которым мне приходится встречаться, первый, который попросил о встрече со мной. Чем могу быть тебе полезен?

— Я прибыл, чтобы помочь тебе. — Снова в словах Найона явственно почувствовалась скрытая снисходительность. — Моему императору известно о войне, которую ты ведешь со Скэнами. Втайне он желает оказать тебе помощь, но это очень затруднительно. Может, лучше сказать «сложно»? Это подходящее выражение? Хорошо. Так вот, по пути сюда на море мне повезло. Три дня тому назад, на рассвете, мои люди заметили небольшую лодку. К северу, между островом Скэнов и материком. — Он указал на Джалиту. — Она была в этой лодке.

— Мне не нужна пленная женщина Скэнов. Тебе должно быть известно, в Трех Территориях нет рабства. Отвези ее туда, где ей подобает быть.

Хада улыбнулся.

— Я так и поступил. Она принадлежит вам, — полуобернувшись, он сказал Джалите: — Говори, женщина.

Джалита покачала головой. Из-под капюшона послышался ее робкий голос:

— Я тебя знаю, Гэн Мондэрк. Знай, что я — Джалита, женщина племени Фор.

Джалита отбросила назад капюшон. Гэн был уверен, что при этом стоявшие за занавесью зашевелились. И неудивительно: Джалита оказалась восхитительной красавицей. Ее зеленые глаза смотрели на него с надеждой и страхом, а на алых губах играла робкая вопрошающая улыбка. Ее белые зубы и белая кожа были обворожительны на фоне ниспадающих длинных волос цвета наилучшего вулканического стекла.

— Я была пленницей жрицы, ужасного создания по имени Слезы Нефрита. Она служит

ложному божеству, которого зовут Сосоласса. Я украла лодку, чтобы убежать, и Хада меня нашел.

Стараясь продать голосу отеческие интонации, Гэн сказал:

— Я приглашу кого-нибудь, с кем ты сможешь поговорить и успокоиться. Должно быть, тебе не слишком приятно рассказывать о своих приключениях двум мужчинам.

Он прошел за занавес, где ждала вся группа, бывшая вместе с ним на стенах замка, и присоединившийся к ним Леклерк.

Жестом Гэн приказал всем сохранить молчание и отойти от занавеса. Восстановив некое подобие порядка, Гэн сказал:

— Нила, ты выйдешь вместе со мной. Отведи ее в сторонку и расспроси.

— Ты что, в чем-то подозреваешь эту несчастную девушку?!

— Я ничего не подозреваю. Просто ничего не принимаю на веру. И хочу побольше узнать.

Нила с оскорбленным видом прошмыгнула мимо него. Гэн посмотрел на остальных в надежде встретить хоть какое-нибудь понимание с их стороны, и поспешил прочь от их холодных неодобрительных взглядов.

Хада терпеливо ждал. Нила и Джалита, устроившись на стульях в самом дальнем от мужчин углу, уже вели оживленную беседу. Гэн указал Хаде на стул рядом с собой. Прежде чем развязать ремешок, на котором у пояса висел его меч, Хада подозрительно посмотрел на занавес. Церемониально положив на стол свой меч в кожаных ножнах, Хада крепко схватился за его середину. Гэн наблюдал за ним с откровенным любопытством.

— Так, — сказал Хада, — Найонский воин клянется говорить правду, положив руку на самый важный в его жизни предмет. Я солгал тебе. Женщина не крала никакой лодки, она не совершала никакого побега. Мне ее передали, чтобы я доставил ее к тебе. Заплатили разными товарами.

— Скэны тебе заплатили, чтобы ты ее сюда доставил? Она больна?

Побледневший Хада еще сильнее сжал в своем кулаке ножны.

— Нет, не думаю. Я не подумал, что… — Чудовищность этой мысли вызвала у него приступ удушья.

— Так зачем ты мне об этом рассказал сейчас? — спросил Гэн.

— Скэны считают, что Найоны просто торговцы без чести, что они готовы на все ради выгоды. Я думаю, что женщина — шпионка. Гэн Мондэрк хороший человек, настоящий воин. Я тебе помогу. Один раз. После этого ты — Мурдат, а я буду Найоном. Между нами будет честь, но не дружба. Но ты еще ничего не сказал. Слезы Нефрита удерживает у себя моего сына до тех пор, пока ты не примешь эту женщину.

— Твоего сына? Заложником?

Хада бесстрастно пожал плечами, но, несмотря на этот жест, он явно испытывал чувство гордости.

— Он Найон. Он храбрый.

— Джалита из народа Фор, — сказал Гэн, — они извечные враги Скэнов. И каким образом она смогла бы передать какие-то сведения отсюда Слезам Нефрита? Это невозможно. Джалита не может быть шпионкой. — Он рассеянно подергал себя за мочку уха. — Если только среди нас нет предателя, работающего на Скэнов. Даже в этом случае, что бы она могла разузнать?

— Мне больше ничего не известно, — ответил Хада. Я должен отправляться. — Поднявшись, он надел на пояс свой меч. — Теперь я должен поговорить с женщиной. У нее есть знак для меня. Я его должен передать Слезам Нефрита, а она вернет мне моего сына.

Гэн и Найон приблизились к Ниле и Джалите. Нила холодно взглянула на подошедших мужчин. Джалита благодарно улыбнулась. Из кармана своей накидки она достала какой-то предмет и передала его Хаде.

— Это все, что я могу предложить, — сказала Джалита. — Это не плата, а просто на память от спасенного тобою человека. Если ты когда-нибудь будешь торговать со Скэнами,

пожалуйста, передай им следующее: «Джалита из народа Фор навечно проклинает Скэнов». — Гэн подивился неожиданной твердости, появившейся в выражении ее лица, горящему ненавистью взгляду ее зеленых глаз. Сдержанность Хады была поколеблена. — Пожалуйста, точно запомни то, что я сказала! — закончила Джалита.

Спрятав переданный ему Джалитой предмет, коротко поклонившись Ниле, Хада удалился. Гэн сопровождал его до дверей. Когда они оказались одни, Хада показал Гэну переданный Джалитой предмет. Это оказался маленький золотой осьминог. Поморщившись, Хада спрятал его в карман.

Нила держала руку Джалиты, когда к ним присоединился Гэн. Без всяких предисловий Нила заявила:

— Джалита будет жить в замке. Она смертельно боится той женщины, Слез Нефрита. — Нила содрогнулась. — Какое ужасное имя! Такое холодное.

Широко открыв глаза, Джалита с невинным видом сказала:

— Я призналась Ниле. Я не совершила побега. Слезы Нефрита заплатила Найону, чтобы тот меня доставил сюда. Она взяла в заложники его сына. Я должна за вами шпионить. Она сказала, что если я не смогу найти способа, чтобы жить здесь в замке, то она накажет мою мать.

— Как она узнает, где ты живешь? Разве она способна так далеко видеть? — Гэн сам почувствовал прозвучавшее в его словах недоверие и заметил упрек Нилы.

Джалита восприняла это как должное.

— Кто-то свяжется со мной. Может, завтра, может, через много лун. Я должна быть готова. Но больше всего на свете я хочу уничтожить Слезы Нефрита. Всех Скэнов. Они вырезали всю мою семью. Всех. Слезы Нефрита говорит, что я — ее оружие, которое ей вручило их ужасное божество, чтобы я явилась сюда и ослабила вас. А потом Скэны, Люди Реки и кочевники Летучей Орды могли бы поработить народ Трех Территорий. — Неожиданно Джалита поддалась эмоциям. И все же с огромным усилием ей почти удалось сохранить самообладание. Она всхлипнула только один раз и упрямо подняла подбородок.

Нилу очень огорчила недоверчивость Гэна.

— Теперь, Мурдат, она может удалиться? Больше не будешь подвергать проверке ее храбрость или честность?

Гэн покачал головой и неосознанно грубым взмахом руки отпустил их. Потом, запоздало спохватившись, он подумал, что, может быть, грубость была инстинктивной?

Глава 19

Леклерк не отрываясь смотрел, как рядом с Нилой легкой женственной походкой удаляется по коридору Джалита. Гэн с интересом следил за выражением его лица, пытаясь отвлечься от недобрых предчувствий, вызванных появлением странной гостьи.

В Леклерке было что-то необычное, будто он взирал на мир не прямо, а под каким-то странным углом. Гэн подумал, что, может быть, именно эта особенность отличала его от остальных чужеземцев, а не только удивительная способность изготавливать самые разные вещи?

Позволив себе улыбку, которую, как он знал, Леклерк не заметит, Гэн предположил, что в данный момент он размышляет, как бы похитрее произвести на нее впечатление. Любой мужчина, столь потрясенный чарами женщины, готов был стену прошибить, чтобы познакомиться с нею. И пусть другие позаботятся собрать осколки!

Сайла однажды сказала, что Леклерка всегда окружает атмосфера одиночества. Нила с ней немедленно согласилась и добавила:

— Мне кажется, что он одинок, но думаю, что он этого не осознает.

Это замечание вызвало у Гэна смех. В ответ женщины удостоили его взглядами, говорившими, что мужчины не способны разобраться в вещах более сложных, чем собачьи слюни или лошадиный пот.

Спохватившись, Гэн позвал его:

— Леклерк? Ты хотел со мной побеседовать.

Леклерк дернулся, будто обжегшись.

— Ах, да! — Он покраснел и нахмурился. — Я уверен, ты помнишь, что все говорили о той штуке, которую в Косе называют «убийцей крепостных стен». Та штука, которая довольно далеко бросает большой груз. Я хочу построить что-то вроде нее, чтобы бросать заряды черного пороха. Только другого типа.

— Другого типа?

Размахивая руками, Леклерк стал объяснять Гэну свой замысел. Куда подевалась его озабоченность!

— Нам не нужна такая неуклюжая и громоздкая конструкция, как «убийца стен». Но это не будет и просто огромным луком. Это оружие должно быть мобильно, чтобы Волки могли его легко разбирать и перетаскивать с места на место. — Он остановился и заулыбался. — Ты был бы не прочь стрелять стрелами обхватом в два больших пальца и длиной с руку мужчины? Стрелять на расстояние по крайней мере трехсот шагов? И наносить при этом удар такой силы, который разорвал бы эту дверь, как сухой листок?

Пряча нарастающее возбуждение за серьезностью, Гэн ответил:

— Мне бы это очень понравилось. Ты сказал, что эта штука сможет бросать и заряды черного пороха?

Леклерк нахмурился.

— Это несколько сложнее, но думаю, что справлюсь. Я не очень четко все помню… То есть я хотел сказать, что обещать не буду, ведь я никогда не делал такое оружие.

— Если кто-нибудь способен это сделать, так это ты! Нам понадобится любое преимущество, которое сможем заполучить. Весной начнут наступать наши враги. Три Территории измотаны. Волки нуждаются в тебе и твоих друзьях. Вы — наша надежда.

Леклерк в смущении затоптался на месте, а потом сказал:

— Если ты согласен, я начинаю работать над этим проектом. Мне потребуются материалы.

— Используй все, что тебе нужно.

Леклерк бросил взгляд в сторону, куда скрылась Джалита, и вышел через противоположные двери.

Гэн думал о новом оружии. Триста шагов. Стрела, более тяжелая, чем копье воина племени Людей Собаки. Он ощутил тяжесть в желудке, когда подумал о бойне, учиняемой черным порохом. Колдовские средства не годились для выяснения отношений между людьми.

Правящий Тремя Территориями Гэн Мондэрк пользовался колдовством. Он его ненавидел, но собирал по крохам, как скупец копит богатство.

Выходя из комнаты, Гэн был в плохом настроении. Как всегда, отлично чуявшие настроение своего хозяина, Шара и Чо далеко отстали. Перешагивая через две ступени, Гэн поторопился в ванную комнату, расположенную на том же этаже, что и его покои. Для него было неожиданностью застать там Нилу. Она же, напротив, встретила его спокойной приветливой улыбкой. Несмотря на обуревавшие его мысли, при виде обнаженной Нилы в большой обложенной камнем ванне Гэн почувствовал, как быстрее побежала кровь по его жилам. Поднимавшийся над водой пар искажал очертания ее скрытого под водой тела, но ему и не требовалось хорошо все видеть. Ее неясный образ еще больше распалял Гэна.

— Я ждала тебя, — сказала Нила.

— Ждала? Да я и сам не знал несколько минут назад, что приду сюда.

Она беззаботно рассмеялась.

— Ты обычно приходишь сюда, чтобы обдумать проблемы. Эта девушка, Джалита, — проблема.

Закрывая за собой дверь, Гэн сказал:

— Значит, я получу совет, не так ли?

Он стал раздеваться.

— Они убили всю ее семью, Гэн. Ее мать заложница у той старухи.

— Какой старухи? — Гэн опустился в ванну так, что его уши оказались под водой.

Нила подняла его голову за чуб.

— Держи свои уши над водой, я хочу сказать тебе кое-что! — И она поведала Гэну о Сосолассе и религии Скэнов, а также о том месте, которое занимала в ней Слезы Нефрита, потом о пленении Джалиты и о ее жизни в рабстве. Свой рассказ Нила закончила так:

— Если бы кто-нибудь пленил твою мать, разве ты не притворился бы, что готов выполнять все, что тебе прикажут?

С закрытыми глазами, Гэн ответил:

— Я никогда не знал своей матери. Как я могу ответить…

Нила окунула его с головой. Гэн поднялся, кашляя и отфыркиваясь. Прочистив горло, он капитулировал:

— Глубокая убедительность твоих доводов меня покорила. Мне очень хочется рассказать тебе, почему Джалита меня так настораживает. Потому, что она не рассказала всей правды о себе и почему она оказалась здесь. Она прожила с этой жрицей — Слезы Нефрита, ты сказала, какое странное имя, — более четырех лет. Она не рассказала тебе, какую работу ее заставляла выполнять эта женщина? Я так и думал, что нет. И разве тебе не показалось странным, что столь красивую женщину не забрал себе какой-нибудь мужчина? Вот еще одна причина. — Гэн поднял руку, чтобы предотвратить яростные возражения Нилы, а затем продолжил: — Да, она утверждает, что Слезы Нефрита послала ее шпионить за нами и передавать ей сведения через неизвестного человека. Но какие сведения? О наших беседах? О том, что мы едим на ужин? О наших любимых цветах? Возьмем этого неизвестного сообщника. Поверив Джалите, я должен подозревать всех вступающих в контакт с ней. Одно это подозрение поможет нашим врагам.

— Она уже пообещала открыть мне имя того, кто к ней придет! — Улыбка превосходства на лице Нилы сверкала, как острый нож.

— Из того, что ты рассказала мне о Слезах Нефрита и из того, что я знаю о Скэнах, меня не удивит, если они решили пожертвовать ложным заговорщиком ради того, чтобы сохранить настоящего.

В ванной повисла длительная тишина. Протянув руки, Гэн положил их на плечи Нилы. Она никак не реагировала и отвела свой взгляд.

— В чем дело? Что я сказал? — спросил Гэн.

Покачав головой, Нила ответила:

— Дело не в том, что было сказано, а в том, кто это сказал. — Она тревожно посмотрела на него. — Тот Гэн, которого я полюбила, мой Ночной Дозорный, мой верный мечтатель, никогда не подумал бы о подобном двуличии. Теперь ты должен думать о таких вещах. Ты к этому привык. Что же мы с тобой сделали?

— Никто ничего не сделал. Я делал то, что должен был делать. Человек из народа Людей Собаки правит тремя королевствами. — Гэн отпустил Нилу и, откинувшись с закрытыми глазами, сел.

— Пророчество…

Гэн ее резко перебил:

— Пророчество! Я помню, как ты мне говорила, что тебе безразлично пророчество моей матери.

— Я говорила, что если это не то, чего ты хочешь, то просто уйди, и что я буду рядом с тобой.

Гэн прислонился плечом к ее плечу.

— Я в западне. Бароны Харбундая — Фир, Галмонтис, Джалайл, Малтен, все они воевали друг с другом, будучи членами одного или другого союза на протяжении многих поколений. Единственное, что у них общее, — это вполне обоснованное недоверие к Оланам. Я единственный, кому они все доверяют. Стоит мне уйти, и они начнут междоусобные

распри и будут перебиты, как только наступившая весна принесет Скэнов, Летучую Орду и Людей Реки.

— Их судьба — не твоя забота.

Гэн резко повернулся и посмотрел на нее сверху вниз.

— Повтори это глядя мне в глаза.

Нила отвела взгляд и сделала движение, будто собираясь уйти. Гэн нежно, но крепко удержал ее за плечи. Их окружали струи поднимавшегося пара. Наконец Нила сказала:

— Это несправедливо.

Гэн усмехнулся. Наклонившись, он поцеловал ее в щеку.

— Я скажу тебе, что несправедливо. Я один, за закрытой дверью, голый в ванне вместе со своей красавицей женой, и мы разговариваем.

Бросив на Гэна быстрый взгляд, Нила сжала челюсти.

— Это… Это так похоже на мужчину. Нам нужно поговорить об этих вещах. Это серьезно.

— Я никогда не был более серьезен!

— Нет, Гэн, я действительно так считаю. Прекрати!

Она попыталась схватить его руки, которые стали скользить вниз по ее плечам. Намереваясь выйти из ванны, она стала подниматься, но, перехватив взгляд Гэна, поняла, какая именно часть ее тела показалась из воды, и быстро опустилась обратно.

На какой-то миг она действительно рассердилась, говоря себе, что на все есть свое время и свое место, что то обстоятельство, что они были одни и обнажены, ничего не имело общего с действительно серьезными вопросами. По крайней мере, не должно было иметь, и кому-то нужно об этом помнить.

Но он был рядом. Он гладил ее волосы, обнимал ее. Еще было не поздно проявить твердость, оттолкнуть его и настоять на разговоре.

Дело не в том, что он не делился с ней, не спрашивал ее совета. Он все это делал. Он доверял ей.

У них действительно было мало времени, чтобы насладиться… Это опасное слово. Отдать должное. Чтобы отдать должное друг другу. Нет, насладиться лучше. Действительно. Нужно быть честной. А он такой красивый. Сильный. Сильный? Как туда попали его руки, которые она так крепко держала за запястья?

Она отвернула свое лицо, непонятно как очутившееся у его плеча, и спросила:

— Ты уверен, что дверь заперта?

Подмигнув и ухмыльнувшись, Гэн ответил:

— Это первое, что я сделал, войдя сюда!

Он знал, что она снова рассердится. Он уже выходил из ванны, держа ее на руках. Обхватив его за шею, Нила с деланным неудовольствием произнесла:

— Ты стал таким вероломным!

Широко улыбаясь, Гэн ответил:

— Это так похоже на мужчину!

На следующее утро, согнувшись над столом Бернхард, Леклерк яростно что-то писал. Используя птичье перо, он быстро покрывал грубыми чертежами кусок кожи. Продолжая работать, он ворчливым тоном говорил Бернхард:

— Ненавижу работать с этой несчастной смесью из древесного угля и воды. Я бы душу продал дьяволу за шариковую ручку и блокнот!

Похлопав его по спине, улыбающаяся Бернхард упрекнула:

— Следи за своим языком, Луис. Здешний народец может позаботиться, чтобы освободить твою душу от мирских забот как раз за такие разговорчики.

— Знаю, — сердито ответил Леклерк. И тут же просиял. Он выпрямился и ткнул своим импровизированным пером в чертеж. — Вот, готово! Да, это будет работать. Все так, как я запомнил. Эти стержни крепятся жилами. Они натягивают поперечину, видишь? Конечно,

для этого потребуется лебедка, но это несложно. Спуск. Вот что будет сложнее.

— Что вас обоих так заинтриговало? — прервал их чей-то голос. Вслед за Дженет Картер в небольшую комнату Бернхард в аббатстве Ирисов вошла Сью Анспач. Присутствие четверых взрослых полностью перекрыло всякую вентиляцию между узким окошком и щелью двери в каменной стене. В комнате стояла лишь самая необходимая, грубо сколоченная мебель: узкая кровать, крошечный столик, на котором едва помещались тазик для умывания, кувшин и чертеж Леклерка. Единственный стул, на который уселся Луис. Коробка под кроватью вместо сундука. Трехрожковый канделябр в углу. Прямо за ним на деревянном колышке как невозможный анахронизм висел «вайп» Бернхард.

Казалось, что черные церковные одеяния пришедших поглотили весь свет в комнате. Бернхард пояснила:

— Конвей рассказал Луису, что Жрец Луны использует огромный лук. Луис утверждает, что лучшие катапульты имели другую конструкцию. Он собирается построить несколько штук.

Картер обратилась к согнутой спине Леклерка:

— А я думала, ты учишь людей строить своды, лучшие дороги, акведуки. Войной занимаются Конвей и Тейт. Пусть они занимаются этой катапультой.

— Поверь, мне не хотелось бы конструировать оружие, но ни один из нас не достигнет своих целей, если Гэн потерпит поражение. Помнишь Жнею? Представь себе, что бы она сделала с твоими маленькими Избранными, которые научились читать и писать!

— Дженет просто хотела сказать, — заговорила Анспач, — что ты слишком хорош, чтобы напрасно тратить свое время. Этот мир нуждается во многом, что ты мог бы ему дать.

— Спасибо, Сью, я могу помочь, я это знаю. Однако и это важно. Весной на нас обрушится весь мир.

Картер не поддавалась.

— Неужели более мощное и крупное оружие что-нибудь даст? А как насчет переговоров? Логики и заинтересованности?

Леклерк сказал:

— В этих культурах почти не существует традиций переговоров, по крайней мере в нашем понимании. Здесь любые переговоры начинаются после драки, а не до нее.

— Мы собираемся это изменить, — выставив вперед подбородок, сказала Анспач. — Избранные монастыря Ирисов растут образованными. Выйдя отсюда как миссионеры Церкви, они станут не просто целительницами и военными целительницами. Они понесут с собой учение.

— Гэн требует, чтобы все его офицеры учились чтению и письму, — сказал Леклерк.

— Это не очень радует, — сказала с потемневшим лицом Картер. — Мы знакомились с правящей элитой каждого племени, с которым нам пришлось общаться. Меня пугает мысль о концентрации оружия и знаний в руках немногих. Это способ создать касту.

— Разумеется, — примиряюще сказал Леклерк. — Мы должны взять на себя ответственность за обеспечение справедливости. Нежностью и просвещением этого не добиться. Ставку нужно делать на руководство и грубую силу.

У дверей появилась Избранная, одетая в уменьшенного размера церковные одеяния.

— Приближается жена Мурдата, — сказала маленькая девочка. — Она ведет с собой Джалиту.

Бернхард поблагодарила ребенка. Четверка решила встретить своих гостей на свежем воздухе, благо погода стояла прекрасная. Познакомившись друг с другом, группа прошла в сад, где выращивались целебные растения и где Джалита на каждом шагу вскрикивала от изумления.

— Все говорят о могуществе Олы, но оно еще больше. Никто никогда не видел таких высоких и толстых стен. А этот огромный сад! Как много цветов!

— А как в деревне Скэнов? — спросила Картер. — Как они живут?

Джалита бросила тяжелый настороженный взгляд на задавшую вопрос.

— Жестокие люди. Они говорят, что другие люди существуют для того, чтобы служить Скэнам.

Пока они гуляли по тропинкам сада, Джалита рассказала им о своем пленении. Повествуя о перенесенных ею и матерью в деревне Скэнов пытках, она расплакалась.

Ее немедленно сочувственно окружили и стали уверять, что нет необходимости продолжать свой рассказ. Однако Джалита настояла на своем.

— Иначе как вы сможете понять, почему я притворялась, что согласна предать свой народ, что согласна шпионить за тем единственным человеком, который может помочь мне и моей матери? Вы должны знать, каковы они. Они поклоняются осьминогу, которого называют Сосоласса. Это религия страха и ужасного колдовства. Жрица, Слезы Нефрита, старая, старая, старая. И отвратительная. Она никогда не знала любви и ненавидит тех, кому это чувство ведомо, — она неожиданно взяла руку ближайшего к себе человека, руку Леклерка. — Пожалуйста, все мои новые друзья, я вам верю. Я знаю, что вы меня защитите, и я готова отдать за вас свою жизнь. Никогда не дайте ей снова завладеть мной! Прежде убейте меня. Я поцелую руку, наносящую мне смертельный удар, клянусь!

— Хватит таких разговоров! — Нила подлетела к Джалите и оттолкнула Леклерка в сторону. — У нас есть собственное волшебство. Например, Луис Леклерк. У него больше секретов, чем звезд на небе. Эти женщины владеют чтением и письмом. Конвей и Тейт — великие воины. Наша подруга из Церкви, Сайла, — тот Цветок, который был нам обещан на протяжении многих поколений. — Нила с уверенной улыбкой немного отступила, не отпуская Джалиту и встряхнула головой. На ее золотистых волосах, достигавших пояса, заиграли лучи солнца. Что-то заметив позади Джалиты, она добавила: — И еще у нас есть такие вожди!

Джалита и все остальные обернулись. Нила замахала рукой, приглашая Эмсо и Вала присоединиться к ним.

— Тот, который хмурится, — Эмсо, — пояснила Нила, — Тот чернобородый медведь происходит из Форов, он твой соплеменник.

С радостным воплем Джалита бросилась к Валу и обняла его. Пораженный Вал замер на месте. Эмсо засмеялся с завыванием. Одновременно смеясь и плача, Джалита, подняв лицо к Валу, сказала:

— Вал Стоунбич — морской разбойник и торговец. Я — Джалита, дочь Нарома Сейлмана. Разве ты не помнишь меня?

— Ты же умерла! — И без того широко раскрытые от удивления глаза Вала, казалось, выскочат из орбит. — Весеннее пробуждение… Скэны…

— Они схватили меня, отдали Слезам Нефрита. Я убежала.

Отрывочными фразами она поведала ему о своих приключениях. Наконец слезы исчезли, уступив место улыбке. В конце ее рассказа Вал завертел ее в бешеной пляске. Ее капюшон соскользнул с головы, освободив каскад черных волос, блестящих, как крыло ворона.

— Только взгляните на нее! Ты была худенькой, маленькой, глазастой и вертлявой девочкой, любившей кататься на волнах, а сейчас тебя невозможно узнать! И ты жива!

Из голоса Вала постепенно исчезли возбужденные интонации. Он погрустнел. Поняв значение его взгляда, Джалита промолвила:

— В живых остались только я и моя мать. Ее удерживает у себя Слезы Нефрита, чтобы я не предала ее.

Вал мрачно кивнул.

— Мы тебя защитим. Когда мы раздавим Скэнов, то вызволим и твою мать.

— Этого никто не может обещать, — сказала Джалита, высвободившись из его объятий. — Они могут ее убить в любую минуту. Скэнам даже не требуется повод для убийства, я это видела. Ничего не обещай мне. Кроме мести. Я об этом прошу тебя.

— Клянусь!

— Джалита, — вмешалась Картер, — ты должна познакомиться сейчас еще с одним

человеком — Эмсо. Он с самого начала вместе с Гэном. Эмсо единственный, кроме Гэна, который командовал силами Трех Территорий.

Эмсо покраснел. Обычное кислое выражение на его лице сменилось неловкой улыбкой. Он вежливо кивнул.

— Вал сказал тебе правду. Здесь ты будешь в безопасности.

— Весной здесь появятся Скэны. Мне не полагается об этом знать.

Эмсо бросил быстрый взгляд на Вала.

— Нам это известно. Мы готовимся к встрече с ними.

— Они хорошо знают море. У них множество челнов, воинов. Они думают, что им помогут Люди Реки.

На этот раз Эмсо посмотрел на Вала долгим многозначительным взглядом. Чернобородый Фор придвинулся поближе.

— Что тебе известно о Людях Реки? — спросил Эмсо. Его голос звучал непривычно мягко. В сузившихся глазах явно читалась тревога.

Джалита нервно отступила.

— У Слез Нефрита есть приемный сын Лорсо. Он — Поработитель. Это как Вождь Войны. Она послала его на Мать Рек вести переговоры с Людьми Реки и с Летучей Ордой.

— Ты об этом рассказала Мурдату? — спросил Вал.

Джалита обратилась к Ниле:

— Но ведь меня расспрашивали только обо мне самой, не так ли? Я что-то не так сказала? Почему все так недовольны мной?

— Это не так, — неодобрительно взглянув на Эмсо, выступил вперед Леклерк. — Просто ты нам рассказываешь о том, чего мы не знали. Это неприятные новости для нас. — Заметив встревоженное выражение, мелькнувшее на лице Джалиты, он торопливо добавил: — Однако это очень важные новости. Мы должны рассказать Гэну. Все рассказать.

— Ты будешь при этом?

Леклерк кивнул, и, прежде чем он успел что-либо промолвить, Джалита сказала, указав на Эмсо:

— А ты? Дженет Картер говорила, что Гэн доверяет вам обоим, а меня он не знает.

— Из всех людей в Трех Территориях у тебя меньше всего причин лгать нам о Скэнах, — ответил Эмсо.

— Спасибо. И тебе спасибо, Нила, за то, что ты меня привела к своим друзьям. Я чувствовала себя в безопасности еще до того, как увидела вас. Теперь у меня такое чувство, что я способна, пусть только по-женски, даже сопротивляться.

Три одетые в черное женщины наблюдали, как остальные поспешили в замок. Повернувшись было, чтобы возвратиться в монастырь, Бернхард остановилась, услышав размышлявшую вслух Картер.

— Она весьма сложная и хитроумная штучка. Вы заметили, как она обломала всех трех мужчин? В свое время мне приходилось видеть некоторые женские уловки, но это — самая настоящая Ева в ударе!

— Чепуха! — презрительно протянула Бернхард. — Она молода, красива и напугана. Против этого не устоит ни один мужчина.

Взяв Бернхард за локоть, Картер нежно подтолкнула ее по направлению к монастырю.

— Нет, ты не права. И потом, она вовсе не напугана.

Анспач была не согласна:

— Она действительно боялась. Я это заметила.

— Мы кое-что видели. Например, когда Луис упомянул о необходимости поговорить с Гэном, все с ней было в порядке до тех пор, пока он не сказал «рассказать все». Она вздрогнула, клянусь. Может, и не вздрогнула, но что-то с ней произошло. Это длилось мгновение, но я заметила.

— Чушь! — сказала Анспач. — Просто девушка напугана. Вот и все.

Картер не уступала:

— Нет, не так, не так. Она не напугана, по крайней мере не так, как мы бы испугались на ее месте. И вот еще, что я хочу вам сказать: если вы считаете, что наша темноволосая очаровательница просто ребенок, а не искушенная женщина, то вам лучше провести несколько часов на лужайке, наблюдая за птичками и пчелами. Поверьте мне, это так.

— И когда только ты успела стать экспертом по утраченной невинности? — саркастично спросила Кейт Бернхард.

Выпрямившись, жилистая Картер ответила:

— Ты видишь перед собой женщину, чья глупость бросила нескольких мужчин в утешительные объятия женщин, подобных Джалите! — Она резко повернулась и широко развела в стороны руки. — Представляем Дженет Картер — новичка в этом мире, но тем не менее единственного авторитета в области неподвластных времени принципов уничтожения любовных взаимоотношений! Я сразу распознаю сердцеедок. Если ей позволить поступать по-своему, мы обречены на вечное девичество!

Анспач и Бернхард стали шутливо нападать на Картер. Схватив ее за руки, они повели ее как под конвоем. При этом Бернхард старательно избегала смотреть на своих подруг.

* * *

Джалита стояла посреди своей комнаты, сложив руки у пояса. Стремительно вошедшая к комнату женщина буквально отпихнула ее в сторону. Стоя в центре комнаты спиной к Джалите, она сказала:

— Я настоятельница Фиалок. Ты была в плену у неверных. Тебя подвергали пыткам. Ты жила вместе с колдуньей. Ты сохранила верность Церкви? Скажи мне правду. Солгав, ты станешь отверженной. Честно признайся в своих грехах, и твое наказание будет смягчено.

— Помилуй, настоятельница, — обратилась Джалита к спине гостьи. — Я отвергла их божество. Они не смогли заставить меня ему молиться. Я верна Церкви.

— А-а-а! — Настоятельница быстро повернулась и, обвиняюще вытянув руку, указала на Джалиту. — Кому ты верна? Даже Скэны знают о расколе Церкви, ровно половина наших сестер восстали. Кого ты поддерживаешь?

Опустив глаза, Джалита задумалась. Эта женщина олицетворяла власть. Силу. Джалита однажды уже пережила такое. Схватив руку настоятельницы и прижав ее ко своему лбу, она упала на колени. От неожиданности настоятельница пошатнулась. Джалита завыла:

— Она меня била! Они мучили мою мать и заставляли меня на это смотреть! Она говорила, что отдаст мою мать Глубокому Покою. Но я никогда не молилась, настоятельница. Клянусь, никогда!

Настоятельница высвободила свою руку. Ее умные глаза рассматривали лицо Джалиты. Проницательность этого взгляда напугала молодую женщину, она почувствовала, что даже поры кожи могут ее выдать. Слезы сами потекли по ее щекам.

Взяв Джалиту за подбородок, настоятельница сказала:

— Твой страх говорит мне, что ты сохранила честность. Но ты не ответила на мой вопрос. Какую часть Церкви ты поддерживаешь?

— Скэнам известно только то, что Жрица Роз Сайла обнаружила секрет Врат и что новая Сестра-Мать объявила Сайлу отверженной. Они не знают из-за чего, этого не знаю и я. Но они говорят, что Сайла самая могущественная женщина в Церкви. Наверно, я поддерживаю ее.

Звук пощечины поразил Джалиту, больше чем боль от удара. В маленькой комнате с каменными стенами этот звук раздался как удар кнута. На какое-то время ее глаза затуманились. Когда они прояснились, настоятельница снова стояла, скрестив руки и спрятав кисти в рукава.

— Ты неверно угадала. Как Сайла может быть могущественнейшей, если она отвержена? Она противник Церкви.

— Она же военная целительница. Она сохраняет людям жизнь. Разве это против

Церкви?

— Кем является человек, выполняющий святые обязанности Церкви, но не принадлежащий к ней? Как мы называем тех, кто занимается колдовством?

Глаза Джалиты расширились. Она закачала головой, отказываясь сделать то, что от нее потребовала настоятельница.

— Скажи. Скажи, дитя. Скажи, кто Сайла, или будь проклята вместе с ней!

— Ведьма.

— Громче! — Настоятельница стала трясти Джалиту за плечи, отчего ее голова начала болтаться из стороны в сторону. Капюшон свалился, освободив ее черную гриву блестящих волос. — Я хочу слышать, что говорит твое сердце. И я это узнаю! Настоятельница Фиалок узнает!

— Ведьма. Ведьма! Ведьма!

Отпустив Джалиту, настоятельница стала ее внимательно изучать. Джалита почувствовала, как этот холодный взгляд прощупывает, заглядывает в сокровенные уголки ее мозга.

— Ты боишься, — сказала настоятельница. — Это хорошо. Ты испугалась назвать Сайлу ведьмой. Иначе я бы поняла, что ты лжешь. Она ведьма, как и ее маленькая подруга провидица Ланта. Но Церковь их победит! Будет боль. Огонь очищает все!

Джалита заметила, как изменилось выражение лица настоятельницы. Оно стало таким, каким часто бывало выражение лица Слез Нефрита: смесь ненависти, предчувствий и радости.

Это поразило Джалиту. Точное такое выражение было у Слез Нефрита, когда она рассказала о своих планах относительно бедного глупого Лорсо. Бедный пылкий Лорсо!

Сейчас настоятельница Фиалок наверняка считала себя грубой и жестокой. Это вызывало у Джалиты смех По сравнению со Слезами Нефрита, настоятельница казалась растолстевшей от сливок кошкой. Лорсо запросто перерезал бы ей горло ради развлечения.

Всем им еще предстояло многое узнать о Джалите.

Присев на один из стульев, настоятельница жестом приказала Джалите занять второй.

— Я буду тебе доверять, — сказана настоятельница, — потому что у меня нет другого выбора. Тебе открыли доступ в замок, к Ниле и даже к Гэну Мондэрку и тем отбросам, которые его поддерживают. Церковь их низвергнет, восстановит порядок. Ты мне поможешь.

Джалита отшатнулась. Это была измена.

— Мурдат меня приютил, настоятельница, Нила меня приняла как подругу. Остальные…

— Враги. — Поднявшись, настоятельница подошла к Джалите. Рука, схватившая Джалиту за подбородок и заставившая ее поднять голову, была сухой и горячей. — Когда ты расскажешь все, что знаешь о Скэнах, они тебя бросят, отдадут замуж за какого-нибудь старика, который будет тобой пользоваться, пока не надоест. Они предали Церковь. Они предадут тебя. Я твоя единственная надежда.

Джалита покачала головой. Неожиданно настоятельница отпустила ее, снова усевшись на стул. Она приняла грустный вид.

— Я говорила слишком жестоко. Я стара, Джалита, имею свои привычки, привыкла к Церкви, привыкла к окружению тех, кто любит ее так же, как и я. Борьба и страдания сделали меня старше моих лет и горькой, как неудавшийся урожай. И теперь я встретила тебя, молодую лань, уставшую и запутавшуюся. Мое грубое рвение способно загнать тебя на тропу волков. Я боюсь за тебя, как боюсь за Церковь и то место, которое ей надлежит занимать. Церковь — это красота, Джалита, а ты красавица. Ты думаешь, что они ценят твои знания. Ты страшно заблуждаешься. Они быстро их высосут. Они будут развлекаться долгие годы, высасывая твою красоту. Один из них будет наслаждаться, а прочие будут получать удовольствие. Ты познаешь агонию полной беспомощности и одиночества. И все из-за того, что я тебя подвела. — С трудом поднявшись, настоятельница подошла к двери и

остановилась. — Посмотри на Эмсо. Да, он стар и некрасив, но он единственный из окружения Гэна, кто противостоит проповедям этой ведьмы Сайлы. Церковь обойдется с ним гораздо милосерднее, чем с остальными. Однако храни молчание. Повторить хоть одно из сказанных мной слов значит обречь себя.

Прикрыв уши ладонями, Джалита прижалась спиной к стене.

— Я не хочу слушать!

Криво усмехнувшись, настоятельница снова кивнула.

— Опять я слишком прямолинейна. Я не хочу ввести тебя в заблуждение. Не думай, что Эмсо нелоялен. Он просто старомоден и против этого нового учения, которое так нравится Гэну.

— Церковь все еще сильна и станет еще сильнее. Я слишком молода, слишком слаба, чтобы ввязываться в эти дела, настоятельница. Я причинила бы больше вреда, чем пользы. Но я люблю Церковь и верю в нее. В конце концов она победит. Ты увидишь.

— Спасибо. Твоя вера столь же хороша, как и велика. Я учусь у тебя, — с тем, тихо закрыв за собой дверь, настоятельница вышла. Шаркая ногами, она повернула за угол. Там она остановилась и, потягиваясь, выпрямилась. Когда она улыбнулась, ее глаза были прищурены, как у человека, заглядывающего в печь, где железо превращается в сталь.

А Джалита стояла у окна в своей комнате. Откинув голову назад, она почти беззвучно смеялась. Ее радость казалась зловещей. Потом она сжала в руках воображаемое удилище. Снова рассмеявшись, она отклонилась назад и рывком подняла это удилище.

— На крючке! Вместе с наживкой!

На этот раз раскаты ее смеха были слышны далеко вокруг в ярком свете солнца.

Глава 20

В Зал аудиенций развязной походкой вошел вестник. На скулах у Гэна проступили яркие красные пятна. Эмсо, стоявший рядом с Гэном, успокаивающе притронулся к его руке.

С трудом сдерживая себя, Гэн спросил:

— У тебя для меня сообщение?

Вестник поклонился. На голове у него была мягкая кожаная шапка в форме длинного конуса. Сорвав шапку с головы, он швырнул ее на пол и выпрямился, отставив в сторону одну ногу, как бы приглашая полюбоваться на себя. Его рубашку покрывали красные, белые и зеленые вертикальные полосы, зеленые брюки — красные квадраты размером с ладонь.

— Я имею честь доставить сообщение Мурдату, правителю Трех Территорий.

— Тогда знай, я — Гэн Мондэрк, называемый Мурдатом. Говори.

Вестник сделал шаг к нему. Собравшись с духом, он заговорил хриплым шепотом. Гэн почти услышал голос женщины, которая теперь стала Сестрой-Матерью:

— Мы с тобой разные, Гэн Мондэрк, но нет ничего, о чем бы двое практичных людей не могли договориться. Мне предложен союз с человеком, который поклялся тебя уничтожить. Я вынуждена согласиться потому, что я слаба. Если только ты сам не сделаешь мне иного предложения. Церковь должна быть единой. Она не может быть такой без тебя. Не заставляй меня сделать выбор не в твою пользу. Не заставляй меня уничтожить тебя, объединив усилия с твоими врагами.

Какое-то время вестник продолжал стоять, вытянувшись в струнку. Черты его лица были искажены от усилий, затраченных на пересказ сообщения именно теми словами и в той тональности, как оно было сообщено ему. Его лоб покрылся капельками пота. Дрожа всем телом, он принял свой прежний вид.

— Все? Это все сообщение?

— До последнего слова, так, как оно было сказано мне.

— Ты об этом ничего никому не говорил?

Посланец надменно ответил:

— Нам доверяют потому, что мы ничего не раскрываем, ни посылающему сообщение,

ни его получателю, никому! Я бы никогда ничего не открыл о тебе.

Это был заслуженный упрек, который Гэн принял молча. Он отпустил этого человека, кратко, но вежливо его поблагодарив. Гэн скорчил гримасу и, повернувшись к Эмсо, поднял вверх руки.

— Он сказал правду. Сообщение таково, что я должен сохранить молчание. Я бы очень хотел обсудить его. Мне кажется, что ты бы быстро нашел ответ пославшему его. Ты мне всегда давал верные советы. Прости.

— У каждого свои секреты. Есть они и у Гэна, у Мурдата их больше. Мне кажется, что даже у меня найдется парочка. Иногда я просто не могу вспомнить, — и Эмсо с удовольствием подмигнул.

Гэн рассмеялся.

— Ты все понимаешь. Меня это всегда удивляло!

— Меня это самого удивляет. Иногда я думаю, что это из-за страха. — Эмсо вдруг стал совершенно серьезным. — Вокруг тебя запахло безрассудством. Я не могу этого объяснить. Это как если бы ты каждый раз делал ставку, ставя на кон все, что тебе принадлежит, понимаешь? Тем, кто тебя любит, приходится повторять твои ставки.

Гэн осенил себя Тройным Знаком, подразумевавшим Того, чье имя никогда не произносилось.

— Конечно, я хочу, чтобы меня окружали верные друзья. Я веду за собой, но не приказываю, Эмсо. Я командую Волками, но это потому, что мы все сражаемся за одно и то же.

— Люди идут за тобой потому, что ты им даешь надежду. Даже теперь, когда мы окружены племенами, которые намерены нас уничтожить, ослабленные мором и войной, народ Трех Территорий знает, что Мурдат приведет их к победе, миру и изобилию. Они будут сражаться насмерть, веря, что уцелевшие все это увидят. А что касается меня, то я знаю, что война такая игра, которая никогда не кончается.

— Тогда зачем вообще сражаться?

— Я был потерпевшим поражение человеком, который сражался за побежденную страну, жаждущим только смерти, когда ты пришел к Джалайлу. Что-то подсказало мне, что ты, побитый, отверженный мальчишка, найдешь способ спасти нас от Алтанара. Мне не верилось, но я должен был верить. Ты дал мне больше, чем жизнь. Поэтому я и сражаюсь.

— Ты мне ничего не должен.

— Никто не говорил о долгах, — голос Эмсо стал резким. — Я тебе благодарен, но не настолько, чтобы жить ради тебя. Я живу так, как считаю нужным, Мурдат, и умру я по-своему. Моя жизнь принадлежит мне. Снова и навсегда.

Гэн широко улыбнулся. Он прижал свой правый кулак к правому уху в салюте Волков.

— Я слышу. Я понимаю. Эмсо принадлежит самому себе. Пусть вестники спешат во все стороны с этой вестью!

Эмсо забормотал, прокашлялся и наконец выдавил усмешку, подтвердившую, что он понял шутку Гэна.

— Это довольно серьезный вопрос. Я не могу легко об этом говорить, поэтому я становлюсь грубоватым. Все, молчу. Обещаю. Одного раза достаточно. Но замечу, что почти каждый воин в стае разделяет это чувство.

— Они тоже опасаются моего «отчаянного» поведения?

— Я вижу больше озабоченности, чем страха. У тебя на уме нечто такое, чего ты опасаешься больше поражения, больше смерти. Я ожидал, что ты атакуешь Ква. Я видел, как мужчины уходили в бой, решив погибнуть, видел, как мужчины использовали бой как средство умереть. В твоем теперешнем поведении есть что-то от этого, но не совсем. Когда я впервые тебя увидел, ты сражался за справедливость, за надежду. Теперь я вижу только надежду, но больше не понимаю, на что ты надеешься.

— Я надеюсь на свободу. Мне не нужна ответственность. Никогда не думал, что ее будет столько.

— Если бы ты был просто искателем власти, другим Алтанаром или как тот Капитан, о котором рассказывает Конвей, тебя бы это не волновало. А так, я думаю, что ответственность тебя погубит.

Прозвучавшее в последней фразе деланное безразличие заставило Гэна резко обернуться. Тем временем Эмсо невозмутимо продолжил:

— Ты не будешь знать, когда остановиться. Даже если бы ты захотел остановиться, созданное тобою процветание привлечет новых врагов. И ты всегда будешь начеку. Ради своих друзей, ради своего народа.

— Это самые жестокие слова, которые я когда-либо слышал, — Гэн почти незаметно принял боевую стойку.

— Ничего не изменится, если ты меня убьешь. Просто потеряешь друга.

— Не говори так, — Гэн быстро выпрямился, будто ничего не произошло. — Я на тебя полагаюсь.

Обратившись к Эмсо, Гэн продолжил разговор, прерванный появлением вестника:

— За всеми послано. Бароны прибывают завтра. Так же как и этот Вал, пират из Форов. Конвей, Тейт и Леклерк будут здесь. Кто-нибудь еще нужен?

— Нет, это все.

— Мы не сможем иметь дело с таким множеством врагов без того, чтобы каждый четко знал обязанности каждого. Координация, Эмсо. Вот что делает Волков непобедимыми. Сейчас это важнее, чем когда бы то ни было.

Эмсо собрался уходить:

— Я распоряжусь об ужине.

— Позаботься о том, чтобы были развлечения. Спорить будем завтра. Сегодня будем развлекаться в свое удовольствие.

Фыркнув, Эмсо с грохотом закрыл за собой тяжелую дверь.

Вскоре он стоял в дверях огромной кухни, обслуживавшей замок. Руководившая кухней женщина обратилась к нему с приветствием. Поверх домотканых блузы и штанов на ней был надет красно-желтый пояс замковой прислуги. Когда женщина стала вытирать руки о передник, от него отделились и поплыли в воздухе маленькие облачка муки.

— Доброе утро, Эмсо. Сколько у Мурдата будет гостей сегодня на ужине?

— Разве в Трех Территориях нет больше секретов? Я же только что от Мурдата!

Кухарка пожала плечами.

— Сын женщины, доставляющей мне зелень, послан за бароном Галмонтисом. Дочь моего второго пекаря…

— Остановись! — Эмсо поднял руку. — И так неприятно, что у нас не соблюдается секретность. Каждый зеленщик и каждая кухарка в стране болтают о наших делах!

— Единственный, кто болтает, — это ты. Мои повара и поставщики не представляются тебе столь опасными, когда ты садишься за мой стол.

Эмсо раскрыл рот, чтобы выяснить, в чем связь еды с государственными секретами, но, отчаявшись осилить связанные с этим умозаключения, просто пробормотал, сколько будет гостей, и постарался достойно покинуть поле боя.

Его отступление было прервано появлением Нилы. Эмсо неуклюже остановился. Протянув руку, чтобы убедиться, что он не задел Нилу, он нечаянно толкнул Джалиту. Он схватил Джалиту за плечо, чтобы та не упала, но при этом сам потерял равновесие. Пошатнувшись, он практически обнял молодую женщину. При этом Эмсо потерял последние остатки присутствия духа. Отскочив, будто обжегся, он врезался в стену.

Эмсо не любил выражения сочувствия. А вперемежку с неудержимым смехом они были вообще невыносимы.

Когда Ниле удалось между приступами смеха простонать: «Что тебя привело на кухню?», он ответил: «Ужин Мурдата» — с таким видом оскорбленного достоинства, что едва не вызвал новый приступ неудержимого смеха.

— А вы что здесь делаете?

Вместо Нилы ответила старшая по кухне:

— Я буду готова показать тебе и Джалите кухню, как только проверю свои хлеба, Нила. Я как раз отправлялась за вами, когда пришел Эмсо. — При этом она указала на поднимающееся на столе тесто, и Нила понимающе кивнула.

— Я совершенно позабыла, что должны прибыть бароны, — обратилась Нила к Эмсо. — У Джалиты будет возможность с ними познакомиться. У нас будут и развлечения, не так ли?

Джалита отступила.

— Я не могу пойти на ужин.

— Почему? Ты моя гостья, моя и моего мужа. Бароны просто мужчины. Там будет Сайла, и Ланта, и Тейт. Конечно, ты можешь прийти.

— Дело не в этом, — она взглянула на Эмсо.

— Мы с Гэном доверяем Эмсо как самим себе. И ты должна.

— Спасибо, — высказал свою признательность Эмсо. Он кивнул Джалите, которая просияла радостной улыбкой, быстро сменившейся озабоченностью.

Обращаясь к Ниле, Джалита решительно отклонила приглашение:

— Разве ты не понимаешь, Нила, что при мне нельзя говорить ничего, что я не знаю, или сделать какое-нибудь невинное замечание, которое позже что-то раскроет? Позволь мне помогать Сайле и Жрицам Церкви с Избранными. Слезы Нефрита посчитает, что я увиливаю, но мне это безразлично.

— А как она об этом узнает? — злобно спросил Эмсо.

Не отрывая взгляда от Эмсо, Джалита придвинулась к Ниле. Опередив ее, Нила сказала:

— Джалите сказали, что ее найдут. В Трех Территориях есть шпион, который должен передать сведения Слезам Нефрита и Скэнам. Но Джалита не знает, кто он.

Пытаясь сдержаться, Эмсо скорчил гримасу.

— Я хочу сказать, что она довольно умна. И очень храбрая. Ты и Гэн, вы родом из страны к востоку от Гор Дьявола, и вы не знаете всего о Скэнах. Здесь, по западную сторону, мы слишком хорошо знаем Слезы Нефрита. Эта старуха — само Зло. — Обращаясь к Джалите, он сказал: — Не рискуй. Поступай так, как сказала Нила, иди на ужин. Ты не услышишь никаких секретов, но зато сможешь создать у того, кто должен связаться с тобой, впечатление, что знаешь о всех наших действиях. Не беспокойся, мы позаботимся о том, чтобы тебе было о чем рассказать этому человеку.

Улыбающаяся Джалита сначала застенчиво протянула руку, а потом, смутившись, спрятала ее. Она повернулась к Ниле.

— Не знаю, смогу ли я. Встретиться с этим человеком и рассказать ему то, что нужно. Это значит лгать. Я уже доказала, что не очень хорошо справляюсь с этим, — и она покраснела.

— Не волнуйся, — сказал Эмсо. — Все будет просто, мы тебя подготовим.

— Ты очень добр. Неудивительно, что Гэн и Нила столь высокого мнения о тебе. Я рада, что ты всегда рядом. Иногда я думаю о том, что случится, если Слезы Нефрита прознает о том, что я ее обманываю. Может, она просто решит избавиться от меня?

Эмсо нахмурился.

— Ты одна из нас, Джалита. Мы оберегаем друг друга.

Нила прочитала во взгляде Джалиты мольбу и, подтолкнув Джалиту по направлению к кухне, сказала Эмсо:

— Я обещала Джалите показать ей кухню. Извини нас, пожалуйста.

Нила с удивлением заметила, что при прощании старый воин был скорее серьезен, чем сердит. Отдавая салют, он задержал взгляд на Джалите. То, что Нила прочитала на его лице, просто поразило ее.

Глава 21

Акулий челн боролся с течением. Тяжело разбивая носом крупную зыбь, он продвигался вдоль громоздившихся отвесных скал и огромных деревьев. Словно горячий конь, судно иногда так отвечало на порывы ветра и изменения течения, что экипаж не мог не посчитать его неожиданные выкрутасы проявлением строптивого характера. Судно вставало на дыбы и почти изгибалось, паруса вяло опадали, а потом с неожиданным громовым ударом снова наполнялись ветром. Экипаж болезненно морщился при каждом порыве ветра. Они страшились и не доверяли неизвестным духам этого беспокойного пресноводного моря. Они хорошо знали, как опасно управлять рассерженным судном.

Спустя два дня, после изнурительного преодоления отмели у устья реки, Лорсо понял, что Слезы Нефрита серьезно ошиблась, оценивая положение дел. Деревни Людей Реки разделяли большие расстояния, а разница между их разнообразными союзами была еще значительнее. Многие отвергали союз с Летучей Ордой, и это было первым, что неприятно поразило Лорсо. Кроме того, эти люди были враждебно настроены по отношению к Скэнам.

Однако самое неприятное открытие было совершенно неожиданным.

Оказалось, что необходимо считаться с племенем, жившим к югу от Матери Рек и называвшимся Малые, которое Скэны до того рассматривали просто как источник рабов. Эта лесные жители всегда предпочитали бегство бою. Лорсо был потрясен, узнав, что Малые заняли северные земли, принадлежавшие Людям Реки. Те деревни Речных, которые были против союза с Летучей Ордой, даже приветствовали захватчиков — ведь они служили буфером между этими деревнями и теми, что были сторонниками союза. Все это стало ясно Лорсо и его экипажу после того, как они попробовали высадиться вечером на только что занятую Малыми территорию.

Атака Малых была не слишком напористой. Они просто хотели отогнать чужаков. И хотя трое Скэнов погибли от стрел, выпущенных невидимым противником, морские пираты отнеслись к этой засаде как к доказательству неполноценности Малых. Вместо того чтобы уничтожить экипаж, те только нанесли незначительные потери. Скэны поклялись вернуться.

На этот раз, получив сигнал Лорсо пристать к берегу, экипаж челна спрятался под защиту бортов и приготовил луки и стрелы. Оказавшись в тихой бухте, они спустили с носа и кормы челна по небольшой лодке, чтобы на них доставить на берег причальные концы и береговую охрану. Готовили пищу и ели на борту челна, а костер потушили до наступления темноты. Часовые заняли посты. Несмотря на проникающую сырость, шкура, что обычно расстилалась от борта к борту и под которой спали воины, на этот раз осталась в трюме. Лучше потерпеть неудобства, чем беспомощно барахтаться в темноте под шкурой в разгар атаки. Лорсо ненавидел это время суток. Управление челном сейчас не отвлекало его мысли, и на него всей своей тяжестью обрушился груз ответственности за успех дела.

Слезы Нефрита понятия не имела, как трудно поддерживать связь с Летучей Ордой, забравшейся так далеко вверх по течению Матери Рек. Она просто назначила срок, когда они должны прибыть на место.

Кроме того, у Церкви и у этой Жрицы Роз Сайлы здесь имелись свои приверженцы. Этот поселок ненавидел Коссиаров, тот ненавидел Летучую Орду. Некоторые деревни, особенно на северном берегу, открыто поддерживали Три Территории. На южном берегу присутствие Малых означало беспорядочные атаки на приближающиеся к их владениям акульи челны. При каждом посещении берега Скэны узнавали о возникновении все новых союзов и распаде старых. В голове у Лорсо все перепуталось.

Сидя после ужина в темноте, Лорсо отбросил все эти политические заботы. Страдая от бессонницы, он смотрел на звезды и прислушивался к тихой беседе реки и челна. Он был один у руля, как и подобало капитану. Отсюда лучше всего слышна любовная беседа реки и судна. Вообще говоря, лишь капитан имел право слушать ее. Но к ней прислушивались все, стараясь обнаружить недовольное ревнивое завывание, означающее, что ослабло крепление досок бортов, или раздражающий скрип перетираемой у основания мачты. Взаимоотношения судна и воды всегда были деликатными, значительно тоньше, нежели отношения между

мужчинами и женщинами.

Растянувшемуся на досках палубы Лорсо был слышен каждый звук, он чувствовал малейшую дрожь гибкого киля. Для него судно было воплощением женственности. Сейчас оно грациозно и застенчиво, и вдруг становится мятежным и яростным, добиваясь своего. Но при этом оно всегда оставалось прекрасным.

Еще он постоянно думал о Джалите. Кровь несла по его жилам яростную страсть, и ей были безразличны божества и жрицы, и даже судьбы государств.

Когда ему удавалось заснуть, он видел один и тот же сон. Акулий челн бросился в бегство под тучей стрел. Одна из стрел, огромных размеров, позвала его по имени. Как всегда, стояла лунная ночь. У жуткой стрелы появилось лицо. Черты его были искажены яростью боя, блестящие зубы скрежетали, сумасшедший взгляд уставился в одну точку. Выкрикивая его имя, это лицо по дуге спускалось все ниже и ниже. Его охватила боль. И холодная черная вода. Чернота.

Задыхаясь, Лорсо проснулся.

Тот Лорсо, из сна, знал имя того, кому принадлежало это лицо.

Подойдя к ограждению борта, Лорсо помочился. На звуки явился часовой с мечом в руке. Поняв, в чем дело, часовой улыбнулся. Лорсо велел ему приготовить сигнал для возвращения на борт береговой охраны. Убедившись, что он снова в одиночестве, Лорсо достал небольшой нож и уколол им палец. Склонив голову, выдавил из него несколько капель жертвенной крови. Капли упали в воду. Лорсо молил Сосолассу о снисхождении.

Слезы Нефрита уверяла Лорсо, что все речные божества — подданные Сосолассы и его бесконечного моря. Лорсо ей верил.

Но божество этой реки яростно отказывалось подчиниться. Слезы Нефрита никогда не видела отмель у устья реки, где пресная вода бесконечно штурмовала владения верховного божества. Конечно, река проигрывала, задыхалась. Но что это за смерть, не знающая конца борьбы, не знающая прекращения жизни?

Когда он обернулся, его воины уже зашевелились. Они просыпались более угрюмыми, чем обычно. Лорсо нахмурился. В жизни на судне не было места для настроений. В последней дружелюбно настроенной деревне им сказали, что их путь к лагерю Жреца Луны займет пять дней. Сегодня наступил шестой, но нет никаких признаков поселка.

Настроение воинов говорило о необходимости расслабиться. Лорсо приказал коку приготовить овсяные блины и открыть один из бочонков с медом. Как только экипаж увидел, что огромная сковорода опустилась на очаг, настроение людей заметно улучшилось. Горячий завтрак вместо обычной солонины и сухарей был всем по душе. Мед был угощением, сберегавшимся для особых случаев.

Пока над судном носились соблазнительные запахи еды, Лорсо обратился к своему экипажу:

— Это было утомительное путешествие. Вы хорошо справились. Я горжусь вами, но знаю, что для вас этого недостаточно. Сегодня мы должны прибыть к Жрецу Луны. Если нет, то мы продолжим свой путь. Так велит Сосолласса. Но после того, как я закончу свои дела со Жрецом, мы — вольные пташки. Мы приняли слишком много обид от этой сосущей грязь береговой мрази. Дебло, ты отвечаешь за трюмы. Приготовь место для рабов. У нас достаточно длинных крепких веревок!

Это были именно те слова, которые утешили и развеселили его воинов. Восход солнца принес крепкий бриз. К середине утра впередсмотрящий прокричал о появлении деревни. До Скэнов докатился хриплый рев трубы, отразившийся от окружающих гор. Образованно закричав, Скэны налегли на весла. На реке появились нетерпеливые подростки в каноэ и странных парусниках, рассчитанных на одного человека. Парусники, казалось, летели над водой. Управлявшие ими показывали недюжинную сноровку. Им нравилось, набрав скорость, оседлать гребень волны и поднять свое судно в воздух. Как только челн пристал к берегу и был надежно пришвартован, Скэны бросились к борту и дружно стали аплодировать мореходам-акробатам.

Лорсо сошел на берег. Его рубашка была украшена серым узором, изображавшим замковые камни. Штаны были заправлены в сапоги из пегой тюленьей кожи. На шее на золотой цепи висел нефритовый амулет длиной в ладонь. Амулет изображал выпрыгнувшую из воды касатку.

Но самым удивительным предметом была шляпа Лорсо. Сплетенная из окрашенной в черный цвет блестящей кедровой коры, она была высотой в две пяди и изображала голову ворона, смотревшего вперед своими сверкающими золотыми глазами. Сзади была изображена оскалившаяся голова животного, с глазами из золота и заостренными зубами из раковин. Из шляпы во все стороны торчали тюленьи усы. Серебряные колокольчики, укрепленные на кончиках усов, издавали едва слышный мелодичный звон при каждом движении Лорсо.

Приветствовавший его в безукоризненных белых одеяниях, в тюрбане и с серебряным диском луны на шее, Жрец выглядел аскетом.

— Рад видеть тебя, Лорсо, в моем скромном лагере! Наши разведчики донесли о вашем приближении только прошлой ночью, поэтому прости за недостаточно торжественную встречу.

Несмотря на слова Жреца, деревья вокруг были украшены яркими полотнищами. Жители оделись в новые лучшие одежды. В глазах рябило от перьев и цветов. И что приятнее всего, лагерь окутывали насыщенные запахи готовящейся пищи.

Вдали от реки, за спиной Жреца, виднелся огромный белый шатер, несомненно его собственный. К открытому входу в шатер, над которым был устроен навес, вела широкая аллея. Полуобернувшись, Жрец подождал, пока к нему присоединится Лорсо. Вместе они направились к шатру.

— Шатер доставили несколько дней тому назад, — сказал Жрец. — Старый сгорел. В ту ночь многие в Летучей Орде потеряли свои шатры. Это было наказанием. Мы приютили самозванца, пригрели человека, который утверждал, что он наш брат, дитя Луны, как и я. Он убил моего военачальника, уничтожил наш лагерь. Его послал Гэн Мондэрк и эта церковная ведьма, которая называет себя Цветком. — Он остановился у входа в шатер и повернулся к Лорсо. — Я ищу союзников. Для меня добыча или рабы не главное — они нужны, только чтобы возместить мои потери и удовлетворить справедливые требования моих воинов. Все остальное Летучая Орда и Жрец Луны отвергают. Но ведьма должна быть моей.

— Торговцы рассказывали об уроне, нанесенном твоему лагерю. Мне велено передать сочувствие наших Навигаторов. И сочувствие нашей жрицы, Слез Нефрита. Она служительница культа, как и ты, и понимает великую боль, которую приносит вероломство.

Мелькнувшее на лице Жреца неудовольствие хорошо контролировалось, но оно было весьма многозначительным. Ему не нравилось, что его считали «служителем». Втайне Лорсо был очень доволен. Кем бы ни был Жрец — очевидно, что он вождь свирепого народа, — он верил ложным божествам. Ему не достанется божественного руководства свыше, как Слезам Нефрита, поэтому победа Сосолассы неизбежна. Трудности могли отдалить ее, но не предотвратить.

Прежде чем войти в шатер, Жрец повернулся на запад. Солнце только прошло зенит. Он приподнял серебряный диск, висевший у него на груди, и, немного наклонив его, чтобы поймать лучи солнца, направил солнечный зайчик на ближнюю возвышенность. Немедленно раздались громкие крики, которые заставили волосы на голове у Лорсо встать дыбом.

За криками послышался отдаленный гром. Он становился все четче и наконец вырвался из-за возвышенности, превратившись в лавину скачущих всадников. Поднявшись на вершину и спускаясь по склону, они издавали боевые кличи. Некоторые ревели низкими голосами, другие пронзительно вопили.

За спиной у них были короткие изогнутые луки, каких Лорсо прежде никогда не видел. Каждый держал в руках длинное копье со стальным наконечником. К седлам крепились мечи в ножнах. Лорсо ничего не понимал в лошадях и верховой езде. Но он оценил доспехи и обратил внимание на то, как много всадников было одето в доходившую до колен кольчугу.

У всех были одинаковые металлические шлемы на кожаной подкладке. С тыльной стороны на шлемах имелись гнезда, из которых торчали маленькие цветные флажки. Они развевались на ветру, деля всадников на группы: белые, красные, желтые и синие.

Наконец скрылся из виду в туче пыли последний конник. Лорсо вздохнул почти с отвращением — он ненавидел запах пыли, свежих лошадиных экскрементов и пота.

Внутри шатра заиграл сложную успокаивающую мелодию спрятанный где-то незнакомый струнный инструмент в сопровождении барабана. Над головой воздух, насыщенный ароматами цветов, зашевелил прямоугольный вентилятор. Засуетились рабы, доставляя в шатер подносы с ягодным сиропом в керамических сосудах. В значительно более толстом и большом сосуде с тяжелой крышкой был колотый лед. По примеру Жреца Лорсо смешал сироп с водой и льдом из большого сосуда. Он почти вскрикнул от удовольствия, вдруг осознав, как ему было жарко в плаще и шерстяной одежде.

— Снимай свой плащ, — сказал Жрец. — Нам нет нужды испытывать неудобства. Мы с тобой станем друзьями. Так мне сказала моя Мать.

Лорсо едва не ответил, что не получил такого сообщения от Сосолассы, но решил, что это было бы политической ошибкой. Кроме того, этот столь странно одетый маленький человек с лицом, которое казалось обтянутым высушенной рыбьей кожей, явно старался угодить ему. Лорсо решил поладить с ним. Снимая плащ, он сказал:

— Для меня будет честью считаться твоим другом. Твоя репутация заслужила тебе великое уважение среди Скэнов. Наши Навигаторы ответят на твои победы на востоке своими атаками с запада.

Располагающая улыбка Жреца вдруг стала колючей. Лорсо подумал о той белой холодной стране далеко на севере, где непосвященный мог лишиться кожи на ладони, просто прикоснувшись голой рукой к куску металла.

— Атака Летучей Орды будет направлена с юга на север. Нам потребуется несколько акульих челнов, чтобы отгонять мятежных Людей Реки. Мы просим о малом, так как я уверен, что Скэны хотят напасть на самые населенные части страны, вблизи Олы и Харбундая, чтобы добыть побольше рабов.

— Скэны воины, а не сторожа.

— Только Скэны сражаются одинаково хорошо как на воде, так и на суше, — покачав головой, сказал Жрец. — Если Летучая Орда нападет на Людей Реки, то они попрыгают в свои лодки и просто уплывут от нас. Нам нужна помощь, чтобы предотвратить нападение с тыла.

— Мать Рек остается просто рекой. Если у Летучей Орды есть несколько лодок…

— Летучая Орда признает, что ничего не знает о лодках. Хотели бы Скэны отправиться в бой на наших лошадях?

Чуть заметно вздрогнув, Лорсо ответил:

— Я поговорю об этом с Навигаторами. Может быть, мы найдем возможность выделить два или три челна, чтобы оказать вам помощь.

— Вот видишь, — Жрец снова излучал дружелюбие. — Разве я не говорил, что мы станем друзьями? Мы без труда разрешили нашу первую проблему. Теперь давай обсудим точное время нападения. Вам же нужно принимать во внимание приливы, течения, ветры, фазы Луны.

Наклонившись и положив подбородок на ладони, Лорсо стал внимательно следить за мелькавшими руками Жреца, чертившего в пыли на полу шатра огромную карту. По мере того как на карте появлялись страны, о которых Лорсо не слышал, он понимал, что Жрец вовсе не разрешил их первую проблему. Напротив, он победил его в первом же споре. Мелочь, но такое начало не предвещало ничего хорошего.

Глава 22

Следующим утром Лорсо стоял на носу своего челна и смотрел, как шестерка черных

коней втаскивала тяжелую повозку на ровный участок берега как раз за каменистой прибрежной чертой. Лорсо презрительно фыркнул. Кони! С выпученными глазами, тяжело ступающие огромными копытами, они могли искалечить человека, просто наступив на него в своем вонючем возбуждении. Отвратительно.

Груз на повозке был накрыт. Лорсо рассеянно подумал, что это за груз, который нужно укрывать в столь ясный день?

За его спиной Жрец Луны произнес:

— Доброе утро, Лорсо! — Скэн испуганно вздрогнул. Когда он обернулся, на него с берега с извиняющимися улыбками смотрели Жрец и какой-то Речной. — Не хотел тебя напугать, — сказал Жрец. — Хочу представить тебе Сариса, — и он кивком головы указал на Речного. — А все это, — он указал рукой на коней и повозку, — часть сегодняшнего представления. Что тебя беспокоит?

— Ничего. Просто я думал, что это такое.

— Жрец Луны желает показать нам чудеса! — сказал Сарис.

— Чудеса? — Подойдя ближе к корме, к тому месту, где просвет между корпусом челна и берегом был наиболее узким, Лорсо одним движением спрыгнул на берег.

Жрец засмеялся.

— Весьма акробатично!

— Что? — спросил Лорсо. Он заметил, что Речной, этот Сарис, так же озадачен, как и он сам.

Жрец побледнел, казалось, что он подавился.

— Это слово из моего прошлого, — произнес он, — еще до того, как меня призвала моя Мать и я родился заново. Мы называли людей, которые могли так ловко прыгать «акробатами», а то, что они делали, — акробатикой. Я позабыл, что вам это слово неизвестно.

Сарис с умным видом кивнул.

Лорсо слишком болезненно относился к своей хромоте, чтобы поддерживать этот разговор.

— А где эта твоя страна, Жрец Луны? Скэны торгуют повсюду, где вода соприкасается с сушей. Даже очень далеко, в стране Найонов. Никто из тех, с которыми мы ведем торговлю, не слышал об этой стране. Нам известно, что твои друзья перешли к Гэну Мондэрку…

— Никогда так не говори! — Заметное замешательство Жреца при вопросах о его родине перешло в ярость при упоминании о Гэне Мондэрке. Лорсо ликовал — ему удалось выбить из равновесия этого самовлюбленного наглеца. Потом он со страхом подумал, что рассердил божество, но, вспомнив, что находится под покровительством Сосолассы, успокоился.

Жрец все бушевал.

— Когда-то я был обыкновенным человеком, а моя родина так далеко отсюда, что вы не можете себе этого даже представить. Да, я действительно прибыл с другими мужчинами и женщинами. Я никогда не присоединялся подобно другим к Гэну Мондэрку. Эти дураки находятся под влиянием Сайлы! — Жрец, задыхаясь от душившей его ярости, замолчал.

Лорсо смотрел, как неожиданно меняется цвет лица Жреца. Вместо яростно-красного оно приобрело землистый оттенок. Придя в себя, Жрец холодно заметил:

— Вы увидите, как опасно потерять мое расположение! — и горделиво удалился.

Какое-то время оставшиеся вдвоем мужчины переминались с ноги на ногу. Наконец Лорсо ухмыльнулся.

— Возможно, я его немного расстроил, вот на столько, — и он поднял руку, на которой кончики большого и указательного пальцев почти соприкасались.

— Мне кажется, что больше. — Сарис настороженно посмотрел вслед удалявшемуся Жрецу. — Он очень опасен.

Поддерживая беседу, Лорсо внимательно разглядывал вождя Людей Реки. Он

пригласил его поесть вместе с ним. На Сарисе была плотно облегающая куртка без рукавов, оставляющая почти открытым мускулистый торс. Одна рука была серьезно повреждена. Широкие брюки Сариса напоминали, по мнению Лорсо, юбку. В отличие от остальных предметов его одежды, головной убор выглядел как новый. Широкие поля прекрасно защищали от непогоды и солнца, а тулья была достаточно высокой, чтобы спасать от жары. Со второго взгляда Лорсо понял, что вместо ленты на тулье — змея. Ее голова с разинутой пастью смотрела вперед.

Лорсо отшатнулся. Сарис это заметил и понял, что вызвало такую реакцию Скэна. У него появилась уверенность в себе. Сорвав с головы шляпу, он протянул ее Лорсо.

— Мне говорили, что там, где ты живешь, нет ядовитых змей, — в его словах звучала насмешка.

Лорсо расставил ноги, как будто для того, чтобы нанести удар мечом. Его рука опустилась на оружие.

— Тебе правильно говорили. Они убивают людей. Зачем носить змею на себе?

Сарис непринужденно засмеялся.

— Змеи — священные животные Жреца Луны. Он позволяет носить шкуру священной змеи только избранным.

— Избранный обязательно должен носить шкуру?

Задумавшийся Сарис стал серьезным.

— Жрец никогда об этом не говорил.

— Хорошо. У Скэнов свои священные животные.

— Жрец с уважением относится к этим вещам. Он позволяет всем придерживаться любой веры, лишь бы они признавали верховенство культа Луны. Он утверждает, что все божества и духи подвластны его Матери.

По спине Лорсо бежали струйки пота. Он очень хотел, чтобы здесь оказалась Слезы Нефрита. Как он мог представить, что Сосоласса подвластен Матери-Луне? Если он это признает, то Сосоласса его убьет. Хотя Лорсо ее приемный сын, Слезы Нефрита пойдет к ритуальному камню и исполнит Песнь Проклятий для Лорсо. Вызываемые Песнью Проклятий духи всегда были в море прямо под поверхностью воды, мокрые, холодные, всегда готовые схватить и утащить вниз живого человека.

Сарис понял, чем озабочен Лорсо.

— Если бы меня беспокоили противоречия между моей религией и культом Луны, я бы промолчал. Если Жрец не требует, чтобы ты признал Мать-Луну, то зачем вообще об этом говорить?

Слезы Нефрита предупреждала, что для этого союза интриги станут таким же обычным делом, как дождь. Лорсо относился к переговорам как к охоте на зверя. В этой игре преимущество было не у самого быстрого или умелого, а у того, кто был самым осторожным.

Он сменил тему.

— О каком чуде ты говорил?

Реакция Речного была неожиданной. У него вдруг расширились глаза. Лорсо был уверен, что заметил в них выражение страха.

— Это сюрприз Жреца. Позже, как раз перед закатом. Нам нужно время, чтобы собрать людей.

Сарис указал вверх по течению. Посмотрев в ту сторону, Лорсо увидел два судна Людей Реки, на которые он раньше не обратил внимания. Их серые деревянные корпуса и блеклые коричневатые паруса прекрасно сливались с коричнево-зеленой водой и выжженными солнцем скалами на северном берегу. Но это было единственное, что он мог сказать об этих судах хорошего. Тяжелые, прочные, они были построены для черной работы. Они перевозили торговцев, грузы, скот или рыбаков. Лорсо, скрывая свое презрение, подумал о том, с какой легкостью его челн промчался бы мимо такой неуклюжей посудины.

— Сколько людей приедет послушать Жреца? — спросил он Сариса.

— Сотни. Люди Реки — большое племя, пусть даже не все мы признаем культ Луны. Не все прибывшие воспримут Жреца. А многие воспримут. Жрец говорит, что каждый вновь обращенный приведет к нам еще двоих.

Эта мысль заинтриговала Лорсо. Отношение Скэнов к иным верованиям было совсем другим. Если такая вера защищала верующих от Скэнов и Сосолассы, она была хорошей. Если же побеждал Сосоласса, его могущество обращало побежденных в рабов. Это было просто и понятно.

— Чем мы будем заниматься до этой церемонии? — Лорсо даже не пытался скрыть свое нетерпение. — Разве она так необходима для меня и моего экипажа? Мы могли бы за это время договориться о времени нападения, о наших задачах. Жрец понимает, что ни один Скэн не собирается падать в обморок и провозглашать его божеством. Мы прибыли сюда, чтобы вести переговоры о войне и добыче.

Сарис спокойно ответил:

— Ты сильнее своих воинов, Поработитель. Твой экипаж провел всю ночь с женщинами-рабынями Летучей Орды. Многие еще с ними. Сомневаюсь, чтобы они помышляли о войне и добыче! — При этом у него был такой вид, будто он случайно надкусил что-то гнилое.

Скрывая гнев, Лорсо ограничился коротким кивком. Он пошел в направлении, указанном Сарисом. Когда он наконец подошел к расставленным в широкой красивой долине повозкам, то весь покрылся потом. Лорсо знал о тяжелых повозках с высокими колесами, но тем не менее, когда один из Скэнов спрыгнул с такой повозки, он издал возглас изумления: колесо было на голову выше воина!

Лорсо насчитал около двадцати повозок. Он был уверен, что десяток из них, те, что были ярко раскрашены, предназначались для женщин. Эти повозки были накрыты разноцветными полотнами, натянутыми поверх специальных рам. На одной из них была изображена взошедшая над горами луна. На второй — тигр, устремившийся за убегающим оленем. На третьей были нарисованы только красные, желтые и белые розы разного размера. Колеса и упряжки также были раскрашены.

Лорсо почувствовал на себе чей-то взгляд.

Пытаясь казаться невозмутимым, он сделал вид, что рассматривает что-то на своем сапоге, а на самом деле в это время оглянулся назад. Он осмотрел склоны справа и слева от себя. Там густо росли деревья вперемежку с кустами и повсюду можно было затаиться, но не было никаких признаков опасности.

Вдоль тропы, ведущей в долину и к повозкам, густо рос кустарник. На тропе и кустах виднелись следы от огромных колес. Подумав, что ведет себя как испуганный молодой олень, Лорсо отбросил мысли о взгляде, нацеленном ему в спину, и двинулся в сторону повозок. Но он знал, что заметил нечто непонятное.

Нацеленная ему в грудь стрела пролетела так близко, что вспорола широкую блузу. Острый как бритва наконечник скользнул по внутренней стороне правой руки и ушел в кустарник. Вскрикнув, Лорсо упал в кусты, зажав левой рукой небольшой порез, и выхватил меч. Проклиная себя, что не захватил собственный лук и стрелы, он осторожно поднял голову.

Далеко от него вверх по склону горы бежал человек. Это расстояние поразило Лорсо. Неудивительно, что стрела промахнулась. Было странно, что она вообще пролетела возле него.

Крик Лорсо был услышан. Из повозок вывалились Скэны и несколько женщин. Появились кочевники Летучей Орды. Один из них взлетел на спину коня, ничуть не озабоченный отсутствием седла и уздечки. Огрев коня рукой по крупу, он галопом примчался к Лорсо.

— Рана серьезная? — спросил кочевник, и, не дожидаясь ответа: — Кто это сделал? Речной?

На его лице появилось огорчение, когда Лорсо признался, что не имеет понятия, кто на

него напал. Оно сменилось радостью, когда Лорсо добавил, что нападавший удирает по склону горы и указал на карабкавшуюся через камни фигурку.

— Охота! — воскликнул кочевник. — Человек! Самая хорошая дичь! Жаль, что тебя ранило. Рана вроде несерьезная. Мы тебе его добудем. Позову остальных! — И кочевник умчался.

Тут подбежали первые члены экипажа. Рану Лорсо осмотрели и забинтовали. Задолго до того, как последний из Скэнов присоединился к Лорсо, группа верховых кочевников устремилась вверх по склону горы. Их крики и вопли прокатились эхом по долине. Скэны наблюдали со стоическим вниманием воинов, анализирующих опасность, с которой, возможно, когда-нибудь придется столкнуться. Казалось, что крепкие широкогрудые кони кочевников не признают земного притяжения. Глядя, как они карабкаются напролом вверх по склону горы, Лорсо подумал, не когти ли у них вместо копыт? Всадники вцепились в своих коней, как демоны, и спрыгивали, только когда конь, казалось, вот-вот опрокинется назад. Спешившись, воины помогали коням. Иногда они тянули их вверх за уздечку. Некоторые подталкивали плечом своих скакунов сзади, помогая им выбраться на следующий уступ.

Одновременно вторая группа кочевников с воплями понеслась вокруг восточного склона горы. Лорсо решил, что они направились, чтобы отрезать беглецу путь к отступлению на юг.

Лорсо почти посочувствовал глупцу, попытавшемуся его убить.

Глава 23

Жрец Луны не проявил ни малейшего сочувствия к потенциальному убийце Лорсо. Слушая Скэна, он, казалось, кипел от ярости. Когда Лорсо закончил, Жрец еще долго сидел, молча уставившись в какую-то точку далеко за стенами шатра.

Лорсо это не понравилось — та же повадка была и у Слез Нефрита. Он воспользовался возникшей паузой, чтобы осмотреться внутри шатра, вернее, внутри этой комнаты в шатре. В ней бы поместились четыре обычных хижины Скэнов. Через белую материю проникал рассеянный свет, яркий, но не приносящий тепла. Почти весь пол был покрыт коврами. В промежутках между ними рабы разостлали чабрец, мяту и другие травы. Все эти ароматы смешивались с густым запахом пчелиного воска — им обмазывали шатер, чтобы тот не пропускал воду.

Перед слегка приподнятой платформой полукругом стояли резные стулья. На платформе на продолговатом предмете, который, как сказали Лорсо, назывался диваном, восседал Жрец Луны. Диван тоже был белого цвета и таким мягким, что почти поглотил Жреца. За его спиной висел темный фиолетово-синий экран. Материал экрана был окрашен неравномерно. В отдельных местах он был светлее, чем в других. В середине его верхней части была изображена мутноватая мерцающая луна.

Сперва этот экран представился Лорсо просто красивым предметом роскоши. Но, взглянув на него еще раз, Лорсо вдруг осознал его назначение. Луна плыла в полутьме. Более светлые полосы обозначали облака. На фоне этой картины Жрец казался небесным созданием.

— Сайла, — это единственное, произнесенное скрипучим голосом слово вернуло Лорсо к действительности, — Сайла, это должна быть Сайла. Даже Гэн Мондэрк не способен внушить такой фанатизм, чтобы кто-то предпринял столь глупый, ненужный шаг! — повторил громче сохранивший неподвижность Жрец.

Ощетинившись, Лорсо вскочил.

— Глупый? Ненужный? Я?

— Сядь! Тебе чудится оскорбление там, где его нет. — Жрец был настолько поглощен своими мыслями, что не обратил внимания на бешенство Лорсо. — Скэны прислали мне своего лучшего воина, чтобы создать союз. Гэн Мондэрк понимает, что убить тебя — значит

привести твой народ в ярость. Твои же товарищи с готовностью подтвердили бы, что не было никакого предательства. Эта дьяволица Сайла ни в чем не разбирается так хорошо, как в убийстве. Увидишь. Этот человек все подтвердит!

— Прежде его нужно поймать!

— Если он летает, Лис почует его в небе. Если он плавает, Лис распутает поднятую им на воде рябь.

— Пусть так, но он может умереть прежде, чем признается.

Жрец засмеялся. Выражение его лица заставило подняться волосы на голове у Лорсо.

— Ему очень повезет, если он умрет, сопротивляясь пленению. Когда он попадет к нам в руки, то сознается. Увидишь!

Тут Жрец наконец понял, как грубо повел себя с Лорсо. Сочувственно справившись о его ране, он озабоченно напомнил о возможности инфекции. Поведение Лорсо производило впечатление — его больше огорчил урон, причиненный блузе. Жрец понял, в чем дело, только после того, как Лорсо объяснил, что блуза сделана не из хлопка, а из льна, а для ее окраски был использован индиго. Заметив интерес Жреца, Лорсо стал описывать, как делают льняную ткань.

Едва не застонав, тот тактично прервал рассказ Лорсо:

— Мне очень хочется об этом узнать, но приходится постоянно работать над новым, лучшим оружием для нашей победы.

Глядя вслед уходящему Лорсо, Жрец размышлял, понимает ли этот темный дикарь всю значимость этого нового оружия. Скэны были ничуть не лучше Летучей Орды в осадных делах. Оба народа нападали внезапно для грабежа и разбоя и исчезали. Один народ уходил в морские дали, другой исчезал в безбрежных просторах Суши.

Этому нужно было положить конец. Налетчики могли служить острием при нападении, но основой империи были торговля и промышленность.

Жрец согнулся, уперев подбородок в ладони, и задумался. После предательства Конвея, которое привело к ужасным пожарам в лагерях Летучей Орды, многие объявили его ложным божеством. Их число увеличилось после неудачной атаки на Дом Церкви и мора, постигшего всю Летучую Орду. И все же Жрец это превозмог. Доказательство того, что его миссия благословенна.

Империя. Должна быть основа. Церковь и государство в одном лице. В одном человеке. В человеке-божестве.

Никакая империя не может процветать без свободного выхода к морю. Ни одна религия не может быть прочной без возведения баррикад для защиты от неверующих. Укрепленные города Ола и Харбундай решали обе проблемы.

Приняв решение, Жрец быстро встал. Выйдя из шатра, он резко повернулся, заставив распахнуться свои широкие белые одежды, и вскочил на своего белого коня. Раб держал лошадь под уздцы, пока Жрец не устроился в седле. Он отнесся к этому просто как к акту уважения, теперь он хорошо держался на коне. Передвигаться с Летучей Ордой быстро можно было только верхом. Иначе приходилось болтаться до изнеможения в повозках, и тогда путешествие тянулось вечность.

Направившись на юг, Жрец вскоре достиг едва заметной тропы, отделявшейся от наезженной дороги вдоль реки. Тропа, казалось, вела прямо к подножию высоченных гор, но по ней он приехал в узкую долину.

Его цель была чуть дальше.

На лужайке, поблескивая сырой древесиной, в ожидании испытаний стояла катапульта.

Жрец выслушал нервничающего раба, ответственного за строительство катапульты.

— Она готова, Жрец Луны. Мы ее можем утром разобрать и снова собрать между второй едой и темнотой. Она бросает камень весом как взрослый мужчина на дальность полета лучшей стрелы.

— Сколько потребуется времени, чтобы построить еще одну?

Напряжение раба заметно усилилось.

— Иногда, Жрец Луны, попадается плохая древесина. Или веревки из буйволовой шкуры не столь прочны, как требуется.

— Ты или выполнишь мои требования, или умрешь.

— Четыре дня. Пять, если будет дождь.

— Три. И часть четвертого. К черту погоду! Теперь приведи эту штуку в действие.

Раб бросился к катапульте и обслуживающим ее рабам. Длинный рычаг со сплетенной из толстых кожаных полос корзиной медленно опускался назад по мере того, как рабы вращали лебедку. Противовес поднялся высоко в воздух. Наконец четверо рабов с усилием погрузили в корзину массивный камень.

Рабы освободили лебедку. Корзина устремилась ввысь, противовес с грохотом опустился. Жрец не поверил своим глазам — ствол согнулся как тростинка. Камень со свистом рассек воздух и будто взорвался, ударившись об отвесно поднимавшуюся скалу. От скалы отвалились огромные обломки, оставляя на гладкой поверхности отвратительные шрамы.

— Я же говорил, — с улыбкой сказал старший раб. — Мы все сделали! Хочешь посмотреть, как мы ее разбираем? Или бросить еще один камень? Это быстро!

Жрец был удовлетворен. Резко повернув коня, он рысцой отправился в обратный путь.

Лучи предзакатного солнца золотили беспокойную поверхность реки, когда Лис во главе отряда охотников въехал в лагерь. Крики и вопли свидетельствовали об их удаче. Отряд остановился перед шатром Жреца.

В гуще охотников покачивался из стороны в сторону привязанный ремнями к лошади, избитый и окровавленный человек. Его лицо было расцарапано, лохмотья разорванной рубахи свисали, кожа на его груди и животе после того, как его волокли по земле, выглядела как обожженная. Трудно было определить, откуда текла кровь, образовавшая лужицу там, где он стоял, — из его израненных босых ног или из других ран.

Жрец вышел, чтобы посмотреть на пленника.

— Хорошая работа! — коротко бросил он Лису, а затем медленно обошел несчастного вокруг. Тяжело дыша, тот уставился взглядом в землю перед собой. — Дайте ему воды, — приказал Жрец и подождал, пока тот утолит свою жажду.

— Ты пытался убить моего друга, — ласково заговорил Жрец. — Расскажи мне почему?

Пленник смог заговорить только со второй попытки.

— Скэн. Важный Скэн. Розовый и черный камень. Думал, что у него много камня. Ограблю его, камень продам.

— Зачем ты мне лжешь? — Жрец вытянул руку и, схватив пленника за подбородок, заставил того посмотреть ему прямо в глаза. — Я задаю тебе вопросы лишь для того, чтобы ты мог правдой облегчить свою участь. Я — Жрец Луны, человек-божество, божество-человек.

— Я сказал правду. Пожалуйста, не убивай меня.

— Он торговец, — с презрением сказал Лис.

Жрец усмехнулся.

— Дайте ему еще воды. И пищи, если он пожелает. Он пригодится нам сегодня вечером. Лорсо должен оценить, насколько серьезно мы отнеслись к покушению на его жизнь!

— Он сам серьезно к этому отнесется, когда узнает, что покушавшийся — вонючий торговец! — ответил Лис.

Позже, когда в лагерь пришли Скэны, кочевники сняли покрывало с большой повозки, стоявшей теперь посреди огороженного веревками участка. Возле барьера жалось несколько сот Речных, изумленно завопивших, когда глазам открылось устройство, покоящееся на повозке. Стоявшие позади Лорсо Скэны стали переговариваться вполголоса. Один из них спросил Лорсо:

— Это то, о чем все говорят? Повозка-молния божества?

Лорсо резко обернулся, из-за своей негнущейся ноги потеряв равновесие и качнувшись в сторону. Застигнутый врасплох воин не успел среагировать и в свою очередь налетел на соседа. После серии толчков и проклятий все наконец успокоились.

— Мы служим собственному божеству, — оскалившись, прорычал Лорсо. — Я уже говорил вам: ни один Скэн не бросает вызов Жрецу, этому самому культу Луны или любым другим ложным верованиям! Если потребуется, мы можем защищать себя. Но я больше не потерплю никаких разговоров о других божествах! Ясно?

Один из более старших по возрасту воинов ответил:

— Всем все понятно. Просто дело в том, что…

Лорсо бесцеремонно прервал воина:

— Всем держаться вместе здесь, в ближнем углу огороженного участка. В случае предательства, будем пробиваться с боем к челну. Кто перерезает причальные концы?

Поднялись две руки.

— А если им не удастся это сделать?

Откликнулись двое других воинов.

— Хорошо. Я буду сидеть за отдельным столом со Жрецом, Лисом, Сарисом и несколькими из Людей Реки. Будьте начеку. Помните, что вы Скэны!

Все еще раздраженный Лорсо вытерпел процедуру представления нескольких вождей и просто знатных Людей Реки. Они все были похожи друг на друга. Широкие шляпы, широкие штаны, широкие самодовольные лица. Они предпочитали украшения из перьев. Украшения были цветастыми, они покачивались, подпрыгивали и дергались, подкрепляя убежденность Лорсо, что эти люди не могут быть серьезными.

После обязательных процедур Жрец взял Лорсо под руку.

— Пойдем. Я хочу показать тебе алтарь моей Матери.

Они обошли вокруг устройства, стоящего на повозке. Жрец хранил молчание, пока они не вернулись к передней части устройства, обозначенной тщательно отполированными медными ступеньками, ведущими от пола повозки к верхней части платформы алтаря.

Жрец наслаждался иронией ситуации. Лорсо совсем не верил в могущество Матери-Луны. Самое смешное заключалось в том, что, даже если объяснить этому кровавому дикарю принцип работы статического генератора, он тут же счел бы строгую науку колдовскими чарами.

Алтарь являл собой совершенство. Только Жрец знал секрет алтаря. Даже эти глупцы, присоединившиеся к Сайле и слабосильным проповедям ее бесплодной Церкви, не могли управлять могуществом его Матери. Только Жрец мог. Возможно, они понимали толк в электрическом генераторе, но могли ли они повторить его конструкцию? Кто, кроме Жреца, был способен сконструировать такое устройство, которое позволяло ему уничтожать недостойных и миловать тех, в ком он нуждался? Только Жрец Луны. Жрец Луны.

Ход мыслей Жреца был прерван вопросом Лорсо, который, указывая на дальний конец повозки, спросил:

— Эти вещи тоже часть твоей религии?

— Да, — Жрец приготовился к объяснениям, жестом предложив Лорсо следовать за собой. Передав Скэну два медных цилиндрических сосуда с плоским дном, Жрец сказал: — Видишь, как тщательно отполированы эти священные предметы? — Быстро наклонившись, он что-то вынул из фарфоровой банки и спрятал за спиной.

Хитроумно избегая попытки Лорсо увидеть, что он прячет, Жрец продолжил:

— Смотри, медные сосуды без швов. Теперь смотри, как легко фарфоровый сосуд входит в большой медный сосуд, — и Жрец опустил фарфоровую банку в медный сосуд, который Лорсо держал в правой руке. — Теперь помести меньший медный сосуд внутрь фарфорового. Вот, тончайший фарфор полностью покрыт чистейшим металлом, кроме этого небольшого участка, выступающего над медью. Три силы требуются, Лорсо. Три. Вот это — коллектор, в котором заключена мощь моей Матери, ждущей своего часа, чтобы судить

правого и виноватого. Поставь сосуды на металлическую пластину так, как они есть.

В неожиданно грубом голосе звучал приказ и нечто сверхъестественное. В Лорсо проснулась обида, но его тело повиновалось, будто было подвластно этому голосу. Когда Лорсо выпрямился, Жрец молниеносным движением сунул то, что до сих пор прятал за спиной, прямо в лицо Лорсо.

— Человек-Который-Есть-Смерть, — уперев подбородок в грудь, нараспев произнес Жрец. Его сощуренные глаза были устремлены ввысь. Медленно он отвел литую медную фигурку от лица Лорсо. Фигурка изображала человека, стоящего на круглом основании, прижавшего стиснутые кулаки к своим бокам. Его ноги были тонкие и костлявые, огромные глаза из белого кварца уставились в одну точку. В крошечном разинутом рте, из которого, казалось, исходил вечный безмолвный крик ужаса, поблескивали костяные зубы.

Жрец поставил фигурку в меньший медный сосуд. Из сосуда выглядывали голова и плечи фигурки.

— Ты увидишь! — Слова Жреца прозвучали подобно свисту северного ветра в обледенелых снастях. Под блестящим взглядом фигурки, пронзенный голосом Жреца, Лорсо почувствовал полную растерянность. У него учащенно билось сердце, ноги стали ватными.

Слезы Нефрита. Только она могла своими словами лишить его силы. Только она.

До сих пор.

Глава 24

Жрец приготовился. Он собрал свой плащ одной рукой, повернулся и выбросил руку в сторону, распахивая плащ. В свете факелов сверкнула искусно вплетенная в ткань серебряная нить. Когда его плащ опал, Жрец поклонился своим гостеприимным хозяевам — Людям Реки. Выпрямляясь, он поймал взгляд Лорсо. Он было подумал, не моргнуть ли ему заговорщически вождю Скэнов? Но выражение лица Лорсо исключило всякую мысль об этой выходке. Жрец почувствовал досаду. Он был уверен, что заметил страх в глазах Лорсо, когда показывал ему Человека-Который-Есть-Смерть. Теперь в его взгляде Жрец увидел враждебность.

А это делало предстоящую игру еще интереснее. Дикари не могли понять одного — им никогда не выиграть!

Боги играют. Люди рискуют.

Повернувшись спиной к алтарю, Жрец заговорил. Он раскрыл свои мысли, мысли божества, и его Мать наполнила его красноречием. Он убеждал, сладко уговаривал, сдабривал свою речь остротами и юмором. Опьяненный своими словами, он восторгался самим собой.

Лорсо боролся с голосом, который то увещевал, то усыплял, а потом снова приводил в возбуждение. Ни один воин не мог безразлично слушать речи о вечной жизни, даруемой через смерть, в стране чести и достоинства.

Лорсо спохватился. У его собственного божества имелись уши.

Он взглянул на своих людей. Заметившие его злой взгляд воины мгновенно стерли со своих лиц глупые улыбки. Они локтями подталкивали своих соседей, обращая их внимание на неодобрение Лорсо.

Жрец все это видел. Божество в нем поднялось ввысь и со смехом взирало вниз на Лорсо. Обращение одного такого в истинную веру стоило обращения сотни слабовольных глупцов.

Жрец прервал свою речь. Жестом он приказал кочевникам Летучей Орды привести пленника Потом он подозвал к себе Лорсо.

Взяв предводителя Скэнов под руку, он отвел его к дальнему концу повозки за пределами алтаря.

Два кочевника в церемониальных одеяниях привели пленника. На кочевниках были плотно облегающие куртки без рукавов и свободные мешковатые штаны. Спереди их одежда

была белого цвета, сзади черного. Пленника одели в грубую белую накидку без рукавов, опускающуюся ниже колен, но не до щиколоток. Кочевники подняли его на повозку и поставили на металлическую пластину в центре алтаря. Пленник не показывал ни страха, ни надежды. Покачнувшись, он ухватился обеими руками за медные перила.

Лорсо заметил смертоносный взгляд Жреца в сторону пленника и подумал, что тот каким-то образом спутал Жрецу карты. Очень скоро его предположение подтвердилось.

— Посмотрите на этого несчастного, — гремел Жрец. — Он явился, чтобы убить друга Жреца Луны. Только сквернейшие из людей зовутся торговцами. Только Сайла могла заставить его притвориться торговцем. У этого человека не было никакого вьючного животного, никаких товаров для продажи. И все же он отказывается сознаться в том, что принадлежит Церкви Сайлы. Это его не спасет. Моя Мать докажет, что он лжет!

Тут Жрец совершил нечто невообразимое. Он жестом показал Лорсо, чтобы тот подошел к нему.

Ошеломленный, Лорсо не шелохнулся. Скэны зашевелились, в их зловещем ворчании слышались предупреждение и страх. Жрец снова взмахнул рукой.

— Ступай, Лорсо, — уголком рта тихо сказал Сарис. — Это великая честь. У многих моих людей исчезнет страх, если они увидят, что у тебя его нет.

Рука Лорсо скользнула к мечу. В тоне Сариса был намек, что страх сковал Лорсо.

— Он просто удивил меня. — Лорсо быстро поднялся. Одного его взгляда было достаточно, чтобы его люди замолкли. Высоко подняв голову, Лорсо подошел к повозке и, пренебрегая ступеньками, легко вспрыгнул на нее, став рядом с Жрецом.

В толпе раздались одобрительные восклицания.

Пленник посмотрел на Лорсо с нескрываемым презрением. Едва ли это соответствовало выражению лица побежденного человека. Это навело Лорсо на мысль, что, должно быть, его плохо пытали. Потом он обратил внимание на руку пленника, вцепившуюся в медные перила. С кончиков его пальцев сочилась кровь. Ногти отсутствовали.

— Я докажу вам, что этот человек лжет, — заявил Жрец. Что он — враг культа Луны, враг всех друзей Жреца!

Он кивнул кочевникам, приведшим пленника, и те заняли сиденья на длинном брусе, перпендикулярном остову лунного диска. Перед сиденьями были расположены рукоятки, которые кочевники принялись вращать. Кожаные ремни привели диски во вращение. Послышался звук, напоминающий Лорсо шум отдаленного прибоя. Повозка задрожала.

Вынув из сосуда на алтаре статуэтку Человека-Который-Есть-Смерть, Жрец высоко поднял ее над своей головой. Отполированная медная фигурка засверкала в темноте. Ее глаза, казалось, неестественным образом втягивали в себя свет от факелов.

Размахивая тоненькой медной фигуркой, Жрец тихо обратился к Лорсо:

— У меня приготовлен для тебя сюрприз. Среди нас находится предатель. Сарис говорит, что один из вождей Людей Реки за нашим столом поддерживает отколовшееся от Церкви крыло Сайлы. Именно он — настоящая цель ярости моей Матери. Вот увидишь!

Вернув фигурку на место, Жрец Луны снова обратился к толпе:

— Многие из вас сомневаются, карает ли моя Мать тех, кого выбираю я, что она действительно наказывает тех, кто лжет нам, кто не желает нам добра. Пусть один из вас задаст пленнику вопрос, ответ на который нам известен. Кто из моих друзей испытает нашего врага?

— Я! — Низкорослый плотный воин нырнул под веревочное ограждение и смело шагнул в запретную зону. — Спроси его, боится ли он?

— Сам спроси! — милостиво улыбнулся Жрец. Лорсо подавил желание насмешливо улыбнуться. Он прекрасно понимал, что этот воин — подставное лицо. Слезы Нефрита часто использовала такой же прием.

Вопрос бы повторен. Пленник в ответ покачал головой.

Одетые в бело-черные одежды кочевники ускорили вращение лунных дисков. Шум

стал громче. Повозка, казалось, пыталась что-то сказать. Ее доски и крепления застонали. Подняв голос, Жрец раскинул руки и схватился за декоративную рукоятку на верхушке резного столба.

— Возьми Человека-Который-Есть-Смерть в руки! — И он отступил от рамы.

Осторожно, оберегая свои искалеченные пальцы, пленник протянул руку к фигурке. На его лице был виден переживаемый им страх. Он схватил литую медную фигурку в руку и на мгновение замер, не веря, что остался жив. Потом он презрительно нахмурился.

— Поставь его обратно. Есть другие вопросы? — Жрец движением подбородка подал знак воину, вызвавшемуся задавать вопросы. Тот ретиво продолжил:

— Пленник! Ты — торговец?

И снова тот исполнил отведенную ему роль, подняв фигурку, ответив и снова возвратив ее на место. Последовало множество пустых вопросов. Толпа уже получала удовольствие, спрашивая пленника, может ли он летать или живет ли он под водой в реке? Наконец Жрец их утихомирил.

— Теперь ответь мне, неудавшийся убийца. Ответь моей Матери. Все видели, что, правдиво отвечая, ты остался в живых. Сейчас я задам тебе свой вопрос! — И он снова взялся за резной столб.

Кочевники заработали рукоятками еще усерднее. На их одежде расплывались пятна от капавшего с подбородка пота.

Медные лучи превратились в сверкающий сплошной круг.

Лорсо почувствовал какой-то странный незнакомый запах. Он вызывал мысль о тепле, но поблизости никакого огня, кроме факелов, не было.

Лорсо услышал зловещее шипение. Он был уверен, что этот звук каким-то образом связан с тем неприятным липким запахом.

— Тебя подослала Церковь? — звенящим голосом спросил Жрец.

Пленник улыбнулся. Загадочной, самоуверенной улыбкой, будто шутке, которую только он один понимал. Тихим голосом, который был слышен только находившимся на повозке, он промолвил:

— Я недостоин Церкви. Она меня не посылала. — Повернув голову, он крикнул через плечо, обращаясь к сидящей за столом знати: — Церковь меня не посылала!

Окровавленная от пыток рука протянулась навстречу безмолвному крику Человека-Который-Есть-Смерть. Необыкновенно яркая, голубовато-зеленая в тусклом свете факелов искра прыгнула навстречу его протянутой руке. Раздался оглушительный треск. Пленник испустил неописуемый вопль.

Лорсо знал, что будет помнить этот вопль до конца своих дней. Всю его жизнь вокруг него погибали люди. Никогда не слышал он подобного звука.

Ни один из них не был убит божеством.

Пленник выпрямился, его рука стала тверже стали. И тут же его отбросило назад. Его тело, ставшее мягким, будто без костей, приземлилось бесформенной грудой.

Несколько секунд, показавшимися вечностью, никто не шелохнулся. Потом все как один закричали. Шум прокатился в ночи через реку и возвратился эхом. Кто-то выкрикнул имя Жреца Луны. Толпа подхватила и стала скандировать его.

Жрец млел от удовольствия, купался в лучах своей славы. Он вышагивал по повозке.

Лорсо не кричал с остальными. От этого он мог удержаться, но не мог остановить рев толпы и свое готовое разорваться сердце. Жрец потащил его к ступенькам, ведущим вниз с повозки. Спотыкаясь, ликующий и одновременно пристыженный Лорсо последовал за Жрецом.

— А теперь поговорим с моим Речным — вероломным лазутчиком.

Жрец внимательно следил за реакцией Лорсо. Его молчание на фоне орущей толпы только укрепило мнение Жреца, что перед ним был лидер, человек, живущий своим собственным умом.

Именно такой человек требовался Жрецу, чтобы уравновесить Лиса. Дело не в том, что

Лис был не очень умен. Просто он сначала поддавался эмоциям, а размышлял позже. Человек, подобный Лорсо, служил бы прекрасным дополнением. Бойцу, даже божеству, требовались две руки.

Жрец заставил себя вернуться к реальности. Он остановился перед обвиненным в шпионаже. Громогласный рев толпы стих.

Глядя Речному прямо в глаза, Жрец сказал:

— Мне ведомо твое сердце. Ты принадлежишь Сайле!

Тот, протестуя, поднял руку. Его сопротивление вызвало у Жреца смех. Прежде чем Речной успел открыть рот, он продолжил:

— Смотрите на его поддельное возмущение! Лжец! Я требую, чтобы ты прикоснулся к Человеку-Который-Есть-Смерть!

Жрец отступил. Призвав на помощь свой натренированный голос, он сказал, обращаясь прямо к толпе:

— Все видели, как моя Мать дорожит правдой. Скажи правду, и будешь одним из нас. Солги, и твоя душа сгорит!

— Я не могу. Глаза Речного закатились, в уголке его рта появилось пятнышко сухой, как вата, слюны. — То есть я не буду. Никто не имеет права сомневаться в моей честности. Я честный человек. Спроси любого, — и он, прервав свою речь, стал оглядываться в поисках поручителя.

На грустных, злых, пристыженных лицах тех, кто прежде был ему друзьями, он прочел отказ.

— Мне нужны хорошие люди, — продолжил Жрец. — Сознайся, и будешь прощен. Присоединись ко мне. Помоги мне.

Казалось, осознание того, что от него все отвернулись, укрепило решимость этого человека.

— Я никогда не подвергну себя такому испытанию. Ни один человек не смеет усомниться в моей честности!

— Ни один человек и не сомневается. Я сомневаюсь! Жрец. Божество, которое человек. Подвергнись моему испытанию или будь признан виновным за свой отказ.

Вызов был брошен. Толпа издала вздох, наполненный ожиданием.

Тяжело дыша, Речной уставился в глаза Жрецу. Сквозь сжатые губы он проговорил ледяным тоном:

— Я подвергну себя твоему испытанию. Потом я удалюсь. Меня нельзя так оскорблять! Ты нажил себе врага.

В то время как все вокруг Речного расслабились, шестое чувство подсказало Жрецу, что настал самый опасный момент спектакля. Он подал своим подручным сигнал начать вращать лунные диски.

Речной бросил на свой стул пояс с мечом и вышел из-за стола.

Жрец повел свою жертву к алтарю. Он заметил, как женщина из Людей Реки открыла было рот, чтобы закричать, но затем прижала ладони к щекам.

Жрец шарахнулся в сторону и камнем упал на землю. Бросившийся к нему с ножом в руке Речной споткнулся о его спину.

Лорсо уже наносил свой удар, когда шпион только начал падать. Меч полоснул его по спине как раз над ремнем. Удар Лорсо послал Речного, согнувшегося в три погибели, вперед. Второй удар пришелся ему в незащищенное основание шеи. Почти обезглавленный, Речной сделал еще около пяти ужасных шагов.

Он упал лицом вниз, протянув руки в направлении алтаря.

Лорсо испытывал странное чувство раздвоения. Слева от него кочевники и другие Люди Реки окружали бывших подчиненных того, кто лежал мертвым у его ног. Люди кричали. Жрец положил руки на плечи Лорсо. Он видел, как шевелится рот Жреца, но ничего не слышал. Наконец слова Жреца прорвались:

— Все произошло, как предвидела моя Мать! «Держи рядом с собой Поработителя. Он

должен познать твое могущество, прежде чем согласится быть твоим союзником и защищать тебя». Ради этого ты стоял рядом со мной у ее алтаря. Ради этого ты стоял со мной, чтобы противостоять предателю!

Остальные события этой ночи прошли для Лорсо будто во сне. Позже он сидел один около руля акульего челна. Ниже по течению умирающая луна вонзала свое искривленное лезвие в темный горизонт. Под его ногами неугомонная река шептала о скором путешествии.

Лорсо сжал кулаки и, закрыв глаза, оскалился. Снова и снова он повторял имя Сосолассы.

Глава 25

Шара и Чо беспокойно зашевелились. Две огромные головы разом приподнялись над передними лапами. С плавной грациозностью, не сочетавшейся с их внушительной массой, собаки встали. Гэн не обращал на них внимания, пока Чо не прижалась к его правому боку. Посмотрев на собаку, Гэн улыбнулся. Обычно она так толкалась, когда хотела привлечь его внимание, не прибегая к рычанию или лаю. Схватив ее лохматое ухо, Гэн нежно потрепал его.

— В чем дело? Притворяешься, что там какая-то опасность, чтобы опереться на меня?

Собака лениво замахала тяжелым хвостом, указывая взглядом на дверь, ведущую с крыши внутрь замка.

Уверенный, что спокойная настороженность собак объясняется просто нежданным приближением кого-то из своих, Гэн все же не спускал глаз с двери. Вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову напасть на Мурдата на крыше его собственного замка. Однако, с горечью подумал Гэн, люди, рассчитывавшие только на то, что было вероятнее всего, до старости не доживали.

Появился Эмсо. За ним следовали Конвей, Тейт и Леклерк.

Притворяясь недовольным, Гэн оттолкнул от себя собак.

— Притворщики! Вы все время знали, кто это на самом деле! — Блестящие глаза и собачьи улыбки напоминали гримасы дерзких детей.

— Чо вроде оправилась от своих ран, — сказал Конвей. — Она прекрасно выглядит!

— А где твои собаки?

— Сидят дома. Ты же знаешь, как Шара и Карда постоянно испытывают друг друга. Боюсь, если они этим займутся, нам их не разнять.

Гэн скорчил гримасу.

— Страшно подумать, чтобы вмешаться в драку между этими псами…

— Забудь о собаках, — проворчал Эмсо. — Есть дела посерьезнее. Поэтому мы и пришли.

— Может, в один прекрасный день, — сухо заметил Гэн, — ты придешь ко мне с каким-нибудь радостным сообщением. Я бы умер от удивления! — Гэн оглядел остальных. — Что вас привело вместе с моим каркающим вороном?

— Идеи, — сказал Леклерк, нерешительно оглядываясь. Когда никто не поддержал его вступления, он продолжил: — Все знают, что Летучая Орда, Скэны и многие из Людей Реки весной нападут на нас. Мы втроем убеждали Эмсо, что Три Территории тогда не выдержат.

Ощетинившись, Гэн отвернулся к морю.

— Никто не заставляет вас быть со мной. Вы пришли ко мне по собственной воле. Вы вольны покинуть меня, когда сочтете нужным.

— Видите? Разве я не говорила вам, что он будет как дикий кабан?! — воскликнула Тейт. — Разве я не предупреждала, что стоит нам только рассказать ему о том, что у нас есть, и он разойдется? Разве я не предупреждала?

Отвернувшись, Гэн с трудом скрыл улыбку. Ему страстно хотелось посмотреть, как Леклерк и Конвей пытаются увильнуть от шпилек Тейт.

Леклерк быстро заговорил:

— Конечно, Тейт права. Я не это имел в виду. Дело в том, что у нас есть кое-какие идеи. Идеи о том, как компенсировать численное превосходство противника.

— Вот это звучит получше! — ворчливо проронила Тейт.

Гэн снова повернулся к своим собеседникам.

— Я слишком погорячился, — он хотел еще что-то добавить, но передумал. Он никогда не был уверен, что можно говорить этим странным людям, которые стали так важны для него. Несмотря на все их положительные черты, у них был один общий недостаток. Таинственность. Что бы они ни делали или говорили, вокруг них создавалась атмосфера отчужденности, недомолвок. Гэн всегда замечал какую-то странную меланхолию, которая была у них даже в минуты радости, будто всех их связывала какая-то неприятная тайна.

Мысленно Гэн поправил себя. Маленькая ясновидящая, Ланта, — временами ему казалось, что она знала, что происходит внутри Конвея. Гэн также понимал, что ее любовь к Мэтту Конвею была порукой тому, что она не расскажет ни об одной из его тайн.

Сейчас Конвей в своих кожаных штанах и шерстяной рубашке, в жилетке из пятнистой телячьей шкуры для защиты от холода ранней осени был похож на любого воина из отряда Джалайла, Харбундая или Олы. Такой же вид был и у Леклерка, хотя даже беглого взгляда хватало, чтобы понять: он не воин. И еще Тейт. Даже отбросив все остальное, она всегда выглядела необычно благодаря своей кошачьей грациозности, экзотическому разрезу глаз, высоким скулам и черной коже.

Гэн полюбовался ее кричащим коротким красным плащом с вышитым яркими желтыми нитками орлом, широко раскинувшим крылья и с якорем в когтях. Это было на нее похоже: противоречивость. Что общего было между орлом и якорем? Но эта эмблема притягивала взгляд. От нее исходила какая-то сила. И разве это не прекрасные цвета, цвета его собственного клана? Хотя сам Гэн всегда предпочитал простую одежду, ему нравилось щегольство и энергичность Тейт. Непредсказуемая и надежнее камня. Независимая и заботящаяся о тех, кто ее окружал.

Она нравилась ему больше любого другого из ее друзей. И знал он ее меньше всех.

— Дело в том, — сказал Конвей, — что нам с Тейт действительно нужно на какое-то время отлучиться.

Гэн молча кивнул. Для Эмсо этого было недостаточно.

— Дело религиозного характера, как они заявили. Может быть, тебе удастся больше из них вытянуть.

— Я тебя не спрашиваю о твоей вере? — с улыбкой сказала Тейт. — Не спрашивай и ты о моей.

Эмсо что-то тихо проворчал. Гэну послышалось что-то вроде «чушь собачья». Лицо Леклерка выражало несомненную озабоченность и виноватость. Но Гэну не дали поразмыслить об этом. Заговорил Конвей:

— Сперва я не хотел отправляться. Но она права, это необходимо. Однако теперь я считаю, что ей лучше остаться здесь и помочь в обучении Волков-новобранцев. Налатан расстроен тем, что она собирается его покинуть. Он настолько обозлен, что готов перекусить железо. Возможно, тебе удастся ее вразумить.

— У меня ума хватит на всех вас. — При этом Тейт вызывающе выставила вперед челюсть и широко раскрыла глаза. Ее слова были адресованы Гэну, но обжигающий взгляд был направлен на Конвея. — С этим делом можем справиться только мы с Конвеем. Вместе. И только потому, что я теперь замужем, он и Налатан считают, что я должна отправиться на кухню и остаток своей жизни вязать носки.

Конвей занялся полировкой своих ногтей.

— Я пробовал твою стряпню. По-моему, твое вязание носков безопаснее для окружающих.

— Не заговаривай мне зубы! Я не позволю тебе одному отправиться к нашим… туда в горы одному. И точка!

Короткая пауза, последовавшая за словом «нашим», показала Гэну, что Тейт прервала

себя потому, что едва не сболтнула лишнее. У Гэна по спине забегали мурашки.

Леклерк нарушил наступившее молчание:

— Сдавайся, Мэтт. Было бы глупо отправляться одному. И ты не можешь заставить Тейт остаться дома. Если муж не может ее убедить, то тебе это не удастся и подавно.

Тейт великодушно восприняла свою победу. Обращаясь к Гэну, она сказала:

— Используй Налатана вместо меня. Он больше похож на тебя и Класа на Бейла, чем любой другой из встречавшихся мне людей. Ни в Трех Территориях, ни во всем мире нет лучшего воина. И я готова драться с тем, кто не согласен с этим!

Гэн снова попытался побороть улыбку. Но вот она прорвалась и превратилась в смех. Ошарашенная, Тейт напряглась.

— Ты смеешься над моим мужем?!

— Нет, нет! — Гэн протянул руку, будто защищаясь. — Я просто подумал, что, если у вас будут дети, пусть это лучше будут сыновья. Страшно подумать, что Налатану пришлось бы жить в одном доме с женщинами, похожими на тебя!

Фыркнув, Тейт отвернулась.

Гэн посмотрел на Леклерка.

— Ты сказал, что хотел поговорить о каких-то идеях. Как о том «метателе стрел», о котором ты говорил раньше? Мне докладывают, что ты работаешь с сухожилиями диких коров. Поговаривают о колдовстве.

Леклерк скорчил гримасу.

— Это оказалось сложнее, чем я предполагал.

Старательно скрывая свою озабоченность, Гэн продолжил:

— Докладывают мне и другое. У называющего себя Жрецом Луны есть катапульты. Их несколько, а не только та, что он применил в битве при Вратах.

Леклерк придвинулся ближе к Гэну. В своем энтузиазме он не обратил никакого внимания на насторожившихся у ног Гэна псов. Размахивая руками, он сказал:

— Оружие Жреца Луны — просто огромный лук. Оно быстро придет в негодность в бою. Его тетива не выдержит дождя. Я же использую сплетенные сухожилия. У меня больше стрелы, выше точность.

— Если оно у нас когда-нибудь будет, — прервал Эмсо. — Оружие Жреца есть. И сейчас. Оно действует.

— Мое будет лучше!

Гэн поспешил успокоить Леклерка:

— Эмсо всегда нетерпелив. Поверь, когда ты усовершенствуешь свое оружие, он первым станет жаловаться, что его слишком мало. Ты ему никогда не угодишь! — И Гэн дружески положил руку на плечо Эмсо.

— У нас другие идеи, — сказала Тейт, — но пока мы не можем их обсуждать. Мы изучали сокровище Врат. Вот что спасет Три Территории.

Эмсо всплеснул руками.

— Единственное, что нас может спасти — это хорошая драка! Мурдат, мы собрали горстку побитых воинов и непроверенных мальчишек и превратили их в Волков Джалайла. Мы не болтали о Вратах или о каких-то «идеях». Мы создали боевую единицу. Мы можем это сделать снова.

На него напустилась Тейт:

— Я была там, Эмсо. Я. Помнишь? Кто улучшил мурдат, которым теперь пользуются все Волки? А щит?

Конвей взял Тейт за руку, успокаивая, но она в раздражении вырвала ее.

Гэн обратился к Эмсо:

— Как уже сказал Леклерк, у противника подавляющее численное превосходство. Нам важно любое преимущество. Как ты можешь возражать?

Побагровевший Эмсо пытался найти нужные слова. На его простом, грубом лице появилось сожаление.

— Извини, Тейт. Я сожалею, что рассердил тебя. Мне не нравятся все эти новшества. Одно дело изменить внешний вид меча или щита воина. Даже то, что Гэн сотворил с воздушными змеями, по-своему было неплохо. Но черный порох. И эта кате…ката…та, другая штуковина. И оружие-молния. Вещи убивают людей. Это неправильно. Что же мы делаем? Не со Скэнами, не с теми идиотами, поклоняющимися Луне, и этим зловещим отребьем Жрецом Луны. Все они в свое время будут шить в Преисподней. Но что же происходит внутри нас?

Ответом было молчание. Это были мысли самого Гэна. Вид разрушений, причиняемых оружием-молнией, всесокрушающей слепой силой черного пороха, всегда рождало в нем чувство гадливости. По его коже ползли мурашки.

Эмсо говорил о самой сути, выступил обвинителем: «Что же происходит внутри нас?»

Гэн заметил, как обменялись взглядами Конвей, Тейт и Леклерк. То, что он увидел, поразило его. На лицах всех троих пришельцев, у которых была своя недоступная другим тайна, было выражение стыда.

Глава 26

— Ты прекрасна! — Сайла отступила от Ланты, уперев кулаки в бока и наклонив в сторону голову. — Хотелось бы мне увидеть тебя одетую в яркие хлопковые ткани, которые ткут женщины Людей Собаки, или в оленью кожу, привычную для женщин Харбундая. Вот та цена, которую мы платим за свою принадлежность Церкви. Черная одежда и еще раз черная одежда. Если мы проживем достаточно долго и займем высокое положение, нам дадут кусочек цветной отделки, чтобы отметить наше звание. — Сайла с отвращением вздохнула. — Теперь мне придется вымаливать прощение за грех тщеславия, а затем просить прощение за ложь. Ладно, не обращай внимания. Мы с тобой решили скроить накидку для женщины, желающей обратить на себя внимание своего возлюбленного, и нам это полностью удалось! Конечно, нам помогло, что у тебя такая хорошая фигурка!

Маленькая провидица покраснела. Сайла продолжала ее дразнить.

— Бедняга, конечно, пропал! Я предвкушаю прелестный скандал, когда сегодня вечером он бросится через комнату к твоим ногам!

Казалось, что на лице Ланты вспыхнуло пламя. Но выражение удовольствия сменилось тревогой.

— Ты действительно так считаешь, Сайла? Честно? Он знает, что я в него влюблена. Я считала, что все будет хорошо, когда мы сюда вернемся. Но он, кажется, не знает, что делать, — и она слабо взмахнула рукой.

— Почему бы вам не поговорить? Ни один из вас не признает то, что известно всем вашим друзьям: между вами что-то произошло, что-то ужасное. Понятно, что вы оба хотели бы это преодолеть. Позвольте своим друзьям вам помочь.

Ланта покачала головой.

— Что бы я ни говорила, это причиняет нам обоим боль. Я полагала, что он будет… будет более настойчив, наверное. Может, мне просто что-то померещилось. Все так сложно! Я в него влюбилась с первого взгляда. Почему же он этого не заметил? Что же я должна была делать?

— Лучше спроси меня, сколько звезд на небе. Или попроси объяснить, почему стоит именно такая погода. Не жди от меня ответов на вопрос, что такое любовь!

— Кстати, ты не обратила внимания, как Леклерк смотрит на эту девушку из Форов — Джалиту?

Хорошее настроение Ланты мигом испарилось.

— Нет, не обратила. Но зато я заметила, как она смотрит на других. Будто прикидывает, насколько они могут ей пригодиться. Почему ею так дорожит Нила? Можно подумать, что Джалита ее младшая сестра!

— Нила была очень одинока без нас. Ей почти не с кем было разговаривать. Она

никому не доверяет так, как доверяет тебе, мне или Тейт. Теперь мы возвратились, но все мы очень заняты. Джалита всегда рядом с ней, а мы — нет. Благодаря Джалите Нила чувствует, что в ней кто-то нуждается.

— У нее есть ребенок. И Гэн постоянно всем говорит, как много для него значит Нила. Гэн советуется с ней насчет баронов, переговоров, помощи женам погибших или раненых Волков. Он превратил ее в свою бесценную помощницу. Сколько других мужчин поступило бы так же?

— Очень немногие. Но ты бы хотела этого? С учетом всего остального? Если Гэн не отсутствует, занимаясь тем или другим делом, он постоянно с кем-то обсуждает их проблемы день и ночь напролет.

Ланта нежно прикоснулась к рукаву Сайлы.

— В этом вся ты. Твой Клас далеко на востоке с племенем Людей Собаки, а ты беспокоишься о других, хотя у тебя самой проблем больше, чем у всех нас.

— Ты слишком высокого мнения обо мне, — Сайла сжала руку Ланты. — На самом деле я просто любопытная сплетница, которая следит за тем, что делают другие. Ладно, нас ждет работа. Не Конвей, а то, о чем ты сказала раньше. Джалита. Боюсь, что она способна причинить вред Ниле и Леклерку тоже.

— Ты считаешь, что она действительно шпионка?

— Возможно. Ты сказала, что она наблюдает. А сама ты за ней наблюдала?

— Зачем? Что я должна увидеть?

— А ты понаблюдай. Потом расскажешь.

Ланта с готовностью кивнула. Сайла взглянула на солнце.

— Скоро ужин. Кейт, Дженет и Сью готовят торжество, что-то связанное с книгами из Врат и Избранными. Удачное время, чтобы начать внимательное наблюдение за Джалитой. Садись рядом со мной. Будем сравнивать свои выводы.

Вдали первые закатные лучи позолотили покрытые снегом вершины гор. Ланта будто не замечала эту красоту.

— Ты хочешь, чтобы я попробовала увидеть ее будущее?

Нервно сплетя пальцы, Сайла постаралась ответить с уверенностью, которую сама не испытывала:

— Если я действительно схизматик, как утверждает Сестра-Мать, то у меня есть все основания призвать на помощь твои способности. Но я не верю, что я схизматик. Просто я хочу поступить правильно. А коварство Сестры-Матери нам известно. Но если я попрошу тебя использовать твои способности, а потом Хранительницы аббатств решат, что я поступила неправильно, тебя накажут. На это, Ланта, я не могу пойти.

— Об этом не беспокойся. Не сейчас. Идем готовиться к ужину. У нас будет чем там заняться.

— Особенно тебе — флиртовать с этим Конвеем! — Сайла закатила глаза. Ланта попыталась ее схватить, но Сайла увернулась, и обе они, беззаботно смеясь, убежали.

Спустя какое-то время, уже сидя в обеденном зале, Сайла вдруг вспомнила радостное настроение, охватившее их тогда, и пыталась сравнить настоящее время со временем правления Алтанара. Убранство зала было прежним. У одной из стен стоял короткий стол, во главе которого на месте мертвого тирана сидел Гэн. Вдоль двух других стен расположились два длинных стола. Собравшихся было не так много, как во времена Алтанара, но все же не менее шестидесяти человек.

Позади каждого стола в стене был большой камин. Свет от горевшего в каминах огня дополнялся светом от квадратной люстры с гремя каскадами свечей и стоявшими на столах канделябрами. Узкие, похожие на щели окна позволяли скопившемуся у потолка горячему воздуху выходить наружу. Несмотря на эту вентиляцию, в воздухе висел дым, придававший свету приглушенный розоватый оттенок. Сайле это нравилось.

На Гэне было одеяние из лосиной кожи, украшенное неяркой вышивкой. Сидевшая рядом с ним Нила была прекрасна в темно-синей накидке, выгодно оттенявшей ее золотые

волосы. По левую руку от Нилы сидела надетая в легкую кожаную блузку и кожаные брюки Джалита. Склонив друг к другу головы, они все время разговаривали между собой. Темная красота молодой женщины из племени Фор бросала вызов яркой солнечной красоте Нилы. Как и Нила, Джалита надела неброские украшения: квадратик вулканического стекла свисал с ее шеи на серебряной цепочке, а в ее густых черных волосах поблескивал украшенный жемчугом гребень. Как заметила Сайла, все это принадлежало Ниле.

Слева от Джалиты сидел Леклерк, ссутулившийся и неудобно выкрутившийся, чтобы смотреть ей в лицо. Сайле он напоминал раненую цаплю.

По другую сторону Гэна почетное место занимал Эмсо. Как и Гэн, он был одет скромно. Одежда Эмсо будто подчеркивала его неотесанное, почти грубое поведение за столом. На нем была простая шерстяная рубашка. Даже сидя на своем месте за одним из длинных столов, Сайла обратила внимание на бахрому на рукавах. Заплаты на локтях не были редкостью, но у Эмсо они лоснились от носки. Его короткая стрижка (так подстригали овец) вызывала у Сайлы улыбку. В городе, в котором было достаточно парикмахеров, эта прическа была простым жеманством. Он старше Мурдата и самый верный его воин. Перед мысленным взором Сайлы предстал образ Класа на Бейла. Не желая, чтобы отсутствие мужа испортило ей еще один вечер, Сайла прогнала этот образ. Ее успокаивало, что в отсутствие Класа Эмсо следил за всем, что делалось за спиной Гэна.

Затем Конвей. Сайла помнила, как он был одет сначала, его странную пятнистую одежду из невероятно прочной ткани, которой была нипочем любая непогода. В то время все чужеземцы были одеты одинаково. Теперь Конвей одевался почти так же, как всадник Людей Собаки, хотя и не так броско.

Рядом с ним сидела Тейт. Как всегда, на ней было нечто особенное. В этот вечер она надела черную облегающую блузку и черную куртку с серебряными пуговицами, в ушах у нее висели серьги из вулканического стекла и серебра. Ее брюки с лампасами шириной в палец были скрыты столом, но Сайла знала, что они тоже облегающие. Ни один из мужчин в замке не мог не обратить внимание на Доннаси Тейт.

Ее это совершенно не трогало. Собственной воинственной отваги Тейт было более чем достаточно, чтобы охладить пыл самых несдержанных ухажеров. А о свирепости Налатана ходили легенды.

Сайла напомнила себе, что этим вечером предстояла трапеза в приятном обществе. Эта мысль вызвала у Сайлы кривую усмешку. Какое бы развлечение ни запланировали Бернхард, Картер и Анспач, оно не шло ни в какое сравнение с впервые выставленной на всеобщее обозрение Джалитой. Нила, как хлопотливая наседка со своим птенцом, хорошо подготовила Джалиту. Особенно смешным было то, что Нила была старше Джалиты всего года на два.

Как ни странно, Джалита выглядела старше Нилы. Нет, не по возрасту, а по своей опытности. Уравновешенная, расчетливая. Ее глаза напоминали острия мечей: пронзительные, уверенные.

Слуги внесли подносы с едой. Вошли музыканты и заняли свои места на небольшой сцене. Слуги расставили глиняную посуду с зеленью и последними летними помидорами. На столе появились глиняные бутылки с настоянными на травах маслами и уксусами, быстро наполнившими помещение своими ароматами. Потом последовали два тяжелых блюда с кусками запеченного окорока. Все передавали друг другу тарелки с овощами — кукурузой, фасолью, картофелем. Возникший в зале ровный приглушенный шум сидевших за трапезой людей, по мнению Сайлы, совершенно отличался от трапез при дворе Алтанара. В те времена больше пищи выбрасывалось, чем съедалось. Теперь, когда с едой стало трудно, Гэн требовал, чтобы в замке подавали достаточно пищи, но не больше. А еще в прошлые времена в зале звучала музыка с металлическим нотками, с ревом труб и пронзительным звоном бубенцов, а не такая мелодичная струнная музыка в сопровождении приглушенных небольших барабанов. Люди при дворе Алтанара смеялись, выражали одобрение и удивление через силу. Воздух был пронизан фальшью. Сейчас же тут собрались друзья.

Вдруг Сайла напряглась, насторожилась, как олень, почуявший охотника. Здравый

смысл подсказывал, что ей нечего опасаться среди этих празднично настроенных людей, что ей нечего учуять среди ароматов яств и питья.

Ее внимание привлекло какое-то движение. Со своего места в противоположном конце зала поднялась настоятельница Фиалок. Зеленая подкладка ее откинутого капюшона сверкала в свете огней, как драгоценный камень. Будто почувствовав на себе взгляд Сайлы, женщина остановилась. Стоя позади сидевших за столом людей, которые ничего не замечали, она медленно повернулась и посмотрела Сайле прямо в глаза.

В это мгновение для Сайлы больше никого другого в зале не существовало. Пропал шум застольной беседы, исчезла музыка. Были только злые глаза настоятельницы Фиалок.

Глава 27

Настоятельница Фиалок натянула на голову капюшон. С побледневшим злобным лицом, через всю залу она сверлила взглядом Сайлу. Ее глаза будто пригвоздили Жрицу Роз к месту, как взгляд сверкающих глаз змеи сковывает птицу.

Нахлынувшая злость помогла Сайле освободиться от действия этого гипнотического взгляда. Она уверенно посмотрела в глаза этой женщине. Взгляд настоятельницы Фиалок требовал покорности одной воли другой. Это была беспощадная схватка, и касалась она не только Церкви. Сайла насмешливо улыбнулась в ответ на это высокомерие.

Настоятельница Фиалок дрогнула. Повернувшись, она пошла дальше, будто ничего не случилось.

Довольная своей маленькой победой, Сайла удобнее устроилась на стуле. Кто-то коснулся ее локтя.

— Я видела, — дрожащим шепотом проговорила Ланта. — Этот взгляд. Она никогда прежде не показывала так открыто своих чувств. Церковь уже отвергла нас. Мы этому никогда не противились и не оспаривали это. Отчего же так явно показывать свою ненависть именно сейчас?

— Это хороший вопрос, — автоматически и рассеянно ответила Сайла. Внутри у нее бушевали противоречивые чувства. Удивительные. В то же время она ликовала. С каждым ударом сердца она осознавала, что в ее душе что-то изменяется. Ее мысль работала с поразительной ясностью. То, что она увидела своим внутренним взором, было настолько точным, что это вызывало у нее буквально отвращение.

Образы.

Прежде чем нанести удар мурдатом, Тейт всегда отводила в сторону свою левую руку.

Прежде чем отдать своим собакам команду, Гэн всегда почти незаметно кивал головой.

Настоятельница Фиалок всегда дважды моргала сразу после того, когда она делала заведомо ложное заявление. Прежде чем произнести ранящие обидные слова, она всегда облизывала губы.

Почему сейчас? Какая польза от этих наблюдений?

В чем сущность этой неизвестной, неодолимой силы, растущей в ней? В этом была какая то причина, она это чуствовала. Если в происходящем есть какой-то смысл, то какой?

Сила. Воля. Хитрость.

Качества, а не чувства. И все же Сайла ощущала их в себе. Наверно, так земля ощущает движение семян, подумала Сайла. Она взглянула на свои руки. Они несли исцеление, устраняли вред. Сайла, военная целительница, несла жизнь. Ее врагом была смерть.

Наконец Сайле все стало ясно. Она это осознала каждой своей частицей. Молчаливый ужасный вызов настоятельницы Фиалок заставил Сайлу превзойти все обычные уровни восприятия.

Сайле были знакомы страдание и борьба, то волшебство, которое переполняет сердце избежавшего страшной опасности. Но это новое ощущение было совсем другим. Его не могли понять те, кто только боится смерти и никогда не соблазняется ею. Ставки были неизмеримо больше, чем одна жизнь против другой жизни. Победитель в этой схватке будет

определять добро и зло для многих будущих поколений. Эта ответственность подавляла. И все же Сайла испытывала восторг. Все ее существо ликовало в радостном предвкушении.

Вот почему Клас всегда поет перед лицом врага.

Сайла взглянула на Тейт, свою подругу, которой она так часто завидовала и которой было известно чувство ужасной смертельной опасности. Эта отвлеченная мысль быстро покинула Сайлу, и она сосредоточилась на источнике своих размышлений — на настоятельнице Фиалок.

Начиналась настоящая война за власть в Церкви. Сейчас.

На кон были поставлены души неисчислимого множества, неизвестных людей, но людей, заслуживающих веры, проповедующей надежду, а не подчиненность. Не могло быть никакого компромисса. Сайла подумала, а возможно ли тут хоть милосердие, чувство сожаления.

Завет Апокалипсиса гласит:

«Выбор между защитой Церкви и торжеством мира среди человечества проверит души всех, любящих Церковь. Церковь не может умереть и не умрет, но ей лучше исчезнуть для людей на сотню лет, чем быть забытой в мгновение ока».

Сайла решила никогда не забывать об этом предостережении.

Остановившись там, где соединялись два стола, настоятельница Фиалок уселась в темном углу. Завернувшись в свою накидку, она стала почти невидимой.

— Она собирается устроить сцену, — прошипела, как рассерженная кошка, Ланта. — Что она задумала?

Сайла покачала головой.

— Кажется, я знаю. Что меня удивляет, так это время, которое она для этого выбрала. Ты об этом сама говорила. Когда мы только прибыли в Олу, ей не терпелось схватиться с нами потому, что мы стали отверженными. Мы пробыли здесь достаточно долго, чтобы она могла высказать свою личную неприязнь. Но показала она ее только сейчас. Действительно, почему сейчас? Смотри, что это?

Прервав ужин в самом его конце, Кейт Бернхард, Дженет Картер и Сью Анспач ввели в зал Избранных, построенных в две колонны. У Сайлы, как и у остальных женщин, невольно вырвалось восторженное восклицание. Все замолчали в ожидании продолжения. Девочки плыли по залу, источая почти ангельскую серьезность, возможную только благодаря их детской невинности. Их ноги были скрыты длинными черными накидками, а головы — капюшонами, из-под которых были видны только возбужденные лица. Эти маленькие фигурки были обуты в мягкие комнатные туфли. Они будто по волшебству проплыли мимо обитых железом дверей через выложенный каменными плитами пол, который вдруг показался грубым и некрасивым.

Образовав полукруг напротив столов, дети в ожидании остановились. Сью Анспач отошла от своих двух подруг. Рядом с детьми взрослые в своих накидках выглядели огромными. Анспач прочистила горло.

— Мурдат! Друзья! С тех пор как наша сестра, Жрица Роз Сайла, возвратилась с сокровищами Врат, многие утверждают, что эти сокровища не принесут нам ничего, кроме вреда. Другие говорят, что они бесполезны. Мы в аббатстве Ирисов верим, что в книгах заключены великие блага. Мы верим, что обучение полезно.

Несколько человек ахнули. Еще больше нахмурились, бросая неуверенные взгляды на Гэна, невозмутимо наблюдающего за происходящим. Анспач продолжила:

— Тем, что могут делать целительницы, они обязаны обучению. Может ли кто-нибудь возразить против того, чтобы ему спасли жизнь? Те, что занимаются строительством, выделкой кож или изготовлением стали, могут делать это благодаря обучению. Разве преступно жить под крышей, носить обувь, рубить дрова острым топором? Никто не будет так утверждать. Плохо, когда люди не учатся. Отказавшись от обучения, мы лишаем добрых людей еще больших достижений. Если мы отвергаем такое доброе, то не является ли это поощрением зла?

При этом от многих последовали возражения. Одного привставшего со своего стула мужчину рывком посадила обратно его явно перепутанная жена. Сайла узнала в этой парочке барона и его супругу, которые остались еще со времен Алтанара. В Оле было несколько представителей такой знати, многих из которых считали не совсем благонадежными. Жена явно беспокоилась, чтобы ее мужа не записали в их число. Сайла подумала, а нет ли у этой женщины других причин для беспокойства.

Анспач покачнулась, будто под порывом сильного ветра. Сайле понравилось, с какой решительностью та продолжила свою речь.

— Аббатство Ирисов хочет, чтобы обучение стало доступно всем. Мы верим, что Учителя спрятали свое сокровище для того, чтобы его обнаружила Сайла — Цветок — тогда, когда к этому будет готов мир. Это время настало. Мурдат, для начала мы предлагаем, чтобы ты издал декрет, как проводить измерение. Единая система мер позволит многое улучшить. Это еще больше увеличит ценность книг. — Снова в среде собравшихся людей послышалось сердитое жужжание, которое стихло, когда Анспач подняла вверх узкий брусок. — Мы предлагаем, чтобы ты, Мурдат, назвал эту вещь «единицей длины». На ней двенадцать малых делений. Если ты это сделаешь, то все в Трех Территориях можно будет измерять в единицах. Человек сможет тебе сообщить, что стена имеет пятнадцать единиц в высоту, и ты будешь точно представлять себе, что это означает. Мы просим позволения продемонстрировать два преимущества.

Гэн коротко кивнул. При этом у него был слегка озабоченный вид, и Сайла поморщилась, увидев, как он на мгновение нахмурился. Сердцем Сайла была с Гэном. Ему предлагали поступить наперекор законам и обычаям многих поколений. Он уже разрешил девочкам нарушать эти принципы, позволив им учиться чтению и письму, а теперь Анспач предлагала уж совсем из ряда вон выходящее.

Целые королевства (и короли!) уничтожались за меньшие провинности.

Анспач подошла к столу и взяла большую пустую тарелку. Подойдя к Избранным, она ее высоко подняла, чтобы все могли ее рассмотреть.

— Все вы видите эту тарелку. Если вы захотите еще одну такую, точно таких размеров, как вы это объясните гончару?

— Это совсем просто! — выкрикнул кто-то. — Нужно просто смотреть на нее и делать вторую тарелку.

Его поправил другой:

— Это не так, если тебе нужно соблюсти ее точные размеры. Можно использовать бечевку: проложить ее по верху тарелки и обрезать в том месте, где ее концы соприкоснутся. И отдать ее гончару. Другая бечевка расскажет ему о глубине тарелки. Даже женщина с этим может справиться!

У Анспач выступили желваки.

— Если бечевка не сожмется от воды или не потеряется. Или не порвется. Но как быть, если тебе нужно, чтобы сотня гончаров изготовила по одной такой же тарелке? Дать каждому по бечевке? Возможно, но теперь посмотрите, как Избранные справятся с этой задачей!

Откуда-то из-под своих накидок девочки достали деревянные дощечки, покрытые слоем воска, и острые писала. По очереди каждая измерила при помощи единицы длины диаметр тарелки. Потом они вычислили ее периметр. Анспач собрала дощечки и отнесла их к столу.

— Смотрите, те из вас, которые умеют читать. Избранные между собой не переговаривались, но все они написали на дощечках одинаковые цифры. Размеры тарелки записаны в единицах длины. Мы можем послать эти цифры в любой уголок Трех Территорий, и гончар, у которого есть такая же единица длины, изготовит нужную тарелку.

Перемещение Анспач вдоль стола сопровождалось сердитым ворчанием, напоминавшим шум нарастающего водного потока. Тем не менее проявлялось и любопытство. На многих увиденное произвело сильное впечатление. Запрет обучения не

искоренил разум, и среди присутствовавших было немало людей с острым умом, которые оживленно обсуждали возможные выгоды этого предложения.

Одна женщина неуверенно подняла руку, когда к ней приблизилась Анспач.

— Но они не мерили вокруг тарелки. Только поперек. Как можно… — И она умолкла под свирепым взглядом своего мужа.

— Научиться может каждый. Вот посмотрите еще! — Тут воодушевленная Анспач обернулась, хлопнула в ладони и пронзительно свистнула. Одна из Избранных неуклюже вошла в комнату, неся большую коробку, которую затем поставила на пол. Девочки извлекли из нее кучу бечевок и палочек и начали из них что-то сооружать. Сидевшие за столом поднялись, некоторые забрались на стулья. Несколько человек влезли на стол. Вскоре Избранные отступили, открыв взорам собранную ими модель подвесного моста.

Оставив девочек, Анспач подошла к Гэну и, положив руки на стол и наклонившись к нему, сказала:

— Мурдат, что происходит с большинством наших мостов каждую весну?

— Что происходит? Их смывает водой.

— Этот не смоет. Его концы будут покоиться на высоких берегах. Ничего не соприкасается с водой. Леклерк может построить такой мост, Мурдат, потому что сокровище Врат учит нас, как это сделать. Люди смогут доставлять товар на рынки. Вестники смогут спешить во все концы, не ожидая, пока вода спадет. Подумай о весне, Мурдат. Никто не предполагает, что ты способен быстро сманеврировать, чтобы встретить их. Леклерк не сможет перекинуть мост через Медвежью Лапу или Оленью там, где эти реки слишком широки. Но есть места, где он сможет построить через них мосты, Мурдат.

К Анспач приблизились Картер и Бернхард. Взяв друг друга под руки, они встали перед Гэном. Анспач продолжила:

— Мы полагаем, что ты — главная надежда Церкви, ты поможешь ей пережить предстоящий конфликт. Мы работаем вместе с Леклерком. Мы обещаем тебе могущество. Мы обещаем тебе лояльность. Мы предлагаем тебе все сокровища Врат. Но не даром. Аббатство Ирисов должно стать новым Домом Учителей.

Сайла была ошеломлена. В ней бушевали противоречивые чувства. Удивление, обида, замешательство и благодарность.

Если Гэн отвергнет предложение этих трех женщин, их жизнь окажется в серьезной опасности. Почти все из Трех Территорий в силу традиций считали бы их ничтожествами, худшими даже, чем торговцы. Еще хуже было то, что, какое бы решение ни принял Гэн, Сестра-Мать никогда не простит этого оскорбления. Она объявит чужестранцам анафему. Теперь, когда Сестрой-Матерью стала Жнея, это было равносильно смертному приговору.

Сайла видела, что пришельцы прекрасно понимали, что они делают. Они сохранили свои намерения в тайне, потому что не хотели вмешивать в это дело Сайлу, Ланту и их друзей. Это был невероятный риск.

Это было опасно и для Гэна. Согласившись с предложением, Гэн полностью отверг бы Дом Церкви. Он создал бы действующую анти-Церковь.

Какое-то движение привлекло внимание Сайлы. Настоятельница Фиалок выходила из своего темного угла. Ее неожиданное появление заставило Сайлу снова пережить замешательство. Она неподвижно сидела, наблюдая за происходящим.

Став в том месте, где столы соединялись, настоятельница подняла указующий перст. Даже до того, как она заговорила, ее обнаженная ярость прекратила всякий разговор.

— Мурдат! — Это единственное произнесенное ею слово прозвучало, как ломающаяся кость. Избранные бросились прочь от своей модели моста и окружили троих чужеземок. Картер и Анспач наклонились и обняли их. Бернхард встала между ними и настоятельницей.

Старая женщина снова заговорила:

— Гэн Мондэрк! Слушай слово Церкви и повинуйся!

При этих словах в зал вошел вестник. Сняв плоскую алую шапку, он поклонился, сверкнув плащом того же цвета, что и его шапка. Выпрямившись, он окинул взглядом весь

зал и закрыл глаза. Черты лица вестника стали жесткими. Прямо держа спину и отведя назад плечи, он открыл глаза и заговорил:

— Я обращаюсь к Гэну Мондэрку и всем его последователям.

Посланец сделал паузу. Ланта прошептала Сайле на ухо:

— Это Жнея. Как им это удается? Его вид и голос совершенно похожи на нее!

Сайла молча нетерпеливо кивнула. Язык жестов и интонации, схваченные вестником, могли сказать ей почти столько же, как если бы перед ней стоял тот, кого тот имитировал. Вестник продолжал:

— Женщина, которую прежде знали под именем Жрицы Роз Сайлы, была отвержена по ошибке. За это несу ответственность только я одна.

В зале послышался взволнованный шепот. Нила с облегчением радостно заулыбалась. Сайла заметила это краем глаза, но инстинкт подсказывал, что она должна сосредоточиться на своем враге. Искаженное ненавистью лицо настоятельницы Фиалок выражало удовлетворение.

Посланец продолжал:

— Та, которую зовут Сайлой, заставила гору сгореть. Она заставила жену Капитана — правителя Кос — совершить самоубийство. Но перед этим Сайла сговорилась с темными силами, чтобы заставить жену Капитана назвать своего первого младенца Джессаком по имени злого духа. Сайла навлекла мор. Сообщницей Сайлы является мятежная провидица, которая продает свои способности ради выгоды Сайлы и собственной. Сайла наложила на меня, Сестру-Мать, знак.

При этом обвинении присутствовавшие в зале невольно вздохнули. Сайла на миг отвернулась от настоятельницы Фиалок, пытаясь буквально рассмотреть этот печальный вздох.

Снова заговорил вестник:

— Женщинам запрещено налагать знак. Это известно всем, и Сайле в том числе. И все же она это сделала. За все свои прегрешения она была объявлена отверженной. По согласованию с Хранительницами Орденов Церкви решено, что этого наказания недостаточно. Слушайте меня все, кто может быть вылечен или исцелен или благословлен или прощен Церковью! Сайла! Слушай меня, пока ты способна слышать. Все имеющие с тобой дело — прокляты. Все, кто тебе помогает, — отвержены. Церковь тебя будет искать. Церковь тебя уничтожит, как того требует ритуал. Я — Сестра-Мать, я объявляю тебя ведьмой. Ведьмой!

Книга вторая
Яд

Глава 28

Комната была полна людей. Все они смотрели на Сайлу с напряжением гончих, готовых в любой момент сорваться с привязи. Всякий раз, когда их взгляд наталкивался на взгляд Сайлы, напряжение возрастало. Люди недовольно ворчали, задетые ее гордостью, вызовом и неповиновением. Заметив, что Гэн поднялся, она почувствовала облегчение. Мужчины и женщины в безумном трансе жаждали благословения Церкви для расправы над ведьмой. Это было обязательным условием. Но даже больше, чем обвинений в колдовстве, Сайла боялась обвинений в трусости: трус всегда становился изгоем.

Душа Сайлы не принимала церковную догму, требующую для ведьм смерти. Она всегда считала, что к ним следует относиться как к больным, изолируя и позволяя общаться только с целительницами Церкви. Сейчас такая изоляция оказалась бы для нее самой милосердной судьбой. В сознании людей, с жадностью ожидавших начала расправы, жизнь была бы для нее слишком дорогим подарком. В их лицах она видела нечто большее, чем

просто религиозную, фанатичную уверенность в своей правоте: страстное вожделение, ожидание безнаказанного убийства. Для казни мог быть избран самый страшный способ. Всегда находились желающие и умеющие продлить агонию ведьмы. Крики проклятия, ужаса и боли уносили имена торжествующих мучителей в преисподнюю. Затем мертвое тело сжигалось до последнего кусочка.

Сайла запоминала эти лица.

Гэн стремительно взлетел на стол, обрушивая на пол блюда, кубки, ножи. Рука его упреждающе легла на рукоять мурдата. Спокойно отдыхавшие под столом Шара и Чо вскочили, приняв оборонительную стойку. Их решительный боевой оскал подчеркивал настроение Гэна. Толпа замерла, и в наступившей тишине прозвучали его слова:

— Жрица Роз Сайла — мой друг. Она отправилась со мной в изгнание, когда народ отверг меня, молилась за меня, когда я был близок к смерти. Вместе с Нилой она разделила плен у Алтанара. Затем совершила опасный поход и с триумфом вернулась в Три Территории, принеся с собой сокровища легендарных Врат. С ней пришел сюда более яркий мир, а взамен она просит только безопасного убежища. Жнея уже пыталась погубить моих друзей. Она предала Сайлу во время похода и добилась абсолютной власти над Церковью. Она называет моего друга и гостью ведьмой. Это гнусная ложь, Сестра-Мать. Я ручаюсь — Сайла чиста. И пусть покажут мне более достойную в Церкви.

Гэн помолчал, окидывая толпу испытующим взглядом тигра, выбирающего из стада жертву. Никто не выдерживал этого взгляда.

— Вдали от своей страны эти три женщины помогали Сайле делать жизнь нашего народа лучше. Они показали, какой должна быть Церковь, были вестниками благих перемен. Я внимаю их желанию. Отныне и навсегда моя страна будет домом для Учителей. Все, направленное на улучшение жизни моего народа, будет находить мою поддержку. Кто-то скажет, что я правлю с Церковью или для Церкви. Ложь! Я правлю один, но помогаю Церкви, пока она помогает мне. Мир изменился, скажите это своим друзьям и семьям. Мы прокладываем новый путь. Нам выпало первыми двигаться по нему. Слабые уйдут — тем лучше. А сейчас подумайте, на чьей вы стороне. Идите!

Последнее слово прогремело, как гром. Обнажив мурдат, Гэн неистовым взмахом рассек перед собой воздух.

Толпа хлынула из комнаты, подобно разноцветной жидкости, выплеснувшейся из кувшина. В зале остались семья Гэна и ближайшие друзья. Ушли все, кроме маленькой стайки стоявших в стороне Избранных и неподвижно застывшей настоятельницы Фиалок.

Не обращая внимания на старуху, Гэн мягко улыбнулся Кейт Бернхард:

— Можешь подойти с детьми. Я не съем их.

Он подождал, пока Кейт подошла к детям, затем, спрыгнув со стола и жестом приказав собакам занять свое место, сделал шаг к Избранным. Они вцепились в Картер и Анспач, все еще не зная, как себя вести с этим страшным воином. Даже когда меч спрятался в ножны, большие, круглые от испуга глаза детей продолжали напряженно изучать Гэна. Никто не моргал. Гэн опустился на колени:

— Извините, что так напугал вас. Разве вы никогда не слышали такого громкого разговора?

Одна из девочек выпалила:

— Такого громкого — нет.

Картер нервно засмеялась. Вслед за Гэном рассмеялись остальные, и в комнате словно взбурлил водоворот фыркающих и булькающих звуков. Когда смех сам собой прекратился, Гэн продолжил:

— Да, та сцена не была примером хороших манер. Поэтому я еще раз приношу свои извинения. Мне действительно не безразлично то, чему вас учат Жрицы. Они обещают, что это изменит мир. Вы хотите помочь им и мне?

Кто-то из девочек сразу же кивнул, большинство же просто выжидали. Еще не все из них считали Гэна своим другом. Пока.

Но тут вмешалась настоятельница:

— Я запрещаю. Избранные — собственность Церкви. А твой сегодняшний поступок, Гэн Мондэрк, будет твоим проклятьем. Ты не сможешь со своими друзьями испортить наших Избранных. Вы все будете прокляты и изгнаны.

Комната наполнилась мрачной тишиной. Гэн ответил спокойно, хотя губы его побледнели:

— Ты говоришь справедливо. Мы затеяли плохую игру с этими невинными. Но это уже война между теми, кто принял взгляды Сайлы, и теми, кто пойдет за тобой. И начнут ее те, у кого нет желания править или добиваться власти. Ты проиграешь, старуха. На то есть много причин, но самую главную тебе никогда не понять. Учителя подрастут, и учение будет процветать.

Настоятельница брезгливо засмеялась:

— Смелая речь для воина, оскорбляющего со своей прислугой безоружную женщину. Я знаю, что не властна над твоими друзьями. Сейчас по крайней мере. Но ты потерпишь поражение, потому что я — Церковь. Ты не можешь сражаться со мной. В конечном итоге Церковь получит то, что ей принадлежит по праву.

— Всегда рад принять твой вызов, настоятельница. Но не более. А сейчас, я полагаю, ты покинешь землю Трех Территорий и заберешь своих целительниц. Мои Волки позаботятся о безопасности твоего перехода в земли Людей Реки.

Настоятельница гордо направилась к двери. Но прежде чем переступить через порог, широко раскинув руки, — свисающая мантия почти заслонила проход, — обратилась ко всем присутствующим:

— Церковь не ссорится с теми, кто страдает от твоего правления. Но ты не можешь так просто лишить нас права владения. — Она повернулась к Бернхард: — Ты и твои друзья играете душами беспомощных детей. Храни их от чар ведьмы Сайлы и ее сторонников. Я повелеваю и предупреждаю.

Она развернулась и ушла, словно черный сгусток беспорядочно пляшущих жутких теней.

Одна из девочек потянула Картер за рукав и шепнула ей что-то на ухо. Лицо Картер вспыхнуло; она выпрямилась резким судорожным движением. Голос ее был мягок, но решителен:

— Нет, маленькая, вы не умрете, и никто не заберет вас. Настоятельница не понимает нашего дела. Но все должны увидеть: мы — добрые люди. Ты согласна?

Однако в словах следующего ребенка прозвучали еще более глубокие опасения:

— У нас нет настоящих отцов и матерей. Мы должны идти туда, куда велит Церковь. Настоятельница главнее тебя. Она может заставить нас сделать все, что захочет. И тебя тоже.

— Больше никогда, — слова Картер прозвучали твердо и окончательно, хотя рука все так же нежно касалась маленьких головок. — Теперь есть две Церкви, моя девочка: ее и наша. И мы должны решить, какая из них истинная.

— А Мурдат, на чьей он стороне?

— На нашей. Мы многим ему обязаны, но он только хочет, чтобы мы были счастливы.

— Он страшный.

— Я знаю. Иногда мужчины бывают такими.

— Настоятельница не мужчина, но тоже страшная.

Картер мягко кивнула:

— Мы не будем обращать на нее внимание.

Изучающе поглядев на Гэна, одна из девочек спросила:

— Ты обещаешь остаться в аббатстве Ирисов со Жрицей Роз Сайлой и Жрицей Фиалок Лантой?

Гэн внимательно посмотрел на детей и ответил с полной серьезностью:

— А вы обещаете слушать их? Верить им и внимать их наставлениям? Они мои друзья. И я хочу, чтобы они гордились вами. Вы обещаете стать такими?

От волнения голос у одной из девочек неуверенно дрогнул:

— Я обещаю.

Гэн пристально смотрел на своих немногочисленных слушательниц, пока от каждой не услышал слов:

— Я тоже обещаю.

Ответы звучали тихо, слегка неуверенно, словно робкое эхо от соприкосновения стеклянных бокалов. Гэн сохранял неумолимый вид и, когда прозвучал последний ответ, сказал:

— Даю слово Мурдата. Вы останетесь со своими друзьями. Теперь они — ваша семья. — Он повернулся ко взрослым и, заметив улыбки на их лицах, помрачнел. — Это серьезное дело. Вы — новые Учителя. И если мне суждено погибнуть, я поручаю всем вам сдержать мое слово. — Выдержав паузу, он позволил детям вернуться к Сайле. — Ты одна, но как бы во многих лицах. Военная целительница. Жрица Роз. Цветок. Жена моего ближайшего друга. Мой друг. Теперь ты — Церковь.

Серьезность этих слов сразу же приобрела особое значение для детей. Перед ними стояла уже совсем другая Жрица. На какой-то миг Сайла ощутила в их взглядах непонимание, как у пойманных животных с человеческими глазами.

В ней пробудились воспоминания о той ночи резни и пожара, когда погибли родители. И она почувствовала себя хуже осиротевшего ребенка. Вещью. Принадлежностью, которой полностью владели. И Гэн был владельцем.

Гэн мягко продолжал:

— Мы становимся теми, кем должны стать. Мы разные силы, ты и я. Огонь и вода. Мрак и свет. Помолись, чтобы мы всегда понимали друг друга.

Неосознанно Сайла коснулась его руки, обнажая свой массивный браслет, золотом вспыхнувший между ними. Гэн медленно освободил свою руку и стал рядом с женой.

Три служительницы Церкви поспешно вывели Избранных из комнаты. В наступившей тишине Сайла внимательно рассматривала людей, оставшихся в обеденных покоях. Ее даже развеселило то, как все улыбаются друг другу, пытаясь скрыть настоящие чувства. Кроме Нилы, открытой и совершенно не способной притворяться. Выражение ее лица всегда было красноречивее любых слов, и сейчас на нем читался испуг.

Конвей и Тейт стояли с мрачным видом. Они полностью осознавали угрозу, таящуюся в словах, брошенных настоятельницей Фиалок, знали истинную силу Летучей Орды и Жреца Луны и видели, какую опасность несли Скэны незащищенному побережью Трех Территорий.

Налатан держался покровительственно. Его взгляд говорил, что ни Церковь, ни этот мир больше его не побеспокоят.

Сайла боялась взглянуть на Ланту, заранее зная выражение лица своей маленькой подружки. Ланта подчинялась силам, стоящим выше ее и Конвея; ей требовалось серьезно подумать.

Яркое воспоминание о немой маске страдания на лице Гэна вспыхнуло резкой болью в сознании Сайлы. Мысли стали путаться, и ей захотелось ощутить присутствие Класа на Бейла, прикоснуться к нему, вдохнуть его запах, почувствовать тепло его влажного дыхания.

Леклерк наклонился к Джалите, нарушив своим движением сладостные грезы Сайлы. Ее встревожила неестественность улыбки, которой Джалита ответила собеседнику. Хитрый, озорной взгляд скользнул украдкой мимо Леклерка и остановился на Эмсо, призывая обратить на себя внимание, вызвать к себе интерес.

Эта игра прекратилась так же резко, как и началась. Джалита опять внимательно слушала Леклерка. От смущения лицо Эмсо застыло. И, не вполне уверенный в том, что произошло, после нескольких неловких движений он отвернулся и направил свой взгляд на Сайлу.

Гнев. Эту реакцию она ожидала меньше всего. Затем поняла: было еще что-то. Страх. Почему? Чем взгляд Сайлы испугал Эмсо? Или он думал о чем-то еще? Или о ком-то?

Но ее сознание уже само собой вернулось к прежним мыслям об обеде, товариществе,

хорошем застолье, музыке и компании.

Все разрушено. Разграблено.

Неприятный смех короля Алтанара резкими раскатами доносился до Сайлы сквозь грохот убиравшейся со стола утвари. Стоявшие на столе свечи медленно плавились в подсвечниках, какой-то незначительный звук вдруг напомнил жестокие самодовольные шепотки его последователей. В звоне упавшей ложки, эхом отразившемся от холодных стен, она услышала скрежет дверей подземной темницы, отделявших ее от света, жизни и любви.

Воспоминания о тех ужасных днях преследовали ее даже сейчас. Сайла опять чувствовала себя пленницей, и силы зла росли у нее на глазах. Неужели ее жертва была напрасной? И сможет ли она снова спастись?

Глава 29

Охрана замка возлагалась на воинов Оланов, носивших традиционные доспехи бывшего королевства. Конический шлем, кольчуга под железным панцирем и латы, прикрывающие передние части ног, тянули к земле. Подвижность воина была невелика, но амуниция выдерживала сильные удары. Все двери на первом этаже охранялись; у главных смотровых бойниц стояли солдаты; зубчатые стены замка патрулировались.

Этой ночью начальником караула был Эмсо. Он двигался тихо, с особой грациозностью бойца, постоянно готового нанести смертельный удар. Появлению Эмсо радовались, надеясь, что он, как всегда, заведет приятную беседу, скрашивая однообразие караульной службы. Проверял он строго, но справедливо. Сегодня же все оказалось по-другому. Эмсо вскипал от самого незначительного нарушения. Ничто не ускользало от его взгляда, и малейшая зазубринка на клинке вызывала неоправданную ярость.

Эмсо осознавал свою неправоту, однако ничего не мог с собой поделать: сейчас в нем жил и не давал покоя гнев.

Только покинув замок, он ощутил облегчение. В это время на причале никого не было, и Эмсо направился туда, чтобы спокойно подумать о своих тревогах.

Поглощенный мыслями, он не заметил тень, возникшую из ночного мрака. Тень следовала за воином, пока он не спустился вниз по холму. Скрывавшийся под покровом темноты знал, что возвратиться в замок можно только этим же путем. Другой дороги не было. И у подножия холма призрачная тень растворилась.

Свесив с причала ноги, Эмсо пытался разрешить свою дилемму. Он знал, что настоящая Церковь права относительно Учителей. Его мать, добропорядочная женщина, постоянно внушала детям, используя суповой черпак в качестве боевой дубинки, что так называемые благие намерения — не более чем пережитки старой морали. И только Церковь определяет, что каждому следует знать.

— Если торговцы и знать считают, что нужно ввести цифры и буквы, это касается их и Церкви. И местных баронов, конечно, таких же вероломных, как и их учение, желающих править вместе с Церковью.

Воспоминания о детстве захлестывали его, от напряжения на висках набухли вены. Эти воспоминания всегда спасали его от греха.

Кто дал Гэну Мондэрку или кому-либо еще право втягивать его в эту недостойную игру? Его, служившего верно и спасшего жизнь Мурдата? Это должно чего-то стоить?

Ответ не приходил. Неважно, что старый обычай мертв; Гэн, по-видимому, приготовился уничтожить еще один, пользуясь поддержкой вечно настороженного чужака Леклерка. Он называет это движением вперед. Потрясение основ, вот что это такое. Разработка нового оружия или тактики ведения боя — это одно. Но позволить женщинам работать, позволить им думать, что они могут быть независимы? Безумие. Эмсо расправил плечи. Разве он жаловался когда-нибудь на высокомерие и тщеславие женщин? Ни разу.

Учителя. Это уже слишком. Неужели он осмелился произнести в мыслях это слово? Да. Предательство. Предательство старых традиций. Учение было гибелью. Это видел каждый.

Эмсо с болью признал, что Гэн не просто заблуждается, а ставит себя выше Церкви.

Дрожь едва не сводила плечи судорогой. Он быстро поднялся, окруженный мглой тумана. Страх неприятным ознобом пробежал по спине, как будто вернулись чудовища из детских ночных кошмаров, ожидавшие удобного момента броситься на него из темноты и разорвать.

Чуть видимые огни пылающих факелов казались во мраке круглыми желтыми глазами. Словно сам Мурдат всматривался в души и разум тех, кто ему служил.

Ощутив рукой холодную сталь клинка и проверив крепление кинжала под рукавом, Эмсо начал уверенно подниматься по холму. Наверху дорога делала изгиб и продолжала идти вдоль южной стены, пересекая участок, куда не проникал ни единый луч света. Дорога здесь была едва различима, и приходилось идти почти на ощупь, чувствуя под ногой неровный массив уложенных камней.

Его ждали.

Эмсо почувствовал это. Как — не мог понять, да и не пытался это сделать.

Он замер: сейчас тишина была его лучшим другом. Мурдат, медленно выходя из ножен, издал звук тоньше комариного писка.

— Эмсо, — послышался чей-то тревожный шепот.

Воин поднял над головой свое оружие.

— Эмсо, — более спокойно повторил голос, видимо полагая, что опасность миновала.

Сделав шаг в сторону, он приготовился нанести смертельный удар.

— Это настоятельница Фиалок.

Мурдат с жадностью рассек ночной мрак. Эмсо чуть не закричал от ужаса, понимая, что сейчас произойдет. И теряя равновесие в попытке предотвратить удар, всей своей массой обрушился на настоятельницу, явно не ожидавшую такой встречи. Под приглушенный женский вопль оба рухнули на землю. Эмсо быстро вскочил, вкладывая мурдат в ножны, и помог встать настоятельнице.

— Я не знал… Я думал… — попытался он объясниться и попросить прощения.

— Все уже в порядке, — с явной неохотой простила настоятельница. И тут же, приводя Эмсо в еще большее смятение, заискивающе продолжила: — Ты действовал, как настоящий воин, который нам нужен. Это радует мое сердце.

— Я?

— Я сказала — ты. — Она резко осеклась, подавляя раздражение, и расчетливо добавила: — Да, нам нужны именно такие, как ты, понимающие, кого они защищают.

Эмсо насторожился, сразу же заметив приготовленную ловушку:

— Нам не о чем говорить, настоятельница. Я — человек Гэна Мондэрка.

— Я тебе это и говорю. Никто его не любит так, как ты. И мы знаем, что именно Эмсо помог ему создать первые отряды Волков. Только несколько дней назад Эмсо спас ему жизнь. Эмсо бесстрашно воевал с врагами Церкви и Гэна Мондэрка, спасал его Нилу. Это общеизвестно.

— И именно поэтому ты решила оскорбить меня своим предложением. Я ничего не могу сказать против Мурдата.

— Так же, как и я. Церковь любит его и скорбит о том, что он сбился с истинного пути.

— Оставь меня. И не мешай Мурдату.

— Будь по-твоему, — настоятельница резко сменила тон и доброжелательно продолжила: — Я не прошу тебя что-то делать. Только спаси и защити своего повелителя, помоги ему, преданный Эмсо. Не забывай, кто он и что он, и кем обязан стать. Мать предсказала его судьбу. Он должен принести славу Людям Собаки. Церковь считает, что Гэн Мондэрк изменил своему пути. Будь с ним. Охраняй его, береги его душу. А что касается так называемых Учителей… Подумай, Эмсо. Может ли Церковь нанести вред невинным детям? Избранные принадлежат ей плотью и душой. Причинила бы Церковь себе бессмысленный и неразумный вред?

— Нет. Но я не могу пойти против Мурдата. Церковь должна помочь ему для своего же

блага.

— Он отвернулся от нас, но мы не таим зла. Церковь всегда прощала. Я только умоляю тебя помочь нам и ему.

Эмсо попытался ответить, но рука, мягкая, словно невесомый туман, остановила его.

— Ничего не говори и будь терпелив. Твое доброе верное сердце поведет тебя по праведному пути. Иди. Мое благословение с тобой.

Едва осязаемая ладонь настоятельницы еще раз коснулась его груди, и через мгновение слышался уже только мерный шорох мантии по камням. Дрожащей рукой Эмсо вытер смесь пота и влаги тумана со своего лица и продолжил путь, даже не заметив приветственного салюта охраны.

Взбудораженный разговором с настоятельницей, Эмсо решил прогуляться перед сном по замку. Днем прямоугольная правильность строений, создающая впечатление скорее замкнутости, чем защиты от внешнего мира, навевала уныние. В ночное время громадина замка выглядела приветливее, напоминая очертания лесного массива или гор. Вскоре он оказался у боковой двери, ведущей в похожий на зевающую пасть Зал королевских приемов. Название это сохранилось со времен правления короля Алтанара.

Неожиданно его окатила волна горячего воздуха. На мгновение встревожившись, он понял, что тепло источает один из каминов, тянущихся вдоль стен. Мерцающие огоньки играли тенями на массивных деревянных опорах, на которых были вырезаны три человеческие фигуры с искривленными физиономиями, стоявшие на плечах друг у друга. Уходя ввысь, колонны растворялись во мраке.

У невысокого ограждения перед камином опустилась на колени маленькая человеческая фигурка. Естественная осторожность взяла верх над любопытством и заставила Эмсо двигаться скрытно. Приблизившись, он различил очертания женской фигуры. И все-таки остановился на безопасном расстоянии, чуть левее фигуры, чтобы правша оказался в невыгодном положении, попытавшись пустить в ход оружие.

— Кто ты?

С быстротой кошки фигурка развернулась, сжимая в руке кинжал. Это была Джалита. Глаза ее широко раскрылись от страха, но напряженно сомкнутые губы показывали решимость постоять за себя. Такой свирепый вид только развеселил Эмсо:

— Я лишь хотел узнать твое имя, дитя. Я не причиню вреда.

— Ты только так говоришь, а кинжал это гарантирует.

— Если бы я хотел причинить вред, ты не смогла бы остановить меня. Скажи, почему ты здесь?

— Я не должна тебе ничего говорить. — Рука с кинжалом словно оцепенела, неподвижно застыв в воздухе. — Я под защитой Нилы и могу ходить где угодно и когда угодно.

Неожиданно Эмсо сделал шаг вперед. Джалита мгновенно нанесла удар, но Эмсо ловко увернулся и через мгновение уже сжимал правой рукой ее запястье с кинжалом, схватив девушку левой рукой за горло. Она попыталась сопротивляться, но Эмсо приподнял ее над полом, и борьба прекратилась. Мольба о пощаде донеслась сдавленным карканьем:

— Я не могу дышать. Пусти. Пожалуйста.

Звон выпавшего кинжала гулким эхом отразился от каменного пола, нарушая тишину пустой комнаты. Растирая сдавленное горло, она сквозь слезы негодующе смотрела на Эмсо.

— Никогда не думала, что это можешь быть ты. Кто угодно: тот, с безжалостным взглядом, монах Налатан или Конвей, делающий вид, что замечает только свою маленькую Жрицу. Даже Гэн. Но не ты.

— Что значит «кто угодно»?

На лице Джалиты появилась насмешливая улыбка:

— Я знаю, что ты хочешь сделать.

Эмсо вскипел, понимая смысл, вложенный в эти слова:

— Ты даже более глупа, чем я предполагал. Ты не интересовала меня. Разве что

хотелось узнать имя безумца, которому вздумалось одному сидеть в этой огромной комнате. Да еще посреди ночи. Иди спать. И не забудь прихватить свою игрушку.

Он прошел мимо нее и сел на ограждение перед камином, обхватив голову руками и закрыв глаза. Однако сквозь размышления о заполнявшей этот мир бессмыслице очень быстро почувствовал присутствие в комнате постороннего и, оглянувшись, встретил взгляд Джалиты, внимательный, наполненный тревогой и печалью.

— Я неправильно подумала о тебе, Эмсо. Как мне можно попросить прощения?

— Уходи. Если тебя обнаружит охрана, до утра просидишь в темнице. И придется лично Мурдату объяснять, почему ты была здесь одна и что делала.

— Молилась.

— Что? Здесь? Почему?

Бедняжка Джалита виновато улыбнулась:

— Здесь Сайла просила у короля Алтанара разрешения пойти к Людям Собаки. Ее поход начался прямо отсюда.

Она вдруг осеклась и посмотрела по сторонам.

— Ты так восхищена нашей Сайлой?

Конечно, не это — причина ее прихода. Скорее всего она захочет поправить его. Эмсо давно понял, что не умеет задавать правильных вопросов. Но молчание само собой рождало ответ. Поэтому он ждал.

— Не то чтобы я люблю ее так сильно. Я просто одна.

Эти слова вернули его к мыслям о тумане, нежном, медленно дрейфующем в ночном мраке без цели и надежды. Еще не осознавая своего порыва, он машинально шагнул к ней. Он подошел достаточно близко, чтобы на опущенных веках различить утонченное переплетение вен; достаточно близко, чтобы увидеть отблески взволнованных язычков пламени, рыскающих по спадавшим на плечи волосам. Он чувствовал, как ее печаль медленно окутывает его.

Настоятельница права, подумал он, наполняясь благоговением. Сейчас Эмсо уже точно знал, кого он должен защитить.

Глава 30

Девушка закусила губу, но уголки ее рта все же дернулись в чуть заметной улыбке.

С этим почти невозможно бороться. Даже Слезы Нефрита боялась Эмсо.

Джалиту переполняла гордость: с омерзительным Эмсо не будет проблем… Все мужчины одинаковы. Одинаково опасны и, конечно, одинаково глупы.

Однако она понимала, что Эмсо не настолько прост, как могло показаться. Хитрый и вспыльчивый, этот человек раздавит ее, как комара, при малейшей ошибке. Джалита представила Эмсо — взбешенного, с диким взором — и его мурдат, с жадностью несущийся ей навстречу. Но даже вся дрожа от страха, она смогла рассмотреть печаль в сердце этого воина, всегда верного своему долгу убивать и поэтому всегда угрюмого. Идеальный образец мужественности.

В следующее мгновение ее грезы оборвались. Слезы Нефрита показала Джалите истинный образ мужской натуры.

Самец тюленя, ревущий и раздирающий на куски все вокруг и соперника. Для чего? Он дерется за самок, беспомощно ожидающих победителя. Потом грубо займется ими и, сделав свое дело, оставит в конце брачного сезона, как ненужный хлам.

Слезы Нефрита объяснила, как женщина может использовать в своих целях эту сумасшедшую стихию слепой мужской похоти. Подобно парусам, отбирающим у ветра часть его силы, чтобы приводить в движение тяжелые суда, женщина может воспользоваться мужчиной и защитить себя.

Иногда Джалите казалось, что она понимает больше, чем хотела сказать ей Слезы Нефрита. Они никогда не говорили о самом главном: Джалита должна выжить. Любой

ценой.

Она подавила в себе дрожь и быстро огляделась вокруг. Ставить личное выживание выше целей Слез Нефрита — сущее безрассудство. Дерзость собственной мысли на мгновение лишила ее присутствия духа. Где-то в Оле у древней ведьмы был по крайней мере один свой человек. Кто он? На мгновение Джалите стало жаль той боязливой девочки из племени Фор, которой она некогда была. Это дитя не ведало зла. Ему не нужно было постоянно озираться.

И все-таки Джалита должна жить. Она стиснула зубы: должна жить хорошо. Судьба швырнула ее в этот котел ненависти и лицемерия. Пусть судьба и отвечает за нее.

Однако простого выживания всегда мало. Джалита слишком хорошо представляла судьбу женщины, сумевшей просто выжить. Конечно, если не за что цепляться, кроме собственной жизни, нет причин проклинать дни своего существования. Каждый верит, что ему предначертано быть свободным. И Джалита мысленно благодарила Скэнов, заставивших ее еще ребенком понять, что женщине от рождения предопределено быть рабыней. Отец, брат, муж, сын — все будут ей судьями. Простые женщины молились, чтобы мужчины хорошо обходились с ними, молились за своих детей, молились за постоянный кусок хлеба. Радость была мимолетной, человечное обращение запретным.

Простые женщины выживали. Преуспевали коварные.

Погруженная в раздумья, она совсем забыла про Эмсо. Встревожившись, Джалита посмотрела на него, пытаясь угадать его мысли. Грубые черты лица тронула печальная улыбка:

— Ты не одинока. Конечно, сейчас для тебя все мы чужаки, но ты очень отважная девушка. Все тобой восхищаются.

— Все так добры. Я чувствую себя неблагодарной, но… А, ладно. Глупости.

— Ты вовсе не глупа. — Джалита встрепенулась от резкого тона заявления, но в следующих его словах слышалось сочувствие. — Глупец не выжил бы у Скэнов. Ты помогла нам лучше их понять, и мы тебе благодарны за это. А теперь скажи, что тебя тревожит и чем я могу помочь?

Он взял ее за руку и повел к неприметной боковой двери. Девушка, опустив глаза и чуть замешкавшись, смиренно пошла за ним.

— Немного странно так разговаривать с мужчиной, — вздохнула она. — У меня не возникает сомнений насчет твоего достоинства. Но почему молодая неопытная, женщина должна доверять такому мужчине? Однако мне хочется тебе верить. Глупо ведь?

Эмсо возмутило то, что под вопрос ставится его честь:

— Это естественно, что ты легко поверила мне. Я много старше тебя. И ты не должна видеть во мне молодца, только и думающего, как… Меня интересует не твоя красота… В любом случае, сначала ты для меня человек, который как-то может помочь моему повелителю. Гэн Мондэрк должен завоевывать и покорять, и я рожден, чтобы помогать ему делать его дело.

— Пророчество?

Джалита отпрянула, освобождая руку.

Они вышли наружу. Стояла кромешная тьма, и ничего не было видно, кроме равнодушно мерцавших звезд. Не различая его лица, она протянула руку и взяла Эмсо за запястье, как учила Слезы Нефрита. Словно ночной мотылек, чуткий к малейшему движению, большой палец Джалиты нежно коснулся его пульса. Рука воина напряглась, удары участились. Он шелохнулся, как если бы хотел вырвать руку, но не сделал этого.

— На мне нет пророчества, — медленно произнес он. — Это Гэну предсказана судьба. Он рожден для славы и триумфа своего племени. И он создает из всех нас единое новое племя. Сайла, Тейт, Конвей, Нила, Ланта и я помогаем Гэну в его возвышении. А он использует все племена и народы для возвышения своего королевства. Его жизнь — это моя жизнь, а моя — его.

— Ты ему очень предан.

— Он спас мой народ, вернул мне достоинство. Я был бы предан любому за это. Он верит мне, дает воинов под мое командование. Что делает завоеватель? Он выбирает меня, Джалита, и дает возможность сделать в жизни то, о чем я не мог и мечтать. За него я пошел бы на смерть.

В последних словах Джалите послышалась печаль. Пульс стал размеренным, и она выпустила его руку. Ей захотелось проверить эту, казавшуюся на первый взгляд самозабвенной, привязанность офицера к своему хозяину:

— Все видят твою преданность Гэну. Но на его месте я бы задумалась о верности остальных друзей.

Эмсо разразился неожиданным смехом, в котором чувствовалась снисходительность. Лицо Джалиты вспыхнуло. Она гневно нахмурилась и уже благодарила темноту, скрывающую ее от глаз Эмсо и дающую возможности успокоиться.

— Ты попала в самую точку, — Эмсо не обратил внимания на ее укол. — Это и есть его слабость. Вы с Гэном одного поля ягодки, но у тебя хватило ума увидеть это. Он думает, будто ему одному дано знать, кто достоин доверия. В этом его проблема.

— Но почему он такой? Разве у него есть повод для недоверия?

Этот разговор начинал раздражать Джалиту. Эмсо был равнодушен к ее мелким укусам. Ей захотелось, чтобы он замолчал, но он продолжал:

— Его защищают такие, как я. Мы знаем его врагов.

Наконец-то. Девушке захотелось петь и танцевать. У старика действительно кто-то стоял поперек горла. Но кто? Она открывала и закрывала рот, ей очень хотелось услышать имена всех врагов, настоящих или подозреваемых. Однако страх разоблачения удерживал от неверного шага. Она не забывала прощальных слов Слез Нефрита, сказанных в ночь перед уходом Джалиты: «Я отправляю тебя в Олу уничтожить Гэна Мондэрка и Церковь ведьмы Сайлы. Я словно подсыпаю врагу яд. В нем коварство, обман, предательство. Стань такой, моя Джалита, и все будет у твоих ног. Разве любовь и отвага позволяют выжить среди Скэнов? Разве эти качества дают старухе власть над сильными, жаждущими крови воинами? Или же слежка, выжидание, стравливание людей друг с другом? И все ради достижения собственных целей. Ступай с моим духом, с моей мудростью. Думай о том, что ожидает тебя в случае успеха. Думай обо мне и о том, что принесет тебе поражение. Убей их, мой яд, мой восхитительный яд. Заставь их корчиться на земле. Сделай это подло и предательски, пока мы будем стоять в тени и хохотать».

Потом был долгий переход через весь остров и встреча с Найоном. Джалиту переполнило сладострастное удовлетворение, когда она невольно подумала о своей холодной тайне, слушая глупую болтовню Эмсо.

— Твое появление здесь поначалу мне не очень понравилось. — Они подошли к воротам аббатства. Остановившись под ярко пылавшими факелами, Джалита посмотрела вверх. Его нежный взгляд словно что-то искал в ней. Голос оставался мягким. — Я не сторонник больших перемен, если это, конечно, не касается победы в сражении. И даже тогда… Ладно. Во всяком случае, когда Нила привязалась к тебе, это уже означало какую-то перемену, затрагивающую Гэна. Меня это тревожило. Сейчас я вижу, что ты — смелая девушка, но такая же обыкновенная, как и все. Ты придерживаешься старых традиций. Ведешь себя учтиво и с уважением. Такой человек нужен Ниле. Держись основных добродетелей. Тебе они известны. Все так страстно желают сейчас перемен и нового в жизни. Ниле нужен кто-то рядом, чтобы напоминать ему… то есть ей, как все было раньше. И должно оставаться сейчас.

— Ты хороший человек. Гэну повезло с другом. Я с вами совсем недавно, но вижу, как он тебя ценит. Равно как и Нила. Все друзья Гэна хорошо к тебе относятся, потому что видят, как ты важен для него.

Внезапно Эмсо сделался тем мрачным, противным стариком, которого Джалита запомнила с самой первой встречи. Но в следующий момент прежний Эмсо продолжал:

— Мы все — очень близкие друзья. Мы сплавились вместе, как плавится сталь в горне,

понимаешь? Хотя у нас есть и отличия. Однако это не важно. Значение имеет лишь путь Гэна Мондэрка и его возможность следовать своей судьбе. Для этого мы и живем.

Джалита прислонилась к массивным воротам аббатства. Полностью надвинутый капюшон позволял наслаждаться ощущением скрытности. Внимательно посмотрев на неподвижно стоящего, освещенного неровным светом дрожащих факелов Эмсо, она взяла его за руки. Он часто заморгал и весь напрягся, на ладонях тут же проступила испарина. Девушку позабавил такой неожиданный прилив смущения, и она улыбнулась. Был раскрыт еще один его секрет: называя ее «девочкой», он думал сейчас о женщине. Джалита почувствовала его возбуждение.

Чопорные целительницы любили бахвалиться своим умением определять состояние человека по мимике, движениям рук и ударам пульса. Джалите это было ни к чему. Настоящая женщина создает движения, а не читает их. Так же ей безразлична и способность ведьм видеть будущее. Настоящая женщина создает будущее.

Как это делает яд. Он попадает внутрь и все переворачивает там. Яд отравляет мягко и приятно.

— Надеюсь, мы тоже сможем стать друзьями, — Джалита сжала его влажные ладони. — Я верю тебе. Пожалуйста, не упрекай меня за то, что я сейчас скажу. Это действительно важно. Мне очень одиноко, и, хотя все так добры, я чувствую какую-то неуверенность. Мне нужен здесь кто-то опытный, способный дать дельный совет. Ты поможешь мне? Мы станем друзьями?

— Конечно. Ты ничего плохого не сказала. Есть разница между дерзостью и честностью. И ты была честна. Ты сильнее, чем я предполагал, и мне понятны твои чувства. Можешь положиться на меня. — Он не спеша опустил руки. Джалита позволила им уйти, с наслаждением ощущая, как его грубые, шершавые ладони медленно проходят под пальцами.

— Спасибо, Эмсо. Ты именно тот, кого я искала. Со временем мы станем еще ближе. Сегодня ты согрел меня. Надеюсь, однажды моя дружба сможет согреть тебя и сделать счастливым. — Она развернулась и скрылась за воротами.

Глава 31

На следующее утро Джалиту разбудил серый холодный дождь. Уже рассвело. Как удар, пришло ощущение, что она проспала. Еще наполовину сонная, девушка села на кровати и вскрикнула — прикосновение босых ног к сырому каменному полу после теплого пледа из волчьей шкуры было слишком резким. Несколько шагов по холодной комнате привели ее мысли в порядок.

Слезы Нефрита уже не стоит рядом с кочергой в руке, ругая за потухший огонь. И матери, выговаривающей за пропущенную утреннюю молитву, тоже нет.

Та Джалита умерла.

Эта Джалита должна жить, и жить достойно.

Удерживающая кровать веревка возмущенно скрипнула, а тяжелая рама жестко ударилась о каменную стену, когда девушка прыгнула обратно на свое ложе. Со смешком Джалита забралась под плед, в уютную, таинственную темноту. Запахи щекотали ей нос — дикий, вольный аромат волчьей шкуры, выделанной до шелковой мягкости по секретным рецептам племени Нилы. И ланолиновый аромат шерстяного одеяла, сотканного тем же племенем. Хрустящие льняные простыни источали запах, навевавший мысли о полях, захваченных морским народом, — острый резкий дух вымоченного льна. Она подумала о других ароматах, исходящих от ложа, — возбуждающих и волнующих. Не мягких, как лен или шерсть. Грубых. Ошеломляющих, сильных, как запахи листьев и веток Слез Нефрита, которые та рассыпала на угли жаровни, разговаривая с другим миром, закрытым для непосвященных.

Как расплывчатый призрак, в ее памяти всплыл Лорсо. Пальцы покалывало при воспоминании о его упругих мышцах, перекатывавшихся под ее ладонями, в то время как его

руки ласкали и нежно гладили ее тело. Дыхание Лорсо касалось ее щеки, заставляя трепетать от приступов острого желания.

— Довольно!

Она вскочила, сбрасывая покрывала, и, не обращая внимания на холод каменного пола, поспешила к наружной стене комнаты, к небольшой металлической печи. Следовало хоть на время отвлечься от опасных мыслей. Открыв глиняный горшок рядом с печью, она поворошила кочергой угольки, насыпанные туда накануне вечером. Брошенные в горшок кусочки истолченных сухих листьев сразу же задымили. Помедлив, Джалита бросила остатки трухи в огонь, быстро охвативший мелкие веточки, и, когда они вспыхнули, высыпала содержимое горшка в топку. Несмотря на свои размеры, печь хорошо согревала комнату и не дымила. Только иногда, при перемене ветра, помещение превращалось в удушливую коптильню.

Когда согрелась вода в поставленном на печь котелке, Джалита стянула бесформенную ночную рубашку и тщательно умылась. Затем достала шкатулку в виде распустившейся розы, изящно вырезанную из цельного куска дерева. Нащупав почти неразличимую линию, отделявшую крышку, открыла коробочку. Тонкий аромат свежих роз наполнил комнату. Джалита погрузила палец в содержимое, нанесла благовоние на гребень и, глядя в отполированное медное зеркало, стала укладывать и умащивать волосы. Услышав стук в дверь, девушка отложила гребень.

— Я не одета, подождите.

Она подошла к деревянному гардеробу. Натянув льняное белье, сдернула с крючка тонко выделанную рубашку из козлиной кожи, окрашенную в голубой цвет, вышитую алыми розами и сдвоенными зелеными виноградными листьями. Выбрала плотные темно-зеленые шерстяные брюки. Пока Джалита застегивалась и приводила себя в порядок, ее раздражение усилилось; стучавший был груб и даже не удосужился назвать себя. Она затолкала ботинки в сумку, надела комнатные туфли и, бросившись в кресло, приготовилась встретить посетителя.

— Войдите, — рявкнула хозяйка, не считая нужным скрывать злость.

Настоятельница Фиалок резко распахнула дверь. Разгневанная так же, как и Джалита, скрестив руки на груди, она свирепо глядела на молодую женщину.

— Бывшая рабыня, пусть даже фаворитка нашей Нилы, очаровавшая высокочтимого Гэна, не смеет заставлять настоятельницу ждать под дверью. Ты высокомерна. Это оскорбительно.

Язвительный ответ жег язык Джалите, но она сдержала себя.

Настоятельнице Фиалок не хватало реальной власти, сейчас Гэн оказывал предпочтение Сайле, но, раздражая ее, все равно ничего не добиться.

— Я никогда не оскорбляла Церковь, настоятельница. Я стишком хорошо воспитана. Даже в плену у Женщины-Духа Скэнов я находила возможность возносить должные молитвы.

— Действительно? — Вопрос настоятельницы обдал холодом. Ее тяжелый взгляд удерживал Джалиту. — Не лги. Я знаю больше, чем тебе кажется.

Страх коснулся Джалиты. Старая женщина быстро шагнула в комнату, по-звериному улыбаясь и наклоняясь вперед. Ее тяжелая накидка распахнулась, словно темные крылья. Девушка представила птицу, фиолетовую, зеленую и черную, падающую стрелой на жертву. Хриплое требование настоятельницы звучало словно треск жесткого оперения.

— Скажи мне правду. Скажи мне все. Скажи мне честно. Ты не можешь лгать Церкви. Истинной Церкви, ты понимаешь?

Джалите нужно было время, и она изобразила смущение:

— Но Гэн сказал… В трапезной, когда ты…

— Гэн отлучен от Церкви! И эта непристойная ведьма Сайла, которую он назвал Церковью на своих Трех Территориях. — Слюна пузырилась на тонких кривящихся губах.

Мерцающая влага зачаровывала Джалиту. Она встала. Это движение заставило

настоятельницу выпрямиться и против воли сделать шаг назад.

— Чего ты хочешь от меня, настоятельница? Я признаю, что было грубо заставлять тебя ждать, но это случайность. Твои же старания запутать меня — умышленная грубость. Я уцелела у Скэнов. Ты думаешь, что, накричав на меня, заставишь меня заволноваться? Полагаешь, я заплачу и расскажу тебе все? Что? Ты думаешь, что я почему-то предам Гэна Мондэрка, после того как он приютил меня? Я не настолько глупа, да и ты тоже. Говори откровенно, чего ты хочешь?

Некоторое время противостояние сопровождалось лишь тяжелым прерывистым дыханием. Зубы соперниц были стиснуты. Вены вздулись и пульсировали. Вдруг настоятельница рассмеялась.

Откинув голову и раскрыв рот, она сжала руки у подбородка и застонала от восторга. Мгновенно успокоившись, она схватила испуганную Джалиту за плечи и мягко встряхнула.

— Я поняла, я поняла это только сейчас. И эта ведьма — Слезы Нефрита — тоже поняла то, что стучит у тебя в висках, заставляет твои пальцы сжиматься в кулаки. Эти твои амбиции, непреодолимое самомнение. Морщинки у глаз, упрямые складки у рта. Темные пронзительные зрачки… — Пожилая женщина словно очнулась и убрала руки с плеч Джалиты. — Прости, я забылась: радость ошеломила разум и открыла мои уста.

— Расскажи мне, что ты увидела, — попросила Джалита, даже не пытаясь скрыть свое любопытство.

— Только то, что видела Слезы Нефрита.

— Тебя там не было. Церкви тоже. Как и в деревне Скэнов.

— Скэны путешествуют. Они рассказывают, а Церковь слушает. Я знаю, как покорно ты работала на свою госпожу. — Тон настоятельницы Фиалок вновь стал обвиняющим.

— Я делала все возможное для спасения жизни матери и своей собственной, но никогда не отрекалась от Церкви.

— Или от самой себя, — сухо добавила настоятельница. — Церковь знает также, как удачно удалось тебе удрать.

После долгой паузы Джалита наконец произнесла:

— Я уже спрашивала у Тебя, настоятельница, чего ты добиваешься?

— Помоги Гэну вернуться в Церковь. Говори только правду и ему, и Сайле, и всем остальным. Скажи им, что мне запрещено преодолевать этот ужасный разрыв между нами, но я жажду увидеть их в лоне Церкви. Постарайся, дитя. Помни, Скэны идут. И Летучая Орда тоже. Все те, кто погибнет без благословения Церкви, попадут в ад.

Джалита с трудом освободилась от власти пронизывающего взгляда, устремленного, казалось, прямо в ее мозг. От легкого дуновения ветра шелковистые волосы на затылке девушки зашевелились, словно мурашки поползли по телу.

— Нет, я не смогу. Я одна, я чужеземка. Они ничего мне не скажут. А если узнают, что помогаю тебе, вообще могут меня отослать.

— Ты не одна. Все восхищаются твоей храбростью, твоим характером. Эмсо скорбит из-за ошибки Сайлы, боится за бессмертную душу Гэна. Доверься ему. Между нами говоря, именно ты можешь спасти Гэна Мондэрка от греха.

Джалита застыла с открытым ртом, ее глаза округлились от удивления:

— Эмсо скрывает свое истинное лицо от Гэна Мондэрка?

— Ты не права. Эмсо выслеживает души его друзей в лесу зла. Он осторожен, но не коварен. А Гэн будто ослеплен. Растормоши его, пусть он избавится от страха и непонимания. Ты должна помочь Эмсо, он будет содействовать тебе.

— А ты в этом уверена? Ты считаешь меня достаточно сильной и ловкой?

Не принимая отказа, настоятельница шагнула вперед, испугав Джалиту. Затрудненное дыхание царапало горло девушки, когда черные крылья накидки заслонили весь мир. От одежды настоятельницы исходил слабый аромат дыма, фиолетовым глазом блеснула аметистовая брошь. Девушка почувствовала запах костров Скэнов и преданных огню прибрежных жилищ ее погибшей семьи; в пурпурных отблесках самоцвета увидела

мерцание пламени, блеск стального лезвия. Воспоминания о поражении, позоре и ужасе охватили ее.

Настоятельница освободила Джалиту, удерживая на расстоянии вытянутой руки. Сначала тревога, а затем странное торжествующее сочувствие появились на ее лице.

— Бедное дитя. Ты была свидетелем чудовищного преступления. — Настоятельница подняла лицо к небесам. — Вездесущий, благослови это дитя, помоги ей привести грешника к прощению. Отомсти врагу! — И в ответ на колебания Джалиты доверительно улыбнулась: — Хочешь, я побуду с тобой еще немного?

— Нет, не стоит. Теперь я знаю, что должна делать. Рассчитывай на меня.

Она поцеловала руку настоятельнице и осталась стоять со склоненной головой до тех пор, пока женщина не исчезла из виду. Затем захлопнула дверь и единственным стулом заклинила ручку. Девушка подбросила в печь дрова и еще долго грелась, съежившись и дрожа всем телом, несмотря на сильный жар.

— Она хочет отправить меня к грешнику, — бормотала она. — Говорит о Гэне и Сайле, и всех их товарищах, но нужна ей только Сайла. А как же Гэн? «Ты должна помочь Эмсо, а он поможет тебе». Ха!

Презрительный выкрик Джалиты отскочил от каменных стен. Жизнь вернулась в ее черты. Она распрямилась и медленно встала, отряхивая и приводя в порядок одежду.

— Наша дорогая настоятельница и наш честный Эмсо надеются заставить меня вернуть Гэна Мондэрка. О, как смеялась бы Слезы Нефрита. Она хотела лишь отравить своим ядом врагов, а эти глупцы стремятся поделиться им с другими.

Девушка высунулась из окна почти до пояса, стараясь охватить взглядом как можно большее пространство на север и запад. Дождь хлестал ее по лицу, капли стекали по подбородку. Длинные темные пряди отяжелели от воды, падавшей непрерывным потоком. С безумной усмешкой она хрипло прошептала:

— Слезы Нефрита. Услышь меня. Мы побеждаем.

Упоенная силой и уверенностью, она опасно качнулась, бросая вызов судьбе.

Утомившись, Джалита вновь почувствовала холод и вернулась к огню. Сбросив рубашку, насухо вытерлась и надела другую, желто-красную.

— Мы побеждаем, — повторила она. — Джалита побеждает, ты, старая сумасшедшая ведьма. И я смогу сохранить достаточно яда для тебя.

Она радостно рассмеялась. Подняв медное зеркало, девушка снова принялась расчесывать длинные блестящие волосы, пока они сладко не запахли розами и не засверкали, как океанская ночь.

Глава 32

Тейт кивнула в сторону остроконечных пиков Гор Дьявола:

— Вчера в городе появился торговец с севера. По его словам, там заметна какая-то активность. Ква, северные Люди Гор и уцелевшие после войны Дьяволы просачиваются сюда маленькими группами. Еще торговец сказал, что на самых северных вершинах уже лежит снег.

Пережевывая в задумчивости кусочек яблока, Конвей бросил:

— Ну и?..

Тейт провела рукой по мохнатой голове Карды. Ощутив чужое прикосновение, сонный пес судорожно дернулся, недовольно зарычав в ответ на такое бесцеремонное обращение. Однако, увидев Тейт, сконфуженно замолчал и завилял хвостом, пытаясь загладить ошибку.

— Думаю, нам нужно трогаться в путь как можно скорее, чтобы успеть до первого снега. На поиски может уйти много времени.

— Пещера… — Голос Конвея слился с треском откусываемого яблока. Он огляделся. — Давай лучше оставим эту тему.

— Но мы уже обо всем переговорили, кроме этого, — с неодобрением возразила Тейт.

— Не хочу спорить с тобой, но возвращение мне кажется ошибкой.

— Перестань, Мэтт. Ты думаешь, что ошибка — оставить здесь Налатана. Нам же необходимо то, что находится в пещере.

Поднявшись и уперев руки в бока, Тейт глянула сверху на своего друга. Кроме них, на всем побережье, простиравшемся за дальние мысы ковром отшлифованной гальки, никого не было. Вдоль береговой линии то тут, то там видны были останки разбитых водой и временем волнорезов. Словно взывая о пощаде, из песка торчали сточенные волнами невысокие деревянные столбы. И на фоне всей этой унылой картины серой земли и свинцового небосклона — красочный мазок: Тейт в ярко-зеленых штанах, сияющих черных сапожках и расцвеченной в сине-зеленые полосы накидке.

Со стороны Внутреннего Моря медленно наступала плотная стена тумана. Прислонившись спиной к одному из бревен, Конвей лениво вытянул ноги. Кожаные черно-коричневые блуза и штаны искрились капельками туманной влаги.

Долгое молчание Конвея начало раздражать Тейт.

— Дело не в моем муже. Я думаю о спасении. Прежде у нас не было разногласий. Мы ведь уже говорили об этом, возвращаясь от Врат, перед приходом в Олу. Находка этого арсенала — настоящее везение. Мы должны заполучить его наконец.

— Я согласен. Но ситуация меняется, и у меня дурное предчувствие. Я бы подождал до весны, — он судорожно встрепенулся, словно ощутив неловкость.

— Опасно играть с судьбой, вступая в войну без хорошего вооружения. Следующей весной ситуация может ухудшиться. Жрец Луны строит катапульты. А если он построит и стенобойную машину?

С лица Конвея медленно сходила задумчивость.

— Это увеличит подвижность Летучей Орды и даст ей дополнительный перевес в метательных машинах. Скэны же в состоянии контролировать побережье. Союзники Гэна, может, и нанесут им некоторый урон в морском сражении, но остановить не смогут.

— Ты думаешь, нам пригодится то, что лежит в пещере? Она вообще могла уже обрушиться.

— Ни у кого нет заметного перевеса. Не забывай, что там есть и взрывчатка. Ее кусок размером с кулак намного эффективнее черного пороха Леклерка и любого другого оружия. Нам нельзя ждать до весны. Мы сами должны напасть на Жреца Луны. Мы можем опередить его, обойти с флангов, выбрать место битвы, создав для себя преимущество. Измотаем противника, Мэтт. Если получится — вдвое, если не больше, сократим его силы.

— Это слишком смелые надежды.

— Подумай, Летучая Орда все строит на мобильности. Им придется стянуть войска и подойти ближе, чтобы нанести удар. Я знаю, как их всадники стреляют из лука. Не хочу сказать, что боюсь вступить в бой, но с нашими нынешними силами сражение превратится в бойню.

Неожиданно Конвей вспылил:

— Да, именно бойня. Нам ведь уже тошно от этого? Эти убийства…

— Я давно устала от них. И с каждым разом все больше ненавижу это кровопролитие. Если бы мы могли мирно договориться со Жрецом Луны, я бы не мешкала ни минуты. Но он никогда не пойдет на переговоры: ему нравится убивать.

Отвернувшись, Конвей мрачно продолжал:

— А Гэн? Человек, которому мы служим? Не это же ли и ему доставляет удовольствие? А Сайла? Что ей надо? Она хочет заполучить душу каждого человека на этой выжженной, проклятой, примитивной планете. Кто мы, если не их наемники?

— Все это так, но спроси себя: стоим ли мы на правой стороне? Что станет с этими жизнями и душами, если мы будем сидеть сложа руки? Ты мне рассказывал, как Летучая Орда захватывала деревни. Скэны не лучше. Что нам делать, Мэтт?

— Люди и поумнее меня сходили с ума, задавая себе этот вопрос. — Его губы тронула кривая усмешка. — Слишком тяжело об этом думать. Пожалуй, лучше нам оставить этот

разговор.

Доннаси отвернулась и, подняв голову, направила взгляд в сторону моря:

— Если бы Налатан узнал всю правду, ему пришлось бы держать рот на замке или сбежать от меня.

— Ничего глупее не слышал в своей жизни, — Конвей постарался придать реплике нотку возмущения. Он помнил, какие фрагменты из его жизни возникли в Видениях у Ланты. И этот эпизод был незаживающей раной. — Налатан не сбежит даже из ада, если ты будешь рядом с ним. Он не уйдет, пока тебе самой этого не захочется.

Тейт напряглась, понимая его правоту. Насупившись и закрыв глаза, она мерно дышала. Конвей заметил, как у нее заиграли желваки и начала вздрагивать шейная артерия при каждом ударе пульса. Он знал, что ей известно о его сложных отношениях с Лантой. И сейчас Тейт боролась с желанием припомнить его прежние глупости.

Когда напряжение прошло, она вновь посмотрела на него:

— Давай не будем поминать прошлое. Налатан не пойдет с нами. Ладно? Меня пугает не то, от чего он может защитить. Есть проблемы посерьезнее всадников Ква или кучки Людей Гор.

— Жрец Луны, — одно это слово было и ругательством, и предупреждением, таившим серьезную опасность. — Тебя не волнует нехватка оружия, ты боишься, что он первым доберется до пещеры. Если так — мы все мертвы.

— Невеселый конец.

— Послушай, я не хочу затевать опять этот спор о Налатане, но еще одна пара крепких рук не помешала бы. Нам вдвоем все не увезти.

— Мы возьмем только самое необходимое, а остальное спрячем.

— Когда выпадет снег, тайника тем более не найдут. Мне кажется, что Жрец Луны думает точно так же.

— Он должен так думать. Жрец Луны в таком же положении, как и мы: ему некому доверить эту тайну. Он придет сам, если захочет получить это оружие. И пусть только мы с ним встретимся, я испорчу ему обедню.

— Ты хочешь убить Джонса? — ошеломленный Конвей произнес его настоящее имя. — Он же один из нас.

Обвинительный тон его слов задел Тейт. Она ответила с холодностью, о которой пожалела сразу же, не успев произнести первой фразы:

— Лучше, если бы я заплакала? Я смотрела за ним, когда он был при смерти, когда он был еще тем Джонсом.

— Опять ссора. Мы с тобой отличная пара. Если не успеем все сделать до появления Жреца Луны, наша беседа окажется пустым разговором. И чем скорее мы займемся делом, тем лучше.

— Ты уже сказал Ланте?

— Ты что думаешь, это — прогулка? — Конвей встретился с пристальным взглядом Тейт. — Я ей все объясню. — И, слегка отвернувшись, с горечью добавил: — Как будто мои россказни подействуют на нее.

— Что бы ни случилось, она тебя уже простила. Ты нравишься этой женщине. Все это видят. Тебе нужно пойти к ней. Я думаю, она ждет тебя. Ступай.

Конвей встрепенулся, как ужаленный, но через мгновение уже был спокоен.

— Ты переживаешь за своего монаха? Не волнуйся, с Лантой будет все в порядке. Я смогу отправиться завтра же утром.

— Если хочешь поступить именно так…

— И не иначе.

Тейт невозмутимо продолжала:

— Тогда встретимся в конюшне. Нужно выехать до рассвета. Чем меньше людей нас увидит, тем меньше будет лишних кривотолков.

Казалось, никто не хотел первым прекращать разговор. Они просто бродили, с

серьезным видом осматривая прибрежные скалы, деревянные останки волнорезов и выброшенные волной морские водоросли. Словно искали повод, чтобы еще немного побыть вместе. Поймав друг друга за этой игрой, оба весело засмеялись.

— Мы отличные партнеры. Ты даешь паршивые советы мужчине, страдающему от безнадежной любви.

Тейт бросила на него свирепый взгляд и погрозила кулаком.

Конвей посерьезнел.

— Ты просила меня подумать, ту ли сторону мы поддерживаем. Не уверен, что мое решение тебе понравится. Я слишком много видел тут. Сторона, прибегающая для решения своих проблем к силе, не может быть правой. Мне это подсказывает сердце. Однако умирать тоже не хочется.

— Мы защищаем невинных.

— Я знаю. И уверен, что поступаю правильно. Но чего нам это будет стоить, Доннаси? Как делать то, что делают они, не превращаясь в них?

— Это известно всем воинам, — Тейт засмеялась. — Праведная война оканчивается, когда шум стихает, а у тебя все еще есть силы; нечестная война прекращается с твоей смертью.

Протянув руки, она сжала его ладони. Конвея восхищало сочетание нежной силы с женским теплом и лаской этих рук. Тейт вдруг сказала:

— Я рада, что ты со мной. Ты — мой брат. Пошли, у нас много работы.

Они стали удаляться от берега, оставляя за спиной наступавшую пелену тумана. Медленно сгущаясь, он обволакивал мелкую рябь волн, ласкавших прибрежную гальку, словно собирался пуститься вслед за уходящими фигурками людей.

Глава 33

Стоявшие перед камином люди почувствовали гнев Налатана.

Повернув голову, Сайла бросила мимолетный взгляд в толпу, собравшуюся в Зале приемов. Она помнила день, когда в этой огромной комнате просила у короля Алтанара разрешения совершить миссионерский поход к Людям Собаки. Теперь на том же подиуме восседал человек из этого племени, ожидая, пока утихнет толпа, чтобы начать свое обращение. Его одежды из серой шерсти заметно уступали по красоте великолепному костюму Алтанара. И лишь кинжал, роскошно инкрустированный драгоценными камнями по рукояти и ножнам, словно пылал в свете факелов.

Свет от факелов и растопленных каминов не добирался до дальних стен, и там сохранялся неприветливый полумрак. Так же и в душе Налатана, где за бушующим пламенем притаилась холодная ясность. Он стоял рядом с Тейт, готовый дерзко отстаивать свое мнение или даже оскорбить, что было совсем ему несвойственно. Как воин-монах, он умел наносить молниеносные удары. И такое его настроение пугало. Сайла надеялась, что Тейт сумеет успокоить его.

Неожиданно Ланта перебила ее мысли. Едва шевеля губами, маленькая провидица прошептала:

— Посмотри на них. Я вижу в толпе слишком много баронов Алтанара. Они, как койоты, выслеживающие хромого оленя.

— Да нет, сестра, — Сайла попыталась успокоить подругу. — Они знают, что кончат жизнь в рабстве, если весной Гэн будет разбит.

— При условии, что сами не помогут этому. — На миниатюрном личике Ланты появилась тревожная гримаска. — Ни одному из них я не верю.

С треском обрушиваясь, в камине перегорело толстое полено, подняв множество медных искр, мгновенно уносимых в темноту дымохода. Тихим мелодичным голосом Сайла продолжила разговор:

— Сестра-Мать объявила меня ведьмой. Но это не так. Я воспитываю новых Учителей,

создаю новую Церковь. Это входит в обязанности Жрицы. Скажи, могу ли я прибегнуть к твоим Видениям? Может ли Церковь воспользоваться этим даром?

— Сомневаюсь, Сайла. Я бы согласилась, а вдруг это грех?

— Церковь определяет, что есть грех. Если я — Церковь, я и отпущу этот грех.

— Только Вездесущий может это определить. — Сомкнув губы, Ланта пристально посмотрела на подругу.

Вспыхнув от стыда, почувствовав сухость во рту и спазмы в горле, Сайла едва выдавила из себя:

— Всегда будь рядом со мной. Всегда. Ты — моя совесть. Как я могла такое сказать? Бедная моя настоятельница, она бы умерла от стыда, услышав это.

Ланта смягчилась, но слова ее были безжалостны:

— Тебе захотелось власти. Ты решила, что она дает свободу. Так знай: власть закабаляет.

— Что же мне делать?

— Делай то, для чего родилась, для чего тебя воспитывала старая настоятельница Ирисов. Ты — Цветок, несущий семена новой Церкви.

— Я ведь могла стать такой, как настоятельница Фиалок, как Жнея. — Охваченная ужасом, Сайла замолчала.

— Что бы ни пришло, это должно исходить из твоей внутренней сути.

— Ты поможешь мне?

— Чем смогу, — ответила Ланта, неожиданно печально добавив: — Мы обе — изгнанницы. И если нам не удастся воспитать новых Учителей, по крайней мере станем самыми учеными Жрицами в преисподней.

У Сайлы от неожиданности округлились глаза. На какой-то момент она потеряла дар речи, затем вдруг хихикнула. И, понимая трагикомичность такой реакции, обе женщины разразились веселым смехом.

Реплика Джалиты застала их врасплох:

— Ну хоть кто-то в этой толпе не забыл, как веселиться.

Повернувшись, они увидели на лице девушки озорную улыбку. Глядя в сторону Налатана, она с усмешкой произнесла, словно приглашая их к обсуждению:

— Ручной тигр Тейт недовольно ворчит, словно от застрявшей колючки. Даже Гэн ходит вокруг него на цыпочках. Можно подумать, Тейт собирается покинуть его навсегда.

Жрицы закивали, а Сайла добавила:

— Он предан ей, а путешествие полно опасностей.

Уже более серьезно Джалита спросила:

— Интересно, почему они едут вдвоем? То есть я хочу сказать, если это — священный долг, то почему только для Тейт и Конвея? А остальные женщины и Леклерк?

Переглянувшись с Лантой, Сайла с тревогой подумала про себя, что должна уделять больше внимания юной Джалите. Но сейчас она просто сказала:

— Путешествие, видимо, как-то связано с военным делом, в котором Тейт и Конвей разбираются лучше всех.

— Я уже слышала такое мнение, — Джалита недовольно фыркнула. — Мне нравится Тейт. Она симпатичная. Но сражаться с мужчинами и побеждать их? Это ненормально.

— Они очень разные. — Ланта решила сменить тему разговора: — Луис Леклерк уже многое тут изменил. Он говорит, что ничего не понимает в кузнечном ремесле. Однако построил печь, превращающую уголь в вещество, которое он называет коксом. При его сгорании получается столько тепла, что можно ковать самую прочную сталь.

— Хотела бы я узнать, какие еще секреты ему известны.

Джалита так смотрела на Леклерка, что обе Жрицы переглянулись, а Сайла хитро заметила:

— Если он что-то знает, то обязательно поделится секретом с Гэном Мондэрком.

— Замечательно, — Джалита одобрительно кивнула. — Надеюсь, он знает много

способов, как разбить Скэнов.

Снова обменявшись взглядом со своей подругой, Сайла подумала о красоте этой молоденькой девушки, резко выделявшейся среди остальных женщин. Длинная, едва не касающаяся пола, желто-кремовая мантия Джалиты была стянута у шеи и на поясе. Одежда подчеркивала ее стройную фигуру, придавая движениям легкость и невесомость. В отсветах пылавших факелов ткань переливалась мириадами оттенков, игравших отраженным светом на ее волосах. Сайла поймала себя на мысли, что некая толика зависти примешивается к ее оценке Джалиты, всегда умеющей преподнести себя.

Звуки труб прервали беседу. Все посмотрели налево, в сторону небольшого возвышения перед подиумом, выступавшим из стены. Он заметно выделялся, ярко освещенный факелами. Лишь только утихло эхо, вступили горнисты. Трубы были сделаны из меди и латуни. Изгибаясь в два полных кольца, они постепенно сужались, оканчиваясь металлическим мундштуком. Музыканты надевали свой инструмент через левое плечо, придерживая его руками на уровне груди. Слегка выдаваясь вперед, выходное расширение трубы находилось как раз над головой. Своды помещения содрогались, словно от ударов грома, издаваемые трубами звуки заставляли дрожать огромные колонны и трепетать сердца.

Потом ударили барабаны. Они были меньше полковых барабанов Волков, но размер их все же впечатлял. Их речитатив напоминал пение гор, и, когда люди наклонились, словно не выдержав натиска этого звукового шторма, трубы зазвучали еще громче.

Затем все резко стихло. Подняв руки, Гэн начал свою речь:

— Трем Территориям грозит разорение. — Сделав несколько шагов вперед, он опустил руки, словно обращаясь к каждому лично. — Ходят слухи, что я хочу выторговать себе королевство. Даже говорят, что я заплатил бы золотом и рабами за право управлять Тремя Территориями. Послушайте настоящую правду. Если бы можно было без кровопролития договориться с нашими врагами, я пошел бы на это без промедления. Но наши враги неумолимы. Скэнам и Летучей Орде нужны мы в качестве рабов и наши земли, чтобы править на них. Весной нас ожидает гибель.

Он сделал несколько шагов взад и вперед, как бы давая возможность словам лучше отложиться в сознании толпы.

— Я знаю, что Три Территории раздирают разногласия. Есть и желающие моего свержения. Это может произойти. Но пусть каждый запомнит: обративший свой меч против Трех Территорий будет сразу же выдан Скэнам и Летучей Орде. Думаю, едва ли можно выжить без своего рода и племени, рассчитывая только на милость врагов. Для нас же предатель перестанет существовать.

Оживившись, люди напряженно зашушукались. В этом мире, где жизнь строилась на тесных взаимоотношениях друг с другом, такой приговор был страшнее смерти. Сайла едва подавила в себе дрожь, подумав, что даже раб, принадлежащий своему хозяину, не одинок. Гэн же не допускал и такого конца. Застывшая в ожесточении, Нила старалась не смотреть на мужа, боясь смутить его охватившим ее ужасом.

Сайла пристально рассматривала чужаков. Ей не терпелось увидеть их реакцию на речь Гэна. Однако лица их сохраняли равнодушное выражение. Она не могла понять, как можно спокойно стоять и слушать такие слова. Или чужаки умели лучше остальных скрывать свои подлинные чувства, или с ними было не все в порядке.

Гэн продолжал:

— Завтра утром всадники отправятся во все концы Территорий с приказом всем мужчинам от шестнадцати до пятидесяти лет собраться у своих баронов. Эмсо с офицерами из Волков займется подготовкой новобранцев. Остальные совершат набег на Летучую Орду и их союзников из племени Людей Реки. — Окинув взглядом толпу, Гэн окликнул человека из дальнего ряда: — Барон Фир, представитель северных земель, ты видишь глупцов в этом зале?

В ожидании ответа все посмотрели на Фира. Он замешкался, но затем на лице его появилась ехидная ухмылка.

— Ни одного, готового признаться в этом.

Веселое оживление прокатилось по залу. Указав на другого человека, Гэн крикнул ему:

— Отто Саут, храбрый воин из Одиннадцатого Западного баронства. Что скажешь ты? Есть глупцы в этом зале?

— Нет, Мурдат, — проворчал в ответ тощий, как хлыст, долговязый Отто Саут.

— Теперь вот что я вам скажу. Только дурак, разговаривающий с дураками, может обещать уверенную победу в этой войне. И если я погибну, то умру свободным человеком, ведя за собой свободных людей. Мурдат не оставляет раненых на поле боя, Мурдат не предает друзей ради личной выгоды. И тому, кто готов стать рядом с моими Волками, я могу обещать только одно: честь.

Раздались одобрительные возгласы и боевые кличи. Музыканты заиграли веселую музыку.

Бароны и знать бывшего королевства Олы держались намного сдержаннее. Сайле сразу же бросилась в глаза путающая двуличность, скрывавшаяся за их вороватыми улыбками.

Стоя на цыпочках, Ланта заставила Сайлу наклониться, положив ей на плечо руку:

— Ты видела? Как улыбается барон Ондрат?

— Видела, — Сайла оборвала ее на полуслове, указывая взглядом на Джалиту. И привлекая внимание девушки, громко сказала: — Мне тоже кажется, что он замечательно говорил. Мы разобьем Скэнов и Летучую Орду.

— Мы должны разбить их, — уточнила Джалита. — Или они расправятся с народом Трех Территорий, как ласка с сонной курицей.

— Они не смогут, — Ланта вся ощетинилась. — Очень быстро они поймут, что имеют дело с орлами.

— Интересно было бы проверить на прочность союз Скэнов и Летучей Орды. Думаю, что при любом исходе войны они постараются избегать друг друга.

В ответ на это высказывание Сайлы Джалита слегка пожала плечами.

— Нас должно волновать не это. Если они проиграют, мы получим удовольствие, наблюдая, как они разорвут друг друга. Если же победят, то, конечно, тоже примутся друг за друга, но только покончив с нами.

— Разве у тебя нет среди них друзей?

Сайла сочувственно коснулась ладонью руки Джалиты.

Джалита мгновенно вскипела. Лицо, шея, уши вспыхнули сильнее, чем от тепла горящих факелов. Губы напряженно сомкнулись, глаза сузились, и в них зажглась неистовая ярость. Сайла поразилась, как быстро эта красивая девушка на миг превратилась в нечто омерзительное. Но Джалита так же быстро взяла себя в руки. Гнев сменил злобу, и вскоре холодный рассудок контролировал ее эмоции. Сайла и Ланта следили за происходящим, как за тонко разыгранным спектаклем.

— У меня осталась там только мать.

Ложь. Учащенный пульс на запястье под пальцами Сайлы и расширенные зрачки подтверждали это.

Вопросов было больше, чем ответов. Могла ли какая-то неизвестная связь Джалиты с человеком из ее племени помочь им?

Прерывая мысли Сайлы, появился Луис Леклерк с нехарактерной для него широкой улыбкой на лице. Он остановился рядом с Джалитой:

— Должен сказать, меня радует твое хорошее настроение. Твое появление всех так взволновало. Тебе многое пришлось пережить. Сегодня же ты просто великолепна.

Потупив взгляд, она смущенно поблагодарила его за комплимент.

Повернувшись так, чтобы Джалита не услышала ее слов, Ланта прошептала Сайле:

— Она вообще на него не смотрит, словно ищет в толпе кого-то другого.

Однако, занятая своими мыслями, Сайла пропустила ее слова мимо ушей. Как только Налатан и Тейт попрощались с Эмсо, Джалита вновь ожила, больше обращая внимание на приближающуюся к ним пару, чем на Леклерка.

Обменявшись приветствиями с подошедшими, Леклерк сделал еще один комплимент Джалите, вызвав очередную благодарную улыбку. Тейт оценивающе взглянула на него.

Налатан сохранял угрюмое выражение лица, говорил мало и зло. Умоляюще глядя на собеседников, Тейт молча просила у них прощения за дурное настроение своего спутника.

— Твоя работа идет хорошо? Ты сделаешь еще что-нибудь, чтобы Гэн смог разбить Скэнов?

Джалита сопроводила свой вопрос улыбкой, однако Леклерк ответил серьезно:

— Как сказал Гэн, победу нельзя гарантировать, но я припас пару идей по новому оружию.

— Оружие не воюет само по себе, — Налатан сердито посмотрел на всех. — Доннаси как раз и отправляется в Горы Дьявола за оружием, которое спасет Гэна Мондэрка. Мне это известно. Я уже устал от секретов и от мысли, что моя жена рискует жизнью ради какого-то королевства.

Прямота этих слов выплеснулась на слушавших ушатом холодной воды.

— Я тебя люблю, — Тейт сжала его ладони.

Суровый, ледяной взгляд монаха начал постепенно оттаивать. Он даже почти улыбнулся:

— Наконец-то мне удалось выставить себя дураком.

Подняв голову, Тейт прижалась к нему:

— Именно за это я тебя и люблю. Это мой нелегкий крест.

Ее слова заставили Налатана по-настоящему улыбнуться.

Взяв Тейт за руку и забыв про остальных, он повел ее за собой. Обернувшись, она лишь помахала друзьям на прощание, смиренно пожав плечами.

Все засмеялись, и напряжение исчезло. Леклерк пригласил Джалиту заглянуть завтра утром в его мастерскую. Оживленно беседуя, они тоже удалились. Постояв немного, Сайла и Ланта последовали за ними. Все постепенно расходились. У двери, ведущей наружу, Джалита обернулась.

Сайла оттолкнула подругу в сторону, прячась вместе с ней под покровом мрака. Ланта моментально все поняла, и обе стали наблюдать за парой.

Стоя спиной к лучезарно улыбающемуся Леклерку, девушка бегло окинула взглядом оставшихся в зале людей. Словно ястреб, высматривающий сонную птицу. Эмсо о чем-то разговаривал с Гэном; у одного из каминов расположилась группа баронов. Она проследила, как Налатан и Тейт вышли через другую дверь. На лице Джалиты появилась чуть заметная улыбка. Ленивым движением кончика языка, сверкнувшим, как бриллиант, она провела по губам, и они покрылись сияющим глянцем. Засмеявшись, Джалита повернулась к Леклерку и, оставляя за собой отблески серебристых огоньков, постепенно растворилась с ним в темноте.

Глава 34

Юная Жрица стояла перед Сайлой, трясясь от страха так, что ее мантия ходила ходуном. Ее побелевшие руки нервно теребили края рукавов, напоминая двух мышей, пытающихся скрыться подальше от чужих глаз. Заикаясь, девушка начала рассказывать все сначала:

— Женщина, пославшая меня к вам, — военная целительница. Она была с нами с тех пор, как пришли вы и ваши люди. Как только целительница убедилась, что вы благосклонны ко мне, она дала мне этот свиток. Она сказала, что вы все поймете, когда развернете его. Сказала, что я обязательно должна отдать вам его. — Девушка замолчала. С трудом сглотнув, она продолжила: — Вас будут ждать в полночь на улице Гончаров. Если вы сегодня не придете, то завтра там же. Встретивший вас скажет: «Меченые приносят зло».

Жрица вопросительно взглянула на Сайлу, сгорая от нетерпения узнать, что значат эти странные слова.

Сайла показала на кожаную флягу, висящую над дверью.

— В ней вино. Выпей немного и успокойся. — Затем она сжала губы и задумалась. «Меченая» — это, конечно же, Одил, в прошлом — Жнея, а сейчас Сестра-Мать Церкви. Сайла содрогнулась, вспоминая ту ночь, когда она наложила на Одил запретный знак креста. Сайлу охватила ярость. Служительница Церкви — причем самая почетная — участвовала в языческом обряде Коссиаров. Невероятно. Неверно.

Сайла повернулась к Жрице — та ставила на место глиняную чашку — и спросила:

— Что ты еще знаешь об этой военной целительнице?

— Больше ничего, Жрица Роз.

Согнувшись под тяжестью мрачных мыслей, Сайла закрыла за Жрицей дверь и направилась к своему столу у окна. Несмотря на полуденный час, окно было закрыто — погода стояла просто ужасная. В комнате было довольно темно, единственным источником света служило мерцающее пламя стоявшей на столе свечи. Щели между деревянными рамами и каменными стенами были заткнуты тряпками.

Встреча с незнакомцем. Заговорщиком. Если она хочет остаться в живых, нужно немедленно отвергнуть этот план — он предвещал верную гибель.

Так много врагов. Так много друзей. Кто будет ждать ее в полночь?

Внезапно какой-то шуршащий звук отвлек ее от мыслей. Через некоторое время до Сайлы дошло — это был маленький бумажный свиток, который она сжимала в руке. Вытерев слезы, Сайла открыла его. Внутри был цветок. Это была свежая, ароматная роза. Такие розы росли на равнинах. Садовники называли их первыми розами, утверждая, что все остальные виды роз происходили от этого вида. Сайла поднесла конверт поближе к лицу, чтобы насладиться ароматом розы. Однажды кто-то уже прибил розы к ее двери. Сейчас Сайле казалось, что с тех пор прошли столетия. Эти розы были для нее каким-то предупреждением.

Сайла ощущала чей-то взгляд на спине. Взгляд этот был таким же настойчивым, как холодный туман, проникающий под одежду.

Резко остановившись, она обернулась, пытаясь разглядеть преследователя. Подол мантии, мокрый от дождя, взметнулся, словно черный цветок, распустившийся среди ночи. Брызги полетели во все стороны, срываясь с ее тяжелой одежды. Тень вдалеке, темнее, чем темнота, — что-то смутило Сайлу, заставив внимательно приглядываться. Но ничего существенного она так и не заметила.

В конце квартала была одна из общественных бань, построенных для бедных по приказу Гэна. Всего несколько часов назад эта улица была полна народу; сейчас же, после полуночи, редкий человек захотел бы пройтись по ней в такую холодную, дождливую погоду.

Сайла двинулась дальше. Опыт подсказывал, что это странное покалывающее чувство надвигающейся опасности неспроста завладело ее душой. Жрица печально улыбнулась — возможно, у нее нет дара провидения, как у Ланты, зато у нее есть шестое чувство зверя, подсказывающее, что рядом хищник.

Кто-то в темноте подкрадывался к ней. Ее муж — отличный охотник — учил ее: хищники часто упускают свою жертву. Осторожная добыча обычно выживает.

«Меченые приносят зло», — так сказала военная целительница из Дома Церкви. Сайла угрюмо подумала о том, как свободно новая Сестра-Мать сеет зло вокруг.

Сайла прибавила шагу. Инстинкт преследуемого зверя призывал ее побежать, но знание повадок хищника убедило не делать этого. Кто бы это ни был, он должен был отстать. Даже тогда, когда она только вошла в город, он уже был там. Слишком далеко, чтобы нанести вред, но достаточно близко, чтобы быть опасным. Значит, кто-то должен ждать впереди.

Деревянные вывески магазинов ударялись о стены, раскачиваемые мощными порывами ветра. Крупные капли дождя стучали по каменной мостовой, стенам домов, черепичным крышам. Несколько фонарей разрезали кромешную темноту ночи своим неровным,

мерцающим светом. Люди предусмотрительно укрылись от непогоды в теплых и сухих жилищах, плотно закрыв двери и ставни на окнах. И только одно окно, случайно не закрытое ставнями, светилось в ночи причудливым светом.

Сайла решила скрыться от погони. Сейчас она находилась в самой бедной части города. Улочки здесь были узкими и прямыми — точной геометрии улиц Олы не хватало немного живописного беспорядка. С бешено колотящимся сердцем Сайла стрелой неслась по этому лабиринту. Один раз она попала в тупик. Трясясь от страха, Сайла долго стояла и прислушивалась, ожидая топота ног преследователей. Когда, как ей показалось, прошло достаточно времени и никто не появился, она вышла из тупика. Сайла кружила по городу, часто возвращаясь назад и делая огромные петли; но потихоньку она все же приближалась к цели своего ночного путешествия — улице Гончаров.

Вот уже впереди показалось место встречи — две стоящие рядом арки. Сайла поспешила спрятаться от дождя под одной из них. Шаг за шагом она тихо кралась к назначенному месту. Вдалеке маячило несколько фонарей. Этот неровный свет сейчас был для Сайлы лучшим другом и помощником. Гром же она ненавидела всей душой, потому что он мешал расслышать ей шаги того, кто придет на встречу.

Внезапно сверкнула молния и, прежде чем раздались раскаты грома, Сайла услышала, как кто-то позвал ее. Это был высокий напряженный голос. Женщина? Мужчина?

Сайла ответила:

— Я — Сайла. А ты кто?

— Друг. Я пришел, чтобы предупредить тебя. — У говорившего была странная манера речи, голос резко повышался и так же резко падал; он напоминал Сайле говор Коссиаров, живущих на дальнем юге.

Сайла произнесла:

— Твой свиток — это уже предупреждение. Скажи мне, кто ты и откуда ты родом?

— Я здесь для того, чтобы рассказать тебе, кто наши враги.

Сайла впилась глазами в темноту, пытаясь рассмотреть своего собеседника.

— Любой может рассказать мне это.

— Ты не должна произносить имена вслух после того, как я назову их. Кроме меня, их знают только Сестра-Мать и ее провидица. Я хочу предупредить тебя о двух заговорах: против тебя и против Гэна Мондэрка.

Нахмурившись, Сайла повернулась вправо. Но, похоже, говоривший успел отойти в тень.

— Только два? Я думала, что мы заслуживаем большего.

— Возможно и так. Но провидица сказала только о двух. — Голос говорящего ничуть не изменился, несмотря на саркастический тон Сайлы. Кроме того, казалось, что ее собеседник приближается к ней слева. — Гэна Мондэрка хотят отравить — так сказала Сестре-Матери ее предсказательница. Она никогда не ошибается. Сильная привязанность, почти любовь. Это произойдет во время большого торжества.

Сверкнула молния. Сайла засыпала своего собеседника вопросами:

— Он умрет? Гэн Мондэрк умрет? Кто? Когда?

Говоривший теперь находился прямо перед ней.

— Предсказательница больше ничего не видела. Гэн Мондэрк будет отравлен и умрет. Предсказательница уверена в этом.

— А что будет со мной? — Сайла старалась сдержать дрожь в своем голосе.

— Про заговор против тебя я скажу больше. Сестра-Мать приказала уничтожить тебя. Она поручила это Жрице Фиалок. В случае удачи, Жрица Фиалок станет Жнеей.

— Ты сказал, что провидица Сестры-Матери видела все это. А видела ли она мою смерть?

— Провидица видела Жрицу Фиалок в мантии Жнеи.

Ужасная догадка промелькнула в голове у Сайлы. Задыхающимся от волнения голосом она спросила:

— Учителя. Я угадала? Это будут Учителя? Неужели Церковь позволяет это? Неужели она поможет им?

— Провидица сказала, что, надев мантию Жнеи, Жрица Фиалок исчезнет во мраке зла.

Невероятность такого предсказания заставила Сайлу забыть на время о своей собственной судьбе.

— Что все это значит? Как это может быть?

— Провидица никогда не ошибается. Но не все, что она видит, происходит так, как предсказано. И ты это знаешь. Возможно, мрак — это лишь символ. Мантия Жнеи — тоже. Мы знаем, что должно произойти, но мы не знаем точно, где и как. Но имена остаются именами.

— Да, имена. Ты обещал их назвать.

— Слушай и запоминай. Их четыре: Ондрат, Кревелен, Бирда и Милл. Они замышляют заговор против Гэна Мондэрка. Церковь знает об этом и поддерживает их.

— А доказательства? Дай мне их, и я смогу убедить Гэна.

Долгое время незнакомец молчал, а потом издалека послышался его напряженный шепот:

— Кто-то приближается. Прячься.

Сайла тотчас же повиновалась его приказу.

Черная мантия и капюшон делали ее незаметной в ночи и скрывали от посторонних глаз. Кто-то еще находился рядом, Сайла надеялась, что это друг. Она начала тихонечко пробираться вдоль канавы.

Внезапно Сайла на что-то наступила. Сквозь толстую кожаную подошву сапога она почувствовала что-то круглое — это был глиняный черепок. Не в силах остановиться, Сайла раздавила его. Черепок с треском раскололся, как будто кто-то хлопнул в ладони. Зашуршала щебенка.

Сайла затаилась, ей захотелось стать невидимкой.

Вдруг позади она услышала какой-то непонятный звук. Сайла резко обернулась, но дождь заглушал все звуки, мешал рассмотреть.

Что-то двигалось по направлению к ней. Этот предательский глиняный черепок выдал ее. Нечеткая фигура приближалась с определенной целью. Прежний звук донесся до ушей Сайлы. Сталь о сталь.

Собрав все свои силы, Сайла попыталась взять себя в руки.

— Остановись! Кто бы ты ни был, побережись! Я — военная целительница! Убирайся!

Человек приближался. Уже можно было разглядеть, что это был грузный невысокий мужчина. Сайла подняла правую руку и закричала:

— Оставайся там, где стоишь, если жизнь тебе дорога!

Тяжелое дыхание человека, похожее на дыхание буйвола, показывало, как он был массивен. В кромешной темноте ночи, в шуме дождя, сама смерть приближалась к Сайле. Как сквозь сон, она услышала свой пронзительный крик, похожий на крик загнанного зверя.

Искры полетели во все стороны — смертоносная сталь, проткнув ткань ее рукава, ударилась о каменную стену позади. Сайла отскочила. Меч застрял в ее рукаве. Какое-то время хищник и его жертва боролись, отнимая друг у друга меч. Наконец ткань не выдержала и с треском разорвалась. Едва не упав на мостовую, Сайла отскочила от нападавшего. Она увертывалась от ударов и изгибалась как только могла, слыша свист меча в воздухе возле своей головы.

В нечетком свете одного из окон она краем глаза уловила, как что-то блеснуло. Жрица отчаянно закричала, но голос больше не подчинялся ей. Она чуть не упала от следующего удара. Инстинктивно Сайла отскочила влево.

Несмотря на свой вес, нападавший быстро прыгнул, очутившись прямо перед ней.

Только огромное желание выжить двигало Сайлой, несмотря на страх и усталость. Не сознавая, что делает, Жрица сунула свою правую руку в левый рукав и вынула оттуда маленький кинжал. Инстинктивно она отклонилась влево так, что меч прошел в дюйме от ее

живота. Сайла полоснула кинжалом по ненавистному рычащему лицу мужчины. Тот отклонил голову, его шея открылась.

Сайла изо всех сил вонзила клинок в это горло, чувствуя, как он входит в живую плоть.

Закашлявшись, мужчина обеими руками схватился за шею. Меч со звоном упал на мостовую. Мужчина ничком повалился на камни. Из его горла раздавались булькающие и свистящие звуки. Падая, он успел ухватиться за рукав мантии Сайлы.

Рыдая и причитая, Сайла нагнулась над телом:

— Что я натворила? Кто-нибудь, помогите! Принесите огня, ткани! Человек умирает! Помогите!

В одном из домов отворилась дверь. Потом зажгли свет, и послышались ворчливые, испуганные голоса.

Потом загремели засовы, открылись другие двери, и постепенно улица засветилась огнями. Сайла посмотрела вокруг себя. Вокруг были люди — кто-то размахивал руками и кричал. Какой-то человек подошел к ней с дубинкой в руке.

Мужчина замахнулся и ударил.

Глава 35

Музыка.

Звуки чингов — плоских круглых дисков, используемых в Оле как ударный инструмент. И как смертоносное метательное оружие. В голове у Сайлы металлические звуки сплетались в какую-то сложную мелодию.

Дым. Едкий. Запах его был противен Сайле, но в нем было и облегчение страданий. Боль потихоньку покидала измученное тело.

Боль? Откуда она взялась? Почему ей так трудно думать и почему у нее так болит голова?

И вдруг Сайла все вспомнила.

Она приоткрыла глаза. На время отступившая боль вновь напомнила о своем существовании. Сайла застонала, пытаясь не потерять сознание вновь.

— Успокойся. — Это был голос Ланты. — Ты так только навредишь себе еще больше. Не шевелись, пожалуйста.

Музыка исчезла. Вместо нее возникла дикая боль. Откуда-то издалека доносился успокаивающий голос Ланты:

— Сейчас уже все хорошо. Ты скоро поправишься.

— Она будет жить? Она действительно в безопасности? — Голос Гэна. Верного, готового всегда прийти на помощь Гэна. Сайла вспомнила, что должна что-то рассказать ему, что-то очень важное. Но что?

Снова зазвучала музыка. Неприятный странный запах тоже вернулся. Боль отступила, ворча, как рассерженное животное.

Музыка. Ланта играла на чингах. Удар за ударом следовали бесконечной вереницей звуков.

Ондрат, Кревелен, Бирда, Милл.

Имена. Чинги выбивали их имена.

Она услышала голос Конвея:

— Стражники, остановившие меня и Тейт у Восточных ворот, сказали, что если бы тот барон не поспел вовремя, то они бы убили ее. Мы останемся здесь, пока не будем уверены, что с ней все в порядке.

Сколько друзей вокруг, и у всех такие взволнованные голоса. Сайла почувствовала, что снова теряет сознание. Она изо всех сил старалась противиться этому.

Какой барон? Кого он спас?

Снова заговорил Гэн:

— Вы и представить себе не можете, как мне стыдно. Из всех великородных Олы он —

единственный, кому я верил меньше всего. А он спас жизнь одному из моих друзей. Я должен теперь извиниться перед ним?

— Тебе не обязательно делать это, — сказал Конвей. — Он не знает о твоих переживаниях, зачем ему говорить об этом? Просто поблагодари, и все.

Кто-то постучал в дверь. Нила сказала пришедшему:

— Барон Ондрат, мы только что говорили о тебе. Мы в большом долгу перед тобой.

Сайла напрягла свой слух, чтобы расслышать голос гостя. Голос был низкий.

— Не стоит благодарности. Я проклинал все на свете, когда пришлось выйти на улицу в такую непогоду, и тут в свете молнии увидел, что там происходило.

Глаза сами собой закрылись. Сознание помутилось. Сайла попыталась вспомнить все, что с ней случилось. Ночью она не смогла рассмотреть лица мужчины, который ударил ее по голове. Может, это был Ондрат? Барон тем временем продолжал рассказывать подробности ночной схватки:

— Она добивала первого нападавшего, когда второй…

— Это неправда. — Голос Ланты был высоким и резким. — Я осмотрела рану на ее голове. Она, должно быть, стояла на коленях, пытаясь помочь ему, когда второй нанес удар.

— Конечно, конечно. Простите меня, Жрица, за мои поспешные выводы. Я только делаю предположения, исходя из того, что видели мои старые глаза. Как я уже говорил, она нагнулась, и в этот момент второй нанес ей удар. Это произошло очень быстро, и я еле успел заколоть его прежде, чем он довершил свое грязное дело. Она будет жить?

— По крайней мере, у нее больше шансов, чем у того, которого ты сразил, — ответил Гэн. — Я навеки твой должник.

— Рад помочь, Мурдат.

Разговор стал походить на отдаленное жужжание пчел. Голос Ланты слышался как будто из-за стены:

— Моя дорогая, вдохни дым. Пусть он успокоит твою боль. Тебе станет лучше.

— Сколько времени прошло? Когда меня ранили?

Быстрая, как всегда, Ланта все поняла. Она нагнулась и тихо сказала Сайле прямо в ухо:

— Ночь, день и еще ночь. Это второе утро с тех пор. Военная целительница осмотрела тебя и сказала, что у тебя сильный ушиб, но переломов нет.

— Кто? — Сайла услышала, как Ланта задержала дыхание, и открыла глаза. Лицо Ланты было теперь над ней. Оно все было перекошено от страха.

— Бывший раб и торговец. — Она почти проглотила последнее слово.

Сайлу чуть не стошнило. Торговец. Это было очень важно. Но почему? Смятение овладело ею, а с ним вернулась и боль. Как бы там ни было, но Сайла больше не могла ей сопротивляться. Дым обволакивал и дурманил. Снова послышались убаюкивающие звуки чингов.

Ондрат, Кревелен, Бирда, Милл.

Обман. Кто-то лжет. Но кто?

Затем самое ужасное из произошедшего дошло до ее сознания.

Сайла, Жрица Роз из аббатства Ирисов.

Убийца.

Сайла закричала от отчаяния. Благословенное забытье охватило ее.

* * *

Леклерк оглянулся. Еще несколько шагов, и стены Олы вдалеке станут совсем не видны. Ну и черт с ним, подумал он. И черт со всеми теми людьми, которые думают, что все знают. Леклерк фыркнул, но тут же озабоченно оглянулся по сторонам — не заметила бы Джалита.

Но она заметила. Ее лицо приняло вопросительное выражение.

— Что это с тобой? Ты что, вспомнил тот глупый спор с Налатаном?

— Ну, в общем-то, да. Он не должен был держать нас взаперти в городе.

Поджав губы, Джалита кивнула в знак согласия.

— Тебе не следовало задерживаться там. Но я рада, что ты высказал ему все это. Если он хочет командовать людьми, то пусть лучше начнет со своей так называемой жены.

— Так называемой? Сайла сама устроила всю церемонию.

— Истинная Церковь… Я имею в виду, что Сестра-Мать, а не истинная Церковь, отлучила Сайлу. Она не имеет права женить людей. Да и Тейт больше походит на мужчину, чем многие из настоящих мужчин. И неудивительно, что Налатан такой злой.

— Тейт — хорошая женщина. И все эти разговоры об отлучении — просто чтобы запугать нас. Обычные уловки. — Леклерк оглянулся. Дорога здесь была единственным доказательством существования людей. Они покинули город недавно, на рассвете, но он не мог отделаться от чувства одиночества, путешествуя по этому глухому месту.

Джалита предложила:

— Давай-ка подгоним лошадей. Ну-ка, кто первый доскачет до той горы! — Она тут же, не дожидаясь Леклерка, пришпорила свою лошадь. Леклерк бросился вдогонку.

Леклерк не любил лошадей — они кусаются и брыкаются. Когда вы сидите на них верхом, они пытаются вас сбросить или проскакать под деревом так, чтобы вас задело ветвями. Они становятся на дыбы. Во время езды седло натирает вам зад.

А теперь умножьте это все на быстрый галоп.

Но сейчас Леклерк был доволен ездой. Ему нравилось быть вдалеке от назойливых людей, вместе с Джалитой. Леклерк стиснул зубы.

Когда они подъехали к горе, Леклерк стоял в стременах, как будто это могло спасти его от боли во всем теле. Повернувшись к Джалите, он сказал:

— Это было здорово. Ты хорошо ездишь на лошади. — Усаживаясь в седло, Леклерк не смог сдержать стона. Пытаясь что-то сказать, он поначалу не мог совладать с языком. Откашлявшись, он произнес: — Мы можем расположиться на обед вон у той коряги — там много мягкой травы и мха. К тому же они прохладные.

— Прохладные? Глупенький. Сегодня утром на траве был иней, и теперь трава не прохладная, а холодная.

Леклерк попытался рассмеяться.

— Разве я сказал прохладная? Я хотел сказать, удобная. Мы здесь, у нас есть меха и теплая одежда. Мы можем наслаждаться яркими красками осени, и я хотел сказать, что это будет здорово.

Придержав лошадь, Джалита подъехала к высокому черному камню. Издав восхищенный возглас, она показала рукой:

— Смотри, там речка. С небольшим песчаным берегом. Давай пойдем туда. Там мы поедим и немного пройдемся. — Джалита соскочила с лошади. Напевая себе под нос, она отвязала дорожную сумку и достала еду.

Леклерк сполз с лошади. Прогулка по земле после столь длительного путешествия верхом была для него тяжким испытанием. Джалита попросила:

— Разведи огонь, Луис. Здесь много сухого плавника. Ты взял топор?

Занимаясь заготовкой дров, Леклерк решил, что работа топором — верх мучений. Каждый удар отдавался дикой болью в руках и пояснице. Измученное во время езды тело готово было взорваться от этой адской боли. Пот заливал лицо Леклерку, когда он принес дрова.

Джалита сочувственно помогла ему развести огонь, а потом вытерла своим рукавом пот с его лба.

— Ты не должен так много работать. Мы здесь для того, чтобы наслаждаться жизнью. — Она провела его рядом со стреноженными лошадями. Одна из них заржала, Леклерк был уверен — лошадь смеялась над ним.

Когда Джалита приготовила еду, они поели, и женщина начала рассказывать о себе.

Леклерк жадно слушал все, что она говорила. Ему было приятно, что Джалита не таится от него. Потом она быстро помыла посуду и потащила Леклерка к той бухточке, которую они приметили раньше.

— Нам совсем необязательно уезжать отсюда прямо сейчас. Кого это побеспокоит, если мы вернемся после наступления темноты? Пойдем со мной.

Осторожно ступая, Леклерк последовал за ней. Он смеялся над собой, над шутками Джалиты. Он был счастлив с ней.

Тело Леклерка дрожало от боли и усталости. — Он старался не думать о возвращении в Олу. Это было выше его сил.

Но он был счастлив.

С разгоревшимся от возбуждения лицом, Джалита вскарабкалась на прибрежный камень и перепрыгнула на другой, стоящий в воде.

Леклерк запротестовал. Перекрикивая шум воды, он со страхом закричал:

— Не делай этого! Вернись сейчас же!

— Это недалеко. Я буду прыгать с камня на камень. — Она показала как. Джалита не заметила, что скрытая под водой поверхность следующего камня полностью поросла водорослями. На мгновение показалось, что она твердо стоит на камне. И когда она, поскользнувшись, начала падать, то в ее крике было больше удивления, чем страха. Пытаясь удержать равновесие, Джалита раскинула руки в стороны. Все еще не веря в происходящее, Джалита уставилась на Леклерка огромными от удивления и страха глазами.

— Помочь? — Леклерк бросился на помощь.

Джалита вскрикнула и упала в воду. Рев потока заглушал ее голос.

Леклерк уже почти добрался до нее. Быстрая вода была обжигающе ледяной, от холода кости ныли так, будто кто-то сильно ударил по ногам дубинкой. Ступни налились свинцом. Леклерк еле удерживал равновесие на скользком илистом дне.

Изловчившись, он ухватил Джалиту за ногу. Гладкая кожа ее сапога выскользнула у него из рук. Джалита изо всех сил била по воде руками и ногами; ее прекрасные черные волосы превратились в беспорядочную мокрую массу. Джалита закашлялась — вода попала ей в нос и рот. Течение оттаскивало ее все дальше и дальше от берега, промокшая одежда тянула на дно. И снова голова Джалиты ушла под воду.

Леклерк нагнулся, чтобы уменьшить сопротивление воды.

Он не смог удержать равновесие и, поскользнувшись на илистом дне, свалился в воду.

Мгновенно оба тела подхватило и понесло течением. Весь мир для них теперь превратился в острые речные камни и неимоверно холодную воду. И еще грохот. Каждый раз, когда утопающие выныривали из воды за живительным глотком воздуха, их оглушал рев несущегося потока. Даже под водой был слышен грохот многих тон ожившей воды.

Несмотря на овладевшую Леклерком панику, какая-то часть его мозга удивленно сознавала, что они могут утонуть в реке глубиной всего лишь в пять футов. Если бы не бурное течение, то он бы встал и рассмеялся над этой мыслью.

И тут Леклерк ударился обо что-то. Боль. Темнота. Потом Леклерк очнулся. Его больше не несло по течению. Леклерк протянул руку. Рука уперлась во что-то мягкое. Джалита. Любимое лицо было под водой, из носа и рта шли пузыри.

Ноги Джалиты зацепились за ветви и ствол утонувшего дерева. Леклерк тоже зацепился за него. Вся эта конструкция из человеческих тел и ветвей медленно плыла вниз по течению. Лицо Джалиты ушло глубоко под воду.

Леклерк высвободил свое тело из ветвей. Поток тут же потащил его от дерева. Леклерк выругался и схватил Джалиту за ногу. Другой рукой он высвободил ее тело из ветвей, и они вместе поплыли дальше.

Наконец их вынесло на песчаный берег. Леклерк встал на четвереньки и вытащил голову Джалиты из воды. Медленно, осторожно он вынес женщину на сухую землю.

Джалита забилась в судорогах. Ее стошнило. Все это были признаки того, что она жива. Леклерк засмеялся — свистящий звук его голоса привлек внимание вороны, важно гулявшей

по берегу. Птица встревожилась. Она оценивала потенциальную опасность, которую представлял этот человек. Ворона приняла угрожающую позу, нахохлив перья. Постояв так немного, птица удалилась по своим делам.

Леклерк попытался встать и обнаружил, что вывихнул лодыжку, пока нес Джалиту на берег. Джалиту трясло. Нагнувшись над ней и глядя ей в лицо, Леклерк подумал о воронах, полях сражений и о зря погубленных жизнях. Он принялся растирать ей щеки. Руки Джалиты, сложенные на груди, были белыми и ледяными на ощупь. Ногти на руках были такими же синими, как и ее губы.

Леклерк вспомнил, что видел хижину у ручья по дороге сюда — наверное, жилище каких-то вольных крестьян. Он с трудом вспоминал о побегах кукурузы рядом с хижиной. Но точно сказать, живут ли там люди, он не мог — всю дорогу он не сводил глаз с Джалиты.

Усталость и неуверенность навалились на Леклерка. Какой-то тихий голос внутри его шептал, что хижина очень далеко. Да и как он сможет добраться туда с вывихнутой ногой? Здесь ничего не поделаешь.

Ногу свело судорогой. Леклерк заорал и схватился за ступню; потом начал притопывать ногой о землю, одновременно растирая ее. Казалось, прошла вечность, прежде чем он выпрямился, тяжело дыша. Но боль, немного утихнув, не покидала его. Казалось, еще чуть-чуть, и Леклерк свалится в изнеможении.

— Ну и черт с ней! — Он громко выругался. В этом безлюдном, диком месте его голос был все равно что комариный писк. Но все же Леклерк повторил свои проклятья еще громче, почти закричал: — Черт с ней! Я не собираюсь сидеть здесь и дожидаться смерти.

Прихрамывая, он подошел к Джалите и приподнял ее. Веки ее чуть задрожали. Он успокаивал себя тем, что одежда Джалиты подсохла и ему будет гораздо легче. По крайней мере первые шагов пятьдесят он старался приободрить себя этой мыслью.

Расстояние до хижины оказалось гораздо большим, чем Леклерк думал вначале. Он уверял себя, что хижина появится за следующим поворотом, когда ее там не оказывалось, он уверял себя, что следующий поворот будет последним. Боль в ноге не утихала ни на миг, Леклерку казалось, что он всю жизнь прожил с этой болью.

Наконец появилась покинутая хижина. Прихрамывая и шатаясь от усталости, через низкую дверь Леклерк втащил Джалиту внутрь. Сквозь дыры в стенах пробивались лучи света, в крыше зияла дыра. Круглый очаг был пуст. Леклерку показалось, что он слышит негромкий, издевательский смех.

Леклерк накрыл Джалиту вымокшей меховой одеждой. Но кроме этого он не мог сделать ничего. Он не знал, чем еще помочь ей. Он был уверен, что массаж принес бы пользу, но снять с нее одежду значило открыть ее холоду. Леклерк решил согреть Джалиту своим теплом — он не мог придумать ничего лучшего.

Леклерк проснулся от резкой боли в шее. Решив, что уже наступил рассвет, он обрадовался тому, что они пережили ночь. Но вскоре Леклерк понял, что это сумерки. Надежда покинула его.

Вдруг на дороге он заметил человека. Тот посмотрел на землю, а потом на хижину. В душе Леклерка вновь появилась надежда. Он отодвинул Джалиту и попытайся, ухватившись за стену, встать на ноги. Он набрал побольше воздуха, чтобы закричать. Ведь у людей наверняка есть живительный огонь. Огонь. Жизнь.

Леклерк насчитал пять человек и восемь лошадей. Четверо всадников отдали поводья своих лошадей пятому. Среди лошадей Леклерк узнал свою серую лошадь и лошадь Джалиты. Мужчины бросились врассыпную, перебегая от укрытия к укрытию. Облава.

Бесконечно медленно Леклерк вытянул свой пистолет из кобуры. Он лег на пол, чтобы удобнее было целиться. Щелчок затвора заставил людей на улице попадать на землю.

Зазвучал голос:

— Там, в доме. Мы путешественники. Мы заблудились. Не могли бы вы помочь нам?

Леклерк ничего не ответил. Он присел на корточки возле двери с пистолетом в руках. Так ему было легче унять дрожь в теле.

Голос стал льстивым:

— Мы заметили ваши следы. Где вы ловили рыбу? Поймали что-нибудь? У нас есть трут и огниво. И еда.

Внезапно Леклерк прямо перед собой увидел фигуру — лица в темноте не было видно. Остальные поднялись с земли. Леклерк выстрелил в человека.

Выстрел наделал много шуму. С крыши посыпался мусор. Вспышка ослепила Леклерка.

Раздались крики, и люди разбежались. По лесу пронеслось эхо. Когда оно утихло, вокруг хижины опять воцарилась тишина. Изнутри не доносилось ни звука, и люди приободрились:

— Ты из чужеземцев? Наверное, из людей этой ведьмы, Сайлы. Ты и твое громовое оружие. Хорошо. Посмотрим, как долго ты продержишься в живых после купания в реке. Вот что тебя ждет, если высунешься из дома. — Стрела просвистела возле Леклерка и ударилась в стену.

Леклерк приник к земле. Совсем недавно он был на вершине счастья. Два часа назад? А может, три? Бесполезно считать, только шесть человек в мире знают, что такое час, и он никогда не сможет рассказать им о своем коротком счастье потому, что скоро умрет. Силы покинули Леклерка.

Медленно, настороженно палец нащупал оружие. Леклерк положил его рядом с собой, прямо у щеки Джалиты. Он надеялся, что ему хватит времени, чтобы застрелиться.

Резкий звук разбудил его. Леклерк увидел факел в дверном проеме и потянулся к пистолету. Бесполезно. Сильная рука схватила его за запястье, и пистолет упал на пол. Леклерк попытался сопротивляться. Но та же сильная рука отбросила его к стене.

— Это я, дурак. — Налатан приблизил свое лицо к Леклерку. Он поднес факел, чтобы тот мог лучше рассмотреть его. Леклерк не обращал никакого внимания на человека, он как завороженный смотрел на огонь и бормотал: — Джалита. Джалита.

В хижину вошла Нила. С первого взгляда она оценила обстановку. Повернувшись к двери, закричала:

— Принесите дров! Быстрее. Кто-нибудь, сходите за водой. Налатан, твоя куртка. Дай ее сюда. Стащи одежду с Луиса и дай ему сухую. Торопись.

У Леклерка закружилась голова. Налатан содрал с него мокрую одежду. Краем глаза Леклерк увидел Джалиту — Нила накрыла ее своим плащом и закидала сверху рубахами и куртками, которые принесли остальные люди. В очаге развели огонь. Нила нагрела воду и заставила Леклерка и Джалиту выпить ее. После второго глотка Леклерк еле слышно спросил:

— Как вы нашли нас?

Налатан мрачно ответил:

— Видели, как вы поехали этой дорогой. Здесь только три пути. Нила настояла на том, чтобы Гэн выслал патрули.

— Я должен был послушаться тебя.

— Я знаю. — Налатан наступил сапогом на пистолет. — Сначала Сайла рисковала своей жизнью. Теперь вы. Неужели никто из вас не способен понять обычное предостережение?

Леклерк судорожно сглотнул — странный резкий звук. Он рассказал обо всем случившемся, виня во всем себя. Налатан слушал молча. Леклерк закрыл глаза. Тепло, идущее от огня, и теплая вода в желудке тянули ко сну. Леклерк больше не сопротивлялся.

Налатан вышел из хижины.

В это время заворочалась Джалита. Ее веки дрогнули и приоткрылись. Не понимая, она смотрела прямо в улыбающееся лицо Нилы. Джалита наморщила лоб. Потом, внезапно, она широко раскрыла глаза. Разметав и скинув с себя всю одежду, Джалита уцепилась обеими руками за Нилу:

— Сосоласса. Вода. Я упала. Холод. Помоги мне.

Нила начала успокаивать ее. Она накрыла Джалиту заново.

— Все в порядке. Ты упала в реку. Я и Налатан решили, что вы скорее всего поехали этим путем. И вот мы здесь.

Джалита улыбнулась.

— Налатан. Спас. — Потом она заснула. Во сне ее лицо было совсем спокойным.

Глава 36

Джалита решила снять чары с помощью свечи, превратив ее в стену пламени, которая отделит ее от неподвижного лица настоятельницы Фиалок. Пожив со Слезами Нефрита, Джалита сомневалась, что какая-либо другая женщина сможет по-настоящему испугать ее. Настоятельница обладала достаточной мощью.

Она говорила:

— Ты поступаешь правильно, подозревая, что твои взаимоотношения с Эмсо могли послужить темой для его разговора с Гэном Мондэрком. Никому нельзя доверять, дитя. Но тебе не стоит беспокоиться об Эмсо, он мой.

— Тогда зачем мне любезничать с ним?

— Он расскажет тебе многое из того, что никогда не откроет мне. — Настоятельница улыбнулась. — По крайней мере, я думаю, кое-что он мне точно не скажет.

Джалита еле сдержала насмешку:

— Что он мог бы сказать мне и утаить от тебя?

— Свои планы, глупышка. Если ему придется расстаться с тобой, подчиняясь долгу, он обеспечит тебе надежную охрану. Если труды утомят его, за сочувствием он придет именно к тебе. Если Гэн отвергнет его доводы, ты сможешь утешить Эмсо. А если Гэн поведает ему намерения этой ведьмы, Сайлы, он расскажет тебе все, ведь ты его поймешь и поддержишь. Не так ли?

В ответ на быстрый кивок Джалиты настоятельница зловеще усмехнулась:

— И когда Гэн расскажет о планах войны со Скэнами и Летучей Ордой, ты подробно передашь мне слова Эмсо.

Джалита вскочила так резко, что стул с грохотом опрокинулся. Она отступила на шаг назад:

— Ты просишь меня помочь Скэнам разгромить Три Территории? Ты знаешь, что они сделают со мной, если узнают?

— Разумеется. — Настоятельница указала ей на стул: — Садись.

Джалита колебалась — над ней довлело сознание собственной неискушенности и уязвимости.

Настоятельница увидела только неповиновение. Она рявкнула:

— Сядь, я сказала тебе! Сядь!

Тон, сломавший волю многих Избранных, бросил Джалиту обратно на стул. Настоятельница наклонилась, едва не касаясь лицом пламени.

— Такие, как ты, не выбирают, когда я отдаю приказание.

Поднявшись, настоятельница взяла свечу со стола. Подойдя к окну, она отодвинула в сторону покрывало, скрывавшее деревянные ставни, и распахнула их. Трижды настоятельница послала огненный знак в ночь, затем закрыла ставни, поправила покрывало и вернулась к Джалите.

— Подбрось дровишек, стало прохладно. И приготовь чаю. Для троих.

Выполняя поручение, Джалита решила, что старая карга зашла слишком далеко — никто не имел права приказывать ей, никто, кроме Слез Нефрита.

Заварив ароматный напиток из ромашки и сушеной малины, Джалита тешила себя мыслями о расплате, когда вспомнила о третьем участнике чаепития. Ответом на ее вопрос была лишь высокомерная улыбка, упавшая еще одной монетой в чашу унижений, испытанных Джалитой.

Чай уже настаивался в глиняном кувшине, когда женщины услышали осторожный стук в дверь. С пугающей резвостью настоятельница переместилась в тень так, чтобы остаться невидимой для любого, заглянувшего в комнату, и шепнула Джалите, чтобы та сама вела разговор.

— Кто там?

За вопросом девушки последовал новый стук, уверенный и обдуманный — три отчетливых удара, затем еще два. Настоятельница вернулась из укрытия и кивком велела впустить пришельца.

Вошел барон Ондрат. Сделав два широких шага, он обернулся, осматривая комнату, его ладонь лежала на рукояти меча. На бароне была черная, насквозь промокшая накидка и шляпа столь же непроницаемого цвета. Капли дождя срывались с широких полей и вспыхивали, ловя в коротком полете мерцающий свет свечи. Удовлетворившись осмотром, он пододвинул стул поближе к огню и уселся, старательно расправив мокрую накидку на спинке. Правой рукой барон по-прежнему сжимал рукоять меча.

Джалита была заинтригована — об этом человеке в Оле судачили все, кому не лень. Крупный мужчина, подумала она, но скорее большой, чем сильный. Его движения были неловкими, но достаточно уверенными. Темные, слишком близко посаженные глаза, густые черные волосы, огромная рука с необычно длинными пальцами. Его нос был когда-то сломан, широкий шрам пересекал лоб.

Настоятельница села на свободный стул и произнесла:

— Барон Ондрат принес для тебя сообщение, моя дорогая. — Триумф слышался в ее голосе, триумф и злоба. Однако видимое недовольство барона свело на нет напускную важность старухи.

— Я буду говорить с девушкой сам, настоятельница. Не мешай нам. — И, более мягко обращаясь к Джалите, продолжил: — Желающий тебе добра хочет, чтобы ты рассказала нам то, что ты помнишь. И даже то, что забыла. Он поздравляет тебя, что ты стала своим человеком в окружении Гэна Мондэрка.

— Ты? Ты один из тех, кто… Но я…

— Мы объединились против наших врагов — Гэна Мондэрка и Сайлы, Жрицы Роз новых Учителей.

Совсем растерявшаяся Джалита невероятно медленно двинулась к двери:

— Я не понимаю ни тебя, ни твоих слов.

— Старая дура не осознает, что помогает Церкви, истинной Церкви, — вновь улыбнулся барон. — А ты будешь помогать обеим.

Слова барона можно было понять по-разному, и Джалита перешла в наступление.

— Вы хотите восстать против Мурдата? Его Волки бросят ваши тела воронам. Кто будет сражаться на вашей стороне? Она? — Джалита грубо ткнула пальцем в сторону настоятельницы, игнорируя злобное шипение старухи.

Ондрат помрачнел.

— Мои планы, в отличие от твоих, никому не известны. Я услышал о тебе, как только ты появилась здесь. Я знаю о твоей миссии. И ты будешь выполнять мои приказы, а иначе тебя объявят шпионкой.

— Кто объявит, барон? — дерзко прервала речь мужчины Джалита. — Ты? Или рыболовный крючок Слез Нефрита? Если Гэн Мондэрк узнает о твоем плане, то с тобой обойдутся значительно хуже, чем ты обещаешь мне.

— Остановитесь, оба, — произнесла настоятельница еле слышным, ломающимся голосом, но ее замечание достигло цели. Ондрат и Джалита замолчали, ощерившись, как разъяренные коты. Настоятельница продолжила: — Мы зависим друг от друга. И Мурдат, и эта отвратительная ведьма Скэнов угрожают вам обоим. Джалита, ты расскажешь нам все, что та знаешь о планах Гэна. Барон передаст эти сведения Скэнам, а они в свою очередь — Летучей Орде.

Джалита подняла руку, останавливая настоятельницу:

— Вы не догадываетесь, что Слезы Нефрита затевает против вас?

— Ее планы — чепуха, — ответил Ондрат, — как только Скэны, Летучая Орда и Мондэрк обессилят друг друга, истинные правители этой земли ударят мечами им в спину. Олой будут править Оланы. Все еретики будут уничтожены.

— Но самая главная из еретичек уже вылетела из гнездышка. Ты спас ей жизнь. Объясни почему.

Побледнев, Ондрат сузил глаза и привстал со стула. Его меч со свистом вышел из ножен. Джалита съежилась от страха. Ондрат был разгневан, его грубый голос метался по комнате:

— Так случилось, что ты нужна мне, но, если ты когда-нибудь потребуешь от меня объяснить тебе хоть что-нибудь еще, я отрублю тебе голову. Поняла? — И он провел поблескивающим острием по груди девушки от горла к животу.

Скованная ужасом, Джалита лишь кивнула, у нее перехватило дыхание.

Меч неохотно вернулся на свое привычное место. Барон продолжал:

— Сайла жива не по моей милости. Кое-кто более высокопоставленный, чем наша уважаемая настоятельница Фиалок, приказал мне ликвидировать анти-Церковь. Но вы обе должны засвидетельствовать: я никогда не нанесу удара Жрице. Только не моей рукой. Я повинуюсь. Если незаконнорожденный раб и какой-то торговец когда-нибудь заполучат меч, ведьма будет убита. Сайла подняла шум, мне пришлось избавиться от них. Чтобы сохранить свои бесполезные шкуры, они сказали бы обо мне все. Если Сестра-Мать обвинит меня в том, что я не покончил с Сайлой, вы уверите ее, что мне помешали свидетели.

— Мы будем рады подтвердить это. — Взгляд настоятельницы пылал злобой.

Барон издал странный, хрюкающий звук, принимая сомнительный ответ, и сказал:

— Несмотря ни на что, милая Джалита, мы уже многого достигли. Меня признали среди раболепных отбросов, окружающих сейчас Мондэрка. Два мертвеца и ведьма дают мне возможность свободно общаться с тобой. Если ты не захочешь помогать мне, подумай о том, что Скэны сделают с тобой и твоей матерью. Или о том, что ты получишь в случае нашей победы. Мы будем невероятно щедры.

Дружелюбие убийцы. Джалита не стала долго раздумывать:

— Я уже обещала настоятельнице, что буду помогать ей. — Девушка повернулась: — Я не могла рассказать тебе ничего о Слезах Нефрита. Мне было стыдно. Я не знала, что мне делать. — Вновь обратившись к барону Ондрату, она продолжала: — Есть один человек, вам стоит опасаться его даже больше, чем Слез Нефрита, — это ее сын, Лорсо. Если он узнает, что я нахожусь здесь по поручению его матери, он отправит нас к Сосолассе. Он — Поработитель, и его взгляд несет смерть. — Джалита сделала паузу, позволяя собеседникам переварить услышанное. — Кто бы ни правил Олой, мне наплевать, но Церковь должна быть сохранена.

— Разумеется. — Ондрат нервно вскочил. Когда он поймал полный холодного неодобрения взгляд настоятельницы, его лицо изобразило воодушевление. — Церковь — все сущее для всех сущих.

Он машинально осенил себя Тройным Знаком, другой рукой поправляя свою накидку.

Уже возле двери барон вновь обернулся и бросил прощальный взгляд на Джалиту:

— Ты необычайно хороша. Я могу взять тебя к себе, когда все закончится.

Последняя фраза поразила Джалиту. Отрывистый кашель настоятельницы вернул девушку к происходящему. Смешавшись и покраснев, она негромко ответила:

— Я не заслужила такой чести, барон, но я сделаю все возможное.

— Так-то лучше, — проворчал Ондрат, — это больше к лицу воспитанной женщине, чем весь этот шумный вздор. Гораздо больше. — Тяжелая дверь захлопнулась с глухим стуком.

Густой плевок Джалиты вонзился в дверь, словно блестящий дротик. Она повернулась к вздрогнувшей настоятельнице:

— Ты говорила, что я буду работать с тобой, а сейчас выставила меня перед этой

тварью.

— Не я, Скэны выбрали его как человека для связи с тобой.

— Я не собираюсь вынашивать его детей. Не допусти этого.

— Для тебя он не представляет опасности, хотя любая другая женщина в Оле сочла бы такое предложение удачей. Все бароны захотят тебя, как только уедет Гэн. У тебя не будет возможности выбирать, но я буду помогать тебе, насколько это в моих силах.

— Удачей? Мерзавец. Он пытался убить Жрицу. О, ее отлучили. Подумай, он способен убить любую из нас, если ему покажется, что добыча ускользает из рук. Вот она, твоя «удача». Задумайся, как он и его убийцы узнали, что Сайла вышла этой ночью? И, кроме того, почему она вышла? Ты говоришь, удача. Это больше похоже на покаяние, сестра.

Настоятельница поспешила проститься и торопливо спустилась в узкий каменный зал. Она откинула капюшон, высоко подняла голову, напоминая себе, что служительницы Церкви не испытывают страха. Ген Мондэрк нарушил старые законы. И он должен ответить за это.

Глава 37

Сайла встала с садовой скамейки осторожно, как человек, недавно перенесший болезнь и еще не вполне оправившийся. Все настаивали на ее скорейшем возвращении. Дни для нее тянулись слишком медленно, не принося перемен. Женские торговые общины нуждались в ее помощи, нехватка продовольствия и ожидание приближающейся войны привели к маниакальному накоплению запасов. Жены Волков хотели разрешить возникающие проблемы при поддержке Церкви, но настоятельница фиалок помогать отказалась. Затем возник вопрос об Избранных. Женщины Олы, по-видимому, хорошо относились к ним — конечно, настолько, насколько они это могли, — но все же Сайла была недостаточно уверена в них. Слишком многие все еще сохранили предубежденность.

Нужно сделать так много, а пользы она почти не приносит. Каждое утро, обращаясь к солнцу, она заканчивала обязательный ритуал особой молитвой, прося послать ей больше силы.

Постоянное головокружение утомляло, Сайла подняла руку и дотронулась до плотной повязки. Каждый раз, касаясь ее или глядя на себя в зеркало, она вспоминала отвратительного Жреца Луны и его белый тюрбан. Иногда повязка становилась тяжелой, как одеяло, сковывала голову и мешала все мысли. Вот и сейчас настойчивые глаза следили за всеми ее движениями с пугающим упорством; Ланта, в отличие от Эмсо и Тейт, держалась поблизости преданной тенью.

Сайла ненавидела этот взгляд. Он напоминал ей о Жрицах, отделявших Избранных. В них тоже чувствовалась любовь. Заинтересованность. И жалость. Сайла попыталась не замечать назойливого внимания.

Ладонь Ланты вздрогнула на плече Сайлы — именно туда был нанесен удар торговца. Аккуратные белые стежки отчетливо выделялись на плотной черной ткани. Сайла сама настояла на таком контрасте. Толстая нить напоминала о покушении на жизнь Жрицы.

Эмсо заметил недовольство Сайлы. Он сказал:

— Мы уже говорили с тобой об этом. Заштопанная накидка приносит неприятности. Люди Церкви, приближенные к настоятельнице Фиалок, не раз о ней напоминали. Это очевидное свидетельство распрей внутри Церкви даже для самых верующих. Гэн говорит, что тоже обеспокоен твоим поведением.

Сайла с трудом сдержалась:

— Накидка спасла мне жизнь. Людям надо постоянно напоминать — священное правило было нарушено. Настоятельница Фиалок обижена? У нее есть на это особая причина. Церковь осквернена.

— Они не знали, что ты была Жрицей. Они — обыкновенные злодеи, а ты — случайная жертва…

— Я ясно дала им понять, кто я, и все же они попытались убить меня.

— Барон Ондрат подтвердил, что удар был нанесен именно так, как ты сказала. — Честное лицо Эмсо сжалось в маске упрямства.

Смирение смягчило голос Сайлы:

— Барон знает, что он видел. Я знаю, что видела я. Моя накидка всегда будет напоминать мне о случившемся.

Тейт перебила собиравшегося ответить Эмсо:

— Оставьте бесконечные разговоры, не приносящие пользы. Эмсо, взгляни на нее. Разве Сайла, даже если она святая, не может украсить свою одежду чем-нибудь еще, кроме маленькой вышитой розы? Занимайся войсками, а моды и украшения оставь нам, женщинам. А ты, Сайла, почему ты не даешь старому Эмсо шанс помириться с тобой?

Ланта язвительно парировала:

— Разве раньше здесь всегда царил мир? Или будет?

Когда провидица увидела лицо Доннаси после этих циничных слов, она прикрыла рот рукой, а затем протянула ее в примиряющем жесте к Тейт.

С видимым усилием та улыбнулась.

— Я не так уж часто видела мир. Мне кажется, мы находим больше причин для ссор, чем для согласия.

— Народ должен учиться уважению, — начал Эмсо. — Возможно, происшедшее с Сайлой имеет отношение к Церкви. Может быть, это дело рук какого-то фанатика. Это неважно. Главная проблема заключается в самом обществе. Никакого уважения ни к чему. Люди даже не задумываются над смыслом и последствиями своих поступков. Церковь оставит все Три Территории без помощи, пока эти грязные убийцы не будут пойманы и наказаны, если барон Ондрат еще не уничтожил их.

Направившись к выходу из сада, Тейт произнесла:

— Похоже, я вам уже не нужна. Теперь, когда Сайла чувствует себя лучше, мы с Конвеем наконец уедем. Возможно, завтра утром — вещи уже сложены.

Заглянув Сайле в лицо, Ланта спросила:

— С тобой все будет в порядке? Я хочу уйти с Тейт. — Она с волнением ожидала ответа.

— Объясни, что ты имеешь в виду, — лицо Сайлы исказилось от раздражения. — Ты хочешь увидеть Конвея, но говоришь, что хочешь уйти с Тейт. Ты и Мэтт любите друг друга, почему ты не можешь говорить прямо? Ты измучилась сама и заставляешь страдать нас.

Бросив смущенный взгляд на смешавшегося Эмсо, Ланта ответила:

— Я хочу сказать ему, Сайла. Я пыталась однажды… — Неоконченная фраза повисла в воздухе.

— Что нам нужно, так это план, как запрячь Конвея, этого жеребца, в пару с тобой, — грубовато вмешалась Тейт. — Не скажу, что он заслужил тебя, но Сайла права. Он был холост и счастлив слишком долго. Этому нужно положить конец.

Ошеломленная, Ланта замерла, открыв рот. Цвет ее лица изменился до пунцового, она расхохоталась, а Эмсо стоял, словно оглушенный. Успокоившись, Ланта повернулась к Тейт:

— Ты относишься к чему-нибудь серьезно?

— Я ко всему отношусь серьезно, только это не останавливает меня. Меня, но не тебя. Нам нужно дать понять Мэтту, что тебя беспокоит, и все. Он хочет тебе помочь, но не знает, как. — Их голоса стихли. Тейт приобняла Ланту за плечи, и они ушли вместе.

Сайла усмехнулась, провожая взглядом заговорщически сблизившиеся головы. Ланта была слишком умна, чтобы считать мужчину наградой, но недооценивала себя.

Тихий смех Эмсо, тоже следившего за удалявшимися женщинами, оторвал ее от размышлений. Когда Сайла повернулась к нему, он сказал:

— Конченый человек Конвей. Мужчина может ускользнуть от одной женщины, но не от двух… Он пропал.

Его улыбка была искренней, но по лицу промелькнула непонятная тень. Эмсо

продолжил:

— Ланта беспокоится о мире. А должна бы подумать о войне между мужчинами и женщинами, ведущейся испокон веков.

— У тебя есть жена, Эмсо? Дети?

Его лицо так внезапно окаменело, что Сайла готова была поклясться — он обуздывал свои чувства, и обучили его этому в Церкви.

— Была. Она умерла. Сестра воспитывает наших детей.

Сайла поняла, что Эмсо больше ничего не скажет.

— Я надеюсь, ты еще сможешь создать семью. Ты хороший человек, желанный муж для многих женщин.

— Ты думаешь, в моем возрасте это возможно?

Неожиданный вопрос застал Сайлу врасплох.

— Да, я… Послушай, ты говоришь глупости, ты еще совсем не стар.

— Я старик, — он покачал головой, глядя под ноги, — слишком много видел, слишком того сделал. Ты слышала, Тейт назвала меня «старый Эмсо». Слишком долго я был одинок и не рискну попросить женщину быть со мной.

Услышав смех, Эмсо резко поднял голову. Гнев сузил его глаза.

— Женщины всегда мирятся с присутствием мужчин, Эмсо, так же как лес мирится с молниями, а горы — с бурями. Вы создаете шум и беспорядок, но мы все равно любим вас. Мы знаем, как расслышать мелодию в какофонии и как поддержать ее.

Эмсо признательно улыбнулся:

— Женщины должны очень сильно постараться, чтобы найти во мне хорошее.

— Ерунда. Ты мудрый и сердечный человек, хочешь ты это признать или нет. Многие мужчины обижены на меня за мою независимость, но это не значит, что мне не нужна поддержка или защита. Я думаю, что могу быть храброй, но я была бы намного храбрее, если бы Клас был здесь.

— Ты так думаешь? Неужели я могу увлечь кого-нибудь из молодых?

— Перестань задавать глупые вопросы. В Трех Территориях полно таких женщин.

Эмсо надолго замолчал. Он заговорил вновь, переведя разговор на другое:

— К сожалению, Клас не может приехать. Ты слышала что-нибудь новое? Об эпидемии, я имею в виду?

— Два дня назад прибыл вестник. Клас сообщил, что смертность не так высока, как они опасались. И все, без подробностей. В этом году племя зимует северо-западнее обычного.

— Он как-нибудь объяснил это? — голос Эмсо стал печальным.

— Летучая Орда. Жрец Луны. — Название прозвучало проклятием, а имя — приговором. Сайла подняла руку, указывая на восток. Из-под рукава показался массивный золотой браслет. — Церковь должна указать им правильный путь. Мы не можем мстить.

Эмсо вытаращил глаза, словно услышал заклинание. Незаметно от Сайлы, погруженной в свои мысли, он тайком провел указательными пальцами по глазам. Тайным Двойным Знаком, известным только мужчинам, он просил защиты у Единого в Двух Лицах, сына и солнца, избавителя, несущего тепло и жизнь.

Если бы Сайла увидела внезапный жест, то поняла бы, что ее близкий друг видит в ней опасность, вынуждающую его обратиться к самому мощному духовному источнику защиты.

Эмсо с трудом сглотнул.

— Конвей, Тейт — все чужеземцы — говорят, что Жрец был хорошим человеком, — он нервно переступил с ноги на ногу, словно желая уйти.

Сайла вновь взглянула на восток и ответила:

— Был, пока ему не нанесли обиду. Было бы лучше, если бы я позволила ему умереть.

— Ты действительно лечила его тогда? — фраза прозвучала как обвинение.

Сайла рассеянно кивнула. Несмотря на прохладный ветер, бисеринки пота выступили над верхней губой Эмсо.

— Я слишком слаба, — сказала Сайла. — Вот повеяло прохладой, и мне нужны горячая

ванна и пылающий камин. Ты проводишь меня домой?

— Может, тебе стоит пойти в дом исцеления? Ты хорошо себя чувствуешь? — Эмсо поддержал ее за локоть.

Улыбаясь, Сайла поблагодарила, приняв предложенную помощь.

— Ты настоящий друг, — произнесла она лукаво. — Почему же такие мужчины, как ты, считают себя недостойными внимания женщин? Глупо. Твоя верность мешает тебе, но каждая из нас надеется, что на тебя всегда можно будет положиться.

Кровь бросилась Эмсо в лицо. Почувствовав головокружение, Сайла оперлась на его руку. Она продолжала говорить Эмсо, как ценит его за откровенность, за честность в высказываниях, за отстаивание своих убеждений. Сайла хотела доверить мужчине свои проблемы и сомнения, хотела рассказать ему о военной целительнице и о сообщении в окутанном ночью рынке. Но что она может поведать? Тайну торговца? Никогда. Или, может, то, что ее предали, и она даже не знает, кто? Но это вовлекло бы Эмсо в опасную игру и подвергло бы риску.

Когда они подошли к аббатству, Сайла порывисто, не обращая внимания на усилившуюся головную боль, поцеловала Эмсо в щеку и вошла внутрь.

Опершись на холодную каменную стену, она еще некоторое время улыбалась и вспоминала его смущение и замешательство. Прекрасный человек. И как занятно его поддразнивать.

Глава 38

Леклерк вскрикнул удивленно и испуганно, когда стремительно бежавшая Джалита споткнулась и, падая, почти опрокинула его на камни. Ее лицо выразило обеспокоенность:

— Ой, я тебя не ушибла, Луис? Прости, я, кажется, подвернула лодыжку.

Она по-прежнему крепко прижимала Леклерка к земле, упав в его объятия.

Внезапно она огляделась и, отступив на шаг, дразняще рассмеялась:

— Мы так неосторожны! Могут подумать, что мы занимаемся чем-то непристойным.

— Пусть думают. Лишь бы это было правдой.

Игриво шлепнув Луиса по руке, Джалита склонилась помассировать лодыжку. Это движение позволило ей заглянуть за выступ каменной стены. Эмсо, по-видимому, ничего не заметил — он уходил, не оборачиваясь, поддерживая Сайлу, и девушка успокоилась. Меньше всего ей хотелось бы сейчас вызвать вражду между Леклерком и Эмсо. Выпрямившись, Джалита поморщилась, словно от боли, и сказала:

— Я скорее испугалась, чем ударилась.

— Ты испугалась? — Леклерк засмеялся. — Разве Скэны уже осаждают эти стены?

— Не шути так. Ты не знаешь Скэнов. Гэну посчастливилось провести их. Скоро они поймут, как он был слаб тогда. Они сметут все на своем пути, узнав, как их обманули и оскорбили. Три Территории почувствуют запах смерти.

— Даю слою, у тебя будет защита.

Джалита понурилась:

— Ты очень мил, но никто не может пообещать спасти от Скэнов. Прошу тебя, если Скэны победят, если ты увидишь, что они собираются меня…

— Перестань, — взяв девушку за подбородок, Леклерк заставил ее взглянуть на себя. На мгновение он залюбовался ее красотой. — Ни Скэны, ни кочевники Летучей Орды не приблизятся к тебе.

Джалита потянула Луиса за собой к огороженному саду.

— Когда ты успокаиваешь меня, я чувствую себя такой сильной.

Они вошли в сад. Чувствовалось, что ножницы садовников тут основательно потрудились.

Неожиданно повернувшись, Джалита заставила свою красно-оранжевую юбку превратиться в волны пламени, окружившие стройные ноги. Блестящие черные туфли

сверкнули в коротко подстриженной траве. Джалита откинула капюшон, белая замшевая подкладка которого выгодно оттенила непокорные черные волосы, старавшиеся вырваться из надоевшего плена, и затанцевала в тусклом, пробивающемся сквозь вновь набежавшие облака свете.

Радостно рассмеявшись, Леклерк произнес:

— Ты удивительная. Еще секунду назад ты испугалась из-за лодыжки, а сейчас уже танцуешь. И я не знаю, чего еще от тебя ожидать.

Кружась и изгибаясь, она приблизилась к нему, затем вновь бросилась прочь. В ее глазах блестела насмешка, полные губы полыхали.

— Ожидай неожиданного. Именно так я выжила и так собираюсь жить дальше. Джалита должна жить! — Она резко остановилась. Юбка, уже не подхваченная стремительными движениями, чопорно закрывала ее до пят. Набросив капюшон, девушка взглянула на Леклерка.

Требовательное выражение лица Джалиты ошеломило его.

Быстро нахлынувшая печаль так же быстро прошла, и девушка вновь воодушевилась.

— Я собираюсь быть счастливой. Почему бы и нет? Ты ведь обещаешь мне, что все будет хорошо.

— О, нет; — возразил Леклерк, — я обещал только, что Скэны тебя не достанут, что мы их победим. Обязательно.

Озадаченная, Джалита приблизилась к Луису.

— Ты так уверен в себе. Говорят, что ты знаешь магию — умеешь делать черный порошок. Это колдовство направлено против Скэнов?

— У нас есть планы обороны, но они не имеют отношения к магии или колдовству.

— Расскажи мне, — Джалита ластилась к нему, как ребенок. Это движение соблазнительной женщины, знающей свои силы, произвело на Леклерка эффект землетрясения.

Выражение превосходства на его лице сменилось глуповатой хвастливой улыбкой.

— Я могу многое рассказать тебе об оружии. Я кое-что делаю сейчас для Мурдата. У Летучей Орды уже есть похожая штука, но я сделаю получше. Выстрел из нее сможет достать человека и за пределами дальности полета стрелы. Скэны посыплются, как… — Не закончив фразы, он ударил ребром ладони по высохшему плоду высокого растения. Хрупкая оболочка с легким треском прорвалась, и стайка семян упала прямо в пруд.

Сдерживая волнение, Джалита прижалась щекой к руке Леклерка.

— Ты такой славный. Я не думаю, что Тейт вообще помогала тебе. Мне кажется, ты и сам прекрасно разбираешься во всем, да еще и делишься своими знаниями с друзьями. — Девушка прикрыла глаза и добавила почти с разочарованием: — У Летучей Орды и Скэнов куда больше людей, чем у Мурдата.

— Сейчас я не могу открыть тебе все, но ты вскоре увидишь такое, о чем будешь рассказывать внукам.

Джалита пристально вгляделась в лицо Леклерка. Она напомнила себе, что у нее есть еще остаток осени и зима, чтобы разузнать все подробности. Слезы Нефрита учила: «Наживка лишь приманивает рыбу к крючку, остальное должен сделать рыбак». Толкнув носком пустую головку сухого плода, девушка сказала:

— Ты все понимаешь, Луис. Все так говорят, и Мурдат часто рассказывает Ниле о тебе.

— Я пытаюсь быть полезным.

— Он говорит — ты его незаменимый помощник.

— Друзья всегда помогают друг другу. Ты помогаешь мне, ведь ты — мой друг.

Джалита в сомнении широко раскрыла глаза:

— Я? Я помогаю тебе? Но ведь я ничего не делаю.

— Ты единственная, кто помогает мне осознать свое место в жизни.

— Спасибо. — Девушка всматривалась в воду. В глубине, по мусору, разбросанному на дне, какое-то животное переползало от укрытия к укрытию. Ее туфля пошевелила палую

листву. — Многие хорошо ко мне относятся, но настоящего, близкого друга у меня нет, понимаешь? Такие друзья у меня были когда-то, когда я была еще совсем маленькой девочкой и жила в своем племени. У меня не было друзей среди Скэнов, Слезы Нефрита не любила меня по-настоящему.

Осторожно подвинувшись, Леклерк встал позади Джалиты, вдыхая запах ее волос, аромат розовой воды и угасающей осени, разгоряченный ореолом жизненной силы, исходившей от нее. Он был зачарован изящной формой ее плеч, неосознанной грацией гибкой шеи.

— Ты мне даже ближе, чем Мурдат. Я хочу, чтобы ты так же относилась ко мне, чтобы делилась со мною своими проблемами и тревогами.

Девушка отклонилась от Леклерка. Его сердце бешено колотилось в груди. Произнесенные слова показались ему смешными, а хотелось сказать еще так много, показать, как он заботится о ней, как волнуется за нее.

Слабая дрожь пробежала по ее телу, передавая Леклерку ощущение недосказанности и скрытого смысла. Что-то было мистическое в притяжении одного человека другим, во влечении одной плоти к другой.

— Я действительно хочу поговорить с тобой, Луис. И не потому, что ты спас мне жизнь, когда я упала в стремительный поток, а потому, что мне как женщине нужна крепкая мужская рука. Я не могу занимать тебя слишком долго, ведь ты так важен для Гэна. Но есть неразрешимые для меня проблемы, и я не знаю, что с ними делать. — Джалита повернулась к Леклерку лицом, и боль, метавшаяся у нее в глазах, передалась и ему.

— Расскажи мне, что тебя тревожит, и мы сможем преодолеть трудности вместе.

Бледная улыбка осветила печальное лицо и бесследно пропала. Тонкие сильные пальцы нервно мяли край плотной накидки.

— Когда ты ушел, Тейт мне сказала, что женщины могут сами выбрать себе мужей. Но у меня нет права выбора. Я должна быть осторожна, чтобы не оскорбить кого-нибудь. Недавно я поняла, что я… нравлюсь двум мужчинам. Они много времени проводят со мной. Но я хочу сказать, что они меня совсем не интересуют. Я просто должна быть приятной им. Услужливой и, — с досадой добавила она, — достойной женщиной.

Леклерк продолжал обнимать ее, пробуждая воспоминания о всех женщинах, какие сейчас жили в ней:

— Скажи мне, кто они, и я запрещу им беспокоить тебя.

Встревоженная, она положила руки ему на грудь.

— Не нужно. Их внимание не будет беспокоить меня, пока ты относишься к этому с пониманием.

Несколько мучительных минут они спорили. Джалита осталась непреклонной, немного театрально надув губы. Она намекнула, что Леклерк ничуть не отличается от досаждавших ей мужчин. Он с удивлением услышал свой голос:

— Я совсем не такой, — и осознал, что он беззащитен перед обаянием Джалиты. Луис позорно сдался. — Хорошо, хорошо, я сделаю все по-твоему. Мне это не нравится, но свою жизнь ты определяешь сама.

— Я не забыла, что жизнью я обязана тебе. И не забуду. Но я отвечаю за свои поступки — неужели ты можешь представить, что у меня возникло влечение к Эмсо или к барону Ондрату?

— Эмсо? — Леклерк почувствовал себя обманутым.

Эмсо был его другом и близким другом Гэна. «И старым, — думал Луис. — По крайней мере на пять, а то и семь лет старше меня».

Что касается Ондрата, Леклерк испытал радость, осознав, что тот никогда по-настоящему ему не нравился. Напыщенная жаба с бегающими глазами. И не отличается умом. Если бы он захватил напавшего на Сайлу торговца, а не зарубил его, этот человек мог бы многое рассказать.

Джалита вмешалась в раздумья Луиса:

— Я должна идти домой. Нила берет меня с собой к гончарам. Пойдешь со мной в замок?

— Куда угодно. — Он, улыбаясь, предложил ей руку. Джалита прижалась щекой к сильному плечу. Они пошли к выходу. Девушка тихо произнесла:

— Если мы не хотим упреков и обвинений, мы должны сохранять осторожность.

Быстрый взгляд ее сверкающих черных глаз и дразнящий намек, скрывающийся за словами, обожгли Леклерка. Он отогнал беспокойство, строго напомнив себе, что эта молодая женщина перенесла ужасные испытания и лишения. Ей нужны забота и понимание, а не нажим. Он должен доказать Джалите, что не похож на Эмсо и Ондрата.

Полностью захваченный своими мыслят, Леклерк чувствовал, что его уносит течением. Ничего, кроме предстоящего похода и щеки, прижавшейся к плечу, не занимало его. Он старался найти романтические слова для прощания с любимой.

Кейт Бернхард, рассматривая удаляющуюся пару, представила себя рядом с Луисом Леклерком. Слишком высокая, ей пришлось бы неловко изогнуться, чтобы положить голову на плечо Луису. Она улыбнулась про себя — при чем здесь удобство? Да и пряди ее волос не могли бы так непринужденно и капризно развеваться на ветру — Кейт предпочитала практичную короткую стрижку. Но если ее волосы не были черны, как эбеновое дерево, они напоминали темный мед своим глубоким коричневым цветом. Нежная чувствительность и неукротимая чувственность — сила стальной пружины — не были присущи ей. Красота Кейт Бернхард была неяркой привлекательностью правильных черт лица, едва различимым обещанием страсти, изящной походкой, говорящей о женственной слабости. И еще в ее красоте был таинственный внутренний жар любви.

Кейт наблюдала за Леклерком, пока он не вышел через замковые ворота. Неожиданно налетевший резкий западный ветер обжег ее глаза, заставив выступить горячие слезы.

Глава 39

— Ты делаешь из меня посмешище, ставишь в глупое положение.

С испугом Тейт заметила отчаяние и мольбу в голосе Налатана.

Она хорошо обдумала свои поступки. Она знала, что правильно все решила. Но Тейт хорошо знала и своего мужа — ему не всегда достаточно одной логики. Его предположения и предположения других должны быть прочувствованы им. Чтобы сохранить свое лицо, Налатан был способен на все.

Тейт это пугало. Два разных чувства заставляли бешено колотиться ее сердце. Как бы там ни было, она ведь любила его.

И она должна была рисковать этой любовью ради того, чтобы выжить.

Налатан лежал рядом с ней. Отблески огня отражались в его тревожных глазах. Они напоминали Тейт сражение, в котором она должна была выиграть, но не могла. Тейт положила руку Налатану на грудь, но он даже не пошевельнулся. Приподнявшись на локте, она посмотрела ему в глаза.

— Кто посмел называть моего Налатана глупым?

Его взгляд перестал блуждать по потолку. Он посмотрел на Тейт:

— Я бы хотел взглянуть на того, кто посмел бы это сделать. Я знаю, как поступать в таких случаях. Но я не знаю, как мне дальше жить с разговорами за моей спиной, двусмысленными взглядами и усмешками.

— Все это потому, что я поеду с другим человеком? Я права?

Налатан снова закрыл глаза.

— Я забочусь о твоей безопасности. Не придаю большого значения всяким сплетням. Но все-таки это меня раздражает — ни один нормальный человек не способен спокойно переносить чужие сплетни, особенно если они о его собственной жене.

— Оставь это. Какое нам дело до сплетен?

— Мне есть дело. Не потому, что люди сплетничают, а потому, что они клевещут на тебя.

— Но ведь ты же не слышал, чтобы кто-нибудь прямо говорил об этом. Не обращай внимания. Будешь продолжать в том же духе — кончится тем, что убьешь кого-нибудь.

Глаза Налатана жестко сверкнули:

— Да.

— Не делай этого ради меня. — Тейт слышала, как стучит сердце ее мужа — ровно, уверенно. Тейт показалось, что так часто оно еще никогда не билось. Она знала, каков он в гневе. Этот хладнокровный дикарь не будет драться, когда этого потребуют обстоятельства. Он будет убивать.

Тейт заставила себя быть поласковей:

— Пообещай мне, что не будешь драться, пока меня не будет. Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Я буду волноваться за тебя.

— Тогда разреши поехать с тобой. Мы сможем волноваться друг о друге вместе. Пошли Конвея одного. Мы побеспокоимся о нем вдвоем.

— Ты совсем не хочешь меня понять.

— Неправда. Я очень хорошо все понял. Мне просто ненавистна эта поездка, и все.

— Я же уже говорила тебе, что это связано с религией. Это миссия. Она нужна для того, чтобы усилить Три Территории. — Тейт пошевелилась в кровати, нервничая оттого, что солгала.

Как будто угадав ее мысли, Налатан произнес:

— Вы долго учили меня правильно понимать учение Церкви — ты, Сайла и Ланта. Церковь была смыслом моей жизни, пока я не встретил тебя. Церковь и сейчас очень важна для меня, но все-таки мое место в ней изменилось. И я прекрасно это сознаю. Ты не можешь просить меня оставаться счастливым, когда моя жена в опасном походе.

Медленно, как будто боясь резкого движения, Налатан обнял ее. Тейт отбросила все сомнения и тревоги и замерла, прижавшись к нему. Она чувствовала мягкую силу его рук. Наконец женщина полностью доверилась этим сильным мужским рукам — рукам ее любимого мужа.

* * *

Ночной страж стоял навытяжку. Его только что сменили на посту. Прибывший дневной страж проводил церемонию открытия Восточных ворот. Люди, ждавшие, пока откроют ворота, расположились на расстоянии полета стрелы, как того требовал порядок. Они затушили ночные костры — вокруг слышалось шипение углей и плыли клубы пара. Отовсюду доносилось ржание лошадей, рев ослов, кудахтанье кур — сплошная стена шума навалилась на городских стражей. Во всем этом гаме можно было расслышать крики пастухов. Среди суетившихся животных гордо шествовали груженые ламы. Их погонщики вели себя более сдержанно, чем пастухи, — казалось, что они набрались спокойствия от своих лам.

Тейт тихонько подтолкнула локтем Налатана, который бесстрастно восседал на своем коне, заняв центральное положение в их группе из трех всадников — между своей женой и Конвеем.

— Мне всегда нравились эти животные, — кивком она указала на лам. — Они здесь самые красивые из всех.

— Я бы не хотел оказаться на спине одного из них во время сражения, — произнес Конвей.

Тейт бросила на него гневный взгляд, а затем улыбнулась Налатану:

— Теперь ты понимаешь, почему мы постараемся вернуться как можно быстрее? Кто может долго выдержать такое отношение к себе?

Налатан натянуто улыбнулся:

— Ваше путешествие не из коротких. Надеюсь, что ничего серьезного не случится.

— Тан, мы же уже обо всем договорились, все решили, — в голосе Тейт послышалась обида.

Налатан вздрогнул, услышав, как Тейт произнесла его ласкательное прозвище.

— Мы обо всем договорились, но решение принимала ты. Ладно. Выполняй свой долг. Но, пожалуйста, постарайся вернуться быстрее.

— Я тебя люблю. — Тейт быстро наклонилась и крепко поцеловала его, прежде чем он успел хоть как-нибудь отреагировать. Несколько людей вокруг зааплодировали и заулюлюкали. Увидев это, Тейт выпрямилась и посмотрела в глаза Налатану. Лицо мужа залила краска. Затем он озорно улыбнулся и поцеловал Тейт — женщина чуть не выпала из седла, оказавшись в пламенных объятиях мужа. Толпа одобрительно зашумела. Когда они расставались, Тейт выглядела смущенной.

— Ну, пора, — голос Конвея был сухим и не выражал никаких эмоций. Его слова вывели Тейт из задумчивости.

— Да, поехали, — проговорила она с трудом.

Лошади вклинились в толпу входящих в город, с трудом находя себе дорогу в этом муравейнике из людей и животных. Карда и Микка потихоньку трусили рядом, косясь на проходящих рядом животных и выискивая себе дорогу. Конвей потихоньку произнес:

— Не оборачивайся. Ни разу не оборачивайся — ему и так тошно, а эти длинные прощанья сделают еще хуже.

* * *

Это произошло четыре дня спустя — Микка, спокойно трусившая впереди, внезапно залаяла в сторону леса. Ни минуты не колеблясь, Конвей и Тейт натянули поводья и перешли на разные стороны дороги. Как только путники достигли леса, они расчехлили «вайпы» и осмотрелись. Лошади возбужденно озирались по сторонам и поводили ушами из стороны в сторону.

Вдалеке закаркал ворон. Ветер, прилетевший с гор, зашелестел в кронах деревьев.

Высокий, пронзительный звук разнесся в прозрачном холодном воздухе — чистая, высокая нота. Он прозвучал для Тейт и Конвея как сигнал тревоги. Когда он кончился, превратившись в звенящие трели, перемена стала почти видимой, как если бы музыка превратилась в мерцающие искорки.

Потом все исчезло.

Микка затаилась. Карда же прислушивался изо всех сил, пытаясь понять, откуда этот звук.

Возбужденный до предела, Конвей знаками показал, что поедет вперед. Тейт последовала было за ним, но он нахмурил брови и покачал головой. Конвей махнул ей, указывая на дорогу позади. Тейт неохотно кивнула.

Конвей спешился — тут нужна была не скорость, а скрытность. Если надо, Вихрь примчится быстрее ветра, стоит только свистнуть. Перебегая от дерева к дереву, Конвей приблизился к тому месту, где только что стояла Микка. Он передернул затвор «вайпа».

Собака почти слилась с камнем — она заметила Конвея гораздо раньше, чем он ее. Но она не поднялась — так и лежала, вжимаясь в землю и уставившись вверх. Взглянув на нее, Конвей решил, что она в замешательстве — шерсть на ее загривке встала дыбом. Конвей вздрогнул, посмотрев вверх — там никого не было.

Появился Карда. Легко, как дымка, его темное тело скользило от укрытия к укрытию. Конвей был взволнован — как и Микка, Карда не был уверен в том, что нечто находится над их головами.

Какой-то внутренний голос подсказывал Конвею, что там кто-то есть. Он увидел аккуратно ухоженную рощицу деревьев — священную рощу Церкви. Там бродила Ланта, печальная и одинокая. Она играла на флейте. Но это было давно. Мелодия и звуки были

совсем другими. Конвей потряс головой. Ланта была в Оле, далеко отсюда.

Подозвав собак, Конвей вернулся к Тейт.

— Я пойду разведаю. Там, повыше, есть несколько камней, за которыми ты могла бы укрыться, пока я выясню, в чем дело.

— Забудь об этом, я пойду с тобой. Кто бы это ни был, он уже знает, что мы здесь. Я чувствую это. Он проделал долгий путь, чтобы сыграть на флейте. Он наблюдал за нами и всего лишь дал нам это понять.

Не соглашаясь с доводами Тейт, Конвей рассказал, как вели себя собаки.

— Я никогда не видел их такими, — закончил он.

Тейт кивнула, приняв решение своего напарника. Дорога вела вверх по холму. Наконец они остановились, чтобы передохнуть и обождать собак. Вокруг тускло мерцал снег. Спешившись, путники вновь старательно осмотрели окрестности. С обеих сторон их окружал дремучий лес — огромные стволы деревьев стояли сплошной стеной. Впереди их ждала гора, а слева от нее виднелись склоны Отца Снегов. Немного выше по склону лес заканчивался — дальше было безраздельное царство камней и снега.

Ведя коней за уздечки, Конвей и Тейт двинулись дальше. Собаки ждали их наверху. Демонстрируя свое безразличие ко всему происходящему, Карда сел и почесал за ухом.

На свежем снегу были хорошо видны чьи-то следы — кто-то вышел из леса и направился вверх к плоскому камню. Этот кто-то сидел на камне — снег там был примят. Конвей произнес:

— Он не боялся, что мы настигнем его. Посмотри на следы: четко отпечатались и носок и пятка — он не спешил.

Тейт шагнула, чтобы сравнить свои шаги с шагами незнакомца:

— Это небольшой человек. У него шаг почти как у меня.

У Конвея вытянулось лицо:

— Кое-кто не согласился бы с такими выводами.

Тейт сузила глаза:

— Кое-кто мог бы посочувствовать мужчине, делающему глупые замечания о длине женского шага. Я не буду.

— Предположение принято. — Конвей пошел по следам загадочного флейтиста. Тейт последовала за ним. Собаки бежали чуть впереди. Они отдыхали. Когда снег закончился, Конвей произнес: — Мы должны пустить собак по следу.

— Зачем? Он не сделал нам ничего плохого. И если он хочет заманить нас в засаду, то это ему как раз на руку. Кроме того, у нас есть свои собственные дела.

— Мне кажется, ты права. — Конвей потер подбородок. — Собаки не знают, что делать дальше. Что меня волнует — я уверен, что кто-то будет ждать нас на обратном пути. И это будет связано с этим странным пришествием.

— Мы не можем быть уверены, что кто-то нас преследует. Мы видели огонь ночью и дым от огня под утро. И все.

Конвей упрямо не соглашался:

— Там, наверху, никто не живет. По крайней мере со времени последнего землетрясения. Ты же видела, как собаки набросились на след, как они принюхивались, когда ветер дул с запада. Они чуют его.

— Ни черта они не чуют. Вспомни, как они себя вели, когда подул ветер со стороны чужака. Разве они подняли тревогу? Нет. Потому, что там никого нет. — Тейт, отчаянно жестикулируя, указала в направлении, откуда они пришли. — Не меньше часа мы смотрели в оптический прицел, и все равно ничего не заметили.

— Мы еще увидим его. Но в одном ты права: нам надо убираться отсюда. Я не хочу, чтобы с нами здесь что-нибудь случилось.

Они уже почти вернулись, когда собаки вдруг почуяли кого-то впереди. И вновь они вели себя как-то странно. Оглядываясь то на Конвея, то на чащу впереди, они испуганно жались к ногам своего хозяина.

Конвей приготовил свой «вайп». Глянув через плечо, он увидел, что Тейт сделала то же. Она заняла позицию рядом с ним. По сигналу Конвея собаки пошли вперед, перебегая от укрытия к укрытию. За ними последовали всадники, держа оружие на изготовку.

Впереди появилась одинокая фигура. На мгновение Конвею показалось, что это медведь. Только когда фигура пошевелилась, он понял, что это одетый в шкуру медведя человек, маскирующийся таким способом среди камней. Это было то самое место, где пряталась Микка.

Тейт встала за дерево, приготовившись прикрыть Конвея, а тот спешился и пошел навстречу незнакомцу.

Неподвижная ранее фигура внезапно зашевелилась. Рефлекторно Конвей поднял свой «вайп». Он едва не выстрелил. Но в момент, когда Мэтт уже был готов спустить курок, он с удивлением обнаружил, что человек, одетый в медвежью шкуру, спит. Теперь, подойдя ближе, он рассмотрел незнакомца — тот спал, положив голову на колени и обхватив ноги руками.

Тейт предупреждала о возможной засаде. Оглянувшись, Конвей увидел, что он открыт со всех сторон. Если здесь устроили засаду, то ни Тейт, ни собаки не смогут помочь ему — их всех перестреляют, как цыплят.

Вновь раздался пронзительный звук свирели. Близко.

Опять, как и час назад, одинокая нота превратилась в звенящие трели. Фигура в медвежьей шкуре зашевелилась.

Собаки смотрели на Конвея, ожидая приказа хозяина. Тяжело дыша, они припали к земле: пасти открыты, красные языки висят.

Конвей наконец принял решение — если это засада, то начало сражению положит он, а не противник. Он спустил собак. Зарычав, они бросились вперед. Расстояние между ними и фигурой в медвежьей шкуре таяло на глазах.

Вдруг медвежья шкура отлетела в сторону. Оттуда показалось побелевшее от ужаса лицо. Вытянув вперед руки, Ланта закричала от ужаса.

Глава 40

Конвей заорал на собак, останавливая их. Карда затормозил, подогнув задние ноги под себя. Микка отреагировала не так молниеносно — она врезалась в Карду, и тот отлетел в сторону. Не удержав равновесие, Микка тоже покатилась по земле, вздымая тучи пыли.

Две огромные собаки на всей скорости сбили Ланту с ног, крик ее внезапно оборвался, и она потеряла сознание. Конвей подбежал к ней, едва успев подхватить обмякшее тело.

Неуклюже он посадил ее на землю. Не произнося ни слова, Тейт помогла ему устроить Ланту рядом с камнем и притащила теплое одеяло, притороченное к седлу. Она укутала маленькую провидицу. Понемногу ее щеки порозовели.

Взгляды Тейт и Конвея встретились. Они долго смотрели друг на друга. Наконец Конвей почти шепотом проговорил:

— Я чуть не убил ее.

Тейт склонилась над Лантой и подоткнула одеяло.

— Я должен вернуть ее назад. Она — отверженная. Любой имеет полное право убить ее — Церковь больше не защищает ее.

Тейт онемела. В ней клокотала злоба. Из всех людей именно Конвей должен понимать важность их задачи. А он, вместо того чтобы помочь, с самого начала скептически отнесся ко всему. Теперь он и вовсе стал препятствием. Это было просто нечестно с его стороны.

Понимая, как важен этот поход, она оставила Налатана в Оле. Быть может, это даже расстроит их брак. Все же Налатан уступил ее просьбе. Ланта разорвала все отношения с Конвеем, а теперь все, что нужно Конвею, — защищать ее. Единственное спасение для Церкви — да и всей цивилизации — спасти Три Территории. Ланта поставила все под угрозу.

Ланта захотела быть рядом с возлюбленным во что бы то ни стало. Конвей устраивает свои личные дела в то время, как Доннаси Тейт может запросто потерять мужа.

Ланта задрожала, глубоко вздохнула и приоткрыла глаза. Увидев Конвея, она радостно улыбнулась. Внезапно глаза ее округлились, и она подскочила, дико озираясь кругом.

Тейт и Конвей подхватили ее. Конвей сказал:

— Успокойся. Все в порядке. Ты не ранена, просто потеряла сознание. Теперь уже все хорошо. Через несколько дней мы вернемся в Олу. Мы всегда будем вместе.

Ланта настояла, чтобы ей дали подняться. Тейт и Конвей с болью наблюдали, как она встает, ухватившись обеими руками за камень. Наконец Ланта оправилась и произнесла:

— Я приехала сюда, чтобы вместе с вами продолжить путешествие.

— Это невозможно. Никто, кроме людей из нашего племени, не может сопровождать нас в этой поездке, — голос Тейт был твердым. Она посмотрела на Конвея, ожидая поддержки.

Глядя Тейт прямо в глаза, Конвей произнес:

— Это ничего не меняет. Я уже сказал, что Церковь изгнала ее и ее жизнь в опасности. Я возвращаюсь с ней в Олу.

— Я не поеду в Олу, — в голосе Ланты слышалась решимость. — Я поеду с тобой, Мэтт Конвей. Мне нет никакого дела до ваших секретов. Мне нет никакого дела до фальшивой Церкви, которая отвергла меня. Моя жизнь ничего не стоит, пока я не найду свое место в этом мире. Я не смогу жить спокойно, пока не выясню отношения между нами — либо мы будем вместе, либо нет. Эта поездка расставит все по своим местам.

Колкие, резкие слова так и вертелись в голове у Тейт. Но когда они уже были готовы сорваться с ее губ, Тейт вновь взглянула на Ланту и сдержалась. В побледневшем, измученном лице бывшей Жрицы было что-то такое, что заставило Тейт погасить свою неприязнь.

Конвей сказал:

— Тейт права, Ланта. Слишком много веских причин оставить тебя в Оле. И самая главная из них — моя любовь к тебе.

Тейт тяжело вздохнула, но Ланта и Конвей не обратили на это внимания или просто не заметили. Ланта произнесла:

— Это опасно для нас обоих. Если ты сейчас уйдешь и не вернешься, как я буду жить без тебя? А если ты сейчас вернешься со мной в Олу, то чего стоит твоя дружба с Тейт? Если ты запретишь мне пойти с вами, то о каком доверии ко мне можно говорить?

Как воин, который не в силах отразить все удары, Конвей мог только уходить и уклоняться. Устав от всего этого разговора, он мог настаивать на одном:

— Я беспокоюсь о твоей безопасности.

— Я же тебе говорила, что мне нет никакого дела до моей безопасности. Я не ищу смерти, но я люблю тебя и в то же время боюсь, люблю и боюсь… — Она отвернулась, слезы выступили у нее на глазах. Она резко смахнула их рукой.

Конвей умоляюще посмотрел на Тейт.

Недавняя злость Тейт пропала без следа. Она пожала плечами.

Конвей сказал:

— Слишком много опасностей ждет нас. Мы не можем полностью посвятить тебя в наши дела. Но если ты нам поверишь, то я постараюсь сделать все, что от меня зависит.

Казалось, Ланта вспорхнула и подлетела к нему. Она обхватила его лицо:

— Я же уже говорила, что мне нет ни до чего дела, если оно не касается нас обоих.

Конвей выдавил из себя улыбку:

— Ну почему у нас все не так, как у других людей? Почему мы не можем просто любить друг друга, быть глупыми, говорить друг другу всякую чушь?

Внимательно посмотрев Конвею в лицо, как будто видела его впервые, Ланта ответила:

— Есть такие вещи, которых мы не в состоянии понять. Это испытание выпало нам, чтобы мы могли успешно с ним справиться. Мы потерпим неудачу, чтобы набраться опыта и

попробовать снова. Во всем есть какая-то цель.

— Ты — моя цель.

Ланта покраснела, вся засветившись от радости.

Прежде чем заговорить, Тейт прочистила горло:

— Мы и так потратили много времени. Может, пора уже отправляться?

Ланта повернулась к ней:

— Мой конь. Я совсем забыла про него. Он пасется возле дороги.

Конвей уже вскочил в седло:

— Останься с Тейт. Я приведу его. — Конвей пустил коня рысью, собаки последовали за ним.

Ланта встала перед Тейт:

— Я знаю, о чем ты думаешь.

— Ну и о чем же? Ты тоже об этом думаешь?

— Да. И еще о Налатане. — Она вздрогнула, увидев, как Тейт сдвинула брови, но потом продолжила: — Я почти уговорила его поехать со мной и найти вас. О, у вас с Налатаном нет таких проблем, как у нас с Мэттом. Но ты боишься чего-то в своей любви к Налатану. Возможно, в этом путешествии ты тоже найдешь ответ на то, что тревожит тебя. Я не могу сказать тебе точно. Но я точно знаю, что я — твой друг. Все, что важно для тебя и твоего мужа, будет и моей заботой.

Негодование вновь овладело Тейт.

— Попридержи-ка при себе свои замыслы насчет меня и моего мужа. Занимайся своими личными делами и оставь нас с Налатаном в покое.

Ланта нисколько не обиделась.

— Я только хочу, чтобы ты знала об этом. Прости меня. Помоги мне, а я помогу тебе.

Тейт подошла к своей лошади. Она так дернула подпругу седла, что бедное животное захрапело от неожиданности. Лошадь повернула голову и посмотрела на хозяйку своими огромными, удивленными глазами. Тейт тем временем бормотала себе под нос:

— Хоть бы ты вела себя спокойно. Я хочу только подтянуть ремень. Я собираюсь поехать туда-не-знаю-куда вместе с Мисс Одинокое Сердце и Сэром Сверхтупая Башка. И я не нуждаюсь во всяких печальных взглядах ходячей печки для сена. Как только у нее язык повернулся сморозить такую глупость? Налатан и я. Какие общие проблемы могут быть у нас с ними? Тра-ля-ля.

Услышав разговор, Тейт прекратила извергать свои проклятья и присоединилась к остальным спутникам. Конвей с собаками ехал впереди. Тейт замыкала отряд.

Доннаси молча размышляла над словами Ланты. Возможно ли, что в ее отношении к Налатану была какая-то напряженность? Недоверие?

Нет. Она всей душой любила этого человека.

Черная женщина. Белый мужчина. Эти слова стучали у нее в голове. Черная женщина. Белый мужчина.

Может быть, из-за этого она так настаивала, чтобы он остался? Может быть, в глубине души, она хотела испытать его?

Что-то вывело ее из состояния задумчивости. Конвей остановился. Обеспокоенная, Тейт обернулась назад.

Флейта. Где-то позади них, совсем близко. Звук был более низким, более глубоким, чем прежде. Тихая, грустная мелодия разносилась по лесу. Привстав в стременах, Тейт глазами искала музыканта. Но вокруг была только музыка.

Затем звуки флейты стали подниматься вверх — все выше, выше, и наконец мелодия оборвалась на высокой, пронзительной ноте. И вновь воцарилась тишина, как будто и не было никакой музыки.

Глава 41

Слезы Нефрита куталась в мантию из шкуры белого медведя. Ее унты и шапка также были из медвежьей шкуры. Шарф закрывал почти все лицо — открытыми оставались только глаза. Женщина всматривалась в водную гладь — на море был шторм. Дул сильный ветер, и ей приходилось часто моргать: из глаз текли слезы.

Когда она в очередной раз открыла глаза, то не смогла разглядеть линию горизонта — небо и море сливались в одну темно-серую массу. Женщина что-то сердито забормотала себе под нос — внезапно выглянувшее из-за туч солнце ударило ей в глаза.

Вдруг, все еще ослепленная солнцем, она увидела совсем другую картину.

Слезы Нефрита это ничуть не испугало. Получше закутавшись в свои теплые одежды, она решила предаться этому удовольствию, предмету ее гордости. В конце концов, видения были даром божества, а оно не отличалось особой щедростью.

Она видела, как к востоку от поселка тонул небольшой акулий челн — судно Скэнов. Ветер уже пел похоронную песню в снастях. Моряки, знающие море лучше, чем иной мужчина свою жену, припали к планширам и молча слушали треск и скрежет своего брошенного на растерзание стихии судна.

Только одинокая фигура капитана гордо возвышалась на капитанском мостике. Слезы Нефрита затаила дыхание и всмотрелась в этого человека своим внутренним взором. Это был Лорсо.

Вначале ей показалось, что она увидела испуг на лице Лорсо. Но приглядевшись, поняла — это злоба: глаза широко раскрыты, нижняя челюсть выпячена вперед. Побелевшие от холода руки сжаты в кулаки. Капитан наперекор стихии прокладывал свой путь прямо к дому. Челн, управляемый твердой рукой, почти перелетал с одной огромной волны на другую, еще более крутую и огромную. Казалось, капитан и корабль составляют вместе одно целое — акулий челн послушно подчинялся каждому движению человека.

Лорсо что-то кричал прямо в лицо разбушевавшейся стихии, голос перекрывал плеск воды и шум ветра. Волны испуганно расступались перед безумной храбростью человека и корабля, а ветер стихал и дул именно так, как того требовал моряк.

Схватив свою палку, Слезы Нефрита принялась колотить ей о землю, пытаясь отогнать свое видение.

Старуха осторожно открыла глаза — мир был таким же, как всегда.

Что значит это видение? Никогда еще она не видела Лорсо таким озлобленным. Даже когда его везли для ритуального жертвоприношения Сосоласссе.

Слезы Нефрита с трудом распрямилась, боли в костях и сухожилиях давали о себе знать и требовали от этой хрупкой женщины недюжинной силы воли.

С моря налетел ветер, чуть не сбив ее с ног. Черные глаза Слез Нефрита озорно заблестели. Она начала напевать себе под нос какую-то мелодию без слов так матери убаюкивают своих младенцев. Новый, не столь сильный порыв ветра заставил ее пошатнуться. Женщина рассмеялась от счастья, игриво погрозив ветру кулаком. Это Сосоласса так играет с ней. А сейчас она будет играть со своими рабами.

Слезам Нефрита показалось, будто далеко в море гребень одной из волн идет не так, как все остальные. Она приставила руку к глазам. Парус — зарифленный до предела, еле заметный. Идя против ветра, судно приближалось с юго-востока.

— Лорсо, — голос женщины был полон гордости. — Только сын Слез Нефрита может выжить в такой шторм. — Она замолчала. Женщина знала, что в этом было нечто большее, чем просто ловкость человека.

Слезы Нефрита начала спускаться со своего наблюдательного пункта — невысокого холма на берегу моря. Внизу, у подножия холма, ее ждали люди — ее рабы. Они нервно зашевелились, заметив ее приближение.

Поспешив к старухе, Домел спросил:

— У тебя было видение? Божество что-нибудь сказало нам?

Подождав, пока двое из носильщиков помогут ей сесть в богато разукрашенное кресло на носилках, Слезы Нефрита произнесла:

— Лорсо возвращается. Мы должны поторопиться, чтобы успеть на пристань.

Домел уважительно поклонился. Он взглянул на носильщиков, и те поняли его без слов. Рабы молча взвалили на плечи свою нелегкую ношу. Они прекрасно понимали, что их ждет, если хоть один из них собьется с шага или споткнется, и старались не думать об этом.

Дойдя до гавани, рабы остановились, чтобы передохнуть. Пот ручьем бежал по спинам носильщиков. Их начальник хриплым голосом выкрикивал команды. Послушные им, рабы дружно взялись за шесты носилок обеими руками. Затем так же дружно по команде они опустили носилки на землю, от их тел валили клубы пара. Носильщики отдернули занавеси паланкина, чтобы помочь Слезам Нефрита встать с кресла. Она принялась рассматривать их. Рабы встали навытяжку. Их тела дрожали от напряжения, они тяжело дышали. Один из них изо всех сил пытался подавить душащий его кашель.

— Всыпьте им хорошо. Сделайте припарку правому переднему — он пытался скрыть, что хромает. Отделите их от остальных — пусть немного поостынут. Это безголовые жеребцы, и я не хочу, чтобы они тратили свою силу на рабынь, пока я не разрешу им.

Домел повернулся к одному из мальчишек, что столпились вокруг процессии:

— Ты. Отведи этих рабов к конюшням Слез Нефрита.

Мальчик выпучил глаза от удивления. Затем он с радостью принялся исполнять поручение. Паренек подскочил к паланкину и вскарабкался на кресло. Посмотрев оттуда на Слезы Нефрита, он осклабился, на его лице отражалась сложная смесь гордости и страха. Домел весь напрягся, рабы вздрогнули, уставившись на эту сцену.

Заботливо расправив свою мантию, Слезы Нефрита рассмеялась:

— Хочешь испытать фортуну, верно? Убирайся с глаз и хорошенько проследи за моим стадом.

Подросток принялся выкрикивать приказы рабам, у него был ломкий, надтреснутый от возбуждения голос. Рабы молча повиновались. Их наездник одарил своих сверстников победоносной улыбкой; при этом он продолжал осторожно коситься на старую, сгорбленную женщину. Слезы Нефрита тихонько обратилась к Домелу:

— Узнай имя этого молодого выродка. Я хочу поближе познакомиться с ним. Ну а где же мой сын? — уже громче спросила старуха.

Будто отвечая на ее вопрос, в гавань вошел акулий челн Лорсо. Гавань представляла собой небольшой залив, укрепленный и превращенный в порт. Скэны называли залив Глоткой. Несмотря на сильный ветер, челн потихоньку сбавлял ход. От носа корабля шел пенистый след, заставляющий волноваться спокойную гладь вод залива. В умелых руках Лорсо челн был лишь послушной игрушкой, а гавань — комнатой для игр. Корабль слегка накренился, тихо ударившись в причал.

Домел произнес:

— Он управляет челном великолепно. Ты можешь гордиться своим сыном.

Слезы Нефрита повернулась к нему. Домел улыбнулся и, указав на челн, произнес:

— Благословение Сосолассы ниспослано ему. Шторм уничтожил бы любого из наших моряков, он же всегда возвращается. Люди говорят, что божество помогает ему. Наверное, это очень удобно.

— Ты и представить себе не можешь, как это удобно. — Слезы Нефрита рассмеялась. Обернувшись к Домелу, она убедилась, что он не понял сарказма ее слов.

Швартовка корабля тем временем была в самом разгаре. Одни рабы раскладывали на земле катки — маленькие обтесанные бревнышки, в то время как другие, зайдя в воду, прикрепляли лини к корпусу судна. Старый портовый надсмотрщик, весь седой, с морщинистым лицом, говорящим о его нелегкой жизни, подгонял своих подчиненных с помощью кнута из тюленьей шкуры. Специальная система для вытягивания акульего челна на берег состояла из вкопанных в землю бревен с прикрепленными к ним рычагами и блоками. После того как челн втащили, рабы принесли длинные крепкие шесты и вставили их в отверстия для весел. Затем они подняли корабль на шестах и, расклинив подпорки, оставили его висеть над землей. Теперь, вдали от воды, акулий челн представлял собой

жалкое зрелище — он беспомощно колыхался под напором ветра и его днище, поросшее водорослями и ракушками, жалобно поскрипывало.

Специальный кран с помощью сети вытащил груз из трюмов судна. До земли оставалось совсем немного, когда груз отпустили, и он с глухим звуком упал, что привело Лорсо в неописуемую ярость. К сети подбежали рабы и освободили груз от ее крепких объятий. Оттуда посыпались люди — будущие рабы Скэнов. Многие из них пытались встать на ноги, но веревки на ногах и руках заставляли их вновь опуститься на землю. Портовый надсмотрщик послал своих рабов распутать их. Рабы принялись ловко развязывать новоприбывших собратьев по несчастью — так умелая хозяйка очищает початки кукурузы.

Лорсо выместил свою злость на крановщике:

— Ты заплатишь мне за каждого раненого. — Стремительно повернувшись, он пошел к пленникам. Лорсо внимательно осмотрел людей, бесцеремонно расталкивая их и разглядывая их тела. Судя по всему, никто сильно не пострадал, и Лорсо оставил крановщика в покое. После объятий с матерью и обмена формальными приветствиями он произнес: — Двадцать взрослых мужчин. Называют себя Людьми Реки и жили на Матери Рек. Знают о воде не больше прибрежных камней. — Голос его от возбуждения дрожал. От него так и веяло силой, молодостью. Он спросил: — А где Джалита?

Домел произнес:

— Поздравляю тебя с благополучным возвращением, Лорсо. Я покину вас с матерью — пойду посмотрю на рабов. — Он было направился к баракам, но Слезы Нефрита схватила его за рукав. Домел замер. Костлявые пальцы старухи цепко держали его.

— Домел знает обо всем, что произошло.

На лице Домела появилось недоумение.

Лорсо грубым голосом повторил свой вопрос:

— Где Джалита? Я не вижу ее.

— Девчонка обманула меня. Она обманула Скэнов. — Слезы Нефрита отпустила Домела. Повернулась, чтобы удержать Лорсо. Тот схватил ее за плечо и повернул к себе лицом. Не обращая внимания на раздражение старухи, он прорычал:

— С ней все в порядке? Где она?

Слезы Нефрита пристально посмотрела ему в глаза — хватка сына ослабла, пальцы разжались; и рука отпустила одежду матери. Старуха произнесла:

— Никто и никогда не обманывал меня так и не причинял столько неприятностей. — Она высоко подняла голову — гордая, оскорбленная женщина. — Я так доверяла ей. А она такая злая — никогда не любила свою мать. Я верила в нее. Но я стара, наверное, слишком стара. Она была такой молодой и красивой. Я надеялась… — Чувства переполнили Слезы Нефрита.

— Где? Когда? — слова Лорсо походили на стон.

Домел продолжал неподвижно стоять. Он старался не шевелиться, боясь тем самым привлечь к себе внимание. Слезы Нефрита продолжила:

— Каким-то образом ей удалось сбежать. Увела лодку и сбежала. Мои разведчики донесли, что она сейчас в безопасности, в замке Гэна Мондэрка.

— В безопасности? В замке у нашего главного врага? Он убьет ее, если мы снова нападем на них, — она теперь заложница.

— Заложница? Она предала нас. Никого из Скэнов, кроме меня, не волнует ее судьба.

Лорсо онемел. Тяжесть его прегрешения вместе с обманутой любовью — все это разом навалилось на него, тяжким камнем легло на душу. Глаза его бессмысленно блуждали, перебегая с одного предмета на другой. Лицо посерело. Слезы Нефрита взяла свою палку и тихонько ударила сына. Лорсо вскрикнул и схватился за ушибленный лоб. Боль вернула его к действительности.

Слезы Нефрита сказала:

— Незачем так убиваться, сын мой. Я знаю, как сильно ты любишь меня, но не стоит терять рассудок из-за какой-то рабыни, оскорбившей мое достоинство. Да, я была без ума от

нее, но сейчас я должна думать о Скэнах. Она почти ничего не знала о наших планах, и неважно, что она обманула нас. Джалита — моя забота и моя ошибка. Только я должна отвечать за нее перед Домелом и всеми остальными Скэнами. Ты согласен?

Лорсо посмотрел в глаза старой женщины, которая умела разговаривать с божеством:

— Она — предательница. Ты доверяла ей, а она предала тебя.

Не в силах больше смотреть на все это, Домел отвернулся. Он боялся Лорсо, и даже теперь, когда тот находился в подавленном состоянии, в нем было что-то отталкивающее.

У Слез Нефрита было иное мнение о сыне — это был полностью подчиняющийся ее воле раб. Женщина улыбнулась, услышав ненависть в голосе Лорсо. Она сказала ему:

— Ну и черт с ней. Если даже Гэн Мондэрк или кто-то из его приспешников захотят воспользоваться полученным преимуществом, то у них ничего не выйдет. Все-таки нам не помешало бы захватить ее, после того как мы сокрушим Три Территории. — Она сделала паузу, переводя дух, и вдруг засияла от осенившей ее идеи: — А что, если мы поймаем ее и устроим публичную казнь?

Краем глаза Слезы Нефрита заметила, как рука сына инстинктивно потянулась к рукоятке меча — это привело ее в восторг. Даже самый наблюдательный человек не придал бы этому жесту такого значения, какое придавала ему Слезы Нефрита — только она могла по достоинству оценить этот жест. В этом движении были годы ее кропотливого труда и терпения.

Лорсо хотел убивать. Он рвался убивать ту, которая, сама того не подозревая, еще сильнее привязала его к матери — единственной из людей, понимавшей истинное его предназначение.

Хвала Богу. Хвала Сосолассе.

— Зайди в мою хижину. Нам необходимо о многом поговорить.

Лорсо последовал за ней.

Глава 42

Домел, спрятавшись за один из бараков для рабов, наблюдал, как удалились Слезы Нефрита и Лорсо.

Какое-то шестое чувство подсказывало ему, что он в опасности. В его ушах все еще звенел грубый голос Лорсо: «Где Джалита?» Всего два слова, прозвучавших как гром. Домел ждал этого вопроса, готовился к нему, но они все равно заставили его поволноваться.

Только сейчас Домел сполна оценил ту ловушку, в которую он попал. Он грязно выругался, вспомнив о двуличности старой карги и о собственной глупости. Домел обругал себя, вспомнив те льстивые речи Слез Нефрита, когда она рассказывала ему о том, как рад будет Лорсо расправиться с Джалитой.

Сейчас Лорсо был просто одурманен словами старухи. Но он был не глуп и рано или поздно догадается, что Джалите помогли бежать. Домелу стало нехорошо при одной мысли об этом.

Он снова обругал себя за свою глупость. Позволить себя уговорить! Старуха все время настаивала, что только он, Домел, с его умом может помочь ей в этом деле. Глупец. Слова Слез Нефрита вновь зазвенели у него в ушах: «Ты — единственный, кому я могу доверять. То же случится с моим сыном — ни один человек не в состоянии в одиночку управлять Скэнами, и Лорсо вынужден будет слушаться твоих советов. Помоги мне, и тогда ты и твои сыновья станут главными помощниками Лорсо».

Домел задумался о своем теперешнем положении — дела выглядели не так уж и плохо, пока он не узнал этот опасный секрет. Он криво улыбнулся — хуже, чем знать его, было только не знать этого ужасного секрета.

Куда ни кинь, всюду клин.

Домел заметил, что охранники переговариваются, озадаченные его молчанием. Он зашагал к ним, выкрикивая на ходу приказы. Пленники спешно были построены в две

шеренги. В сопровождении двух воинов Домел прошелся между ними. Два плотника, один гончар, один кожевник — их вывели из строя. Остальные оказались рыболовами, крестьянами и лесорубами.

Домел внимательно осматривал каждого из них — солдаты приказали пленникам открыть рты; кое-кому рот пришлось открыть с помощью ножа. Домел бесцеремонно щипал и толкал людей, пытаясь выяснить их силу и выносливость. Затем он провел более тщательный осмотр: осмотрел зубы, сосчитал пальцы на руках, ощупал мышцы.

Шестнадцать пар глаз напряженно следили за каждым его движением. Домел обратился к воину:

— Сперва лесорубы. Должны завтра выйти на работу, закованные в цепи. Ты понял?

Воин молча кивнул. Домел повернулся к пленникам. Его палец поочередно упирался в каждого из них, приговаривая к пожизненному рабству.

— Ты, ты, ты и ты. — Всего Домел выбрал восьмерых — охранники вытащили их из шеренги. — Остальные пойдут в бараки рабов, работающих в море.

И снова охранники увели связанных рабов.

Шагая позади рабов, Домел улыбнулся углом рта — Слезы Нефрита считает себя очень умной, не так ли? Возможно, возможно. Быть может, она не забыла, что ее глупый Домел был в свое время Поработителем. Конечно, он не может сразиться с Лорсо в открытом поединке — годы уже не те, но жизнь учит Скэнов многому.

В честь возвращения Лорсо были устроены пышные празднества. Местом для пира было выбрано длинное здание на холме, сплошь поросшем кедрами, напротив гавани — с холма была видна священная гора Сосолассы.

Здание напоминало бочку — его крыша была полукруглой, в самой верхней точке — в два раза выше самого высокого человека. Внутри по всей длине крыши располагались изогнутые стропила — если смотреть на крышу снизу, она была похожа на перевернутый корабль. Окон в здании не было. Оно протянулось с юга на север, в каждом из торцов располагались двери. В середине строения были сделаны две дополнительные боковые двери, выходящие на запад и на восток. Косяки и перекладины боковых дверей были покрыты искусной резьбой и росписью, изображающей тотемы и магические символы. Восточный вход был дополнительно инкрустирован драгоценными камнями: нефритом, ониксом, гранатом в обрамлении искусной резьбы по дереву, изображающей Сосолассу. В нескольких шагах от двери, справа, стояло металлическое сооружение высотой в рост человека и шириной в локоть. Формой оно напоминало сплюснутый гриб — низ был длинным и узким, а верх, наоборот, широким и закругленным. Покрытый толстым слоем жира металл не ржавел от дождей и сырости. Цвет у него был сероватый. Это сооружение было уникальным — в культуре Скэнов не было больше ничего подобного.

Слезы Нефрита в сопровождении Лорсо и Домела прибыла к восточному входу. Неподалеку от дверей рабы, несшие ее паланкин, остановились. Лорсо и Домел помогли спуститься старухе. Не доходя немного до раскрашенных дверей, они оставили Слезы Нефрита и подошли ближе к двери. Оба Скэна прикоснулись правой рукой к правой щеке, затем поклонились влево и медленно вошли в дом. Позади них величаво ступала Слезы Нефрита.

Внутри их уже ожидали воины Скэнов. Посередине здания, вдоль всей его длины, на деревянных подмостках стояли огромные, покрытые резьбой и росписью чаши, каждая из них представляла какой-нибудь клан. В чашах находилось вареное мясо или похлебка.

Столы ломились от великолепной пищи — разнообразные дары моря: жареные, вареные, копченые. Там было и несколько блюд с зеленью и сушеными фруктами. У стен стояли бочки с пивом. А рабы вносили все новые и новые блюда. Другие тащили корзины из кедра с раскаленными камнями внутри — те издавали резкий горький запах. Камни клали в чаши, вынимая оттуда остывшие.

Пытаясь перекричать воинов, Домел выкрикивал хвалы Лорсо. Когда Домел призвал Скэнов приветствовать заключенный союз с Летучей Ордой и Людьми Реки, они нехотя

ответили на его слова — все они прекрасно понимали, что значит открытое неповиновение Лорсо. К тому же все они давно с нетерпением ожидали начала трапезы. Домел отошел в сторону — его место заняла Слезы Нефрита. Как масло, вылитое в море, успокаивает волны, так и воины Скэны примолкли, заметив появление Слез Нефрита, — притихли хриплые громкие голоса и чей-то смех.

Слезы Нефрита заговорила своим дребезжащим голосом:

— Я благодарю воинов за то, что они разрешили мне присутствовать на их пиру. Вы и представить себе не можете, как важен для нас этот новый союз. У Скэнов сейчас исключительно выгодное положение, которое поможет им добиться больших завоеваний. Сосоласса открыл мне, что Церковь развалилась и развращена. Бог явил мне видение Гэна Мондэрка, охваченного божественными черными щупальцами. Ведьма Сайла станет игрушкой одного из Скэнов. Я видела, как Мать Рек переполнится трупами людей из Летучей Орды и Людей Реки. Это будет великая битва, какую еще не видывал ни один из Скэнов: рабов будет столько, что мы набьем ими до отказа трюмы каждого из наших челнов.

В ответ на эти слова Скэны подняли дикий рев, хотя это очень удивило Слезы Нефрита. Поджав губы, она свысока посмотрела на собравшихся:

— Сосоласса требует от Скэнов единства и сплоченности. Доверяйте друг другу, но никому другому. Обращайтесь с союзниками как с братьями, но, когда Сосоласса прикажет, убейте их всех. — Она замолкла и протянула вперед свои трясущиеся руки. Ткань ее мантии дрожала, со стороны старуха напоминала рассерженную осу. — Я, Слезы Нефрита, поверила чужеземке. Слушайте, Скэны, об этом глупом поступке старой женщины. Все помнят Джалиту — она не была одной из нас и предала нас. Она использовала колдовство, чтобы обмануть мои старые глаза. Я должна быть отомщена — так требует Сосоласса. Все Скэны должны быть отомщены.

В знак согласия толпа дико заревела.

Окинув зал взглядом, Слезы Нефрита закончила:

— Ешьте, пейте, веселитесь. Ведите себя так, будто вы в гостях у Сосолассы. Веселитесь как Скэны, чтобы вы могли погибнуть достойно, как подобает настоящим Скэнам.

Сделав шаг в сторону, она исчезла в восточном выходе. Она проделала это с такой быстротой, что многим из Скэнов показалось, будто она растворилась в воздухе (благо, этому способствовали все время мельтешащие перед глазами сотрапезники). Тишина воцарилась в зале, был слышен лишь треск огня. Затем заговорил Лорсо:

— Ешьте! Я хочу песен. Оттер Клан, где твои певцы?

Все словно ожили. Вокруг снова послышались говор и смех. Над головами пировавших раздалась боевая песнь Оттера — хвастливый рассказ о храбрости Скэнов, исполняемый в дороге под аккомпанемент весел акульего челна.

Не успел Домел доесть первое блюдо, как позади него послышались ругань и грохот. Он обернулся — мимо пронеслась рабыня с перекошенным от ужаса лицом. Тут до слуха Домела донесся звук, который ни с чем нельзя было перепутать, — кого-то ударили по лицу. Он отыскал взглядом дерущихся — воин из клана Морских Львов свирепо уставился на Оттера. Нос у того был свернут набок, по лицу текла кровь, а глаза не знали, на чем остановиться. Ударивший воин произнес:

— Тебе известно, что здесь этого делать нельзя. Если тебе нужна женщина, то выбери ее из своих собственных рабынь, а эта — моя.

Кулак Оттера внес поправку в доводы воина Львов, превратив его лицо в кровавое месиво. Завывая, бывшие сотрапезники принялись молотить друг друга кулаками. Рабыня — предмет спора — поспешила скрыться с глаз.

Домел последовал ее примеру. Он перемахнул через бочку с пивом и тихо подошел к стене. Оттуда он спокойно мог наслаждаться своей выпивкой и живописной сценой схватки двух пьяных Скэнов.

Так как ношение оружия на праздниках было запрещено, то дерущиеся не могли

нанести друг другу серьезных повреждений. Бывали, правда, случаи, когда мужчинам удавалось размозжить один другому головы с помощью бедренной кости дикой коровы или выколоть глаз вилкой. Но строгий закон Скэнов гласил, что ссоры, произошедшие во время пира, должны быть забыты после него — ведь Скэны были «дружным» народом.

К тому времени, когда дерущиеся раскидали столы и стулья во все стороны, Домел успел выпить три или четыре кружки пива. Его руки налились свинцовой тяжестью и не слушались хозяина. Мерный шум голосов дерущихся — клан пошел на клан — убаюкивал.

Домела немного удивило, как быстро прошел вечер. Он оперся спиной о стену и в наслаждении застыл, чувствуя, как медленно закрываются его веки, отяжелев от усталости и пива. Неяркие языки пламени отбрасывали тусклые отблески и разбросанную по всему помещению утварь, столы и валяющихся среди всего этого пьяных Скэнов. Домел упивался этим зрелищем.

А он, как дурак, разнервничался из-за этой старухи. Да, он не спорит, что Скэны ее боятся, да и с божественными способностями Слез Нефрита он не мог поспорить — они немного пугали Домела. Пугали. Смешно. Война, завоевания — в этом и состояла вся жизнь Скэнов. Убей союзников, если они больше не нужны тебе. Очень умно. Наверное, еще немного пивка, и будет в самый раз. Домел с трудом разлепил веки.

В двух шагах стоял Лорсо и наблюдал за ним.

Домел замер. Что-то внутри подсказывало ему, что жизнь его зависит от того, заметит Лорсо, что он еще не спит или нет. Домел притворился спящим. Даже под хмельком он чувствовал надвигающуюся опасность.

Наконец Лорсо ушел.

Домел с облегчением вздохнул. Руки его тряслись. Вскочив на ноги, он отпихнул бочку с пивом. С трудом пробираясь к выходу, он поражался тому, как быстро слетел с него хмель.

Глава 43

Стуча зубами от холода, Домел прислонился к мокрой стене — он подслушивал разговор Слез Нефрита и Лорсо. Если они хотя бы на миг заподозрят Домела в этом, то смерть покажется для него счастьем.

В молодости Домел был одним из самых храбрых, скрываться и нападать из-за угла было не для него. Он вспомнил о прежних своих ночных дежурствах, и кровь быстрее заструилась по жилам. Тогда он был рад ненастью — ведь оно изматывало его жертвы, в те годы Домел боялся лишь поражения и позора. Теперешний Домел обладал большей властью. Но он стал игрушкой в руках женщины, страшной женщины.

На какое-то мгновение Домелу показалось, что он знает, как решить свою проблему. Он ворвется в дом и расскажет Лорсо всю правду — по крайней мере, его ждет быстрая смерть, удар меча Лорсо будет сильным и точным.

Встряхнув головой, Скэн отогнал эту мысль. Даже если он расскажет правду и его убьют — Слезы Нефрита будет все отрицать, и ей поверят. Домел вспомнил выражение лица Лорсо во время пира, когда он наблюдал за ним, — этот умеет превратить чужую смерть в наслаждение для себя.

Домел прокрался поближе к окну.

— Он не заметил меня и не знает, что я был там. — Голос Лорсо едва был слышен.

Из-за стены раздался громкий голос Слез Нефрита:

— Ты говоришь, что стоял над ним, рассматривал его — и он не заметил тебя? — Домел чуть не подпрыгнул от услышанного; сердце его готово было вырваться из груди.

— Он был пьян. Я видел, как он стоял у стены и пил пиво. Один, без друзей.

— Таким людям, как Домел и я, не нужны друзья — у нас есть ум. И я молю Бога, чтобы он и тебе дал хоть немного ума. Каждый богатый Скэн — должник Домела; он всех запутал в сети долгов. И поэтому ты не должен убивать Домела, пока я не разрешу.

— Сколько мне еще ждать?

Домел весь покрылся испариной, услышав такое рвение в голосе Лорсо.

Слезы Нефрита утешила сына:

— Уже недолго, сынок. А пока держи себя в руках — у тебя такой свирепый взгляд. И помни: это меня, а не тебя обманула девчонка, и ты не должен думать о ней. Я сама позабочусь о Джалите.

Вновь послышался голос Слез Нефрита, она просила сына, дать ей время подумать. Домела удивило, что голос стал слышен четче; наконец он понял — старуха подошла к окну. Домел мысленно представил, как она усаживается в кресло напротив очага. Положив голову на исхудалые руки, она часто сидела так подолгу, и непонятно было, жива она или нет.

Домел начал нервно покусывать палец. Если Слезы Нефрита попросила божество наказать Домела, то смерть будет лишь переходом из муки земной в муку загробную — Домел верил, что если он освободится от старухи, то избегнет кары Сосолассы, а бог не станет наказывать его без ее заклинаний.

Прервавшийся было разговор вновь привлек внимание Домела. Слезы Нефрита задумчиво произнесла:

— Возможно, это будет даже лучше, если мы побыстрее уничтожим Домела.

— Ночью. — Жажда убийства звучала в голосе Лорсо — он был похож на акулу, почуявшую запах крови.

Не обращая на слова сына никакого внимания, Слезы Нефрита воодушевленно продолжала:

— Я думаю, что смогу узнать у Домела имена всех его должников, пытки развяжут ему язык. Но на это может потребоваться много времени, я боюсь, что ты натворишь глупостей, ты так и ищешь момента прикончить беднягу. После этого я скажу всем, что старый дурак постоянно волочился за Джалитой, с самого ее приезда, и хотел сбежать вместе с ней — Навигаторы отправят его к Сосолассе в мгновение ока.

— Я сам отправлю его, — Лорсо продолжал настаивать на своем. — Он оскорбил тебя, а значит, и меня. И поэтому я должен расправиться с ним.

Слезы Нефрита ответила более мягко:

— Он должен утонуть — попасть прямо к божеству, и ты поможешь ему в этом.

— Я хочу зарубить его.

— Этого мы не можем себе позволить. Подумай, что он может наплести, чтобы спасти свою шкуру?

Вздохнув, Домел принял этот последний удар — теперь Лорсо ни за что не поверит его словам и будет ждать момента, чтобы утопить его.

Вновь послышался голос Лорсо:

— Если я тебя правильно понял, то Домел либо попытается сбежать, либо начнет наговаривать на тебя?

В шуме дождя долго прислушивался Домел, ожидая ответа на вопрос Лорсо. Но никто так и не ответил — Лорсо продолжил прерванный разговор:

— Он попытается представить побег Джалиты как твою ошибку и скажет всем, что ты грубо обращалась с ней. Среди Скэнов немало завистников, которые поверят его сплетням.

Послышался смешок старухи:

— Кое-кто из Скэнов и вправду позавидует тебе — ведь ты у меня такой скромный. — Старуха оборвала смех. — Все же ты прав: найдутся люди, которые поверят Домелу. Чем раньше мы избавимся от него, тем лучше.

— Сейчас? — Заскрипело кресло — Лорсо вскочил на ноги.

— Утром.

Домел оттолкнулся от скользких бревен стены и хотел уже бежать, как вновь услышал чей-то голос. Он решил остаться и дослушать разговор до конца, чего бы это ему ни стоило.

Говорила Слезы Нефрита:

— Да, ты прав — схвати его ночью и приведи ко мне. Я уже давно подозревала, что он работает на эту ведьму. К утру он будет готов покаяться во всех своих грехах перед Скэнами.

Ярости Лорсо не было предела.

— Работает на ведьму? И ты молчала?! А что, если он что-нибудь сделал с… с девушкой?

— Я же сказала тебе — она в Оле, у Гэна Мондэрка. Порой мне кажется, что ее отсутствие волнует тебя больше, чем то, что она оскорбила меня.

— Нет. Нет, мать.

— Ну, ладно. А теперь поешь чего-нибудь. Не хочу, чтобы ты в такую погоду ушел голодным. А я пока кое-что подготовлю. Потом, когда я закончу, ты приведешь его ко мне. И не спорь со мной — сначала поешь, а потом займешься делом.

Домел попытался выпрямиться — у него затекли ноги. Потянуться — значило привлечь к себе внимание. Домел, как раненый заяц, заковылял прочь от дома; и только отойдя достаточно далеко, чтобы его не могли услышать, он потянулся и замахал руками, разгоняя кровь. Потом, с облегчением вздохнув, он припустил к дому.

Когда он вошел, жена, сидевшая у очага, вскочила и уставилась на него. С другого конца комнаты к Домелу, сжимая в руке меч, подскочил младший сын. На миг все застыли, рассматривая друг друга. Наконец Домел спросил:

— Это я, безумцы. Кого еще вы ожидали увидеть?

Жена набросилась на него:

— Ты напугал нас до смерти! Где ты был?

Скрывая свою растерянность под маской раздражения, Домел ответил:

— У меня возникли неприятности. — Он замолчал и начал сдирать с себя сапоги. Его сын воспользовался образовавшейся паузой.

— Мы знаем, — эти слова прозвучали для отца как приговор.

Скрывая волнение, Домел спросил:

— Что вы знаете?

Сын уклонился от ответа. Вместо него ответила мать:

— Рендо видел, как на сегодняшнем пиру Лорсо следил за тобой. Чем ты так не угодил ему? Рендо сказал, что Лорсо хочет убить тебя.

— Это не моя вина. Это из-за Слез Нефрита. — Домел замолчал, медленно переводя взгляд с сына на жену. В их глазах светилось недоверие. Рухнула его последняя надежда, как рушатся корабли под ударами волн божества — тех, что со страшным грохотом сметают все на своем пути.

— Они хотят утопить меня и отправить прямо к Сосолассе. Нам нельзя здесь больше оставаться.

Это известие ошеломило жену. Наконец она проговорила:

— Мы же не сделали ничего плохого.

Пытаясь сохранить спокойствие, Домел сказал:

— Неужели ты думаешь, что им есть дело до того, что ты сделала или не сделала? Разве ты не понимаешь, что они отправят меня к Сосолассе, а потом вдвоем будут управлять Скэнами? Расправившись со мной, они убьют Рендо и его братьев. Лорсо придет за мной сегодня ночью.

Рендо отошел от отца:

— Я смогу поладить с Лорсо. И мои братья тоже найдут с ним общий язык, мы ведь не ссорились с ним.

Жена Домела спряталась за сына.

Домел был приятно удивлен здравыми суждениями сына. Расставание с отцом тот воспринял как необходимость. Домел начал собирать вещи в кожаный мешок. Обернувшись к жене, он сказал:

— Скажи им, куда я пошел, — может быть, они пощадят тебя. Я пойду на священную гору. Никто не имеет права убить меня там, напомни Лорсо об этом.

— Ты все равно рано или поздно спустишься за едой, а Лорсо будет ждать тебя внизу.

— Это мое последнее убежище. — Домел взвалил мешок на плечи и направился к

двери. Он не стал прислушиваться к звукам за дверью — все равно, если кто-нибудь ждет его там, то свет от открытой двери только укажет на его присутствие. Уже стоя в дверях, Домел обернулся к жене с сыном и произнес: — Мое преступление — это то, что я послушался Слез Нефрита, мой грех — честолюбие, а моя ошибка — то, что я доверял людям. Сын мой, пусть божество даст тебе разума понять меня.

Домел вышел из дому, дверь с грохотом захлопнулась за его спиной. Шум дождя заглушил звук удара. Домел удалялся прочь от дома, держа меч наготове.

Он остановился, прислушался — пока погони за ним не было. Пригнувшись, Домел пошел дальше. Вскоре он сбавил темп. Мысли роились в голове, не давали ему покоя: жена права — даже если он достигнет горы, голод все равно заставит его спуститься вниз, к Лорсо.

Какой толк от святого убежища, если оно лишь может отсрочить волю людей?

Дорога к горе Сосолассы пролегала вдоль залива, протянувшегося до самого поселка Скэнов. Божество могло услышать божественные мысли. Тогда на берег выползет черное, как ночь, щупальце. Домел как будто воочию видел это. Зубастые отростки нервно подрагивали от близости теплой человеческой крови. Домелу казалось, что щупальца затаились впереди, ожидая его приближения, — Слезы Нефрита ни за что не позволит ему добраться до священной горы, и божество поможет ей в этом.

Это было нелепо. Почему же тогда она не поразила Домела, когда он стоял и подслушивал под ее окном? И почему она так хочет выведать у него имена всех его должников? Разве Сосолласса не может сказать ей, о чем думает каждый из Скэнов?

Вера во всемогущество божества таяла с каждым шагом. Всю свою жизнь Домел поступал так, как требовал того Сосолласса, говоря устами Слез Нефрита. Сейчас, когда он потребовал в жертву его собственную жизнь, Домел пересмотрел свое отношение к божеству. А верил ли он на самом деле? Или только следовал правилам, заменяющим ему собственные желания?

От всех этих мыслей у Домела разболелась голова.

Если божество было рядом, то Домел решил оставить его морю. А если божество может ошибаться, то почему воин Скэнов должен стоять и ждать, когда оно уничтожит его?

Сердце Домела сильно забилось. Он решительно свернул к гавани. Вскоре он мог разглядеть мачты катамаранов, тихо покачивающихся на воде.

Конечно же, там есть охрана — рабы, прикованные к своим местам. У каждого из них имеется рог, если налетит шторм или кто-нибудь попытается напасть на Скэнов ночью, рабы дадут знать. Смерть ждет всякого, кто заснет на посту и не предупредит вовремя о надвигающейся опасности.

Ненастная погода заглушала шаги Домела, делала его приближение неслышимым. Зная расположение постов, Домел медленно приблизился к съежившейся фигуре. Он приготовился ударить, но что-то смутило его в этой жалкой фигуре. Шлем. Поверх тряпья, которое спасало от непогоды, раб носил шлем. Домел про себя выругался — наверняка раб надел и кожаный плащ. Все это делало бесшумное убийство почти невозможным. Домел примерился и замахнулся.

Ткань, намотанная на шлем, приглушила удар. Звон металла о металл заглушил предсмертный хрип раба. Звякнула цепь, и обмякшее тело упало на землю.

Забросив свой мешок в ближайший катамаран, Домел мечом обрубил швартовы. Суденышко закачалось на волнах. Домел выпрямился; запах просмоленного дерева вызвал у него воспоминания прошедших дней. Он еле удержался от искушения издать свой боевой клич, ведь его могли услышать.

На мгновение Домел вспомнил о семье. Казалось, целая вечность прошла с тех пор, как он распрощался со своими женой и сыном.

Катамаран отошел от пристани. Заскрипела мачта, зашуршала за бортом вода. Домел направил свое суденышко к Глотке. Он поставил парус. Набрав скорость, катамаран направился в открытое море.

Домел прикинул в уме: сейчас он был недалеко от своего дома. Вдруг темноту озарила вспышка света. Домел сразу догадался, что свет идет из распахнутой двери. Он инстинктивно проскользнул за планшир, но потом рассмеялся над своей трусостью — на таком расстоянии его бы все равно никто не увидел.

Никто, кроме Слез Нефрита. И Сосолассы. Сомнение и страх вновь закрались в душу Домела. Он вспомнил о некоторых ужасных, необъяснимых вещах, виденных им в поселке Скэнов.

Впереди показался выход в открытое море. Ветер свистел в снастях и хлопал парусиной. Домелу почудилось, что кто-то смеется над ним. В нос ему ударил запах, который нельзя было спутать ни с чем — запах огромного, как небо, открытого океана.

Катамаран вышел из залива, гребни волн побелели и неярко блестели в ночной тьме. Они с грохотом ударялись в борта судна. Домелу казалось, что это огромные белые зубы в ярости скрежещут о кости его корабля.

Море Сосолассы.

Глава 44

Аппарат сверкал на солнце медными и латунными элементами конструкции. Обутые в железо колеса словно ждали, когда смогут привести машину в движение.

Обступившая аппарат толпа держалась на безопасном расстоянии. Непонимающе пялясь на подозрительный механизм, люди пытались сформировать свое отношение к происходящему. Реакция зрителей была неодинаковой. Некоторых забавлял вид необычного сооружения, большинство же нервно ожидало начала демонстрации. Были и такие, которые торопились поделиться своим мнением с окружающими. Со скрытой враждебностью следя за каждым движением Леклерка, они перемещались в толпе, сея сомнения. Иногда мягкий быстрый разговор вскипал открытой ненавистью, словно лопались на поверхности вонючие пузыри.

Леклерк деловито суетился у своего детища.

Наконец в окружении свиты прибыл Гэн. Они обошли вокруг странного сооружения, с любопытством осматривая его. Недоброжелателей в толпе Гэн или не заметил, или решил не обращать на них внимания. Прикоснувшись к блестящей медной поверхности, он виновато улыбнулся и сразу же вытер полой одеяния след от пальцев.

— Что это такое? — Налатан с интересом протянул руку к одной из рукоятей.

Вместо ответа Леклерк интригующе бросил:

— Увидишь. Я останусь здесь, а ты иди на другой конец. Как только скомандую «дави», ты должен со всей силы потянуть за рукоять вниз. Этот конец балансира пойдет вверх. Видишь, посередине он скреплен осью с дубовой стойкой. И как только твоя рукоять полностью опустится, я потяну за свою, и наоборот. Ясно?

Налатан окинул конструкцию неуверенным взглядом.

— Нужно, чтобы балансир ходил то вверх, то вниз?

— Именно.

— Зачем?

— Я же сказал: сейчас увидишь.

Жестом приказав Налатану занять место на передней платформе, Леклерк подошел к центральной емкости. Зафиксировав шкворень в горизонтальном положении, он сразу же поспешил на другой конец повозки. По его сигналу Налатан нажал на рукоять. Балансир со стороны Леклерка, как чаша весов, пошел вверх. Налегая по очереди каждый на свою рукоять, они привели в движение медные поршни, связанные с балансиром через вертикальные штоки. Поскрипывая кожей герметичных прокладок, поршни заходили вверх-вниз, поочередно то утопая, то снова появляясь из емкостей. Машина тяжело задышала, вздрагивая время от времени. С непонятным глухим бормотанием в больших бочках что-то загромыхало. Средняя емкость задрожала, внезапно кашлянула, словно отхаркиваясь, и

выстрелила поверх толпы мощной струей воды.

Ударившись о крепостную стену, струя рассыпалась несметным количеством брызг. С воплями люди бросились врассыпную. Леклерк поспешил к насадке. Задорно смеясь, Налатан продолжал налегать на рукоять. Леклерк приподнял брандспойт, и над стеной образовалась водяная арка.

Оставшаяся сухой часть толпы возбужденно аплодировала. Попавшие под холодный душ реагировали более сдержанно. Промокший Гэн, весело смеясь, похлопал Леклерка по плечу.

— Ты сказал, что этот механизм приводит воду в движение. Но что-то не могу сообразить, как все происходит?

— Это обыкновенный насос, — Леклерка распирало от гордости. — Внутрь больших емкостей вставлены цилиндры, которые называются поршнями. Заставляя их ходить то вверх, то вниз, мы закачиваем воду в третью емкость, а оттуда она поступает в брандспойт. Все дело в силе сжатия. Если качать станут четверо или шестеро человек, струя будет еще мощнее.

— Для чего все это? — протиснулся сквозь толпу весь мокрый и далекий от восхищения Эмсо.

— Бороться с пожарами. Несколько таких машин — и опасность их во время обороны на стенах значительно уменьшится.

— Но если все будут драться, кто же будет у машин? И вообще, вся Ола в основном построена из камня и кирпича. Ты зря неделями напролет отвлекал лучших кузнецов от работы. Они могли бы отливать наконечники для стрел, делать кольчуги.

— Вспомни, ведь я им показал, как можно получать лучшую сталь в коксовой печи. Люди, помогавшие мне с емкостями, многому научились. Они узнали, что такое окружность, диаметр. радиус. И моя машина только первый этап в программе обучения. А за наконечники не волнуйся, ты их получишь.

— Ты их заставил это выучить? — Раздражение Эмсо усилилось. — Что ты сейчас сказал? Ты делаешь с кузнецами то же самое, что и твои друзья с Избранными? Это так? Ответь.

— Да, я учил их. Это слово тебя так шокирует? Я учил их, чтобы помочь всем нам. И даже тебе, — Леклерк не удержался от колкого тона.

Толпа замерла. Эмсо побледнел, пристально глядя на Леклерка. И лишь когда он напряженно засопел, все облегченно вздохнули.

— Только потому, что ты друг Гэна Мондэрка, я не стану произносить вслух слово, которым называют людей, умеющих делать такие штуки. Но запомни одно: никогда не говори, что помогаешь мне. Никогда.

Воин бросил мимолетный взгляд в сторону Гэна, который уже спешил к ним, обеспокоенный возникшим конфликтом.

— Ну что еще случилось, мой старый друг? Леклерк не сделал ничего предосудительного, построив свой… — Он обернулся, беспомощно посмотрев на Леклерка.

— Насос, — Леклерк словно выплюнул слово.

— Свой насос, — продолжил Гэн, вновь обращаясь к Эмсо. — Это против старых традиций, но посмотри, что мы получаем взамен. Пожар — самая страшная беда, которая может случиться с городом или замком. А у нас уже теперь есть возможность успешнее бороться с ним.

— Ты — мой повелитель. — Взгляд Эмсо был непроницаем. — С момента твоего появления по эту сторону Гор Дьявола я всюду следовал за тобой. И что бы ты ни делал, ты всегда был прав.

— Потому что ты всегда был рядом со мной, — Гэн облегченно вздохнул. — А теперь скажи правду: если Леклерк сделает еще что-то новое, ты сможешь проявить большее воодушевление? Если это будет орудие, еще более действенное для спасения людей и их жилищ?

— Существует много способов потерять даже такую большую штуку, как город, — загадочно произнес Эмсо. Его губы шевельнулись в напряженной улыбке. — Но я думаю только о сражении, весне и тех, кто готовится уничтожить тебя.

— Мы встретим их достойно. Даже эта машина может стать оружием.

Окинув толпу испытующим взглядом и покачав головой, Эмсо ушел. Некоторые с нескрываемым одобрением смотрели ему вслед.

Леклерк подпрыгнул, услышав сзади голос Налатана:

— Ты разозлил Эмсо.

— Он всегда не в духе. Ты же знаешь.

— Он сердит на весь мир. Когда такой человек концентрирует на ком-то всю свою злобу, ему сложно противостоять.

— В этом случае оставшимся следует выше меня ценить, — непринужденно заметил Леклерк и пошел отсоединять шланг, надеясь, что Налатан поймет намек и оставит его в покое.

Надежды не оправдались. И Налатан присоединился к нему, помогая укладывать шланг в бухту.

— Эмсо раздирают сомнения. Он придерживается старых взглядов. А ты расшатываешь устои и запреты прошлых поколений.

— Ты как будто бы и сам не возражаешь против этого. — Слова были сказаны быстрее, чем Леклерк понял их подлинный смысл. Он запнулся. — Извини, я не то хотел сказать… Я дал себе слово — как и все, — что ни единым намеком не заставлю тебя думать о… — Леклерк испуганно замолчал.

Но Налатан принял его жалкие извинения.

— Я все понимаю, Луис. Правда. Думаешь, мне неизвестно, что все вокруг только и говорят о Доннаси? Или о Ланте? Неужели ты действительно полагаешь, что я не замечаю этих ухмылок и не слышу сплетен?

— И ты не можешь остановить их? — Леклерк бросил свернутый шланг в пустую повозку. — Почему ты не расправишься с идиотами, думающими, что все это очень забавно?

— С этими презренными? Я бы покрыл себя позором, поступив так с ними, — он горько усмехнулся. Леклерк почувствовал столь глубокое разочарование, спрятанное за этими словами, что у него перехватило горло. Следующие слова Налатана принесли некоторое облегчение. — Оставляя Церковь, чтобы жениться на Доннаси, я изменил себя и надеялся, что она тоже изменится.

Картина страданий, открывшихся под внешней сдержанностью Налатана, вызвала у Леклерка желание схватить Тейт за плечи и хорошенько встряхнуть ее. Никто не имеет права обращаться с человеком так, как она обращается с Налатаном.

Между тем Налатан спокойно продолжал:

— Знаешь, она очень похожа на Эмсо. Он в плену у своих представлений. Доннаси тоже присуща эта черта. Эмсо защищает свои верования. Доннаси ищет свою веру.

— Ты все очень хорошо понимаешь.

В задумчивости Налатан посмотрел на восток.

— Я понимаю Доннаси. Мне безразлично чужое мнение. Каждый раз приказываю себе не обращать внимания на все эти разговоры и сплетни обо мне, о нас. Но иногда приходит вопрос: а если с ней что-нибудь случится? Если в одно прекрасное утро я проснусь и мне будет далеко не наплевать на все эти разговоры? Что тогда скажет Налатан о старых традициях? Что станет с его душой?

Он ушел не оглядываясь, оставив Леклерка гадать: адресовались ли эти слова кому-либо конкретно.

Завершив работу, Леклерк смешался с толпой и вскоре увидел Бернхард, беседующую с Картер и Анспач. Подруги украдкой поглядывали в его сторону. Оставив их, Кейт направилась к Леклерку, который, однако, попытался сделать вид, что ничего не заметил. Его беспокоило отсутствие Джалиты. Но действительно неприятным было бы ее

неожиданное появление в момент, когда он останется наедине с Кейт.

Бурлившие в нем сейчас раздражение и чувство вины не давали успокоиться. Кейт Бернхард была другом, соединенным с ним общим происхождением, наиболее близким из всей группы.

Истинность последней мысли только сильнее разозлила Леклерка. Если сейчас вдруг появится Джалита, ему будет еще неприятней необходимость отделаться от Кейт.

Однако он не приглашал Кейт составить ему компанию. И если она обидится, пусть винит только себя.

— У нас мало времени, — Кейт мягко коснулась его руки. — Я лишь хочу сказать, что горжусь тобой. Наш вклад в этот мир никогда еще не был так значителен. Ты стараешься больше всех. Эта античная пожарная машина — пока твоя лучшая идея. Поздравляю, Луис. И спасибо.

Ее лицо светилось восхищением и теплотой. Если бы Джалита увидела это, она и впрямь могла бы подумать какую-нибудь глупость.

— Обыкновенный насос, — пробурчал в ответ Леклерк. — Надеюсь, удастся найти ему и другое применение. В любом случае настоящую работу здесь делаете только вы втроем. Вы воспитываете новое поколение Учителей, а это и есть прогресс. Я же мастерю какие-то игрушки.

Сжав его руку, Кейт легко засмеялась. Леклерк не шелохнулся, весь съежившись от напряжения. Ее прикосновение говорило о близости, разделенных чувствах и взглядах. И еще о многом другом. От нее исходило утешение. Это было так присуще Кейт. Но почему она не может понять, что, возможно, есть другие причины его беспокойного состояния? Леклерк едва расслышал слова прощания.

Он ругал себя за неприветливость и грубость. Ему нравилась компания Кейт, но сейчас он просто хотел быть рядом с Джалитой. Почему Кейт не может этого понять?

Гэн удалился в замок, и люди постепенно стали расходиться. Леклерк запряг лошадей в повозку и отправился домой. Дорога предоставила достаточно времени для раздумий. Как ни странно, его мысли опять вернулись к Налатану. Дело пахло крупным скандалом, когда Тейт так безрассудно отправилась с Конвеем в путь.

Однако в конце концов именно Кейт убедила Сайлу, что религиозным верованиям Ланты ничего не угрожает. Здравые доводы в сочетании с искренним теплом и легкой настойчивостью в конечном счете склонили Сайлу к мысли, что «религиозная» сторона путешествия Тейт и Конвея не повредит маленькой Жрице. Обаяние такой сдержанной женщины, как Кейт, было поистине неотразимым.

— Да ну, какая там опасность.

Леклерк не смог бы объяснить, почему эта фраза возникла у него в голове, но, сказанная вслух, она как-то разрядила гнетущую тишину. На ферме никого не было: все ушли в этот день на рынок. Он заехал с лошадьми в конюшню, распряг их и отвел в стойло. Едва закончив с чисткой животных, он услышал снаружи стук копыт.

Леклерк подумал, что это наконец прискакала Джалита. Ей, конечно, захочется посмотреть насос в работе. Как он наполнит водой повозку? Смогут ли они вдвоем создать нужное давление?

Всадник появился со стороны солнца, и его лицо было затенено. Приглядываясь и сделав несколько шагов навстречу, Леклерк услышал голос Кейт Бернхард:

— Я должна поговорить с тобой, Луис. Я понимаю, что врываюсь не вовремя, но это важно.

Как обычно, она поставила его в тупик. Голос был мягок, но прозвучавший в нем оттенок тревоги и срочности придавал вторжению элемент интриги.

А вдруг появится Джалита?

— У меня много работы, Кейт. Это может обождать до завтра?

На ее щеках появился румянец.

— Не все так просто. Моя новость не обрадует тебя. Но я должна поговорить об этом с

тобой. Или отправиться к Гэну.

— Я или Гэн? Ну, это должно быть очень важно.

Леклерку стало противно от собственного неприкрытого сарказма.

Кейт коротко бросила:

— Они хотят убить тебя. И сейчас я пытаюсь понять, зачем все это говорю тебе: или потому, что ты нужен Гэну и Трем Территориям, или потому что мне небезразлично, что с тобой станет. Хотя, думаю, мне уже все равно.

Она натянула уздечку. Вскинув голову, конь встал на дыбы, несколько раз ударив по воздуху копытами. И прежде чем ошеломленный Леклерк смог пошевелиться, Кейт в негодовании с шумом покинула двор.

Глава 45

Леклерк уже оставил надежду докричаться до Кейт, но тут ее лошадь замедлила ход. Он бросился вдогонку. Тяжело пыхтя и задыхаясь, по щиколотки в дорожной грязи, он думал, что выглядит сейчас полнейшим идиотом. Его сдавленный крик прозвучал еще глупее.

Повернувшись в седле, Кейт остановилась. Ее разбирал безудержный смех. Спасая остатки достоинства, Леклерк перешел с бега на ходьбу. Ему очень хотелось выглядеть угрожающе. Однако немыслимо сохранять на лице серьезную мину, скользя, как поросенок, по грязной жиже. Удержание равновесия требует дополнительной сосредоточенности. И при этом не оставляет возможности для мужественной позы.

Кейт возвращалась рысью. Она выглядела раскаявшейся, когда, немного переигрывая, заговорила:

— Ой, извини, Луис. Я вышла из себя, но ты — такой зануда.

Ему стало не по себе от такого деликатного извинения. Однако весь гнев моментально ушел, и Леклерк почувствовал себя даже как-то странно.

— Ты застала меня в плохое время.

Кейт понимающе улыбнулась, но не удержалась от очередной колкости:

— Ты уже дал это понять. Мне показалось, что во время демонстрации произошло что-то, рассердившее тебя. Или, наоборот, не произошло.

Леклерк ощутил себя разрезаемым на кусочки беконом. Он подумал, что не должен был ей так грубо отвечать. Из-за этого все и началось. Или нет? Теперь он ни в чем не был уверен.

— Пойдем в дом. Расскажи, что случилось.

Балансируя в грязи и ухватившись за заднюю луку седла, он на мгновение отвлекся и, снова взглянув на Кейт, поразился происшедшей в ней перемене. Побледневшая, с напряженно сдвинутыми бровями, она уныло произнесла:

— Мне страшно, Луис.

— Чего ты боишься? Войны весной?

— Не знаю точно, — Кейт покачала головой, пристально глядя перед собой.

Леклерк попытался развеселить ее:

— Лучше подумай, кто там собирается убить меня. Я не могу пуститься в бега, не зная куда бежать.

— Бегством не спасешься, в этом-то все и дело. У нас есть враги в замке.

— В замке? Это невозможно.

— Про замок не могу сказать точно. Но у Гэна есть много противников в Трех Территориях. Да и у нас тоже.

— Это всем известно. И все-таки, в чем дело? Чем ты так напугана? Не пора ли произнести конкретные имена?

Кейт вспыхнула малиновым румянцем.

— Это только сплетни. Некоторые из сестер аббатства Фиалок не во всем подчиняются

своей настоятельнице. Они кое-что рассказали нам. Людей пугает то, чем мы занимаемся. В наших изобретениях они видят только зло. Ненавидят нас и по-настоящему боятся тебя. Жрицы подслушали разговор четырех баронов. Они замышляют что-то. Ничего серьезного, но были какие-то намеки.

— Успокойся, Кейт. Все знают, что старой аристократии уже не вернуть былые времена. Это та же древняя история: богатым всегда известно, что лучше для бедных.

— Гэн отлучил их от власти, которую они так любят. Жрицы сообщают об оживлении торговли с вернувшимися Людьми Гор. Ходят разговоры, что рыбаки выходят в море в необычное время, и никто не знает, где они бывают. Подозревают, что у них какие-то дела со Скэнами.

Между тем они вернулись на ферму. Кейт спрыгнула на землю. Леклерк привязал коня. Поднимаясь по каменному крыльцу, он продолжил разговор:

— Торговля никогда не прекращалась, Кейт. Конечно, Жрицы подозревают какой-то заговор. А ты никогда не думала, что на Гэна тоже работают шпионы? Он далеко не дурак. Гэн всем приказал сохранить до весны как можно больше провизии. Я бы, наоборот, забеспокоился, если бы рыбаки сидели сложа руки. Они делают то, что им велено.

Высыпав на уголь мелких щепочек, Леклерк принялся разводить огонь. Кейт направилась к креслу, решив повременить со спором, пока он не закончит возиться у камина. Осматриваясь в комнате, она на некоторое время позволила себе забыть о тревогах.

Эта, несомненно, холостяцкая берлога со столом, заваленным кипами чертежей, планов и каких-то листков с заметками, могла принадлежать только Луису. Кейт подумала о маленьких Избранных, пыхтевших над элементарной арифметикой. Придет день, и они узнают об углах и диаметрах, рычагах и опорах, о трении и гравитации. Сердце девушки переполнилось гордостью: Сайла принесла с собой сокровища Врат, но обучить Избранных могли только она и ее друзья.

Уютно устроившись в глубоком кресле, согретая теплом его мягкой кожи, Кейт с удовлетворением отметила, что все здесь сделано Луисом.

Наконец Леклерк отошел от камина. Она неторопливо поднялась, оставляя уютные объятия кожаного кресла.

— Ты пытаешься смягчить факты, Луис. В любом случае настоятельница Фиалок сама уже говорила о том, что «когда-нибудь будет восстановлена Церковная епитимья». На прошлой неделе она завела разговор о судьбе «испорченных» Избранных. Думаю, при первой же возможности они будут изгнаны.

Леклерк пожал плечами.

— Вполне возможно. В ней хватает подлости. Но это не доказывает…

Кейт оборвала его на полуслове:

— Подумай, Луис. Куда денутся изгнанные, лишенные защиты Церкви, сироты? Отправятся на ленч? У них только одно будущее — рабство. И она это знает.

— Кто-нибудь приютит их, — Леклерк словно взорвался, замахав руками. — В любом случае это не более чем слова какой-то там старухи. И ты видишь в них реальную угрозу для Гэна? Это так?

— Клянусь, да. И не только для Гэна. Вот еще одно изречение доброй настоятельницы: «Если хочешь погубить дерево, обломай его ветви». Это тебе о чем-нибудь говорит?

— Какая разница? Ты собралась учить меня уму-разуму?

— Я могу научить только детей, а глупец может послушать в сторонке. Неужели ты так и не увидел, как рассвирепел сегодня Эмсо? Ничего из того, что ты делаешь для Гэна, не проходит мимо его внимания. Я видела твое лицо, когда женщины прячут от тебя детей. Они называют нас Учителями ведьм. Мы говорим о равенстве и учим девочек. Здесь это непростительные преступления. Но ты… Ты делаешь то, что вообще никто не может объяснить. Никто из них не видел в жизни ничего похожего на твой механизмы.

Возле огня на каменной стене висела подставка с набором инструментов для камина. Взяв латунную кочергу, украшенную на конце литой головой с широко раскрытыми пастью

и глазами, Леклерк пошевелил угли. Сноп искр взметнулся вверх; казалось, это голова извергает огонь и пепел. На мгновение мастер задержал на ней взгляд и затем резко швырнул кочергу на место, едва не опрокинув остальные инструменты. Сжав зубы, он резко повернулся к девушке:

— Я не позволю, чтобы какие-то слухи помешали мне делать то, что ведет к прогрессу.

Кейт затрясло от гнева.

— Не читай мне лекцию! Мне не стоило приходить. Ты не стал бы слушать, скажи я тебе, что дважды два — четыре. Ты был бы в безопасности, если бы наши враги знали тебя таким, каким знаю я. Великовозрастный мальчишка, достаточно смышленый, чтобы мастерить смертоносные игрушки, и слишком глупый, чтобы быть колдуном.

Обитая железом кедровая дверь толщиной в добрых два дюйма запросто выдерживала попадание любой стрелы и могла довольно долго противостоять ударам топора. Кейт захлопнула ее за собой с силой, заставившей вздрогнуть весь дом. Рывком Леклерк открыл ее снова.

Девушка принялась энергично отвязывать лошадь. Пытаясь противостоять свирепому взгляду Леклерка, она заморгала. Это было ее слабостью. Ярость разгорелась в ней с новой силой. Но слезы могли лишь ухудшить ситуацию, и Кейт продолжала моргать, чтобы не разрыдаться. Она твердила себе, что не разорвет эту последнюю нить, оставшуюся от их некогда прочной дружбы.

Леклерк помог ей сесть на коня.

— Я не просился в этот мир, Кейт. Так же, как и ты. Но раз это произошло, я буду всем, кем смогу стать. Всем. Никто мне в этом не помешает.

Сердце у Кейт сжалось: он так ничего и не понял.

— Ладно, забудь все. Просто выкинь из головы.

Она развернула коня и, в добавление ко всем неприятностям, увидела подъезжающую к ферме Джалиту. Кейт обернулась посмотреть на реакцию Леклерка и сразу же пожалела об этом: словно пригвожденный к крыльцу, он буквально оцепенел.

Это случается уже во второй раз. Какую же несчастную судьбу приготовила ей жизнь! Однако появление другой женщины успокоило разбушевавшееся в ее душе яростное пламя. И когда, проезжая через ворота, она встретила взгляд Джалиты, внутри у Кейт уже ничего не осталось, кроме холодного горького пепла.

Джалита весело приветствовала ее:

— Уже уезжаешь? Я надеялась, что мы сможем поболтать. Тебе и вправду надо ехать? Вижу, что да. Это, наверно, так сложно — иметь столько детей. И ни одного отца в поле зрения.

Кейт нашла в себе силы улыбнуться.

— Это работа. И не такая утомительная, как попытки найти для них отца в каждом из окружающих мужчин.

Она попробовала беззаботно засмеяться. Но вместо этого слух резанули звуки, лишь отдаленно напоминающие смех. Солнечное настроение Джалиты мгновенно погасло. Прямо держась в седле и независимо подняв голову, Кейт ускакала. Однако вскоре ее настигло внутреннее беспокойство: за сияющей красотой этой молоденькой женщины виднелось еще более ослепительное зло.

Ход лошади замедлился. Нужно вернуться. Даже Джалите не удастся соблазнить мужчину в присутствии другого человека. Однако затем она спросила себя, почему ей, собственно, нужно об этом беспокоиться? Да она и не сможет все время быть рядом с ним. Кейт внезапно захотелось побыстрее вернуться домой. Она не может соперничать с Джалитой. Что же, Кейт, в борьбе за Луиса тебе придется воспользоваться чем-то иным, чем физическая красота, — сказала она себе. Это было нелегким признанием.

Воодушевление Джалиты било ключом.

— Все говорят только о твоей новой машине. Она просто замечательная. — Ее дразнящая улыбка подчеркивала согласие с этими словами. — Я хочу сама взглянуть на это

чудо. Покажи мне ее, пожалуйста.

Джалита была одета в облегающую светло-бежевую блузку из тонкой хлопковой ткани. Такого же цвета жилет из грубой парусины, покрытый незамысловатыми узорами, сочетался со штанами, заправленными в невысокие, богато расшитые орнаментом сапожки. Стоя спиной к окну, украшенному витражом из разноцветного стекла, она ощущала, как красива сейчас на фоне его радужного многоцветья.

Леклерк поспешил утолить интерес Джалиты. Направляясь в сторону конюшни, он обратил ее внимание на крупный выводок цыплят и рассказал о значении регулируемого разведения домашней птицы. Он также показал лошадей, овец и другой скот, бродивший по прилегающим полям. Возле конюшни Джалита взяла Леклерка под руку. Затаив дыхание, она глядела на него восторженными глазами.

— Ты столько всего делаешь, Луис. Разве тебя не раздражают обвинения в занятиях магией?

— Имеешь в виду Эмсо?

Она отвернулась.

Леклерк решился на откровенный разговор.

— Эмсо не нравится думать о переменах. Я же хочу изменить все, — он провел по воздуху рукой, описывая всеохватывающую дугу. Другая рука сильнее сжала ладонь Джалиты. — Там, откуда пришли я и мои друзья, меня звали «лудильщик». Я любил возиться с разными предметами, чинить сломанные вещи, мастерить всякие штучки. Мне нравилось постоянно бросать вызов жизни, искать и находить приключения.

Они вошли в огромное темное помещение конюшни. Вверху на стропилах галдели воробьи. Прямо перед ними стоял насос. Остановившись, Джалита недовольно сморщилась. Потягивая носом, она бросила на Леклерка вопросительный взгляд.

Он озадаченно замешкался, затем расплылся в широкой улыбке.

— Тебе не нравится запах? Мне приходится много заниматься дублением кожи, поэтому тут так пахнет. Производство черного пороха без серы и других компонентов вообще невозможно. Вон там еще стоят коксовые печи. Прорва запахов! Цена прогресса. — На какой-то миг его охватило непонятное раздражение. Подавив его, он снова заговорил: — Я хочу сказать… То есть я имею в виду, что хочу стать всем, кем смогу, До этого я работал по-другому, но сейчас все будет иначе. Я останусь в игре до последней карты. Все, нет больше «лудильщика». На этот раз — «строитель». Творец.

Не осознавая своих движений, Леклерк повернулся лицом к Джалите и схватил ее за плечи. Под его пристальным взглядом она сделала шаг назад. Леклерк подался за ней. Она сделала еще один шаг, потом еще один. Пока резко не наткнулась спиной на какой-то предмет. Джалита вскрикнула. Леклерк очнулся, но все еще продолжал держать ее за плечи. Понимая, что произошло, он мягко заговорил:

— Символично, что тебя остановила эта штука. Это — власть.

Оглянувшись, Джалита затрепетала от необъяснимого понимания смысла его слов. Дубовые элементы машины были тверды, как скала, но в них была жизнь. И смерть. Девушка просто пожирала глазами грубо свитые канаты, зубчатые колеса, рукояти по обе стороны повозки, сверкающие медью поршни. Зловещий серый холод металла словно гипнотизировал. Она ласково провела обеими руками по корпусу машины, вдохнула запах мягкой кожи, смолистого дерева и кованого металла.

Леклерк был польщен:

— Здесь, Джалита, все это и родилось. Сила и власть берут свое начало отсюда, — он указал на катапульту, потом на свою голову. — Сила не в руках, тонких интригах или смелых поступках. В знаниях. А сколько всего еще может появиться. И каждый раз это для меня шаг вперед. И для вас тоже.

— Послушай, раз уж начался этот разговор, мне нужно сказать тебе кое-что. Я обещала, что мы встретимся. Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь. Но мне пришлось соврать, когда я сказала, что хочу посмотреть твое новое волшебство. Я здесь, чтобы

сказать… Мы не можем быть вместе, как… Как я надеялась.

— Есть кто-то еще?

Под его пристальным взглядом она молча отвернулась и покачала головой.

— Скажи, кто?

— Какая разница. Я не могу ответить.

— Ты должна.

Подойдя, он нежно погладил ее по волосам, словно умолял довериться ему.

Закрывая лицо руками, она снова покачала головой:

— Это секрет. Мне нельзя. Я не осмелюсь…

— Ты можешь сказать мне. Ты должна. Я здесь, чтобы защитить тебя, даю слово.

— Это слишком опасно. Я причиню боль и не смогу жить с этим, Луис. Пожалуйста, я обязана тебе своей жизнью. Я не могу рисковать твоей.

— Никто не причинит нам зла.

В его нежных объятиях она стала успокаиваться.

— Гэн должен сильнее сплотить союзников для защиты Трех Территорий. Он хочет… использовать меня. Как подарок.

Взорвавшись от разочарования и досады, Леклерк отбросил подобную возможность:

— Какая дикость! Мы не допустим этого! — И, успокаиваясь, уже рассудительно спросил: — А он сказал, кому подарок?

— Он ничего не говорит мне, — девушка печально склонила голову ему на грудь. — Только Ниле. Она мне рассказала, но это секрет, Луис. Она так добра со мной, я не хочу причинять ей беспокойство. Пожалуйста, обещай, что не промолвишь ни слова.

— Обещаю, но кто это?

Леклерку показалось, что наступившую тишину он мог бы разорвать в клочья, и он сильнее обнял Джалиту. Ее руки нежно обхватили его за талию и, словно ухватившись за новую надежду, она тихо произнесла:

— Эмсо.

Глава 46

Гулявший среди снастей северный ветер воспевал стужу. Иногда он тихо завывал, от чего кровь стыла в жилах и казалось, что при малейшем движении они лопнут. Другая песнь звучала громче и выразительнее, и пелось в ней о безысходности, о ледяном ветре и воде, истощавших волю человека настолько, что он ослабевал и ждал смерти. Но хуже всего были пронзительные стенания штормовых ведьм. Каждый Скэн знал истории о невидимых женщинах, прозванных штормовыми ведьмами. Их дьявольские руки спутывали канаты, рвали паруса. Самыми злыми были ведьмы с севера. От их дыхания стыла кровь в жилах, от их голосов цепенел разум.

Кряхтя от боли, Домел навалился на румпель. Штормовые ведьмы знали, что в управлении лодкой он полагается лишь на слух и чутье, и удвоили усилия, чтобы сбить его с пути. Сунув в рот руку, он сильно прикусил пальцы. Боль заставила думать; ощущение теплоты вывело его на какой-то миг из состояния окоченения.

Северный ветер пронесся за корму и разгулялся там. В этот момент Домел ощутил отраженную волну, своего рода контрудар ветра. Только человек, бороздивший всю свою жизнь морские воды, мог почувствовать его в полной мере. Даже для Домела он был почти неразличим в потоках и реве бушующего моря. Подобно трем размеренным ударам сердца, до него донеслись отголоски морской бездны.

Во время короткой передышки, пока штормовые ведьмы собирались с силами, Домел услышал рокот бившихся волн, подсказавших ему, где он находился.

Врожденное чутье служило ему хронометром. Не видя горизонта или звезд, он мог только догадываться, как долго оставалось до рассвета. Шторм отдавал далеким Ледяным Океаном, что предвещало хмурые, пасмурные дни. Домел погрузился в раздумье, спрашивая

себя, пришло ли время плыть к берегу, или продолжать испытывать на себе удары волн. Наконец он решил, что пора возвращаться.

Уже два дня с ночи побега искавшие его акульи челны рыскали вдоль береговой линии. Два дня он скрывался в узких расщелинах, а ночью опять выходил в море. И снова Домелу нужно было спрятаться в безопасном потайном месте, пока заря не застала его в открытом море.

Мысль о мести Слез Нефрита согрела его кровь. Он немного успокоился, постепенно приближаясь к берегу. Домел точно знал, где причалить. Это была маленькая бухта с узким, почти неразличимым входом — устье реки, протекающей по болотистой долине, прежде чем влиться в море.

Домел установил курс. Высадка на берег все еще была под большим сомнением. Сосоласса может наслать на него волны размером с горы. Штормовые ведьмы пронзительно закричат ему в уши, начнут кромсать его своими ледяными ножами. Но он должен попробовать. Ведь без отдыха, огня и горячей еды его путешествию скоро придет конец.

Он вглядывался во мрак так, что на глаза навернулись слезы. Божество подняло перед ним волны, превратив их белые клочковатые вершины в скалы, обозначавшие вход в гавань. С суши, чтобы помешать ему, налетел ветер и закружился вихрем, закручивая водовороты. Домел насмешливо ухмыльнулся. Божество не могло заглушить голос прибоя, не могло заставить ветер сделать что-нибудь такое, что поставило бы Домела в тупик. Эти воды принадлежали Скэнам, и Домел знал их как свои пять пальцев.

Катамаран скользил, обходя прибрежные камни. Наперекор стихии Домел удерживал взятый курс, все его мышцы горели огнем от неимоверных усилий. Морские волны с грохотом обрушивались на него, отрывали руки от руля. Решив рискнуть в последний раз, он направил лодку туда, где, как ему казалось, был вход в залив. Катамаран на полном ходу пересек маленькую бухту, попав в густые заросли тростника. Его обшивка больше не скрежетала о скалы. По одежде хлестали ветки; они со скрипом терлись о корпус, цеплялись за снасти. Накренившись, лодка остановилась. Главное течение осталось по правому борту.

Валясь с ног, Домел поборол усталость. Предстояла еще работа. Спустить трепыхавшийся и хлопавший парус. Убрать мачту. Поднять румпель. Он проклинал боль, свое неуклюжее, окоченевшее от холода тело. Медленно и осторожно он направил катамаран вверх по течению. Когда тот коснулся дна, Домел спрыгнул на берег и двинулся в лес, подальше от моря. Наталкиваясь на деревья, пошатываясь, он брел прочь и вскоре, обессиленный, опустился на колени под поваленным стволом. Не успев рухнуть на землю, он уже спал.

На следующее утро, кутаясь в промокшие шкуры, дрожа под бесконечным дождем, он сидел, затаив дыхание, наблюдая за рыскавшим вдоль побережья акульим челном. Беглый взгляд на море вызвал у него зловещую улыбку. Слезы Нефрита и Лорсо, должно быть, с ума сойдут от ярости, самодовольно подумал он. Ничто не заставит акульи челны шнырять в такую погоду, а если что и толкнет их на поиски, то вряд ли они будут тщательно его искать.

Легкое судно показалось у входа в бухту. Домел смотрел на него со смешанным чувством страха и глубокой печали. Где-то в глубине души он чувствовал, что это живое существо. Акульи челны были хищниками, как и их хозяева; Домел верил в это. Казалось, корабль шептал о чем-то своему капитану. Он словно почуял жертву. Гребцы остановили лодку, другие заняли позицию у борта, высматривая проход в зарослях тростника. Они внимательно оглядели несколько сломанных деревьев в устье залива, но, похоже, команда не нашла в них ничего особенного. Медленно, неохотно, — подумалось Домелу, — челн Скэнов поплыл назад в открытое море.

Домел знал, что видит последних в своей жизни Скэнов. Он вспомнил о прохладных рассветах с густыми туманами, висевшими пеленою над долинами. О вечерах, наполненных речью соплеменников и ароматным дымком костров, разведенных на плавнике. Он закрыл глаза, смакуя воспоминания о суровой красоте гор его скалистого побережья.

Поиски, наверное, будут продолжаться еще два дня. Но теперь уж он не попадется. Это

место было надежным укрытием. И ненастье кончится к тому времени, когда преследователи устанут разыскивать его.

Пришло время осмыслить все, что он успел сделать. Женщина-Дух Сосолассы желала его смерти. Ускользнув от нее, он бросил вызов морскому божеству, не испугался гнева штормовых ведьм.

Он выжил. И теперь строил планы. У него будет огонь. И еда. Впервые за многие луны Домел почувствовал, как кровь живо побежала по жилам. На посиневшем от холода лице появилась белозубая улыбка, сверкнули ясно-голубые, как лед, глаза.

— Скэны. Я живу. Чтобы убивать. Снова.

Глава 47

— Он был очень настойчив. — Джалита отвела глаза от свирепо смотревшего на нее Эмсо, рисуя носком ботинка загогулину на влажном прибрежном песке. Она нарочито задержала дыхание, что заставило ее лицо раскраснеться, точно ей было стыдно. — Я действительно не боялась. В самом деле, не думаю, что он обидел бы меня. Я ведь еще девушка. Может, в этом и вся моя вина. Не понимаю я мужчин.

— А что значит «был настойчивым»? Что он делал?

Джалита торопливо шагнула вперед, почти вплотную приблизившись к Эмсо.

— Ничего такого непристойного он не делал. Только… — Она отвернулась в сторону и крепко обхватила себя руками. — Он вел себя так, как будто мог сделать то, что хотел. Как будто я не могла бы ему отказать.

— Тебе не следовало туда ходить вообще. Особенно одной. Я не хочу учинять тебе допрос, словно я — твой отец. — Эмсо проглотил застрявший в горле комок и с официальным видом продолжил: — Я знаю, о чем говорю. Держись подальше от Леклерка. Впредь, если кто-нибудь будет вести себя так, будто интересуется тобой, сразу говори мне. Ты — красивая женщина, но слишком уж доверчивая.

Джалита насупилась. Голос ее задрожал.

— Почему ты все время подчеркиваешь свои годы, будто они тебя смущают? Сначала ты заявляешь, что я женщина. Потом говоришь, что я слишком молода, чтобы так думать. Твой возраст делает тебя привлекательным, придает тебе характер и силу. Некоторые женщины говорят — мне повезло, что я могу гулять с тобой, разговаривать, потому что ты мой друг. Они говорят это потому, что видят — ты считаешь меня всего-навсего ребенком. Они ставят меня в неловкое положение. Неужели я выгляжу такой незначительной?

Растерявшись, Эмсо запнулся. Серповидный шрам у правого уха ярко белел на его красном вспотевшем лице.

— Нет, ты — самый значительный человек. Я имею в виду… так сказать… имею в виду то, что не хочу, чтобы тебя обижали. Ты очень много значишь. То есть крайне много значишь для меня. — Последние слова прозвучали с неожиданным удивлением.

Джалита ухватилась за это:

— Для тебя, Эмсо? Не для Гэна Мондэрка?

— Гэна? А он тут при чем?

— Ни при чем. — Она опять отвернулась. Постояла в нерешительности, затем, наклонив голову и опустив плечи, пошла прочь.

Эмсо отставал от нее на два шага. Он попытался возобновить разговор, принять шутливый тон:

— Эй, постой. Я жду от своих друзей честных и прямых ответов. И жду, что они ответят мне по-взрослому, а не как дети, о чем судачат кумушки.

Ее улыбка означала прощение.

— Все говорят, что ты такой строгий, суровый. Как жаль, что они не видят тебя сейчас, как я.

— Не надо льстить. Мне хочется знать, почему ты упомянула Гэна.

— Просто так. Всем известно, как ты любишь его. Всем известно, что такие мужчины, как ты, знают, что лучше для Трех Территорий, что лучше для всех нас.

— Я никогда не говорил, будто знаю, что лучше для всех. И Гэн этого не говорил. — Джалита устремила на него проницательный недоверчивый взгляд, и он торопливо продолжил: — Он правит, но не указывает молодым женщинам, как им жить.

Пройдя еще немного, она с горечью сказала:

— Правители должны делать то, чего не делают другие люди. Или не могут сделать.

Остановившись, Эмсо окликнул ее:

— Подожди. — Когда она обернулась, он продолжил: — Я не понимаю, Джалита, ни намеков, ни полунамеков. Я говорю то, что думаю. И не общаюсь с теми, кто поступает иначе.

Джалита бросилась назад и пылко обняла его.

— Какая у тебя преданная душа. Жаль, что Три Территории так никогда и не узнают, как им повезло, что у них есть ты. Благодаря тебе мои беды кажутся такими мелкими. Но для меня они важны, и я надеюсь на твою помощь. — Отступив, она посмотрела на него умоляющими глазами. Он ждал. В конце концов она продолжила чуть грубовато, словно Желая, чтобы Эмсо не пропустил ни одной реплики: — Мы говорили о Луисе, который относится ко мне как к своей собственности. Ты считаешь, что он вправе так поступать?

Покраснев еще больше, Эмсо кивнул.

— Такие уж мы, мужчины.

Умоляющий тон сменился гневным.

— Так что, мне кричать? Я думаю, он надеется, что Гэн отдаст меня ему. О, он никогда не произнесет это вслух — и я запрещаю тебе, не произноси ни слова, — хотя мы оба знаем, что Гэн у Луиса в долгу из-за этих его колдовских штук. Короли награждают тех, кто помогает им удерживать власть. Только вот забывают награждать тех, кто привел их к власти.

— Это замечание неуместно. Гэн никогда не забывал своих друзей и не забудет. Он никогда не раздаривал людей. Ведь он не работорговец.

— Я не это имела в виду. Подвести женщину к замужеству можно очень умело. Он подсунет Луиса мне и не даст мне видеться с другими мужчинами. Возможно, у меня не останется выбора.

— Твое воображение заводит тебя слишком далеко. Гэн ничего такого не говорил. И Леклерк тоже. Ты сможешь сама решать, что тебе делать и как жить.

— Я знала, что ты так скажешь. Ты думаешь, я еще ребенок. Или глупая женщина, которая способна только рожать. Я хочу докопаться до сути дела, а ты называешь это воображением. Если так, я больше не буду затруднять тебя своими проблемами.

Резко развернувшись, Джалита пошла прочь, не забывая при каждом шаге покачивать бедрами. Она прислушивалась к малейшему движению у себя за спиной. Его руки опустились ей на плечи. Ожидая этого, Джалита тут же остановилась, и на миг они тесно прижались друг к другу. Эмсо чуть отступил, она прислонилась к нему спиной и притворно-прерывающимся голосом сказала:

— О, Эмсо, не отпускай меня. Я так запуталась. Я не хочу принадлежать мужчине, которого не желаю. И не хочу обидеть Гэна, который подарил мне такую хорошую жизнь. И не хочу ссориться с тобой.

Он ничего не ответил. Молчание терзало Джалиту. Может, она зашла слишком далеко? Была ли его верность истинной и прочной? Можно притворно зарыдать — не будет ли это чересчур?

Слова Эмсо отдались грохотом в ее ушах.

— Мне надо подумать. Но пока я жив, ни один мужчина не будет обладать тобой против твоего желания.

Повернувшись к Эмсо, она спрятала лицо у него на груди, скрывая радость победы.

* * *

Натянув вожжи, настоятельница Фиалок остановила лошадь, подъехав к восседавшему на коне Эмсо почти вплотную.

— Не хмурься так, друг мой, — сказала она доверительным полушепотом. — Ты хорошо сделал, что приехал ко мне.

Эмсо покачал головой, невнятно бормоча себе под нос.

— Когда я сказал, что у меня есть вопрос, ты ответила, что у тебя нет времени, что ты едешь на встречу. Я настоял, и ты выслушала меня, и оказалось, что я должен ехать вместе с тобой. Отчего вдруг такая перемена, настоятельница? И почему вдруг у тебя пропало желание обсуждать будущее Джалиты?

— Я — целительница, Эмсо. — Она лукаво посмотрела на него. — Мое искусство состоит в том, чтобы понять симптомы. Поведанное мне о Джалите — это тоже симптом. У других людей случается что-то, и они тоже обращаются ко мне за советом.

— В болезнях я не разбираюсь.

— Существует множество недугов. Случай с Джалитой — это всего лишь частность.

— Ей кажется, что Гэн принуждает ее. Может быть, это так, а может, и нет. Что это за недуг?

Настоятельница вздохнула.

— Несмотря на все неприятности, которые доставила Сайла, она все же права: Церковь должна добиться, чтобы женщина перестала быть объектом купли-продажи. Гэну следует понять, что его попытка насильно склонить Джалиту к замужеству — это знак неуважения к Церкви.

— Мы не знаем, принуждает ли он ее на самом деле. И Гэн — самый истый защитник Церкви. Где еще, как не в Трех Территориях, Церковь так свободна?!

— Нигде. Поэтому все мы и молимся за него. Чего мы боимся, так это Учителей-отступников. Его понимание Церкви искажается. Даже его любовь к нам используется против истинной Церкви. Посмотри, как он принуждает Джалиту.

— Это еще неизвестно. — Эти слова Эмсо произнес сквозь зубы.

— Ну конечно, разве он станет кричать об этом? — Настоятельница протянула руку и погладила Эмсо по сжатому кулаку. — А как бы ты повел себя, если бы я рассказала, что мысль о той встрече Джалиты и Леклерка принадлежала Гэну?

— Это ее слова? Почему тогда она ничего не сказала мне?

Настоятельница проигнорировала вопрос.

— Такой поступок — это удар по положению всех женщин. Это даже угроза Церкви, хотя Гэн и утверждает, что он ее покровитель. А он никогда не лжет. Тогда как же быть с этими противоречиями?

Опечаленный, Эмсо нашел утешение в воспоминаниях. Он вспомнил свои первые дни в Джалайле. Это были скверные дни, полные страха и потерь. Но тогда они были товарищами, скрепленными, как две прибитые одна к другой дощечки. Один командир, одна цель.

Одна цель. Даже тогда Гэн знал свою судьбу. Он смело встречал испытания, понимая, что должен победить или умереть. Он был настоящим вождем и чувствовал, что друзья добудут для него еще большую славу. Правда, заработать славу было легко — мужество и отвага решали все вопросы. Быть же правителем — это нечто большее. Надо удерживать власть, как всадник сжимает уздечку, чтобы править конем. Как сжимают рукоять мурдата. Мурдата.

Настоятельница Фиалок прервала его размышления.

— Я отведу тебя еще к одному другу Церкви. Человеку, любящему Гэна так же, как и я. Само собой разумеется, у него тоже есть разногласия с Гэном, но они — от бессмысленного стремления Мондэрка принять незаконное положение о Церкви, принадлежащее Сайле. Но все же он восхищается Гэном Мондэрком и желает ему только добра.

— И кто же этот прекрасный человек?

— Барон Ондрат.

Эмсо вытаращил глаза.

— Этот старый Олан? Да он скорее умрет, чем предоставит женщинам хоть тень свободы или даст Церкви какую-то власть. Ты что, смеешься надо мной?

— Никогда не была более серьезной. Только высокомерие Гэна не позволяет ему увидеть, как сильно изменился Ондрат. Разве он просил особого покровительства после спасения Сайлы? Он очень гордый. К тому же он знает, как много старой дворянской знати Олы ненавидит Гэна, а многие друзья Мондэрка не доверяют Оланам. Ондрат гораздо более внимательный и более надежный друг, чем думает Гэн. — Она бегло осмотрелась и понизила голос до шепота, заставив тем самым придвинуться Эмсо к ней, чтобы расслышать ее слова: — Чтобы убедить тебя, я приведу пример из своего опыта целительницы. Больной редко знает, что лучше для него. Для его скорейшего выздоровления надо понять природу болезни. Только тогда лечение может быть эффективным. Нужно сделать так, чтобы Гэн увидел себя таким, каким его видят другие. Понимаешь?

Кивнув в знак согласия, Эмсо отодвинулся от нее.

Его очень огорчило, что кто-то еще обеспокоен переменами в Гэне. Пока Эмсо пытался собраться с мыслями, настоятельница коснулась того, что он боялся трогать.

Преданность. Доверие. Скромность.

Эмсо закусил губу. Гэн должен помогать Церкви, а не вносить в нее раскол. Ондрат — очень скользкий человек, но понимает необходимость единой объединенной Церкви. Такой она была, такой должна остаться навсегда.

Помогая разрушать Церковь, Гэн уничтожал ту единственную силу, которая могла сохранить социальный баланс.

Эмсо неохотно допускал, что черный порох — полезное дело. Однако, как и с грамотой, ему не было до конца понятно, что же он собой представляет. Гэн осознал, что порох — это оружие. У Леклерка была светлая голова, позволившая создать его, но только дурак мог думать, что простолюдины будут использовать его для добычи горных пород. Глупая идея. Затем Леклерк придумал вещи и похуже, например, кокс для выплавки стали. И тем самым лишил работы производителей древесного угля. Хоть это и намного облегчило получение лучших сортов стали. Кузнецы стали выпускать более качественный инструмент.

А теперь он носится с этой системой водяного отопления. Бредовая идея. Полнейшее непонимание людей. Любому ясно — как только люди узнают, что можно избавиться от печей, то сразу же захотят заполучить для своей части города водяное отопление. Или же на один свой квартал. А может, и больше. И этому не будет конца. Они станут беспечными. А от этого целый город может взлететь на воздух.

Эмсо почувствовал себя скверно. Казалось, все сговорились в том, чтобы оттолкнуть Гэна подальше от истины. Дальше от настоящего Гэна.

Глава 48

Увидев укрепленную усадьбу барона Ондрата, Эмсо рассвирепел. Безобразная куча строений, рассыпанная по всему холму и надменно возвышавшаяся над маленьким городком-крепостью, сильно отдавала высокомерием. На центральной башне замка хвастливо трепыхался флаг. Эмсо показалось, что в стиле замка прослеживался определенный замысел. Какой-то прежний владелец избрал тотемом голову вепря. Затем он перешел к его потомкам, предшественникам Ондрата.

Внешняя защитная стена была построена из огромных вертикальных бревен. Эмсо неодобрительно хмыкнул. Конечно, их было очень трудно поджечь, но уж потом пламя неизбежно перекинется на постройки, вплотную примыкавшие к стене. К тому же поля вокруг стен заросли кустарником и явно не использовались под пастбище. Они были прекрасным укрытием для нападающих. Трава даже свисала с внешних краев разводного моста — было видно, что его давно не поднимали. На стене не было видно ни одного

охранника. Грязная тропа вела от восточных ворот к горе мусора, возвышавшейся на краю леса. В отбросах, не прячась, копошились полчища крыс.

— Неужели эта конура принадлежит тому человеку, который указывает на недостатки Гэна? — проворчал Эмсо. — Десяток Волков покрепче — и я убрал бы эту язву еще до завтрака. А потом прошелся бы огнем для обеззараживания.

— Ты что-то сказал? — настоятельница Фиалок вопросительно посмотрела на него.

— Да все думаю, что сказать барону, когда будем обсуждать военные вопросы.

— В этом нет никакой нужды: мы приехали, чтобы поговорить о том, как помочь Гэну.

— Возможно, — непринужденно произнес Эмсо. Запущенное имение барона Ондрата — вот единственная многообещающая тема на весь предстоявший день. Он это полностью для себя уяснил. А впереди еще ждут долгие дискуссии, аргументы. Эмсо апатично пристроился за настоятельницей. Она поехала по мосту. Одинокий стражник, сгорбившийся в стенном проеме, ковырял веточкой в зубах, пока они проезжали мимо.

Две высокие, окрашенные в красный цвет двери с изображениями черных, смотревших друг на друга голов вепря вели прямо в огромный зал. В нем царили холод, сырость и мрак. Ветхие знамена и оружие, висевшие на стенах и крестовинах, прославляли прошлые триумфы Ондратов. Эмсо отметил их возраст. Победы в сражениях были одержаны в незапамятные времена. На ближайшей стене располагалась коллекция доспехов в стиле Оланов. Тяжелые металлические части панциря и щитки для ног висели на крюках. Над ними, на полке, лежали блестящие шлемы с ниспадавшими султанами.

В воздухе, насыщенном запахами мяты и мыла, плавал дым от нескольких каминов. Эмсо усмехнулся: Ондрат пытался соблюдать требования Гэна к чистоте.

Барон появился из дальнего конца зала. Одетый согласно этикету, он тепло приветствовал гостей. Красновато-коричневая шерстяная рубашка была чистой и даже, вероятно, новой. Поверх нее был надет сверкающий кожаный жилет, хорошо промасленный и натертый. Зашнурованные и начищенные башмаки гармонировали с красивой отделкой жилета. Шерстяные домотканые брюки были заправлены в ботинки, демонстрируя впечатляющие веночки из синих перьев сойки поверх каждого башмака. Левое запястье сжимал большой серебряный браслет. На нем, как и на флаге, красовалось изображение все той же головы вепря. На правом запястье был другой браслет, стальной и достаточно внушительных размеров. Эмсо заинтересовался браслетом, на его металлической поверхности было несколько глубоких царапин.

Настоятельница и Эмсо удобно уселись в мягкие кожаные кресла напротив самого большого камина, и Ондрат принялся тщательно осматривать комнату. Проверка слишком затянулась, и настоятельница не выдержала:

— Ты что, подозреваешь свою домашнюю прислугу в неверности?

Закончив осмотр, Ондрат ответил:

— Не подозреваю, настоятельница, а могу предположить. Таким образом мои разочарования, по крайней мере, будут оправданными.

Настоятельница сама повела дальнейший разговор:

— Я уже говорила Эмсо о твоем отношении к Гэну и Церкви. Ты знаешь Эмсо. Как воин и как дворянин, ты прекрасно можешь оценить преданность, которая сделала его имя самым уважаемым в Трех Территориях. — Она в упор посмотрела в глаза Эмсо. — Я говорю это не для того, чтобы тебя смутить, а для того, чтобы подчеркнуть благородство наших целей. Ты больше всех печешься о добром имени Гэна Мондэрка. Мы желаем поднять его к вершинам еще большей славы. То есть привести его в лоно Церкви.

Эмсо отвел глаза.

— Я люблю Церковь, настоятельница. Как и Гэн. И как по-своему это делает Сайла. — Не глядя на пришедшую в ужас настоятельницу, Эмсо выставил подбородок. — Ваша вражда с бывшей Жрицей Роз сказалась на взаимоотношениях с Гэном, и это причиняет мне несказанную боль. У Сайты есть веская причина, чтобы сомневаться. Даже быть недовольной. Жнея, которая теперь правит Церковью как Сестра-Мать, пыталась убить

Сайлу. Не после изгнания Сайлы, а когда она еще была Жрицей Роз. Жнея пыталась убить Жрицу Фиалок, когда она еще была одной из ваших.

Молитвенно сложив руки и касаясь кончиками пальцев подбородка, настоятельница приняла сердито-важный вид.

— Такое моральное падение, какого достигли Сайла с Лантой, — редкий случай в истории Церкви. Это расстроило Сестру-Мать. Она отреагировала не самым лучшим образом и еще долгое время будет раскаиваться в содеянном. — Затем, изменив с ослепительной быстротой выражение лица, заговорила доверительным тоном: — Но какого же покаяния ждать от Сайлы? От той, кто развращает души наших невинных Избранных, подстрекает нашего уважаемого Гэна к тому, чтобы отказаться от всех старых обычаев. Когда ты говоришь о ней и об этих иноземках с их неизвестными нравами и историями, о ком еще ты вспоминаешь? О Леклерке. — Настоятельница откинулась на спинку кресла с торжествующе-расслабленным видом. — Какой же друг может быть у колдуна, как не ведьма?

Эмсо даже не потрудился скрыть порывистое, стремительное движение, осеняя себя Тройным Знаком. И все же он отказался оставить друга.

— Я знаю Сайлу. Гэн доверяет ей.

Ондрат зловеще ухмыльнулся.

— Без доверия не бывает близости. Без близости нет измены. Какая ведьма признается в своем колдовстве?

— Или в своем превращении. — От двусмысленного намека настоятельницы Эмсо часто заморгал. Она перешла в наступление. — Когда Сайла повела Ланту, Конвея и Тейт на юг, она была в ссоре не с Церковью, а с Жнеей. Тем не менее после возвращения хоть раз она подтвердила свою приверженность Церкви? Церковь была — и остается — для нее единственной семьей. Сестра-Мать рассказала, кем она стала, а Церковь говорит правду. Вкушать горечь истины — значит принимать истину. Ведьма.

Несчастный Эмсо молча покачал головой.

Настоятельница взглянула на Ондрата, чуть заметно кивнув. Тот сказал:

— Есть доказательство, Эмсо. Если у тебя хватит мужества принять его.

Покрасневшие глаза Эмсо уставились на Ондрата. Барон отшатнулся, подняв руку со стальным браслетом.

— Я не хотел тебя обидеть. То, что я могу тебе показать, слишком неприятно. Дай мне слово, что ты не поднимешь оружия в моем замке.

— Если только на меня не нападут. — Слова донеслись как из погреба, холодные, со скрытым смыслом.

Повернувшись, Ондрат почти подбежал к двери. Распахнув ее настежь, он жестом велел кому-то войти.

В дверном проеме возник Домел.

— Скэн, — прошипел Эмсо и, потянувшись за мечом, вскочил с места.

Ожидая такой реакции, настоятельница придвинулась, чтобы удержать его.

— Все в порядке. Теперь он один из нас.

В ответ Эмсо издал какое-то утробное рычание. Настоятельница сжала руку посильнее. Ондрат с опаской приблизился к ним, и она продолжила:

— Выслушай Ондрата. Познакомься с этим человеком. Он пришел, чтобы помочь нам, и рисковал своей жизнью ради нас.

Домел выступил вперед.

— Меня зовут Домел, я — Навигатор племени Скэнов.

Барон Ондрат сказал мне, что ты — Эмсо, правая рука Гэна Мондэрка. Твое имя знают все Скэны.

— И узнают еще лучше после битвы этой весной.

Домел сохранял спокойствие.

— Я подверг испытанию свое божество. И устоял перед Женщиной-Духом. Я

отправился в море на лодке, которая весит чуть больше, чем твоя лошадь, и вызвал на бой божество. Я сразил его. Его ветер с волнами и его штормовые ведьмы не сумели меня одолеть. Поэтому не испытывай мое мужество. Пока не возьмешь верх над богом, как это сделал я.

Поддакивая и ухмыляясь, Ондрат вмешался в разговор:

— Его принесла ко мне семья рыбаков. Они нашли его на морском берегу, полумертвого. Я…

Эмсо перебил его:

— Так говоришь, тебя зовут Домел. Зачем же ты пришел в Три Территории, к Гэну Мондэрку? У Скэнов здесь нет друзей.

Внешне расслабившись, Домел ответил доверительным тоном:

— Когда я вышел на берег во владениях барона Ондрата, то был настолько слаб, что мне казалось, я непременно умру. И все же я вышел на берег. Ты понимаешь истинный смысл этого? Я одержал победу над Сосолассой и его морем. Меня спасли целительницы, в том числе и настоятельница Фиалок. Если бы я был в силах сражаться, я убил бы рыбаков, которые нашли меня, но я выжил, лишившись своего племени, чести, семьи. Зачем же мне помогать твоему Мондэрку? Мне надо помочь себе. Надо сразить тех, кто связал меня с ложным божеством. Точно как Гэна Мондэрка, который унижен тем, что не знает об этом.

— Поосторожней, — прогремел Эмсо.

Домел невозмутимо продолжил:

— Сомневаешься? Тогда знай. Нашего вождя зовут Лорсо. Он заключил союз с Летучей Ордой и большинством Людей Реки. Они намерены завершить начатое Ква дело. Посеять разорение. Ввести рабство. Как только эта задача будет выполнена, прежняя Сестра-Мать погибнет. И власть перейдет к ее наследнице.

— Кто же заменит ее?

— Это и есть главная измена. Ты действительно веришь, что трое воинов и две Жрицы разбили кочевников Летучей Орды без колдовских чар? Веришь ли ты, что эти чужеземцы, которые убивают громом и молнией, с радостью отдадут всю свою силу для осуществления честолюбивых планов Гэна? Мои друзья, настоятельница Фиалок и барон Ондрат, рассказали мне, что есть иноземец по имени Леклерк, который создает странные штуки, такие, каких раньше не видел ни один человек. Можешь ли ты поверить, что эта сила, точно как и знание, которое испытывается на Избранных, используется исключительно во благо Гэна? Колдуны бродят по вашим землям. А теперь представь себе ведьму в роли Сестры-Матери.

В разговор вмешалась настоятельница:

— Надежда и средства у нас есть. И душа Гэна Мондэрка все еще безгрешна. Мы можем еще спасти его. Ты можешь.

Эмсо взглянул на нее. Она улыбнулась.

— Скэны не собираются нападать на нас до весны. Домел вызвался нанести удар по их главному поселению.

— Чтобы уничтожить свой собственный народ? И какими же силами? На каких кораблях?

— На моих. С моими людьми. — Ондрат выпятил грудь. — Нас больше, чем этих пиратов, Эмсо. Когда-то мореходы Ондрата бороздили моря так же легко, как и Скэны. — Повернувшись, он показал на обветшавшие военные трофеи.

Барон не заметил, как Эмсо с Домелом быстро обменялись взглядами. Эмсо почувствовал себя гораздо увереннее и выпрямился — медленно, почти незаметно. Злорадная улыбка, мелькнувшая на губах настоятельницы, говорила, что она все видела. И поняла.

— Ты уверен, что все это реально? — спросил Эмсо Домела.

— Конечно. Как только я разделаюсь со Слезами Нефрита и ее сыном Поработителем, Скэны узнают, что их прежнее божество свергнуто. Они придут в лоно Церкви, и я запрещу

Скэнам нападать на Территории.

— Если я буду работать за спиной своего лучшего друга, даже во благо его интересов, мне ни в чем нельзя полагаться на случай. Я должен знать обо всех планах, обо всех решениях. Ничего не будет делаться без моего согласия.

Переглянувшись, Ондрат с Домелом повернулись к настоятельнице. Она захлопала в ладоши, весело, как ребенок. От смеха ее костлявое лицо потрескалось на тысячи морщинок. Хохот раскатистым эхом пронесся по залу.

— Чудесно, Эмсо! О, как это чудесно, мой верный друг! Ну а теперь у меня есть новости получше. Послушай-ка Домела.

Усевшись, Домел подождал, пока Эмсо не сделал то же самое, и сказал:

— Это я помог бежать девушке Джалите. Я принял веру истинной Церкви недавно, она же всегда была верующей. Должно быть, ей неизвестно, что я нахожусь здесь. Она не может догадаться о том, чего не знает, и я боюсь за нее, если Сайла дознается о ее настоящей вере. Из всех нас она самая храбрая и рискует больше всего. Кто осмелился бы вводить в заблуждение такую ведьму, как Сайла, и жить под ее же защитой? Джалита подтвердила, что Жрец Луны и Сайла сговорились заменить ныне действующую Церковь. Вспомните, что Жрец Луны тоже чужестранец, мне говорили, что как-то раз Сайла даже спасла ему жизнь. На деле никакого бегства с сокровищами Врат не было. Все это предательство, отъявленная ложь. Стоит нам устранить угрозу со стороны Скэнов, и Гэн обратит все силы против Жреца Луны. А тогда раскроются все трусливые планы Сайлы. А мы будем ждать этого. Чтобы спасти Гэна от самого себя.

Домел удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

Узловатые, обезображенные шрамами пальцы Эмсо впились в колено. Он изучающе посмотрел на них, словно открывал для себя непостижимые истины.

— Все сходится. За исключением Налатана… Он воин-монах. Не иноземец. Возможно, его околдовала Тейт. А если бы не было ни сражения, ни бегства, кем бы ты его посчитал? Тоже предателем? — Он хищно взглянул на Скэна.

Настоятельница Фиалок ответила, прежде чем Домел сумел открыть рот:

— Всего лишь несколько мгновений назад ты защищал Сайлу. Мы же показали, насколько она порочна и хитра. Нам известно, что она сделала с разумом несчастного Гэна. Теперь и ты понимаешь, как она воздействовала на ваш рассудок. Ужасные вещи они проделали и с монахом. Он ничего не знает о женщинах. Или ведьмах.

— Тейт любит его. А он ее. Это бесспорно. — Эмсо уцепился за ручку кресла, будто это было его единственное спасение.

Настоятельница дружелюбно кивнула головой.

— А ты отпустил бы свою жену в горы с другим мужчиной, если бы тебя не околдовали? Ты хочешь так многого от других, чтобы они были такими же надежными и преданными, как ты сам. Такого не бывает, друг мой. Подобных тебе людей нет, и ты попал в плохую компанию.

— Но ведь Конвей и Тейт говорили, что их путешествие преследовало религиозную цель. Поиски чего-то.

Домел нарушил молчание. Он заговорил, и глаза его стали перебегать от одного собеседника к другому. Быстрые, неспокойные, они походили на двух блестящих мух.

— Действительно, религиозную. Культ Луны. Лорсо рассказывал, что все чужеземцы, живущие под покровительством Гэна Мондэрка, исповедуют культ Луны.

Настоятельница бросила на Домела одобрительный взгляд.

— Ты попал в точку.

— Гэн хороший человек. Хороший. — Эмсо сжал зубы и отвернулся.

Настоятельница страдала вместе с ним. Слезы застлали ее глаза.

— Мы должны вернуть его, Эмсо. Он нужен Церкви. Мы можем его спасти.

Троица в напряженном молчании наблюдала, как Эмсо покачивался взад-вперед, сидя в кресле.

* * *

С вершины башни замка настоятельница с Ондратом смотрели на одинокого всадника, медленно ехавшего по дороге в Олу. Эмсо был уже почти в лесу, на расстоянии двух полетов стрелы, когда Ондрат спросил шепотом:

— Ты действительно ему доверяешь?

Не удостоив своего спутника взглядом, она произнесла:

— Доверяю ему? Конечно же, нет. Он использует нас, точно так же, как мы используем его. В нужное время мы уничтожим его. Или он уничтожит себя. Не помню, чтобы встречала человека, питающего такую ненависть.

— Его? — указав рукой, переспросил Ондрат с выпученными глазами.

Настоятельница набросилась на него:

— Эмсо? Конечно же, нет. Как ты мог даже подумать об этом? Тот глупец похож на связанную свинью. Такой же неловкий, как и меч на его боку. Грозный воин, ха! — Она повернулась, чтобы в последний раз взглянуть, как лес поглощает всадника. — Следи за Домелом. Я о нем. Относись к нему по-дружески. Спрячь его. А главное, держи за спиной нож поострее.

Глава 49

Тейт бесшумно подошла к Конвею. Он стоял, прислонившись к дереву, пристально глядя на пламеневшую зарю. Далеко внизу, в долине, словно живой стремительный поток, проносилась стая летевших клином уток. Их силуэты почти сливались с зелено-черным лесистым склоном гор. Не оборачиваясь, Конвей помахал ей рукой, затем показал прямо на небо. Раздосадованная, что так легко ее обнаружили, Тейт не обратила внимания на его жест.

— Ты становишься таким же пугливым, как Налатан или Гэн. Ты же не мог меня услышать.

Он обернулся к ней, широко улыбаясь.

— Я знал, что кто-то здесь есть. Собаки все время подергивали ушами, хотя вели себя смирно. Значит, это была ты или Ланта.

Подойдя к животным, Тейт погладила обеими руками огромные головы.

— Большие старые болтуны. — Карда стоически перенес это проявление любви. Микка завиляла хвостом. Экстравагантный ответ. — На что ты показывал? — спросила Тейт. — Что-нибудь видишь в облаках?

Конвей утвердительно кивнул. Маленькие пушистые комочки быстро мчались по небу, в основном с юго-запада на северо-восток.

— Кролики, как их называет Гэн. Они бегут первыми. А за ними волки, то есть большие облака. Это атмосферный фронт. Скоро подует ветер.

— У нас есть теплая одежда. Все будет в порядке.

— Снег может помешать в пути. Он бывает опасен.

В ответ Тейт хихикнула и стала тихонько насвистывать мелодию таинственной флейты, что они слышали несколько дней назад.

— Это путешествие само по себе уже опасно. Во всяком случае, еще слишком рано для снега.

— Спроси у облаков. К тому же у меня чутье. Оно говорит о том же.

— Все будет нормально. — Тейт повернулась лицом к востоку, потянулась и, глубоко вздохнув, приступила к разминке, изгибаясь и поворачиваясь стройным телом. Прислонившись к соседнему дереву, она сказала: — Опасно или нет, но здесь прекрасно. А чем ты тут занимался? Просто смотрел?

Конвей захохотал.

— Ты меня озадачила. Я пытался вспомнить одну увертюру.

— Что? Ты?

— Не язви. Мне нравилась классическая музыка. Я думал об увертюре Берлиоза к «Франкмасонам». Этот рассвет как та музыка. Скрипки будто стонут. Возникает ощущение, что это женский плач, от которого бегут мурашки по коже. Потом вступают тяжелые духовые инструменты. Трубы, тромбоны. Струнные поглощаются, представляешь? Низкие тяжелые звуки надвигаются на них и звучат так, как будто подавляют весь оркестр и слушателей. — Конвей слегка покраснел. — Во всяком случае, именно об этом я и думал.

Тейт расплылась в улыбке.

— Вы с Налатаном порой бываете скользкими, как два леденца. Стоит мне подумать, что раскусила вас, вы тут же выскальзываете и превращаете все в шутку. Я забралась в чащобу, чтобы потренироваться без помех, а ты тут сидишь и слушаешь симфонии, которые не исполняют уже пятьсот лет.

Хохот Конвея смешался с ее смехом. Окликнув собак, Мэтт направился вместе с Тейт обратно в лагерь. С макушек высоких деревьев до них донесся какой-то приглушенный звук, похожий на вздох. Стараясь идти в ногу, она положила ему руку на плечо, опираясь на Мэтта, подняв голову и глядя в небо.

— Я верю, что ты слышал ее, — сказала она. — Мне кажется, я тоже слышала скрипки.

Оторвав взгляд от костра, Ланта посмотрела на них. На огне кипел котелок с водой, над которым вился и медленно таял дымок. Он рассеивался где-то на высоте роста Конвея.

Тейт сказала:

— Конвей предсказывает снег. А ты как считаешь?

Насыпая тонко измельченный порошок из кожаного мешочка в три деревянные чашки, Ланта кивнула:

— Может быть, даже сильный.

Высоко в небе согласно прошумел ветер. Черно-серая птичка, чуть побольше зорянки, мелькнула призраком среди деревьев и села в стороне на высокую пихту. Кора, глубоко растрескавшаяся, как высушенная на солнце глина, была превосходной опорой для крохотных, похожих на иголки ножек. Птичка застрекотала. За ней внимательно наблюдали собаки.

— А вот и она, — заметила Тейт. — Прилетела-таки, прожорливая попрошайка. Послушайте, как она поет.

Ланта налила в чашки воду. Дым от костра стелился по земле, под порывами усилившегося ветра. Спутники нахмурились, и Конвей сказал:

— Давайте собираться в путь. Хотелось бы спуститься с гор до того, как наступит ненастье.

Все стали поспешно сниматься со стоянки. Горячую кашу заменил ломоть хлеба с сыром и пеммикан. Конвей порезал его на большие куски. Порубленное и хорошо сдобренное специями мясо было смешано с жиром и коптилось, набитое в вычищенные кишки. Его острый аромат разносился по всей стоянке. Собаки ждали подачки, стараясь сохранить чувство собственного достоинства. Конвей бросил каждой по куску, потом скормил крошки полудюжине нахальных птиц, порхавших среди деревьев поблизости. Они без конца щебетали в предвкушении пищи. Конвей щелчком подбрасывал в воздух лакомство, а они ловко подхватывали его на лету.

— Нехорошо баловать собак, — проворчала Ланта. — И птиц тоже.

— Я хочу, чтобы они держались поближе к нам. Я прислушиваюсь к ним. Если что-то их потревожит, они дадут знать.

Бросив на него удивленный взгляд, Тейт пошла собирать очередной тюк. Ланта была более обходительной.

— А я думала, что ты просто забавляешься.

Конвей усмехнулся.

— Пожалуй. Повеселиться нелишне.

На этот раз Тейт была искренне удивлена. Тихо, чтобы ее могла слышать только

лошадь, она произнесла:

— Это уж слишком. Пока она не появилась, он весь в делах, а теперь встает по утрам, чтобы слушать симфонии, которые никто, кроме него, не слышит. Развлекается с нашими лесными братьями. Что за перемена! Интересно, сам он ее осознает?

Конвей обратился к Тейт:

— О чем ты там рассуждаешь, Доннаси?

— О смысле жизни. Занимайся-ка лучше своим делом. Ты уже все собрал?

— У-у! Обидчивая какая! — Конвей ловко вспрыгнул на коня и жестом послал Карду вперед, Микка бежала сзади.

Тейт помогла Ланте навьючить тюки на ее мула. В то утро он вел себя подозрительно послушно. И тут они обнаружили, что крепившая груз подпруга, проходя петлей под брюхом, почему-то не достает до вьючного седла. Причитая, выведенная из себя Ланта проклинала выходки упрямой скотины.

— То-то он чересчур спокоен. Бессловесный мул. — Последнее прозвучало как проклятие.

Тейт ухватилась за кожаный ремень и потянула вместе с Лантой. Мул уперся.

— Может, если подождать, он все-таки выдохнет воздух.

Предложение Ланты не вселяло никакой надежды, и Тейт ответила:

— Этот твердолобый овсоед будет здесь стоять, накачав воздухом утробу, пока мы не застегнем подпругу и не тронемся в путь. Ты знаешь это. Я знаю это. Мул тоже знает это. Но стоит нам пройти шагов пять, как он со свистом сделает глубокий выдох — и весь груз окажется на земле. — Она посмотрела на Ланту. — Попробую еще раз.

— Ты уверена, что получится? — Ланта легонько ткнула мула в бок, и тот задрожал мелкой дрожью.

Тейт вздохнула.

— Мне кажется, эта проблема его не слишком волнует. — Согнув колени, она подперла плечом брюхо мула. Ланта взяла свободный конец подпруги и уперлась ногами. Резко вскочив, Тейт пнула локтем в бок мула. Сжатый воздух залпом вырвался из пасти и ноздрей животного. Задняя же часть твари извергла мерзкий прерывистый трубный звук.

Обе женщины в смятении взвизгнули, но быстро взяли себя в руки и дернули за подпругу. Она застегнулась на несколько дырочек. Мул загарцевал, выписывая кренделя, и видно было, что это доставляет ему огромное удовольствие. Затем повернулся и насмешливо посмотрел на Тейт и Ланту. Красуясь, мул не успел убежать. Взяв его за морду, Тейт заставила мула раскрыть пасть и заглянула в нее.

Изумленно распахнув глаза, Ланта спросила:

— Что ты делаешь?

— Ищу причину. — Тейт отпустила животное и отошла. — Эта скотина слишком норовистая, грязная и грубая для обычного животного. Думаю, в нем должно остаться что-то мужское. — На мгновение Ланта оцепенела. Затем, покраснев до корней волос, прикрыла руками рот и прыснула со смеху.

Все еще давясь от смеха, они быстро оседлали лошадей и стали догонять Конвея.

Вскоре склон горы круто пошел вниз. По комьям земли, вырванным из лесной подстилки, они определили, куда поехал Конвей, и спешились.

Они дошли до места, где спуск стал лете. Там две речушки сливались в третью, более широкую и бурную, свежую и неутомимую, прокладывавшую себе дорогу через массивные стволы деревьев.

Отметка Конвея — сломанная ветка — указывала его путь. Некоторое время они двигались вдоль реки. Однако вскоре им было указано перейти ее. Спуск со склона стал еще более пологим. Ланта и Тейт снова сели на лошадей. Быстро темнело. Небо затянуло тяжелыми тучами. Послышались отдаленные глухие раскаты грома. Мул под Лантой испуганно заплясал на месте, оставляя выбоины в мягком лесном настиле.

Пошел снег, и снежинки вихрем закружились среди ветвей под порывами внезапно

поднявшегося ветра, заставившего лес застонать. Ланта обернулась. За ней кто-то двигался, какая-то тень в подернутом снежной пеленой мраке. Сердце у нее заколотилось, крик застрял в горле. Узнав Микку, она с облегчением махнула собаке рукой.

После первого неистового порыва ветер немного приутих. Снег продолжал падать; кружившаяся красота, скрывавшая угрозу. Женщины и любовались снегом, и боялись его, инстинктивно пригнувшись от неясного страха.

Именно это спасло Ланте жизнь. Сиди она прямо, глядя на дорогу впереди, ей бы никогда не заметить отпечатков на снегу. Это были большие человеческие следы, без отпечатка от каблуков. Скользящий след от мокасин. Четкий, едва присыпанный пушистым снежком.

Ланта увидела, поняла и проанализировала ситуацию практически мгновенно. Пришпорив коня, она припала к его гриве. Испуганно вздрогнув, животное рванулось вперед.

Стрела, вылетевшая из снежной пелены, задела за платье. Ланта бросила коня в сторону и пронеслась мимо Тейт. Доннаси уже вскинула оружие. С пронзительным криком она целилась в стрелявшего. Развернувшись, Ланта заметила человека, который пытался спрятаться за ствол дерева. Не успела Тейт выстрелить, как ее лошадь подмяла его; сбитый с ног человек рухнул на землю. Тейт развернулась, чтобы атаковать снова. Ланта видела, что в этом уже не было нужды. Руки и ноги человека подергивались в предсмертных судорогах, и снег поспешно прикрывал следы крови.

Остановив коня, Ланта спешилась. Если в человеке еще теплилась жизнь, ее обязанностью было поддержать ее.

Она услышала удар до того, как почувствовала его.

Он прозвучал как выдох. Затем лязг железа о железо, звяканье кольчуги. Вспышка боли, яркая и ослепительная, как полуденное солнце. Благо она исчезла так же быстро, как и возникла. Осталась только тупая боль, высасывающая из нее силы. Ланта потянулась к коню, пытаясь подняться, но безжизненные пальцы лишь скользнули по лоснящемуся боку.

Ноги ее подкосились. Падая на колени, Ланта увидела искаженное ужасом лицо Тейт. Сквозь пронзающую боль она хотела сказать своей подруге, что с ней все в порядке. Не так уж страшно, как все утверждают. Только грустно.

Перед ней снова мелькнуло лицо, которое раньше пряталось в Видениях. Злобное как никогда, оно по-прежнему было скрыто от ее взора и смеялось.

Этот смех заглушил чей-то вопль, и Ланта удивилась. Она же хотела уйти из жизни мужественно, молча. Или это была несчастная Тейт, смотревшая, как уходит ее подруга?

Не важно.

Глава 50

Ланта закричала, сопротивляясь поглощавшему ее черному жару.

Что-то прохладное коснулось ее лба. Ощущение было приятным, и она потянулась, стараясь удержать его. Ее рука шевельнулась, но очень медленно. Ланте хотелось закричать, что прохлада нужна не только голове, но и всему телу. Глаза наполнились слезами радости, когда приятное ощущение перешло на лицо, а затем на шею.

— Она пошевелила рукой. Я уверен. Смотри, слезы. — В голосе Конвея звучало удивление, смешанное с облегчением. — Ты меня слышишь, Ланта? Это я, Мэтт. Мы здесь, рядом, я и Тейт. Ты меня слышишь? — Ее рука утонула в сильной мужской руке. Конвей почти выкрикнул: — Доннаси! Доннаси, она сжала мой палец. Она приходит в себя.

Тейт приподнялась со своего места у стены небольшой полукруглой хижины. Стоя согнувшись, головой она касалась пахнущего морем потолка из материи племени Фор. Странная конструкция, похожая на лоскутное одеяло, хорошо укрывала хижину от внешнего мира. Углубления, которыми была испещрена внутренняя поверхность, напоминали о маскирующих еловых сучьях снаружи. Обойдя три маленькие свечки, освещавшие хижину,

Тейт опустилась на колени позади Конвея. Взяв другую руку Ланты, она наклонилась к самому ее уху.

— Добро пожаловать домой, дружок, — сказала она. Голос звучал мелодично и убаюкивающе. — Знаешь, ты нас всех до смерти напугала. Тебе было плохо, очень плохо. Теперь все позади. Ты в порядке, слышишь? Мы с тобой. Все хорошо, все идет как надо.

Отодвинувшись, Тейт села на корточки. Рука Ланты медленно опустилась и легла вдоль тела.

— Видишь? — показала Тейт. — Вчера ее рука просто падала. Сейчас она намного сильнее.

Конвей не сводил глаз с Ланты. Когда он повернулся к Тейт, на лице его было страдание.

— Это уже третий день. Все, что она проглотила, — это капли воды на губах.

— Мы делаем что можем. — Тейт не скрывала резкости тона. — Ланта сильная. И она уже поправляется.

— Но видеть ее такой…

Тейт похлопала его по плечу.

— Сделай-ка одолжение. Возьми собак и прогуляйся. Подыши воздухом, посмотри, чтобы никто не следил за нами. Или искал тех двух воинов.

Не споря, Конвей угрюмо занялся делами. Он было вышел из хижины, но потом снова вошел, прикрыв матерчатую дверь.

— Снег тает быстро. Завтра мы не оставим следов.

— Возможно, не на снегу. Ты говорил, эти два воина — из Летучей Орды. Они хорошие следопыты?

— Неплохие.

— Значит, они отправятся на поиски своих пропавших разведчиков, так ведь? Так что за нами будет погоня.

Он покачал головой.

— Ну почему нам так не везет? Если б все случилось чуть раньше! Мы совсем чуть-чуть опоздали.

— Если бы можно было заказывать себе крылья, то лягушки не отбивали бы задницы. Но у них нет крыльев. Так что смотри правде в глаза. Нам нужно выбираться отсюда. Нам еще повезло, что не пришлось стрельнуть из «вайпа». Я уверена, что поблизости хватает людей, которые могли бы его услышать.

Конвей отвернулся.

— Тогда они, наверное, слышали, как кричал воин. Тот, которого убила Микка.

— Тебе его жалко? — нахмурилась Тейт. — Я видела, как поднялась его боевая дубинка. И видела, как она поднялась для второго удара, как она зависла, чтобы через секунду убить Ланту. Мне его заслоняла лошадь, и я ничего не могла поделать. Могла только смотреть. Если бы не Микка, ее бы уже не было. Твоей Ланты. Так что ж с того, что человек умер жестокой смертью? Он заслужил это.

Конвей надолго замолчал, взгляд его был прикован к выходу из палатки. Наконец он заговорил, выбирая слова:

— Конечно, ты права. Однако мы все такие, верно? Все заслуживаем этого. Кроме таких, как Ланта и Сайла. Кейт, Дженет, Сью. Они хотят помочь всем. Улучшить жизнь. Но те, кто убивает, считаются уважаемыми воинами. Хорошими людьми, которых, однако, ненавидят больше всех. — Он вышел, прежде чем Тейт поняла, что он сказал все, что хотел.

Все еще пригибаясь, Конвей сделал три неуверенных шага в предрассветных сумерках, а затем выпрямился в полный рост. Даже сейчас он на ходу оглядывался, всматриваясь в окружающий лес. Выйдя из убежища, он почувствовал себя уязвимым. Он знал, что будь он сам на месте человека, который обнаружит это потайное место, то выждал бы, убил первого, кто появится снаружи, а затем напал на само убежище.

Здесь, внизу, Конвей не заметил никого, кроме птиц. Несколько ворон расселись на

деревьях, беспокойно поджидая привычную горсть зерна. В смысле охраны на них нельзя было полностью положиться. Однажды они уже подняли переполох. Все, что удалось потом обнаружить, — это следы забредшего медведя. К счастью, это был черный медведь, а не один из бесстрашных медведей прерии. Эти монстры совершенно не уважали слабых людей.

Подымаясь с кучи сучьев, которые Конвей собрал, чтобы сделать настил на грязной земле, собаки потягивались и зевали во всю пасть, прежде чем подойти и получить свою порцию утреннего почесывания за ушами. Наклонившись, Конвей прошептал слова благодарности Микке. Ее темные глаза смотрели на него с обожанием. Она потерлась головой о бедро Конвея, чуть не повалив его. На мгновение он представил, как это громадное и мощное тело, рыча, бросается к его горлу, и волосы у него на голове встали дыбом.

Нелепый смешок сорвался с губ Конвея. Его собственный мир был бесконечно более опасен. И не менее примитивен. Банды, религиозные фанатики и идиоты-политики в том, исчезнувшем мире убивали жестоко и бессмысленно.

И все же он содрогнулся, вспомнив человека, погибающего под дробящими и разрывающими челюстями Микки.

Солнце стояло в зените, когда собаки заметили волка. Через секунду Конвей увидел животное — крошечное пятнышко, пробирающееся через открытое пространство на гребне горы. Внезапно оно побежало. Появились другие волки, до того скрытые на противоположной стороне подъема. Конвей насчитал десять зверей.

Наклонившись, он отцепил от луки седла снайперскую винтовку. Конвей открыл прямоугольный футляр и выставил на свет солнечные батареи. Подсоединив провода, ведущие от источника питания к управляемому компьютером телескопическому прицелу, он приложил ружье к плечу и направил его в сторону гребня.

Заставить волчью стаю сдвинуться с места могли несколько причин. Тигры и медведи нападали на волков, если у них было настроение. Разогнать волчью стаю могли бы разъяренный бык или бизон. Однако только одно могло заставить стаю так долго и так быстро бежать, не останавливаясь.

Один за другим всадники, напугавшие волков, появлялись на гребне горы. Они двигались широкой колонной — восемь человек с тремя вьючными лошадьми. Вероятно, далеко зашедший патруль. Возможно, охотники, а может, военный отряд.

С этого расстояния, даже в телескопический прицел, было трудно разглядеть детали, но эти люди были одеты вызывающе ярко. Выделяясь на фоне пятен снега, они выглядели пестрыми, как павлины. Кочевники Летучей Орды.

Перекрестье прицела остановилось на возглавляющем колонну. Лазерное прицельное устройство посоветовалось с миниатюрным компьютером. Крохотные моторчики установили прицел, и в нем появилась небольшая стрелка. Даже с такого большого расстояния тяжелая урановая пуля могла раздробить кости, порвать мышцы и разорвать кровеносные сосуды, как будто упругие ткани были не крепче хлопка. Конвей произнес:

— Уходи, чужак. Просто уходи.

Карда зевнул — признак крайнего напряжения. Микка взглянула на Конвея, перевела взгляд на колонну всадников, а потом снова посмотрела на хозяина. Вильнув хвостом, она тяжело задышала.

Всадники медленно приближались.

Длинные тени сумерек покрыли долину, когда кочевники добрались до восточного берега быстрой речушки. Несколько мгновений они в нерешительности топтались на месте. Никому не хотелось лезть в холодный бурный поток, чтобы потом ночевать в холодной мокрой одежде. Теперь, когда люди подошли ближе, стало видно, что они очень устали. И вообще они походили на нечесаных медведей. Лошади стояли как вкопанные, едва не падая от усталости.

Из всей группы заметно выделялся невысокий человек, постоянно покидавший свое место в колонне и направляющий свою лошадь то вверх, то вниз по течению реки. Прямо

напротив Конвея он привстал на стременах, вглядываясь. Его заинтересовала узкая долина, ведущая к подножию холма, где сейчас находились Ланта и Тейт. Вернувшись к своим поникшим спутникам, он заговорил, все время показывая рукой через плечо в этом направлении. Один этот его жест подтвердил худшие опасения Конвея.

Только Жрец Луны мог приказать людям из Летучей Орды забраться так далеко на север. Они могли искать только одно.

Пещеру с криогенными капсулами.

Чуть отойдя от реки, кочевники с привычной быстротой разбили лагерь.

Ложась спать, кочевники не выставили караула, оставив лишь одного человека у костра. Закутанный в толстые одеяла, он ворошил догорающие угли, сгребая их в кучу. На его лице плясали неверные отблески огня. Почувствовав неясный суеверный страх, Конвей отвернулся.

Отведя Вихря в узкую лощину, Конвей стреножил его и потрепал по шее.

— Теперь тихо. Мы скоро вернемся. — Довольный тем, что все идет как надо, Конвей шепотом отдал команду собакам и пошел.

Сняв одежду и держа ее высоко над головой, он вошел в реку выше по течению от лагеря кочевников, там, где куча принесенных потоком бревен создавала водоворот. Поток несся быстро, но беззвучно, так что входить в воду приходилось тихо, стараясь избежать всплеска воды. Вода была просто ледяная, и ноги замерзали до того, что казались неживыми, а когда Конвей глубоко вдохнул, входя по пояс, а потом по грудь, то подумал, что умрет от шока. Плыть, гребя одной рукой, было неудобно и трудно. Течение подхватило его, играя, и понесло вниз.

Глава 51

Собрав все свои силы, дрожа от холода, Конвей плыл, проклиная стремительный поток. Мэтт едва не закричал от радости, когда непослушные пальцы коснулись дна, а темные неясные очертания оказались берегом реки. Заставляя себя соблюдать осторожность, он выбрался на твердую землю. Снега не было, и следов на берегу не оставалось. Конвей не был уверен, что смог бы просидеть в воде еще немного, если бы пришлось искать такое место.

Просунув язык между челюстями, ему удалось остановить стучащие от холода зубы. Одевание заняло целую вечность. Онемевшие пальцы отказывались повиноваться. Завязать длинные, до колена, сапоги из мягкой кожи оказалось тяжелейшим испытанием. Намокшая одежда облепила тело. Он обнаружил, что такой холод не причинял боли — он обжигал.

Добравшись до лагеря, Конвей почти согрелся. Идти было тяжело: ноющие суставы не давали быстро двигаться, онемевшие ноги сделались неуклюжими и грозили выдать его присутствие. Собаки бежали рядом, Карда — справа, Микка — слева, изредка случайно задевая его. Конвей позавидовал тому, как быстро они пришли в норму.

Привязанные лошади кочевников зафыркали, почуяв приближение Конвея. Когда он перерезал первую веревку, освобожденное животное слабо дернулось.

Мгновенно повернувшись, Конвей прижался к стволу дерева и закрыл лицо руками. Нельзя допустить, чтобы белое пятно привлекло внимание, если кто-нибудь заметит реакцию лошади. Выждав немного, он продолжил свою работу.

Лошади боялись собак, и потому Конвей решил послать Карду и Микку на запад. Очень важно, чтобы отпущенные кони побежали на восток — в сторону, противоположную той, куда будет убегать он сам. Вряд ли они попытаются прорваться мимо собак.

Конвей быстро перерезал остальные веревки, и тут его псы зарычали, заставив испуганных лошадей отпрянуть. Конвей застыл на месте, вжавшись в землю рядом с Кардой и Миккой.

В лагере кочевников зажегся огонь. Послышались голоса. Кто-то сердито вскрикнул. Другой голос стал сонно извиняться. Пламя разгорелось, задвигалось. Слова стали отчетливей. До Конвея донеслось обвинение:

— Если б ты не спал, то услышал бы.

— Я не спал, дремал, может. Ничего не случилось.

Сердитый человек поднял факел, свет разорвал непроглядную ночную тьму.

— Тебе повезло, если ничего не случилось. Здесь полно медведей и тигров.

Конвей сидел, затаив дыхание, пока невысокий кочевник, явно командир отряда, и беспечный караульный подходили ближе. Четыре лошади еще оставались привязанными. Четыре кочевника в седле быстро найдут потерянных лошадей и отыщут любого, покушавшегося на их лагерь. Правда, пока у них не было причин подозревать в случившемся кого-либо, кроме воинов Людей Собаки. Конвей должен поддерживать это заблуждение и дальше.

Вожак сказал:

— Я уверен, что что-то слышал. Лошади слишком устали, чтобы дергаться без причины.

Именно в этот момент одной из лошадей вздумалось побежать. Факел вздрогнул, когда кочевник оглянулся, пытаясь понять, что происходит. На кустах заплясали отблески огня. Послышался звук вынимаемого из ножен меча.

Конвей рванулся из своего укрытия и оказался на вожаке еще до того, как тот успел обнажить оружие. Смертельный удар не сумел предотвратить предсмертный крик тревоги. В любом случае у второго кочевника было достаточно времени, чтобы закричать до того, как нож Конвея перерезал горло и ему.

Конвей разрезал путы, сдерживавшие четырех лягающихся и взбрыкивающих лошадей. Лай собак погнал их к востоку. Кочевники высыпали из лагеря, как растревоженные пчелы из улья. Конвей вместе с собаками бросился к реке. При виде темной холодной поверхности с призрачно белыми водоворотами он всерьез подумал о том, чтобы спрятаться или затаиться, но здравый смысл победил. Конвей поспешно разделся, свернул одежду и, стиснув зубы, заставил себя аккуратно, без всплесков, войти в ледяную воду.

Зубчатый край леса чернел на фоне ярких, как алмазы, звезд. Как будто насмехаясь, мертвенно-холодная река уносила его вниз по течению.

На этот раз он выбрался на берег еще более неуклюже. Поднявшись на нога, снова упал, пополз, встал шатаясь и наконец заковылял неловкой и нетвердой походкой. Когда Конвей оделся, зрение и разум как будто сговорились сыграть с ним злую шутку: деревья качались, на пути неожиданно появлялись кусты, стремительно убегая, когда он старался увернуться или обойти их. Идя вдоль реки к стреноженному Вихрю, Конвей наслаждался возвращавшимся теплом, несмотря на то что оно приносило мучительную боль в конечностях. Он уже собирался уходить от реки, когда услышал, как на другом берегу реки, прямо напротив него, появились кочевники.

— Чертовы Собаки, съешь их вошь! Ты слышал лай? И лошади побежали на восток. Я же говорил, что они выследят нас, спрячутся, а потом нападут при первой возможности. Говорил ведь!

— Какая разница, что ты говорил? Мы потеряли двух человек и всех лошадей. Я видел, как кто-то бежал к реке, и не уйду отсюда, пока мы ему не отомстим.

— Не раньше утра. Все равно в темноте мы ничего не найдем. — Конвей услышал, как они уходят.

Добравшись до поджидавшего его Вихря, Конвей вскочил в седло. Отчаянно растирая онемевшее от ледяной воды тело, он закутался в одеяло. Мэтт помнил, что высоко в горах он видел поваленную ветром ель. Ему повезло — он выехал прямо к ней. Прижавшись к полукруглой стене, образованной вросшими в землю корнями, Конвей развел огонь. На раскидистых, торчащих в стороны ветвях ему удалось развесить мокрую одежду. Вскоре в маленькой кружке закипела вода для чая. Конвей блаженствовал, завернувшись в одеяло. Обе собаки, прижавшись к нему, лежали рядом. От одежды подымался пар, смешиваясь с клубами дыма. Конвей заварил чай и с наслаждением выпил его одним большим жадным глотком. Откинувшись назад, он поудобнее устроился на торчащих корнях ели.

Проснулся Конвей, почувствовав в своем ухе нос Карды, а между ребрами в правом боку — сверлящую боль от впившегося в тело корня. Отодвинув от себя преданного пса, вовремя его разбудившего, он потер спину и задумался над своим положением.

В предрассветном полумраке от костра оставалась лишь теплая зола. Это было весьма кстати: хотя лагерь кочевников довольно далеко, но запах костра разносился гораздо дальше, чем его блеск. Налатан сказал однажды, что обоняние человека особенно обостряется в предутренние часы, а ему Конвей верил. Сейчас это означало холодный завтрак холодным утром. Хорошо еще, что одежда высохла. При воспоминают о ночном плавании он вздрогнул, как от удара кулаком, а по телу пробежала дрожь.

Конвей быстро проглотил завтрак из высушенных фруктов и ледяной воды. Вихрь довольствовался зерном, насыпанным в висящий у морды мешок. Собаки радостно набросились на сушеное мясо, а затем уставились на Конвея с неизменной надеждой, что сегодня, уж точно, он удвоит их порцию. Он никогда этого не делал, а они никогда не переставали надеяться.

Натирая на ходу жиром сапоги, Конвей доехал до своего наблюдательного пункта над лагерем кочевников еще до того, как они проснулись. Похоже было, что руководство на себя приняли два человека. Пока остальные сонно бродили по лагерю, занимаясь обычными утренними делами, эти двое внимательно разглядывали землю. Конвей заметил, что путаница следов смутила их, и поначалу обрадовался. Однако радость вскоре сменилась разочарованием. Один из них низко наклонился, а затем бурно замахал руками своему товарищу. Минуту спустя они шли к берегу реки, возбужденно жестикулируя. Конвей поймал себя на том, что так наклонился, пытаясь расслышать разговор далеко за пределами слышимости, что подбородком почти коснулся головы Вихря.

Вернувшись в лагерь, эти двое собрали своих товарищей.

Все махали руками и указывали куда-то пальцами. Конвей улыбнулся, когда, садясь есть, они разбились на две группы. Он потрепал Микку по голове:

— Мы кое-что сделали, девочка. Двоих уже нет, нет лошадей, и среди врагов уже нет согласия.

Микка вильнула хвостом. Взгляд ее был прикован к воинам.

Отряд сворачивал лагерь. Все шестеро направились к реке. Однако, дойдя до нее, они снова разделились. Большая часть группы двинулась вниз по течению, отделившись от спорящих самозваных лидеров.

Но вот отряд снова соединился. Три человека разделись и поплыли через реку, держа одежду и луки высоко над головой. Когда они благополучно достигли противоположного берега, остальные трое ушли на юг. Конвей радостно проводил их взглядом, вспоминая боевую подготовку Волков. Будь на их месте Волки, они немедленно бросились бы на поиски, обегав многие мили. Кочевники удалялись вперевалку, с видимой неохотой всадников, когда тем приходится идти пешком.

Трое кочевников на берегу быстро оделись и проверили оружие. С удивлением Конвей обнаружил, что эти трое были настороже, прячась за деревьями и постоянно осматривая окрестности. Каждый проверил тетиву, а затем осмотрел стрелы, убеждаясь, что на оперение не попала губительная влага.

Кочевники нашли его следы, оставшиеся с прошлой ночи. Они не отличались особой организованностью. Дело продвигалось медленно. Один человек делал почти всю работу. Двое других прикрывали его с флангов, осматриваясь и перебегая от укрытия к укрытию.

Конвей поспешил обратно к лагерю, заходя сбоку. Он набросал на угли мелкие сухие ветки и раздул огонь. Снова вскочив в седло, Конвей отвел Вихря на другую сторону небольшого костра и сильно пришпорил его. Удивленное животное прыгнуло вперед, оставив на мягкой земле глубокие отпечатки копыт. Собаки рванулись следом. Конвей галопом промчался короткое расстояние, а затем круто натянул поводья. Вихрь захрапел и встал на дыбы, ошеломленный такой резкой сменой приказаний. Конвей похлопал его по шее.

— Устанавливаем декорации, дружок. Они подумают, что чуть не застали меня спящим. Они увидят, где я заставил тебя поскакать. Если они подумают, что я напуган, то будут спешить. Забыв об осторожности.

Кочевники расшифровали следы на тропинке именно так, как Мэтт и планировал. Воины почти бегом понеслись вниз. Наконец они присели за деревьями, оглядываясь по сторонам.

Когда один из них поднялся, с дерева, прямо над ним, с шумом взлетела сорока.

Ближайший кочевник резко обернулся. Взгляд его уперся прямо в «вайп» Конвея. Поразительно голубые глаза как-то странно моргнули, крик кочевника слился в сознании Конвея с гулким эхом выстрела.

Мэтт развернулся, чтобы пристрелить двух других. Секундного замешательства, вызванного птицей, оказалось достаточно. Один из них, смотревший вниз по течению, сейчас бежал в этом направлении. Конвей выстрелил сначала в него. Он подумал, что третий воин побежит следом, а значит, должен развернуться в противоположную сторону. Остановившись и сбившись с шага, он представлял бы собой удобную мишень.

Выстрел, который должен был стать последним, сшиб ветку, не причинив воину никакого вреда. Тот бросил свой лук, стрелы и побежал.

Конвей послал собак.

Кочевник предусмотрительно подумал о такой возможности. Он рванулся к куче валунов и скальных уступов. Огромные животные быстро настигали его, летя на длинных сильных ногах. Человек издал вопль и, как белка, вскарабкался на скалу.

Карда попытался забраться вслед за ним, прыгнул, но челюсти лишь клацнули по гладкой поверхности, и он упал вниз. Микка побежала в обход, забираясь все выше над своей жертвой.

Загнанный в ловушку кочевник беспомощно наблюдал, как Конвей приближался к нему. Выйдя на ровное место, Конвей поднял оружие и приложил к плечу.

Человек вжался в скалу. Закричал, в отчаянии тряся головой. На протянутых вперед ладонях блестел пот. Яркий солнечный свет посеребрил их, и стало видно, как они дрожат. Конвею они напомнили трясущиеся листья осины.

На кожаных штанах обозначилась обильная влага, потекшая по пестрой поверхности скалы. Человек не замечал собственного позора и ужаса. Он смог лишь выдавить:

— Нет. Нет, пожалуйста.

Конвей установил мушку между глазами кочевника. Они были темно-коричневыми, почти черными. Этот человек должен был умереть. Если его освободить, он побежит к своим товарищам и расскажет, что налетчик не воин Людей Собаки, а Мэтт Конвей.

Карда прекратил попытки достать кочевника и оглянулся через плечо. В поведении собаки было что-то, что заставило Конвея помедлить. С запозданием Конвей понял: стая загнала добычу. Задачей вожака было убить.

Кочевник всхлипнул и закрыл глаза.

Конвей произнес:

— Сними меч. Положи его за собой.

Кочевник недоверчиво открыл глаза и прищурился. Осознав, что ему, возможно, подарят жизнь, он поспешно повиновался. Оружие звякнуло о камень.

Конвей помнил Летучую Орду. Как воины штурмом брали города, деревни. Злые, жестокие. Люди, убивавшие для собственного удовольствия и бравшие пленных, если это сулило выгоду. Или развлечение. У него все поплыло перед глазами. Когда зрение прояснилось, «вайп» снова нацелился между угольно-коричневыми глазами. Конвей сконцентрировался на этой точке, вспоминая.

Человек, задыхаясь, попытался заговорить.

— Иди. — Конвей отозвал собак и повторил: — Иди. Я дарую тебе жизнь. Скажи Жрецу Луны, что, пока он жив, я буду его искать. Пока он возглавляет Летучую Орду, я буду убивать всех из вашего племени, кого увижу. Когда-нибудь я убью и Жреца Луны. Скажи

ему это. Скажи им всем.

Человек подался на дюйм вперед, потом отшатнулся, не сводя глаз с «вайпа». Конвей дернул оружием, крикнув:

— Уходи!

Соскользнув на землю, кочевник побежал, спотыкаясь, вставая и падая. Один раз, отбежав уже достаточно далеко, он обернулся через плечо. На его лице появилось какое-то мимолетное выражение. Конвей пришел в ярость, подумав, что это могла быть усмешка. В душе у него, как злорадный, самодовольный кот, бродило сомнение.

Собаки сидели в нескольких шагах от него, глядя туда, где скрылся отпущенный кочевник. Конвей подошел к ним. Казалось, Микка с трудом сдерживалась, чтобы не броситься за ним. Конвей провел по ушам Карды. Пес быстро взглянул на него, а затем снова уставился в ту же точку. Конвей пошел прочь, слегка опасаясь, что собаки за ним не последуют. Но они двинулись за ним.

— Я поступил так, как было нужно, — рассуждал Конвей вслух надломленным шепотом. — Это не причинит никому вреда. Убивать его было не обязательно.

Он представил отряд кочевников Летучей Орды, ждавший совсем недалеко отсюда. Если они слышали выстрелы, то уже возвращаются. Они могут найти тропу и прийти по ней к лагерю, где ждут Ланта и Тейт.

Они скажут Жрецу Луны. А тот заплатит за Ланту и Тейт любую цену. И за Мэтта Конвея. Если их захватят живыми.

Еще один секрет. Это придется скрывать от Тейт. И от Ланты. Они не должны знать о той опасности, которой он всех подвергает.

Ошибка. Слабость. Эти слова звенели у него в ушах.

Он взобрался в седло. Из памяти не выходил вид напуганного, вжавшегося в камень человека. Перед мысленным взором вставала узкая полоска кожи между темными глазами. Он видел, как мушка опускалась все ниже и ниже. Сдался.

— Черт побери! — закричал Конвей. Слова раскатились по долине, как удар грома, повторяясь, насмехаясь над ним. — Черт побери!

Он не знал точно, что или кого именно проклинал. И почему.

Глава 52

На следующий день Тейт сказала, указав на землю:

— Вот тут мы нашли брошенный наконечник стрелы. — Повернувшись в седле, она обернулась к горам, неясно маячившим далеко на западе. — Мы пришли оттуда. Пещера там.

На другой стороне небольшого ручья из зарослей с резким шумом вылетел фазан.

Тейт продолжала:

— Кочевники, на которых ты напал, не знают, что это был ты, а не воин Людей Собаки — это нам на руку. Но они наверняка что-нибудь предпримут, они этого так не оставят. Интересно, сколько у нас времени?

Конвей мучительно боролся с желанием признаться. Что-то липкое и противное в подсознании засмеялось, когда он ответил:

— Не так много. За этими разведчиками придет Жрец Луны.

— Жрец Луны? Придет сюда? — Возглас Ланты, едущей на несколько шагов позади, застал Конвея и Тейт врасплох. Им не хотелось, чтобы она слышала их разговор. Голос Ланты звучал звонко. — Я думала… Вы сказали, что это путешествие связано с вашей религией? — В ее интонации звучал вопрос, смешанный с боязливым обвинением.

— Не совсем с религией. — Конвей неопределенно махнул Рукой, подыскивая слова.

Ланта воспользовалась паузой:

— Ты говорил про религию. Теперь ты говоришь, что придет Жрец Луны.

— Мы здесь, потому что хотим помочь Церкви. И Трем Территориям. Жрец Луны

знает о некоторых скрывающихся здесь тайнах. Мы думаем, что он придет, чтобы узнать их.

— Это как Врата. Если он узнает эти тайны, то станет сильнее вас? Как он узнал обо всем этом?

В разговор вмешалась Тейт:

— Он никогда не бывал здесь. Мы тоже. Теперь это гонка. Мы должны взять отсюда как можно больше могущества и не допустить, чтобы хоть что-нибудь досталось ему. То, что мы делаем сейчас, это как паломничество. Для нас место, куда мы направляемся, почти священно.

— Почти священно?

Конвей ответил:

— Как аббатство. Не само место, а то, что в нем.

Ланта сомневалась.

— Я хочу посмотреть на него. Возьмите меня с собой.

— Нет. Там слишком много могущества.

— Я видела… — Ланта оборвала себя на полуслове. Ее мозг наполнился ужасными образами, которые она запомнила после Видения, в котором ей предстали воспоминания Конвея. Она их не понимала. Но от них кровь стыла в жилах. Ланта перевела взгляд на Конвея. Он побледнел. Она была уверена, что он тоже вспоминал и ненавидел ее за то, что она могла видеть в его душе. Ланта отвернулась.

Конвей сказал:

— Мы все поднимемся в горы. Когда мы подойдем поближе к таинственному месту, но будем еще достаточно далеко, чтобы тебе ничего не грозило, то разобьем лагерь. Тейт и я сделаем все, что нужно. А потом мы уйдем, быстро.

Не желая разговаривать, Ланта кивнула.

Место для лагеря они выбрали на уступе горы, а от пещеры к нему вела крутая тропинка. Вход в пещеру был скрыт от любопытных глаз. Чтобы добраться до него, нужно было сначала пойти к югу, а потом снова вскарабкаться наверх. Небольшой уступ под валуном размером с дом мог стать временной квартирой, а ветки и материя племени Фор защищали от непогоды.

Наконец с деланным безразличием Тейт произнесла слова, которых он давно ждал:

— До темноты еще есть время. Можно посмотреть, что тут делается. Ничего особенного, просто проверить. Ты знаешь что.

Слишком поспешно Конвей ответил:

— Можно. В общем-то, спешить некуда. Но я думаю, что это не помешает.

Они взяли с собой вьючную лошадь. Собаки бежали впереди.

Оставшись одна, Ланта занялась привязанными лошадьми. Переходя от одной к другой, она гладила их по мускулистым изогнутым шеям, проводила ладонями по гладким теплым бокам. Даже боевые лошади Людей Собаки отвечали на ее ласку и она гордилась этим. Она подумала про себя, что животные понимали больше людей. Лошадей не беспокоило благословенное проклятие ее умения видеть. Они не избегали ее прикосновений.

Так, как это делал Мэтт Конвей.

Она коснулась упрямого мула. Рука, скользнув по длинной челюсти, рассеянно замерла. Грустный глаз животного с упреком моргнул.

Мэтт Конвей не избегал ее прикосновений. Он наслаждался ими, когда случайно они касались друг друга. Лицо Ланты порозовело, ей это тоже нравилось. И незачем это скрывать. Она сбежала из Олы, увязалась за ним в это путешествие. Какой смысл скрывать свою любовь?

Мул энергично кивнул. Ланта засмеялась.

— Ты ведь все понимаешь, правда? Даже ты. — Она потрепала подрагивающее черное ухо и снова погладила морду животного. Вскоре, отойдя от лошадей, она направилась ко входу в убежище. Присев у большого валуна, Ланта подоткнула вокруг себя тяжелую мантию. Над ее головой убаюкивающе шумел ветвями ветерок. Ланта натянула на голову

капюшон, еще глубже закутавшись в одежду. Навалилась усталость. Не такая, какая обычно приходит в конце дня, а странная, заставляющая закрыть глаза. Казалось, что уют, заставивший ее закутаться в эти теплые вещи, теперь навалился на нее, унося вдаль от этого места.

Это место.

Видение. Оно приходило само, не дожидаясь, пока она позовет.

Видение о Мэтте Конвее. Раньше это происходило именно так.

Упала черная завеса Видения. Окутала ее. Огненные слова проносились, мелькая, через пустоту.

— Ланта будет вырвана из сада Цветов из-за человека по имени Мэтт Конвей. Ланта потребует полного доверия от него и от себя. Кто пойдет на это, не обладая полным знанием и пониманием? Услышь и зарыдай.

Огненные слова исчезли, оставив только темноту. А потом Ланта услышала плач. Голоса бесчисленные голосу, рыдали. На нее накатывалось все страдание, которое можно себе представить, грозя затопить ее. Потом снова появились слова.

— Итак, это был Конвей. Это был конец той жизни, которую он знал. Это было так: чувствуй и удивляйся.

Ритм. Ланта мгновенно поняла, что это испуганно бьется ее сердце. Она чувствовала беспомощность, как мотылек, пытающийся своими пепельными крылышками сокрушить камень. Все замерло. А потом возникло ощущение холода. Что-то умерло, но в то же время боялось смерти. В черноте.

Возвращение огненных слов принесло благодатную теплоту. Ланте хотелось дотронуться до них, пока их ужасный смысл не поразил ее.

— Вот то, что Конвей принесет жене. Человек, знающий смерть изнутри, который не может понять, что такое он сам. Человек, познавший страх узнать слишком много и все же стремящийся знать больше. Человек, которого желает Ланта. Ланта получит то, чего она хочет больше всего. Для того чтобы быть здесь, Конвей стал тем, чем не должен быть ни один человек. Если ты та, кто хочет быть с ним, то ты должна стать тем, чем не должен быть ни один человек, как ты. Время принимать решение. Ответ на вопрос должна дать Ланта: хочешь ли ты, чтобы он умер один раз, чтобы жить дальше, или хочешь, чтобы он умер навсегда? Думай и трепещи.

Она проснулась.

Неподалеку журчал ручей. Ланта неуверенно поднялась и побежала к чистой прозрачной воде, решив помолиться.

* * *

Хотя Конвей и Тейт знали, где находится пещера, им потребовалось несколько наполненных волнением минут, чтобы найти ее. Обычным ножом Конвей открыл замаскированную дверь. Не чувствовалось ни малейшего движения воздуха. Напротив, когда они зашли внутрь, возникло ощущение, как будто они погрузились в холодную, гнетущую атмосферу. Конвей кремнем высек из огнива искры. Перенеся слабый огонек на намотанные на палку пропитанные маслом тряпки, он сделал факел. Они шли очень медленно. Громадная стальная дверь, некогда закрывавшая вход в пещеру, теперь уныло свисала так, как ее оставили ушедшие из пещеры люди. Вид ее, в темных пятнах ржавчины, удручил Конвея. Казалось, что металл просил оставить его в покое и дать спокойно доржаветь.

Тейт первая нарушила молчание. Они проходили мимо полукруглой двери, похожей на дверь склепа.

— Пахнет смертью. У меня плохое предчувствие, что скоро завоняет еще хуже.

Конвей знал, что ее воображение рисует то, чего не может выхватить факел: сотни тех, кто умер там, дальше в пещере, и кого навеки оставили замурованными в криогенных капсулах, похожих на гробы. Ни один из них не заговорит об этом прямо. Конвей предложил

компромисс:

— Не обязательно идти до самого конца. Помещения с припасами находятся между дверью и… другими помещениями. — Он обругал себя за эту минутную слабость, невысказанное признание того, что всего в нескольких ярдах в непроглядной темноте лежат люди, которые никогда уже не выйдут из плена криогенных систем.

На границе красного круга, отбрасываемого факелом, Тейт казалась тусклой скрюченной фигурой, передвигающейся только украдкой.

— Вон там.

В комнате с припасами царил жуткий беспорядок. Аккуратные полки и проходы превратились в свалку, как после землетрясения. Вверху неясно и угрожающе чернел грубый свод. На стенах плясали тени, и казалось, что духи оскорблены вторжением в их владения.

Конвей поднял камуфляжную куртку, но выронил ее с беззвучным криком изумления:

— Труха. Плесень. Мерзкая плесень. — Голос раскатился неверным эхом. Одежда упала со звуком, напоминавшим вздох. В неподвижном воздухе повисло облачко пыли.

Тейт скривилась.

— Будем надеяться, что оружие не пострадало.

— И взрывчатка. Когда мы сделаем все, что нужно, надо запечатать это место навсегда.

Когда Тейт кивнула, соглашаясь, на лице ее отразилось страдание.

Вся одежда была испорчена. Некоторые вещи уже разложились, и их можно было опознать лишь по пряжкам, замкам или пуговицам. Многие рассыпались в прах при первом прикосновении. Запасы еды, которые, как предполагалось, должны были кормить добровольцев до тех пор, пока их не перевезут в другое место, испортились. Тейт глубоко страдала от этой утраты.

— Там был запас еды на три дня на всех, кто спал в капсулах. Это немного, но мы могли бы этим воспользоваться. Нам не пришлось бы охотиться по пути обратно в Олу.

Конвей подобрал один из пакетов с едой. Пластиковая упаковка казалась неповрежденной. В задумчивости Конвей проткнул ее острием ножа. Из пакета вытекло зловонное месиво. Он поспешно выронил его.

— Да, теперь это отходы.

— Они всегда были ими. — Тейт вздохнула, пнув ногой большую кучу. Пакеты заскользили и обрушились небольшой лавиной. — Сухофрукты еще можно было есть. И буррито. Сначала надо добавить немного табаско, потом… — Она замолчала. Резко оборвала: — Пошли к оружию.

«Вайпы», пистолеты, фанаты, предметы экипировки — все было разбросано в беспорядке. Копаясь в этой куче, Тейт мимоходом комментировала свои находки, каждый раз все более удрученно. Наконец она обернулась к Конвею, держа обеими руками цилиндрический предмет, как будто предлагая его. Устройство имело в длину около ярда, четыре дюйма в толщину и с обоих концов было закрыто крышками. Конвей подумал, что приспособление наверху, возможно, было прицелом. Когда он перевел взгляд с прицела на лицо Тейт, то с удивлением увидел, что оно залито слезами. Тейт заговорила, резко выговаривая слова:

— Это бронебойная ракета, «сабо», с лазерным наведением «Тетя Салли», как ее называли солдаты. Те, которые умерли здесь. Они даже не успели повзрослеть. Ради чего? Мы говорили, что это нужно, чтобы было больше жизненного пространства, достаточно еды, чистого воздуха и прозрачных рек, свободы. Мы почти истребили расу и мир, в котором она жила. Все забыто. И сейчас мы готовы послать на смерть новых юнцов и женщин, лепеча все про то же. Слова. Ни одно из них не стоит одной молодой жизни. Ты меня слышишь? Ни одно, ни одно! — она уже кричала, задыхаясь. По подземелью прокатилось эхо.

Конвей ответил очень тихо:

— Здесь мы можем сделать все по-другому, Доннаси. Мы должны попытаться.

Гнев угас, как угасает огонь. Тейт выглядела опустошенной, ответив:

— Правильно. Мы должны попытаться. Положи это рядом со всем остальным. «Черт

побери эти торпеды, полный вперед». «Вперед, вы, сукины дети. Хотите жить вечно?» «Сегодня хороший день для того, чтобы умереть». Это было бы смешно, если бы не было так грустно. История продолжается, так ведь? — Она плюнула. От плевка поднялось крошечное облачко пыли. Тейт наблюдала за этим облачком, как будто оно было важнее всего на свете. Рассеянно, так тихо, что Конвей был уверен, что она говорила это только для себя, Тейт добавила: — Какие же мы дураки. Если бы не было любви, в нас не осталось бы ничего хорошего. — Теперь она пришла в себя. — Некоторые из «вайпов» в неплохом состоянии. Большая часть боеприпасов к «вайпам» — тоже. И гранаты. У каждого солдата был свой запас, достаточный для боя на весь день. Чтобы перевезти все, нам по требуются все лошади. Мы пойдем пешком.

— Где взрывчатка?

— Там. Там, где на ящиках больше всего плесени и дерьма. Я никогда не думала, что это место станет таким затхлым. Помнишь, как некоторые предлагали остаться здесь? — Тейт содрогнулась, оглядываясь вокруг.

— Есть ли какой-нибудь смысл забирать «тётю Салли»? Или что-либо еще?

Она покачала головой.

— В общем-то, нет. Батареи сели, генераторы сломались. Сейчас это все не более чем взрывоопасный мусор. Его можно с таким же успехом использовать, чтобы взорвать тут все.

— Я тоже об этом подумал. Что, если мы спрячем несколько «вайпов», а возьмем заряды? Тогда мы сможем ехать, а не идти пешком.

Задумавшись, Тейт провела пальцем по губам.

— Хорошая мысль. Скорость сейчас важнее. И даже если Жрец Луны найдет место, где спрятано оружие, все боеприпасы будут у нас.

— Все боеприпасы. По правде говоря, не слишком приятная мысль. Когда они закончатся, Черная Молния и Белый Гром превратятся в пару чудаков, затерянных в чужом мире.

Тейт засмеялась, грозя ему пальцем.

— Говори только за себя. В этом мире или в том никто не назовет Доннаси чудачкой. Ладно, давай займемся делом. Факел догорает. Пора подыскать для этого барахла хороший тайничок.

Когда они вышли наружу, низкое солнце клонилось к западу. Сумеречные тени смягчили очертания убегающих к востоку склонов, залили холодные серые цвета поздней осени голубым, цветом железа и стали. Непередаваемо. Конвей и Тейт прикоснулись друг к другу. Их руки сплелись и разжались. Рысью подбежали собаки.

Задумавшись, Конвей и Тейт брели вниз в согласном молчании. Внезапно Тейт остановилась. Голова ее настороженно поднялась. Странно, но удивление Конвея, вызванное ее поведением, притупилось от внезапного неуместного осознания ее красоты. Любопытные глаза всматривались в лес, яркие, живые. Высокие скулы подчеркивали большой рот, сейчас изогнувшийся в напряжении. Темные черты лица прекрасно оттеняли эбонитовые волосы. Красота и изящество заставляли забыть о нелепом уродливом «вайпе» в ее руках.

— Ты слышал? — Обернувшись, она все еще напряженно всматривалась куда-то. Конвей взглянул на собак. Они встревоженно озирались. Он вслушался внимательнее.

Музыка. Флейта, очень мелодичная. По лесу расплывалась неуловимая нежность.

— Откуда это? — По спине у Конвея побежали мурашки.

Тейт стала спускаться дальше по склону.

— Не знаю. Но спрятать что-либо становится сложнее.

Музыка внезапно оборвалась. Повисшая тишина ужалила, как презрительная насмешка.

Глава 53

Ланта радовалась, что может побыть одна, не слыша таинственного перешептывания Мэтта и Тейт. Оставаться совсем в одиночестве было несколько обидно, но она утешала

себя, что разговор наверняка касался религии.

Когда вечерняя прохлада стала закрадываться под одежду, настроение у Ланты упало. Из головы не выходили мысли о Видении. В нем она дважды получила предупреждение о Мэтте Конвее. Видение сказало ей, что Ланта и Конвей могут стать единым целым. Как это было бы замечательно! Но ее тревожила скрытая угроза, таившаяся в словах откровения.

Возвращение убегавших на разведку собак лишь усилило ее печаль. Собаки возвращались медленно, почти неохотно. Оба животных сразу рухнули на землю и свернулись калачиком, притворившись спящими. Выдавали их только подрагивающие кончики ушей и нервно блестящие глаза. Ланта улыбнулась, задумавшись, понимают ли ее собаки.

Уединение Ланты нарушил голос Тейт:

— Прости, что мы бросили тебя. Это неприятно, но у нас нет выбора. Пойми, пожалуйста.

— Мы уже говорили об этом. У всех племен есть свои секреты. Церковь учит, что с этим нужно соглашаться.

— А что, если ты не можешь с чем-то согласиться?

В вопросе явственно сквозило беспокойство, это было не просто любопытство. Ланта ответила осторожно, стараясь не показать, что заметила тревогу подруги:

— Согласиться можно со всем, что не приносит вреда. Нельзя согласиться с болью. Мы пытаемся показать, что ее можно избежать. — Она встала, и в темноте обе женщины пошли рядом. Над головой мучительно близко блестели звезды. Рядом со входом в убежище спина к спине лежали собаки. Изредка большие головы приподымались, чтобы затем лечь снова, окутанные белым туманом конденсирующегося дыхания. Фыркнула лошадь, выпустив еще одно небольшое облачко, легкое и изменчивое, исчезнувшее так быстро, что уже непонятно, а было ли оно на самом деле.

Ланта почувствовала, что Тейт что-то сдерживает в себе. Интуиция подсказывала, что она хочет чем-то поделиться. Наедине. И скорее всего это не имело никакого отношения к религии.

Слова Тейт это подтвердили. В голосе звучало напускное равнодушие.

— В конце концов, мы всегда стараемся вывести их на правильную дорогу, так ведь? Я говорю о мужчинах. Женщины пытаются. О, да ты знаешь.

— Так было всегда. И никогда это не удавалось. — Ланта удивилась, заметив во взгляде Тейт плохо скрываемое отчаяние. Нервно засмеявшись, она поспешила скрыть неловкость. — Я всегда восхищалась тем, как откровенно ты говоришь с мужчинами. Ваши мужчины обращаются с женщинами с большим уважением, чем кто бы то ни было, даже лучше, чем Люди Собаки.

— Независимость не всегда облегчает жизнь. И не всегда помогает.

— А я подлила масла в огонь, навязавшись идти с Мэттом, тогда как ты оставила Налатана в Оле.

— Никогда так не думай. — Тейт остановилась, повернувшись лицом к Ланте. — Я не хотела, чтобы ты шла, это правда. Но то, что произошло между Налатаном и той, никого не касается.

— Я хочу помочь Налатану и тебе. Хочу помочь стать счастливыми вам обоим — моим друзьям.

Облачко пара обозначило вздох облегчения Тейт.

— Это все глупая гордость. Я знаю, что Налатан доверяет мне, когда я с Конвеем, но я боюсь, что кто-нибудь там наговорит глупостей. Его это может мучить.

— Я бы боялась за того, кто посмеет его обидеть. С Налатаном ничего не случится.

Тейт сказала:

— Мне стыдно, что я была так груба, когда мы нашли тебя, там. Ты поступила правильно. Мне следовало сказать это еще тогда.

— Ты так думаешь? — Ланта обрадовалась перемене темы, все еще не понимая, куда

клонит Тейт. — Это говорил Мэтт?

— Тебе он бы сказал намного раньше, чем мне, дорогая, — сухо произнесла Тейт. — Понимаешь, я чувствую, что он хочет сказать, и слышу, что он говорит. А это не всегда одно и то же.

— Я не понимаю…

— У мужчин свой язык. Так уж все устроено. Им кажется, что они думают. Это как у Налатана: он не так уж беспокоится о своей чести, как о чем-то другом, личном. Ему кажется, что он не простит того, кто его оскорбит, но вполне может это сделать. Если кто-нибудь оскорбит меня, его это затронет намного сильнее. С Конвеем то же самое. Я не знаю точно, что случилось, но уверена — он думает, что обидел тебя, и понимает, что ты в нем не уверена. Он не может себе позволить сделать первый шаг тебе навстречу. И считает, что его должна сделать ты.

Ланта прислонилась к дереву.

— Если бы он любил меня, то интересовался бы мной или говорил бы о себе. Мы бы общались.

Тейт тихонько рассмеялась, звучавшая в ее голосе мягкая симпатия так не сочеталась с напряженным разговором и наползающим холодом ночи.

— Ты и Конвей — как мы с тобой сейчас — бродите впотьмах. Деревья не тронутся с места и не нападут на нас, и даже если мы натыкаемся на них, это не причиняет большого вреда. И мы идем вперед, но идем очень, очень осторожно. Может быть, и вы с Конвеем слишком осторожны, Ланта? Вы уперлись в дерево, а его надо просто обойти. Чем же я здесь могу помочь?

— Просто будь с нами, Доннаси. Будь моей подругой.

— Что ж, я не против, — усмехнулась Тейт и добавила: — Возможно, когда-нибудь ты поможешь мне, когда придется говорить с Налатаном. А это будет свистопляска.

— Я не очень понимаю, о каких плясках ты говоришь, но я сделаю все, что в моих силах.

— Я его сильно обидела.

— Помни о том, что ты мне сказала. Все будет хорошо.

— Ладно, теперь мы вместе. — Тейт протянула руку и обняла свою маленькую подругу. Они уже почти подошли к лагерю. — Нам лучше пойти лечь спать. Конвей подумает, что мы ушли поговорить о нем.

Сон пришел к Ланте удивительно быстро.

После завтрака Конвей вместе с Тейт отправился к пещере.

Тейт произнесла:

— Ты не рассказал Ланте, что вчера мы слышали звуки флейты. Почему?

— Зачем ее беспокоить?

— Потому что она должна знать.

Конвей задумался, поджав губы, а потом произнес:

— Это было возле пещеры, а не около лагеря. Достаточно близко, хотя нас защищают Карда и Микка. Если бы этот человек, кто бы он ни был, угрожал нам, то мы бы узнали. И вообще, ты могла сама рассказать ей.

Тейт с заметным раздражением взвесила этот аргумент и перевела разговор:

— Так что с оружием?

— Я прикажу собакам держать этого флейтиста на достаточном расстоянии столько, сколько будет нужно, чтобы все закончить. Потом мы взорвем пещеру. Если поторопиться, то можно добраться до долины еще засветло.

Устрашающая атмосфера пещеры не изменилась. Тейт пожаловалась:

— Мне это кажется или воздух здесь действительно испортился еще больше? Дышишь будто грязью.

— Верно, дышать трудно. Я думал, это от того, что пришлось забираться так высоко, но, кажется, это от пыли, которую мы поднимаем.

Подняв «вайп», Тейт поводила им из стороны в сторону.

— Это не пыль. Сейчас здесь холоднее и более влажно, чем в прошлый раз. Наверно, мы просто не в форме.

Неожиданно для себя самого Конвей почти выкрикнул ответ:

— Тогда я совсем уже старая развалина, потому что глаза тоже болят.

— Не ори на меня.

Конвей знал, как важно сейчас было овладеть собой, знал, что не прав, раздражаясь, как ребенок. Сейчас это опасно. Отвернувшись, Тейт сгребла в охапку несколько «вайпов». Конвея захлестнула волна смущения, но он промолчал.

Все было как-то странно. Казалось, что руки и ноги отказываются повиноваться. Здесь мало света, и поэтому все получается так неловко, решил он. Захватив как можно больше оружия, Конвей вслед за Тейт направился к выходу. Плотные тучи, низко висящие над вершинами гор, окрасили ландшафт в серые скучные тона. Но все же снаружи было намного приятнее, чем в пещере. Внезапно навалилась тоска, Конвей почувствовал, что еще немного — и он откажется от всего задуманного. Потребовалось усилие воли, чтобы преодолеть минутную слабость и снова взяться за работу.

Добравшись до узкой расщелины, где они планировали спрятать оружие, Тейт с беспечным грохотом уронила свою ношу.

— Как это все глупо. Жрец Луны никогда не вернется сюда. А если и вернется, то какое нам дело? Кому это вообще надо?

— Мне. И тебе. Откуда ты знаешь, что сделает или не сделает Жрец Луны? Пошли, у нас еще много работы.

Тейт пристально посмотрела на него, но искорки в ее взгляде быстро потухли, и она рассеянно осмотрелась вокруг.

Остаток утра прошел за такой же работой, только резкие реплики вылетали реже. Прошло много времени, прежде чем Конвей стер с верхней губы пленку жирного неприятного пота, положив последнюю партию «вайпов». Он заметил, что и Тейт сильно вспотела. Они непомерно устали. Достать из оружия затворы, чтобы спрятать их отдельно, не представляло труда, но сейчас любое усилие казалось невыносимо трудным.

Собаки осматривали окрестности, следя, чтобы никто не появился поблизости. Конвей удивился, глядя на них, он не помнил, когда они были такими возбужденными. Загнанные собаки, подумал он, просто загнанные. Он крикнул им, приказывая искать. Крича вслед удаляющимся силуэтам, он пытался подбодрить себя, но закашлялся от усилий. А это разозлило его еще сильнее.

Теперь они занялись боеприпасами и взрывчаткой. Попытки установить остатки взрывчатки и ракеты так, чтобы обрушить пещеру, превратились в комедию ошибок, но смех был неуместен. Тейт призналась, что представляет, как это сделать, лишь в самых общих чертах. Конвей вообще не имел об этом никакого понятия. Постоянно пререкаясь и неловко, как пьяные, вертя в руках взрыватели, они наконец определили время горения запала и умудрились присоединить его к взрывателю, не взлетев при этом на воздух. Когда взрыватель был вставлен в блок взрывчатки, а поверх взрывчатки установлен весь запас ракет, оба они истекали потом. Конвей поймал себя на том, что постоянно трет красные слезящиеся глаза, испытывая нестерпимое жжение. Он неосторожно уронил догорающий факел на пол пещеры, и тот, отскочив, покатился к сваленным в кучу взрывчатке и ракетам. Конвей прыгнул за ним, удивившись неловкости собственных движений. Тейт разразилась отборными ругательствами. Он подобрал моток запального шнура и, разматывая его, пошел к выходу.

Они подожгли шнур факелом. Мысль о том, что последняя связь с миром, где он родился, необратимо обрывается таким примитивным предметом, насмешливо застучала в висках Конвея. Тейт, похоже, чувствовала то же самое. В темных взволнованных глазах стояли слезы, когда по оранжевому шнуру, шипя, побежал огонек.

Показались собаки. Конвей закричал на них, приказывая спрятаться в укрытие и лечь

позади себя. Стыдясь собственной небрежности, из-за которой они могли погибнуть, Конвей боялся поднять глаза и взглянуть на Тейт.

Раздался взрыв. Земля вздыбилась, из входа в пещеру вырвался ураган пыли и грязи, быстро сменившийся тяжелым глухим ударом. Затем раздался глубокий, раскатистый грохот. Покатилась волна грязно-серого дыма и обломков. Потом, обрезав ее, как ножом, рухнул свод пещеры. Глубоко в недрах горы громыхал приглушенный шум непрекращающегося разрушения.

— Она обрушилась, — произнесла Тейт. — Все кончено, все ушло. Все. — Упав ничком на землю, она зарыдала. Скрюченные пальцы впивались в каменистую землю. Конвей подумал, что так оплакивают любимого человека, распростершись над его телом. Ему хотелось присоединиться к Тейт. Отдохнуть. Внутри все тяжело сжималось.

— Вставай, — грубо сказал он. — У нас еще есть дела. Плакать будешь потом. — Вместо гневных слов, которых он ожидал, Тейт просто с трудом встала на колени и нетвердо, но решительно поднялась.

Никогда еще Конвей не чувствовал себя так скверно. Болели суставы, а мускулы превратились в сплошную ноющую массу.

Если укрыть меньший тайник с запасными частями было тяжело, то замаскировать большую расщелину, в которой лежали «вайпы» и взрывчатка, было почти невозможно. Чтобы закрыть расщелину, потребовались большие валуны. Собранные в кучу мелкие камни непременно обратили бы на себя внимание.

Дважды Конвей и Тейт были вынуждены прекращать работу, чтобы отойти в сторону, где их буквально выворачивало наизнанку. Они терялись в догадках, что могло вызвать такую болезнь.

Завершая работу, им было нужно накрыть все массивной плитой. Из содранных пальцев и расцарапанных ладоней сочилась кровь. В конце концов плита закачалась, сохраняя непрочное равновесие, готовая опуститься на место. Конвей сказал:

— Держи ее, я перехвачу. Я опущу, когда ты будешь готова. — Сделав несколько неловких движений, Конвей наконец встал устойчиво. — Отпускай. — Тейт отступила, вытирая лоб тыльной стороной ладони. Конвею показалось, что она покачнулась. — Еще немного. — Плита придвинулась к нему. — Если подвинуть ее чуть дальше, она может расколоться. Стой там. — Тейт безучастно повиновалась.

Конвей подвинул камень. Плиту нужно было уложить точно на место, иначе дождь и талая вода просочатся и испортят оружие. Непомерная тяжесть вытягивала из них последние силы.

— Осторожно! Она скользит. — Тейт рванулась, пытаясь выровнять плиту. Тщетно.

Вес камня пересилил Конвея, и плита рухнула на протянутые руки Тейт. Она издала пронзительный крик, наполненный болью.

Плита накренилась, приподняв давящий край. Упав назад, Тейт села на землю. Она застонала и согнулась, прикрыв телом изуродованные руки. Конвей поспешил на помощь.

Со стоном она протянула руки, показывая рану. Кожу пересекали страшные разрывы, но сломанных костей Конвей не заметил. Однако при его прикосновении Тейт, зашипев, дернулась назад.

— Ланта. Отвези меня к Ланте. Она знает.

— Я помогу тебе.

Она уперлась в него локтем.

— Оставь меня в покое. — Из уголка рта потекла струйка слюны.

Конвей подхватил ее, когда Тейт, закатив глаза, так что видны были только белки, стала крениться и падать. Он отвернулся, говоря себе, что так выглядят все потерявшие сознание люди. Потребовалось все его самообладание, чтобы через завалы и трещины выбраться на неровную землю.

В глаза лезли толстые ленивые хлопья снега. Грозные зубцы дальних гор подернулись пухлой белизной. Прижав к себе ее безжизненное тело, Конвей потащился по тропе.

Глава 54

Ланта резко поднялась, вытянула руку из-под теплой шкуры и приоткрыла дверь убежища. Снег покрывал все, даже собак. Они совсем съежились, глаза слезились от яркой белизны.

В желудке у Карды недовольно заурчало. Вот что ее разбудило, подумала Ланта. Если бы она могла хоть чем-то помочь. Пищи едва хватало, чтобы поддерживать Конвея и Тейт, не говоря уж о бедных животных.

Долину Ланта не могла разглядеть из-за плотной занавеси нового снегопада, но ее воображение рисовало образы оленей, лосей и диких коров, направлявшихся на свои места зимовки. Собаки могли бы там поохотиться. Конечно, были и другие желающие: тигр, чье рычание раздавалось прошлой ночью, или степной медведь, ревевший днем раньше.

Прошло уже три дня, а состояние ее друзей почти не улучшилось. Вернувшись в убежище, она подошла к ним. К счастью, цвет их лиц стал более-менее нормальным, пульс — сильнее, дыхание — глубже и спокойнее. Нагнувшись поближе, Ланта принюхалась к их дыханию и к запаху кожи. Кожа была свежей, а выдыхаемый воздух наконец очистился от странной мокроты. Ланта задумалась. Запах напоминал ей что-то липкое, вязкое. Легчайшая улыбка скользнула по губам — обоим не помешало бы почистить зубы. Впрочем, они уже пахли по-человечески.

Немного спустя Конвей пошевелился, когда она пыталась влить ему в рот ложку супа. Ланта стала вытирать ему подбородок, и он открыл глаза. Чистые, ясные глаза. Вздрогнув, она отпрянула с криком, чуть не пролив драгоценный суп. Он смотрел прямо на нее. Первые слова дались с трудом.

— Ты в порядке? Не больна, как мы? Что с Тейт? Она в порядке? Ее руки. — Он попытался жестикулировать. После трех дней неподвижности мышцы ослабели, координация нарушилась.

Ланта погладила его по щеке, откинула со лба волосы. Конвей спокойно лежал, и она знала — его наполняет чувство к ней. Закрыв глаза, он удовлетворенно вздохнул. Ланта чувствовала его счастье. Ее поцелуй в лоб был легким, как дыхание. Ей хотелось показать, как она рада его выздоровлению, тому, что он с ней. Нежность была обещанием, и в ее сердце она отозвалась долгожданной и радостной капитуляцией.

Безжалостная память напомнила Ланте, что Видение предупреждало ее о непонятной угрозе, о каких-то переменах. Закрыв глаза, она тихо запела. Успокоение пришло быстро. Глубокая концентрация помогала ей успокаивать голод, побеждать усталость. Но на этот раз поцелуй все время вклинивался в привычную цепочку мыслей. Вместо обычного ощущения уюта и безопасности ее охватывала безумная смесь жара и холода. Жара при мыслях о Конвее. Холода, когда она вспоминала угрозы Видения. В памяти всплыли слова.

Завет Апокалипсиса гласит:

«Любовь не есть приобретение, но лишение. Самая большая любовь та, что дается щедро и даром. Самая высокая любовь та, что находит силы отпустить возлюбленного. Самая высокая любовь может горевать, но не может отрекаться.»

Завет Апокалипсиса гласит:

«Ответь своему сердцу. Это то место, где Вездесущий живет в каждом человеке. Людские законы написаны, чтобы им подчинялись, ибо законы придают уважение человечеству и человеческому разуму. Законы Вездесущего обращены к душе и являются высшими. Вместе с кровью они дают пищу сердцу.»

Ланта неохотно вернулась к действительности, голова превратилась в клубок вопросов, оставшихся без ответа. Когда она наконец вышла из транса, веки Конвея подергивались. Он застонал.

Она тревожно нащупала его пульс. Успокоившись, Ланта улыбнулась Мэтту, потом повернулась к Тейт. Женщина не приходила в сознание. Конвей снова заговорил, на этот раз

более уверенно:

— Ее руки. Сильно они ранены? Я не помню, как сюда попал. Я ведь не уронил ее, правда?

Переполненная гордостью, Ланта рассказала Мэтту, как он шел к их убежищу с Тейт на руках. Она и не пыталась ее скрыть. По правде говоря, она умолчала о том, что он упал, увидев, как она спешит на помощь. Не рассказала, что ей потребовалась вся воля, чтобы покинуть его и отнести сначала Тейт, каких-то двадцать шагов до убежища, что ей пришлось тащить и Мэтта. Она ответила, что они пробыли без сознания два дня, добавив:

— Доннаси очень изранена. Кости целы, но какое-то время от нее будет совсем мало проку.

Ланта приподняла ее забинтованную руку. Рука страшно вздулась под бинтами. Опухоль превратила кожу в отвратительное зрелище. Ногтей не было. Раны зияли красными полосками растянутого мяса.

Конвей взглянул на дверь, затем на Ланту.

— Как собаки? А лошади? Когда Тейт сможет передвигаться?

— Поправляйся. А потом мы обо всем поговорим. — Прервав поток его вопросов ложкой супа, Ланта получила секундную передышку.

Проглотив суп, Конвей сказал:

— Завтра я примусь за работу. Будешь мне помогать. Мы должны выбраться отсюда.

— Посмотрим. — Раздосадованной, но страшно довольной столь быстрым выздоровлением Ланте нужно было его отвлечь. Ее выручили собаки. Звук голоса хозяина привел их в восторг, и они громко залаяли, привлекая внимание. Чувствуя легкий стыд от того, что забыла про верных животных, она открыла дверь и жестом позволила им войти. Они чуть не задавили Конвея, тыкаясь мордами в его лицо, языки были похожи на влажные розовые полотенца. Пока еще слишком слабый, чтобы отогнать их, и в то же время обрадованный, Конвей отбивался как мог. Ланта попыталась их оттащить. И если в обычной ситуации она заслужила бы грозное рычание и близость смертельно опасных зубов, то сейчас они просто не обратили на нее внимания — казалось, собаки все понимали.

Успокоившись, они в конце концов подчинились команде Конвея и вышли. Ланта улыбнулась, глядя на их довольный вид. Повернувшись спиной к ветру, они посмотрели на нее, вильнули разок хвостами и уселись ждать. Ланта потрепала их по шерсти, шепча:

— Он стоит этого, правда? Вы же понимаете.

На следующее утро Конвей уже сидел, ожидая, когда Ланта вернется в укрытие после утренней молитвы. Взглянув на него, она нахмурилась.

— Что все это значит?

— Я же тебе говорил. Нам нужно уходить.

— Это невозможно. Ты еще очень слаб.

— Может, и так. Но все равно нам придется это сделать.

— Сделать что? Я не хочу участвовать в твоих религиозных обрядах. Если Тейт…

— Никаких обрядов. Никакой религии. Мы просто поможем Церкви.

— Мы не можем оставить Тейт одну. Здесь опасно, кругом звери.

— Если на наши поиски отправится патруль Летучей Орды, то звери не в счет.

— Это опасно. Мы должны подождать, пока ей не станет лучше.

— Мы не можем. — Пытаясь встать, он отмахнулся от предложенной руки. Став на ноги, он чудом не упал. И когда они спускались по склону горы, Конвей шел уже довольно уверенно, если не сказать грациозно.

Ящики с оружием и взрывчаткой были сложены на безопасном удалении от входа в пещеру. Покрытые снежным одеялом, они почти сливались с местностью. Конвей ворчал, что приходится столько оставлять. Тем не менее он совершенно обессилел, только отбирая новую порцию. Ланта убедила его, что лошадей можно нагрузить и завтра.

Когда они уходили, Конвей замедлил шаг и оценивающе посмотрел на Ланту. Он

подвел ее к огромному дереву, посадил на землю и прислонился к дереву спиной. Протянув ей свой «вайп», Мэтт произнес:

— В ближайшее время один из них будет Тейт ни к чему, так ведь?

Ланта не могла отвести глаз от гладкого, противного предмета, лежащего у нее на коленях. В нем было что-то отталкивающее. Она покачала головой, опасаясь предложения, которое разглядела за его словами.

Он пытался настаивать:

— Тебе нужно знать, как им пользоваться.

Она снова замотала головой, резче, не доверяя своему голосу.

— Это может означать жизнь или смерть, Ланта. Больше ничего. Это не колдовство и не привилегия какой-то религии. — Он нагнулся к ней, так близко, что его запах наполнил ее легкие, так близко, что она почувствовала лицом его тепло. Его руки на лоснящемся оружии выглядели гибкими и искусными. Он взял ее руки, провел по гладкой холодной поверхности, показывая движения. Смутно ей слышались слова: курок, предохранитель, переключатель. Словно отблески яркого, сверкающего стекла, они проникали в ее разум и оседали там.

— Не могу. — Она ненавидела себя за свой отказ. — Я — служительница Церкви, Мэтт. Пожалуйста. Я Избранная, спасенная Церковью, чтобы служить Церкви. Целительница. Прорицательница. Я не смогу убить.

Он старался быть ласковым, насколько мог.

— Церковь пыталась убить нас всех. Они отлучили тебя. Ты освобождена. Свободна.

— Я всегда свободна. Я верю. — Она сделала ударение на этом слове. Его немая настойчивость заставила ее вернуться к предмету разговора. — Я живу, чтобы спасать.

— Я хочу, чтобы ты могла спасти себя. Ты отлучена и теперь почти беззащитна. Если что-нибудь случится со мной… — Его интонация выдавала нечто большее, чем страх. Это была мольба. И желание, которое Ланта внезапно почувствовала у себя в груди.

Когда она, отказываясь, протянула ему оружие, он взял его без единого слова. Она подняла лицо, потянулась к нему. Больше чем поцелуй — она смаковала его, губы погладили его губы, затем по очереди каждый глаз. Она снова поцеловала его.

Он отступил, лицо покрылось румянцем, глаза забавно косили. Его слова были резкими, откуда-то из самой глубины.

— Нам лучше идти. Мы теряем время, ты знаешь? Не волнуйся насчет «вайпа». Я все понимаю. — Он повернулся на пятке. Сапог прочертил на снегу завиток. Он добавил: — Я люблю тебя за это. За все. За то, что ты остаешься самой собой. Мы преодолеем все это. Мы сможем.

Ланта подняла свою поклажу и пошла за ним. Снова пошел снег.

На середине склона Конвей дал знак остановиться. Прежде чем она попыталась узнать причину, он приложил палец к губам. Она передала сигнал собакам. Обе собаки, сначала путавшиеся под ногами, припали к земле в нескольких шагах сзади. Шерсть на загривках вздыбилась, они вглядывались вверх. Подобравшись к уху Конвея, Ланта шепотом спросила:

— Люди?

Нахмурившись, он покачал головой и прошептал:

— Не знаю.

Собаки были все так же насторожены и все время задирали вверх морды. Дул слабый ветерок, снег вился перед глазами, словно предлагая двигаться туда, где заведомо никого нет. Конвей пустил собак вперед, не позволяя им, однако, убегать слишком далеко. Оба животных время от времени поворачивались против ветра, проверяя влажными носами воздух. Немного нервничая, Конвей и Ланта тоже постоянно оглядывались.

Наконец они добрели до лагеря. Одна из лошадей радостно заржала.

Карда, а за ним и Микка остановились как вкопанные. Молча они подняли головы и принюхались. Очень медленно, обнюхивая снег, они вернулись к Конвею и Ланте. Они двигались, словно ожидая нападения. Однако им еще не удалось определить направление. Подбежав к Конвею, они прижались к его ногам: Карда — к левой, Микка — к правой.

Ланта бросилась к их хижине, ее легкие шаги смягчались слоем снега. Она скрылась внутри.

Когда она вышла, ее капюшон был откинут, руки вцепились в грудь.

— Ее там нет. — Нежелание поверить своим словам придавало им истерические нотки.

— Она должна быть здесь. Наверное, она просто вышла. — Пытаясь убедить себя в этом, Конвей суетился, отыскивая следы.

И он их увидел. Мэтт рассмеялся: — Погляди, вот ее… — Слова застыли. Смех угас.

Следы не одного человека, а троих уходили вдаль. Припорошенные снегом, они тем не менее различались без труда. Новые следы. Слишком большие для Тейт.

Конвей резко пихнул Ланту к скале. Не обращая внимания на ее негодующий возглас, он пригнул ее к земле. Одновременно он припал на одно колено, спиной к ее спине, и приготовил «вайп». Собаки были тут, рядом с ним. «Вайп» искал цель.

Из леса донесся раскатистый смех. Искаженный ветром, он исходил отовсюду. Или из ниоткуда.

Собаки неистово заметались, не переставая яростно рычать.

— Я знаю тебя, Мэтт Конвей. Ты помнишь Лиса Одиннадцатого?

— Я знаю тебя, Лис Одиннадцатый. Если это ты. Воин Дьяволов, которого я знал, не боялся показаться лицом к лицу. Кто это там прячется за деревьями, словно женщина?

— Хочешь, чтобы я показался Белому Грому? После того как я украл его черную подругу? Не сегодня. Лучше, если ты сам придешь — ей нужна твоя целительница.

— Она больна, Лис. На ней невидимые.

Пауза. Ланта задержала дыхание, уверенная, что слышит низкое быстрое бормотание.

Лис утратил свою уверенность.

— Это инфекция от раненых рук, а не болезнь. Ты поумнел, но не настолько, чтобы одурачить Жреца Луны или его слуг. Мы давно нашли бы тебя, если бы не снег. Он хорошо спрятал твои следы.

— Дьявол! Человек, которого я отпустил, рассказал, где нас искать.

— Я знал, что ты будешь здесь, задолго до того, как эти неуклюжие дикие коровы из Летучей Орды затоптали твои следы. Жрец Луны сказал, что ты придешь сюда. Он знает все. Он послал меня за тобой, Мэтт Конвей. Он хочет тебя видеть.

— Тебе придется меня убить.

— Сделал бы это с удовольствием, но мне запрещено. Я могу лишь искалечить тебя.

Из окружающего леса просвистела стрела, ударившись в снег совсем рядом с Конвеем. Скала под снегом отклонила древко. Сбив снег, стрела срикошетила в сторону безмятежных деревьев. Непроизвольно резко дернувшись, Конвей чуть не опрокинулся назад.

Лис сказал:

— Она могла бы попасть тебе в колено. Я бы насладился твоими криками. Но Жрец Луны предпочитает получить тебя невредимым. Я должен втолковать тебе это. Если ты сдашься, доставим тебя в его лагерь аккуратно.

Конвей презрительно ухмыльнулся:

— Где меня замучают до смерти ради забавы такого дерьма, как ты. Лучше убей нас сейчас.

— Будь моя воля, я бы так и сделал. Но Жрец Луны видит дальше и знает больше, чем все остальные. Послужи ему, и он дарует тебе жизнь и почет. Отказываясь, ты подтверждаешь свою причастность к колдовству. Посмотрим, может, я сумею тебя убедить. Знаешь, я думаю, что смогу разбудить твою подружку. Я расскажу тебе, что мы с ней делаем. Я хочу, чтобы ты был в курсе.

Ланта вцепилась в спину Конвея.

— Не позволяй им сделать это. Нападай на них. Лучше смерть.

Он обернулся, чтобы посмотреть ей в глаза. Она почти неуловимо кивнула. Как по волшебству, в ее правом кулаке появился короткий нож. Левая рука потянулась, чтобы погладить его по щеке. Она посмотрела ему в глаза мягким, влюбленным взором, будто

погладила его по лицу, затем коснулась его плеча. Нежный нажим любящей руки, настаивающей, чтобы он устремился навстречу верной смерти, выглядел просто издевательски. Она судорожно сглотнула:

— Я знаю, что должна делать. Не оборачивайся. Пожалуйста.

Глава 55

На этот раз смех Лиса не был таким громким. Он заставил Конвея резко обернуться. Лис сказал:

— Я вижу, малышка полагает, что смерть — лучше, чем служение Жрецу Луны. Послушай ее. Спусти свой гром, пошли молнию. Когда ты умрешь, я сделаю, из твоих зубов ожерелье, из твоих зубов и из зубов твоих паршивых собак. Мои женщины сделают из их шкур одеяла. Я сам, своими руками, из твоей бедренной кости сделаю флейту, а из черепа — барабан. Ритм твоего мозга станет моим. Твои кости дадут мне силу, она мне пригодится в бою. Я завладею твоей душой, и она будет служить моим сыновьям и сыновьям моих сыновей. Вечно. Ведьма-Жрица, наверное, покончит с собой, прежде чем мы до нее доберемся. А может, все будет по-другому. Может быть, вы оба останетесь в живых и увидите, как мы позабавимся с черненькой.

Ланта нажала на спину Конвея еще сильнее.

— Нам не спастись. Не позволяй им ее мучить.

Конвей ответил, оглядываясь на нее через плечо:

— Они собираются нас убить, когда мы доберемся до Жреца Луны. Я это знаю. Но Жрец Луны хочет увидеть, как мы умрем. Отсюда до тех мест довольно далеко. — Он встал, несмотря на уговоры Ланты. Обращаясь к Лису, он произнес: — Если я сдамся, ты отведешь нас к Жрецу Луны? Никакого насилия? Никакой опасности для женщин? Никакого вреда для моих собак?

— Похоже, ты пытаешься торговаться. Слабак. Мелочевка. Я же тебе сказал, что мне велел мой хозяин. Пойдете под охраной. Будешь служить.

Опустившись, Конвей прислонил свой «вайп» к скале, не обращая внимания на протесты Ланты. К «вайпу» добавились пистолет и меч. Карда и Микка быстро встали, увидев впереди три размытых силуэта. Конвей осадил их. Мужчины осторожно обошли воинственно настроенных животных и собрали оружие. Полоски белой ткани, обернутые вокруг обычных одежд, скрывали их движения на фоне снега. Взяв оружие Конвея, троица поспешила в укрытие.

Лис вышел к пленникам. Совершенно не замечая Ланту, он гордо и надменно улыбнулся Конвею, прежде чем продолжить разговор.

— Я всегда знал, что этим все кончится. Твое оружие гроша ломаного не стоит по сравнению с тем, чем обладает мой хозяин. Ты и не человек вовсе, куда тебе до меня. Тем, что ты до сих пор жив, ты обязан везению.

— Может, Жрец Луны позволит нам разобраться с этим. Поединок — ты и я.

Хитрая улыбка Лиса внезапно помрачнела и превратилась в жестокую маску.

— Будь моя воля, я бы так и сделал. Но хозяин обещал тебе жизнь, если ты ему будешь верно служить. — Он махнул рукой. Люди засуетились, мелькая сквозь чащу леса и пелену снега. Что-то темное и массивное маячило выше по склону, двигаясь вниз. Лис указал в ту сторону, рассмеявшись. — Вот что смутило твоих собак. Мы убили медведя ради его шкуры. Этот человек кружил по ветру от вас. Очень просто. Твои замечательные собачки и не могли такое заподозрить.

Конвей выругался. Собаки пытались его предупредить. Они чуяли медведя. Но они чувствовали что-то неладное с запахом. Вот глупые. Они во всем полагались на хозяина.

Когда Конвей снова повернулся к Лису, к вожаку Дьяволов уже подошли воины. Они несли две жерди, каждая длиной в половину человеческого роста, прочно скрепленные друг с другом одним концом с помощью металлических деталей и нескольких звеньев массивной

цепи. Обрывки цепи свисали с противоположных концов жердей.

— Наденешь это. Жерди прикрепим к рукам, собак сцепим с твоими запястьями.

Отступив, Конвей вскипел от злости. Вот как? Так это и есть обещание Жреца Луны долгой жизни и почета?

— Это на случай, что ты попытаешься обмануть его. Между нами, я очень на это надеюсь. Как только ты это сделаешь, ты мой. — Неожиданно взгляд Лиса соскользнул с Конвея и остановился на Ланте. — Убери свой ножик, женщина. Ты не сможешь им воспользоваться.

Ланта угрожающе выставила нож.

— Я отлучена. Закон Церкви больше не связывает меня.

— Закон Церкви — твое сердце. Ты не способна убить.

Так они стояли несколько секунд. Наконец, сдавшись вслед за Конвеем, Ланта опустила нож. Лис дал сигнал, и один из его людей отобрал у нее оружие.

Они привязали Конвея к жердям, словно фазана, выставленного на продажу. Скованный в запястьях, локтях и бицепсах, он мог шевелить плечами, но не сгибать руки. Короткая цепь приковывала собак прямо к его рукам. Руки Ланты были связаны за спиной. Для надежности на ее талию была наброшена и туго затянута веревочная петля.

Лис самолично проверил оковы. Он старался держаться позади собак. Они почти не слушались Конвея, когда воины Дьяволов подошли поближе. Животные бешено крутились и рычали.

Лис торжествовал.

— Кто другой, кроме моего хозяина, смог бы придумать такие кандалы или догадался послать меня с ними, чтобы я привел тебя и твоих вонючих собак? Его ум возвышается над всем, и он сам сказал, что только я могу тебя найти и поймать. Когда ты встанешь пред ним на колени, он увидит, как я почитаю его.

— Никто не увидит меня стоящим на коленях.

Покраснев, Лис собрался было что-то сказать, но вместо этого усмехнулся. Ланта поняла улыбку и похолодела от ужаса. Лис процедил:

— Поговорим о твоих коленях позже. А сейчас, если обойдешься без глупостей, прогулка не покажется тяжелой.

— Как я буду сидеть на лошади во всем этом? — Конвей пошевелил руками. Собаки напряглись и с надеждой зарычали.

— Пойдешь пешком. Пора трогаться.

Развернувшись, Лис дал знак своим людям, чтобы они взяли лошадей, привязанных возле убежища. Стоило чужаку приблизиться к Вихрю, тот недобро заржал и лягнул передними ногами. Человек проворно увернулся. Конь продолжал брыкаться, вскидывая голову, пританцовывая и натягивая веревку.

Лис прикрикнул на воина:

— Ты что, женщина? Не можешь усмирить коня? Развяжи его и отведи вниз к нашим лошадям. Немедленно.

Краска ударила воину в лицо. Он оглянулся на остальных — они усмехались. Неудачник поспешил подчиниться Лису.

Разъяренный конь настороженно следил за действиями человека. В ответ на новую попытку животное отпрянуло, ненароком зацепив лошадь с поклажей, привязанную рядом. Пытаясь схватить уздечку, воин понял свою ошибку. Но поздно.

Лошадь полоснула зубами по его плечу, распоров мышцы, словно ножницами. Резкий хруст ключицы утонул в крике. Тряся человека, словно терьер крысу, Вихрь работал мощными челюстями. Отпустив жертву, он встал на дыбы. Человек беспомощно корчился на снегу. Вихрь разъяренно ревел, рассекая воздух передними ногами.

Первая стрела глухо стукнулась в бок коня. Острый наконечник попал в кость. Стрела проникла совсем неглубоко, но боль была адская. Конь дико заржал.

Повернув голову, он посмотрел на своего хозяина.

Сердце Конвея превратилось в лед. Вихрь все понял. Он был готов умереть, но умереть сражаясь.

Копыта молотили по упавшему кочевнику.

Посыпался град стрел. Вихрь с ревом встал на дыбы. Привязь оборвалась. Свободный, весь истыканный стрелами, он закусил удила. Прижав уши, обнажив зубы, он бросился в атаку. Один из воинов поскользнулся. Вихрь повалил его, пошел юзом, пытаясь остановиться. Спрятавшись за деревом, один из воинов что-то метнул. Меч разрезал сухожилие на ноге лошади и отскочил весь в крови. Падая, Вихрь попытался укусить своего обидчика. Новый шквал стрел добил его. Стремительные легкие птицы, они находили покой в его вздымающемся теле. Перекатившись на бок, он глотнул воздух и взбрыкнул, не желая умирать.

Сбитый с ног воин, поднявшись, осторожно приблизился к слабеющему животному. Подняв меч, он вонзил его в горло лошади. Удар был верным. На последнем издыхании конь дернулся вперед и впился зубами в его колено. Мертвое животное уже не узнало, что лишило врага возможности ходить.

Собаки скорбно завыли. Не слушаясь успокаивающего голоса Конвея, они попусту дергались в своих оковах. Ланта отвернулась, не в силах смотреть на эту бойню.

Лис рассекал воздух командами. У лошади Тейт не было никаких шансов устроить такую же битву. Под шквалом стрел она рухнула на землю.

Окаменев, Конвей неподвижно стоял, только дергаясь от рывков перевозбужденных собак. Он уставился на Лиса. Оба молчали. Оба не обращали внимания на вопли изувеченного воина или возбужденную беготню и крики остальных. Это мгновение принадлежало только им.

Ланта поразилась, поняв, какую ненависть лелеял каждый из них. Это нельзя было описать словами. Тут было что-то непристойное.

Один из кочевников окликнул Лиса, выкрикивая его имя, пока вожак с явной неохотой не прекратил этот поединок взглядов.

Придвинувшись к Конвею, Ланта сказала:

— Прости, Мэтт. Мне бы очень хотелось найти слова, которые могли бы помочь.

Благодарно взглянув на нее, он перевел взгляд на мертвого Вихря.

— Мы вместе многое повидали. Помнишь тот день, когда ты дала ему имя? Я тогда тоже только оправился от болезни. Гэн говорит, что они никогда не дают имена своим боевым лошадям, потому что тех все равно убьют. Они считают, что если у лошади нет имени, то легче смириться с ее утратой. Это неправда. Я рад, что ты дала ему имя. Лучшее имя. Лучший конь. Хороший товарищ, верный друг. Это из-за меня он погиб.

— Ты ничего не мог поделать.

— Но и это тоже не выход. — Повернувшись к ней, он одарил ее серой, извиняющейся улыбкой. — Не слушай меня. Я сейчас не в своей тарелке. Но я приду в себя. Обязательно. С долгами надо рассчитываться.

Приказав своим людям подобрать жертвы и плененных лошадей, Лис задал изнурительный темп вниз по склону, к месту, где небольшой охранный отряд стерег лошадей. Конвей поразился его многочисленности. Несколько кочевников вышли из леса. Их белые накидки придавали им вид привидений.

При виде Тейт, привязанной к седлу, Конвей громко запротестовал. Ее израненные руки беспомощно свисали, опухшие и страшные. Конвей был уверен, что мог различить их дрожание. Ланта потребовала, чтобы ей разрешили оказать помощь подруге. Она попыталась подойти поближе, но кочевник резко оттолкнул ее. Тейт болталась в седле, все время соскальзывая вниз.

В лагере на берегу ручья, что собирал воду из всей долины, Конвей обратил внимание, что аккуратные небольшие палатки стояли ровными рядами. В конце каждого ряда было устроено кострище. Конвей быстро сосчитал кочевников. Их было тридцать. Две палатки стояли в стороне от остальных. Мэтт предположил, что они принадлежат Лису и командиру

этого отряда.

Заметив внимание Конвея, Лис сказал:

— Жрец Луны говорит, что в войске должен быть порядок, иначе им труднее управлять. — Попытка оправдаться лишала его слова веса.

Конвей ясно понимал, почему Лис это сказал. Он чувствовал себя не в своей тарелке. Это был не его метод сражения. Он был человеком, который вступал в схватку как одиночка среди таких же одиночек. Его натура отвергала размеренные ряды и одинаковые интервалы. Так или иначе, Лис умел выжить на вражеской территории. С наступлением сумерек появились первые разведчики. Их было шесть, и они быстро подбегали с различных направлений, отчитываясь Лису. Хотя он не мог разобрать слов, но по выражению лица и жестам Лиса Конвей заключил, что разведчики не обнаружили ничего подозрительного. Лис указал им место вниз по течению, где приказал собрать дрова для сожжения убитого воина.

Трое воинов грубо сбросили с лошади Тейт. Она безвольно упала на снег. Один из кочевников что-то произнес. Грубый смех разрезал гул негромкой болтовни и одиночных выкриков. Их хищное веселье контрастировало с невинным ржанием голодных лошадей, ожидавших обычного вечернего овса. Все трое кочевников посмотрели в сторону Конвея. Встретив его взгляд, они спешно отвели глаза. Выражение их лиц было для Конвея загадкой. Оно не было злорадным, насмешливым или жестоким. Он ожидал чего-нибудь в этом роде. Нет, оно было другим. Скрытным. Эти люди хранили тайну и боялись, что Конвей может ее выведать.

Стук топоров перевел мысли Конвея в другое русло, он стал мрачно наблюдать, как вокруг платформы с телом убитого росла пирамида бревен.

Жуткий вой встретил первый язычок пламени. Каждый воин подходил к разгорающемуся пламени с горстью травы или листьев. Хотя пламя было не настолько сильным, подходя к костру, они тщательно закрывали лица. Бросив свое приношение в огонь, возвращались, так же притворно прикрываясь от палящего жара.

Все больше голосов вторили зачинщику. Вой плыл вверх и вниз по долине, спадал с прилегающих вершин и склонов. Далекий и приглушенный звук казался частью церемонии.

Вскоре дрова подошли к концу. Искры разлетались в темноте, исполняя свой танец и угасая. В долину спускалось тревожное ожидание.

Глава 56

Конвей попытался чуть растянуть кожаную веревку, которой был привязан к молодому деревцу в нескольких шагах от огня. Он ощутил тепло. Казалось, что с каждым ударом сердца долина наполнялась холодным воздухом. Молодое деревце было диаметром не больше ладони. Мэтт сидел на земле, привязанный так, что, казалось, обхватывает дерево. Его вытянутые ноги были связаны, та же веревка перевязывала запястья рук. Вторая веревка, обмотанная вокруг дерева, была пропущена за его спиной, чтобы удерживать его вертикально. Собакам, прикрепленным цепями к концам жердей, едва хватало их длины, чтобы расположиться параллельно ногам хозяина.

Рядом с Конвеем, точно так же привязанная к другому дереву, нервно зашевелилась Ланта.

— Они что-то замышляют, Мэтт. — Журчание ручья в нескольких шагах позади них почти заглушало ее слова. Воины сосредоточились по другую сторону костра и поэтому ничего не слышали.

Конвей гнал от себя дурные предчувствия.

— Тебе привиделось. Вряд ли кто-нибудь на нас вообще смотрит.

Она резким движением головы показала туда, где совсем рядом со всадниками валялась Тейт.

— Никто из них никогда не видел чернокожую женщину. Ты знаешь, как обращаются кочевники Летучей Орды с пленными женщинами. Они уже делали попытки?

— Да вроде нет, но…

— Они посмотрели на Тейт, посмотрели на меня. Притворились, что не видят нас. Они что-то скрывают. И ты тоже. — Она отвела глаза, заметив в его взгляде обиду. — Прости, Мэтт. Я знаю это. Я умею читать по лицам.

— Если ты так много видишь, скажи, что написано на лицах этих людей?

— Страх. И нетерпение. Что-то, что они отчаянно пытаются скрыть.

— Мы не можем их беспокоить. С нами все в порядке.

Словно услышав последние слова, Лис положил свою деревянную тарелку и медленно встал. Его оценивающий взгляд остановился на Конвее. Притихнув, кочевники наблюдали за происходящим. Когда Лис подошел к Конвею, ничто в лагере не нарушало тишину, кроме потрескивающих поленьев. Карда и Микка напряглись, их порыв броситься вперед еще сильнее прижимал Конвея к грубой коре дерева.

Остановившись, Лис широко расставил ноги, положил руки на пояс. Огонь, горевший за его спиной, не позволял различить выражение лица. Темные глазницы и углубления на щеках напоминали маски смерти, в которые превращали перед боем свои физиономии его люди.

— Жрец Луны сказал, что вы с Черной Молнией ищете в этих местах пещеру, священное для него место. Он сказал также, что вы оскверните его, выкрадете оружие-молнию, которое он там спрятал. Утром ты поведешь нас туда.

Конвей облегченно вздохнул. Лис не знал, что пещера уже пуста и что ее уже не существует, не знал, что его разведчик, который одевался в шкуру медведя, чуть не застал их с частью оружия. Первым порывом Конвея было вообще все отрицать. Но в ту же секунду он изменил решение. Вход в пещеру был разрушен, оружие и боеприпасы — хорошо спрятаны, а следы заметены снегом. Лис никогда бы не поверил, что Конвей не знает это место. Лучше признаться, что они там были, но утверждать, что вход уже был завален. Поэтому Конвей напустил на себя подавленный вид, потчуя Лиса сказкой о неприятном сюрпризе.

Лис внимательно слушал. Когда Конвей закончил, он невозмутимо изрек:

— Ты лжешь.

Конвей изобразил злость.

— Я покажу тебе место. Ты сам все увидишь.

— Ты боишься туда войти, потому что это место для Жреца Луны священно. Поведешь меня туда и добудешь для меня это оружие.

— Пещеры больше не существует. Я же говорю, что показал бы тебе.

— А я говорю, что ты лжешь. — Лис воинственно наклонился вперед. Собаки приготовились отразить нападение. Цепь, соединяющая жерди, впилась Конвею в затылок. Перед глазами замелькали какие-то тени. Плечевые суставы хрустнули под напряжением.

Лис отступил. Он был на расстоянии двух шагов, когда сдавленные стоны Конвея наконец утихомирили собак.

Невольное отступление лишило Лиса учтивости. На лице проступили ненависть и ярость.

— Жрецу Луны нужно это оружие. Ты ему его и достанешь.

— Я не могу. Оно похоронено под грудой камней.

Тут Конвей взглянул на кочевников. Они показались ему нетерпеливыми куда больше обычного. Убийственно молчаливые. Выжидающие. Конвея обуял холодный страх.

Вдалеке заухала сова. Пять нот, все одной тональности, придавали ее крику требовательный, уверенный оттенок. Какой-то уголок сознания Конвея соединил с этими звуками огромную рогатую птицу, которую называли ночным тигром.

Лис продолжал:

— Жрец Луны сказал, что ты станешь лгать. Он разрешил мне выбить из тебя правду силой.

По рядам воинов пробежало легкое оживление. Конвею показалось, что они подошли ближе. Он ответил:

— Пещера разрушена. Уничтожена. Можешь убедиться сам.

— Жрец Луны никогда не ошибается.

— Однажды я от него сбежал. Тогда он ошибся. Теперь он меня поймал. Думаешь, я стал бы ему или тебе врать? Сейчас?

Вне себя от ярости, Лис заорал:

— Ты сбежал, потому что вы все сложили вместе вашу колдовскую силу. Он слушал тебя. Верил тебе. Предатель. — Лис повернулся к воинам. — Ну как, время пришло?

Они взорвались. Некоторые прыгали и танцевали, радостно гикая.

У Ланты невольно вырвался слабый вскрик, в котором сквозили испуг и отчаяние.

Лис успокоил своих людей, все еще наслаждаясь их реакцией. Он обратился к Конвею:

— Когда ты увидишь, что мои люди сделают с твоими женщинами, ты сам будешь умолять достать для меня оружие-молнию.

Конвей моргнул, не веря своим ушам. Поняв наконец всю степень вероломства, он вышел из себя. Собаки, почуяв его немую ярость, принялись, как им подсказывали инстинкты и выучка, пытаться достать противника. Лис немного отступил и стал расхаживать взад и вперед перед ними, ухмыляясь. Он вытянул из огня горящую головешку, тыча ею в морды напрягшихся и рвущихся вперед животных. Микка цапнула ее, обожгла себе рот и язык, заскулив от боли и отчаяния.

Ее визг вернул Конвея к действительности. Медленно, чуть ли не через силу, он выползал из ямы безумия. От рывков собак, привязанных к его рукам, шея и плечи тряслись. Лицо кровоточило от ударов о кору дерева.

Снова обращаясь к воинам, Лис поднял кулак. Шум прекратился, все ждали его слов. Лис торжествовал:

— Видели? Он этого не ожидал. Видели его лицо? Посмотрите на него. Представьте, что он чувствует. Он отдал нам женщин, обеих. Вы все сделали так, как надо. Я предупреждал, чтобы вы не испортили сюрприз. Знаете почему? Я говорил вам, что это будет миг наслаждения. Мы застали его врасплох. Представьте те муки, что он испытывает при виде нашего наслаждения. Ведьмы теперь наши. Жрец Луны обещал победить их силу, и он сделал это. — Раздались возгласы одобрения. Воины подошли ближе.

Жестом Лис остановил их, и они стали по обе стороны огня. Конвей видел жадные, жестокие лица, языки пламени и снова лица. Позади них застыли в бесстрастном покое освещенные деревья. И чернота. Лис продолжил:

— Все будет сделано как следует. Сегодня мы позабавимся с черненькой и заставим ее заговорить. Увидите, как искусно я буду поддерживать в ней жизнь до тех пор, пока мы не получим оружие-молнию. — Он обернулся к Конвею: — Когда взойдет солнце, поведешь нас в пещеру. Если сделаешь свою работу на совесть, я убью ее быстро и аккуратно. Потом покажешь нам дорогу к оружию-молнии. Ведьма-Жрица будет тебя вдохновлять. Как и черненькая, она умрет легко или же очень-очень медленно. Выбор за тобой.

Конвей повернул голову так, чтобы видеть Ланту. Ее лицо было все в слезах, но она уже не рыдала. Лицо выражало решимость, которая не могла скрыть страх, но Жрица отказывалась ему подчиниться. Лис отошел назад, довольно наблюдая за страданиями пленников.

Во взгляде Ланты в сторону Лиса сквозило чувство, какое она, должно быть, испытывала, посмотрев на что-то зловонное. Когда она повернулась к Конвею, ее взгляд стал умоляющим. Силясь дать ему понять, что скрывается за ее словами, она заговорила:

— Наши дни сочтены. Все кончено. Посмотри на него. У него нет жалости. Он злорадствует, вкушая каждый кусочек нашего несчастья. Он — ненасытное чудовище, которое сопит и чавкает до тех пор, пока не набьет свою мерзкую пасть. Что бы ты ни сделал, ты ничего не изменишь. Если только ты не выживешь. Так что живи, любовь моя. Помни меня. Знай, что твоя любовь — единственное, с чем я не хочу расставаться.

Конвей покачал головой. Прежде чем он смог что-нибудь вымолвить, Ланта с мольбой в голосе произнесла:

— Моя жизнь, моя смерть бессмысленны, если ты умрешь. Не позволь нам умереть понапрасну. Подумай обо мне, обо всех твоих друзьях. Живи, чтобы они любили тебя так, как я люблю и буду любить даже в Далекой Земле.

Лис что-то заподозрил. Сделав несколько шагов, он левой рукой ударил Ланту. От небрежного удара ее голова дернулась и стукнулась о ствол дерева. Отпрянув, Ланта опустилась на землю, щека ее мгновенно вспухла и покраснела.

Обратившись к Конвею, Лис процедил:

— В том, что она сказала, был какой-то знак. Не пытайтесь перехитрить меня. Ты достанешь мне оружие-молнию. За каждую секунду задержки, за каждую твою выходку отвечать будут женщины.

— Ты — просто кусок дерьма. Ты и этот змеиный помет, которому ты поклоняешься. Твоя очередь еще придет. Даю слово.

— Хорошо, хорошо. — Зубы Лиса блеснули. — Хозяин велел мне привести тебя в нормальном виде. Но он ничего мне не скажет, если ты вынудишь меня применить силу. Ну, сражайся. Оправдай меня.

— Мэтт! — это был голос Ланты.

Конвей умолк. Его подбородок упал на плечо. Положив голову на его ногу, Карда прижал уши и зарычал. Темные понимающие глаза собаки не оторвались от Лиса, даже когда один из Дьяволов поднял обломок скалы размером с кулак и запустил его в животное. Карда тявкнул, затем зарычал.

Конвею показалось, что это его сердце рычит на врагов, собака будто передавала его чувства. Разумеется, это была ярость, страстное желание рвать, крушить и убивать. Но еще и отчаяние. И поражение. Конвей всегда старался не приписывать собакам человеческие качества, как бы сильно он их ни любил. Но он знал, что они могут радоваться, страдать, заботиться. Они всегда живут по совести. Ему не верилось, что псы могут предчувствовать смерть. Он верил, что они ее понимают. В подавленном, несчастном рычании Конвею послышалась скорбь животного по такому позорному концу.

То, что Конвей ощущал сам.

Видеть, как женщины медленно умирают в лапах Лиса, было невыносимо. Но отдать Лису то, что он требовал, в надежде сократить их агонию, было бы вовсе непростительно. Безжалостная жестокость выбора была безупречной. Ни одна из женщин не могла избежать насилия. От решения Конвея зависело то, сколько продлятся их мучения. Единственным выходом была смерть.

Сова — ночной тигр — прокричала снова. Микка подняла голову. Конвей вздрогнул при виде ее опаленной морды, липкого пятна на шее и груди, измазанных непрерывно текущей из пасти слюной. Через крик совы тьму пронзил визг какого-то мелкого животного.

Двое воинов принесли, а точнее, приволокли Тейт. Когда они отпустили ее возле Лиса, Конвей поразился, увидев, что Доннаси стоит на ногах.

Кочевники приближались к ней. Их глаза блестели. Конвея пробрала дрожь. Раздался голос Лиса:

— Ты слышал сову. Судя по голосу, еще молодая, неопытная, но уже может охотиться. И ты слышал умирающую жертву. Запомни этот звук. Когда ты услышишь, как кричит Тейт, он покажется тебе радостным смехом.

Тейт что-то пробормотала. Конвей напряг слух, пытаясь различить ее слова. Лис стоял ближе и расслышал ее хорошо. От ее слов он оцепенел. Голова дернулась, словно его ударили по лицу. Вцепившись обеими руками в одну из разбитых рук Тейт, он стиснул ее что было силы.

Псы корчились и извивались в своих оковах. К изумлению Конвея, они поползли на выручку Тейт, при этом все туже затягивая веревки на его руках. Конвей заорал им, чтобы они остановились и улеглись.

Когда Конвей снова взглянул на Тейт, она стояла на коленях, почти уткнувшись лицом в землю. Лис зашел ей за спину и теперь сжимал и выкручивал ее многострадальные руки.

Тейт молчала. Вдруг голова ее дернулась назад. Ее лицо было сплошной залитой потом гримасой боли, глаза сжались в щелки. Губы налились кровью от попыток загнать обратно рвущийся наружу крик. Конвей закрыл глаза, не замечая, что кричит сам, пока его ободранная глотка не зашлась кашлем.

Он был не в силах оторваться. Лис по-прежнему держал руки Тейт, теперь одной рукой. Второй он вытащил сверкающий ма из ножен. Вставив острие под рукав в районе запястья, он начал разрезать кожу. Медленно, с наслаждением. Он посмотрел на Конвея, лениво усмехаясь. Люди наблюдали, прикованные к зрелищу. От их дыхания и вспотевших тел поднимался пар.

Конвей понял, что это ад и что вовсе не обязательно умирать, чтобы в этом убедиться. Он открыл рот, изрытая проклятия.

Вдруг один из кочевников в дальнем конце толпы подпрыгнул и стал хлопать себя по спине. В его выкриках слышались боль и досада. Его товарищи в недоумении обернулись. Тот пожаловался:

— Что-то меня ужалило.

Желая поскорее вернуться к увлекательному зрелищу, один из людей произнес:

— Слишком холодно. Здесь ничего… — Его недовольная реплика закончилось визгливым стоном. Обернувшись на звук, остальные воины невольно замерли — стержень, наподобие небольшой тоненькой стрелы, длиной примерно с локоть, торчал у него с обеих сторон шеи.

Первый из пораженных завыл, извиваясь в попытках ухватить предмет, попавший ему в спину.

Все оцепенели. Это не поддавалось разумению. Не было слышно ни мелодичного пения лука, ни шороха от оперения стрелы. У этих дротиков вообще не было оперения, если не считать кусочка белого пуха на тупом конце.

Еще один воин ухватил предмет, торчащий из шеи. Нечеловеческим усилием ему удалось его вытащить. Из обоих отверстий и изо рта хлынула кровь. Он закачался и рухнул. Первый завопил о помощи, но его крики закончились выворачивающим кашлем. Он опустился на колени.

Оцепенение прошло — все завопили, дико озираясь по сторонам.

Из леса раздался свист. Пронзительный, бьющий по нервам, он доносился отовсюду и одновременно ниоткуда. Жуткие переливы напугали людей не меньше беззвучных дротиков-убийц. Испуганных кочевников накрыло шквалом дротиков, образовавшим колышущееся пятно вокруг ревущей толпы кочевников. Лис взвыл, схватившись за голову, и упал на землю. Он шарил в поисках торчащего из него стального предмета, словно собака, пытающаяся избавиться от иглы дикобраза.

Прежде чем Конвей смог хоть кого-нибудь различить, он почувствовал прикосновение чьих-то рук, освобождающих его от пут. Руки, легкие как пушинки, схватили цепь, сковывающую собак. Почти сказочно легкая, она свободно упала на снег.

Не задавая вопросов, Конвей устремился в схватку. Большинство кочевников было ранено. Многие валялись на земле. Из темноты на уцелевших все сыпался град дротиков. В ход пошли и стрелы. Тяжелые, выпущенные из коротких, сильно согнутых луков, они со свистом рассекали воздух и с клекотом втыкались в свои мишени. Показались люди в темных плотных кожаных одеждах. Они двигались с грациозностью ласок. Теперь они молчали — в боевом свисте уже не было необходимости.

Конвей поднял оброненный ма. Спасители, вооруженные длинными копьями, мелькали со всех сторон. Мэтт взмахнул мечом. Казалось, человек сделал копьем едва заметное движение, и ма рассек воздух с безвредным свистом. Неуловимо быстрый ответный выпад вспорол живот одного из кочевников. Копьеметатель обошел его танцующей походкой.

Громко радуясь освобождению, Конвей ударил кочевника в лицо. Оно исчезло. Снова и снова он бил, уклонялся, колол, рубил. Рядом ревели и терзали врагов собаки. Трещали кости. Люди кричали. Схватка превратилась в свалку.

Она закончилась, как и любой бой, затишьем, наполненным тяжелым дыханием и стонами раненых.

Боковым зрением Конвей увидел Ланту, снующую от одного упавшего воина к другому. В руках у нее была бутыль с водой. Некоторые пили, и она задерживалась, обрабатывая раны. Другим пить уже не хотелось. Ланта осматривала их и двигалась дальше. Конвей заметил, что, отойдя от одного из последних раненых, она словно сделалась меньше. Стала какой-то более хрупкой.

Словно проснувшись, он окинул взором лагерь, отыскивая странных победителей, уже обсуждающих битву, помогающих раненым, рассказывающих о своих подвигах. На мгновение его посетила безумная мысль, что они с Лантой остались вдвоем среди убитых и раненых кочевников.

Люди, пришедшие из ночи, вернули его к действительности.

Конвей различил только четверых у костра. По всей видимости, это был пост между спрятавшейся основной группой и лагерем. К Конвею приблизился один из этих людей. Как и четверка, он был таким же невысоким крепышом, одетым в плотную кожаную рубаху без украшений и такие же штаны. На голове кожаный убор с козырьком, защищающим шею сзади. До Конвея вдруг дошло, какими-маленькими были эти незнакомцы. Он пытался вспомнить, кого они ему напоминают, но эти мысли исчезли, уступая место настоящему.

Человек все время держался по другую сторону костра. В его руке было что-то длинное и круглое. Похожее на трость, но без изогнутой ручки. Он поднес предмет ко рту.

Конвей вспомнил о дротиках, о их странном белом оперении. Духовые трубки. Он взял себя в руки.

Нежная знакомая мелодия полилась из длинной флейты, плывя над изуродованными телами, разбросанными по всему лагерю. Эти мягкие успокаивающие звуки означали конец битвы. Человек тихо запел. Раненый кочевник неподалеку от Конвея издал усталый вздох. Взглянув на него, Мэтт понял, что тот уже мертв.

Ланта подошла к Конвею. Он положил ей руку на талию, прижал к себе. Вместе они подошли к Тейт, которая сидела, обхватив локтями колени. Она встретила своих друзей гримасой, которую Конвей с Лантой растолковали как улыбку, а затем тяжело упала к их ногам. Карда и Микка подбежали к Конвею с высунутыми языками, все еще тяжело дыша. Так они впятером — мужчина, женщины и собаки — ждали.

Глава 57

Человек опустил флейту. Когда он заговорил, его говор был ясным, но с каким-то странным акцентом.

— Мы долго за тобой шли, Мэтт Конвей. Мы видели, как Лис подкрался к тебе. Теперь мы вернули долг.

Первой отозвалась Ланта.

— Малые. Так вы из племени Малых. Вы нездешние в Горах Дьявола, пришли с севера от Матери Рек. Сколько вас?

Улыбаясь, мужчина ответил:

— Ланта. Подруга Сайлы, Цветка. Все Малые знают, что ты спасала наших детей. Все знают, что Мэтт Конвей тоже помогал Цветку и был очень добр к одной из наших сестер, которая была рабыней в лагере кочевников Летучей Орды. Мы решили, что должны помочь чужакам, попавшим в беду. Мы не могли допустить, чтобы вы остались у Лиса.

Осведомленность этого Малого заставила Конвея слегка побледнеть. Он произнес:

— Мы никогда не думали, что вы нам что-то должны. Если и так, то вы вернули свой долг, и вернули с лихвой. Спасибо вам. Я теперь вспоминаю. Бизал. И юный Тарабел. А что с мальчиком? Как тебя зовут?

— Меня зовут Тиниллит. — Воин прикоснулся двумя пальцами ко лбу. — Тарабела вылечили. Бизал послал нас на север. Малые ищут места, где они могли бы мирно жить. Мы

знаем, что Гэн Мондэрк согнал Дьяволов с этих мест. Мы хотели бы поселиться там, где раньше жили они. Мы думаем, что были бы хорошими соседями.

Тейт дернула Ланту за платье. Та наклонилась к своей подруге и, выслушав ее, с забавным раздражением покачала головой. Обращаясь к Тиниллиту, она передала слова Тейт:

— Она говорит, что вы можете стать ее соседями, когда вам вздумается. — После того как Тейт дернула Ланту снова, та добавила: — Тейт обещает вам испечь пирог.

Тиниллит рассмеялся.

— Она молодец. Как и вы все. Немногие способны дать отпор Жрецу Луны.

Конвей спросил его:

— А вы?

В смехе послышалась горечь.

— Нас опекает Церковь. Но даже это не помогло нам в сражениях с Коссиарами или Людьми Реки. А хуже всех Летучая Орда. Многие хотели бы превратить нас в рабов.

Тейт пошевелилась. Успокаивая, Конвей положил ей руку на плечо. Он заметил:

— Если вы сумели застать врасплох Лиса с его бдительностью, то вы очень хорошие воины. Я думаю, вы не стали бы легкой добычей для захватчиков.

— Лес — наш дом. Он бережет нас. Но нам нужны земли, чтобы растить урожай, разводить домашний скот. На нас все время охотятся, Мэтт Конвей. Где бы мы ни остановились, чтобы сделать передышку, обжиться, мы точно знаем, что скоро кто-нибудь за нами придет.

— Ладно, хватит болтать. — Ланта решительно отошла от Конвея. — Тиниллит, у вас есть раненые?

— Ничего серьезного. Мы обойдемся своими силами. — И снова Конвей почувствовал в отказе какую-то отчужденность. В голосе Малого не было ничего отталкивающего, ни его поза, ни выражение лица не изменились. Но Конвей знал, что ему было сказано держаться подальше. Впечатление было настолько сильным, что он чуть не вышел из себя. Его словно ударили по голове.

Ланта протиснулась вперед.

— Я целительница Церкви. Я могу помочь.

— У нас есть целители. Из поколения в поколение мы делали наблюдения, как и вы. Теперь у нас даже есть собственные лекарства.

— Будь по-вашему. Я позабочусь о раненых кочевниках.

Мэтт, отнеси Доннаси туда, где она сможет отдохнуть. Потом поможешь мне, хорошо? — В голосе Ланты послышались раздраженные нотки, что было на нее совсем не похоже. Конвей с отсутствующим видом кивнул, удивленный ее необычным поведением. Она отвернулась, приступая к работе.

Тиниллит произнес:

— У нас есть еда. Мои люди сейчас готовят. Мы вам принесем.

При упоминании о еде Конвей почувствовал, что ужасно голоден. Он поспешил к Тейт. Когда Мэтт укрывал ее мехом, она сделала ему знак наклониться поближе.

— Осторожнее.

Он внимательно на нее посмотрел. Глаза бегали. Дыхание было прерывистым. Конвей спросил:

— Осторожнее с Малыми? Они же спасли нас, Доннаси. И тебя спасли.

Ее кивок был мучительно медленным.

— Я знаю. Странно. Что-то в нем. Тин… не важно. Осторожнее. Пожалуйста.

— Обещаю. Я могу что-нибудь сделать для тебя? Может, ополоснуть твои руки теплой водой?

— Спать. Только спать, дружище. А ты — осторожнее. — Она опустилась на землю, измученные глаза закрылись. Конвей восхитился ее классической красотой, безмятежностью ее сна. Подумав, как отчехвостила бы его Доннаси, попытайся он ей об этом сказать, Мэтт

улыбнулся и приказал собакам охранять ее.

Затем он вспомнил про оружие.

Как он и думал, Лис положил его в своей палатке. Неся оружие над головой в знак триумфа, он поспешил показаться Ланте. Та только фыркнула. Он аккуратно прислонил оба «вайпа» к дереву, положил рядом пистолеты в кобуре, повесил меч на ремень. Ланта попросила его подтащить некоторых раненых поближе к огню.

Первый человек, к которому приблизился Конвей, был весь залит кровью. Он пытался удобнее взять воина за плечи, где крови было меньше, и не успел заметить ни единого движения, пока не почувствовал, что к его горлу приставлено острие ма, а на него в упор уставилась пара темных глаз.

Его желудок съежился, выдох застрял в горле.

Лежащий произнес:

— Приведите Лиса Одиннадцатого. Сюда. — Приказ был немного натужный, но понятный.

— Он мертв. — Когда Конвей сглотнул, острие ма прокололо ему кожу.

— Я видел, как они уносили его. Доставьте его сюда. — Ма заходил взад-вперед. Конвей почувствовал, как что-то струится по шее. Уголком глаза он заметил, что собаки встали. Подозревая неладное, они крутили шеями, пытаясь вынюхать опасность. Конвей знал, что, если животные двинутся, он умрет. Жестом он их остановил. Окликнув Тиниллита, он спросил:

— Лис Одиннадцатый у вас? Это важно.

Наступила тишина. Конвей почувствовал движение по ту сторону костра. Согнувшийся, не имея ни малейшей возможности вырваться из цепких пальцев, схвативших его за куртку, он неестественно извернулся, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть. Ма по-прежнему был приставлен к его горлу. В поле зрения показался Лис с Тиниллитом и еще одним Малым. Оружие Лиса волочилось по земле. Правую половину лица вместе с правым глазом Лиса закрывала повязка. Левая рука тоже была замотана.

Когда Лис подошел к ним, лежащий воин промолвил:

— Белый Гром даже не узнал меня, Лис. — Он рассмеялся довольным прерывистым смехом.

Конвей медленно повернул голову, и ма снова надрезал ему горло. Он непонимающе заморгал.

Человек продолжил:

— Тебе следовало прикончить меня, когда меня поймали твои собаки. Но ты слишком мягок. Поэтому мы и истребили весь твой род. — Его взгляд перешел на Тиниллита. — Освободите Лиса.

— Нет. Если ты убьешь Конвея, мы убьем Лиса. А потом мы убьем тебя. Ты ничего не добьешься.

— Я сохраню свою честь. А вы потеряете одного из тех, кто знает, где находится оружие-молния. Так что вы не пойдете на это.

Тиниллит суетливо задвигался.

— Лис слишком слаб для поездки. Он потерял один глаз. Может потерять руку. Мы о нем позаботимся.

— Хочешь сказать, сделаете его рабом. Отпустите его. Дайте ему коня. Когда я увижу, что он достаточно далеко, то отдам вам свое оружие.

Конвей увидел Ланту. Она стала на колени возле лежащего и протянула руку к его лбу.

— Я обещаю тебе, что никто не станет рабом. Пожалуйста, во имя Церкви, отпусти Мэтта Конвея.

— Не прикасайся ко мне! — Воин отдернул голову от ее руки и ткнул ма Конвею в шею. Конвей хрюкнул, не в силах уклониться. Раненый проговорил, задыхаясь, слова давались ему с трудом:

— Дотронься до меня еще хоть раз, и я прикончу его на месте. Лис, передай Жрецу

Луны, что я заслужил свое место в раю рядом с ним. Скажи ему.

Лис освободил плечи от хватки своих конвоиров.

— Я сделаю это. Мне нужен мой меч. Хороший лук и стрелы. И еда.

Тиниллит дал сигнал, чтобы все принесли. Воины Малых положили вещи между Лисом и лошадьми. Тиниллит предложил ему самому выбрать коня.

Лис сгреб поклажу здоровой рукой. Обращаясь к Тиниллиту, он процедил:

— Я припомню, как вы отказывались притрагиваться ко мне. Заставили меня самого перевязывать раны. В следующий раз мы посмотрим, кто к кому притронется. — Несмотря на раны, Лис быстро скрылся из виду. Стук копыт заглох.

После того как растворился последний звук, Тиниллит еще какое-то время прислушивался. Очень осторожно, Малый обратился к лежащему:

— Отдай мне меч. Тебе ничего не будет.

— Что может быть хуже того, что со мной уже случилось? После того как он украл мою гордость?

Конвей вмешался в разговор:

— Не будь дураком. Нет ничего позорного в поражении.

Глаза лежащего широко раскрылись. На губах появилась слюна.

— Да что ты знаешь о позоре? Слабак. Боишься убить. Ты не знаешь, что такое смелость. Тебе не интересно, почему я не попытался улизнуть вместе с Лисом?

— Меня больше интересует, почему он не взял тебя с собой. И даже не поблагодарил.

Раненый прорычал:

— Он слишком умен, чтобы себя обременять. — Прервавшись, он хитро добавил: — Моя тайна. Вы не знаете. Никто из вас.

— Ты не можешь пошевелить ногами, — предположил Тиниллит.

— Нет. — Это был разочарованный стон. Маска, еще недавно полная коварства и решимости, осыпалась. — Это ничего не изменит. Это ваша вина. Такая ерунда. Даже не стрела. Палка. Без звука. — Он оглядел все вокруг, подтягивая Конвея поближе и снова вонзая в него ма. Ощущение было не из приятных. Конвей кашлянул.

Где-то у него за спиной Ланта умоляла:

— Пожалуйста. Ты же делаешь ему больно. Пожалуйста. Не надо.

Конвей попытался повернуться, чтобы взглянуть на нее. Лежащий прорычал:

— Не отворачивайся. Я хочу, чтобы ты видел, как я над тобой смеюсь, как я купаюсь в твоей крови. Я хочу видеть твое лицо, когда я…

Конвей, оглушенный ревом в ушах, пропустил его последние слова. Все казалось увеличенным и невероятно замедленным. Уголки глаз кочевника напряглись. Пульс на запястье руки, держащей ма, бился, как извивающаяся змея. Мышцы предплечья набухли. Капля слюны медленно стекала с бледных губ, растянутых в злобном оскале.

Двигаясь вверх, ледяной метал клинка прокладывал себе дорогу в горле Конвея. Боль казалась гигантскими клыками, раздирающими и рвущими плоть.

Вместо того чтобы проникнуть внутрь, ма двигался из стороны в сторону.

Рана уже не просто болела. Она грохотала. Это был гром, пульсирующий и раскатистый.

Вдруг воин с воплем отлетел назад. Упав на спину, Конвей вцепился руками в горло. Кувыркаясь и издавая странные звуки, он пытался встать на ноги.

Покачивая «вайпом», Ланта смотрела на мертвого кочевника сквозь струйку дыма, выходящую из дула. Окаменев, она уставилась на аккуратное незаметное отверстие в его груди. На мертвенном бледно-голубом фоне оно казалось крохотным кроваво-красным рубином. Придвинувшись поближе, Конвей выдохнул немую благодарность небесам, что Ланта не видит выходное отверстие. Она не знала, что маленький патрон, все еще покрытый своей оправой, проник в грудную клетку, продолжая кувыркаться и сметая на пути каждый кусочек кости или плоти до тех пор, пока не вышел наружу из спины.

Посмотрев Ланте в глаза, Конвей подумал, сможет ли она когда-нибудь повторить это

еще раз. Он осторожно снял ее палец со спускового крючка. Положив «вайп» на землю, он обнял ее. Он говорил, утешая и успокаивая. Ее глаза были безжизненными, как полированный камень.

К ним присоединилась Тейт, погладила Ланту по лицу, стараясь стереть хотя бы часть оцепенения. Из этого, однако, ничего не вышло, и, обессилев, Тейт убрала руку. Собаки уселись рядом с Конвеем.

На ночном небе вершили свой путь созвездия, а он все сидел и обнимал ее. Огонь понемногу угасал, порою взрываясь облаком искр, когда ночные стражи Малых подбрасывали ветки.

Говоря сквозь невидящие глаза и застывшее лицо Ланты, Конвей посылал свою душу к ее душе, пытаясь пробиться через этот окаменелый взгляд. Ее жизнь словно закончилась в тот момент, когда она спасла любимого человека. Конвей не мог с этим смириться.

Мэтт говорил Ланте о заботе, о желании, о том, как она нужна ему. Говорил о объединяющей теплоте, о силе, которой обладают двое, ставшие одним целым. Он обещал ей, что время бед и неприятностей для них прошло.

— У нас теперь новая жизнь, она нас ждет. Ты должна выкарабкаться, должна. Я не могу быть — и не хочу быть — ничем, если тебя нет рядом. Я люблю тебя.

Ланта не шелохнулась, только прикрыла глаза. Вскоре Конвей последовал ее примеру, и они оба заснули.

Глава 58

Конвея разбудило прикосновение чьих-то пальцев к виску. Образы прошлого, которые он мог только воскрешать, причудливо накладывались на события минувшей ночи. Он не мог понять, грезит он или вспоминает.

Его шея болела. Горела. Мэтту виделись огни, целые города, охваченные пламенем. Меч, разыскивающий его сонную артерию. А может, это была реальность? Он нащупал на горле повязку. Значит, это было правдой.

В предрассветных сумерках он различил прямо над собой лицо Ланты. Она изумленно рассматривала его, лицо выражало одновременно радость и тревогу. До этого он боялся открыть глаза. Теперь же он боялся разрушить чары.

Ланта провела рукой вниз по его щеке, взяла его подбородок. Ее улыбка была почти незаметной.

— Усы, — произнесла она. — Когда женщина сможет к ним привыкнуть? — Она разговаривала сама с собой, глядя прямо в глаза Конвею и все еще знакомясь с этим удивительным открытием. — Так много нового. Дело, которое надо завершить. Вместе.

Взяв руки Ланты в свои, Конвей поцеловал ее ладошки.

Ее улыбка прояснилась. Но Конвей еще видел за ней боль, порожденную смертью кочевника минувшей ночью. Он мысленно преодолел все препятствия, которые они создали для себя и друг для друга, и поклялся, что это больше не повторится. Он держал счастье в своих руках и не намерен был его упускать.

Прежде чем он смог вымолвить хоть слово, Ланта сказала:

— Я ждала, когда ты проснешься. Я упражнялась произносить эти слова. Теперь я могу. Я люблю тебя, Мэтт Конвей.

— И я люблю тебя. И буду всегда любить.

Ланта вскочила с проворством испуганного животного. Ее действия выглядели довольно странно, и она, похоже, сама была удивлена не меньше Конвея. Ланта наделила его извиняющимся взглядом.

— Я должна позаботиться о Тейт. — Слова получились какими-то неуклюжими. — Я хотела тебе сказать… сказать, что люблю тебя. Теперь я должна вернуться к своим обязанностям. — Она сделала безвольное движение рукой.

Конвей посмотрел на восток.

— У тебя нет времени. Ты еще должна помолиться.

Снова, как взмах крыла бабочки, мелькнула и исчезла боль.

Конвей встал, обнял ее за плечи, заставил посмотреть себе в глаза.

— Ты спасла мне жизнь. Ты единственная, кто мог это сделать.

— Я не могу… Жрица не может убивать. Все, чему меня учили… Все.

Он крепко сжимал Ланту в объятиях, пока ее всхлипывания не прекратились. Когда от них остались лишь дрожащие вздохи, он заговорил:

— Я мало знаю о Церкви, но я уверен, она может простить. Прости себя сама. Прощение Церкви придет, когда ты попросишь.

— Я не могу оставаться Жрицей. Я не могу называть себя целительницей, носить нашу одежду. Это запрещено. Даже если меня простят, я должна буду покинуть обитель.

— Обитель и Церковь покинули тебя много лет назад. Именно союзники Сестры-Матери пытались нас всех уничтожить. А как насчет Сайлы? Она ведь не отказалась от всего. Послушай, теперешние правители Церкви повинны в сотнях загубленных жизней. Поэтому Церковь расколота, а такие женщины, как ты и Сайла, должны создать новую Церковь. Пусть эти продажные старухи рассказывают о своих законах. Ты выше их. Они не могут тебе ничего сделать.

Ланта покачала головой.

— Ты увидел самую суть. Считаешь, я могу себя простить?

Он торжественно отошел на расстояние вытянутой руки.

— Я прошу, чтобы ты простила себя. Я умоляю тебя. Дай мне отблагодарить тебя за то, что ты спасла мне жизнь. Ты единственная, кто может мне помочь. Помоги мне.

— Мне бы очень хотелось. Я должна подумать.

Улыбка Конвея наполнилась печалью.

— Подобное предложение всегда таит опасность. Но я полагаю, без него не обойтись. Пока ты будешь думать, помни: я собираюсь жениться на тебе в Оле. Как только мы туда попадем.

Заливаясь румянцем, Ланта выскользнула из его объятий. Быстрее, чем того требовали ее обязанности, она поторопилась к Тейт.

Внимание Конвея привлек слабый звук откуда-то сзади. Тиниллит, извиняясь, улыбнулся. Снова Конвей ясно почувствовал дистанцию, на которой держался этот Малый. Они обменялись приветствиями и парой фраз. Пользуясь случаем, Конвей рассмотрел духовую трубку Малых и с удивлением понял, что это не просто полый кусок тростника. В его памяти всплыли картинки из старой книги, увиденные им еще до того, как его мир покончил с собой. В книге говорилось, что люди когда-то делали подобным образом удочки для ловли рыбы. Они раскалывали тростник и придавали ему нужную форму и толщину. Затем они склеивали половинки снова, получая сужавшуюся к концу трубку, обладающую большой прочностью, легкостью и гибкостью.

Конвею вспомнилось еще кое-что из этой области — как он ехал вдоль берега реки, наблюдая за растянувшимися на несколько миль рыбаками, стоящими почти плечо к плечу. В ярком солнечном свете то и дело сверкали удочки, вытаскивающие из речки рыбешку за рыбешкой. Судьи, переговаривающиеся по рации, выстраивались вдоль людской цепочки, подсчитывая и отдавая команды. Драки из-за запутавшихся лесок были обычным явлением. Когда лимит отлова исчерпывался и соревнования останавливались, среди недовольных иногда возникали беспорядки. Ему казалось очень забавным, что штрафы с браконьеров и нарушителей правил, составлявшие добрую часть доходов, практически не шли на развитие спортивной ловли.

Тиниллит учтиво спросил:

— С тобой все в порядке?

Конвей ощутил, как по его лицу разлилась краска. Он ответил, слегка смущаясь и чеканя слова:

— Все хорошо. Я просто задумался. — Кивнув в сторону духовой трубки Тиниллита,

он протянул руку. — Я никогда не видел подобного оружия. Можно взглянуть поближе?

Тиниллит посмотрел на него не очень дружелюбно. Он не пошевелился, но Конвею показалось, что тот отступил. Тиниллит произнес:

— Я должен объяснить кое-что в отношении Малых. Когда вы вернетесь в Олу, передайте это Гэну Мондэрку.

Опустив протянутую руку, Конвей попытался сделать вид, что ничего не произошло.

— Что ты хочешь передать ему? — спросил он ледяным доном.

Тиниллит заговорил, горячась чуть больше обычного:

— Пожалуйста, не сердитесь. Мы знаем ваш образ жизни и хотим, чтобы и вы узнали о нашем. — Он показал на деревянные чаши для еды, стоявшие неподалеку от того места, где бок о бок сидели Ланта и Тейт. — Тебя не удивляет, что никто их не трогал? Ты заметил, что мы не подходим к вам близко. Я прочитал это на твоем лице. Ты думаешь, мы хотим оскорбить вас. Но стали бы мы рисковать жизнью за людей, которых хотим разгневать?

Конвей нехотя согласился:

— Думаю, нет.

Опустив конец трубки к земле, Тиниллит продолжал:

— У всех племен был свой Сиа. Наш появился, когда мы жили там, где лес встречается с морем, далеко на юге. Мы не знали врагов, не знали войны. Но пришли чужаки. С моря и с суши, с севера и с юга. Тогда погибли многие, многие Малые. А остальных увели, словно оленей. Мы брели в неведомые края, не зная, где нас поджидают проклятые места и радзоны. Пришли болезни. Но мы спаслись. Наш Сиа умер. Мы были детьми, оставшимися без отца.

Сделав паузу, Тиниллит оглянул горы. Когда он продолжил, его голос звучал увереннее.

— Наш Сиа научил нас поклоняться божеству. Мы зависели от солнца, несущего свет и тепло. Символ Единого-В-Двух-Лицах пробуждает мир Вездесущему. Так верит и ваш народ?

Конвей кивнул, и Тиниллит продолжал:

— Наш народ стремился к солнцу. Высоко в горах мы встречали его раньше всех. Раньше всех получали его тепло. Когда наступала зима и скрывала от нас свет и тепло, наши страдания искупали наши грехи. Мы это знаем, потому что весной Вездесущий возвращает нам хорошую погоду. Так мы и живем. В лесу, в горах.

— И не общаетесь с другими народами?

Тиниллит просиял.

— Ты понял. Мы меняемся. Раньше мы были похожи на сурков. Мы прятались от каждой опасности, думали, что зима нас бережет. Теперь мы больше похожи на медведя. Мы зимуем в берлогах, но я бы не советовал нас тревожить. Мы уже не станем такими, как прежде. Мы умеем защищаться. Но осталось наказание. Поэтому я пришел к вам. Все, что здесь случилось, неразумно. Чтобы снова стать людьми, мы должны очиститься. Раз уж мы хотим жить в мире на Трех Территориях, мы предлагаем вам принять наше очищение. Если вы захотите, чтобы мы вас приняли, это будет первым шагом. Это исцелит вас.

Тут к Конвею присоединилась Ланта. Он указал на нее.

— Как ваше очищение подействует на Ланту? Она ведь служительница Церкви. А если обряд очищения противоречит ее убеждениям? Как насчет Тейт?

— Прекрасные вопросы. Очищение не имеет отношения к религии. Для этого нужны убеждения, но не религия. Что за раны у Черной Молнии?

— Руки; вы же видите повязки. Но главное, она больна.

Тиниллит чуть не отпрыгнул, осенив себя Тройным Знаком.

Краем глаза Конвей заметил движение. Малые медленно и нерешительно приближались.

Рядом с Конвеем словно из воздуха возникли Карда и Микка. Микка заскулила. Конвей изумленно глянул вниз. Такого звука Конвей от нее припомнить не мог. То ли не понимая его взгляда, то ли почему-то другому, она уставилась на Тиниллита.

Тиниллит нашел слова:

— Больна? Невидимые?

Ланта ответила:

— Не болезнь. Скорее что-то вроде яда. Пещера, о которой говорил Лис, опасна. Болезнь Тейт оттуда, она никого не сможет заразить.

Слабое «Конечно!» Конвея прошло мимо ушей Тиниллита. Он повернулся к Ланте.

— Ты клянешься, Жрица? Именем Церкви?

— Я клянусь всем моим знанием. Я не буду клясться именем Церкви, потому что никогда не видела ничего подобного. Но Конвей тоже был там и уже поправился. Тейт понемногу выздоравливает. Ты видишь, что на меня это не подействовало. Вам нечего бояться. Оба моих друга ранены. Если вы умеете то, чего не умею я, то прошу вас помочь.

— Нам нужно посоветоваться. — Сжимая духовую трубку, Тиниллит развернулся и направился к своим соплеменникам. Конвей позвал собак и отошел к Ланте и Тейт. Животные странно засуетились.

Среди Малых шла суровая перепалка. Тейт промолвила:

— Похоже, я изрядно все испортила.

Опустившись рядом с ней на корточки, Конвей поднял с земли веточку, попробовал на зуб.

— Плесень, — произнес он, и Тейт одарила его взглядом, выражающем сомнение в его здравом уме.

Повторив слово, Конвей пояснил:

— Это встречалось в нашей прежней жизни. — Стоя спиной к Ланте, он посмотрел на Тейт. Она еле заметно кивнула. Он продолжал: — Вся эта сырость, столько органического материала. Когда он подвергается воздействию плесени и грибка, в результате могут образовываться по-настоящему токсичные вещества. Мы надышались буквально отравленным воздухом.

— Вы используете непонятные мне слова, — послышался голос Ланты. — Вы так называли дурные вещи в своем мире?

— Именно так, — ответила Тейт. Ее взгляд был по-прежнему сосредоточен на Конвее. — Мы не хотели тебе говорить, но там было много зла. Если бы Жрец Луны смог бы получить все это, жизнь остальных стала бы почти невыносимой.

— Вы еще смелее, чем я думала. — Ланта подошла к Конвею и взяла его руку в свою. Сжав ее, она взглянула на Тейт.

Конвей произнес:

— Твой голос гораздо увереннее, Доннаси. И выглядишь ты получше. Ты немного отошла?

— Что значит отошла? Я только немного покаталась с горки, предоставив тебе возможность поделать для разнообразия кое-какую работу. — Она попыталась выпрямиться. Зияющая дыра на спине ее куртки напомнила им об ужасе минувшей ночи. Ланта невесть откуда раздобыла иголку с ниткой. Она уже заканчивала штопку, когда донесся голос Тиниллита. Он жестом пригласил троицу подойти поближе.

Ланта прошептала своим товарищам:

— Будьте осторожны. Они напуганы. И раздражены.

— Ты можешь различить? — В голосе Тейт сквозило недоверие.

— Ошибки быть не может. Их позы: они не знают, бежать ли им или нападать. Особенно Тиниллит. Видите, как расставлены его ноги, как они согнуты в коленях? Его голова запрокинута, зрачки широко раскрыты. Он чуть ли не в… — она поискала подходящее слово, — в отчаянии.

Вождь Малых поднял руку, дав им знак остановиться. Конвей попытался встать перед Лантой, но она воспротивилась этому, вынуждая его расположиться рядом. Собаки тревожно и громко пыхтели у ног Конвея. Он сказал:

— Мы не хотим неприятностей. Если твои люди боятся заразиться, они ошибаются.

Мы мирно уйдем, если вы этого хотите.

Тиниллит сделал знак своей духовой трубкой.

— Мы хотим мира, Мэтт Конвей. Именно поэтому мы покинули земли наших предков и пришли в эти опасные места. Мы хотим жить среди друзей и союзников. Мы никому не доверяем и всех избегаем. Осмелься мы подобраться поближе, когда вы были на верхушке горы пещер, и узнай, что Тейт больна, мы тут же исчезли бы.

Ланта взяла на себя роль парламентера.

— Это очень мудро — избегать больного. Лечить — занятие для Целителей. Но ты сказал, что у вас есть свои собственные лекарства. Я тебе верю. Я это чувствую.

Среди Малых прокатился приглушенный ропот. В нем слышалось удивление. Конвей напрягся. Тревога и удивление были плохим сочетанием.

Тиниллит подался вперед, как всегда, еле ощутимо.

— Что именно ты чувствуешь, Жрица? Расскажи нам.

Она сложила перед собой руки. Брови слегка нахмурились.

— Недоверие. Страх. Раздражение. Я думаю, некоторые считают, что мы вам лжем или обманываем вас. Это не так. Наоборот, я больше всего чувствую надежду. Даже те, кого надежда раздражает, ошибаются. Поэтому давайте сосредоточимся на надежде и помощи.

Медленно и болезненно, цедя воздух в легкие сквозь сжатые зубы, Тейт подняла вверх руки. Испачканные грязью повязки были похожи на два маяка, смотрящих в затянутое облаками небо.

— За нами могут вернуться другие кочевники из Летучей Орды. Дьяволы двигаются с севера по направлению к горам. Жрица Фиалок Ланта сделала все, что было в ее силах, чтобы вылечить мои руки. Если вы в силах помочь, сделайте это. Это — ваше могущество.

Последние слова возобновили спор между Малыми. Не обращая внимания на троицу, они повернулись друг к другу. Мужчины трясли оружием, размахивали руками. Резкий свист Тиниллита успокоил их. Он твердо обратился к своим людям:

— Жрица чувствует настороженность. Если мы хотим иметь друзей, мы должны быть друзьями. Мы подвергнем их очищению. — Снова начались разговоры. Он остановил их взглядом. — Они получат очищение, но не будут участвовать. Может быть, когда-нибудь мы примем в этот обряд посторонних. Не сейчас. Они еще не готовы. — Обращаясь к троице, он распорядился: — Садитесь здесь, у огня. Лицом к солнцу. Без оружия. Молча. Неподвижно. Если хотите, собак посадите рядом, но они не должны двигаться.

Конвей заметил, как на верхней губе Тиниллита блеснула капелька пота. Он напряженно следил за этим Малым. Затем Мэтт необъяснимо расслабился. Он не знал, что должно произойти, и был немного этим озабочен, но все же был уверен, что поступает правильно.

Конвей, Ланта и Тейт уселись. Воины спешно скрывались в лесу. Собаки развалились подле Конвея. Посмотрев на своего хозяина, Карда высунул язык и открыл пасть, словно оскаливаясь в предвкушении чего-то известного. Затем он повалился на бок.

Конвей не сразу сообразил, что издавало этот непривычный и настойчивый звук. Высокий и взвинченный, он был слишком пронзительным для ударного инструмента. Больше напоминая голос Тиниллита, каким он показался Конвею при первой встрече с ним, звук словно шел из чрева. Озираясь в поисках источника, Конвей чуть не пропустил момент, когда Малые разделились, образовав посередине небольшой коридор.

Двое мужчин, каждый с конусообразным барабаном под мышкой, танцевали в проходе. На них были бесформенные черные одежды, скорее похожие на мешки, и маленькие черные колпаки. С колпаков спадала белая ткань. Достаточно тонкая, чтобы не мешать танцорам видеть, она полностью скрывала лицо и шею. Нехитрое одеяние лишало танцующие фигуры человеческого облика. На фоне свинцово-серого леса их силуэты выглядели еще более размытыми.

Музыканты колотили по барабанам пальцами, а не кистями или запястьями, и казалось, будто поверхность инструмента звучала сама по себе. Тиниллит заиграл на флейте. Мелодия

была печальной и одинокой. Она заунывно плыла сквозь барабанную дробь.

Танцоры двигались под ритм барабана короткими, чеканными шажками. Мелодия флейты отражалась от их гибких тел. Достигнув кострища, они встали вокруг него. Один за одним остальные воины Малых выходили из толпы и присоединялись к этим наряженным танцорам. Темп все увеличивался. Флейта пела все также мягко.

Воины танцевали, свесив головы и все время подпрыгивая. Когда круг сомкнулся, две колонны просочились одна сквозь другую со смиренностью ряби на поверхности воды.

Смирение.

Слово отдавалось у Конвея в мозгу. Он обмяк, желая верить. Верить чему?

Его глаза болели и требовали передышки. Он подумал о танцорах, таких расслабленных, таких спокойных. Он их ощущал.

Невероятное знание подсказало ему, что, вместе танцуя, Малые вместе обретают покой. Он почувствовал, как выходят наружу воспоминания, хотя продолжал воспринимать происходящее.

Смирись.

Конвей подумал о Ланте. Ее образ стирался, он словно отказывался от нее. Малые забирали его разум. Он хотел. Боялся. Перед ним раскачивались потные воины, от них шел густой пар. Невидящие глаза уставились на вялые лица. Гладкие намокшие волосы спадали вниз. Музыка резала уши. Конвей попытался отстраниться. Его веки беспомощно упали.

Он не мог расстаться с Лантой. Даже несмотря на столь могущественное таинство, уводившее его куда-то вдаль.

Он снова открыл глаза. Воинов сменили одетые в костюмы танцоры. Они поднесли духовые трубки к губам, отчего их вуали превратились в уродливое подобие черепов. От глубокого вдоха их груди раздулись. Они нацелили трубки на Конвея.

Он попытался встать, закричать. Но у него не было сил. Он услышал смех. Беззаботный, звонкий. За смехом раздался голос. Слова звучали так, словно проходили сквозь улыбку.

Смирись.

Ему не оставалось ничего другого.

Глава 59

Конвей поднял к лицу руку — у него зачесалась щека. Но пальцы натолкнулись на ткань. Зуд был слабым, едва ощутимым, и Конвей решил не трогать повязку.

Ему не хотелось просыпаться. Это не очень удобно — спать сидя, сказал он себе. Кроме того, ему было холодно, но холод будто кружил рядом, не желая касаться человека.

Сам того не понимая, Мэтт чувствовал, что он не должен спать. Какое-то воспоминание, очень для него важное, пыталось пробиться сквозь сон.

Что-то должно произойти. Он чувствовал это. Он не должен спать, ему надо проснуться и отбросить это сладкое оцепенение лени.

Странное ощущение — ему было трудно проснуться, сон не хотел покидать его.

Маски. Духовые ружья.

Сон слетел с него, и Конвей моментально вскочил на ноги, выставив перед собой кулаки, готовый обороняться. В десяти шагах от него, злорадно ухмыляясь, припал к земле Лис. Конвей ударил его в шею.

Крик Ланты вернул Мэтта к действительности. Он неловко остановился, изо всех сил пытаясь совладать со своими сознанием и телом. Мышцы плохо слушались Конвея. Прежняя сонливость и апатия сменились агрессивностью и ненавистью.

Ланта снова окликнула его. Неохотно отведя глаза от лица своего противника, Конвей вздрогнул, увидев, что Лис связан. Воин обернулся, ища глазами Ланту, и снова вздрогнул, увидев, что та стоит неподалеку и мило улыбается ему. Более того, рядом с Лантой стояла Тейт, как всегда, с озорной усмешкой.

У Конвея закружилась голова. Наваждение прошло, и он почувствовал себя гораздо лучше.

Ланта снова улыбнулась ему. Конвей понял — она почувствовала, что ему стало лучше. Он громко рассмеялся.

— Ну, ладно. Я, как всегда, узнаю все последним. Что произошло?

— Очищение. — Ланта подняла руку и показала куда-то в сторону. Взглянув туда, Конвей увидел Тиниллита. Тот стоял неподалеку и застенчиво улыбался.

Конвей снова посмотрел на Ланту.

— Что значит «очищение»? Я уверен, что это как-то связано с танцем.

Тиниллит ответил:

— Танец. Музыка. Нет, больше — сознание. Сознание всех нас. — Вождь Малых сделал широкий жест рукой, показывая на людей своего племени; гордость светилась в его взгляде. — Танец Малых исцеляет. Это часть очищения.

— Я действительно чувствую себя гораздо лучше. — Конвей прикоснулся к своему горлу. Оно было забинтовано, но боль исчезла, оставив после себя лишь небольшое покалывание. Почти с благоговением он произнес: — Раны зажили — я чувствую это.

Тейт протянула ему свои руки.

— Посмотри, Мэтт. Ты не поверишь своим глазам. — Женщина пошевелила пальцами. Было видно, как они двигаются под толстым слоем бинтов. Это поразило Конвея даже больше, чем его собственное чудесное исцеление. Его напарница стояла рядом с ним в полном здравии; казалось, что она и не болела той страшной болезнью. Мэтт вновь повернулся к вождю Малых.

— Как ты это делаешь?

Некоторое время Тиниллит озадаченно смотрел на него. Потом вождь разразился громким хохотом.

— Лучше спроси меня, как я вижу. Спроси меня, как я думаю. — Он склонил голову набок. — Да, спроси меня, как я думаю. Очищение — это работа мысли. Я посылаю свое сознание в другое место, я чувствую сознание другого человека.

Внутри Конвея все похолодело. Если верить словам Тиниллита, то все Малые — телепаты. Но по здравому размышлению он отбросил эту мысль — телепатов нельзя взять в плен; кто сможет поймать их?

Тиниллит подробно рассказал о психических возможностях людей своего племени:

— Малые не видят того, что творится в душе другого человека. Они… — Вождь замолчал и задумчиво нахмурил брови. — Врываться в чужой мозг некрасиво. И неправильно. Помнишь, я говорил тебе, что лес — наш друг? Мы живем за счет лесных обитателей. Они — дары леса, и мы благодарим их за то, что они даруют нам жизнь. Когда мы идем среди животных, то даем им знать, что не причиним никакого вреда. Но если мы охотимся на них, то никогда не делаем этого — охотятся и убивают с пустым сознанием. Охотник думает, но не ненавидит и не любит. Тот, кто охотится, перемещает свое сознание в мозг другого человека, который в это время не на охоте. Тот, кто убивает, становится очень уязвимым, и, чтобы остаться нормальным человеком, он должен быть прощен.

Конвей произнес:

— Никто не любит убийства, но кому-то приходится убивать. Ты говоришь, что человек должен убивать, как падающее дерево, без страха или ненависти. Я не могу согласиться с тобой.

— Был ли спокоен твой разум, когда ты проснулся после очищения?

Конвей неохотно кивнул. Тиниллит продолжал:

— Танец соединяет нас. Он очищает сознание. Ни одна душа не может жить там, где сознание засорено.

Конвею почудилось, что он видит каких-то людей без лиц и они манят его к себе. Он отогнал от себя это видение.

Тиниллит тем временем продолжал:

— В нашем племени танец очищения ведут самые великие воины. Они переносят нас в места, где мы снова становимся одним целым. Они видят, кто закрыт, а кто не в силах сам открыться. Ты и твоя подруга Тейт никогда раньше не участвовали в очищении, и нашим танцорам пришлось прибегнуть к оружию, чтобы очистить вас от грубых мыслей. Они просили меня передать вам свои извинения за то, что у них не все получилось так, как надо.

На мгновение лицо вождя изменилось — Конвей не смог уловить его выражения. Он спросил:

— А что ждет тех, кто ведет танец, после того как они очистят воинов, убивших человека? Что станет с тем, кто сражался и победил то, что тревожит этих воинов?

— Их ждет великий почет в нашем племени. Ведущие танец — самые уважаемые и самые скромные люди. Они долго не живут. — Вождь быстро посмотрел Конвею в глаза; взгляд его обвинял.

Ни капельки не обидевшись, Конвей понимающе произнес:

— Они потратили много энергии на меня и Тейт, я правильно понял?

С большим трудом Тиниллит заставил себя улыбнуться.

— Они сказали мне, что скоро выздоровеют. Ты и твои друзья озадачили их. Один из ведущих танец сказал мне, что вы сожалеете о том, что сделали больше, чем другие люди. Он также сказал, что вы глотаете свое сожаление, как будто это еда, и это усиливает вашу ненависть. Вы становитесь все более свирепыми с каждым новым убийством.

Конвей взглянул на Тейт, ее лицо приняло задумчивое, извиняющееся выражение. Она пожала плечами.

— Если он сказал так, то, значит, так оно и есть. — Потом она обратилась к Тиниллиту: — И как же мы должны поступать после всего этого? Ведь мы же воины. И что станет с вами? Ведь вы оказали нам вчера ночью немалую помощь и этим засорили свое сознание.

— Если бы вы были Малыми, то с детства выучились бы очищению и танцу. Возможно, вам это еще удастся. Но мы, Малые, избегаем чужаков. И я не верю, что вы хотите остаться с нами и жить среди нас. Очищение — это не один человек, это все мы, Малые. Мы тоже сражаемся так же, как и вы. Вы выбираете убийство, а мы его прощаем.

Увидев, как изменилась в лице Тейт, услышав ответ Тиниллита, Конвей резко ответил:

— Лучше спросите у мертвых, прощают ли они вас, — и тут же осудил себя за опрометчивые слова. Извиняясь, он произнес: — Мне не следовало говорить об этом. Я хочу, чтобы вы знали, как мы благодарны вашему племени за это чудесное исцеление. Я не совсем понимаю, что вы сделали с нами, но мы все равно в большом долгу перед вами. Вы спасли наши жизни и сняли огромную тяжесть с наших душ.

— Мы были рады помочь вам. Опасность, с которой столкнулись Три Территории, угрожает и нам. Нам ничего не известно о Скэнах, кроме случайных рассказов торговцев; но кто может положиться на рассказы этих людей? Передайте Гэну Мондэрку, что мы будем его помощниками. Возможно, даже союзниками. А он позволит нам мирно жить в Горах Дьявола?

Конвей рассмеялся:

— Хороший вопрос для того, кому удалось поймать в ловушку Лиса. Он с удовольствием пригласит вас помочь ему. Но скажи мне, где вы взяли ту сову, голос которой так удивил меня? И волки, воющие вдали? Как смогли вы одурачить такого опытного и хитрого воина, как Лис?

— Мы знаем о животных больше, чем кто-либо другой. Мы не подражаем их крикам; мы сами становимся этими животными. Мы хотели приблизиться к Лису, но он очень осторожен; он все видит.

— Наверное, не все. Он никогда и не слыхивал о вас и совсем не ожидал вчерашнего ночного нападения. Вы и с ним сделали то же, не так ли? Каким-то образом вы ухитрились обмануть Лиса и его людей.

Внезапно Тиниллит покраснел.

— Иногда мы можем воздействовать на наших врагов. Мы не можем заставить их

видеть то, чего нет на самом деле; но можем заставить смотреть туда, где нас нет.

— Или совсем не смотреть, — сделала предположение Тейт.

Тиниллит дернул головой, возможно, это был утвердительный ответ, а может, просто нервный тик. Он взмахнул рукой:

— Наши всадники догнали Лиса. Мы отдаем его вам.

— Нам надо перейти через Горы Дьявола — там уже лежит снег. Кроме того, двое из нас ранены. Что мы будем делать с Лисом?

На лице Тиниллита отобразилось крайнее беспокойство. Он повернулся к своим товарищам — немой вопрос был написан на их лицах. В это время раздался громкий смех Лиса.

— Все это чепуха: убийства с пустой головой; души, летающие неизвестно где, в то время когда надо сражаться с врагами. Взгляните на него — он жаждет моей смерти, но боится убить меня. Посмотрите на этих людей трусливые крысы. Эти люди запуганы сказками жен о грешных душах. Ода боятся убить меня и накормить этим свою месть. — Он повернулся и плюнул в сторону Тиниллита. Лицо Лиса было серым от злобы, холодная ярость светилась в его глазах. — Безвольные навозные черви. Подумайте о том, какое удовольствие принесет вам моя смерть. Представьте, как я кашляю кровью, дергаясь в предсмертных конвульсиях. Вам нравится это. Так хоть раз в своей ничтожной жизни ведите себя как подобает мужчинам. Убейте меня и насладитесь моей смертью, как это делают все воины. Насладитесь!

Конвей подошел к ошарашенному вождю. Пока тот собирался с мыслями, Мэтт ответил за него:

— Ты умрешь потому, что заслуживаешь смерти. Но я пощажу тебя — ты умрешь быстро, слишком быстро для твоих грехов.

— А, и ты с ними? Ты тоже хочешь сделать это. Тогда осчастливь своих новых друзей. Почему бы тебе не вернуть мне ма? Мы будем сражаться как подобает воинам. Ведь ты же настоящий воин, не то что эти маленькие вши.

Ланта шагнула к Конвею.

— Не слушай его, Мэтт. Ему больше нечего терять. А тебе эта схватка ничего не даст. — Обернувшись к Тиниллиту, она произнесла: — Мои товарищи не палачи. Ты говорил, что им следует научиться очищать себя. Но ты не можешь приказать им сделать это.

— Это была лишь надежда. Обычно мы можем очистить душу от того, что происходит во время сражения. Очистить ее от другой тяжести слишком трудно для нас. Люди из Летучей Орды принесли нам немало страданий. Казнь Лиса доконает наших танцоров.

— И вы решили, что моя душа все равно уже слишком запачкана и еще одно убийство не принесет ей большого вреда, верно? — тихо спросил Конвей.

Тиниллит опустил голову.

— Я видел их боль, когда танцоры сражались за тебя. Когда сожалели, как мало они могут помочь. — Вождь поднял голову; вызов и печаль светились в его взоре. Казалось, что он ждет помощи, но не уверен в ней. — Я совершил ошибку.

— Это твоя мать совершила ошибку, — прорычал Лис.

Тиниллит одарил его взглядом, полным ненависти, и снова взглянул на Конвея.

— Мы не можем убить его.

Снова раздался грубый смех Лиса — смех, наполненный чувством превосходства и гордостью победителя.

— Я так и знал. Трусы, все вы трусы. — Он потряс связанными руками. — Развяжите меня. Вы не можете даже убить. Проклинаю вас на семь поколений вперед. Нет, на сотню поколений вперед. Вы никогда не получите обратно свои души, ни чистые, ни грязные. И же нужна быстрая лошадь — прежняя тащилась как черепаха.

По сигналу Тиниллита один из Малых двинулся к Лису, чтобы перерезать веревки на руках и ногах. Конвей остановил его:

— Подожди. Сначала посадите его на коня, а коня стреножьте. — Малый заколебался, но, увидев одобрительный кивок Тиниллита, принялся исполнять приказ. Самодовольно улыбаясь, Лис вскочил в седло. Конвей тихо приказал Малому подержать поводья: — Держи крепко и будь готов к неожиданностям.

Потихоньку, осторожно Конвей снял притороченную к седлу кожаную веревку, быстро, чтобы Лис не успел заметить подвоха, накинул петлю на ногу Лиса и привязал к стремени. Наконец до всадника дошло, что с ним хотят сделать. Лис неистово ударил коня коленом — тот вздрогнул, но ноги бедного животного были связаны, и оно вновь замерло на месте. Конвей тем временем проскочил у коня под брюхом на другую сторону. Так же быстро он привязал к стременам другую ногу Лиса. Малый помог ему потуже затянуть веревки.

Теперь Лис был привязан к лошади.

Конвей накинул связанному Лису петлю на шею и потянул к себе, заставив его отклониться назад. Отдав концы веревки двум Малым, Мэтт вынул из-за пояса нож. Лис покраснел, увидев это. Конвей аккуратно разрезал на нем всю одежду: штаны, рукава рубахи, затем кожаную куртку. После чего он приказал отпустить веревку.

Задыхаясь, ловя ртом воздух, Лис выпрямился в седле. Отдышавшись, он с ненавистью посмотрел на Конвея. Тот произнес:

— Возвращайся к Жрецу Луны. Голый, без своих соратников. Теперь Жрец Луны может гордиться своим Вождем Войны — своим голым, связанным, как боров на ярмарке, Вождем Войны.

Краска позора залила лицо Лиса.

— Это даже хуже, чем смерть. Я буду ждать тебя в Преисподней. Проклинаю тебя.

Конвей отошел в сторону. К нему подбежала Ланта.

— Мэтт, ведь в долине ходят тигры и медведи. И он не сможет ни поесть, ни попить. — Мэтт никак не отреагировал на ее слова, продолжая смотреть на Лиса.

Ланта снова заговорила:

— То, что сказал Тиниллит, — правда. Ты можешь превратиться в такого же негодяя, как Лис. Я не позволю тебе.

Тиниллит промолвил:

— Мэтт Конвей.

Конвей обернулся. Взгляд вождя был прикован к связанному Лису.

— Вспомни воина, которого ты отпустил, пожалев. Вспомни, как он отплатил тебе за это. Вспомни, что замышлял Лис против всех вас. И послушай меня: помнишь ли ты ту девушку из нашего племени, которую встретил в лагере Летучей Орды? Ты помнишь ту слепую девушку?

— Конечно, помню. Она утонула. Я всегда думал, что ее убили.

— Это была дочь моего дяди. Я растил ее с пеленок. Среди людей, захваченных Летучей Ордой, было очень много таких, как она, Конвей. — Тиниллит старался говорить твердым голосом, но на лице его читалась боль, а не месть.

Конвей подошел к лошади. Он снял с нее уздечку, вожжи, а затем развязал ей ноги и хлопнул ее ладонью по крупу. Та послушно двинулась вперед; Лис неуклюже закачался в седле.

Ему удалось остановить лошадь. Привстав в стременах, Лис обернулся к лагерю:

— Вы такие же, как и я! Несмотря на все ваши разговоры, вам нравится унижать меня, издеваться надо мной. Молитесь, чтобы я умер по дороге — тогда вам придется бояться только моего духа. Но если я выживу, вы еще узнаете, как Лис Одиннадцатый умеет платить долги.

Управляя лошадью пятками и коленями, всадник заставил ее повернуть на юг и ускакал.

Только после того, как стук копыт замер вдали, Конвей обратился к вождю Малых:

— Жизнь полна долгов, не так ли? И по ним платят.

— Да. Ты сильно рисковал ради нас. Наши танцоры пока еще очень слабы для танца очищения. Может быть, завтра они смогут исполнить его.

Конвей резко ответил:

— Может быть. Но нам надо ехать. Дороги может занести.

Вождь ответил:

— Пока вы будете идти по западной стороне гор, часть наших воинов прикроет вас. Остальные поведут пленников в лагерь Летучей Орды, чтобы обменять на Малых.

Ланта подошла к Тиниллиту — он был чуть выше ее ростом — и произнесла:

— Ты знаешь, что Церковь в опасности. Ты знаешь, что Сайла оживила Учителей. — Тиниллит нервно кивнул в ответ.

Ланта продолжила: — Церковь будет спасена, Учителя помогут вашему народу. Мы бы хотели побольше узнать об очищении.

— Это решит племя. Но я видел много интересных вещей и расскажу о них племени. — Тиниллит посмотрел на Конвея и выпрямился. Многие скажут, что ты хотел отомстить. Другие скажут, что это было справедливо. Я скажу — необходимо.

— Я очень благодарен тебе.

Перед тем как собрать вещи в дорогу, Конвей и Тейт договорились: как только они дойдут до тропы, все, что будет невозможно перевести через горы, будет сгружено и спрятано. Оставив Ланту и Тейт с Малыми, Конвей взял трех лошадей и начал собирать снаряжение. Он работал весь вечер и только к ночи завершил все приготовления.

Тем временем Тейт собирала их пожитки все еще непослушными пальцами. Похоже, собаки почувствовали, что возвращаются домой, — когда Конвей послал их на разведку, они было начали играть с ним и лишь потом с неохотой принялись исполнять приказ хозяина.

Гораздо позже, когда солнце уже спряталось за вершинами деревьев и повеяло ночной прохладой, Ланта пришпорила свою лошадь, догнав Конвея. Мэтт остановился и подождал, пока она соберется с мыслями и заговорит первой. Конвей постарался сдержать улыбку, видя, как женщина борется с обуревающими ее чувствами. Наконец она спросила его:

— Ты бы убил Лиса, если бы Тиниллит попросил тебя об этом?

— Нет.

— А как бы ты поступил, если бы не встретил Тиниллита?

— Мы все уже были бы мертвыми. Или хотели умереть.

— Ты же понимаешь, что я говорю совсем о другом. Если бы Лис был твоим пленником, убил бы ты его или нет? Даже после всего, что он чуть не сделал с Тейт?

Наконец мужчина повернулся к ней. Глядя Ланте прямо в глаза, он произнес:

— Да. И не думал бы о том, правильно это или нет. Но я оставил в живых человека, которого должен был убить. И это сильно напугало меня. Я уверен, Тиниллит прав: воин в бою рискует душою больше, чем жизнью. Но жизнь для меня важнее, чем мир в моей душе. Для души я выбираю тебя — только ты можешь успокоить ее.

Привстав в стременах, Ланта приблизилась к воину и обняла его за плечи. Влюбленные остановили лошадей и поцеловались. Они больше не замечали ничего вокруг. Тейт ехала позади них; увидев это, она отвела глаза в сторону. Улыбка на ее лице потухла, и она задумалась о собственной жизни.

Глава 60

Эмсо залез в ванну. Выдолбленная из камня, она имела квадратную форму. Внутри ее в специальной нише поддерживался огонь. От воды поднимался пар, и комната была полна благоуханием кедровой хвои. Эмсо зажмурился от удовольствия, пар и теплая вода хоть на время избавили его от ломоты в костях.

Внезапно он вскочил, выплеснув при этом на пол изрядное количество воды, и бросился к табуретке, где лежало его полотенце. Все это видела Джалита; приоткрыв дверь, она тихонечко посмеивалась над стыдливостью Эмсо. Прикрывшись полотенцем, мужчина

обернулся и закричал:

— Скандал! Ты меня поражаешь, Джалита! Кто тебе разрешил подсматривать за мужчинами в ванной?

Не обращая ни малейшего внимания на его слова и продолжая смеяться, Джалита вошла в комнату. Она приблизилась к Эмсо.

— Эмсо, не будь глупым. Ты же был в ванне, ее края достаточно высоки. Что я могла заметить такого, что так смутило тебя?

— Это не довод. — Эмсо сделал ударение на последнем слове; при этом с его губ во все стороны брызнули капли воды, стекающие по его лицу. Это рассмешило Джалиту еще больше. Услышав ее смех, Эмсо перестал сердиться. — Избалованная вредная девчонка. Надеюсь, ты не ведешь себя столь же вольно с другими мужчинами.

Возмущенная этими словами, Джалита приблизилась к Эмсо, но не настолько близко, чтобы смутить его снова.

— Как ты можешь так думать? — Она вскинула голову, и ее прелестные кудри взметнулись в воздухе. — Как бы там ни было, ты же знаешь о моих отношениях с Луисом. И Гэном. Ты — единственный, с кем я могу поговорить. Я надеюсь, ты и сам все понимаешь.

— Я все прекрасно понимаю. Даже слишком. Я пытался поговорить об этом с Гэном, но он не захотел. Он сделал вид, что не понимает, о чем я говорю.

— Он боится. Боится, что друзья воспримут его как тирана.

— Никогда бы не подумал, что Гэн может чего-то бояться.

Удрученная своими мыслями, Джалита продолжила:

— А разве ты не видишь, отчего это происходит? Все из-за Сайлы; она управляет Гэном.

— Ты еще слишком молода, чтобы судить о таких вещах. Следи за своим языком. Что ты об этом можешь знать?!

Джалита вспыхнула. Она отвернулась, боясь, что ее лицо выдаст чувства, кипевшие у нее в душе. Девушка не хотела, чтобы Эмсо когда-либо узнал — его маленькая девочка может превратиться в злобного демона.

Мужчина заметил, как покраснела кожа на шее Джалиты.

— Я вогнал тебя в краску. Извини меня.

— Все в порядке. Я знаю, что не так умна, как ты. И все же я ведь очень долго жила вместе со Слезами Нефрита, я видела, как она умеет управлять людьми. Я понимаю колдовство.

— Будь осторожней с такими словами. Запомни: произнося слово колдовство, ты подвергаешь себя большой опасности.

Джалита выпрямилась.

— Своей жизнью я обязана Гэну Мондэрку. Если среди его людей не найдется человека, который скажет ему всю правду в глаза, то этим человеком буду я.

Эмсо отвернулся и нахмурил брови. Все же лицо его было скорее задумчивым, чем злым. Джалита выскочила из ванной. Эмсо еще долго размышлял над словами девушки, рассеянно вертя в руках мочалку.

* * *

Джалита помахала рукой Избранным, игравшим за стенами аббатства Ирисов. Заметив ее, дети в мгновение ока обступили девушку со всех сторон. Из своего кармана Джалита достала бамбуковую палочку. Один ее конец был закрыт пробкой из полированной кости, а сбоку был вырезан дикий кабан. Вынув пробку, Джалита достала скрученную трубкой тонкую «ткань» темно-красного цвета и развернула ее — та была длиной в руку. Девушка подняла вверх свое подношение, заставив его заполыхать в лучах солнца.

— Земляничная кожа! — громкие детские голоса эхом отдавались в стенах аббатства.

— Здесь всем хватит. — Девушка начала аккуратно отрывать кусочки этого

высушенного на солнце ягодного пюре. Она раздавала их детям, стараясь никого не обделить. И хотя Избранных освящала Церковь, и поэтому они были святыми во многих отношениях, но все-таки дети оставались детьми. Не успевал маленький грешный ротик проглотить свою порцию, а освященная Церковью рука уже тянулась за следующей. Наконец все куски, кроме одного, были розданы детям. Этот кусочек предназначался девочке, одиноко стоявшей в сторонке от всей этой суеты. Ее оттолкнули в сторону старшие девочки, а одна из них, протискиваясь поближе к Джалите, случайно повернула ее боком к девушке. Тут-то девушка и приметила родинку на ее правой щеке — маленькое красное пятнышко около уха, которое заканчивалось внизу небольшим шрамом. Джалита стояла как вкопанная, глядя на девчушку.

Наконец девушка опомнилась. Улыбнувшись, она поманила ребенка к себе. Девочка отвернулась.

Джалита подошла к ней и нежно взяла ее за руку, прошептав прямо в ухо:

— Я все понимаю. Правда. Некоторые люди очень одиноки, даже если рядом кто-то есть. Я тоже очень одинока. Я всегда буду твоим другом, даже если ты не захочешь дружить со мной. Все будет хорошо. А теперь возьми свою долю, прошу тебя.

Девочка продолжала молча стоять, ни разу не взглянув на Джалиту. Она протянула свою маленькую руку — как слепой щенок, та блуждала в поисках сладости. Наконец она прикоснулась к руке Джалиты и замерла. Потом рука нашла лакомство и схватила его. Девочка умчалась прочь, так и не взглянув на Джалиту.

— Это было прелестно. — Девушка быстро встала, заметив, как к ней приближается улыбающаяся Дженет Картер. — Джей Шестая такая робкая. Она никогда не играет с другими Избранными, даже с теми, которых привезли от Людей Гор. — Интонация, с которой были сказаны эти слова, подсказала Джалите, что племя, откуда привезли Джей Шестую, находилось под особым наблюдением.

К ним подошли Сайла и Кейт Бернхард; улыбки на их лицах были более сдержанными. Бернхард кивком приветствовала Джалиту. Сайла обратилась к девушке:

— Дети с нетерпением ждут твоего прихода. А после него бедной Сью постоянно приходится их успокаивать. — Жрица махнула в сторону Анспач, которая пыталась завести детей в класс.

— Я не хотела мешать ей.

Картер зашикала на нее:

— Не извиняйся. Детям нужен смех, и ты даешь им его. Взрослые так часто забывают, как важен смех. Я же всегда стараюсь напомнить им об этом.

Джалита промолвила:

— Дети никогда не забудут твою доброту. Твоя работа значит для них гораздо больше, чем маленькие кусочки земляничной кожи, о ней они потом и не вспомнят.

Бернхард натянуто улыбнулась.

— Воспоминания ждут детей в будущем, а временные удовольствия, вроде сладостей и смеха, делают их счастливыми сейчас.

Сайла проговорила:

— Простите нас с Джалитой: мы вас покидаем, нам надо поговорить.

Картер подмигнула девушке:

— Мы поможем Сью, ей трудно будет справиться одной. Пойдем, Кейт.

С прежней улыбкой на лице Бернхард кивнула Джалите и удалилась вместе с Дженет.

Сайла взяла Джалиту под руку.

— Мне кажется, нам надо откровенно поговорить друг с другом. Почему ты так не любишь меня? Неужели ты веришь тому, что говорит обо мне Сестра-Мать? Или в этом есть и моя вина?

— Я ничего против тебя не имею.

— Перестань, — голос Сайлы был достаточно спокойным и твердым. — Ты очень умная девушка, но не чета мне. Я хочу стать твоим другом. Я знаю, как тяжело жить чужаку

среди незнакомых людей. Знаю, как это тяжело перенести. А особенно тебе, молодой девушке, одной среди мужчин. Ты ведь используешь их в своих целях, не так ли? Это глупо с твоей стороны. Может случиться так, что они перестанут доверять тебе. Более того, они могут узнать о твоих намерениях, и тогда тебе некуда будет бежать. Ну а теперь расскажи мне: почему ты все-таки меня не любишь?

У Джалиты бешено заколотилось сердце, в голове у нее все перепуталось. Потупив взгляд, она молча шла рядом с Сайлой. На память девушке пришли слова Слез Нефрита. Старуха предупреждала, что, подобно морякам Скэнам, с первого взгляда узнающим все о море, Сайла, посмотрев на лицо человека и проследив за его движениями, многое узнает о его мыслях. Джалита вскипела от злости, но быстро взяла себя в руки. Этот разговор слишком серьезен, чтобы допускать такие глупые ошибки, как раскаяние или злоба.

— Я боюсь. — Мысленно Джалита поздравила себя с первой победой.

Слезы Нефрита учила ее: если хочешь солгать Жрице, начни с правды и потихоньку, аккуратно начни добавлять ложь.

— Я боюсь иметь друзей. Я помню, как погибла вся моя семья и меня забрали в плен. С тех пор вся моя жизнь состоит из лжи и угроз. Да, я использую мужчин в своих целях: я заставляю их защищать меня от других мужчин. Но я не верю ни одному из них. — Девушка открыто взглянула Сайле в глаза. — Ни одному. Теперь можешь рассказать это Гэну Мондэрку и Ниле — мне все равно.

— Да нет, тебе не все равно. Ты ведь нуждаешься в них. Смотри мне в глаза. — Сайла остановилась, и Джалите пришлось сделать то же самое. Положив ей руку на горло, Жрица медленно проговорила: — У тебя есть какие-то свои цели, и для их достижения ты хочешь использовать всех нас.

Джалита открыла рот, чтобы ответить, но Сайла большим пальцем надавила ей на челюсть. Зубы девушки сомкнулись, и она резко вдохнула — послышалось негромкое шипение. Жрица презрительно улыбнулась. Ее голос был полон уверенности.

— Твои глаза, твои мышцы, твоя кровь — они говорят мне больше, чем твой язык. Послушай меня. Тебе ничего не известно о долге — ты никогда и никому не отвечала добром на добро. А я — да. Гэн Мондэрк и его друзья спасли мне жизнь. Они предоставили мне убежище и помогают мне в делах Церкви. Церковь будет жить и развиваться дальше. Я помогу ей в этом — так мне велено. Но я могу сделать это только здесь, в Трех Территориях, и ничто не должно мешать мне в моей работе. Будь моим другом, и я помогу тебе. Если же ты будешь угрожать Церкви, или Учителям, или Трем Территориям, я стану твоим заклятым врагом.

Сайла убрала руку и сделала шаг назад. Глаза Джалиты забегали, девушка сделала глубокий вдох. Наконец, успокоившись, она произнесла:

— Я — гостья Гэна Мондэрка, и он мне доверяет.

— Я знаю об этом. Ты думаешь, тебя ждет великое будущее. Я же предвещаю тебе крах. Лучше разреши мне помочь тебе.

Девушка отвернулась от Сайлы и пошла по тропинке; Сайла последовала за ней. Через минуту Джалита остановилась. Взглянув Сайле в лицо, она прижала руку к груди.

— Тебе следует кое-что узнать. Три Территории в опасности. Сайла, я боюсь. Я не желаю никому зла, я просто боюсь.

— Я знаю. Я подожду, пока ты сможешь доверять мне. В этом деле замешано огромное множество людей. Юность и красота — слишком слабое оружие в такой игре, Джалита. Ты очень быстро проиграешь.

Мысленно Джалита снова поздравила себя — она ждала подобных нравоучений от Сайлы.

— Я вела себя очень глупо.

Жрица молча прикоснулась кончиками пальцев к ее вискам, как будто пытаясь через них узнать, что творится в голове у девушки. Джалита мысленно прокляла ее загадочную улыбку, заставляющую чувствовать себя пристыженной и сбивающую с толку. Наконец, все

так же безмолвно, Сайла удалилась.

Девушке хотелось завизжать, глядя на эту прямую спину. Еще никто не ушел от Джалиты, не заплатив за оскорбление.

Медленно, упиваясь своими мыслями о мести, девушка направилась к конюшне. Над ее головой прокричала чайка, голуби при ее приближении с шумом поднимались в воздух. Они удивленно смотрели сверху на рассерженную Джалиту. Осмотревшись по сторонам и убедившись, что рядом никого нет, она запустила камнем в голубей. Бедные птицы разлетелись во все стороны, не понимая этой резкой перемены.

Заметив приближение Джалиты, молодой конюх начал торопливо седлать ее лошадь. Она встала около него, одарив бедного парня надменным взглядом, — тот начал спотыкаться на каждом шагу. Замечательно. Девушка подошла поближе и стала наблюдать за тем, как мужчина возится с упряжью. Конюх был крепким белокурым парнем; глядя на него, Джалита подумала о новом китобойном судне, пахнущем свежесрубленным деревом. Золотистые волосы на крепких руках юноши блестели в лучах солнца, пробивавшихся сквозь щели в стенах. Лицо его было чисто выбрито, а от тела шел запах душистого мыла и какой-то другой неуловимый аромат.

Наконец конюх потуже затянул подпруги и отошел от лошади. Он взглянул на Джалиту своими огромными голубыми глазами. На мгновение девушка увидела перед собой не робкого, застенчивого юношу, а настоящего красавца мужчину.

Джалита сунула ногу в стремя и оперлась на плечо парня — тот задрожал, как осиновый лист. Девушка упрекнула себя, что уделяет слишком много внимания этому конюху. Она резко вскочила в седло и умчалась из конюшни, ни разу не оглянувшись.

Сейчас некогда было бездельничать. Дороги уже почти замело снегом; не за горами весна, а с нею придут Скэны вместе с Летучей Ордой. Нет, ее бездействие может сыграть с ней плохую шутку. Уже самое время заставить этих глупцов уничтожить друг друга.

Мысли стремительно проносились в голове у Джалиты. Девушка чувствовала, что ей бросили вызов, и приняла его.

Они хотели причинить ей зло, не имея ни малейшего представления о ее нечеловеческой хитрости. Все: Сайла с ее пустыми угрозами; Лорсо — груда мышц и похоти; Гэн Мондэрк и его отвратительно сентиментальная жена; глупый Эмсо; Слезы Нефрита, которая теперь слишком далека. Старая. И обреченная.

Налатан.

И снова мысли смешались в ее голове. Видение воина-монаха сплелось с образом Лорсо. Эмсо. Конюх. Сайлу охватило безразличие. Но что-то глубоко в душе беспокоило девушку.

Джалита изо всей силы ударила ладонью по крупу лошади — та поскакала как безумная. Боль в руке и быстрая езда развеяли грустные мысли девушки. Ее длинные волосы развевались на ветру, кровь быстрее заструилась по жилам. Откинув голову, Джалита громко засмеялась. Она теперь знала. Джалита знала.

Луис Леклерк был самым лучшим мужчиной в мире.

Он был мечом безымянной магической силы.

Он любит Джалиту, и она будет принадлежать ему.

Глава 61

Еще не доезжая до фермы Леклерка, Джалита перевела свою лошадь на шаг. Ей вовсе не хотелось явиться туда растрепанной, на взмыленной лошади. Леклерк, конечно, был дурак, но осмотрительность не помешает, даже когда имеешь дело с дураками.

Она представила себе, что думают фермеры, попадавшиеся ей по пути, о хриплом смехе, с которым она ехала по узкой дороге. Наверно, будут рассказывать об этом всем встречным и поперечным. Лениво улыбнувшись, она пожала плечами. Слишком поздно об этом беспокоиться. Скоро у них не будет недостатка в рассказах о дикой Джалите, которые

они смогут нашептывать. Если посмеют.

Слева от Джалиты аккуратными ровными рядами стояли голые яблони. Сырой ветер раскачивал их изогнутые ветви. Справа на длинных узких грядках росли озимые. Джалита узнала бледно-зеленые листья салата, которые почти заглушал шпинат. А вот несколько грядок с чесноком, шалотом, черемшой и другими растениями, которые были ей неизвестны.

Леклерк выращивал овощи такими способами, какими никто другой даже не пытался. В случае удачи он щедро делился приобретенными знаниями. Фермеры были ему за это благодарны. Но при этом не забывали перешептываться у него за спиной. Ходили всякие россказни. Чей-то двоюродный брат что-то видел. Или племянник. Возможно, не видел, но двоюродный брат или племянник знали того, кто видел. В конце концов, ведь сам Леклерк говорил, что секрет гремящего черного пороха, разрушающего стены и разрывающего людей на кусочки размером меньше кошки, заключался в пепле, смешанном с серой и пометом голубей.

Было страшно даже подумать, что можно управлять таким человеком.

Еще страшнее было подумать о том, что это мог сделать кто-нибудь другой.

Он вышел встречать ее. Ревность так и витала вокруг него, подобно ядовитому облаку.

— Прошло много времени. Я уже было решил, что ты никогда не вернешься.

— Я надеялась, что ты приедешь в Олу. Я искала тебя каждый день.

Леклерк покачал головой.

— Это глупо. Я не хочу с тобой встречаться, если не могу быть честным с тобой. И с собой. Я думал, что ты разделяешь эти чувства.

С грустным видом Джалита пустилась в объяснения:

— Я боюсь одна отравляться в столь далекий путь. Но мне этого хотелось. Нила все время занята маленьким Колдаром. У женщин Учителей и у Сайлы свои дела, а я, по сути, никого другого и не знаю. — За этим снова последовала деликатная пауза, сопровождаемая многозначительным взглядом. — Там нет никого, с кем бы же хотелось быть.

Бросившись к Джалите, Леклерк помог ей спуститься из седла. Мальчишка-конюх отвел лошадь. Снова они были одни. Леклерк вел себя по-дружески, однако Джалита чувствовала его напряженность.

— Гэн больше не расспрашивал о тебе и Эмсо? Эмсо не пристает к тебе? Никто не запрещал тебе меня навещать?

— Нет, не запрещал. — Опустив глаза, она снова наградила Леклерка трогательным взглядом. — Я гостья, Луис, я знаю свое место и как себя вести в ответ на оказанное мне гостеприимство. Эти люди, твои друзья, они очень хитры. Они, не прибегая к помощи слов, дают таким, как я, понять все. Не так, как я. Я слишком проста, не такая, как они.

— И какие же они, по-твоему?

Они как раз подошли к двери, и Джалита остановилась, прислонившись к косяку.

— Они хотят управлять всем, что происходит, всеми людьми. А я только хочу быть счастливой. И уверенной в своем будущем. Женщине нужно это.

Он повесил ее куртку в комнате. Тяжелая дверь приятно хлопнула, когда он закрыл ее, будто Леклерк приказал холоду держаться подальше. Он был краток.

— Да. Женщин нужно оберегать.

Джалита внимательно посмотрела на Леклерка, но тот отвернулся от нее. Она подошла к одному из мягких стульев и села.

— Я следила за Гэном. Конечно, с моей стороны это нехорошо, ведь я его гость. Но он самый сильный из всех мужчин. Он не самый крупный и не самый высокий. Почему он оказался вождем? Я думаю, потому, что он умен и силен.

— Конечно. — Подбирая беспорядочно разбросанные предметы, Леклерк подошел к печке. На ней в длинноносом чайнике кипела вода. Леклерк снял чайник и разыскал в шкафчике керамическую банку с травяным чаем. Отмерив порцию чая, он бросил его в чайник, достал две медные кружки и присоединился к Джалите. — Ты очень чуткая. Мне кажется, что ты больше видишь и понимаешь о жизни в том несчастном замке, чем

признаешь.

Такие речи не очень понравились Джалите. Безразлично улыбаясь, она стала ждать продолжения.

— Чтобы управлять, необходим интеллект, — продолжил Леклерк. — Только человек с высокой моралью способен быть лидером. Без моральной честности руководство превращается в принуждение, и твои последователи становятся попросту твоими работниками. Или же оно превращается в обман, когда последователи верят в то, чего на самом деле не существует.

— Я запуталась. Я говорила о том, что Гэн дал мне…

— Гэн вредит не только тебе одной, — прервал ее Леклерк. — Он предает нашу веру в него.

Джалита похолодела. Разговор о предательстве мог означать мятеж или дезертирство. И то, и другое нарушило бы ее планы. Леклерк должен понять, что его первая задача — отвести угрозу, нависшую над Тремя Территориями. Всему свое время.

— Луис, ведь он — Мурдат. Он нужен всем нам, чтобы победить Скэнов и Летучую Орду.

— И мы их победим! Это я тебе обещаю! — Леклерк принялся разливать чай, а Джалита поудобнее устроилась на своем стуле. Наконец беседа вошла в нужное русло. Она обхватила себя руками. Когда-нибудь замок Олы будет наполнен кожаными стульями. Куда бы она ни пошла, они будут ждать ее. И рабы. И прекрасная пища и одежда.

Комната наполнилась ароматами трав; это напомнило Джалите, как ребенком она собирала их с матерью. Девочка была счастлива, но невежественна. И от нее пахло рыбой и дымом очага.

Джалита почти незаметно наклонилась вперед. По ее слегка раздвинутым губам пробежал розовый влажный язык.

— Ты единственный из всех здесь, которому я могу доверять. И не только здесь, а во всем мире.

Резко поднявшись, Джалита подошла к печи. Она позаботилась стать так, чтобы Леклерк видел, как она дрожит. По комнате распространился чад от пролившейся на плиту жидкости.

— В чем дело? — спросил Леклерк. — Почему ты так расстроилась?

— Все из-за этих постоянных разговоров о войне и власти. Это означает, что пострадают люди. — Джалита повернулась к Леклерку. — Вы их всех победите. Я в этом уверена. Ты будешь рядом с Гэном и укрепишь для него Три Территории. А я буду принадлежать старику, который будет больше заботиться о своем коне, чем обо мне.

Из глаз Джалиты ручьем потекли слезы. Она задрала подбородок вверх. Это была крайне неудобная поза, но зато эффект был потрясающим.

Леклерк бросился к Джалите, но она остановила его взмахом руки и воскликнула:

— Нет! Не подходи ко мне. Ты не должен принимать на себя мои заботы. Это было бы несправедливо.

— Мы должны что-то предпринять. — Леклерк переступил с ноги на ногу, его руки подрагивали так, будто он хотел до чего-то дотянуться, но не решался.

Взвесив все «за» и «против», Джалита решила продолжить свою игру. Для того чтобы безраздельно управлять Леклерком, она должна была разорвать его связи со всеми другими. Слезы Нефрита объяснила это предельно ясно. Ошибка старухи состояла в другом — она недооценивала Джалиту. Уняв свои слезы, Джалита проговорила:

— Не надо. Тебе нельзя, иначе Гэн решит, что ты ненадежен, он не станет тебе доверять.

— Мы его обработаем. Мы найдем способ заставить его изменить свое отношение к Эмсо.

— Дело не только в Эмсо. Кейт Бернхард. Твоя соплеменница. Я замечала, как она на тебя смотрит. И ты на нее смотришь так же, хотя и притворяешься. Я это видела. Я не могу

становиться между вами.

— Между нами?.. Но ведь ничего нет… — взволнованно пробормотал Леклерк. Подергивание его рук перешло в широкие беспорядочные взмахи. Его лицо покрылось краской. Он отвел взгляд от глаз Джалиты.

Джалита была удивлена. Оказывается, все сложнее, чем она предполагала. Пожалуй, даже сложнее, чем это представлял себе Леклерк, с усмешкой подумала Джалита. Этот дурак смог осознать свои чувства только после ее слов. И то лишь для того, чтобы все отрицать. Мужчины. Они были бы гораздо занимательней, если бы не были столь глупы. Девушка подавила вздох. С просительными интонациями в голосе Джалита проговорила:

— Ты уверен, что не испытываешь к ней никаких чувств? Это правда?

Объятый желанием, Леклерк поднял руки. Джалита позволила себя обнять. Он осторожно прикоснулся к ее плечам, а потом сильно прижал ее к себе. Его сосредоточенный взгляд, с сузившимися от желания до точек черными зрачками, насмешил Джалиту. И от обмана, подумала она. Еще Джалита подумала о том, какая именно ложь так явно отразилась на лице Леклерка.

В принципе это не имело никакого значения. Больше не имело. Когда он притянул ее к себе, она ответила тем же. Он был неуклюжим, совсем как Лорсо, но значительно более нежным. Заботливым. И таким же страстным.

Когда ее блузка упала на пол, Джалита ощутила спиной тепло, идущее от печи. И вскользь почувствовала разницу между этим теплом и разгоравшемся внутри пламенем желания, которое постепенно сжигало все ее мысли и тревоги.

Проявив неожиданную силу, Леклерк подхватил ее на руки и понес к дверям, ведущим в другую комнату. Закрыв глаза, Джалита представила себе освещенного лунным светом Лорсо, лоснящегося от пота, с играющими могучими мышцами. Его шею, подобную стволу дерева; вспомнила, как напрягалась его рука, когда он подтягивал подпругу.

В спальне было темно. С полузакрытыми глазами Джалита получала удовольствие от восхитительной нереальности происходящего. Сильно запахло мужчиной. Она чувствовала тяжелое, грубоватое движение и тепло, силу и насилие. Потом она оказалась на кровати, и он был с ней, она вся горела от желания, от ощущения, что отдается.

Перед ее мысленным взором проносились образы. Лорсо. Конюх. Леклерк.

Потом, лежа рядом с затихшим, глубоко дышавшим Леклерком, она оперлась на локоть и стала рассматривать его расслабленное лицо. Лицо спящего было до возмутительности непроницаемым. Разве она что-то произнесла вслух? Неужели она произнесла имя этого жесткого, незаинтересованного человека? Даже сейчас, когда она была пресыщена, уверена в своей победе над Леклерком, мысль об этом лице снова разожгла в ней желание. Она протяжно прошептала:

— Налатан. Налатан.

Глава 62

— Ты не можешь требовать этого от меня!

— Налатан, это не шпионство. Просто говори с ней, слушай, что она говорит. Она тобой восхищается. Так мы сможем понять, что делает Леклерк.

— Сайла, ты понимаешь, что говоришь? Ты хочешь, чтобы я вошел к ней в доверие и пересказывал тебе все, чем она со мной поделится?

Желудок у Сайлы сжался в комок. Налатан повторил все то, что она говорила себе самой. В устах другого это звучало еще более неприглядно. Она подошла к одному из массивных кресел, стоящих перед камином в зале аббатства, и тяжело опустилась на него.

— Сдаюсь. Мне стыдно. Прости меня.

Подняв лежавшую возле камина кочергу, Налатан пошевелил дрова в камине. Сайла невольно улыбнулась: это был толстый металлический стержень длиной с ногу мужчины со зловещего вида крюком на конце. Она часто пользовалась кочергой, но ей приходилось

держать ее обеими руками, особенно когда крюк застревал в дровах. В руке Налатана кочерга послушно мелькала среди пылавших дров. Теперь его грубоватое честное лицо было спокойно.

Налатан нарушил наступившее было молчание:

— Ты так опасаешься Леклерка? Или это касается девушки? — Налатан говорил тихим голосом, растягивая слова, как было принято в его родной пустыне. Сайла помнила, что Налатан использовал этот прием, когда хотел быть официальным. Ее это задело.

— Я не опасаюсь ни того, ни другого. Мой опыт подсказывает мне, что девушка не заслуживает доверия. Этот мужчина располагает могуществом. Он знает такое, что мы не можем даже представить себе, и охотно делится своими знаниями с нами. Или нет?

Налатан воткнул крюк в сгоревшее полено. Неприятно заскрипели угли. По коже Сайлы пробежали мурашки, она вцепилась в подлокотники кресла.

— Я все еще служитель Церкви, несмотря на то что меня, как и тебя, отлучили. А еще я твой друг. Я воспользуюсь своим правом тебя предупредить. Церковь не может отказаться от своего нрава самозащиты, но при этом она обязана защищаться от того, что доподлинно ей известно, а не от того, что только предполагается. Не хочешь же ты лишиться своего доброго имени? Из-за не заслуживающей доверия девушки? Из-за одинокого мужчины?

— Ты очень добр. Я горжусь тем, что ты считаешь меня своим другом. Мне нужна твоя мудрость.

Налатан тихо рассмеялся.

— Мудрость. Я еще не спятил, поэтому некоторые считают меня умным.

Оба понимали, что он имеет в ввиду долгое безвестное отсутствие Тейт. Что же тут можно было сказать? Налатан вытащил кочергу из огня и внимательно стал ее разглядывать, будто ответ на его вопросы был среди следов, оставленных на кочерге кузнецом. Держа кочергу в правой руке, он осторожно положил ее на бедро. Неожиданно он схватился за крюк левой рукой. Сайла видела, как на его лбу выступили капельки пота. Налатан мучительно улыбался. Пот тоненькими струйками сбегал по его лицу. Жилы на шее вздулись. Медленно и неотвратимо кочерга стала сгибаться.

Сайла была уверена, что почувствовала запах паленой кожи. Она протянула было к нему руки, хотела крикнуть, чтобы он перестал, но остановилась. Поступок Налатана поставил ее в тупик. Все же в этом было какое-то неясное понимание, намек на протест, выразившийся вызовом и болью.

Налатан отбросил испорченную кочергу. Она загремела на каменном полу, вызвав целый каскад эха в огромном зале. Он поднялся на ноги, и колено, которым он упирался в кочергу, громко хрустнуло. На шерстяном полотне брюк остался черный след.

— Вот моя мудрость! — Движением подбородка Налатан указал на кочергу. — И здесь. — Он поднял левую руку, на которой вздувались волдыри. — Вот что у меня остается без нее. Сила и терпение. Я терплю.

Что-то подсказало Сайле, что ей лучше промолчать. Налатан удалился.

Он был благодарен Сайле за то, что она не проронила ни слова. Клокотавшая внутри его ярость грозила превратить его в подобие несчастных животных, заболевших бешенством. Он дважды видел таких бедолаг. Воспоминания об этом преследовали Налатана. Взбесившиеся собаки шатались, выли и скалились, кусали кого попало. Укушенные ими также становились обреченными. Обычно Налатан усмирял свою ярость, доводя себя до полного изнеможения. Ежедневно он занимался тренировками с Волками, переходя от одной группы к другой, вступая в поединок с теми, кто хотел проверить свою сноровку. Это было прекрасной отдушиной. Он мог играть в убийство, не отвечая за последствия. Никто из старательных молодых воинов не понимал зловещего смысла странно моргающих глаз Налатана, его неожиданно раздувавшихся ноздрей. Они не понимали, что такие сигналы всегда предваряли разящий выпад или удар. Никогда им не узнать, как трудно было Налатану удержаться от этого выпада или не нанести смертельный удар.

Сегодня звуки ударов стали о сталь и возбужденные мужские крики притягивали его к

себе, как звук журчащей воды притягивает к себе жаждущего.

Помещение для переодевания представляло собой длинное приземистое сооружение на краю тренировочного поля. В торцах имелось по двери, вдоль стен через равные небольшие интервалы располагались окна. Внутри помещение было таким же угрюмым, как и снаружи. Повседневная одежда воинов помещалась в грубые полотняные мешки, висевшие на вбитых в стены крюках. Тренировочные доспехи, если их не надевал Волк, были аккуратно сложены под пустым мешком. После вчерашней бури стояла прекрасная погода. Помещение продувалось крепким ветерком. Через окна в него врывались золотистые столбы солнечного света.

Налатан натянул плотную хлопковую фуфайку, поверх нее тяжелую кожаную куртку с тонкими защитными стальными пластинами. Металлические полоски были и на кожаных штанах. Затем настала очередь стального шлема Оланов с кожаной подкладкой. Налатан его ненавидел. В нем было жарко. Прикрывавший шею и уши кожаный колпак плохо пропускал звуки, но создавал какой-то отдаленный раздражающий рев. С ворчанием он завязал шнурки шлема под подбородком. Налатан был вынужден признать, что шлем несколько раз спасал его от головной боли. И, наверно, от нескольких шрамов. Наконец негнущиеся рукавицы, в которых можно было держать только пику или мурдат.

Надевая левую, Налатан царапнул свежий ожог на своей ладони. Он поморщился больше от досады, чем от боли.

Его личное оружие стояло у стены, забытое на долгие недели. С чувством вины Налатан взял в руки меч и боевой посох. Стоя один в залитом солнечным светом помещении, Налатан вспомнил, как однажды танцевал с оружием. Был жаркий праздничный день. За ним наблюдала Тейт. Музыкант заставлял барабан звучать в ритме биения его сердца. Налатан вспомнил, как трудно было танцевать на песке. Ликующая в его сердце любовь рассмеялась над этим препятствием и сказала:

— В таком случае ты будешь летать! Тебя ничто не может остановить! — И Налатан летал. Потому что Тейт была рядом с ним.

Меч в его правой руке позвякивал о посох, когда Налатан выходил на улицу. Его окликали улыбающиеся друзья. Он отвечал на их улыбки, произносил приветствия, отзывался на их грубоватый юмор.

Им нельзя было позволить увидеть кровавого разъяренного зверя, таившегося в нем.

К Налатану подошел его давнишний приятель-десятник.

— В моей десятке новичок, с которым тебе следовало бы познакомиться. Из баронства Фин. Ты знаешь, это одна из старых территорий Харбундая. Он любит рассказывать о боях с Ква. У него несколько шрамов.

В голове Налатана промелькнула какая-то мысль.

— Вот как? Пусть паренек посмотрит, пока я потренируюсь с кем-нибудь более подготовленным.

Десятник было заколебался, но снова взялся за свое:

— Парнишка видел, как ты сюда шел. Он спросил, не служит ли тебе посох палкой для ходьбы? Вся десятка слышала это, Налатан.

Ничто не могло быть более опасным, сказал сам себе Налатан. Вызов от храброго болвана. Ждущие развлечения мужчины. Он проклинал дурачка, вынуждавшего его нанести удар.

— Давай его сюда!

— Какое ему дать оружие?

— Любое, которое он в состоянии поднять!

Все тренировавшиеся Волки окружили Налатана, подобно листьям, подхваченным водоворотом. Десятник, за которым шел его новобранец, едва пробился к нему. Налатан вздохнул при виде бросившего ему вызов юноши. Рослый, плотно сбитый, но с еще по-юношески не сформировавшейся мускулатурой, парнишка был настолько же нервным, насколько и гордым. Это сочетание давало неуверенную агрессивность, подействовавшую на

измотанные нервы Налатана, как соль на рану.

Монотонно повторили правила схватки. Налатан окинул взглядом своего противника.

Юноша бросился вперед, восполняя храбростью зачатки техники. Парируя его атаку, Налатан отметил, что тот пытался нанести колющий удар. Большинство фермеров наносило рубящие удары, будто рубили кустарник. Налатан легко сделал ложное движение мечом и нанес противнику резкий удар по шлему шаром на конце своего посоха.

У того подкосились колени и смешно расширились глаза, из уголка рта показалась блестящая струйка слюны и потекла на куртку.

— Лучше тренируйся, как велят твои начальники, — сказал ему Налатан. — Ты храбр, но еще не готов.

Налатан отвернулся. Он дышал чуть легче, чем после разговора с Сайлой.

Предупреждением Налатану послужила вдруг нависшая тишина. Свист меча, мелькнувшего над его увернувшейся от удара головой, опередил крики ужаса собравшихся. Упав, Налатан мгновенно перевернулся и вскочил на ноги с мечом, готовым к нападению, и посохом, изготовленным к обороне.

Взревев, юноша прыгнул вперед.

Зверь в груди Налатана радостным рыком приветствовал свое освобождение. Лязг стали о сталь был сладостной, возбуждающей музыкой. Налатан отступал, изредка нанося удары только для того, чтобы предотвратить колющие удары противника. С каждым мгновением уверенность молодого человека росла.

Мало-помалу новобранец стал понимать, в каком затруднительном положении он оказался. Зверь в душе Налатана торжествующе бушевал и выл.

От окруживших их воинов слышался возбужденный гул. Налатан двинулся вперед, и они подбадривающе закричали, высказывая свое презрение потерявшему инициативу. Налатан теснил юношу. Ослабевший, поставленный в тупик навязанной ему манерой ведения боя, он дико размахивал мечом, едва успевая отбивать сыпавшиеся на него удары.

Налатан как будто играл с ним. Выпады его меча останавливались в волоске от тела противника. Посох в руках Налатана гудел. Шар с треском опускался на шлем юноши, колени которого гулко ударялись о кожаный щит. Наконец холодным расчетливым ударом Налатан ударил посохом по руке юноши, державшей меч.

Лицо того перекосилось от боли, и юноша отступил, шатаясь. Покачиваясь, едва стоя на ногах, он ждал, слишком молодой и храбрый, чтобы признать свое поражение. Тяжело дыша, он вымолвил:

— Я еще на ногах. Ты не победил, если я на ногах!

Теперь Налатаном полностью завладел сидевший в нем зверь.

Налатан стал кружиться вокруг юноши, внимательно его разглядывая. Это был хладнокровный выбор цели. Все затаили дыхание.

В глазах юноши стояли непролитые слезы растерянности, решимости и просто страха. И все же, прихрамывая, он двигался перед Налатаном.

— Налатан! — прозвучал женский голос. — Ты выглядишь как никогда хорошо! Ты уже закончил эту тренировку?

Налатан медленно выпрямился из боевой стойки, не сводя глаз с противника. Посох был готов нанести удар, меч направлен на новобранца.

— Нила?!

— Проезжала мимо и заметила, что что-то происходит. Я была уверена, что ты окажешься в центре событий, и поэтому подъехала ближе.

Осторожно отступив на шаг, Налатан спросил:

— Ну что, парнишка, закончим?

На свободное пространство выскочил десятник. Встав перед новобранцем, он обратился к Ниле:

— Парнишка так устал, что не может разговаривать, Налатан. С него достаточно. И всем нам тоже.

Его последние слова, которые он произнес опустив глаза, прозвучали как мольба. Волки поспешили утащить юношу подальше, пока язык не навлек на него беду.

Обращаясь к Волкам, Налатан произнес:

— Запомните то, что вы видели. Атака приносит победу отрядам. Оборона приносит победу отдельным воинам. Никогда этого не забывайте!

Налатан повернулся к Ниле и едва совладал с удивлением, заметив рядом с ней Джалиту, сидевшую на другой лошади. Нила ослепительно улыбнулась. Казалось, что яркое послеполуденное солнце засияло еще сильней. Она была одета в тяжелую шерстяную накидку темно-синего цвета, прошитую еще более темными фиолетовыми нитями, отражавшими свет. От этих нитей казалось, что ее накидка все время переливалась. Гриву золотых волос окаймлял отброшенный назад капюшон.

Джалита тоже улыбалась. Налатану на ум пришли мысли о шепоте, столь тихих песнях, что можно было усомниться в их реальности. Джалита была в капюшоне, из-под которого выбивались отдельные пряди блестящих черных волос. Они трепетали на ветру, резко выделяясь на фоне белого капюшона.

— Я тебя искала, — сказала Нила. — Гэн просил передать, что хотел бы встретиться с тобой. Ты свободен?

— Прежде мне нужно принять ванну и переодеться. Я присоединюсь к вам в замке.

— Ну что же. Вперед! Я передам ему, что придешь.

Джалита задержалась. Налатан избегал смотреть в ее сторону, чувствуя на себе ее взгляд. Она ждала, пока он повернется. Джалита улыбнулась, правой рукой заправив выбившиеся пряди волос под капюшон. Под ее взглядом Налатан потерял самообладание.

Неожиданно в Налатане снова проснулся демон, требовавший убить наглого юнца. Но теперь он шептал. Соблазнял. Говорил о скрытности и таинственности, о мягкой темноте. Он пел о наслаждении, о вожделении, подобном пламени.

Джалита улыбнулась еще шире — манящей, призывной улыбкой.

Глава 63

Налатан вышел из раздевалки. Был удивительно красивый закат. Пламенели неровные зубцы вершин Китовых Гор. Поля, леса, вся земля Олы были окрашены в теплые золотистые тона. Казалось, пушистые облака светились теплом, хотя кристально чистый воздух был холоден.

Налатан удивился, на первом же повороте дороги столкнувшись с десятником, за которым стояли его воины. Рука Налатана невольно легла на рукоять меча. Десятник показал свои пустые руки.

— Я не собирался застать тебя врасплох, Налатан. Я только хотел с тобой немного поговорить. Мы все видели, как ты расстроился, когда Ботул позволил своему языку опередить разум. Я думал, ты его убьешь. Я рад, что ты этого не сделал. Мне не следовало передавать тебе его глупые речи. Я хочу его воспитать как следует. Это моя работа, но я решил переложить ее на тебя. Это было ошибкой. Поэтому не держи на него зла за то, что произошло. Он хороший человек. Он не виноват в том, что случилось.

Какое-то время Налатан молчал — он просто не знал, что сказать. Наконец он обратился к Ботулу:

— Ты один из храбрейших людей, с которыми мне приходилось встречаться. Талантливый. Целеустремленный. В один прекрасный день ты меня победишь. Но вот этот, — и он кивнул в сторону десятника, — храбрее нас двоих вместе взятых!

Все десять воинов разинули рты. Налатан продолжил:

— Он принимает на себя твою вину. И мою. Он лидер не только потому, что умеет обращаться с оружием или силен, как бык. И не из-за тех проклятий, которыми щедро вас осыпает, пока превращает в настоящих Волков. Он лидер потому, что всегда знает, как правильно поступить. Все, чему вы научились от меня или Ботула, можно было бы узнать от

двух диких быков. Но если вы что-то поняли, то только благодаря этому человеку. — Налатан увернулся от остолбеневшего десятника прежде, чем тот успел вымолвить хоть слово.

У дверей в главный зал замка Налатана встретил караульный, который проводил его в небольшую боковую комнату. Гэн сидел за длинным массивным столом. Его кресло было сделано из светлого, почти медового цвета дерева, украшенного темными завитушками. Подлокотниками служили резные прыгающие тигры с зубами из слоновой кости и глазами из красных камней. Высокая спинка кресла была украшена большим изображением рычащей головы тигра.

Несмотря на ревущий в камине огонь, в комнате было холодно. Поверх обычной одежды Гэн натянул толстый шерстяной свитер, явно связанный кем-то из его почитателей. На ярко-красном фоне по диагонали были изображены желтые мурдаты. Увидев Гэна, вырядившегося столь ярко, Налатан удивленно поднял брови. В шаге от Гэна стояла Сайла, похожая на угрюмую тень. По ее виду было понятно, что она не забыла о своем разговоре с Налатаном.

У камина грелся Леклерк, одетый в темную плотную шерстяную куртку. За дальним концом стола сидел Эмсо, улыбнувшийся вошедшему Налатану.

— Не надеялся, Налатан, что ты так быстро явишься, — сказал Гэн. — Я хотел позже рассказать тебе о нашем собрании. Но, раз ты уже здесь, мы вместе обсудим новости.

Леклерк приблизился к столу. Налатан отметил, что Эмсо просто переступил с ноги на ногу, но не тронулся с места. Налатану бросилась в глаза домотканая шерстяная рубашка Эмсо, в которую были вплетены нити разного цвета и разной толщины. Вся она была усеяна узелками в тех местах, где ткачихой связывались порванные нити. Обрезки кости заменяли пуговицы. Его кожаные штаны были аккуратны. Все вместе производило впечатление нарочитой простоты.

Как ни странно, седая борода Эмсо была аккуратно подстрижена. Более того, Налатан заметил, что впервые Эмсо причесан.

Голос Сайлы прервал наблюдения Налатана. Все, о чем она говорила, было ему уже известно: имевшийся у Жреца Луны разрушитель стен бросал странные сосуды, воины Жреца стреляли огромными стрелами из катапульт, Жрец убивал людей молнией, его рабы что-то строили на побережье. Это уже не поражало воображение. Налатан относился к таким историям как к сказкам, которыми пугают новобранцев.

Леклерк заинтересовался куда больше и подошел к Сайле. Воин-монах с интересом взглянул на него. Леклерк не был воином, как Тейт или Конвей, но он был искушен. На него не действовали дикие россказни.

Сайла закончила. Нахмурившись, Леклерк выпрямился, и все примолкли на пару мгновений, не желая нарушать ход его мысли.

Тишину разорвал грубый голос Эмсо. Седоголовый воин не подошел к остальным.

— Колдовство. Против нас действует колдовство, Гэн. Это испытание. Смотри, что происходит. Когда мы сражались против Алтанара, колдовство было дано нам. Оружие-молния нам здорово помогло в битве при Медвежьей Лапе. Когда армии Алтанара могли нас остановить, чужеземцы дали нам оружие-молнию. Когда перед нами оказались стены Алтанара, чужеземец дал нам колдовство, чтобы их разрушить.

Гэн нахмурился.

— Не было никаких чар, никаких заклинаний или другого колдовства. Просто наши друзья знают, как делать то, что не умеем мы.

Эмсо неуклюже отступил на шаг, почти скрывшись в темноте.

— Жрец Луны пользуется светом с небес, чтобы убивать своих врагов. Их отравляют змеи из пустыни. Слезы Нефрита вызывает демонов из морских глубин. Разве ты не понимаешь? Мы не просто сопротивляемся. Нас подавляют. Существуют силы, Гэн, которые мы не можем себе даже представить. Чужие силы, добрые и злые. Когда мы были на стороне справедливости, эти силы нас защищали, помогали нам.

— Мне не кажется, что я превратился в олицетворение зла, — с металлом в голосе заметил Гэн.

Заговорила Сайла:

— Эмсо, я тебя понимаю. И я согласна с тобой. Война против Жреца Луны и Слез Нефрита — это война против сил зла. Нам повезло, что с нами такой человек, как Леклерк, помогающий нам противостоять им.

Эмсо даже не взглянул в сторону Сайлы. Продолжая обращаться с Гэну, он сказал.

— Больше всего нам угрожает то, чего мы не видим или не хотим видеть. Я только хочу, чтобы ты взглянул на наши проблемы так, как ты это делал прежде, — хладнокровно и трезво. Мы назвали тебя Мурдатом. Ты — оружие, освободившее нас. Но никакое оружие не может противостоять ведьме. Как твой друг, готовый за тебя умереть, я прошу тебя подумать над тем, что с нами происходит.

— Все ли кочевники Летучей Орды ушли на побережье? — неожиданный и неуместный вопрос Леклерка заставил всех вздрогнуть. Гэн уставился на Леклерка, будто заметил выросший на его лбу рог. Изумленный Налатан широко раскрыл глаза. Костяшки пальцев Эмсо, крепко сжавшие рукоять меча, побелели. У Сайлы был вид человека, испытавшего облегчение. Именно она и ответила Леклерку.

— Так утверждается в донесении.

Продолжая где-то витать, Леклерк кивнул.

— Ради чего им уходить? Зачем менять лагерь в холодную и сырую погоду? Почему им так важно побережье?

Потирая лоб, Леклерк отошел к камину.

Заинтригованный Гэн встал и, обогнув стол, подошел к Леклерку.

— Все вы жили далеко от моря, — сказал Гэн. — Жрец Луны когда-то принадлежал к вашему племени. Отчего его так притягивает море? — Повернувшись к Сайле, он спросил: — Есть ли что-нибудь в культе Луны, связанное с морем?

— Только способность Матери-Луны управлять приливами.

Леклерк едва слышно пробормотал:

— Думай, Леклерк, пользуйся своей головой. Жрец Луны не дурак, он — сумасшедший. У него имеется генератор статического электричества. Вся эта остальная чепуха, вероятно, связана с генератором. Так называемый стенобой — пустяк. Мои катапульты выведут из строя эту кучу хлама в два счета. Но почему он так стремится к морю? Что этот маньяк затеял?

Оборвав свое бормотание, Леклерк жалобным тоном спросил Гэна:

— Когда наконец вернутся Конвей и Тейт? Они мне нужны!

Эмсо выступил вперед, на освещенный огнем из камина участок комнаты.

— Они уже подверглись испытанию, как и все мы. В горах прошли бури. Таких ранних и жестоких бурь никто не помнит. Они оказались в западне между неизвестными чужеземцами и убийственной погодой. Если они посланцы добра, то мы должны отнестись к их потере как к предзнаменованию.

— Предзнаменованию? Предзнаменованию?! — Леклерк медленно обернулся. — Ты хочешь сказать, что если мои друзья погибнут, то это предзнаменование? Это было бы трагедией, идиот ты этакий! Ты себе не можешь даже представить, какая это была бы потеря! Только безмозглый мог… мог…

Гэн схватил заикающегося Леклерка за руку и, рывком развернув к себе, прижал его спиной к стене.

— Ни слова больше! Никто не смеет оскорблять Эмсо в моем присутствии! Ты простишь ему эти слова и то, как он их сказал. — Не отпуская Леклерка, Гэн посмотрел на Эмсо и продолжил: — Ты говоришь о соплеменниках этого человека! Ты простишь его вспышку.

Пока Леклерк безостановочно повторял «да» и «конечно», челюсть Эмсо оскорбленно подрагивала. Наконец он выдавил из себя:

— Я сказал больше, чем следовало, — и разразился неожиданным грубоватым смехом, который еще больше усугубил воцарившуюся в комнате гнетущую атмосферу. Прервав свой смех, Эмсо произнес: — Вот так всегда бывает. Самое незначительное превращается в главное. Самые незначительные слова оказываются самыми громкими.

На этом он отсалютовал, подняв кулак к правой скуле. Гэн освободил Леклерка, который машинально отсалютовал в свою очередь. Гэн широко улыбнулся.

В Леклерке вспыхнуло чувство обиды. Он расценил эту улыбку как снисхождение, будто знаменитый воин притворялся, что признает плюгавого мыслителя равным себе. Обида становилась все сильнее — с ним грубо обошлись и отругали за то, что он осмелился высказать свое мнение. Леклерк пытался себя убедить, что он выдумывает мелодраму, что Эмсо не имел в виду ничего плохого. И все же, когда он украдкой взглянул на Эмсо, продолжавшего скрываться в темном углу, по спине его пробежали мурашки.

Гэн прошел вдоль стола и встал перед своим старым другом Эмсо.

— Я читаю в твоем сердце, а ты — в моем. Мы сражаемся во имя того, кто в нас нуждается. Мы правим потому, что чувствуем, что обязаны. Тебе известно пророчество, которым я руководствуюсь.

— Я страшусь его, — правдиво ответил Эмсо. — Твоя мать говорила, что перед тобой всегда будут две дорога, одна из которых приведет к славе, а вторая — к позору. Ты всегда должен двигаться вперед, всегда делать выбор. Я чувствую вкус воздуха на этой тропе. И он отдает вонью позора!

— Пусть так, — ответил Гэн. — Тогда самое худшее, что может случиться, — моя гибель. Такие, как я, не могут жить в позоре.

Стиснув перед собой кулаки, Сайла бросилась к этой паре. Это было до смешного нелепое оружие против двух резко повернувшихся к ней мужчин. Их лица вдруг стали тревожными. Сайла клокотала от ярости.

— Разве смерть — единственное, в чем вы разбираетесь? Вы измеряете жизнь тем, как уходите из нее? Меня тошнит от вас! Слышать ничего больше не желаю о славе или позоре! Ты будешь жить. Ради сына и жены, даже если потеряешь все остальное! А ты, Эмсо! Ты сошел с ума? Ты нужен Гэну Мондэрку. Возможно, в глубине души ты никогда и не воспримешь меня, но никогда не соединяй имя этого человека с позором. Пока ты рядом с ним, ничто не опорочит его честь!

Когда она закончила, Гэн уже улыбался, а Эмсо заметно побледнел. Мондэрк попытался заговорить, его заглушил седой воин, который будто не заметил, что Гэн хотел что-то сказать. Его речь была неестественно пронзительной, слова торопливо срывались с губ.

— Ты права. У него своя судьба. И это и моя судьба. Что бы ни случилось, никто не смеет усомниться в моей преданности. Это известно всем. Особенно тебе, Жрица Роз.

— Я причинила тебе боль, — ответила Сайла. — Я этого не хотела. Когда-нибудь ты поймешь, что я была права.

Эмсо покачал головой. Он повернулся к Гэну.

— Я ухожу. Но прежде чем уйти, я скажу тебе слова, которые ты не должен забывать. Первое — колдовство. Второе — ведьма. А чем иным является Слезы Нефрита? Чем иным является Жрец Луны? Спроси себя, почему такие странные силы восстают против нас? Почему сейчас? Помни, только ты можешь выбрать свой путь.

Эмсо ушел. Он быстро вышел в дверь, и пламя освещавшего выход факела заколебалось. Повисло тягостное молчание, и все быстро разошлись. Первым откланялся Леклерк. Налатан вызвался проводить его, и Леклерк с радостью принял предложение. Когда они вышли из комнаты, Леклерк спросил, посмотрев в лицо своего более высокого спутника:

— Ты веришь всей этой болтовне о колдовстве и ведьмах? — Длинный коридор был освещен редкими свечами. В их неровном свете казалось, что вопрос повис в воздухе.

Налатан рассмеялся. Одновременно он незаметно осенил себя Тройным Знаком.

— Я был монахом, помнишь? Я отвечу так, как меня учила Церковь.

— Нет, нет! Ответь мне как Налатан. Скажи правду.

— Я верю в силу зла так же, как в силу добра. — Налатан удивился, что ему приятно говорить об этом с Леклерком. — Я верю, что люди обладают огромной внутренней силой. Мне приходилось видеть, как мужчины, не дрогнув, смотрели в глаза тем, кто отрезал им руки и ноги. Я видел людей, которые так ненавидели, что сила их ненависти изводила до смерти других. Возьми, например, Сайлу, которая боролась больше любого мужчины, отыскивая Врата. Она — Жрица Роз, военная целительница, но она руководила воинами. А Конвей с теми огромными псами. Он приносит смерть, как зимняя буря. А моя Доннаси. Мы шли за Жрицей в бой. Она этого требовала, потому что Церковь нуждалась в тайне Врат. И мы ей повиновались. Нами управляла сила.

— Сила разума. — Налатан резко повернулся, услышав юмористическую нотку в словах Леклерка, но тот, похоже, обращался к самому себе. Леклерк продолжил: — Ты размышляешь о причинах явлений. Это важно. Это, пожалуй, самое главное. Возможно, именно поэтому ты мне нравишься. Я чувствую, что ты родился не только для того, чтобы быть военной машиной, так же как и я… — Леклерк неожиданно остановился, а затем продолжил: — Признаюсь, я бы хотел стать таким воином, как Конвей или ты. Но я не могу. Зато я могу делать другое. Я заслуживаю лучшего обращения. Ну, ничего. Но вот что я тебе скажу: простой силой Летучую Орду и Скэнов не победить. Может, Гэну и нужен Эмсо. Но я ему абсолютно необходим. Больше, чем кто-либо может понять. — Почему-то эта мысль показалась Леклерку смешной. Он долго и громко смеялся. Налатан пожалел, что слишком темно и он не может рассмотреть лицо человека, способного извратить звуки веселья и заставить холодные камни звенеть скрытым одиночеством.

Глава 64

Казалось, тьма насмехалась над Налатаном. Успокаивающий запах моря и земли дразнил его. В его голове зарождались новые мысли, но все они неизбежно возвращались к образу его жены. В ее отсутствие в памяти всплывал каждый момент, который они провели вместе. Любая мысль о ней была ярким, затмевающим все остальное воспоминанием; оно одновременно и восхищало, и приносило нестерпимую боль.

Откинув одеяло, Налатан поднялся с кровати. Через открытое окно дул холодный ветер с моря. Он с радостью встретил его бодрящие порывы; уж лучше полностью проснуться и ощущать эту освежающую прохладу, чем расслабленно нежиться в теплой постели. Он без труда нашел свою одежду — расположение всех вещей в этой комнате было слишком хорошо ему известно, ведь он провел здесь много таких одинаковых ночей. Налатан едва заметно усмехнулся. Стража замка ненавидела его ночные прогулки. Это были хорошие, понятливые люди, но простые солдаты, несмотря на все обучение. Они с трудом воспринимали, что кто-то может приходить и бродить среди них, оставаясь при этом невидимым и неслышимым. Стражники ужасно пугались, когда он пытался поговорить с ними из темноты, а некоторые просто сходили с ума от страха. Он старался объяснить им о своем умении превращаться в воина-монаха, но те только обижались. Сейчас Налатан предпочитал не таиться, когда ему приходилось гулять по ночам, убегая от бессонницы.

Скамейки в саду вокруг замка были расставлены по тщательно продуманному плану — с любой из них должен открываться наилучший вид на постройки и буйную зелень замкового парка. Однако в темноте это не имело никакого значения, и Налатан сел на первую попавшуюся.

Увидев человека, крадущегося вдоль стены, он не поверил своим глазам. Но вот фигура снова продвинулась в темноте. Мгновенно забыв о своих болезненных воспоминаниях, Налатан схватился за рукоятку меча.

Крадущийся человек старательно прижимался к стене. «Интересно, кто бы это мог быть? — подумал Налатан. — Один из слуг? Любитель тайных свиданий?» Человек бесшумно двигался вдоль стены. Его правая рука, едва различимая в темноте, была поднята,

согнута в локте и отведена за плечо. Вытянув левую руку, человек нащупывал путь. Это был мужчина, причем вооруженный мужчина. Кто же это? Негодяй стражник? Или шпион, покидающий территорию замка, чтобы передать донесение?

Налатан пригнулся, чтобы лучше разглядеть силуэт на фоне стены, и тихо последовал за этим человеком. Так они медленно крались в темноте друг за другом.

Двое стражников не торопясь вышли из открывшейся двери как раз напротив незнакомца у стены. Луч их фонаря выхватывал желтым пятном каменную аллею и ряды кустарника вдоль нее. Человек укрылся в этих кустах. Налатан решил, что завтра же утром нужно будет их подстричь.

Налатан наблюдал, как выходит стража, затем громко захлопнул за ними дверь и отступил назад. Они обернулись в его сторону. Спокойно болтая, эта парочка прошла на расстоянии вытянутой руки. Налатан с трудом подавил в себе дикое желание сделать большой прыжок и треснуть обоих сзади по шлемам.

Человек в кустарнике терпеливо выждал, когда отойдет стража, и поднялся снова. Налатан подумал о нем даже с некоторым уважением. Кто бы он ни был, этот человек понимал, что такое ночная работа.

Однако, поднявшись, человек направился не к замковым воротам, как того ожидал Налатан. Впереди у него по правую руку были конюшни. Но было не похоже, чтобы кто-то пытался покинуть территорию замка верхом на лошади — никто не проходил через ворота.

Аббатство Фиалок. Налатан поднял глаза на его крутые островерхие крыши, устремленные к звездам.

Сайла.

Церковные фанатики стремились убить ненавистных им врагов Церкви. Они уже однажды сделали такую попытку, и Налатан с содроганием вспомнил об этом ужасе. Значит, человек подкрадывался к спящей женщине, Жрице.

Преследуемый им человек отошел от стены замка и продвигался вперед, слегка пригибаясь к земле. Наблюдая за ним, Налатан лег на землю и сейчас ориентировался в основном по слуху. Он двигался, только когда слышал шорох движений. Если наступала тишина, воин-монах прикладывал ухо к земле, как это делают охотники. Наконец Налатан решился приблизиться к незнакомцу и задержать, не дав тому подойти к аббатству, но тут человек вдруг исчез. Спустя мгновение Налатан увидел его, шагающего прочь от аббатства в сторону моря и задней замковой стены. Сконфуженный, он поспешил вслед за ним.

Налатан думал больше о том, что этот человек может сделать, а не о том, что он сейчас делает. Внезапно он понял, что единственным звуком в этой ночи стал звук его собственных шагов, и сразу же присел на корточки. У него не было никаких мыслей о том, что ему дальше делать, и он решил выждать. Возможно, его услышали? Или увидели? Сколь осторожен тот человек?

В голове у Налатана шумело от напряжения, но он ждал, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте. До него донесся сильный, ни с чем не сравнимый запах — запах конюшен. Раздался звук, похожий на гулкий выдох, дверь конюшни открылась и сейчас же захлопнулась.

Налатан вспомнил о веревке, свисающей из верхнего окна сеновала. В надежде, что это ему поможет, он бросился к окну. Подергав за веревку, Налатан убедился, что она довольно надежна. Его руки окоченели от холода, и, чтобы хоть немного их согреть, он засунул ладони под мышки. Вскарабкавшись по веревке наверх, он пролез через окно и растянулся на мягком, благоухающем теплом сене, ожидая, пока успокоится дыхание. Отдохнув, Налатан осмотрелся.

Внезапно в комнате прямо под ним загорелся свет. Он уже собрался бежать, но понял, что находится как раз над помещением, где хранится корм. Какой-то человек, одетый в черное, ходил по этой маленькой комнате. Ее стены были затянуты плотной тканью, и вся обстановка говорила об уюте и порядке. У человека был фонарь, но плотная ткань служила надежной защитой, не пропуская лучи света наружу. Хорошенько рассмотреть его никак не

удавалось.

В темноте за пределами крошечного освещенного квадрата что-то двигалось. От конюшни донесся скрип — это скрипела дверь, подвешенная на смазанных крючьях. Наконец она закрылась. Вошедшего в конюшню человека никто не сопровождал.

— Привет? Есть здесь кто-нибудь?

Налатан тревожно вытянул шею. Джалита.

Фыркнув, беспокойно заржала в стойле лошадь.

Джалита сдавленно и пронзительно вскрикнула. Низкий, грубый мужской голос сказал:

— Успокойся, девочка. — Налатан сразу же узнал Эмсо.

Со своего места на краю чердака Налатан мог видеть только часть нижнего этажа конюшни. Пристраиваясь поудобнее на копне сена, он медленно повернулся на живот.

Налатан считал ниже своего достоинства задавать вопросы и отвечать на них. Оказывается, этот крадущийся во тьме незнакомец, которого он принял за шпиона, был виноват лишь в обычной похоти и глупости. И сейчас, забравшись наверх, Налатан наблюдал за этими двумя дурачками. Вероятно, Джалита отвечала на безумные надежды этого старика. Сцена как будто была специально разыграна для благородного Налатана. Он уже начал презирать самого себя. Узкая полоска света появилась снова, и Налатан повернул лицо к щели в полу.

— Все оказалось хуже, чем я предполагал, — раздался голос Эмсо.

Налатан склонил голову, прислушиваясь. Разговор не был похож на любовную беседу.

— Гэн говорил что-нибудь о Леклерке? О том, чтобы отдать меня ему?

Налатану были видны только их макушки, почти соприкасавшиеся рядом с горящим фонарем.

— Он ничего не сказал о тебе. Я ведь уже говорил: Гэн не хочет, чтобы люди знали, как он расплачивается людьми, награждая своих любимых слуг.

— Тогда о чем же шла речь? В чем дело?

— Магическое оружие Жреца Луны. Когда Леклерк услышал об этом, он обещал Гэну уничтожить его.

Налатан понял, чем вызвана длинная пауза после этой фразы, — Джалита обдумывала ситуацию. Это говорило о какой-то тайной власти, которую он до сих пор никак не связывал с этой женщиной. Он припомнил ее всепроникающий взгляд, ту быстроту, с которой она отвечала на вопросы. Ему пришло в голову, что рядом с Джалитой этой ночью был не один дурак, и Налатан решил уменьшить их количество вдвое.

Джалита тяжело вздохнула, прежде чем безропотно подчиниться удару судьбы.

— Тогда я обречена на гибель.

— Этому не бывать. Ведь он немногим лучше любого торговца. Я сам расскажу Гэну.

— Скажешь ему, что ты хочешь меня?

Эмсо задохнулся от волнения.

— Я? Я не… я имел в виду, я не могу просить тебя… Это безумие!

— Вот как? Ты действительно не можешь себе этого представить? Ты не можешь закрыть глаза и увидеть нас? Вместе?

— Конечно, могу. Но это невозможно. Ты сама об этом сказала. Гэн хочет, чтобы ты пошла к Леклерку.

— Потому что верит, что колдовская сила Леклерка может уничтожить оружие Жреца Луны, разве не так?

Эмсо с сомнением покачал головой. Джалита настаивала:

— И нам нужна победа Жреца Луны, чтобы объединить Церковь и культ Луны, чтобы Гэн заключил союз с Церковью для управления Тремя Территориями. Это ведь тоже справедливо, разве не, так?

Сверху, с чердака, Налатан наблюдал за Эмсо. Тот вздрогнул. Пламя фонаря отразилось от лица старика. На правой щеке у него был небольшой шрам; гладкая кожа сверкала, как драгоценный камень.

Запутывая Эмсо и пытаясь добиться от него согласия, Джалита продолжала:

— А что, если Жрец Луны узнает, что именно собирается сделать Леклерк, чтобы уничтожить его? — В тусклом свете комнаты смутно белела ее рука, выглядывавшая из широкого рукава. Длинные изящные пальцы приблизились к лицу Эмсо. — Мы не должны сердить Гэна: никаких споров, никаких подозрений. Я буду делать то, что должна, и ты будешь помогать мне. Мы должны быть вместе, это придаст нам смелости.

Взяв ее руку, Эмсо поцеловал кончики пальцев.

— Делать что? Ты только что сказала, что мы ничего не можем сделать. Даже за все колдовские секреты в мире я не могу допустить, чтобы ты имела дело с этим человеком. Если мне придется умереть, то сначала я убью его.

Мягко, но решительно она высвободила свою руку и снова погладила его по лицу. Налатан содрогнулся, представив себе, как она вытягивает душу из тела Эмсо этими изящными ручками. Голос Джалиты вернул его к действительности.

— Я узнаю секреты Леклерка. Он хочет меня. Он расскажет мне все, что я захочу, я передам тебе, а ты расскажешь настоятельнице Фиалок. Ее Жрицы могут отправиться куда угодно, даже в Летучую Орду. Истинная Церковь победит, Эмсо. Ты спасешь и душу Гэна, и его королевство.

Эмсо оттолкнул ее руку. Этот жест был твердым и решительным. Голос его стал суровым и жестким.

— Сделать так, как ты говоришь, значит предать Мурдата. Жрец Луны никогда не позволит оставить его в живых. Если я так помогу настоятельнице, то предам своего друга.

— Церковь хочет, чтобы Гэн Мондэрк остался целым и невредимым, чтобы его не убили. Когда станет ясно, что Гэн не может победить Летучую Орду, все наши друзья сразу отвернутся от него. Гэн не захочет, чтобы его Волки умирали понапрасну, он не захочет смириться с поражением. Церковь желает, чтобы он управлял Тремя Территориями от ее имени и советовался со всеми остальными друзьями Церкви. Ты не предаешь его. Ты сделаешь только то, что должен делать друг. Ты спасаешь его.

— Церковь нельзя разделить. Но я сражаюсь рядом с ним с самого начала.

Последние слова звучали явным оправданием, и Джалита отнеслась к этому с пониманием. Налатан увидел, как она придвинулась ближе к Эмсо и, наклонив его голову, положила ее себе на плечо. Пальцы Джалиты пробежали по его волосам.

— Ты самый добрый его друг. Возможно, единственный. — Седеющая голова Эмсо приподнялась, но Джалита твердой рукой вернула ее на место, продолжив тем же певучим голосом: — Сайла предала Церковь и сделала Гэна своим защитником. Мы знаем, что единственное ее желание — разрушить наши порядки, заставить наших женщин быть такими, какими они не хотят и не могут быть, воспитать детей так, чтобы они получили секретное знание, по праву принадлежащее только благородным и Церкви. Сейчас Гэн сражается с Церковью. Черная Молния и Белый Гром — где они теперь? Почему Ланта с ними, а Налатан нет? Сайла не такая уж сильная ведьма, но у нее есть Ланта, провидица, которая заодно с ней. Бедный Налатан. Черная женщина покинула его. Ланта сейчас вместе с ней и с Конвеем; все плетут сети заговора, чтобы собрать силы для борьбы с Церковью. Это дьявольские силы. Признай это, Эмсо; ты думал о том же. И Леклерк, предназначенный мне в мужья. Ты видел, как он смотрит на Гэна; он будет помогать ему до самого конца. Теперь очередь за тобой. Верни Гэна Церкви, заставь его слушать тех, кто может сделать Три Территории могущественными. Только ты способен на это.

Ветер свистел в продуваемом насквозь чердаке, завывая во всех углах и щелях. Налатан продрог до костей. Он попробовал пошевелиться, чтобы хоть немного согреться, но оказалась, что его рука прижата рукоятью меча. Ему пришлось потихоньку высвобождать пальцы.

Голова просто раскалывалась от боли на промозглом ветру. Никого, кроме Эмсо, невозможно было так опутать этой ложью. Налатан знал, что он должен остановить ее, даже если ему придется шпионить за Джалитой. Она словно сама безжалостная Сушь,

выпивающая силы жертвы, каплю за каплей. Она не оставит ничего, кроме отвратительной пустой шелухи, и народ назовет ее предательницей.

Лгунья.

Теперь понятно, что значила решимость Леклерка, когда он говорил о своей собственной значимости и своих правах.

Лгунья?

Сайла заручилась поддержкой Гэна.

Лгунья?

Доннаси скоро должна вернуться. Она придет вместе с провидицей. После той клятвы никто, кроме Конвея или других чужеземцев, не должен знать, где находится святыня.

Лгунья?

Глава 65

Встревоженный открывшейся ему опасностью, Налатан пропустил часть разговора. Он был близок к панике, когда звонкий смех Джалиты вернул его к действительности. Налатан не знал, что именно он прослушал и что так позабавило ее. Джалита продолжала:

— Наши женщины воспитаны правильно. И Завет Апокалипсиса говорит нам: *«В мужчине есть сила Церкви, а в женщине есть жизнь мужчины и что она должна получать поддержку от мужчины и от Церкви»* . А как женщина может получить защиту, если за ней не присматривают? Для нее это только благо, и мы уважаем тех мужчин, которые знают об этом. Нам это нравится.

— Ты цитируешь Завет. Ты такая молодая, но многое понимаешь.

— Я знаю только то, что кажется мне правильным.

Налатан содрогнулся от жуткой иронии этих слов.

Джалита и Эмсо все еще продолжали обниматься, но сейчас Эмсо сидел прямо, глядя в глаза Джалиты и пытаясь увидеть в них какой-то скрытый мир. Ее слова плыли над бледным облачком дыхания.

— Проведи остаток этой ночи здесь, вместе со мной. Возможно, у нас больше не будет случая, пока ты не спасешь Гэна и мы сможем рассказать ему все о нас. — Джалита подарила Эмсо легкий поцелуй, но немного отодвинулась, ускользая из его объятий. Рука Эмсо лежала у нее на плече. Глядя на Эмсо дразнящим взглядом, Джалита не торопясь развязала шнурок своего плаща. Он соскользнул с нее, как струящаяся вода, увлекая за собой капюшон. Освобожденный клубок черных волос рассыпался живым потоком по ее плечам. Под плащом была блузка. Белые пальцы Джалиты, танцующие по темной материи, расстегивали кнопки.

Эмсо застонал, и, казалось, этот стон шел из самой глубины его сердца. Джалита чуть улыбнулась ему. Налатан старался смотреть в сторону — ему тяжело было видеть эту улыбку. В ней не было тайного уговора, или обещания, или даже предвкушения. Налатан сказал себе, что это ему просто кажется, но не мог избавиться от ощущения, что в ее глазах был триумф.

Распахнутая блузка высвободила роскошную грудь цвета слоновой кости. Джалита раздевалась медленно, как бы обдумывая каждое свое движение, все больше и больше затягивая Эмсо в этот добровольный плен. Обхватив пальцами концы полностью расстегнутой блузки, она распахнула ее еще шире. На небе появился бледный ореол полумесяца, подчеркивая совершенную округлость ее белоснежной груди.

Но тут Джалита резко запахнула блузку. Эмсо, спотыкаясь и барахтаясь, сжимал в пустых руках воздух.

— Что это было? — Джалита задышала тяжело и тревожно. — Я что-то слышала! Здесь кто-то есть, Эмсо. Я слышала.

Джалита прислушивалась, повернувшись и нагнувшись вперед, встав между Эмсо и крошечным фонарем. Возбужденный и захваченный врасплох, Эмсо метался, как человек,

которого охватил приступ боли или страха. В отчаянии он пытался пробраться к фонарю и погасить его. Джалита мешала ему, и он буквально оттолкнул ее в сторону. Свет погас, и вокруг воцарилась полная тишина.

Налатан прекрасно знал, что ни единый звук не прерывал разыгранный Джалитой спектакль.

Он пропустил последнюю часть этого вероломного представления, сосредоточив все внимание на Эмсо, обследовавшем помещения конюшни. Когда Эмсо вернулся, Налатан решил оставить свой наблюдательный пункт.

— Побудь здесь, — сказал Эмсо Джалите. — Я уверен, что снаружи тоже никого нет, но пойду посмотрю и вернусь за тобой. Мы возвратимся в замок вместе. — Джалита, по-видимому, пыталась возражать, потому что Эмсо твердо и решительно ответил: — Я не должен позволять тебе идти одной. Ни сейчас, ни когда-либо потом. Теперь мы заключили соглашение, ты и я.

Налатан был рад, что он не смотрит на нее. Глядеть на Джалиту с вожделением казалось ему непростительной глупостью.

Когда Налатан выходил из конюшни, было еще достаточно темно, но последние звезды уже уходили, уступая место новому дню. Он поспешил к дому, но не направился в свою комнату, а пошел в банные помещения, расположенные по соседству с кухней замка. Всегда желанный душ был прохладным. Открыв затычку в днище большого деревянного бака, Налатан постоял под струей воды, намылился, потер тело и смыл мыльную пену с шеи. Ковшиком он зачерпнул горячую воду из медного котла, стоящего на медленном огне, и вылил ее в чан, а затем долил холодную воду в котел. Вода в чане оказалась слишком горячей, и Налатан добавил туда холодной, чтобы получить именно такую температуру, какую хотелось. Он плеснул в чан воду из керамического кувшина, и помещение наполнил пар с острым запахом полыни.

Здешние люди очень любили запах полыни. У Налатана он вызывал воспоминания о его детстве, проведенном в Суши. Но сейчас у него не было времени на подобные воспоминания, мысли о настоящем затмевали все остальное.

Закрыв глаза, он прислонился к грубым кедровым жердям. Налатан думал об Эмсо; каким же он оказался дураком и каким хорошим человеком был, пока его не одурачили.

Он думал о том, что и его обманули.

Эти воспоминания терзали его. Джалита совсем не походила на Доннаси; не было никакого сравнения. Кроме того, ложь — это всегда ложь.

Мысль об измене постоянно вертелась в его голове и скреблась там, как кошка с острыми когтями. Налатан чуть сменил положение, почувствовав, как неудобно он сидит.

Конечно, он сознавал, что любовь заставляла и его совершать необдуманные поступки. Почему же следует осуждать Эмсо за то, что могло случиться с любым мужчиной? Должны ли рушиться жизнь и честь из-за мимолетного страстного увлечения? И причиной всего этого была женская ложь?

Об этой лжи мог знать только шпион.

Налатан огляделся вокруг. Флегматичное спокойствие камней и вид жердей из вековых кедров подействовали на него умиротворяюще. Во всем этом ощущалось постоянство, устойчивость и терпение.

Налатан решил, что следует вести себя с Эмсо как обычно; по крайней мере сейчас. Если Эмсо поймет, что вся эта сцена в конюшне была не более чем дешевой приманкой, то он просто отбросит ее, как выливают использованную грязную воду. Кроме того, Леклерк тоже вряд ли купится на удовольствие услышать несколько льстивых слов и взглянуть на чью-то нежную кожу.

Джалита явно переоценила свои силы. Женщины часто ошибаются в том, чего они могут добиться от мужчины.

Поднявшись, Налатан вылез из лохани. Его обволакивал струящийся пар, и облачко легкого тумана тянулось за ним, пока он шел к шкафу с полотенцами. Вытираясь, он принял

решение.

Было бы все-таки разумно понаблюдать за Эмсо. Не шпионить, конечно, но проследить, чтобы быть уверенным, что он не сделает неверных шагов, которые нельзя будет исправить. Он подумал и о Джалите. Будет нелишним и не составит большого труда время от времени следить и за ней. Безусловно, сейчас очень важно защитить Эмсо. Гэн был вне опасности; Эмсо должен прийти в чувство задолго до того, как наступит серьезный момент. Однако репутация Эмсо могла пошатнуться, и об этом нужно помнить.

Еще не одевшись, Налатан окунул полированное медное зеркало в горячую воду, чтобы оно не запотело. Теперь он достал его, укрепил на полочке, подвешенной над скамьей, намылился и начал бриться. Лезвием ему служил один из ножей, которые были пристегнуты ремнями к его бицепсам. Глянув на него, Налатан нахмурил брови — кромка ножа оказалась тупой, а это было непростительной беспечностью.

Наконец это нудное занятие было закончено. Он оделся и направился в обеденный зал, проходя через кухню. Ему нравилось это место. Кухня в его монашеском поселении была аскетичной — просто помещение, где из сырых продуктов делали готовые блюда. И вовсе не оттого, что настоятели монастыря не ценили хорошей пищи, или потому, что считали, будто должны плохо питаться в наказание за какие-то неизвестные грехи. Просто никто не побеспокоился обучить нескольких поваров, а монахи спокойно принимали любой установившийся порядок.

Зайдя на кухню, Налатан мгновенно забыл обо всех своих проблемах. Над огромными котлами струился пар, источающий тонкие аппетитные запахи. Аромат шипящего на сковородке копченого бекона приятно щекотал ноздри. Вокруг летали незлые шуточки трудолюбивого кухонного народа, который добродушно журил его за вторжение на их территорию. Повариха, толстая румяная женщина, громко втянула носом воздух, когда он проходил мимо нее.

— Опять ходил мыться? От тебя пахнет полынью. Люди используют ее в начинке для цыплят, а не купаются в ней.

У этой поварихи были практически неограниченные полномочия. Кроме того, она управляла всем этим аппетитным миром. Налатан относился к ней с большой симпатией.

Пройдя еще несколько шагов, он стащил блин с горячей сковородки и выскользнул за дверь. Усмехаясь от удовольствия и уплетая свою добычу, выпеченную из пшеницы, ржи и кукурузных зерен, он устроился на скамейке за одним из столиков на козлах. Кувшины с молоком, бочонки с медом, горячий перечный соус, соль и другие приправы представляли собой уютный и аппетитный островок, протянувшийся вдоль всего стола.

Он съел целую горку блинов с беконом и яйцами, убеждая себя, что дневная работа требует основательной заправки с утра. Однако, как только он закончил трапезу, его хорошее настроение померкло под тяжестью воспоминаний о прошедшей ночи. Он поспешил уйти, оставив в молчаливом недоумении повара, протягивающего ему его обычную вторую кружку чая.

Налатан направился прямо в конюшню, чтобы оседлать своего коня. Тусклый свет низкого осеннего солнца тщетно пытался согреть землю. Мрачные серые облака медленно плыли на запад, обещая уже снег, а не дождь. Воздух казался тяжелым и сырым. Налатан посмотрел на восток — там возвышались стены замка, закрывая вид на унылые, окутанные туманом Горы Дьявола. Он старался не думать о жене и о том, что между ними произошло.

Вдоль стен замка в некоторых местах выступали специальные укрытия. Это были грубые деревянные навесы, предназначенные для отдыха стражи, свободной от несения службы, для хранения припасов, питьевой воды и других потребностей охраны. Налатан направил свою лошадь к одному из таких сооружений. Заведя лошадь внутрь, он сел, подогнув под себя ноги, прислонился спиной к стене и стал ждать.

Самый лучший охотник — не обязательно самый меткий стрелок или лучше других выслеживающий зверя. Те, кто чаще всего настигает добычу, обладают другим, более важным талантом — они умеют предвидеть.

Джалита говорила о друзьях, которые должны помочь Гэну в управлении государством, но Эмсо не спрашивал ее об именах.

Налатан представил себе, какую ночь провел Эмсо после того, как они расстались с Джалитой. Бедняга, его мозги, должно быть, вскипели, как капли воды на раскаленной плите — шипение, брызги, хлопки! Пробуждение тоже будет невеселым, когда Эмсо с опухшими от бессонницы глазами примет решение обсудить с кем-нибудь сложившуюся ситуацию.

Налатан поерзал, устраиваясь поудобнее. Ничего не случится, если Эмсо не появится, пока не придет время заниматься обычными дневными делами. Однако если он отправится куда-нибудь верхом, то было бы интересно проследить, какое направление он выберет.

За этими размышлениями Налатан едва не упустил Эмсо.

Тот вышел из замка и направился к конюшням, но потом вдруг свернул в сторону. Налатан вскочил на лошадь и, послав ее в галоп, помчался к западным воротам. Добравшись туда, он увидел Эмсо, идущего по дороге к пристани. Не теряя времени, тот вступил в переговоры с рыбаком, что-то объясняя ему и отчаянно жестикулируя. Вскоре утлое суденышко, где Эмсо был единственным пассажиром, отчалило от берега. Оно держало курс на север.

Налатан был озадачен. Куда мог отправиться Эмсо? Большая часть побережья вблизи замка была владениями барона Ондрата. Налатан покачал головой; было время, когда он его подозревал, даже несмотря на то что тот спас Сайле жизнь. Налатан терпеть не мог громогласного поношения Гэна, на которое был так щедр барон, но как можно было подозревать человека, спасшего Сайлу?

Немного устыдившись своих мыслей, Налатан вспомнил, как он собирался следить за Эмсо, устроившись на замковой стене, в том месте, откуда прекрасно просматривалось аббатство Фиалок. Он был почти уверен, что тот пойдет именно туда. Разумеется, что в этом случае он ровным счетом ничего бы не увидел. Это было для него хорошим уроком.

Все происходило не так, как рассчитывал Налатан.

Эмсо наверняка поплывет к землям барона Милла, который был известным мятежником, хотя и не таким ярым, как Ондрат.

Налатан заново проанализировал все свои действия, предпринятые после того, как Сайла попросила его понаблюдать за Джалитой. Он понял, что совсем сбит с толку. Он не смог даже хорошо организовать слежку и едва не упустил Эмсо из-за своих слишком самонадеянных догадок.

Оставалось только сидеть и ждать. Никто не мог ему подсказать, что делать дальше.

Глава 66

Путь к дому Леклерка лежал на юг через дремучий лес. Изредка темную массу деревьев разрывали клочки вспаханных полей. Они как будто съежились, задавленные спокойной уверенностью безмолвного леса. Когда группа всадников проехала мимо, пасущиеся коровы, лошади и ламы подняли головы, удивленно их разглядывая.

Странно, но дальше на юг снега становилось больше. На дороге его было столько, что лошади шагали с трудом, утопая в нем по колено. Слабый солнечный свет пробивался через покрытые белыми шапками ветви деревьев, придавая неземные очертания всему вокруг. Стога сена, эти миниатюрные копии видневшегося вдали Отца Снегов, были разбросаны по лугам. Дым, поднимавшийся из печных труб, резко менял свое направление под порывами немилосердного ветра, чтобы в конце концов все равно исчезнуть в мрачно-серой бездне неба.

Впереди всех плечом к плечу ехали Налатан с Гэном. Налатан недовольно оглядел окрестности. Заметив выражение его лица, Гэн засмеялся. Незаметно оглянувшись назад и убедившись, что их никто не слышит, Гэн произнес:

— Да уж, красота, нечего сказать. Мне это тоже не больно-то нравится.

Криво усмехнувшись, Налатан ответил:

— Такое чувство, что эти тучи накрывают тебя, как крышкой.

— Точно. Я стараюсь смотреть только вперед. Когда я вижу лес и эту нескончаемую белизну, мне кажется, что она со всех сторон сдавливает меня.

Состроив гримасу, Налатан театрально поежился.

Они рассмеялись, и Гэн продолжил:

— Временами мне хочется, чтобы мы ехали Сейчас по Суши. Неужели там нигде нет ни капли воды?

— В некоторых местах есть. Просто нужно знать их, только и всего. — Налатан взглянул на Гэна. — Я хочу тебя кое о чем спросить. Можно? — Гэн кивнул, и тогда Налатан продолжил: — Я бы никогда не заговорил об этом, но мне нужно поделиться с кем-то, кто бы меня понял. Это не наше призвание. Поэтому я спрашиваю тебя: нужно ли нам все это? Нужно ли быть Мурдатом и нужны ли тебе Три Территории? Я все прекрасно понимаю и знаю, что так предсказала твоя мать. Но неужели ты собираешься завладеть и землями за Матерью Рек? Ты хочешь захватить Острова Морской Звезды? Ты никогда не говорил об этом, но я вижу, как меняется твое лицо, когда ты смотришь на карту или вглядываешься в дали за Внутренним Морем.

Гэн помрачнел.

— Знай, что я не хочу начинать новую войну, если ты это имеешь в виду. Но я буду бороться за то, что нам принадлежит по праву.

Налатан кивнул.

— Нам. Неужели ты действительно думаешь, что эти земли принадлежат тем, кто на них живет?

— Но это на самом деле так.

— Хорошо, что ты так думаешь. И хорошо, если это будет так, когда они станут твоими, — как можно вежливее ответил Налатан.

Довольно усмехнувшись, Гэн сказал:

— Тебе не верится, что завоеватель может беспокоиться о счастье людей? А как же то, что Церковь приводит в свое лоно людей другой веры?

Теперь нахмурился Налатан.

— Церковь никого не принуждает и ничего не завоевывает мечом и стрелами.

— Правда? Тогда для чего ей нужны братства монахов-воинов?

— Просто чтобы защищаться. Мы охраняем Церковь.

— От людей, которые не хотят служить ей. — Улыбка Гэна означала шаг к примирению. — Я умею побеждать в битвах. Но этого недостаточно. Я хочу создать страну, в которой люди действительно смогут иметь различные взгляды. Церковь, которую я бы стал поддерживать, должна быть терпимой.

Немного помолчав, Налатан заговорил вновь:

— Это было бы действительно великолепно, потому что таких завоевателей еще не было.

— Есть один. В Харбундае. В Оле. Они будут везде. — В заявлении Гэна соединились воедино огромное высокомерие и уязвимость человека, понимающего, какое множество людей жаждет его поражения.

Спор прервался — кто-то приближался к ним. Обгоняя остальных, к ним пробивалась через снег лошадь Нилы, окруженная клубами горячего пара. Под огромной накидкой удобно устроился Колдар. Крохотное личико с раскрасневшимися щечками неуверенно выглядывало, с интересом рассматривая все вокруг. Так много нового, неизвестного, но захватывающего.

Сайла ехала немного позади. На ее отрешенном лице заиграла улыбка нежности, когда она увидела, как Гэн сразу посветлел при взгляде на жену и сына. Однако затем она заметила, как Налатан бросил быстрый взгляд назад, на Джалиту. Ее поразило сильнейшее отвращение, отразившееся на его лице.

Сайла сделала вид, что поправляет ремешок на стремени. Так она могла наблюдать за

Джалитой, не привлекая к себе внимания. Вскоре она поняла, что можно было и не прибегать к таким уверткам. Все внимание Джалиты было сосредоточено на Налатане, так что вряд ли что-либо могло отвлечь ее.

Сайла отвернулась. Выпрямляясь, она почувствовала, как кровь приливает к голове и ей становится нехорошо. На мгновение, не больше секунды, в мозгу возникла непонятная картина. Юные Избранные, будущие Наставники, смотрят на кого-то. На невинных лицах — ужас. Фигура в сутане поднимает голову, и из глубины покрывающего ее капюшона зловеще улыбается Джалита.

Этот образ исчез. Но сердце Сайлы продолжало бешено колотиться. Никогда ей еще так не хватало Ланты. Ланта бы ответила, почему при взгляде на Джалиту, страстно желающую Налатана, в мозгу Сайлы возникают такие ужасные, непонятные образы.

Какое-то движение впереди привлекло внимание Сайлы. Гэн поправлял висевший на его шее серебряный свисток. Желая отвлечься от неприятных мыслей, Сайла присоединилась к Ниле. Стараясь казаться беззаботной, она сказала:

— Есть что-то неправдоподобное в том, что человек подзывает собак свистком, который никто не слышит.

— Ты не можешь себе этого представить? — Даже напускное раздражение Нилы не могло скрыть ее гордости за мужа. — Но где бы они ни были, они сразу прибегают и садятся возле него. Потом они смотрят на меня, как бы говоря всем своим видом, что он всегда прав. Меня это просто бесит.

Сайла никак не могла отогнать от себя мрачные мысли. Ей захотелось с кем то поговорить о Джалите.

— Так делают не только они. Многие женщины поступают точно так же. Я думаю, что и Джалита действует по старинке.

Нила сразу стала серьезной.

— Бедная Джалита. Если бы она не была покорной, она бы никогда не выжила среди Скэнов. Для нее покоряться — значит выживать. Эта жуткая настоятельница Фиалок только укрепляет в ней эту веру.

Тут раздумья Сайлы были прерваны — где-то далеко впереди завыли волки. Всадники, все, как один, повернулись на восток. Лошади навострили уши. Шара и Чо замерли в стойке, вглядываясь в Горы Дьявола. Шерсть на их холках вздыбилась, а хвосты вытянулись в струну. Дикий вой повторился.

Гэн оживился.

— Мои братья. Это их приветствие. — Женщины оглянулись на него и снова посмотрели вдаль. Но Налатан продолжал смотреть на Гэна. Поэтому только он заметил то, что очень его взволновало. Один только Налатан слышал, как Гэн прошептал: — Знаю, братья, знаю. Дни становятся все короче, а темнота покровительствует выслеживающим добычу. Спасибо за предупреждение. Удачной вам охоты.

Последний раз вой прозвучал совсем близко и замер. В наступившей тишине казалось, что лес вздыхает. Собаки расслабились. Гэн продолжал ехать вперед как ни в чем не бывало. Женщины отстали. Пока они не успели догнать их, Налатан сказал:

— Я слышал, что о тебе рассказывают. Это правда. Волки разговаривают с тобой.

Гэн махнул рукой, и было видно, что он смущен.

— Они не говорят со мной. Просто я чувствую и понимаю их.

Налатан решил, что не стоит продолжать этот разговор.

Было видно, что в душе Гэна происходит борьба, и его слова только подтвердили это. Налатан заглянул в глаза вождя и увидел впившийся в горизонт взгляд узника. Налатан замедлил шаг, так что Гэн не мог его видеть, и покачал головой. Он не должен вмешиваться. Нет человека, обладающего такой мудростью, чтобы решить эту задачу. Гэн должен сделать свой выбор сам, на свой собственный страх и риск.

Их приветствовал густой дым, поднимавшийся из трубы дома Леклерка. Повернув, четыре всадника подъехали к аккуратному забору из прутьев. Гэн сказал Налатану:

— Отсюда до моря рукой подать. Оно вон за теми деревьями восточнее полей Леклерка. — Он указал на деревья, а игривый годовалый жеребенок по другую сторону забора сделал вид, что испугался. Он радостно заржал и, взбрыкнув копытцами, поднимая вокруг себя тучи снега, стал радостно скакать.

Колдар издал радостный возглас. Он так яростно пытался повернуться, заинтересовавшись жеребенком, что его мать рисковала остаться без накидки. Любопытный жеребенок подскочил к самому забору. Из его пасти вырывался пар, а на лохматую шкурку налип снег. Тая, эти островки снега стекали по его телу, отчего по спине жеребенка пробегала дрожь.

Несмотря на то что сын Мурдата должен сохранять достоинство, Колдар не выдержал. Настойчивые ручки высунулись из-под накидки. Нила отклонила голову назад, так что ее лицо было в нескольких сантиметрах от маленьких пальчиков, жадно хватающих воздух.

— Мое! — закричал Колдар, и, когда жеребенок по-прежнему остался по другую сторону забора, он крикнул уже громче: — Мое!

Гэн расплылся в счастливой улыбке. Не обращая внимания на яростный крик малыша, Нила засунула его ручки обратно под накидку. Свирепо взглянув на мужа, она сказала:

— Этот малыш — прирожденный вождь. Ты слышал, что он кричал? «Мое» — это его любимое слово.

Гэн сделал невинное лицо.

— Что плохого в том, чтобы хотеть лошадь? Разве у тебя самой не было никогда такого желания?

Наклонившись, он увернулся от ее ботинка. Налатан замедлил шаг. Бесконечный оптимизм друга приводил его в восторг. Гэн прервал его мысли:

— Как ты думаешь, Леклерк продаст этого жеребенка? Это, конечно, не боевая лошадь Людей Собаки, но из него может вырасти что-нибудь дельное.

Налатан злорадно ухмыльнулся.

— Я могу спорить о будущем. Или говорить с тобой о религии. Или о войне и мире. Но если ты думаешь, что я стану разрешать твой спор с женой по поводу лошади для вашего сына, то ты глупее, чем твои враги думают о тебе.

— Конечно, ты ведь слишком умен для этого.

Леклерк вышел встретить гостей. Он нервно улыбался.

— Рад видеть вас. — Из-за угла появился конюх. Когда он приблизился к боевой лошади Гэна, тот осадил животное назад. — Она может ранить тебя, сынок. Я пойду вместе с тобой и сам устрою ее в стойле. — Побледнев, юноша отступил назад и столкнулся с лошадью Налатана. Испугавшись, он попытался схватиться за поводья.

Леклерк спустился с крыльца.

— Я бы хотел показать вам, чем мы занимаемся в новой мастерской. Гэн, ты присоединишься к нам? Это возле амбара.

Гэн кивнул и ушел за конюхом. Леклерк повел своих гостей в мастерскую — длинный бревенчатый сарай без окон.

Масляные лампы создавали удивительно светлую и теплую атмосферу внутри помещения. На скамьях вдоль стен усиленно трудились как минимум двадцать человек. В дальнем конце центрального коридора, возле задней двери, стояла катапульта. Когда гости осторожно стали ее осматривать, Гэн уже присоединился к ним. Он обошел произведение Леклерка, похлопывая и ощупывая его.

— Сайла говорит, что в стенобитном орудии снаряд величиной с человека. — Это прозвучало скорее как замечание, чем как вопрос.

— Разрешите мне показать все, что мы теперь можем, — самодовольно сказал Леклерк. Он подошел к двери и распахнул ее настежь. — Представьте, что ствол вон того дерева — это стенобитное орудие. Мы на стенах Олы. Я думаю, что дерево в пределах досягаемости этого орудия, ну, может быть, чуть дальше. В любом случае смотрите, что произойдет. — Он махнул рукой.

Бывшая наготове команда сразу же бросилась вперед. Остальные отступили в сторону.

Мужчины зарядили тяжелую стрелу в скользящий желоб на центральном стволе устройства. Пока они накручивали лебедку, Леклерк рассказал о достоинствах орудия.

— Стрела, естественно, попадает в этот желоб в самом центре. Видите вот эти три детали спереди на крестовине? Теперь смотрите, они закрепляют эти шнуры, идущие от двух внешних деталей, на лебедке. Жидкость, капающая со шнуров, — это растительное масло. Мы берем жилы растений, освобождаем их от волокон и сплетаем в веревку. Затем, ее вымачивают в растительном масле. После каждых нескольких выстрелов нужно смазывать ее маслом снова, так как она высыхает от трения.

Главный в команде, обслуживающей катапульту, вопросительно посмотрел на Леклерка. Тот кивнул, и он слегка стукнул колотушкой по верхней части спускового крючка. Деталь завертелась, высвобождая упругий шнур. Скользящий желоб заскочил в центральную колею и со щелчком остановился. Катапульта задрожала, как гигантское разъяренное насекомое. Огромная стрела просвистела мимо с такой скоростью, что показалась всем не больше песчинки. Она попала прямо в дерево. Горы снега взмыли в воздух и каскадами посыпались на землю. Через секунду звук от удара отразился от стен мастерской.

Сайла услышала свой собственный голос, произнесший:

— Этот звук. Прямо как от ножа мясника.

Еще какое-то время никто не произнес ни слова. Налатан нарушил молчание:

— Всегда ли вы сможете попасть в такую маленькую цель? Вы ведь высчитали дистанцию, да и стреляли с хорошо выбранной позиции.

— В неподвижную цель мы попадем максимум с трех выстрелов. Мы уничтожим любое стенобитное орудие со всей его командой до того, как оно успеет выстрелить два раза.

Гэн одобрительно кивнул, добавив:

— Если только нам удастся заставить корабль с таким орудием стоять неподвижно.

Леклерк сказал:

— У нас есть люди, которые постоянно упражняются в стрельбе. Для Скэнов это будет очень неприятный сюрприз. Любая такая стрела пробьет ужасную брешь в корпусе корабля, сметет дюжину гребцов и сломает мачты. С этим орудием и вашими быстрыми лодками ваши люди ничем не будут отличаться от всадников Людей Собаки, только действовать они будут на море.

В конце концов Гэн улыбнулся.

— Это то, что мне нужно. Я беру его.

Удивительно, но, видя воодушевление Гэна, Леклерк еще больше напрягся. Он поспешил объяснить:

— Это не все. Я думаю, что знаю секрет Жреца Луны — убивающую молнию.

— Если тебе известен секрет, значит, ты знаешь столько же, сколько он сам. Он не обладает колдовскими силами. В конце концов, он просто человек.

— О, да. Он человек. Но если он делает то, что я подозреваю, тогда он действительно научился колдовству. Пойдемте обратно в дом. Я никому это не показываю. Это пугает меня.

Все молча покинули мастерскую.

Глава 67

Леклерк осторожно поставил на огромный обеденный стол небольшой, накрытый сверху полотном предмет. Похоже, эта штука была достаточно увесистой. Все наблюдали за Леклерком с тенью недоверия. Лишь маленький Колдар, не понимая, что здесь вообще происходит, с детской непосредственностью сразу же ринулся к столу. Однако Нила его моментально одернула.

— Сейчас эта штуковина безобидна, — попытался успокоить ее Леклерк. — Опасности тут нет.

— Сейчас? — ворчливо переспросил Гэн, пресекая дальнейшие попытки Колдара

приблизиться к столу. Сообразив, что с этим предметом связана какая-то тайна, ребенок утихомирился, прильнув к маминой груди.

Торопясь, Леклерк принялся объяснять:

— Конвей рассказал нам о Человеке-Который-Есть-Смерть и лунных дисках Жреца Луны. Жрец заявляет, что может повелевать молнией. Это ложь, но пока ясно одно: ему удалось каким-то образом найти способ управлять большой энергией, создавая молнии.

Непонимание на лицах слушателей заставило Леклерка сорвать полотно. Представшую на всеобщее обозрение вещь было сложно увязать с чем-то пугающим. Она была округлой формы и состояла из цилиндра и помещенного в него массивного элемента. Длиной эта странная конструкция была не больше растопыренных пальцев и диаметром в половину этого расстояния. Из центра выходила ось, с обоих концов закрепленная в дубовых треногах толщиной в палец. Цилиндр тоже был прихвачен к этим треногам. С одного конца прикреплялась ручка, сообщавшаяся с внутренним элементом цилиндра через колесико с зубчатой передачей.

Осматривая непонятное устройство, Сайла вдруг в ужасе вытаращила глаза.

— Эта серая труба напоминает колонну, — сказала она обвинительным тоном, тыча в нее пальцем. — Но посмотрите внутрь вот отсюда, там восемь каких-то штук, они как лепестки. Это же форма цветка.

Леклерк нагнулся, рассматривая. Когда он выпрямился, его лицо пошло красными пятнами:

— Я на это как-то не обращал внимания. Но это не имеет никакого отношения ни к Церкви, ни к тебе, Сайла. Ни к кому. Простое совпадение. Это не лепестки известного нам Цветка, а кулачки. Они такой формы, чтобы можно было на них намотать медную проволоку. Вот, глянь, вся внутренняя часть трубы состоит из таких намотанных кулачков. Вставленная внутрь колонна также обмотана медной проволокой. И за счет вращения сердцевины в машине начинает вырабатываться электричество.

— Что вырабатываться? — Беспокойство Налатана наконец выплеснулось наружу.

— Электричество. Невидимая сила вокруг нас. Как солнечное тепло. Его нельзя так просто увидеть.

— Но я могу видеть, как земля отдает тепло, — Налатан был неумолим, — как парят птицы в небе. И мы знаем, что нагретая почва заставляет подниматься вверх теплый воздух.

— Скажи, ты видел молнии? Мой прибор тоже может делать маленькие молнии. Все происходит здесь. Под внешним кожухом находится небольшой магнит. — Леклерк запнулся, думая над последним словом. — В моей стране мы так называем металл, который всегда показывает на север. Как северная стрелка. Магнит именно и есть суть этого устройства. В общем, когда я кручу эту ручку, обмотанные проволокой кулачки начинают вырабатывать силу, которая заставляет стрелку показывать на север. Эта сила и генерирует электричество. Точно как ты описал: солнце нагревает землю и заставляет подниматься вверх теплый воздух. То есть какая-то невидимая сила генерирует тепло. Мой прибор тоже использует определенную силу для производства электричества.

Леклерк нежно провел пальцами по сияющему медному корпусу. Он объяснил, как вырабатываемый электрический ток через угольные щетки отводится во внешнюю катушку, которая, намагничиваясь, дает на выходе большую мощность.

Остекленевший взгляд Гэна заставил Леклерка заволноваться. Он закончил речь бессвязным бормотанием и схватился за медные стержни с отходящими от них проводами.

— Вот тут все и происходит. Джек-пот. — Леклерку было уже не до реакции публики на последнее слово, он видел, как возникшее недоумение грозило перерасти в окончательное недоверие.

Он принялся энергично крутить за ручку, приводя в движение вставленную внутрь цилиндра колонну. Все на шаг отступили. Губы Сайлы передернулись в нервной улыбке. Ее друзья старались мужаться, но, услышав зловещие звуки, исходившие из этой адской машины, все разом, вместе с маленьким Колдаром. отпрянули.

Аппарат монотонно жужжал. Налатан спросил:

— Ты уверен, что это не колдовство?

— Такое же колдовство, как и строительство дамбы.

— Я пока ничего не вижу, — практично заметила Нила.

— Нельзя увидеть молнию, пока она не ударит. — Леклерк продолжал крутить ручку. Подвывающее жужжание, казалось, еще больше усиливало общее напряжение.

Неожиданно Шара и Чо взорвались неистовым лаем и принялись скрести мощными лапами дерево порога.

Нила обхватила Колдара. Опрокидывая с грохотом стул, Гэн с обнаженным мечом был уже рядом с ней. Метнув молниеносный взгляд на дверь, Налатан вскочил, и его клинок замер в воздухе над столом. Джалита завизжала и укрылась за спиной монаха.

У Сайлы бешено колотилось сердце, готовое вот-вот выскочить из груди. Однако она смогла сохранить внешнее хладнокровие. Ей представилось, что настоятельница Ирисов приказала не терять присутствие духа.

Ошеломленный Леклерк глупо вытаращился. И в следующий миг, словно отойдя ото сна, бросился распахнуть дверь.

В воротах появилась лошадь Бернхард. При виде собак животное насторожилось. Сайла сразу же обратила внимание, с каким достоинством женщина держалась в седле. Но под внешней оболочкой спокойствия можно было рассмотреть клубок переплетающихся страстей. Словно какое-то безудержное стремление смешалось в ней с тревожным ожиданием. И над всем царила печаль.

Леклерка охватило удивление и гнев. Он виновато покосился на Джалиту. Сайла до боли в ладонях сжала кулаки, чтобы не разразиться бранью.

— Мне показалось, что я здесь нужна, Сайла, — голос Бернхард прозвучал твердо. — Я привезла вот это. — В руках она держала две книги из сокровищницы Врат.

Сайла застыла от удивления.

— Ты приехала одна? С ними?

— Эти книги нужны. — Бернхард умоляюще смотрела ей в глаза.

Сайла едва смогла обуздать свой гнев. У них еще состоится разговор по этому поводу. Сейчас же сестра нуждалась в сострадании.

— Похоже, ты была преисполнена решимости взять на себя такой риск.

Гэн был бесцеремонен. Он оттеснил Сайлу своей холодной официальностью, переходящей в приступ бешенства.

— Мои друзья, двое из которых твои же соплеменники, рисковали жизнью, помогая Сайле найти эти сокровища. Меня обвиняют в самой страшной ереси, говорят, что я стою на стороне Сайлы и защищаю ее веру. Ты же осмелилась так бессмысленно рисковать. Это неслыханное оскорбление.

Нила ткнула его локтем, но он продолжал свирепствовать. Бернхард опустила глаза. Казалось, она была готова провалиться на месте, раствориться в массивной мантии служительницы Церкви.

— Мне были нужны эти книги, — вступился Леклерк. — С их помощью я смогу разбить Жреца Луны. Я сказал Кейт, что хочу кое-что посмотреть в них.

Сайла изумленно захлопала глазами, ее взгляд запрыгал с Леклерка на Кейт. Чудеса в решете, и только. Она подумала: «Похоже, сегодня подходящий день для вранья и недомолвок». Однако Леклерк не только бессовестно врал, словно торговец, ему было неприятно отдуваться за Кейт. Сайла покосилась на Джалиту. Та сохраняла притворное безразличие. Однако ей все-таки не удавалось утаить подлинных чувств. Большой и указательный пальцы нервно теребили манжету. Всем телом она чуть подалась вперед, и можно было понять, что сейчас Джалита была готова объявить Леклерку войну.

Бернхард сменила провинившееся выражение лица на искреннюю благодарность и обратилась к Гэну:

— Я знаю, что было непростительной ошибкой вот так просто выехать с ними из

аббатства. Я взяла с собой только физику и химию. Что тут такого можно было заподозрить, едет себе спокойно служительница Церкви…

— Сейчас ехать одной — это уже опасно, — Гэн никак не мог отойти. — В лесу титры, Кейт. А зимой, сама знаешь, некоторые становятся людоедами. Голод приводит людей в отчаяние, а это пострашнее тигров.

Не пытаясь оправдываться, Бернхард потупила взгляд.

Подоспевший конюх спас ее от дальнейших распеканий. Бросив косой взгляд на собак, он взялся за поводья. Кейт быстро спрыгнула с лошади, горя желанием перевести разговор в другое русло. Все вернулись к теплу домашнего очага. Джалита ненавязчиво пристроилась рядом с Леклерком и как бы невзначай задела его. Он тут же встрепенулся, как взнузданный молодой жеребец.

Хотя Сайла внимательно следила за происходящим, у нее перед глазами возник образ Класа на Бейла. Поплыли волнующие воспоминания таких же скрытых от чужих глаз прикосновений, возникающих между влюбленными. Едва ощутимые касания рук и плеч, случайные столкновения двух людей. Для влюбленных это всегда глубокий трепет ожидания и возникающей в сердце надежды.

Сайлу захлестнуло желание. И вдруг на какое-то кошмарное мгновение она возненавидела Джалиту, как никакую другую женщину.

Джалита задала вопрос, давно созревший у всех в голове. В глазах зажегся игривый огонек непосредственности.

— Интересно, как эти книжные сокровища могут помочь разбить Жреца Луны и Летучую Орду? Или Скэнов? — Сайле стало не по себе, когда Джалита неожиданно превратилась словно в загнанного зверька. Но следующие слова сняли напряжение. — Я надеюсь, что это поможет. Нельзя, чтобы Скэны схватили меня опять. Нельзя.

Нила обняла девушку за плечи.

— С нами ты в безопасности.

В ответ Джалита кротко бросила Леклерку жеманную улыбку благодарности.

— Обещаю, что им никогда не взять наш замок, — заверил ее Леклерк.

— Самоуверенные слова, — заговорил Налатан. — Допустим, что ты и уничтожишь стенобойную машину, а что делать с оружием, убивающим без крови?

Леклерк потерянно посмотрел на Бернхард.

— Похоже, это происходит от мощного электрического разряда. Но как? У него не может быть надежного источника питания для нанесения массированного удара. Неужели он ставит все на устрашение?

— У меня есть кое-какие соображения на этот счет.

Неожиданно в разговор встряла Джалита. Она посмотрела на Леклерка прямо в упор:

— Кстати, об оружии. Правда, что все говорят, будто ни ты, ни Анспач с Картер не носите при себе даже короткого кинжала?

Леклерк вопрошающе бросил взгляд на Бернхард.

— Кажется, ты занималась только повышением урожайности, ирригацией и тому подобным. Я что-то не пойму, как все это вяжется с войной?

Собрав в задумчивости губы, Бернхард ответила:

— Я работала раньше с этими технологиями. Мне знакомы основные принципы получения и применения электроэнергии. Я кое-что смыслю и в элементарной химии. И, возможно, знаю даже больше Жреца Луны. А что ты можешь сказать?

— Я вроде тоже не без этого… Думаю, мои знания не хуже. Ну так что это может быть?

— Нам нужно обсудить это вдвоем. Когда появятся какие-то здравые объяснения, надо будет сразу же дать Гэну необходимые рекомендации. Наша задача найти конкретный ответ, а не будоражить попусту его мозги.

Гэн засмеялся.

— Ее только послушать. Может, она и не воин, но понимает, что надо лидеру. — Он

по-свойски хлопнул Кейт по спине. Она содрогнулась, но продолжала смотреть на Леклерка. Гэн доверительно продолжал: — Ты давай, Луис, лучше присматривай за этой. Она еще утрет всем нам нос. Твое племя производит на свет замечательных женщин.

Смутившись, Леклерк принялся возиться у генератора, стараясь переключить на него внимание.

— Мы так еще и не увидели, как работает эта вещица. Кто не боится ее попробовать?

Все, кроме Бернхард, удивленно воззрились на Леклерка, словно тот спросил, кто из них умеет летать.

— Кейт, тебе предоставляется эта честь, а мы пока посмотрим, что произойдет. Только сразу не торопись. Генератор может накапливать хороший заряд, конечно, если учесть его размеры и мою грубую ручную работу. — Он не спеша подвел ближе концы медных стержней. Генератор заурчал, и между стержнями стала потрескивать крошечная голубая молния. Обращаясь к Гэну, Леклерк хитро заулыбался: — Слышишь этот звук? У нас появился новый друг. — Он ладонью коснулся молнии и радостно гикнул от полученного разряда.

Увидев, что Леклерк остался цел и невредим, все проделали то же самое. Комнату стали наполнять задорные возгласы веселья, однако в атмосфере все еще присутствовала толика некой неуверенности. Гэн мрачно насупился. В уголках глаз появились злые морщинки, он хмыкнул:

— Эта игрушка только щекочет. Может, ты ее и заставишь жалить в конце концов, но мне необходимо оружие, которым можно убивать. А это — безделушка.

— Тогда скажи мне, какая польза от ведра с водой? Утолить жажду, так? А окуни в него человека с головой, и он может захлебнуться.

— Конвей говорит, что молнии Жреца Луны сотрясают все вокруг, подымая столбы голубого пламени, а не пощелкивают. От этих ударов человек сразу же погибает, а это — ничто. — Вспомнив о манерах, он, впрочем, добавил: — Конечно, мы ценим твои попытки.

— Ты как и большинство, Гэн, а ведь самое опасное — в менее очевидном. Точно тебе говорю.

— Тогда крути ручку! — заорал Гэн. У Леклерка отвисла челюсть. — Это может причинить мне боль? Давай докажи.

— Я еще не проводил полных испытаний, — залепетал Леклерк. — Неизвестно, насколько мощна эта машина. Но это может быть смертельно опасно.

— Показывай эту мощь. — Гэн выпятил челюсть. Они непримиримо уставились друг на друга.

— Это не совсем просто, Гэн, — Бернхард попыталась разрядить атмосферу. — Луис, мы проведем серию опытов… После…

Гэн решительно замотал головой.

— Никаких после, Кейт Бернхард. Кому здесь строить планы, так это мне. И я должен быть до конца уверен в своих людях. Если в этой игрушке есть сила, мы ее сейчас увидим.

— Ну и черт с тобой, смотри. — Резким движением Леклерк развел в стороны медные стержни и энергично налег на ручку. Маленький генератор радостно запел, подвывая с каждым оборотом. У Гэна был озабоченный вид, казалось, что он начал понимать безрассудство брошенных слов. — Ну что? Давай хватайся, — почти прорычал Леклерк.

Гэн вытянул руки. Схватился за стержни. На миг весь замер. И в следующее мгновение, резко выгибаясь дугой и запрокидывая голову, будто брошенный невидимой гигантской рукой, отлетел в другой конец комнаты. Он влетел прямо в стену. Весь дом сотрясло. Нила закричала и бросилась к лежащему ничком мужу. Джалита отступила и поравнялась с дверью. Налатан выхватил меч. Словно из-под земли перед Леклерком выросла Бернхард.

— Нет, — сипло простонал Гэн, останавливая монаха. Налатан медленно отступил, лихорадочно вращая головой, чтобы не упускать из виду Гэна и Леклерка. Леклерк осторожным движением нежно отодвинул Бернхард в сторону.

Гэн заморгал, небрежно поднимаясь с пола. Упершись в стену, он сообщил:

— Не убило, но тряхнуло прилично. — На лице появилась глуповатая улыбка. — Это можно усовершенствовать? И говори, пожалуйста, громче. У меня тут прямо колокол какой-то звенит. — Он легонько постучал ребром ладони по голове, ошеломленно озираясь по сторонам.

Налатан спрятал меч в ножны. Нила прижалась к мужу, бросая ядовитый взгляд на Леклерка. Колдар продолжал всхлипывать и слезливо сопеть. Однако, когда отец пришел в себя, тревога у ребенка сменилась любопытством.

— У меня родились кое-какие задумки, — начал Леклерк. — Ты получишь оружие, которое сможет держать нападающих подальше от стен замка. С тобой все в порядке?

— Уже да. В конце концов, это может и убить. — Он осторожно повел рукой в сторону генератора, но Нила ее тут же одернула. Гэн продолжал улыбаться, однако слова его были серьезны. — Ты сказал одну вещь, друг мой, которую я никогда не забуду. «Самое опасное — в менее очевидном». Я в долгу перед тобой за этот урок мудрости. Дважды в долгу. Прости мое упрямство.

Леклерк был великодушен:

— Друзья могут спорить, но всегда останутся друзьями. — Он опустил руку на генератор. — Сила. — Слово прозвучало как гимн. — В этом заключается власть.

Гэн закивал и подался вперед. Преисполненный решимости вновь коснуться прибора, он осторожно подвел руку. Губы его побледнели, на них выступили бусинки испарины. Затем рука медленно легла на корпус генератора.

— Делай эти генераторы, Луис. Делай для Трех Территорий. У нас должны быть такие штуки!

— Ты их получишь. Больше и лучше.

Покачивая головой, Гэн молча смотрел на генератор, словно ожидал, что тот даст ему ответ.

— Ты хороший человек, Луис. Дар всем нам свыше. Ты уже столько сделал для нас. — Он заглянул Леклерку в глаза. — Без тебя мой путь давно бы оборвался. Жена и сын оказались бы в рабстве. Однажды я смогу по-настоящему отблагодарить тебя. Это мое обещание.

Бернхард выдвинулась вперед.

— Нам необходимо получить от тебя и Налатана ответы на кое-какие вопросы. — Гэн поднял брови. Требование прозвучало настойчиво, и тем более было необычно услышать такое от женщины. — Нам необходимо узнать о сильных и слабых сторонах городских укреплений и оборонительных сооружений замка. Как бы ты проводил атаку и почему. Расскажи, каких солдат ты будешь использовать в бою. Мы могли бы дать дельные советы по обороне и контратаке.

— То есть ты хочешь узнать, как я собираюсь строить оборону, если Жрец Луны применит свое оружие? — Давешнее добродушие Гэна сменилось серьезностью и деловитой рассудительностью.

— Что думает Жрец Луны? В каком направлении работают мозги у Скэнов?

Нила перестала укачивать все еще неспокойного Колдара.

— Это невозможно понять.

Леклерк вернулся к роли радушного хозяина.

— Значит, так, на пустые желудки мы ни о чем не договоримся. У меня есть суп, сыр, свежий хлеб. Сначала еда — потом разговор. — Он прямиком направился на кухню.

Не теряя ни секунды, Джалита сразу же пристроилась рядом с ним, отрезая Леклерка от Бернхард.

— Я помогу тебе все приготовить. — Затем, поворачивая голову, Джалита объявила, глядя Бернхард прямо в глаза: — А остальным оставаться тут. Мы с Луисом настаиваем на этом. Располагайтесь поудобней, еду принесем сразу же, как все будет готово.

Леклерк тоже посмотрел на Бернхард, но его взгляд быстро скользнул снова на Джалиту. Он расплывался в улыбке.

— Безмозглый дурак, — вполголоса промолвила Сайла, заметив краем глаза, что Кейт сразу же повернула голову в ее сторону. Жрица машинально огляделась по сторонам.

Тихим голосом Бернхард постаралась ее успокоить:

— Не волнуйся, никто больше не слышал. Он не совсем безмозглый. — Криво усмехнувшись, она не пыталась оспаривать вторую часть замечания.

— Неужели только мы вдвоем видим, что происходит? Она и впрямь так умна? — Сайла подвела Бернхард к окну, делая вид, что смотрит на покрытый снегом сад.

— Только мы двое видим в ней женщину. Для остальных же она просто отважная, красивая, но несчастная девушка.

Время шло незаметно. Иногда беззаботный смех маленького Колдара пробивался веселым родничком сквозь тихий шепот разговоров. Поглядывая краем глаза на Бернхард, Сайла окинула толпу оценивающим взглядом.

— Что за дураки. Стоим вокруг стола и разглагольствуем о спасении королевства странными и опасными приспособлениями. Мы будем прокляты за это, Кейт. Во всем этом есть ужасная ирония. Ты разбираешься в этой силе, которой может управлять Леклерк. Но что же станется с твоим счастьем, моя дорогая по друга? Как защитить кротких, как Нила, спасая придурковатых, как Леклерк?

— О, Сайла!.. — Глаза Бернхард загорелись, голос задрожал. Взяв себя снова в руки, она захихикала, искренне удивляясь словам подруги. — Если бы Леклерк и вправду был моим, думаю, первым словом, возникшим у меня в голове, было бы «убить». Ну как тебе это нравится?

Обе женщины мягко засмеялись.

Сайле стало грустно, она услышала в этих словах боль и абсолютную правду, наполнявшую печалью Кейт Бернхард.

Глава 68

— Ну и женщина! У нее совершенно нет стыда, — с этими словами Джалита собрала глиняные чаши для супа на деревянный поднос. Когда девушка принялась за тарелки, Леклерк задержал ее, схватив за запястье. В руках Джалиты посуда выглядела особенно привлекательно, поблескивая глянцевой желтой чешуей на голубом фоне, но Леклерка притягивала отнюдь не затейливая игра света. Он произнес:

— Женщина? Какая женщина?

— Какая? — Сожаление в голосе девушки сменилось волнением. — Эх вы, мужчины. Участие женщины делает вас глупыми, вы скалите зубы и говорите: «Благодарю».

— О чем ты? Ты имеешь в виду Кейт? Она просто работает со мной, ничего больше.

Джалита осторожно накрыла удерживающую ее руку своей и повернула запястье, их пальцы переплелись.

— Ты такой хороший человек, Луис. У тебя светлая голова. Неужели ты не видишь, что Бернхард работает против тебя? Она готовит тебе ловушку.

— Против меня? Ловушку?

Джалита, отведя взгляд, вздохнула. Затем вновь обратилась к Леклерку, уже насмешливо:

— Что тебя так ослепляет? Она ведь любит тебя. Хотя бы это ты видишь?

— Любит? Нет. Как… Ну, я понимаю… нет, она… Кто сказал, что?..

— Ладно, остановись, — резко оборвав его бессвязную речь, Джалита добавила громким шепотом: — Кейт Бернхард любит тебя, а ты даже не видишь этого. Ты знаешь, на что способна женщина, разочаровавшаяся в любви?

Леклерк бросился прочь, продолжая сбивчиво бормотать.

Девушка догнала его и заговорила вновь:

— Она знает, что мы с тобой вместе и что мы хотим друг друга. Она сходит с ума от ревности и уже нашла поддержку. — Леклерк наконец обернулся и посмотрел на

Джалиту. — Если бы кто-то действительно украл сокровище, подвергая жизнь Сайлы опасности, смогла ли она простить такое преступление? — В ее голосе слышалась издевка. — Позволила бы тебе покрывать воровку, после того как Гэн сам обвинил ее? Конечно, нет. Сайла сама договорилась с Бернхард, что та унесет все сюда, а теперь притворяется, что простила ее.

— Зачем бы ей это делать?

— Сайла видит, что ты умнее Гэна Мондэрка. Но Гэна она может контролировать. Она хочет, чтобы и ты вновь стал верным помощником. Только Бернхард и ты знали о магических книгах, и Сайла попросила Бернхард доставить их сюда. Кейт Бернхард хочет прибрать тебя к рукам. Если она отберет тебя у меня, вся эта троица — Кейт, Сайла, Гэн — навсегда завладеют тобой, а я останусь ни с чем. Разве что дедушку получу в мужья. — Джалита опустила голову, скрывая слезы.

— Чудовищно, как ты можешь говорить такое? Они вовсе не так жестоки. Кейт Бернхард — чудесная женщина. Она не привлекает меня и, на мой взгляд, не способна никого подчинить себе.

— Так ты считаешь меня чудовищной и жестокой? А я тебе нравлюсь, Луис? Но разве я хочу подчинить тебя? Нет, я сама с радостью стану твоей рабой. — Тяжелые слезы сбежали по щекам Джалиты, оставив дорожки, странно зеленоватые в бледном свете, льющемся сквозь грубое оконное стекло. Осторожно и нежно Леклерк поцеловал девушку, но она осталась безучастной. Когда Луис отступил, ее глаза были широко открыты и устремлены прямо на него. Джалита вернулась к прерванному разговору: — Они хотят управлять тобой, Луис. Ты слишком силен, чтобы они оставили тебя свободным.

— Мы скажем им, что собираемся пожениться, — пожал плечами Леклерк, — что они смогут с этим поделать?

Благоразумная улыбка девушки словно игнорировала его браваду.

— А что сможешь сделать ты? — Внезапная перемена озадачила его. Джалита продолжала: — Гэн может отдать меня тебе, если пожелает, но я не хочу провести свою жизнь в ожидании его мести.

— Он не отважится на такое. — Леклерк схватил длинный зазубренный нож, лежавший на столе рядом с пышным хлебом.

Джалита приблизилась к нему и, прикоснувшись к ладони, сжимавшей нож, приподняла ее. Ее лицо и фигура дышали покорностью и безмятежностью, когда она подвела острие к своей груди. Под нажимом сверкающей стали на ее мягкой, упругой коже появилось углубление.

— Если хочешь стать вождем, возьми в жены Бернхард, и тогда ты сможешь быть первым. Только не позволяй им отдать меня Эмсо.

— Никто не должен принадлежать кому бы то ни было, — слова давались Леклерку с трудом, словно он проталкивал их через слой песка. — Мы будем бороться.

Освободив одну руку, Джалита прикоснулась к виску Луиса.

— Здесь твое оружие. И твое будущее.

— Наше будущее. — Леклерк отбросил нож на стол. Девушка шагнула в его объятия и вернула поцелуй с напряжением все возрастающей страсти.

— Кто-нибудь может войти и застать нас врасплох, — сказала Джалита, слегка отступив. Совершенно невозмутимая, она нарезала хлеб, когда дверь распахнулась, и в комнату вошла Нила. Девушка весело воскликнула: — Ты как раз вовремя, надо приготовить сыр. Где он, Луис?

Слегка замешкавшись, Леклерк указал на дверцу в бревенчатой стене. Открыв ее, Нила увидела шкафчик-хранилище, его дальняя стенка выходила наружу. Дневной свет проникал сквозь маленькие вентиляционные отверстия. Внутри большого ящика был еще один, поменьше, сплетенный из прочной коры кедра. В ответ на насмешку, мелькнувшую по лицу Нилы, Луис сказал:

— Я храню здесь продукты. Они защищены от дождя и прямого солнечного света, от

насекомых и зноя. А зимой я держу дверцу открытой, чтобы еда не замерзла. Благодаря дырочкам воздух здесь не застаивается, он свежий.

Пока Нила доставала сыр, Джалита расточала похвалы изобретательности Луиса. Минуту спустя, унося плетеный поднос, нагруженный ломтями хлеба и деревянными коробочками с различными сортами сыра, Нила лукаво усмехнулась Джалите. Та, помогая ей открыть дверь, густо покраснела, рассмешив Нилу еще больше.

Зачерпывая суп дрожащей рукой, Леклерк сказал:

— Нам стоит быть осторожнее.

Сузив глаза, Джалита резко возразила:

— Пока не открылась дверь, ты собирался бороться за меня.

— Да, я собирался. И ты знаешь, что я не отступлю. — Супница в его руке звонко ударилась о медный чайник.

Джалита навела на Луиса нож.

— Если мы дрогнем — мы погибнем. Ты умрешь быстро, а меня ждет мучительная жизнь рабыни — все равно что долгая смерть.

Похлопывая девушку по спине, он бормотал оправдания:

— Доверься мне. Ты никогда не будешь принадлежать Эмсо. Я буду сражаться за тебя. Не сомневайся во мне.

За столом Гэн взял на себя обязанность следить за течением беседы. Он каждый раз тактично переводил разговор от войны и вооружения на мирные дела. К тому времени как был съеден последний кусок пирога из сушеных яблок, все успокоились и размякли, а маленький Колдар и вовсе заснул.

Сайла оказалась рядом с Кейт Бернхард. Обеих женщин захватил тихий диалог, начатый повторными извинениями Бернхард за опасность, грозившую из-за книг.

Сайла улыбнулась.

— Хочу сказать тебе прямо, Кейт. Я знаю точно, почему ты принесла книги. Я сделала бы то же самое, будь я на твоем месте.

Скривившись, Бернхард отвернулась.

— Мы все проходим через это, — ласково добавила Сайла. Удивленный и настороженный взгляд чуть было не нарушил установившееся между ними хрупкое доверие. — Я узнала о том, что Клас любит меня, задолго до того, как он сам это понял.

— Я не думаю, что могу быть уверена в его чувствах. Ведь рядом с тобой и Класом не было Джалиты, когда ты влюбилась в него?

— Соперница не обязательно должна быть из плоти и крови. Воображение создает куда более опасные препятствия.

Жалкое выражение, появившееся на лице Бернхард, когда она взглянула на Джалиту, показало, как мало ее успокоило сказанное Сайлой.

— Его увлечение пройдет, и он поймет, что нуждается в тебе. Он обнаружит, что ты — подлинная драгоценность, а Джалита — поддельная. Ее ошеломительная красота — только оболочка грязных, уродливых мыслей, пусть это и не заметно с первого взгляда.

— Ты действительно не сердишься за книги?

— Ну, я была сердита, но теперь я все поняла. Я тебя прощаю и, может быть, даже одобряю. — Она вздохнула с подчеркнутым смирением — Тяжело смотреть на разбитую любовь.

Улыбка, вызванная участливыми словами, быстро исчезла с лица Кейт. Она сокрушенно покаялась:

— Особенно тяжело тебе. Ты разлучена со своим мужем. Я — эгоистичная дура, а ты так добра ко мне.

— Я надеюсь, что ты говоришь это не всерьез, ведь ты — просто молодец. Честно говоря, будь Леклерк хотя бы наполовину так умен, как он мнит о себе, он давно должен был понять это. Луис не заслуживает твоей любви. Если он потеряет тебя из-за этого блестящего осколка дешевого стекла, ты сможешь найти ему замену получше. И если это случится, я

гордо рассмеюсь в лицо Луису Леклерку.

Тайком от остальных Кейт сильно сжала пальцы Сайлы и быстро отдернула руку.

Тем временем Леклерк вернулся из кухни. Он нес железный подсвечник из двух железных колец, соединенных четырьмя широкими полосами длиной с палец. В центре нижнего диска был еще один, удерживавший короткую и тонкую свечу. Медный кувшин, полный медового пива, стоял как раз там, куда падало отражение верхнего кольца. Тонкий аромат тимьяна вплетался в струйки пара. Как только медные кружки были наполнены и все собрались вокруг стола, Гэн заговорил о Жреце Луны:

— Никаким оружием нам не выиграть войны. Только людьми, верующими людьми. Луис, я буду вечно обязан тебе за оружие, способное победить Жреца Луны. Но он владеет даром убеждения, и его люди слепо верят ему. Мы победим его только тогда, когда я вскрою его обман.

Сайла ответила:

— Церковь прилагает все усилия, чтобы сорвать с него маску, мы сражаемся наравне с другими.

— Разве мы собрались, чтобы ссориться? — спросила Бернхард.

— В моих словах не было никакого намека или обвинения, — с печальной улыбкой оправдывался Гэн. — Я просто хотел сказать, что наша сила в вере и правде.

Гэн, глядя мимо Сайлы, лениво обратился к Леклерку:

— Жрец Луны стремится к побережью, Луис. Ты знаешь, зачем ему это нужно?

— Если он и дальше будет так продвигаться на север, — вмешался Налатан, — то под его контролем окажется весь океан, и мы просто не сможем достать до его правого фланга.

— Я не думаю, что это просто тактический прием, — сказал Леклерк, — здесь кроется нечто большее.

— Что может быть важнее для людей, чем тактика? — дружелюбно рассмеялся Гэн.

— Он явно что-то ищет в море, — упрямо продолжил Леклерк. — Я должен подумать, что же это может быть.

Улыбка мгновенно сбежала с лица Гэна. Его ответ был рассудителен:

— Он умен и опасен, но я боюсь его меньше всего. Скэны — вот главный враг. — Гэн порывисто встал и, подойдя к окну, сделал широкий жест рукой. — Мои Волки не могут быть повсюду. Пока жив, я не забуду эти акульи челны, когда мы шли навстречу флоту Скэнов. Несмотря на то что мы — жители земли, мы уже выходим в море, хотя прибрежные народы и опережают нас. — Он отошел от окна и продолжил, обращаясь к Леклерку и Бернхард: — Ваш народ не похож на мой. У вас нет страсти к личной славе, страсти, управляющей нами, иногда ведущей к гибели. Но пусть наша жизнь пройдет в сражениях и десятки племен будут возносить к небесам ваши имена в балладах, даже когда последний воин Людей Собаки будет сожжен на погребальном костре и позабыт.

Побледнев, Леклерк вышел. Бернхард ответила за обоих:

— Мы будем стараться.

— Отлично. Большего я не прошу.

Джалита прохаживалась вдали от других, призывая Леклерка настойчивым мерцающим взглядом.

— Я боюсь за тебя, Луис. Ты слышал, как он обещал тебе славу? Тебе и той женщине? Как ты можешь теперь сомневаться, что они хотят поймать тебя в ловушку? Они заодно.

— Но ведь ты уверяла, что ей покровительствует Сайла.

— Одного поля ягоды, что Сайла, что Гэн. Гэн и Сайла. Все ради Церкви Сайлы и славы Гэна. — Смягчившись, она оставила обвиняющий тон. — Пожалуйста, будь осторожен. Не позволь им оторвать тебя от меня. — Затем она быстро ушла, изредка оборачиваясь, такая переменчивая, мрачная и экзотическая под угрюмо нависшим тяжелым небом, роняющим снег.

Луис и Кейт уже давно сидели одни в комнате Леклерка. Отрывистый разговор не клеился, слова падали, как высохшие осенние листья. Когда Леклерк представил Кейт Ларте,

жене хозяина, та уговорила гостью Луиса обосноваться в соседнем доме.

Леклерк поспешил к окну и произнес с жалобой в голосе:

— Паршивый климат. Так хмуро, этот тусклый солнечный свет не потревожит и крота, а к полудню уже вечер. — И повторил еще раз, подойдя к камину, полному дров: — Паршивый климат.

— Уже зима, Луис. Дни и должны быть короткими.

— Я, наверное, должен благословлять такую погоду: как только потеплеет, вновь начнется война.

— Да, до весны осталось совсем немного. Разве это не беспокоит тебя?

— Трусишка. — Он развернулся спиной к огню. — Скажи откровенно, выдержим ли мы без Тейт и Конвея?

— Без них? — вздрогнула Бернхард. — С ними что-то случилось?

— Не знаю, от них нет никаких вестей. В этом году в горах ранний снег. Все дороги замело.

— Ты считаешь, Конвей и Доннаси в опасности? — Кейт встала.

— Просто плохое предчувствие, больше ничего. — Он двигался, отбрасывая уродливую тень. Женщина в черном то озарялась неровным сиянием пламени, то вновь оказывалась в темноте, словно повинуясь тайному ритуалу.

— Слова, глупые слова, — сказала Бернхард. — Если они воины, то и мы тоже. Я так думаю и уверена, мы сможем это доказать.

Леклерк неожиданно остановился. Он швырнул тонкую свечку в камин и спросил:

— Что это значит?

— Разве мы трусы, если прямо не участвуем в битве?

Леклерк смотрел сквозь торжествующую Кейт, казалось, он искал ответ где-то далеко, за стенами дома и, может быть, даже за пределами реальности.

— Ты заставляешь меня заглянуть в самого себя. Это приводит меня в бешенство. Ты делаешь логические выводы из романтических предпосылок. Как у тебя это получается? Что за волшебство помогает тебе понять, какие вопросы задает мое сердце моему разуму? В капсуле я грезил о мире, полном приключений, и вот я здесь. Я принес в этот мир массовое разрушение. И ты говоришь — воин ли я?

— Победит лучший. Твое умение решит исход сражения. — Бернхард поудобнее уселась на одном из мягких кожаных стульев. Она поджала под себя ноги, скручиваясь в теплый шар. Отблески пламени освещали ее лицо: высокий гладкий лоб, сильные скулы. Темные глаза, казалось, прятались в тени, слегка насупленные брови добавляли ей властности.

— После того как я выиграю для Гэна эту битву, — говорил Леклерк, обращаясь к огню, — почему у меня не будет таких же почестей? Неужели мой вклад в победу меньше только лишь потому, что основан не на силе, а на уме?

— Разве твоя ответственность будет меньше, если мы проиграем?

— Проклятье, — задыхаясь, произнес Леклерк, — спасибо тебе. Прошу, ответь мне на тот вопрос, что я не могу задать сам.

— Ты должен знать пословицу: «У победы тысяча отцов, поражение — сирота». После того как вы завоюете победу, найдется множество людей, которые захотят использовать тебя. Они выползут изо всех щелей. Они трусы, Луис, те, кто использует других ради выгоды.

— Ладно, ты можешь оставить бесполезную болтовню о будущем, покрытом мраком неизвестности. Ты — романтик, скорее умрешь, чем отступишь, рассмеялся Леклерк, однако в его голосе не было веселья.

— Обещай, что не забудешь меня. — Короткая фраза повисла между ними — слишком опасная, чтобы ее продолжить и слишком важная, чтобы пропустить.

— Я не смогу забыть тебя, даже если захочу, — ответил Луис.

Если слова Бернхард были искрой, то прямолинейная честность Леклерка раздула ее.

Он подошел ближе и остановился перед девушкой.

— Ты сказала, что знаешь, почему Жрец Луны движется к побережью. Можешь объяснить мне это сейчас?

Последнее слово прозвучало нарочито подчеркнуто, и Бернхард поняла, что Леклерк обвинял ее в нежелании говорить в присутствии Джалиты. Ликование, заполнившее все ее чувства, ни на йоту не изменило тона.

— Жрецу Луны нужен источник электрической энергии.

— Зачем он покинул долину Матери Рек? Там почти всегда дует сильный ветер. И не говори мне о доступности водной энергии. А, кстати, зачем ему нужен электрический ток?

— К марту он достигает севера. На побережье, вблизи устья реки, он сможет использовать ветряные мельницы или водяные колеса. Что, если он создает конденсаторы?

— Конде… — Леклерк не смог заставить себя произнести слово до конца. Он двинулся через комнату, отчаянно жестикулируя. — Та технология умерла вместе с нами. Если ты сможешь воспроизвести ее сейчас, что ты будешь с ней делать? Соберешь радио и настроишь его на прошлое? Конденсаторы, а почему не платы Ойя?

— Платы Ойя в этом мире? — скорчила гримасу Бернхард. — Ну, если у тебя есть тайное желание стать запеченным поросенком, то почему бы и нет. А вот конденсатор вполне возможен.

— Ты так думаешь? Откуда ты узнала, ты же агроном?

— Мы работали со всякой техникой — солнечной энергией, ветряными генераторами, водяными колесами. Я не вникала в детали, но кое-что помню. Знаешь ли ты хоть что-нибудь о батарее, существовавшей в древнем мире задолго до того, как люди разгадали секрет электрической энергии? Кое-кто утверждает, что это тайна ювелиров, они использовали ее для позолоты своих изделий.

Снисходительность Леклерка сменилась недовольством.

— Изящная гальванизация и убийство людей слишком далеки друг от друга.

— Не будь дураком, — отрезала Бернхард. — Взять немного меди, из нее выковать тонкие листы и разделить их тканью, пропитанной воском. Прячешь все это в подобие рюкзака, заряжаешь, затем подводишь к копью — и молния!

— Возможно, возможно. — Поглаживая челюсть, Леклерк отступил к столу, нагруженному книгами. Рассеянно он выбрал одну и, бессмысленно теребя ее, некоторое время размышлял над словами Бернхард.

— Нет, не копье, с одним контактом ничего не выйдет, нет цепи, — продолжил он, — два накапливающих терминала, вот что нам необходимо. Ты хочешь, чтобы ток оказывал наибольшее воздействие на человеческую плоть? Но для этого тебе нужна замкнутая цепь через все тело. Два широко разнесенных острия вилки, изолированные друг от друга, и каждое подключено к отдельному терминалу. — Леклерк поднял руки и ткнул большими пальцами себя в грудь. — На расстоянии десяти дюймов. — Он нахмурился, покачал головой. — Нет, только один выстрел — и бесполезное оружие.

— Одного выстрела хватит. Ряд копьеносцев с заряженным оружием. Контакт. И десять, пятьдесят, сто конденсаторов разряжаются одновременно, внезапно. Каждый, кого касается острие копья, мертв. Все мертвы, все. Представляешь, какая поднимется паника!

— Но ведь конденсаторы истощатся.

— В ход пойдет обычное оружие. Но и эти заостренные штуковины — не поздравительная открытка, не так ли?

— Это жестокие слова.

— Я ненавижу сражаться, ненавижу думать о бедном Джонсе как о враге, ненавижу науку, помогающую нам убивать людей. Иногда я ненавижу саму себя. Но ведь мы на правильном пути?

— Конечно. Мне многое не нравится в Церкви, особенно та Церковь, что противостоит Сайле, но этот культ Луны — откровенное зло. Мы должны принять меры против тирании, нельзя создавать непобедимых, вроде Гэна.

— Он — самый благородный человек из всех, что я знала. — Бернхард внезапно стала осторожной.

— Цезарь тоже был благородным, — еле слышно прошептал Леклерк.

— Что? Я не расслышала.

— Нет, ничего. Я вновь подумал об оружии. — Взглянув на девушку, он продолжил: — Ты не заслуживаешь такой жизни, Кейт. Этот мир слишком жесток, слишком.

— Что поделать, я в нем живу. И я не собираюсь оставлять его в ближайшее время. Кто-то же должен учить других в этом чертовом мире.

— Богохульство. Невозможно, — Леклерк изобразил на лице потрясение, — и забудь слово «я». Ты говорила что-то насчет учения, ты слишком непослушна.

— Я никогда не произносила «учение», — Бернхард высунула язык, — во всяком случае, это — еще одна причина для нашей победы. Три Территории — только начало, наши маленькие девочки — новые Учителя, и первое, чему мы учим, — это равенство.

— Рано или поздно кто-нибудь захочет стать выше других. В человеческой природе заложено стремление доминировать, лидерство — это потребность. Ты уверена, что ваше движение застраховано от таких людей?

— Да. — Гранитная уверенность Бернхард, казалось, заполнила комнату целиком. — Каждый из нас, Избранных и Учителей, присягнул своей кровью. Новые Учителя не станут соперничать со старыми. Пока мы, Учителя, живы, мы свободны, когда мы умрем, станем свободными навсегда. Просто?

— Ужасно, если бы я знал раньше, я запретил бы любую подобную присягу. Страшно даже подумать. — Леклерк стал перед ней на колени, положив ладонь на подлокотник кресла.

— Ты запретил бы мне? — Брови Бернхард поднялись.

— Просто высказал бы свое мнение. Ну, я думаю, мы к этому еще вернемся. Я даже думать не хочу о том, что ты можешь пострадать. — Леклерк замолчал, он выглядел так, будто не был уверен, что именно он произнес эти слова.

Встав, Бернхард заставила подняться и Леклерка. Она сказала:

— Не надо сейчас об этом думать. Соберись, впереди — победа. Тысячи людей смотрят на нас.

— Да, ты права, только… — Он остановился, помолчал. — Ларта отведет тебя в их дом. Завтра мы начнем создавать конденсатор, если его вообще можно создать.

— Можно, мы — хорошая команда. — Бернхард отвернулась, не желая придавать никакого иного значения своим словам.

Глава 69

Тяжелый, липкий запах одинокой свечи висел в комнате. Джалита с трудом переносила аромат — травяной, но не сверкающих лугов и юных рассветов. Дух теней, мрачных пустот. Кто-то неизвестный и опасный затаился там, где был рожден этот запах.

Джалита взглянула на старуху, более чем уверенная, что та прочитала ее мысли. Церковь запрещала это, и Джалита знала про запрет, но она знала и настоятельницу Фиалок. Эта женщина очень гибко относилась к правилам Церкви.

Это несправедливо, вновь сказала себе Джалита, она пришла прямо сюда, чтобы рассказать о встрече с Леклерком. Воспоминания о словах старухи вновь подступили к ее горлу: «Если Гэн Мондэрк и его друзья решили обратиться к колдовству, то это куда лучше для Церкви. Но почему ты пришла ко мне? Эти сведения нужны Эмсо и баронам, но не мне. Ты уверена, что никто тебя не видел?»

Свеча стала почти на палец короче с той минуты, как были произнесены эти слова. Настоятельница то и дело открывала ставни, пристально всматриваясь в ночь, в комнате становилось все холоднее — Джалиту, скрытую под мехом, уже давно колотила дрожь.

— Ты дрожишь, дитя. Почему ты так волнуешься?

— Я замерзла. Ты высматриваешь, не пришел ли кто вслед за мной? Нет, никого не было. А почему бы нам не развести огонь?

— Правильно натренированный разум может избавить от холода.

— Мне некогда было развивать способности разума, особенно в рабстве, — негодование добавило Джалите смелости, — во всяком случае, женщины Сайлы и все Избранные страдают от холода, жары, голода и жажды точно так же, как и все остальные.

— Как всегда, ты не замечаешь очевидного, — голос настоятельницы был необычно мягок. — Церковь предоставляет возможность для воспитания разума только самым достойным.

— А кто их выбирает?

— Ты слишком любопытна. — Настоятельница пристально взглянула на девушку. — А это опасное качество, особенно для той, кто любит выставлять себя перед безжалостным Эмсо и мужественным Налатаном. Ага, тебе не нравится! Ты вообразила себе невесть что, думаешь, мне неизвестно о твоих заигрываниях? Как бы не так. А что касается твоего вопроса, то знай, что право выбора принадлежит Жнее. Сейчас наша любимая Жнея — Сестра-Мать всей Церкви, и на меня когда-то пал ее выбор. — Настоятельница похлопала по колену Джалиты. — Теперь тебе известна моя тайна, дорогуша.

— Я думаю, что знаю еще одну.

Тон Джалиты и ее хитрый, настороженный взгляд развеселили старуху.

— Я была слишком сурова с тобой, сказала она. Ты очень постаралась, доставив мне сведения о вашей встрече, но я все еще вне игры. Церковь должна сохранить добрые отношения со всеми, кто бы ни победил — Гэн или его враги.

— Это другая тайна, — резко заявила девушка. — До меня дошли слухи, что Жрица-миссионер, путешествующая на север, останавливалась здесь несколько ночей назад. Она пришла сюда из Дома Церкви с указаниями для тебя, не так ли? Решение остаться в стороне исходит от Сестры-Матери? Или я не права?

— Быстра, ты очень быстра. Ты же понимаешь, что, если твоя догадка верна, ты не узнаешь больше ничего. Из-за таких глупых ошибок погибают люди.

— Знаю. Я также знаю твоего осведомителя, твои глаза и уши в кругу самых близких друзей Гэна.

— Слишком быстро, дитя, слишком. Помни, никому не позволено долго пускать пыль в глаза.

Здравый смысл наконец-то возобладал, Джалита понизила тон и, глядя в глаза женщине, раскаялась:

— Я становлюсь нервной, настоятельница. Я хочу добиться успеха.

— Необходимо, чтобы твои вести достигли нужных ушей. Ни слова обо мне, понимаешь?

— Да, — кивнула Джалита.

— Вот и хорошо, — ободряюще улыбнулась настоятельница. — Все вопросы решены. Ты послушна, я верю тебе и все объясню. Я должна оставаться в стороне, но фактически Церковь помогает Жрецу Луны. Он и наша любимая Сестра-Мать только что заключили мир. Мы решили сотрудничать, сохраняя при этом свободу в выборе веры. Это означает, что мы выступаем против Скэнов вместе, но только до определенного момента. Так что ты должна быть моими глазами и ушами (или как ты там сказала?) в кругу самых близких друзей Гэна. Будь внимательна, я узнаю, если ты попробуешь что-нибудь утаить, милочка. Это может привести к нежелательным последствиям. Позволь, я покажу тебе, почему ты должна быть полностью открыта передо мной.

Настоятельница встала и подошла к двери. От толчка та отчаянно взвизгнула. Джалита вздрогнула и стиснула зубы: она увидела Жрицу — то ли охранницу, то ли шпиона. Настоятельница что-то приказала ей, и та поспешно ушла. Настоятельница осталась в дверях. Гнев душил Джалиту. Первая мысль — сообщить Гэну о предательстве настоятельницы. Это защитило бы ее и избавило от опасного задания. Однако

первоначальный порыв быстро прошел. Настоятельница слишком сильна, чтобы слететь от одного пинка, а Гэн уже давно считает аббатство Фиалок логовом врага, подтверждение этого мнения немногого стоит. Джалита успокоилась — шпионаж в пользу настоятельницы не представлял особой опасности, а если ее схватят, и Нилу, и Гэна можно легко убедить, что злобная старуха вынудила беспомощную девушку. Более того, сведения, полученные на службе у настоятельницы, могут пригодиться ей самой. Лучше всего, если бы Гэн сам разорвал плотную сеть, затягивающуюся вокруг него, тогда информация о заговорщиках помогла бы добиться его доверия.

Это казалось ей вполне вероятным.

Оранжево-золотой свет от фонаря проникал из-за двери и мельтешил на стене. Джалита увидела улыбку настоятельницы, склонившейся в приветствии, подобострастную, рабскую и, несмотря ни на что, хищную и грабительскую.

Когда знакомая фигура, несущая фонарь, вступила в комнату, с уст Джалиты, словно вороний крик, сорвалось имя:

— Эмсо.

Он прошел в комнату, не обращая внимания на настоятельницу, даже когда она выхватила у него из рук фонарь и быстро потушила его.

— Ну вот и я, — сообщил он Джалите, — пришел, чтобы услышать то, что должен услышать. Ты нужна мне. — И прежде, чем она успела опомниться, шагнул к ней, его руки легли на плечи девушки. Она не глядела в его требовательные сияющие глаза. Дыхание Эмсо источало зловоние пива, капусты и жира. Пот, но не сильный запах усталого человека, несвежий, кислый, отдававший страхом и истощением.

Легкий толчок вернул Эмсо обратно. Он вздрогнул и повторил:

— Ты нужна мне.

— Эмсо — последняя надежда для души Гэна Мондэрка. — Настоятельница неслышно подошла к ним. — Завет Апокалипсиса говорит нам: *«Первое зло человечества, будь оно хоть мельчайшей искрой или могучим взрывом, может быть побеждено, должно быть побеждено. Начало огня зла — заблуждение. А привести огонь может только к вечному разрушению»* . — Голос женщины стал необыкновенно высоким. Когда она замолчала, Эмсо, казалось, стал выше ростом, но подергивающиеся пальцы выдавали тревогу.

Джалита глубоко вздохнула, пораженная неожиданно озарившим ее пониманием происходящего. Вся важность слов настоятельницы мгновенно открылась перед ней. В просьбе Эмсо не было ничего личного: ему действительно была нужна только помощь, ее сердце немного успокоилось.

Если они хотят уничтожить религиозные источники силы Гэна Мондэрка, то она знает, что они должны услышать. Она описала новую катапульту с полной достоверностью и честностью, а затем добавила:

— Леклерк сказал, что они зарезали животных для какой-то особой, тайной церемонии, он не сообщил подробности.

— Кто занимается всем этим? — прервал девушку Эмсо, в его словах чувствовалась неуверенность.

— Леклерк с какой-то женщиной, я почти забыла ее имя. Может быть, Бернхард? Этакая простушка.

— Она всех одурачила! — зарычал Эмсо. — Мы все знали, что Леклерк баловался с запрещенным знанием, а она всех нас обманула.

— Продолжай, дорогая, — остановила мужчину настоятельница, — расскажи Эмсо, что ты еще узнала.

Джалита покачнулась вместе со стулом, на мгновение спрятавшись от назойливого света свечи. Она опять вспомнила Слезы Нефрита, как старуха умело балансировала на краю света, используя тень и контраст, чтобы обмануть глаза. Резкое движение заставило слабое пламя задрожать, усиливая иллюзию и обостряя воображение.

— Леклерк собирает невидимую силу из воздуха, силу молнии. Жрец Луны использует

это, чтобы убивать неверующих. Эта штука сделана из железа и меди, но она не гремит. Я бы не смогла понять, как она устроена. Она извергает огонь, синий огонь и шум, подобно кнуту. Если до нее дотронуться, пока она слаба, она заставит тебя прыгнуть. Леклерк говорит, что если она сильна, то убивает. Налатан спрашивал у него, откуда такая сила, а Леклерк ответил, что она подобна солнцу.

Настоятельница Фиалок осенила себя Тройным Знаком. Ее губы зашевелились, творя молитву. Эмсо выкатил глаза. На шее у него выступили вены. Вновь обретя дар речи, старуха спросила:

— Солнце? Он сказал, что эта сила — молния и солнце? Солнце — это жизнь. Налатан был воином-монахом Церкви прежде, чем черное зло совратило его. А сейчас он слушает грязные, недостойные слова о солнце и ничего не предпринимает. Он тоже стал негодяем.

— Остановись, — прогремел Эмсо. — Ты подошла опасно близко к той Церкви, что принадлежит исключительно мужчинам, она запретна для женщин.

Раскаяние охладило гнев настоятельницы:

— Я утратила рассудок, верный Эмсо, ведь это так легко для нас, слабых женщин. Это все слишком задело меня, прости.

— Конечно. — Его глаза вновь остановились на лице Джалиты. — Гэн нисколько не перечил такому богохульству? — спросил он.

— Нет, он не говорил ничего.

Мука сковала лицо мужчины, с видимым усилием он повернулся к настоятельнице.

— Даже хуже, чем я опасался. Мой друг. Скажи мне, как я могу спасти его. Умоляю тебя.

— Его прощением будет раскаяние и возвращение. Его проклятие — высокомерие. Он должен отказаться от лжи и зла, стать скромнее и вернуться в лоно Церкви. Ты спасешь его.

— Ты знаешь это? — Рвение бурлило в Эмсо. — Тебе сообщила провидица?

— Права Церкви были затронуты, если кто и может спасти Гэна, то только ты.

Джалита склонила голову, скрывая кривую улыбку. Она вспомнила ужасную ночь на берегу безымянного острова архипелага Морской Звезды. Холодный ветер скользил по ее обнаженной спине. Горячее бесстыдное пламя выставляло ее тело под похотливые взгляды. Джалита вновь увидела указательный палец Слез Нефрита, скрученный, сухой и уродливый, и ощутила кожаный ремень Скэнов, наброшенный на шею. Именно так они вели ее по деревне.

Гэн Мондэрк никогда бы не стерпел такого оскорбления, он бы просто погиб. Задохнулся в петле из сыромятной веревки, стянутой узлами предательства.

Глава 70

Снег шел в Трех Территориях три дня и три ночи. Звери попрятались в логова, забившись в любое укрытие, какое только могли найти. Крестьяне сидели по своим домам, втихомолку передавая друг другу древние истории о тех годах, что не знали ни зимы, ни лета, и смерть уводила тогда людей целыми поколениями. Там, где народа было побольше, люди собирались вместе, пережидая бурю, и делились тяжелыми предчувствиями, находя извращенное утешение во все более нагнетаемом страхе. Одни голоса отрывисто говорили о неизвестных всадниках, варварах из далеких стран, другие бормотали о таинственных странниках, принесших мистическое оружие необыкновенной мощности, известное только им самим.

Гордое имя Учителей, сиявшее так ярко под летним солнцем, для многих стало проклятием.

Слово ведьма стало очень популярным. Те, кто раньше никогда не смел произнести его, теперь обращались с ним удивительно легко. В сумрачных тавернах оно скользило, шепталось многими языками, перетекало из уст в уши, крыльями серой моли трогало испуганных слушателей, отравляя умы всех, кого успело коснуться.

Для большинства простых людей слово ведьма прочно связалось с бедственной погодой, создав неразрывное целое. Эти люди обвиняли темную силу во всеобщих неудачах, бесконечно падающий снег указывал на войну, развязанную злом. Скучная, пустая жизнь немедленно оказалась заполнена приятным осознанием происходящего.

Леклерк и Бернхард работали, почти не общаясь с другими людьми, не зная о суматохе, клевете и буре. Они лишь отметили высоту сугробов и продолжали трудиться.

Кузнец с помощниками плавили медь и отливали слитки, затем ковали их, нагревали и вновь ковали, разбивая в пластины. Леклерк требовал совершенства, а кузнец не мог его добиться. Листы получались с дефектами — волнистыми, с многочисленными утолщениями и впадинами. Но хуже всего, что часто встречались мелкие, шириной в волос, трещины.

Труд целого дня уже трижды возвращался обратно в тигель. Леклерк и Смитти работали не покладая рук две ночи и день, отказываясь принимать помощь даже от Бернхард. Утром работа была выполнена, Леклерк разбудил Кейт, постучав в дверь дома приютившей ее хозяйки.

— Кое-что получилось, пойдем, я покажу тебе. Ты одета? — нетерпеливо спросил он.

— Да, конечно, входи, — ответила Бернхард, — я уже заканчиваю завтрак. — Но ее слова оказались ненужными — Леклерк влетел в комнату. Он схватил девушку за плечи и приподнял, сметая посуду со стола.

— Он работает, работает!

— Так я, в конце концов, могу увидеть это чудо техники? — Бернхард изобразила на лице притворное раздражение. — Эту штуковину, позволяющую решить все наши проблемы и сделать мир лучше?

— Я не мог показать ее тебе раньше, — громко рассмеялся Леклерк. — Не знал, будет ли она работать. — Он выглядел уже почти спокойным. — Я видел, как на тебя действуют наши постоянные неудачи, и не хотел доставить еще одно огорчение.

Девушка вздрогнула, надеясь, что он этого не заметит. Забота — вот то, чего она опасалась больше всего. Доброта, теплый взгляд, дружеское прикосновение — все это могло уничтожить ее самообладание. Она постоянно твердила себе, что открытое проявление чувств изменит жизнь Леклерка далеко не к лучшему, заставит его суетиться и совершать необдуманные поступки. Какую бы боль это ни причиняло Кейт, она надеялась просто находиться рядом с Луисом. Женщина, стоящая сейчас перед Леклерком, была без ума от него, и единственное препятствие для откровенности — Джалита, эта чертова девка.

— Ну что, пойдем? — уже стоя у двери, обернулся Леклерк.

— Не торопи меня.

— О, женщины! Сначала вы жалуетесь, что приходится ждать, а когда все готово, не желаете поспешить.

— Мое ожидание закончилось, а твое только начинается. — Резким движением Бернхард набросила накидку.

Непринужденно перешучиваясь, они прошли к мастерской по узкой тропинке, протоптанной в снегу. Леклерк широко распахнул дверь — машина, находившаяся в центре комнаты, была невысокой, примерно по пояс, выглядела очень устойчивой и совершенно простой. Бернхард и не знала, как реагировать, но энтузиазма Леклерка хватило на двоих.

— Ну что, разве она не хороша? — спросил он. — Смитти и его ребята здорово помогли мне. Готов поспорить, другой такой нет в этом мире. Хочешь ровные медные полосы? Подожди минутку, я тебе покажу.

Он помчался к машине, представлявшей собой просто два стальных валика, один выше другого. Леклерк покрутил ручку и вставил продолговатый кусок меди между валиками. Затем он принялся вращать другую, большую рукоять — валики повернулись, и медная полоса сдвинулась с места. Появившись с обратной стороны машины, она стала явно тоньше и длиннее.

— Это прокатный стан, Кейт! — закричал Леклерк, размахивая куском металла. — Теперь мы можем сделать медные листы тонкими, как бумага. Да и стальные тоже. Никаких

бугорков, впадин и наростов.

Стремительно подойдя к Луису, Бернхард обняла его, затем взяла руки Леклерка, нагретые медью, в свои и мягко произнесла:

— Я горжусь тобой, Луис. Никто из нас никогда бы не додумался до такого устройства. Ведь это именно то, что нам нужно?

— Ну, в общем, да. — Леклерк внезапно стал скромным, почти застенчивым. — Если у Жреца Луны нет чего-либо подобного, его конденсаторы будут вести себя довольно непредсказуемо. А наши теперь выйдут очень надежными благодаря длинным, очень тонким листам меди. Мы разместим ролики в нескольких местах стана. Я прокатаю металл за один раз. У Смитти есть печь для обжига — без нагрева металл становится ломким, а с такой машиной у нас почти не будет швов, что увеличит эффективность. — Его улыбка превратилась в гримасу. — Мы еще, впрочем, ничего реально не сделали.

— Весь день впереди.

— Хорошо, давай попытаемся. Ты позаботишься о навощенной ткани и проследишь, чтобы все было соединено?

— Чем скорее мы начнем, тем лучше — я очень волнуюсь. Да и работники уже пришли.

Вечерело, когда Леклерк подозвал сияющего Смитти и помощников, чтобы собрать первый конденсатор. Остальные, стоя поодаль, с интересом наблюдали за происходящим.

Двое мужчин осторожно развернули на столе тонкую медную пластину шириной около фута. Третий покрыл ее навощенной тканью. Хлопок был прижат еще одним медным листом. Бернхард убедилась, что края ткани почти на дюйм высовываются из-под металла и по ширине, и по длине.

Все застыли, когда медь тихо хрустнула, — они помнили суровое предупреждение Леклерка насчет трещин. Осторожно, но туго свернутые пластины напоминали слоеный рулет. Края ткани Кейт и двое ее помощников загнули, чтобы изолировать один медный лист от другого.

Диаметр получившегося свертка был примерно равен его высоте. Растопленный воск скрепил высовывающиеся края ткани. Два торчащих толстых зажима отмечали верх. Один из помощников примотал конденсатор ремнем к рамке и поднес прибор к генератору Леклерка, установленному на рабочей скамье.

Другой присоединил зажимы к выходам генератора. Он был заметно напуган, и все же, усмехнулся Луис, слишком любопытен, чтобы поддаться страху. Повинуясь кивку Леклерка, он взялся за рукоять.

Вскоре Луис остановил его, затем показал, как закрепить свинцовое луженое копье на конденсаторе. Он еще раз предостерег всех от прикосновения к торчащим проводам:

— Если они соединятся, оружие будет разряжено. Если дотронется человек, он погибнет.

Мороз пробежался по коже окружающих. Их внимание было приковано к Луису.

С конденсатором, закрепленным в рамке на спине, Леклерк был в полной готовности. Медная пластинка, примотанная к толстому шесту кожаным ремнем, служила мишенью. Медная же проволока заземляла ее.

Один из работников попросил Луиса подождать; озадаченный, тот остановился. Юноша бросился к нахмурившемуся Смитти. Взяв полированный железный диск из кармана передника кузнеца, молодой человек закрепил его в центре медной мишени ремнем, протянутым сквозь дыры у ее края.

Повернувшись к Леклерку, он осенил себя Тройным Знаком.

— Это амулет Танцующих-под-Луной, Луис Леклерк. Во имя Церкви, порази его! — сказав так, юноша вернулся на свое место.

Маленькая группа разразилась приветственными криками и хлопками. Леклерк собрался, одновременно смущенный и приободренный всеобщим вниманием. Никогда ему еще не аплодировали вот так, заставляя сердце биться с тем же торжествующим ритмом. Он

приподнял металлическое копье, неожиданно показавшееся ему легким, как перышко. Тяжелый конденсатор просто давил на плечи, совсем не сковывая движений. Луис сделал фехтовальный выпад, парировал невидимый удар. Благодарная аудитория выразила криками свой восторг. Глубокий голос Смитти требовал:

— Убей! Убей! Убей! — Словно песню, слова подхватили остальные работники. Леклерк ударил.

С треском высвободилась энергия. Ослепительно голубой, сверкающий, словно изломанная драгоценность, сгусток чистой силы вонзился в мишень. Дым закурился сквозь рваное отверстие в обожженном металле, который был здесь вместо человеческой плоти. Клочья пара появились в месте контакта провода с землей. Вкрапления меди засветились, словно лунный диск.

Хриплые возгласы изумления сменились одобрительными криками и аплодисментами, еще более шумными, чем перед опытом. Работники столпились вокруг разрушенной пластины в восхищении. Дрожащие пальцы боязливо прикасались к разорванной поверхности. С благоговением они вновь и вновь осматривали генератор и конденсатор, мысленно переносясь за окружавшие их стены.

Почистив и сложив инструменты, Луис обратил внимание на расстроенное лицо Бернхард. Оставив собравшихся работников, он подошел к Кейт, отдельно от других соскабливавшей пролившийся на сборочный стол пчелиный воск.

— Скажи мне, что с тобой? — спросил Леклерк.

— О чем ты? — Она продолжала методично тереть стол скребком, не поднимая головы.

— Что-то беспокоит тебя. У тебя все в порядке?

— Конечно. — Она приостановилась, по-прежнему не отрывая взгляда от своих рук. Медленно выпрямившись, Кейт отбросила скребок, посмотрела прямо в лицо Луису и, стиснув челюсти, произнесла: — Я солгала. Мне больно было видеть, как ты развлекаешься, фехтуешь этим копьем; ты и сам должен был заметить, как все это ужасно.

— Я просто играл. Мы все упорно работали сегодня и очень устали. Тебя угнетает все, что бы я ни делал. Разве бесчеловечно расслабиться, Кейт? Или быть счастливым?

Краска отхлынула от лица девушки. Пятна угольной пыли проступили на нем еще больше.

— Как ты, собираясь воевать, собираясь убивать людей, можешь говорить о человечности, о счастье?

Ее фраза была тихой, хотя и наполненной страстью. Однако работники все поняли и, повинуясь знаку Смитти, вышли в заднюю дверь, покинув дом. Ни Бернхард, ни Леклерк этого не заметили. Чувства мужчины вступили в борьбу с его разумом, с его понятиями о справедливости, он долго размышлял над ответом.

— Это твои проблемы, разве нет? Ведь быть живым это главное. По твоей всеохватывающей теории. У тебя какое-то юродивое представление о добре. Ты когда-нибудь осознаешь, что нас окружает реальный мир, мир из плоти и крови. И люди, давшие клятву сумасшедшей Луне, уже вышли, чтобы убивать нас. Без объяснений, без причин — это просто резня.

— Поэтому убивать их хорошо? Разве мы должны играть по их правилам, набирая очки, получая штрафные за убийства женщин и детей? Что с тобой случилось, Луис?

Леклерк резко повернулся к столбу и пнул его так сильно, что тот упал. Ремни, удерживавшие мишень, разорвались. Леклерк поднял пластину обеими руками и гневно отбросил. От удара на шершавой стене появился белый шрам. Когда Леклерк повернулся к Бернхард, его лицо покраснело, а глаза яростно вытаращились.

— Я пробудился в этом покинутом мире не затем, чтобы потратить время. Если ты собираешься провести свою вторую жизнь, утирая сопли сиротам, — прекрасно. Я же собираюсь стать кем-то большим, более важным, чем даже Конвей, или Тейт, или… любой из нас. Если для этого нужно сражаться и убивать, значит, люди будут гибнуть. Ты

слышишь? Я получу силу!

Он закончил фразу, сжав руками плечи Кейт и встряхивая ее с каждым словом, затем оттолкнул, в волнении ожидая ответа. Она не могла сказать ни слова — слезы подступили к ее глазам. Глупые, женские, приводящие в бешенство слезы. Слова теснились у нее в груди. Она точно знала, как дать ему понять, где он ошибался. Он должен был осознать, что война — это не только борьба других людей, смерть других людей. Война несет опасность для любимого ею человека.

Мягкий упрек темных глаз разоружил Леклерка.

— Кейт, прости меня. Пожалуйста. Я не знаю, что происходит со мной. — Он не дождался ответа от пристально смотревшей на него Кейт и продолжил, глядя сквозь нее: — Иногда я думаю, что я знаю, что мне нужно делать, какая жизнь мне предстоит. Мгновение спустя все перепутывается, и я не могу продвинуться ни на шаг. Меня разрывает на части.

Он так много хотел ей сказать. Ему работалось лучше, когда он мечтал о ней, словно ее энергия помогала его силе. Леклерк не мог понять, как Кейт заполнила его сознание, заставила мыслить совсем по-иному, задавая иные вопросы.

Бернхард нервно улыбнулась в ответ на пытливую настойчивость.

— Все слишком многого от тебя хотят, слишком многого ждут. Все, включая меня.

— Неправда. Ты всегда со мной, поддерживаешь меня. Мы многое сделали. Я никогда не смог бы заставить эту толпу работать как слаженный коллектив, это удалось лишь тебе. Другие говорят мне, что я должен делать. Ты же помогаешь мне.

Бернхард почувствовала, что ее щеки запылали.

— Пойдем ужинать. Ларта расстроится, если все остынет.

Позже, видя, что Бернхард не возражает, Леклерк отослал Ларту домой. Перед поспешным уходом женщина заговорщически подмигнула Кейт. Та улыбнулась в ответ, надеясь, что у нее есть для этого причина.

За ужином Леклерк был необыкновенно внимателен, Бернхард отметила, что он явно хотел загладить свою вину. При разговоре они избегали военной темы. Когда Бернхард обсуждала программу обучения для Избранных, он с интересом слушал и сделал несколько разумных предложений без тени снисходительности или напыщенности. Девушка вспомнила, как поначалу отнесла его к разряду тех недалеких парней, для кого мужество и оружие равнозначны. Она глубоко вздохнула. Леклерк поднял со стола книги и в возбуждении потряс ими.

— Все, что ты хочешь предложить для будущих Учителей, находится здесь. Я — довольно неплохой работник, но здесь, в книгах, настоящая технология, здесь прогресс для всего мира. Кейт, ты когда-нибудь думала об этом?

Неожиданный вопрос застал девушку врасплох, у нее пересохло во рту. Она нервно, с трудом сглотнула и произнесла:

— Мы ввязались в опасную игру. Жрец Луны и мы. Электричество — лишь крошечная часть ужасной Силы, вызванной нами к жизни.

— Но, Кейт, ведь мы осуществили не все, что описано здесь. Вспомни, это Сайла, Конвей и Тейт откопали книги. Я думаю, мы вместе несем ответственность.

Внезапно сердце Бернхард заполнила теплота. Она хотела рассказать ему, как ясно осознала боль власти, тяжким грузом лежащей на ее совести. Она хотела этого мужчину, стоявшего сейчас рядом с ней. И он желал ее не меньше, нуждался в ней. Слова сочувствия пришли легко, Кейт произносила их машинально, не задумываясь. Девушка понимала, что сказанное гораздо менее важно, чем интонация и отношение Луиса к выраженным ими чувствам.

Душа ее пела — в ней поселилась Надежда.

Книга третья
Возрождение

Глава 71

После второй бури стало ясно — выжившие вряд ли позабудут эту зиму. По приказанию Гэна Мондэрка Волки занялись снабжением, распределением пищи и спасательными экспедициями.

Мудрость этих военных приготовлений вскоре стала очевидна. Дьяволы и их союзники Ква, хозяйничающие на территории страны, приносили не меньше забот, чем снежные бури. Появление в округе врагов мешало заготовке запасов на зиму. Суровая непогода гнала дичь со склонов гор вниз, где было чуть теплее и тонкий снежный наст позволял кормиться на пастбищах, пусть даже скудных. Племенам Ква и Дьяволам нужно было охотиться. Выбор был невелик — либо следовать за животными вниз по склонам, либо умирать от голода. А внизу на равнинах были земли народа Гэна.

Для кочевых племен люди представляли собой такую же добычу, как и другие животные. Многие из Волков Гэна той зимой обагрили кровью свои мечи.

Налатан ехал вместе с колонной. Походная рутина притупляла томившее его чувство одиночества. При первых проблесках зари его мысли обратились к Доннаси. Сумерки напомнили ему о смуглой женщине, близкой, родной и все же такой таинственной и непостижимой.

Краем уха он уловил шепот спутников — мужчины говорили о немногословном соратнике, редко улыбавшемся, но незаменимом в деле. Они шепотом делились подробностями о человеке, бросавшемся в битву, как на пир, который дрался с молчаливой свирепостью, ужасавшей и товарищей, и врагов.

Отряды возвращались домой после наведения порядка к юго-востоку от Олы. Воины Джалайла увидели Гэна, поджидавшего их по дороге в город. Одетый в тяжелую норковую мантию, он восседал на своем коне во главе десяти всадников. Круглая широкополая шапка из белой овчины выразительно контрастировала с темным блестящим мехом одежды. Он приветствовал сотника и выслушал его доклад. Поздравив командира и всех всадников, Гэн отъехал к обочине, уступая место людям, нуждающимся в тепле и крове больше, чем в каких-либо похвалах.

Гэн поздоровался с отделившемся от колонны Налатаном и спросил:

— Что мои Волки думают обо мне?

Налатан прищурился.

— Ты их вождь. Они почитают тебя.

Недовольно хмыкнув, Гэн прервал его рассуждения:

— Ты не умеешь лукавить. Им жаль меня. Тебе тоже, хоть ты и хотел бы это скрыть.

Налатан покраснел.

— Будешь беспокоиться, когда другие попытаются занять твое место. Пока им жаль тебя за то, что тянешь эту ношу.

В ответ Гэн печально рассмеялся.

— Я принимаю твою точку зрения. Но почему такие, как мы, получают удовольствие от схватки, Налатан? Почему стремятся к этой ужасной вещи?

— Большинство к ней не стремится и никакого удовольствия от войны не получает. Им не терпится повесить оружие на гвоздь. Они сражаются в надежде, что не придется сражаться их сыновьям. Немногие, как ты и я, рождены для борьбы. Значит, так угодно Вездесущему.

— Теология? — усмехнулся Гэн.

Налатан схитрил:

— Есть на кого скинуть бремя ответственности. И его плечи шире, чем мои.

— В твоих словах нет религиозной глубины — ты обманщик. И уклоняешься от ответа. И в этом преуспел, раз предпочитаешь жить под защитой городских стен.

— Вы дали мне поистине ошибочную характеристику. — Налатан низко

поклонился. — Ваша честь.

День клонился к вечеру, когда они достигли стен города. Нила и Сайла выехали верхом им навстречу.

Одетая, как обычно, в черное, Сайла сидела верхом на черной кобыле. Нила одна, без Колдара, ехала на своем жеребце Рыжике. Блестящая красно-коричневая шерсть животного оттеняла ее золотисто-белокурые волосы. Налатан, мельком взглянув на Гэна, отметил любовь и восхищение в его глазах и почувствовал крошечный укол зависти.

Не слезая с лошадей, женщины встретили их шумными объятиями. Налатан почувствовал тонкий аромат мыла и духов. Это был запах Тейт, и он быстро отъехал прочь, не обращая внимания на запорошенный снегом кустарник. Пока кавалькада, беседуя, направлялась к воротам, он мечтал о горячей ванне.

— Мне нужна твоя помощь больше, чем когда-либо. — Голос Сайлы вывел его из состояния безмятежного покоя.

Налатан догадался:

— Снова Джалита?

— Да. Она обольстила Леклерка.

— Луиса? — Ему захотелось поправить женщину и произнести имя Эмсо.

— Я думаю, тебе не стоит притворяться потрясенным. Я ведь не единственная сплетница. И эта грязная история непроста. Леклерк значительная фигура. И он слишком важен.

Придя в себя от удивления, Налатан сказал с насмешкой:

— С каких это пор спать с Важным человеком стало так неприлично?

— Она ничего не делает просто так. Ничего.

— Луис знает свой долг. А она не ведьма, чтобы управлять его разумом.

— Ты поставишь свою жизнь на это? — Присущая Сайле мягкая манера разговора выводила Налатана из себя. — Ей не надо прибегать к колдовству. Джалита юна и прекрасна. И если у нее есть амбиции и жестокость — этого достаточно. Неужели как мужчина ты не согласишься с этим?

Последнее было сказано с многозначительной ухмылкой, и Налатан был счастлив, что избежал более серьезного разговора, по крайней мере на время.

— Ты говоришь это мужчине, женатому на Доннаси Тейт? Право, ты меня недооцениваешь. Но даже если все, что ты сказала, правда, я не стану подсматривать и выуживать сведения у людей. Ты ведь меня знаешь.

— Мы поговорим об этом позже. И я повторю то же самое. А Джалита придет к тебе, я в этом не сомневаюсь. И тогда, пожалуйста, будь бдителен.

Они сменили тему и поболтали еще немного, прежде чем разъехались. Глубоко задумавшись, Налатан двинулся дальше один. Новые обстоятельства заставляли пересмотреть свои планы. Купальня показалась ему спасением от назойливых мыслей — какое удовольствие было бы развалиться в ванне!

Раздевшись, он разжег печку под прямоугольной каменной ванной и, подбросив дров, наполнил ее, черпая воду ковшом из бака. Сев на крепкую маленькую скамью, он начал тереть тело щеткой. Тщательно обработал длинный неровный шрам внизу спины — метка времен детства, оставшаяся после набега работорговцев. Шрам ныл после похода. Ополоснувшись, Налатан погрузился в горячую воду. Дрова прогорели, оставив одни уголья, вода стала приятно-теплой. Душистых масел было в меру. Особенно приятный аромат давал его излюбленный шалфей. Голова отдыхала на деревянном краю ванны, все тело и даже уши обволакивала теплая вода. Закрыв глаза, Налатан расслабился.

Неожиданный шум заставил его стремительным броском выскочить из ванной в поисках оружия. Но это был лишь скрип двери в женскую половину.

Успокоившись, Налатан вернулся к ванне. Погрузив чистое сукно в холодную воду, он выжал его почти насухо. Вытер досуха этим сукном выступившую испарину, готовясь к холоду улицы. Возясь с вязаной рубахой, он услышал голос женщины за дощатой стеной.

Она тихо пела. Песня была очень мелодичной и с озорным ритмом.

У себя в комнате он сложил и расставил снаряжение, взятое в дозор. Доннаси ворчала, когда вещи были не на своих местах. Он осмотрел проделанную работу. Порядок. Но это было еще не все. Он протянул руки к ящику под своей кроватью. Ящик был полон промасленного песка. Налатан зачерпнул горсть песка и уложил кованую кольчугу в ящик. Умытый и свежий, он получал удовольствие от простой работы, потряхивая ящик в руках. Мало-помалу кольцевые звенья кольчуги очищались от глубоко въевшейся грязи и маленьких пятен ржавчины. Налатан хмуро осмотрел доспехи. Кольчуга должна быть блестящей. А эти пятна как бы бросали вызов. Он повесил металлическую рубаху, закрыл коробку и начал сметать песок, просыпавшийся на пол.

Слабый стук в дверь сначала не привлек его внимания. Стук повторился, и Налатан открыл дверь.

На пороге стояла Джалита.

— Я так и думала, что ты придешь прямо сюда. — Она улыбнулась ему, ее темные волосы и почти черные глаза блестели. Кремово-белый плащ из оленьей кожи, туго прилегающий у горла и запахивающийся на груди, касался пола. Прекрасное лицо казалось белым, как снег.

У Налатана перехватило дыхание.

— Наверное, это какая-то ошибка?

В ответ раздался звонкий мелодичный смех.

— Нет, глупый. Я хотела побеседовать — только и всего.

— Побеседовать? Со мной? О чем?

— Потому что ты был монахом и знаешь Церковь. Потому что ты женат на женщине, которая отличается от всех, и не стыдишься этого. Поделись со мной своим опытом.

Он тряхнул головой, все еще не отпуская ручку двери.

— Тебе следует поговорить с Доннаси, когда она вернется.

— Обязательно поговорю. — Ее улыбка дразнила, белые зубы блестели. — Я молода, Налатан, но мне многое известно: чтобы узнать что-либо о женщине, прислушайся к мужчине; чтобы услышать что-то о мужчине, поговори с женщиной. Ты во многое можешь посвятить меня.

Налатан старался не замечать прозрачного намека, проклиная свое воображение. Он сказал:

— Я не знаю… — Но Джалита прервала его.

— Мне кажется — ты не знаешь, что нужно быть учтивым, — сказала она. Этот маленький укол сопровождался улыбкой. Он отступил в сторону. Джалита толкнула дверь, закрыв ее за собой.

Развязав накидку, она бережно повесила ее на спинку единственного стула и осмотрела убранство комнаты. Под накидкой оказалась белая блузка с зеленой оторочкой на воротничке. Отлично выделанный кожаный жилет, украшенный дюжиной маленьких овальных блестящих пуговок. Темно-зеленая шерстяная юбка с черно-белой аппликацией, изображавшей касатку, ниспадала к высоким ботинкам из телячьей кожи. Джалита глубокого дышала, ее грудь вздымалась под тугим жилетом.

— Жилье мужчины. — Она обернулась, медленно поворачиваясь всем телом. — Ты смазывал эту кольчугу. Я чувствую по запаху. И запах морского песка. Ты использовал песок.

Ее глаза сузились, и она со смехом обратилась к нему:

— Я была на женской половине, когда ты принимал ванну. Я видела, как ты вошел туда.

Налатан напрягся.

— Чего ты хочешь?

— «Хочу». Какое интересное слово. Мы путаем его с «необходимо». Или с «желаю». Это причиняет беспокойство. Все, чего я хочу, — так это совета. Меня добиваются двое

мужчин. А я не хочу ни того, ни другого.

— А мне что до того?

Столь явное безразличие привело Джалиту в замешательство.

— Это должно много значить для тебя. Ведь эти мужчины — Луис Леклерк и Эмсо. Стоит одному подумать, что другой притязает на меня, и Гэн Мондэрк лишится одного из своих наиболее важных людей. Ответственность ляжет на меня, хотя я ни в чем не виновата.

— Тогда расскажи обо всем Гэну.

Джалита склонила голову. Шагнула ближе. Ее голос понизился до шелеста.

— Он хочет отдать меня Эмсо. Он поклялся мне хранить это в тайне. Он подозревает Эмсо в связи с оппозиционными баронами.

Большей лжи нельзя было придумать. За этой ложью скрывалось злобное намерение свести трех мужчин в слепом поединке друг с другом. Налатану захотелось сомкнуть свои руки вокруг этой гладкой, грациозной шеи. Но она была так прекрасна, что ему вряд ли удалось бы сжать пальцы. Сглотнув, он спросил:

— Ты хочешь, чтобы мы обманули Мурдата?

— Никогда. — Она предостерегающе протянула руку, успокаивая его. Мы должны беречь его. Не думаю, что нужно рассказать ему все, но мы не должны лгать. Вот чего я хочу от тебя: просто будь более предупредительным с Гэном.

— С Гэном?

— Неужели ты не понимаешь? Ты должен всегда стоять между мной и этими двумя, если они окажутся рядом. У них не будет возможности остаться со мной наедине.

Джалита была уже совсем рядом.

— А когда Гэн и Нила будут в отъезде, ты мог бы побыть со мной. Я не думаю, что нуждаюсь в защите, но Луис и Эмсо пугают меня. Я знаю, ты женат, но ведь ее нет здесь. И я могла бы составить тебе компанию. Я нуждаюсь в благородном друге. Договорились? — Ее приоткрытые губы влажно блестели. Она наклонилась к нему. Расстегнувшаяся пуговица блузки притягивала его взгляд, но Налатан поборол искушение.

Он нетвердыми шагами дошел до двери и обернулся к Джалите. Увидев его лицо, она выпрямилась и прижала руки к лицу.

— Ты лгала Эмсо. Насчет Гэна. Ты лгала Леклерку. Я знаю все. Уходи.

Джалита была в нем совершенно уверена, и ей просто не приходило в голову, что придется оправдываться или выторговывать его поддержку. Она взорвалась:

— Через какое отверстие от выпавшего сучка ты подглядывал за мной? Трус. Лгун. Кто тебя будет слушать? Думаешь, тебе поверят? А если и поверят? Расскажут Эмсо, и стыд убьет его. Расскажут Леклерку, тогда Гэн велит ему взять меня в жены — и Эмсо убьет его.

Голова Налатана пошла кругом. Она была права. Но и лгала. Дьявольщина!

— Гэн отошлет тебя куда-нибудь подальше.

Она рассмеялась, и Налатан услышал знакомые серебристые колокольчики в ее голосе.

— Эти глупцы будут добиваться меня и там. Они хотят меня, Налатан. Так же, как и ты.

— Я не хочу тебя. Постыдись.

— Чего же стыдиться, если знаешь свои желания. — Джалита медленно приближалась. Налатану стало смешно, когда ему захотелось просто убежать. Но, к изумлению, он не смог двинуться с места.

— Иди ко мне, Налатан. Страсть моя. Возьми меня за руки. Я обещаю тебе все. Я дам тебе наслаждение.

Он почувствовал запах свежих трав, которыми она натирала тело, и вдруг Налатана передернуло. Он вспомнил душистое сено конюшни. Там она использовала свое тело точно так же. С Эмсо. Все исчезло.

Отвращение подавило вожделение.

Джалита что-то почувствовала и отступила на маленький шажок.

— Ты поможешь мне. Ты, которого я желаю. Так же, как и ты желаешь меня. — Она

взялась руками за края своей жилетки. — А что, если я разорву этот кусок кожи, разбросаю эти крошечные пуговки по твоей комнате? Заору, что меня насилуют? Гэн изгонит тебя прочь, как бешеную собаку. А Доннаси? Что с ней станет?

Налатан пятился от нее, пока не натолкнулся на стену. Выглядел он нелепо: не способный отступить и слишком испуганный, чтобы защищаться. Последнее слово осталось за уходившей Джалитой.

— Ты поможешь моему возвышению, Налатан. Чтобы сохранить Гэна, чтобы сохранить его друзей. И ты будешь счастлив. Как видишь, у нас много общего — у тебя и у меня.

Налатану потребовалось какое-то время, чтобы взять себя в руки. Он тяжело опустился в кресло. Придя в себя, он открыл ставни, наполняя комнату холодным воздухом. Первый порыв ветра хлопком затворил тяжелую дверь. Усевшись снова, он закрыл глаза. Его дыхание замедлилось, успокаиваясь. Мускулы расслабились.

Когда он вновь открыл глаза и увидел мрачное небо в низких тучах, это был уже другой человек.

Он уверенно вошел в зал, где в окружении собак за богато украшенным столом сидел Гэн. Тот с улыбкой приветствовал своего посетителя:

— Я только что подумал, что нам надо побеседовать.

— Нет, Мурдат. Я здесь не для беседы.

Гэн удивился.

— Что случилось?

— Ничего определенного. — Налатан ощутил неприятный привкус лжи. Он заторопился: — Так, по поводу патруля. Это меня беспокоит. Волки действуют с оглядкой. Они не уверены. Они говорят о людях на высоких постах. — Налатан покрылся потом. Собаки заметили необычность его поведения.

— Оппозиционные бароны. — Гэн откинулся назад на своем троне. — Эмсо слишком доверился Ондрату, он посещал его. Даже в эту зимнюю непогоду люди Ондрата стерегут побережье от набегов Скэнов.

— Я знаю — Ондрат спас Сайлу, но…

Оборвав смех, Гэн подошел к камину.

— Ты и Эмсо: его опасения уменьшаются, твои растут. Пока вы у меня за спиной, я могу спокойно смотреть в глаза врагам. Я счастливчик.

Налатан не обратил внимания на его слова.

— Тебе следует знать еще кое-что. О Джалите. Оба — Леклерк и Эмсо — интересуются ею.

— О, я знаю это. — Гэн отвернулся от огня, усмехнувшись широко. — Она все рассказала Ниле. Они оба привели ее в замешательство. Она еще слишком юна для них. Буквально на следующий день она рассказала, что посетила Леклерка. И поведала ему о том, какая прекрасная женщина Кейт Бернхард. Замужество. Они знают, как это делается. Я говорю о женщинах. Мужчины слепы в этом деле. Мужчинам нужны факты, а не домыслы.

— Я хочу уехать. — Последние слова Гэна вывели Налатана из себя.

Удивление Гэна быстро сменилось пониманием и сочувствием.

— Я забыл, Налатан. Все эти разговоры. Бессмысленно искать следы Тейт, ты же знаешь. Снега невероятные. Она цела, укрылась где-то, ожидая лучшей погоды. Ты мне нужнее здесь.

— Я не представляю, откуда начинать поиски. Она может быть и по ту сторону гор. Но я должен покинуть Олу. Я должен быть за ее стенами.

— Но если ты не будешь искать Тейт, тогда зачем?

— Жрец Луны. Я могу разузнать, что он делает.

— Далекая миссия, мой друг. Опасная. — Чистый взгляд Налатана заставил Гэна улыбнуться. Он продолжил официальным тоном: — Сможешь ли ты сделать это и вернуться вовремя, чтобы встретить Тейт?

— Я постараюсь. Но мне нужно уехать.

— Возможно. Возможно. — Гэн задумался. После долгого молчания он произнес: — Когда ты отправляешься?

— Как только сяду на коня. — Налатан отступил от камина. — Я поеду на восток. Мое отсутствие обнаружат завтра, не ранее. К тому времени я буду далеко.

Усмешка Гэна была полна отчаяния.

— Почти недостойная поспешность. Любой бы на моем месте подумал, что он плохой хозяин.

— Конечно, это не так. Но так будет лучше. Для всех. — Он с усилием сглотнул, не желая сказать лишнее.

Гэн только кивнул.

— Как знаешь. Официально ты отправился самостоятельно. Я не знаю куда. До тех пор, пока я не поговорю с Тейт. — Они пожали друг другу руки.

* * *

На следующий день за вечерней трапезой Нила спросила:

— Что ты можешь рассказать об исчезновении Налатана, Гэн? Ходят слухи, что он дезертировал.

Джалита поперхнулась. Нила поспешила похлопать ее по спине. Когда та откашлялась, ее улыбка стала нервозной, смущенной.

— Я об этом ничего не слышала. Я была с Избранными весь день.

Гэн не проявил никакой заинтересованности.

— Я не интересуюсь слухами.

Нила подняла на него все понимающий взгляд.

— Нет? Тогда ты что-то знаешь.

Гэн попытался перевести разговор. Они спорили с добрым юмором двух людей, привыкших все обсуждать, не заботясь о победе одного над другим. Никто не обратил внимания на волнение Джалиты.

Наконец Гэн сказал:

— Да, все правильно. Но это не должно выйти за пределы этой комнаты. Налатан сказал, что хочет покинуть Олу, и поэтому я попросил его сделать кое-что для меня. Все очень просто.

— Тогда зачем вся эта секретность? И эта спешка? — Нила вложила в свои слова презрение. И немного скепсиса.

— Я счастлива, что он уехал.

Гэн и Нила вздрогнули, изумленно глядя на Джалиту. Ее лицо покрылось красными пятнами. Поняв, что другие наблюдают за ней, она опустила взгляд и произнесла:

— Я намеревалась побеседовать с ним вчера. Он всегда выглядел таким одиноким. Я была только любезной. А он… Это не то, что вы думаете.

Нила и Гэн обменялись ошеломленными взглядами. Нила положила свою руку на плечо молодой женщины.

— Он не сделал ничего дурного?

— Он схватил меня. Говорил мне такие вещи. И оставил меня в покое, только когда я убежала. Туда, где нас могли видеть люди.

Пытаясь скрыть болезненное раздражение в своем голосе, Гэн произнес:

— Ты должна была рассказать мне.

Джалита смотрела в сторону.

— Он твой друг.

Лицо Джалиты раскраснелось. Ее молчаливая решительность произвела впечатление на Гэна. Страдание и унижение делали ее взгляд скорее разгневанным, чем смущенным.

— Он точно это сделал?

Нила прервала его:

— Гэн!

Полный непонимания взгляд Джалиты обезоружил Гэна. Он извинился. Нила вывела из-за стола молодую женщину, скромно потупившую взгляд.

Оставшись за столом один, Гэн размышлял. Случается, человек смотрит прямо на чернейшую ложь и не видит ничего, кроме чистой правды. И Гэн поверил Джалите.

Глава 72

На смену страшным бурям пришли ясные холодные дни. Через месяц после отъезда Налатана в Олу прискакал всадник из внешнего лагеря с вестью о том, что Тейт, Конвей и Ланта возвращаются в город.

Грязные, худые, все трое казались потерянными, слушая приветственную речь Гэна. Тейт была особенно взволнована. Никого не узнавая, она сидела, закутавшись в плащ, счищая грязь с сапог о бока лошади. Когда они входили в город, Тейт приподнялась на стременах, тревожно оглядываясь по сторонам.

Гэн и Нила переглянулись. Они радовались возвращению друзей, и сейчас им было трудно сообщить Тейт о том, что ее муж уехал. Эта тайна камнем лежала у них на сердце. Они решили, что сами должны рассказать Доннаси о задании, с которым Налатан отправился на юг.

Тейт все еще смотрела мимо Гэна и Нилы со странной улыбкой на лице. Друзья остановились, и она вопросительно взглянула на них, ожидая услышать самое страшное. Нила быстро сообщила новость, закончив словами:

— Он сказал, что должен уехать отсюда, из этих стен. Никто не думал, что буря так скоро утихнет. Налатан будет ужасно зол, когда вернется. Он так скучал по тебе, а вышло вот как.

Тейт старалась быть спокойной.

— Я понимаю. Действительно понимаю. Все это время мы прятались в снежных пещерах, практически заживо похороненные. Я понимаю, что он имел в виду, говоря о стенах. — Ее голос задрожал. — Я так мечтала скорее его увидеть. Это очень больно, Нила.

Нила подъехала ближе.

— Крепись, Доннаси, пожалуйста. Людям сейчас очень нужны герои. И они поздравляют вас с возвращением домой. Помоги нам.

Сжав луку седла, Тейт выпрямилась.

— Не беспокойся. Все будет в порядке. — Она поскакала вперед, спеша догнать остальных.

Им дали спокойно принять ванну и проспать остаток дня, но к полуночи все трое должны были участвовать в праздновании. Никто не говорил с Тейт о ее муже. После полуночи Гэн поехал в город за своими друзьями и вернулся с ними в замок. Пока компания развлекалась, Тейт утащила Гэна из комнаты. Они сидели в темном углу с большими кружками пива в руках, и Тейт рассказывала ему о своих приключениях. Она поведала ему о встрече с Тиниллитом и о его просьбе разрешить племени Малых поселиться на землях Гэна. Тот с готовностью согласился. Тейт хотелось рассказать ему об оружии, спрятанном в ущелье, но она не могла нарушить уговор — у нее были свои идеи по поводу тех гор. Свои идеи.

Какое-то время они молчали. Тейт смотрела на заполненный людьми зал. Пары танцевали под звуки какого-то струнного инструмента, напомнившего ей гитару. Иногда его звуки были гораздо тоньше, иногда, наоборот, глубже. Ритм отбивал мужчина, стоявший в центре круга, образованного барабанами разных размеров. Музыка была приятная и веселая.

Снова взглянув на Гэна, Тейт продолжила:

— Когда началась вторая буря, снег шел несколько недель. Мы жили в берлогах, вырытых прямо в снегу. Поначалу я думала, что сойду с ума, сидя в этой белой пещере,

которую все больше и больше заносило снегом. Не оттого, что могла замерзнуть. Нет, там было тепло, но я была совсем одна. Снаружи было холодно, мела метель. И никого вокруг. Поверь мне. Когда мне хотелось пообщаться, я залезала в пещеру к Ланте и Конвею. И еще собаки.

— Вам пришлось тяжело, — ответил Гэн.

Тейт снова посмотрела на танцующих.

— Временами я так завидовала Ланте и Конвею, что мне становилось страшно. Как можно помочь счастливым людям, когда ты сам несчастен?

— Всем приходится время от времени испытывать подобные чувства. Это пройдет. Мы ведь справимся, правда?

Она поднялась, широко улыбнувшись. Не успел Гэн пошевелиться, как Тейт, перегнувшись через маленький стол, поцеловала его в лоб. Присев, она увидела, что Гэн удивленно улыбается.

Она сказала:

— Это за то, что ты сказал «мы». Ты очень мил.

Он свирепо уставился на нее.

— Я Мурдат, воин, повелитель Трех Территорий.

— Ты большой и уже взрослый котище. — Она фыркнула и отвернулась. Он шутливо замурлыкал. Последовало многозначительное молчание.

— Последний вопрос, Гэн, и я останусь здесь на всю ночь. — Она пристально посмотрела ему в глаза. — Ты ведь знаешь, о чем я хочу спросить, не так ли? Скажи правду, почему Налатан ушел? Всю. От начала до конца.

Его пальцы нервно забарабанили по столу. Гэн выпил остатки пива. Кружка тяжело опустилась на стол.

— Я уже говорил тебе, Доннаси. Он сказал, что должен идти, что время не терпит.

— Куда он ходил до того, как ты послал его на разведку к Жрецу Луны?

Гэн посмотрел по сторонам.

— Тише. Ни одна душа об этом не знает. Я не знаю, куда он ходил. Мы уже смирились с тем, что не найдем тебя, потому что он не знал, где тебя искать.

— Не говорил ли он о своих планах?

— Нет, не говорил.

Встряхнув головой, Тейт медленно поднялась.

— Странно. Налатан сказал, что будет ждать меня здесь. Я могу понять, почему он хотел уйти, но почему он не подумал о том, чтобы отправиться на поиски? Не вижу смысла.

Дверь за Тейт успела захлопнуться, прежде чем Гэн ощутил сладость ее поцелуя на губах.

* * *

На следующее утро Леклерк и Конвей пригласили Тейт посмотреть новое творение Луиса, и она с радостью согласилась. Они ехали по заснеженной дороге, наслаждаясь красотой дня.

Кейт Бернхард встретила их на крыльце. Тейт радостно помахала ей рукой, испытывая сильное волнение от встречи с еще одним своим другом. Они вошли в дом, и Кейт подала свежий хлеб, большую миску масла и варенье из ежевики. После прогулки по холодному воздуху все с аппетитом пришлись за еду.

Затем Леклерк повел гостей в цех. По дороге женщины немного отстали. Тейт быстро обняла Кейт.

— Мы питались только сухофруктами, сушеными овощами и сушеным мясом. И немного дичи. Теперь совсем другое дело. Я мечтала о горячем хлебе и топленом масле. И даже представить себе не могла варенье. И я заставляла себя вылезать наружу, даже в снежную бурю. Сегодня все было так прекрасно, Кейт. Я люблю тебя.

Лицо Бернхард вспыхнуло румянцем.

— Я рада, что тебе понравилось. Все это ново для меня. Я живу с домохозяйкой Луиса. Она научила меня кое-чему.

Тейт покосилась:

— Живешь с домохозяйкой?

Кейт продолжала, не обращая внимания на ее намек:

— Она и ее муж пригласили меня пожить у них в доме. Ее зовут Ларта и… — Она остановилась, словно наскочив на стену, и обернулась, пригнувшись к шее лошади. — С домохозяйкой и ее мужем. Это не то, что ты подумала.

Теперь Тейт должна была оправдываться.

— Кейт, я просто хотела пошутить.

Бернхард взяла ее за руки и рассказала о любовном треугольнике между ней, Джалитой и Леклерком, закончив словам:

— Даже в этой ситуации я хочу выйти за него замуж, а не просто спать с мужчиной. Наверное, это старомодно?

— Ты добьешься своего. Я на твоей стороне, — сказала Тейт, когда они уже заходили в цех.

Леклерк сказал:

— Давай покажем им, что мы умеем делать, Кейт.

С видом гордого отца он подвел Конвея и Тейт к прокатному стану, позволяющему делать тонкие, широкие листы меди. Затем он отвел их в хранилище, чтобы показать готовые конденсаторы. Конвей был в восторге. Бернхард объяснила ему некоторые тонкости производства, пока Тейт и Леклерк обсуждали общую технологию.

— Покажи нам генератор, Луис, — попросил Конвей.

Леклерк повел их обратно в цех. Они играли с генератором, как малые дети, затем перешли в новую мастерскую Леклерка. Там лежали необработанные бревна, все в золотых каплях смолы, и всюду царил запах свежесрубленной древесины. Было довольно жарко. Кузнецы работали на наковальнях возле печей.

Конвей жестикулировал, стоя возле мужчин, протягивающих медные тонкие полоски через сужающиеся отверстия в стальной пластине.

— Они делают проволоку для другого генератора?

— Который будет значительно больше этого. — Леклерк нахмурил брови. — У нас возникли трудности при отливе оси. Но не потому, что мы не можем увеличить размер. Этому мы уже научились. Просто здесь мы закладываем новый фундамент, технологически новый. — Он хитро улыбнулся. — В найденных книгах нет сведений о подобной металлургии. Нам приходится создавать ее самим. Пойдем, я покажу вам еще кое-что. — И вновь оживившийся Леклерк повел их в другое, новое здание.

Мужчины и женщины работали над катапультами. Заметив то, что они разбиты по парам, Тейт вопросительно посмотрела на Бернхард. Та объяснила:

— Кузнецы не хотят брать женщин в свое ремесло. Просто не хотят. Наверное, одичали от своего железа. Не знаю. Во всяком случае, мы обучаем женщин здесь.

Тейт кивнула в знак удовлетворения ответом.

— Оружейники. Так они называются. Люди, которые делают оружие, называются оружейниками. Они должны знать это.

Кейт лучезарно улыбнулась.

— Они будут знать.

Когда все возвращались в дом, Конвей указал на отдаленный сарай.

— Ты все еще изготавливаешь там свой черный порошок?

— Нет, это слишком опасно. Мне нужно было место, чтобы хранить материалы, работать и держать в секрете метод изготовления. Для этого я приспособил вон тот бункер. Видите дым над этой насыпью? Все двери сейчас засыпаны снегом.

— Ого-о! — возбужденно воскликнула Тейт. — Секретная лаборатория. Да у тебя тут

просто Пентагон!

Смеясь, Леклерк пригласил гостей в дом, говоря, что Тейт его совсем не уважает. А затем помпезно потребовал увеличить бюджет, на что остальные ответили неодобрительными возгласами. Потом Леклерк серьезно рассказывал о создании большого генератора, добавив:

— Большая мощность позволит производить самые разные виды оружия. Это очень интересно.

Бернхард сказала:

— Вы бы видели, как он постоянно сидит, уткнувшись в книги.

Тейт и Конвей оба вспыхнули в негодовании:

— Книги? Здесь?

Бернхард сказала виновато:

— Я привезла их сюда. Они ему нужны.

Не желая омрачать веселую атмосферу, Конвей мягко спросил:

— Это безопасно, Луис? Я имею в виду, что мы слышали о набегах кочевников. Твоя ферма — не замок. Ты сам знаешь. А как насчет красной книги? Надеюсь, ее здесь нет.

— Нет, конечно. Я прячу их, когда не пользуюсь. В своем бункере.

Тейт присвистнула:

— С черным порохом? Ну, ты даешь, Луис.

— Там они в безопасности. Я гарантирую.

Бернхард хотела разрядить обстановку:

— Они действительно очень хорошо спрятаны. И очень ему нужны. У Луиса есть несколько замечательных проектов. Не касающихся оружия, совершенно другие вещи.

Леклерк был рад, что Кейт сменила тему. Улыбнувшись, он сказал:

— Мое величайшее увлечение. И ее тоже часто посещают идеи.

— Мы не всегда соглашаемся друг с другом, — отозвалась Кейт. — У нас разные мнения по поводу того, что смог сделать Жрец Луны.

Леклерк жестом показал, что не понимает, о чем идет речь.

— Он вышел к побережью. Мы слышали сообщение о ветряных мельницах. Но из этого ничего не следует. Вероятно, он построил пилы с ременным приводом для леса, которые использует при изготовлении своих катапульт. Но это тоже ни о чем не говорит.

Бернхард спокойно продолжала:

— Я думаю, что он добывает водород.

— Что? — У Тейт вытянулось лицо.

— Мы знаем, что его Алтарь Луны работает на электричестве. Если он построил ветряные мельницы, то это надежный источник энергии. Он может расщеплять воду на кислород и водород с помощью электролиза. Собрав эти газы, он сможет сделать настоящие бомбы, способные разрушать стены. Я рада, что вы здесь в полной боевой готовности.

— Если, если, если, — возразил Леклерк. — Слишком много этих «если». Наши катапульты разметут его стенобои независимо от того, из чего те сделаны.

По пути назад в Олу Тейт спросила Конвея:

— Прошлой ночью что-то говорилось о Леклерке и Джалите?

— О ком? Ах да, девушка, которая сбежала от Скэнов. Нет ни одного неженатого мужчины, который бы ее не знал. Ее появление в Трех Территориях вызвало оживление среди Волков. Думаю, что глаза Эмсо масленеют всякий раз, когда она идет рядом, но никто не говорил, что то же происходит с Луисом. Ребята думают, что она принадлежит к старой Церкви. Она из племени Фор, и многие из них придерживаются этой веры. На вид такая скромница и сама невинность и прочно приклеилась к Ниле. И к настоятельнице Фиалок. Проводит время с Избранными и нашими друзьями. Они ее любят. Пожалуй, это все, что я могу о ней сказать.

— Все, кроме чего? — Фыркнув, Тейт засмеялась. — Ты рассказал все, но забыл назвать размер ее перчаток и предъявить выписку из карточки стоматолога.

Затем, ненавидя себя, она задала вопрос, на который боялась получить ответ:

— А о Налатане что-нибудь говорили? Почему он уехал? Он говорил с кем-либо, кроме Гэна?

— Я не слышал ни слова. Ты знаешь, как он умеет держать мысли при себе. Если подумать, в этом нет ничего удивительного. Ему нужно действовать, Доннаси. Он не городской житель. Мы все это знаем.

Больше они об этом не говорили. Тейт была благодарна Конвею за то, что он сказал «мы знаем», как тогда, когда она поцеловала Гэна за то, что ее проблемы он считал и своими. В то же время она проклинала Мэтта Конвея, своего лучшего друга, за искренность, которая ранила больнее, чем отъявленная ложь.

Может быть, он все же слышал что-то, чего не мог повторить ей? Или он просто хотел ее успокоить?

Почему она не спросила?

Неподалеку завыл волк. Эхо прокатилось по кристально-прозрачной ночи. Звук показался Тейт невыразимо тоскливым, и, подняв голову, она прошептала: «Доброй охоты, братья Гэна. Доброй охоты, и знайте: кто-то завидует вам, вашей бесподобной неуязвимости».

Глава 73

Слабый стук в дверь заставил Тейт вздрогнуть. Набросив покрывало на кровать, она спросила:

— Кто там?

— Джалита.

— Кто? — переспросила Тейт, но затем опомнилась. — Входи, пожалуйста. — Она поднялась навстречу нежданной гостье.

Тейт даже не догадывалась, что на девушке была та же одежда, в которой она приходила к Налатану. Джалита, которая была ниже Тейт ростом, остановилась на полпути, ее серо-белый плащ резко выделялся на фоне темной каменной стены. Черные ботинки слились с полом, и это еще более усиливало впечатление, что Джалита не стоит, а парит в воздухе. Тейт вглядывалась в ее лицо над мягкой кожей плаща. Темные глаза, брови и полные алые губы выделялись на молочно-белом лице.

Тейт мысленно окинула себя взглядом и с презрением подумала, какой же ужасный вид у нее сегодня утром. Руки с покрытыми грязью пальцами — верх запущенности. Свитер с потертыми рукавами весь в пятнах, а на плече — предательская дырка, выставляющая на всеобщее обозрение мешковатую рубаху грубого полотна. И, конечно же, грязные старые брюки, в которых ходили воины, из очень плотной материи, за что их прозвали «железной задницей». В довершение этого ансамбля — выношенная добела косынка, которую она повязала на голову. Полный комплект.

Тейт мило улыбнулась.

— Ну, проходи же, Джалита. Хорошо, что ты зашла.

Улыбнувшись в ответ, Джалита проскользнула в комнату.

Тейт села на кровать, жестом указав гостье на стул. Сев, Джалита сказала:

— Мы ведь так до сих пор и не познакомились. Но я наслышана о тебе.

— Я тоже. Надеялась увидеть тебя на вчерашнем празднике.

— Я не любительница таких празднеств. Мужчины, по крайней мере моего возраста, очень… как бы это сказать? Легкомысленны. Женщине нужно иметь рядом уверенного, знающего свою цель человека. А интересные мужчины часто забывают, что в жизни есть еще что-то, помимо удовольствия.

Это было сказано с такой обезоруживающей прямотой, что Тейт невольно рассмеялась. Но, в конце концов, перед ней сидела женщина, отравляющая своим существованием жизнь Кейт Бернхард. И Тейт сказала:

— Обычно женщинам нужно время, чтобы это понять. И довольно дорого заплатить.

— Я старалась научиться этому как можно быстрее. — Джалита обратила в шутку намек на свое прошлое.

Колкость Тейт не удалась. Внезапно она разозлилась. Джалита была не только обворожительно красива, но и очень умна. Тейт пришло в голову сравнение с грациозными тюленями, резвящимися во Внутреннем Море. В их молниеносном появлении и исчезновении под водой была какая-то зловещая красота.

Джалита продолжала:

— Надеюсь, ты не сердишься за то, что я не приехала поприветствовать тебя, Нилу, Гэна и остальных. Мне действительно не хотелось.

— Почему?

— Все дело в твоем муже. Когда он ушел, я испугалась, что ты появишься здесь до того, как он вернется. Я была в ужасном состоянии. Я знаю, это глупо, потому что я даже никогда не разговаривала с ним. Правда.

Мускулы на шее Тейт напряглись. Какая-то странная интонация в словах Джалиты заставила ее насторожиться. Тейт сказала:

— Это был самый ужасный момент в моей жизни. Хотя я понимаю. Он вынужден был уйти. Ни я, ни он не терпим заточения.

Воодушевленная этими словами, Джалита поднялась.

— Я знала, что ты это скажешь. Я очень рада.

— Рада? Чему?

— Тому, что он ушел именно из-за этого. Гэн сказал мне об этом, и мне очень хотелось, чтобы это было правдой. Было бы печально, если бы все было по-другому.

И снова холодок пробежал по спине Тейт.

— Что значит по-другому? Разве есть другая причина?

Джалита ответила сразу, как будто только и ждала этого вопроса:

— Только одна. Конечно, все знают, как вы привязаны друг к другу. Но она сказала, что это неправда.

Тейт заскрежетала зубами.

— Кто сказал?

— Настоятельница Фиалок. Она долго о чем-то говорила с Налатаном. Она сказала, что он был чем-то очень озабочен. Он волновался по поводу нового оружия. Он беспокоился, не попало ли оно к противникам Церкви. Должно быть, он узнал об этом от Эмсо; тот ведь, чуть что, жалуется Гэну. Церковь — все для Налатана, но все знают, что ты для него намного важнее. Даже если это его и беспокоило, он бы никогда не оставил тебя из-за такого пустяка. Между прочим, не сказал ли он Гэну, почему ушел?

— Налатан разговаривал с настоятельницей? Ты уверена в этом?

Глаза Джалиты расширились от удивления. Она снова села.

— Она сказала мне. Ты ведь не собираешься ей сказать, что это я тебе обо всем рассказала?

— Как раз это я и собираюсь сделать. Ты ведь не о пропавшей вещи говоришь, девочка. Какова бы ни была причина, почему мой муж ушел отсюда, можешь быть уверена, я узнаю ее.

— Мне жаль, что я тебя расстроила. — Джалита вспыхнула. Однако, встретившись с ней глазами, Тейт заметила, что ее взгляд был спокойным и сосредоточенным.

Наспех умывшись, Тейт сняла темно-синюю рубашку и голубое белье и натянула на себя толстый, как одеяло, зеленый плащ. Повернувшись к Джалите, она сказала:

— У меня сегодня ничего не ладится, извини.

— Не стоит. Я просто не умею объяснять. Мне хотелось быть тебе другом, но я вела себя нетактично. Это моя вина.

Тейт что-то пробормотала в ответ. Почти не разговаривая, они благополучно добрались до настоятельницы Фиалок, не считая одного загадочного происшествия. На пути им

встретились люди племени Волков, охранявшие вагон с припасами для нуждающихся. Их молоденький командир праздно глазел на двух спешащих мимо него женщин. Внезапно он узнал их. Опомнившись, он отдал салют и глупо хлопал глазами, продолжая смотреть им вслед уже после того, как Тейт отсалютовала ему в ответ. Тейт исподтишка оглянулась. Знамя отряда было ей знакомым — один из оппозиционных баронов. Тейт про себя отметила, что надо бы спросить Эмсо, как обстоят у них дела с дисциплиной.

Жрица проводила Тейт и Джалиту в покои настоятельницы Фиалок. Старая, изможденная женщина сидела в кресле-качалке возле пылающего камина. Ее колени были укутаны покрывалом, а в руках она держала пяльцы. Все это выглядело слишком театрально, хотя приветствие ее прозвучало довольно искренне. Когда гостьи придвинули свои стулья поближе, настоятельница отложила вышивание и позвонила в маленький колокольчик. Вошла Жрица. Уступив уговорам настоятельницы, Тейт согласилась выпить чашку чая, попросив добавить туда ромашки, обладающей успокаивающим действием. Она сказала себе, что сейчас не место и не время показывать свой характер. Мышцы на ее спине напряглись, будто ей предстояла трудная борьба. Тейт вспомнила битву с капитаном акульего челна и интуитивно почувствовала, что, несмотря на чай и уютное тепло камина, сейчас ей угрожает не меньшая опасность.

Жрица, прислуживающая настоятельнице, принесла три простые глиняные чашки и два серебряных чайника, накрытых тканью, сохраняющей тепло. Тейт понравился деревянный поднос с ручками в форме застывших в прыжке дельфинов. Когда Жрица ушла, настоятельница разлила чай. Она подала Тейт чашку первой и сказала:

— Прежде всего я хочу сказать тебе, что Церковь огорчилась, узнав о твоих трудностях. Налатан — прекрасный мужчина, а ты — прекрасная женщина.

Тейт медленно пила чай, поглядывая на настоятельницу. Затем она произнесла:

— Ваша Сестра-Мать пыталась убить нас обоих. Ей бы доставило огромное удовольствие видеть нас, пылающих в огне. Поэтому скажите мне все, что вы знаете о Налатане.

Осторожно кашлянув, настоятельница промокнула губы великолепным кружевным платком величиной не больше мужской ладони.

— Не суди о Церкви неверно, моя дорогая. Любой приходящий в Церковь будет прощен. Никогда не забывай об этом. Налатан помнил это. Это так просто.

— Даже и не подумаю. — Допив свой чай, Тейт встряхнула головой.

— О, я очень сомневаюсь, что он сейчас возвращается в Сушь, но его очень задевала эта борьба за Гэна Мондэрка. Он не одинок, дитя мое. Многие лишены покоя. Нарушающие церковные традиции будут уничтожены верой.

— Я не ваше дитя. Я бы с удовольствием послушала, какую связь вы видите между понятиями «прощен» и «уничтожен верой», будь у нас больше времени. — Тейт поставила свою чашку на поднос и поднялась. — Если вы не можете сказать мне ничего определенного, тогда я ухожу, настоятельница. Спасибо за помощь.

Уголком глаза Тейт заметала, как, прежде чем продолжить, настоятельница подмигнула Джалите.

— Есть и другая причина.

Остановившись, Тейт повернулась. Губы настоятельницы искривились, как будто она съела что-то очень горькое.

— Ты, возможно, слышала, что люди говорят о Налатане и о другой женщине. Он говорил со мной по этому поводу и просил поговорить с тобой вместо него. Это ужасно неприятно, но он очень просил меня. Он хотел, чтобы ты поверила, что все это неправда. И еще он хотел, чтобы ты узнала об этом тоже от женщины, но той, которой он доверяет, и надеется, что ты доверяешь ей тоже.

— Нет никакой другой женщины. И он обратился бы к Сайле, а не к тебе.

Старая женщина вздернула подбородок, и глаза ее засверкали, но она по-прежнему говорила очень спокойно:

— Он пришел ко мне. Твой муж пытается вернуться к своим истокам. Мне кажется, наш разговор окончен.

Вскочив со всем проворством, на которое она была способна, Тейт уловила едва заметную алчную усмешку на губах Джалиты, прежде чем та сменила ее на гримасу недовольства. Тейт бросила ей:

— Все это доставляет тебе удовольствие, не так ли? Я твоя должница, улыбчивая моя. Я пока не знаю точно, что за игру ты ведешь, но, когда узнаю, мы снова выпьем по чашке чая и я объясню тебе, что не стоит дурачить меня.

Настоятельница гневно прошипела:

— Никогда не произноси здесь это проклятое слово. Это святое место.

Онемев от глупости такого замечания, Тейт смогла лишь рассмеяться в ответ. Пока она спускалась по узкому каменному пролету, ее хохот эхом раскатывался по всему замку. Однако веселость мгновенно улетучилась, как только Тейт вышла в холодный дневной свет.

Неужели Налатан действительно мог пойти к такой женщине, как настоятельница?

У нее было достаточно оснований, чтобы поверить в это. Происхождение Налатана. Одиночество. Странное окружение. Но, что хуже всего, он вынужден жить с женой, которая бросила его, чтобы заниматься своими секретными делами. Так не должно быть. И снова ей на ум пришел образ воды, мутной и искажающей отражение.

Она шла довольно долго, пока ее путь не преградил бурный водопад. Она была потрясена тем, что шла, сама не зная куда. Оглянувшись на стены города, Тейт поразилась, как далеко забрела.

Только она собралась возвратиться в замок, как ее внимание привлек крик, доносящийся откуда-то сверху. Над ее головой парил орел. Расправив крылья, он сделал крутой вираж и устремился вниз. Набрав воздуха, он увеличил скорость. Прежде чем орел скрылся из виду, Тейт увидела, как он камнем бросился на какую-то добычу. С благоговением она подумала, какую же, наверное, жалость испытывают птицы ко всем несвободным земным созданиям. Она вспомнила орла, которого видела в тот день, когда умерла настоятельница Фиалок, и того орла, который свирепо смотрел ей в глаза там, в Горах Дьявола.

Охранник из стаи Волков ввел Тейт в зал. Гэн взглянул на нее из-за своего стола. Улыбка мгновенно сошла с его лица. Он встряхнул головой.

— Ты не представляешь, как ты сейчас похожа на Налатана. У него было такое же выражение лица…

— Когда он пришел сказать тебе, что уходит. Я пришла за тем же.

— Тебе не догнать его.

— Я и не собираюсь. Я ухожу сама по себе, потому что хочу поселиться с Малыми.

— С кем? — Гэн не мог поверить своим ушам. — Ты нужна нам здесь.

Тейт присела на край стола и посмотрела на Гэна.

— Что-то происходит, Гэн. Это видно по твоему лицу. Несколько солдат видели меня и Джалиту сегодня утром. Они как-то странно на нас смотрели. Мне кажется, теперь я знаю, в чем дело. — Она провела пальцем по его лицу. — Жаль, что ты не можешь видеть сейчас своего лица. Ты ведь слышал сплетни, которые эта сморщенная слива, настоятельница, распустила обо мне? Мой мужчина никогда не станет обманывать меня. Я уверена.

— Какие слухи? Кто назвал Налатана обманщиком? — Гэн выглядел искренне удивленным.

— Это неважно. Важно то, что я ухожу отсюда, как и Налатан. Я должна кое-что сделать.

— Кое-что сделать? Ты рискуешь жизнью. Для чего?

Тейт выдержала его взгляд.

— Я ничего не буду объяснять, но скажу: если то, что я задумала, получится, ты тоже выиграешь от этого. Если нет, то ты ничего не потеряешь.

— Все это звучит очень загадочно. Скажи мне, твои друзья знают об этом решении?

— Нет. И они узнают об этом от тебя, когда я буду уже далеко отсюда. — Тейт поднялась, собираясь уходить. Гэн озадаченно поднял брови. Выражение его лица говорило о том, что он не собирается ее покрывать.

— Я много думала сегодня. Это какое-то проклятье, но мне не везет с тех пор, как я попала сюда. Может быть, я просто плохой воин. Я не смогла спасти моих несчастных собак, моего коня. Помнишь, Додой спас мне жизнь? И Сайла тоже, когда на нас напал тигр.

— Да что с тобой случилось? — Внезапная вспышка гнева Гэна насторожила Карду, который поднял голову и удивленно зарычал. — Сайла говорит, что, когда тигр упал на землю, он был уже мертв. Твои собаки и лошадь были даром тебе от моего племени. Их специально выращивают, чтобы они прожили жизнь в опасности и умерли, служа хозяину. Это их мир. И мой тоже. И твой. Так я, по крайней мере, думаю. — Гэн сделал паузу. — Да, я прав. Я знаю тебя. Ты одна из тех, кто просто не знает, что им делать.

Тейт слабо улыбнулась.

— Может быть. Но мне надо подумать. Я не могу ничего делать, постоянно оглядываясь на эту старую ворону, настоятельницу, или эту Джалиту.

Гэн напрягся.

— Джалиту? А причем здесь она?

— Просто мои личные чувства. Она раздражает меня.

Румянец проступил на скулах Гэна.

— По поводу Джалиты ты ошибаешься. Налатан может вернуться, пока ты будешь в горах, а ты об этом не будешь знать.

— Скажи ему тогда, чтобы направлялся на главную тропу. Но не посылай его, если у тебя из-за этого не будет хватать людей. В таком случае пошли гонца или еще кого-нибудь. — Она рассмеялась. — Не лишай меня там, в лесах, хотя бы маленького удовольствия. — Но внезапно она замолчала, в чем-то засомневавшись. — Скажешь ты ему или нет, но мне бы очень хотелось, чтобы он пошел следом за мной. Я должна знать, сделает ли он это. Мне кажется, что у нас может быть такой же брак, как и у вас с Нилой. Вы — единое целое. Нам тоже стоит научиться этому.

Гэн переменил тему:

— Ты уверена, что Малые пропустят человека, который придет поговорить с тобой?

— Абсолютно. Это одна из причин; почему я ухожу. У них есть некоторые очень занятные обычаи. Ты извинишься за меня перед всеми, когда я уйду? Мне не хочется долгих прощаний.

Эта просьба как бы повисла в воздухе между ними. Тейт нервно переминалась с ноги на ногу. Наконец Гэн кивнул.

— Я сделаю это. Поступай так, как считаешь нужным, но помни, пожалуйста, что твои друзья очень тебя любят. И никаких глупостей. Обещаешь?

— Я сделаю не больше глупостей, чем их делает мой друг Гэн Мондэрк.

Гэн печально улыбнулся.

— Слабое утешение.

Поцеловав его в щеку, она ушла. Гэн долго смотрел ей вслед, затем подошел к Карде и почесал ему за ухом.

— Что же я натворил, мальчик? Ты же знаешь, я ведь люблю ее. Может быть, я только усилил ее боль? А если Налатан обманывает ее? Не сделал ли я еще хуже? Причиняя боль ей, он ранит и меня. Что же мне делать?

Глава 74

Сверкающее солнце жгло побережье, но мысли Лорсо, в одиночестве идущего по каменистому берегу, были мрачны. Несмотря на хромоту, широкая поступь быстро уводила его на север, а встающие за спиной холмы уже скрыли и форт, и деревню.

Взглянув на море, он заметил качающиеся на волнах водоросли, и воображение тут же

превратило их в скользкие щупальца Сосолассы. Оторвав от них взгляд, он сконцентрировался на отшлифованном волнами камне, представив себе трон Сосолассы, с которого бог наблюдал за прислуживающими ему белыми, сгнившими рабами.

С такими мыслями лучше было прогуливаться в одиночестве, они не допускали посторонних. В последнее время у него в голове постоянно возникали вопросы, очень настойчивые, более опасные, чем песни ведьмы бури.

Если и другие, кроме Слез Нефрита, говорили от имени бога в прошлом, то где гарантия, что лишь она одна должна говорить сейчас?

Лорсо резко остановился, оглядываясь вокруг, как будто опасаясь, что эти слова в его голове заглушили грохот прибоя. Продолжая свой путь, он решил сосредоточиться. Опыт подсказывал ему, что самые хорошие планы у него созревали, когда было достаточно времени для размышлений.

Пытаясь успокоиться, Лорсо осмотрелся кругом. Обычно его не слишком трогала красота. Однако эта земля была слишком прекрасна. Темно-зеленые деревья закрывали возвышающиеся горы. Снег покрывал самые высокие хребты. Прямо впереди по скале стекал ручей. Его серебряная пена радостно падала на каменистый берег, торопясь обняться с морем. Кристально-зеленые волны вздымались ввысь, накатываясь на берег. Солнце пронизывало светом их пенящиеся гребни, создавая причудливые рисунки в глубине тяжелых тел. С ревом волны падали к ногам Поработителя. Братство.

Лорсо ударил себя кулаком в грудь.

Был уже вечер, когда он привел неохотно бредущую Слезы Нефрита в зал совета. Чувствуя на себе успокаивающий взгляд бога, он с уверенностью взошел на платформу для оратора.

Как только Навигаторы успокоились, Лорсо заговорил о необъяснимом пришествии Жреца Луны на побережье, упомянув про запретную зону, вход куда был запрещен даже для союзников Скэнов. Воздух над толпой постепенно начал пропитываться подозрительностью и злостью, хотя сначала Навигаторы были спокойны и даже любопытны. Лорсо подумал о нефти на воде, о том, как она, медленно расползаясь, изменяет все, к чему прикасается. Он должен действовать так же.

Для того, чтобы вернуть Джалиту.

Слова сами текли из него, тихие, веские.

— Каким волшебством обладает Жрец Луны? — задал он вопрос, обращаясь к аудитории. — Разве друг изменил бы без всякого согласования заранее оговоренный план, уверяя потом, что он лишь искал новые пути наступления? Разве друг не дал бы подойти друзьям к берегу? Зачем другу мирить Танцующих-под-Луной с Церковью, безо всякого ведома или участия со стороны Скэнов? Разве друг не сказал бы ничего о религиозном союзе с настоящим богом. Сосолассой?

Как и ожидал Лорсо, именно Слезы Нефрита задала первый вопрос:

— Что ты предлагаешь, Поработитель? — В ее голосе слышалось недоверие. И предостережение. Хотя здесь было еще что-то… Нерешительность? Страх? Нет, скорее всего не страх.

— Великая награда — это народ Трех Территорий. — Лорсо незаметно вытер вспотевшие ладони о грубую ткань шерстяных штанов. — Кос взывает о рабах. Жрец Луны болтает о новообращенных в свою веру — это означает живую силу, собранную под его знаменами. Каждый человек, которого получает Жрец Луны, — это потеря для нас, и это человек, с которым в будущем, вне всяких сомнений, придется сражаться.

— Я спросила о предложениях. — Слезы Нефрита фыркнула. — А ты преподносишь мне факты.

Игнорируя ее замечание, Лорсо обратился к Навигаторам:

— Барон Ондрат должен ударить Гэну Мондэрку в спину. Только если мы будем внимательно следить за действиями Жреца Луны, мы можем рассчитывать, что Скэны захватят достаточно рабов в Оле и Харбундае.

— Но ты говоришь о захвате рабов из числа Оланов, — бросил один из них.

— Я говорю, что Ондрату не нужно знать правды. — Энтузиазм усилил голос Лорсо. — Представьте, что Жрец Луны наступает с юга. Он ожидает, что мы придем с моря и нападем на обороняющихся Волков сзади. Вместо этого мы жалуемся на плохую погоду и говорим, что наши акульи челны не готовы.

Но чтобы не вызвать сомнений у Жреца Луны, мы совершаем набег на Олу и Харбундай и захватываем рабов без всякого риска или с минимальными потерями. Когда же Жрец Луны подойдет к стенам Олы, мы ударим с моря. Однажды утром он проснется и обнаружит, что замок захвачен Скэнами. Конечно, мы сдадим ему замок.

Из рядов Навигаторов раздались недовольные возгласы. Лорсо встретил их широкой ухмылкой.

— Мы сдадим его после переговоров. Во время этих переговоров наши челны обыщут все Внутреннее Море, захватывая каждого мужчину, женщину или ребенка, которого они встретят. Мы оставим Жреца Луны управлять пустотой, набирать себе сторонников из младенцев и отставших солдат.

Собрание радостно заревело. Навигатор Оттер начал танцевать в приступе неудержимого веселья, запев песню войны. Потом к нему присоединился еще один и еще, пока все Оттеры не стали двигаться в тесном, ритмичном кругу. Раздались смех, хлопки, и вот уже и другие Навигаторы собрались вокруг них. Лорсо сошел с платформы, надел ботинки и присоединился к толпе.

Мгновением позже кто-то похлопал его по плечу. Обернувшись, Лорсо увидел, что Слезы Нефрита со сверкающими глазами стоит на платформе. Ее заметили еще несколько человек. Отрывистые толчки, сказанные шепотом предостережения, пронеслись по толпе. Песня стихла.

В повисшей тишине раздался поблекший, дребезжащий голос Слез Нефрита:

— Воины Скэнов! Разве я не говорила вам, что мы должны разгромить Гэна Мондэрка и ведьму, которая называет себя Сайла? Но кто из вас строил планы разгрома наших врагов? Никто. Но так было до тех пор, пока не появился Поработитель, мой сын. Разделите мою гордость. Он наш. — Она повернулась к Лорсо, и тот упал в ее объятия. Ее костлявые руки, поразительно сильные, сжали его, как стальной трос. Ее слова, хотя и несколько невнятные, были услышаны всеми: — Ты станешь величайшим из наших людей. Но ты никогда не должен забывать, что мы — ты и я — служим Скэнам по воле Бога.

У Лорсо закружилась голова. Нотка какого-то мрачного предчувствия снова появилась у нее в голосе. Он был в этом уверен. Почти уверен. Но был ли?

— Отведи меня домой, — попросила Слезы Нефрита. — Мы должны поговорить.

Старуха расположилась возле камина, свет которого сполохами падал на одну половину ее лица. Другая освещалась яркими желто-коричневыми отблесками раскаленной докрасна жаровни. Костлявый кривой палец, торчащий из ее рукава, был направлен на Лорсо.

— Я знаю, чего ты хочешь.

У Лорсо перехватило дыхание. Он хотел что-то сказать, но знал, что не сможет.

Слезы Нефрита продолжала говорить окрепшим от нетерпения голосом:

— Бойся Бога. Или утони, чтобы служить ему. — Сухая клешня спряталась в рукаве. Высунув ее снова, старуха побрызгала чем-то на угли — дым повалил густыми кольцами, завоняло каким-то паленым морским животным и океанской водой.

— Не сопротивляйся, — резко произнесла она. — Дым нужен для того, чтобы привлечь Бога. Он должен иметь свободный доступ к твоему сознанию.

Вместо того чтобы приказать Лорсо принести воды, старуха с трудом поднялась и сделала это сама. Пот заструился по его спине. Он воспользовался возможностью отодвинуться от дыма и вдохнуть свежего воздуха. Слезы Нефрита перемешала свое варево и передала его сыну. Выражение лица недвусмысленно намекало, что это надо выпить.

Лорсо помнил многих людей, отведавших это пойло в похожих ситуациях. И еще он

помнил, что ни к чему хорошему это не приводило.

Варево было отвратительное, с тошнотворно-сладким вкусом. Подавившись, Лорсо вскочил с кресла. Жидкость и слюна хлынули у него изо рта. Липкие брызги попали на одеяние Слез Нефрита. Она отшатнулась назад, махая тонкими костлявыми руками, визгливо и зло крича. Лорсо схватил сухую тряпку, отстраняя продолжавшую браниться мать.

Вылить оставшееся содержимое чашки было делом одной секунды. В слабо освещенной хижине жидкость быстро исчезла на вытоптанном земляном полу. На всякий случай Лорсо встал на пятно, а затем, извиняясь, сделал вид, что пьет варево.

Но поединок еще не закончился. Лорсо сделал вид, что его охватила дрожь, гадая, какой должна быть реакция на выпитую жидкость. Слезы Нефрита заметила состояние Лорсо, и ее взгляд стал очень внимательным. Лорсо продолжал дрожать.

Слезы Нефрита улыбнулась.

— Вдохни дым, Поработитель, сын мой. Дым и отвар вызовут Бога. Ты увидишь его, познаешь радость.

Лорсо заставил себя приблизить голову к дыму, поднимавшемуся из жаровни. Он разъедал глаза, но разум оставался ясным. Слезы Нефрита монотонно призывала его думать о глади морской воды, об убаюкивающих земных пейзажах. Лорсо тяжело опустился назад, все еще дрожа. Слезы Нефрита продолжала мурлыкать. Затем, потрясенный так, что почти потерял контроль над собой, Лорсо услышал голос Бога. До смерти испуганный, он пытался что-то разглядеть через прищуренные глаза. Голос шел из нее, ясный, хотя и несколько булькающий и шипящий:

— Ты избран для того, чтобы вести моих рабов, людей Скэнов. Ты отомстишь за Слезы Нефрита, убив предательницу, носящую имя Джалита. Не забывай о страхе, Поработитель. Повинуйся. Ты понял?

— Понял… — Попытавшись открыть глаза, Лорсо почувствовал, как дым ослепляет, давит на лицо. Скорбь внезапно охватила его разум, такая же властная, как морской прилив: Бог говорил прямо через его мать. Джалита. Он хотел ее. Хотел, как никакую другую.

Голос Бога еще раз забулькал из древнего рта Слез Нефрита:

— Иди сейчас, сын моей Жрицы. Ты слышал мой голос, мое требование. Повинуйся. Повинуйся.

Лорсо поплелся наружу. Холодная ночь окатила его свежестью, вымыла остатки тумана из его головы. Он вылил напиток, но она сказала, что напиток и дым действуют вместе. Он видел ее тонкие, иссушенные губы, ее старые, коричневые зубы, когда она говорила.

Когда говорил Бог.

Ни один человек не обладал таким голосом, такой речью. Если только это была речь. При воспоминании об этом Лорсо вздрогнул. Бог говорил ее ртом. Зелье. Дым. Где же была правда?

Он выпрямился, зло прошептав:

— Ты, Лорсо, человек, которому принадлежит Джалита, человек, который обманул Жрицу.

Он пошел на берег залива, где акульи челны ожидали часа, когда можно будет ударить по Гэну Мондэрку. Сев на корточки, Лорсо сполоснул лицо холодной водой. У его ног вода казалась растущей, кипящей чернотой, пронизанной мерцающим светом звезд. «Сосоласса. Я дам тебе человека и колдунью. Джалита моя. Я служил тебе лучше всех. Даже у Бога есть обязанности. Я беру то, что принадлежит мне по праву».

Поднимаясь, он посмотрел туда, где море и земля были всего лишь темной, неясной массой, тайным предвестником. Пока его ноги не ступили на твердую дорогу, идущую параллельно заливу, он шел спиной вперед, повернувшись лицом к морю. Наблюдая. Наблюдая.

* * *

Акулий челн проскользнул через канал под покровом темноты и продолжил свое движение по болоту. Длинные тонкие весла с легким шелестом врезались в неподвижную воду, заставляя смазанные кожаные прокладки тихо вздыхать. Водовороты от весел быстро крутились и исчезали в зыбком пробуждении. Прибрежный камыш раздраженно шелестел, возмущаясь непрошеными гостями.

Скоро широкие лопасти весел коснулись приближающейся растительности, после чего их подняли вертикально. Четыре человека легли по бокам лодки. Используя короткие весла, они вновь привели ее в движение. Повинуясь свисту наблюдателя в носовой части, лодка повернула вправо. Секундой позже звуки воды, ударяющей по корпусу, указали на более быстрое течение. Переходная точка, в которой болото заканчивалось и начиналась река, была близка.

Вскоре послышалось мягкое шуршание дерева, трущегося о землю. После этого — холодное, враждебное молчание.

Сигнальный свет был виден вдали на берегу. Наблюдатель ответил на свет завывающим лаем лисицы. Воины Скэнов оставили лодку, бесшумно растворившись в прибрежных тростниках.

Человек, приближавшийся со стороны берега, производил шум. Глухо звучали шаги по грязной земле. Звякнуло оружие. Человек споткнулся, выругавшись вслух. На борту челна в хищных, презрительных усмешках заблестели зубы.

Лорсо втянул носом воздух. Не обращая внимания на богатый букет запахов влажной земли, он ловил какой-то слабый запах, который нес с собой легкий бриз со стороны суши. Скот. Кони. Слабый привкус дыма, с мимолетным запахом готовящейся пищи. Рыба. Картофель. Что-то неожиданное задержало его внимание. Он напрягся, положив руку на эфес меча.

Пот. Он проглотил смех. Несмотря на пронизывающий холод ночи, человек, пришедший к нему на встречу, вонял, сильно потея.

— Лорсо? Это ты? — раздалось из темноты.

Лорсо упрямо молчал. Три человека, силуэты которых виднелись на фоне неба, нервно задвигались. В следующей попытке было слышно раздражение, быстро переходящее в угрозу.

— Лорсо? Ты где? Кто здесь? Говори. Я вижу твою лодку.

— Я здесь. — Лорсо встал на расстоянии удара, наслаждаясь испугом человека. — Ты барон Ондрат?

— Да, это я — барон Ондрат. Я горжусь этой встречей с тобой. Это моя личная охрана. Болото может быть опасным — оно полно контрабандистов и работорговцев.

— Мудрая предосторожность, — прервал Лорсо болтовню барона. И этот неумеха будет союзником против Жреца Луны? Хотя, с другой стороны, хитрость Ондрата до сих пор выручала его. Он был плохим мечом, но, правильно пользуясь им, можно было рубить врагов.

— Здесь есть небольшой домик, чуть выше по берегу, — предложил барон. — Там гораздо теплее и накрыт стол, так что мы сможем поесть. Карты тоже там.

«Слишком все гладко. Здесь что-то не так», — подумал Лорсо, прочистив горло. Этот сигнал говорил его людям атаковать при первых признаках агрессии либо со стороны барона, либо со стороны Лорсо. Вслух же он произнес:

— Наши представители уже договорились. Поговорим на борту моего челна.

— Здесь совсем недалеко. Я пошлю человека за картами, он присоединится к тебе на твоей лодке, как ты и сказал, — сдался Ондрат. — Я хотел всего лишь предложить свое гостеприимство.

— Тепло и хорошая пища — это неплохо, барон. — Лорсо пожал плечами. — Но нам нужно спешить. Мой челн должен быть спрятан к рассвету. — Ондрат не мог знать, что последняя фраза относилась к его команде из тридцати человек, приказывая скрытно

следовать за ними.

Войдя в домик, Лорсо сразу пожалел о своем решении: комната была слишком теплой, повсюду ярко горели свечи, дым благовоний сразу заполнил его нос, притупляя обоняние. Хуже того, глаза, ослепленные ярким светом, на некоторое время лишились способности видеть в темноте.

Когда появилась пища, оказалось, что это — мясо бизона, свинина и приготовленные на пару овощи. Рыбы не было и в помине. Ондрату не хватило ума сообразить, что Скэны почти не едят овощей и очень редко — красное мясо, даже когда оно достаточно хорошо прожарено. Здесь же все было подано в виде мягких, кровавых кусков. Каким-то образом Лорсо удалось пройти через этот ад. Только пиво было хорошим. Он решился на небольшой глоток. Голова оставалась ясной, хотя в желудке заурчало. Удовлетворенно крякнув, Лорсо решил начать разговор:

— Не имеют ли ваши дозорные на берегу каких-нибудь претензий к нашим разведчикам? Наше соглашение может действовать и далее?

— Мои люди жалуются, что ваши воины слишком бесшумны. Они пугают дозорных, — засмеялся барон, вытирая рот куском ткани.

— Еще один вопрос. Мы недавно потеряли человека. До нас дошли слухи, что кто-то из Скэнов был выброшен на ваше побережье. Вы что-нибудь знаете об этом? Почему от вашего дозора не поступило никаких сообщений?

— Никого не выбрасывало. Мы бы, конечно, защитили такого человека. Но вы знаете, как все, кроме нас, ненавидят Скэнов. Если его нашли другие, то тут же прикончили бы.

— Возможно, не так быстро. Чтобы убить нас, требуется немного больше, чем просто желание.

— Если хотите, я могу приказать дозору обследовать побережье, — натянуто улыбаясь, предложил барон.

— Не надо. Сейчас он уже принадлежит Сосолассе. — Лорсо раздумывал, говорить ли Ондрату о мести Скэнов семье Домела. Террор оказывает положительное воздействие на потенциальных предателей. Однако он решил, что Ондрат сейчас не сможет перенести психического давления. Пример бесчестья Домела подождет.

Барон поднялся и, расстелив большой рулон ткани на столе, довольно улыбнулся. Свет от свечей превратил белое полотно в покрывало из мягкого золота. На нем было нанесено изображение замка: лучники выглядывали из амбразур, тщательно нарисованные катапульты нацелили свои тяжелые чаши, насосы Леклерка стояли наготове, контратакующая группа кралась через сад с водопадом, еще две прятались за стенами аббатства.

Лорсо провел рукой поверх картины. Ондрат смотрел на него, как человек, наблюдающий, как другой ласкает его любовницу. Издав глухой рык, Лорсо сгреб изображение замка в кулак, заставив Ондрата вздрогнуть. Затем медленно, почти неохотно, он отпустил ткань и разгладил ее.

Барон подошел к столу и, уперев кулак в край карты, заявил:

— Рабы Ондрата работали над этим замком в течение нескольких поколений. Я знаю его лучше, чем узурпатор Мондэрк.

— Не горячись, представь, что ты король Олы. Большинство твоих людей ушло для отражения нападения Летучей Орды. Опиши свою защиту. Где и когда ты ожидаешь атаки? Где твое самое слабое место? Почему?

— К счастью, я точно знаю, как будет обороняться Гэн Мондэрк. Мы заставим его пожалеть о сделанных ошибках.

Теперь Лорсо хотелось в подробностях узнать те усовершенствования, которые Мондэрк внес в оборону замка. Для человека, незнакомого с техникой защиты укрепленных позиций, Гэн, казалось, продумал все, даже внешние рубежи обороны, заставляющие нападающих разворачивать свои порядки слишком рано, подставляя их под огонь дальнобойных катапульт.

Шаг за шагом Лорсо исследовал внутреннее строение замка. Когда Ондрат

поинтересовался, почему это так важно, Лорсо холодно улыбнулся.

— Мне нужно знать, где Гэн спрячет свою жену и своего выродка. Крысы в гнезде — барон, убейте всех или снова терпите их. Где, однако, спрячется колдунья Сайла?

— Военная целительница? — прищурился Ондрат.

— Ее магия ничто для воинов Скэна. Мы защищены нашим богом.

Ондрат автоматически хотел показать место, но потом вдруг отдернул руку, как будто обжегшись. Вместо этого он чуть качнул подбородком.

— Вон там. В обители Ирисов. — Но потом покачал головой, взмахнув руками в жесте отрицания. — Хотя скорее всего нет, она возьмет своих Избранных, Жриц и друзей-чужестранцев внутрь замка. С Гэном и остальными. Да, она будет сражаться.

— Тем лучше: мы убьем сразу двух зайцев. А где спит беглая рабыня Скэнов?

Ондрат оперся кистью руки о край стола, пытаясь скрыть дрожь. Указав на комнаты Джалиты, он произнес:

— Она практически в кровати Гэна. — Неуклюжая шутка вызвала неодобрительный взгляд со стороны Лорсо. Ондрат стушевался. — В том смысле, что она очень влиятельна среди ближайших людей Гэна. Мы заранее знаем каждое передвижение, которое собираются сделать отряды Волков. Еще там есть колдун Леклерк. Он ходит за ней как теленок, все ей рассказывая. До меня доходили слухи, что муж Черной Молнии покинул Олу из-за какого-то несчастного случая с ее участием. Теперь ушла и Черная Молния, и никто не знает, вернется ли кто-нибудь из них. Наблюдать за Джалитой — все равно что наблюдать за действием яда.

Лорсо решил не отвечать сразу на нервную болтовню Ондрата. «Яд». Очень давно Слезы Нефрита тоже использовала это слово. Выпрямившись, он огляделся вокруг: все в комнате смотрели на него с испугом. Лорсо медленно переводил твердый взгляд с одного на другого, давая им прочувствовать волю Поработителя. Приближался день, когда воспоминание об этом лице должно будет превращать их мужество в ничто.

— Я иду в земли Летучей Орды. Отсчитайте одну луну после этой ночи и будьте готовы увидеть больше акульих челнов, чем вам когда-либо доводилось. Наш огромный флот оставит залив, как будто сам Сосоласса вызывает своих рабов. У нас может не остаться времени на то, чтобы предупредить вас о нашем появлении: Жрец Луны уже намекнул на свои чрезмерные притязания.

— Мы помним, как выглядят другие боевые челны. Почему не будет предупреждения? Предательство Жреца Луны? — осторожно спросил Ондрат.

Лорсо задумчиво вздохнул. Во-первых, эта самонадеянная куча навоза намекнула на отношения Джалиты с другими мужчинами. Кроме того, он хотел уклониться от атаки Скэнов.

— Верьте нам. Неважно, когда Жрец Луны начнет свое наступление. Ваши союзники Скэны прибудут еще до того, как он подойдет к вашим границам. Мы не претендуем на землю Оланов. Но то, на что мы претендуем на север от вас, мы возьмем: рабов, добычу, домашний скот — все.

— Вы поможете нам в борьбе с Летучей Ордой? Если потребуется?

— Во время войны — конечно. А после… — Лорсо пожал плечами. — Без доступа ко всему Внутреннему Морю, свободному от нападений ваших пиратов Форов, мы будем слишком многим рисковать, если попытаемся достичь вашей территории с юга. Как я понимаю, именно оттуда Жрец Луны нападет на вас. Жаль.

— Мы можем согласиться пропустить вас на море, — почти простонал Ондрат. — Я и другие бароны найдут, как договориться с Валом и другими Форами в обмен на защиту.

Лорсо дружелюбно похлопал Ондрата по плечу, перегнувшись через стол, а затем поднялся. Он стал сворачивать карту, но, поколебавшись, прервался. Его взгляд блуждал, пока не остановился на какой-то точке на стене. Ондрат с любопытством смотрел на него. Лорсо покачал головой, как бы прогоняя ненужное видение.

— Что случилось? — поинтересовался Ондрат.

— Мне показалось, что я нашел решение вашей проблемы, но это невозможно. Скэны

хотят только мира и торговли с Олой. Наша ненависть направлена на Гэна Мондэрка и колдунью Сайлу, их империю и религию зла. Если бы Гэн был свергнут раньше, не было бы нужды в нашем присутствии здесь. Если бы, конечно, вы не позвали нас на помощь против Летучей Орды.

Бледный, с поднятыми вверх руками, как будто ожидая удара, Ондрат вдавился в спинку кресла.

— Волки слишком лояльны, слишком сильны. Я воин, Лорсо, и я считаю себя смелым. Но я не дурак и не ударю по Гэну Мондэрку, пока не буду твердо уверен, что он слишком слаб, чтобы сопротивляться.

— Мудро сказано, друг мой. Проще всего убить дурака, который считает себя умным. Будь терпелив. С Гэном Мондэрком покончено. Мы сожжем его, его семью и всех его сторонников. — Он потянулся. — А сейчас я пойду. Скрытность — наше главное оружие, солнце не должно застать меня в ваших водах.

— Мы покажем тебе дорогу. — Ондрат поднялся, делая жест своей охране.

Быстрый взмах руки Лорсо остановил их. Он был уже за дверью, прежде чем кто-нибудь успел пошевелиться, закрыв ее с еле слышным глухим стуком.

Трое в комнате смотрели на дверь. Один из них с шумом выдохнул, нарушая затянувшееся молчание.

— Дьявол. Скэны — это настоящие дьяволы, — с облегчением проговорил он.

Ондрат ударил его тыльной стороной руки.

— Тихо! — Команда, сказанная шепотом, прозвучала угрожающе. — А что, если он подслушивает? Ты нас погубишь.

Охранник сплюнул на стену, испачкав ее кровью.

— Нас трое, а он один, — мрачно заметил он. — И еще пятеро на расстоянии крика.

Увидев почти насмешку в глазах другого охранника, Ондрат надулся, демонстрируя превосходство и понимание того, что неведомо остальным.

— Я не имел в виду, что он убьет нас, безмозглые пни. Если мы убьем Лорсо, то потеряем поддержку Скэнов. Затем Летучая Орда разобьет Гэна Мондэрка. Вот так вы нас погубите. Неужели это трудно понять?

Лежа ничком, почти касаясь стены, Лорсо с трудом сдерживал смех. Рыба была в сети — очень приятное чувство.

Беззвучный, как пронизывающий до костей холодный туман, покрывающий лощину, он пополз назад на животе, растворившись в ночи. Услышав слабый шелест присоединившихся к нему воинов, он позволил себе произнести вслух слова, вертевшиеся у него в голове: «Проще всего убить дурака, считающего себя умным».

* * *

Слезы Нефрита заслонила рукой глаза от лучей заходящего солнца.

Вскоре после обеда она села в свое кресло-паланкин, глядя вдаль, ожидая возвращения Лорсо. С тех пор как она увидела Лорсо на челне, ум Слез Нефрита постоянно находился в напряжении. В этом мире что-то происходило, что не имело никакой связи с ней.

Этого не должно было быть.

Его ум уже не был таким, как прежде. Слезы Нефрита приходила почти в неистовство при мысли о мелких внутренних изменениях, которые она не могла определить, а тем более управлять ими. Конечно, он страстно желал женщину — это заставляло сталь его характера становиться острее. Конечно, он стремился к полной независимости; это была мера его силы. Это она. Слезы Нефрита, должна диктовать, где применить этот отточенный клинок и с какой силой ударить.

Внезапно появился ясно видимый акулий челн. Пока она сидела кресле, углубившись в свои мысли, челну удалось подойти незамеченным. Яростно ругая рабов, несших носилки, приказав им стоять в стороне, она с трудом выкарабкалась наружу.

Сияние солнца над морем мгновенно ослепило глаза старухи. Закрыв их, она почувствовала, что бог требует ее. Шансов для борьбы не было. Челн был такой же, как и в предыдущем видении: то же самое судно с гребцами, тот же самый ритмичный напев. Но выражение лица Лорсо, стоящего на носу, было холодным и непроницаемым. Он смотрел в сердце Слез Нефрита, в ее мысли. Это лицо не знало страха перед ней.

Немного ниже настоящий Лорсо посмотрел вверх на нее со своей палубы. Он помахал рукой, и она помахала в ответ. Теперь все было реально. Все было так, как и должно было быть.

Глава 75

Налатан за всю свою жизнь никогда не поднимался так высоко над землей. В Суши были горы и отвесные скалы, от которых захватывало дух и кружилась голова. Тем не менее они были твердыми. Грязь. Камень.

Люди созданы не для того, чтобы жить на деревьях. Внизу дерево не могли обхватить два человека, но ветка, в которую вцепился Налатан, едва выдерживала его вес. Ветви под ногами были еще меньше. Дерево раскачивалось под порывами морского бриза. Налатан с трудом сглотнул. Он подумал, какой это будет позор, если его обнаружат из-за непослушного желудка. Он чувствовал себя неопытной птицей.

Крик заставил его насторожиться. Вытянув шею, он заметил далеко внизу какое-то движение. Еще один патруль Летучей Орды. У него ушла вся ночь на то, чтобы проникнуть на запретную территорию Жреца Луны и взобраться на дерево. Налатан надеялся, что там меры предосторожности будут послабее. Ни один из осведомителей не доносил о том, что вся зона контролируется патрулями. Было не похоже, что его обнаружат. К несчастью, поле обзора было ограничено, и он не имел ни малейшего понятия о том, что открывается его взору.

Высоко на откосе над берегом и морским прибоем к высоким жердям было прикреплено что-то, похожее на лопасти весел. Они вращались в воздухе, а их скрип и визг доносились до Налатана. За пределами запретной зоны те, кто слышал эти звуки, приписывали их дьяволам.

Каково бы ни было назначение шестов и весел, Налатан знал, что они каким-то образом связаны с непонятными медными башнями, выстроенными в ряд позади них. Позеленевшие от налета соли, они были сделаны в форме трезубцев, похожие на большие вилки. Частично спрятанные в котловане, тянущемся вдоль обрыва, они требовали воды. Рабы тянули кожаные мешки вверх по лесам и выливали их содержимое в центральную трубу, которая была намного выше остальных. Похоже, другие рабы оттаскивали что-то от двух труб, расположенных по бокам. Что бы они там ни получали — а рабы суетились, как пчелы в пору цветения, — все уходило в большие круглые контейнеры.

Чуть севернее от котлована с большими медными башнями по маленькой долине протекал ручей. Налатан заметил, что водоносы исчезали в этом направлении — оттуда бралась вода. Правда, пока он не видел в этом никакого смысла.

На плоском лугу покоилось стенобитное орудие, вдвое больше того, что он однажды видел в Косе. Каменные противовесы были огромны, корзина для метания камней казалась бездонной. Налатан представил снаряды этого монстра, с силой ударяющие в стены Олы. В Доннаси.

Наконец спустилась долгожданная ночная мгла. Налатан начал спускаться вниз, разочарованный тем, что ничего не понял. Утешая себя, он говорил, что все-таки что-то увидел. Доннаси разберется, что к чему. Вместе с Леклерком, Бернхард и другими.

Другие. Джалита.

Налатан замедлил спуск, а потом и вовсе остановился. Вспомнив красивое грешное лицо, он чуть ослабил хватку, колени его задрожали. Несколько слов из этих соблазнительных уст, и жизнь покинет его. Кто поверит, что он убежал, чтобы не видеть ее?

Его руки соскользнули. Хватаясь за ветку, он почувствовал, как отрывается сухая, крошащаяся кора. Он сжал ствол коленями. Раздалось злобное фырканье белки, на землю посыпалась древесная труха. Налатан замер без движения, не дыша, но все было спокойно, никто ничего не заметил.

Как только под ногами оказалась крепкая ветка, он обмотал веревку вокруг дерева и дрожащими руками обернул свободный конец вокруг пояса. На каждой ветке ему приходилось отпускать веревку, пропуская ее под препятствие, а затем завязывать снова.

Последняя часть спуска была еще сложнее. Здесь уже не было ветвей, за которые можно было бы уцепиться. Налатан уперся в дерево ногами, держась за натянутую веревку. Затем, быстро перебирая веревку руками и делая короткие шажки, спустился на твердую, прекрасную землю.

Быстрым шагом он двинулся через лес. Охранников поблизости не было, все местные жители уже давно покинули эти земли. Более того, непогребенные кости нарушителей валялись и на дороге, и вокруг нее. Наказание Жреца Луны было быстрым, жестоким и продолжалось еще долго после смерти человека.

Невнятный разговор заставил Налатана резко остановиться. Кто-то потребовал тишины. Кто-то рассмеялся. Налатан пополз вперед. Звуки разговора остались позади. Когда они полностью затихли, он поднялся и прислонился к дереву, слившись с ним, терпеливо вслушиваясь в темноту. Удовлетворенный, Налатан продолжил путь.

* * *

Вскоре после рассвета сгорбленная фигура верхом на лошади, с капюшоном на голове, приблизилась к тому месту, откуда ушел Налатан. Четыре охранника резко вскочили, став в стороне от костра. Всадник не обратил на них внимания, тщательно осматривая землю. Остановив лошадь, он откинул капюшон странно искривленной левой рукой. Искаженное, как у ястреба, лицо свирепо уставилось на охранников. Правый глаз был закрыт черным лоскутом. Спрятав свою когтистую лапу обратно в складки плаща, Лис прочистил горло и спросил, обращаясь к охранникам:

— Кто был в первом дозоре?

— Мы все. Было спокойно. Мы все были вместе. А после нас заступил Бентек.

— Я сказал «в первом дозоре». Что вы видели? Слышали?

— Ничего. Я сказал, что было ти…

Фыркнув от боли и удивления, конь Лиса рванулся вперед. У кочевника не было никаких шансов спастись, он принял всю тяжесть удара, отлетев назад с пронзительным криком. Пытаясь подняться, он снова упал под тяжелыми ударами длинного меча Лиса. Кровь медленно потекла из ужасных рваных ран.

Лис неуклюже слез: по тому, как он передвигался по земле, было видно, что его правая нога искалечена. Остальные три охранника в страхе отпрянули в сторону от своего товарища.

Указывая мечом, Лис закричал этим троим:

— Вон там, в десяти шагах от вашего ленивого, тупого дозора, кто-то прошел прошлой ночью, до росы. Где вы были?

— Здесь, Лис. Мы не спали, следили. Здесь никого не было, — вытирая кровь с лица, произнес лежащий на земле.

Плюнув на него, Лис повернулся к остальным.

— Неужели вы не видите следов? Отпечатков? Вот здесь.

Охранники выглядели виноватыми. Наконец один пробормотал:

— Нам показалось, мы слышали шум. Это было как раз во время первого дозора.

— Возьмите своих лошадей. И ты тоже, — приказал он съежившейся тройке и их обесчещенному начальнику, забираясь на коня. — Либо умрет нарушитель, либо умрете вы.

От вида погони, спускающейся вниз, в долину позади него, живот Налатана судорожно

сжался. Даже убегая, спасая свою жизнь, он не переставал восхищаться тем, с каким умением предводитель этих пятерых мог читать следы. Налатан заставил себя прибавить шаг. Если бы он смог добраться до коня, преимущество было бы на его стороне — лошади преследователей устали.

Конь был там, где он его оставил, — в заброшенном доме. Он спокойно вышел наружу за Налатаном, пока не почувствовав его возбуждения. Как только хозяин оказался на спине, он прыгнул, как козел, в заросший бурьяном сад, где в лучшие времена росли овощи. Потом сразу же перешел на галоп, наслаждаясь этим странным, незнакомым миром.

Налатан беззвучно благословил его. Теперь оставалось достичь Матери Рек раньше преследователей и переправиться через нее с помощью лодочника из Людей Реки.

Далеко позади Лис торопил свою группу. Изучая следы Налатана, он потянул себя за подбородок, погрузившись в глубокое раздумье. Когда он заговорил, было ясно, что раздумье пошло ему на пользу.

— Это не обычный человек. Слишком быстр, слишком силен, чересчур выносливый. Кто же тогда? — Помолчав во время долгого вдоха, он медленно выдохнул. — Не Коссиар. Но и не воняющий рыбой Речной. Направляется на восток. Бегает, как проклятый воин Людей Собаки; он хочет перебраться через реку. — Он указал на начальника караула. — Ты. Пойдешь со мной. Вы трое идите по следу. С этим вы справитесь?

Те энергично закивали. Лис презрительно хмыкнул, удивляясь, что они еще что-то могут, и пустил коня в галоп на северо-восток. Бросив беспомощный взгляд на своих товарищей, начальник караула поскакал за ним.

Вид реки вызвал у Налатана восторг. Ее коричнево-зеленая, покрытая туманом гладь обещала тепло, облегчение после зимних бурь. Налатан уже поздравлял себя, когда внезапно увидел двух всадников, пересекающих поле слева, далеко от него. Это не может быть погоня. Никто бы не смог так срезать путь. Как им это удалось?

Кто-то его перехитрил. Они скакали к реке и его парусному судну. Ему нужно было время, чтобы забраться на судно, отчалить и отплыть за пределы досягаемости выстрела из лука. Он хлестнул коня. Тот прыгнул вперед, переходя на быстрый галоп. Налатан не сразу понял, что вылетел из седла, пока сквозь туман в глазах не увидел исчезающего в кустарнике скакуна.

Он побежал. Продираясь сквозь кустарник, прыгая через поваленные деревья, карабкаясь по осыпающимся откосам оврагов, он рисовал себе картины мести Жреца Луны. Он слышал ужасные рассказы Конвея о гремучих змеях. Вспоминал описание Лунного Алтаря, почти видел отвратительную молнию, изжаривающую человека.

Тяжело дыша, Налатан обхватил дерево. Всадники теперь скакали по тропе, идущей вдоль реки. Заливные луга служили пастбищем. Прямо впереди был кустарник, где был спрятан его парусник с перевозчиком. Открытое пространство от деревьев до парусника грозило разоблачением.

Если только всадники не погонятся за ним в лес, потеряв преимущество езды верхом. Налатан выскочил на открытое место, прикинулся удивленным при виде всадников и бегом бросился назад.

Чей-то голос приказал ему остановиться. Это было бы так глупо. Налатан оглянулся через плечо. К его радости, один из всадников галопом скакал за ним, но только один. Второй, разочарованно кружась на своем коне, выкрикивал какие-то команды.

Налатан почти пожалел своего преследователя. Огибая деревья, Налатан уводил его все дальше от дороги. Скоро кочевник оказался среди молодой поросли, продираясь среди деревьев, росших так близко, что всаднику с конем приходилось объезжать их. Подыскивая место для боя, Налатан подумал о том, что может прийти в голову человеку, если он совсем забыл об осторожности.

Он сделал вид, что хромает. Кочевник прокричал боевой клич и пустил свою лошадь галопом. Резко развернувшись, Налатан побежал к всаднику. Удивленный кочевник попытался нанести удар. Налатан парировал меч своим посохом, ударив железным шаром

прямо в лицо кочевнику. Тот выпал из седла, при этом одна его нога застряла в стремени. Напуганный конь понес. Кочевник попытался освободить ногу, но, ударившись несколько раз о стволы деревьев, упал, неестественно согнувшись. Подгоняемый страхом конь умчался прочь.

Налатан поспешил обратно к реке. Его второй враг ожидал, находясь на приличном удалении от леса, держа под наблюдением большую часть дороги к реке. Он напоминал Налатану птицу-могильщика, уверенную, сознающую свою силу.

Налатан вышел из леса к востоку от всадника. Почти неохотно всадник поскакал наперехват. Налатан перешел на быстрый шаг. Если он достигнет реки, напарник может увидеть, что он плывет, и подберет его на лодке. С облегчением Налатан увидел, что у противника нет лука. Радость его быстро улетучилась, когда противник достал длинный меч — содал. В сером свете не было видно блеска металла, а только холодное спокойное мерцание.

Налатан покрепче ухватился за боевой посох и выхватил собственный меч. По сравнению с длинным содалом он выглядел кинжалом.

Конь помчался галопом. Капюшон всадника слетел назад, открыв глубокие шрамы на левой стороне лица и черный лоскут в правой глазнице. В нем угадывалось что-то смутно знакомое, но Налатан прогнал все мысли, кроме тех, которые должны были помочь избежать удара содала. Первый проход был классический, как учил мастер братства: металлический посох отразил содал. Налатан побежал. Он выиграл еще несколько шагов, прежде чем конь помчался на него снова. И вновь Налатан парировал содал.

Река манила его к себе.

Всадник изменил тактику. Теперь он приближался медленной рысью, высоко подняв содал над головой, готовый уколоть или разрубить. Он маневрировал между Налатаном и рекой.

Меч и парирующий посох лязгнули, железная песня сражения разбила мир луга. Всадник прокричал хриплые, гортанные проклятия. Налатан ответил воинственным кличем.

Наконечник содала ударил Налатана в грудь, развернул, бросив лицом вниз. Выработанные долгим обучением навыки заставили его перекатиться. Машинально он отметил, что по груди стекает ручеек крови. Содал воткнулся в дерн, подбросив в воздух комок земли. Какой-то частью сознания Налатан заметил корни травы, перелетающие через его голову.

Сейчас в действиях Налатана не было расчета, только инстинкты: поднимаясь, он выронил меч и двумя руками бросил посох в противника. Содал отбил его, но железный шар ударил коня по скуле. Налатан видел, как один его глаз закатился. Конь споткнулся, переворачиваясь с разбега. Всадник закричал. Было странно слышать вопль ужаса от такого собранного, яростного бойца, когда конь стал переворачиваться.

Животное встало, пьяно зашаталось, совершенно оглушенное. Всадник неподвижно лежал в неловкой позе. Перепуганный Человек Реки, держа швартовые концы в одной руке, другой осенил себя Тройным Знаком, глядя, как Налатан бежит в его сторону. Вместе они прыгнули в длинный, узкий парусник. Легкий, как лист, напоминающий своей конструкцией рыбу, после толчка он стрелой помчался в поток. Человек Реки установил треугольный парус, и крошечное судно, почти по самые борта ушедшее в воду под тяжестью своей ноши, понеслось прочь от берега. Далеко внизу по течению человек на палубе акульего челна взглянул на парусник и вновь занялся своими делами.

Мужчины молчали, пока не отплыли достаточно далеко.

— У тебя идет кровь, — заметил Человек Реки.

— Знаю. — Налатан прикрыл рану куском рубашки. — Попал в ребро. Может быть, сломал. Заживет.

Крик с берега заставил их вскочить. Одноглазый человек стоял на берегу, подняв содал. К нему спешили три всадника, но он не обращал на них внимания.

— Налатан! В следующий раз я убью тебя. Клянусь.

— Кто ты? — прокричал Налатан в ответ.

— Доннаси знает. Спроси ее про Лиса Одиннадцатого. Скажи ей, что я скоро приду.

Налатан обхватил мачту, заставляя себя встать прямо. Его разум отказывался признать, что щеголь, стройный Лис, превратился в этого кривого калеку. Его душа не слышала ничего, кроме имени его жены.

— Поверни. Отвези меня назад, — твердо приказал он.

Человек Реки покачал головой. Налатан поднял свой посох.

— Ты просто утонешь, убив меня. — Перевозчик судорожно сглотнул, его глаза были огромны. — Он и его друзья убьют нас обоих. Я не такой дурак, чтобы туда возвращаться.

Налатан опустил свое оружие. С удаляющегося берега его снова окликнул Лис:

— Налатан! Спроси ее про единственного настоящего мужчину, которого она знала.

Налатан посмотрел в сторону, на дальний берег реки. Его удивило, что ненависть была столь физически ощутима. Он убрал ткань со своей раны, ожидая увидеть что-то отвратительное, с резаными кусками плоти. Но там была только кровь.

Глава 76

Налатан проснулся бодрым и в хорошем расположении духа.

Пропел петух. Налатан усмехнулся. Петушиный крик всегда вызывал у него улыбку. Ферма Леклерка оказалась не такой уж забытой всеми дырой. И эту уютную, теплую постель нельзя было назвать берлогой. Наслаждаясь ее комфортом — полотняными простынями, мягким матрасом, стеганым одеялом, — он сладко потягивался. Окончательно разбуженный настойчивым кукареканьем, Налатан встал, отшвырнул в сторону рубаху, в которой спал, и решил приняться за дело. Он поспешил переодеться в чистую куртку и тяжелые шерстяные штаны. Затем напялил толстые носки и прочные грубые сапоги.

Блестящий кувшин с водой и таз стояли на деревянном шкафу.

Фыркая и брызгая водой во все стороны, Налатан умылся. Намылив лицо перед бритьем и заглянув в маленькое серебряное зеркальце, он увидел себя, заспанного, с ввалившимися глазами. Налатан скорчил физиономию. Раньше у него была жена, которая кормила его как на убой. Сейчас этот заросший щетиной, исхудавший бродяга, смотрящий на него из зеркала, был неприятен и выглядел отталкивающе даже для него самого.

Леклерк подарил ему бритву. Налатан ритмично водил острым стальным лезвием по намыленным щекам и вдруг остановился, задумавшись о Доннаси. Он припомнил, как Леклерк вчера смешался, когда он спросил, не вернулась ли она из Олы. Налатану стало не по себе: а если она здесь? Нет, Леклерк не сказал бы тогда, что ничего не знает. Он не посмел бы.

Ухмыляясь, Налатан вышел из маленькой спальни. Леклерк и Бернхард ждали уже за столом. Хозяйка поглядывала на них из-за кухонной двери. Налатана встретили улыбками. Бернхард подошла к нему, крепко обняла и поцеловала в щеку.

Луис громко рассмеялся.

— Ты его смутила. Как не стыдно, Кейт. — Девушка задорно улыбнулась, взглянув на гостя.

— Он сам виноват, что такой серьезный и симпатичный. Я просто не могу удержаться. Я так рада, что ты теперь в безопасности. Мы все очень волновались. Тебя долго не было.

Леклерк сказал:

— Сейчас самое время разъяснить тебе, как обстоят дела с Доннаси.

Налатан был возбужден, каждый его мускул выдавал напряжение. Леклерк побледнел, однако держался твердо. Он быстро затараторил:

— Ты спрашивал, не в Оле ли она. Я сказал тебе, что не знаю. Я подумал, что сначала тебе будет полезно отдохнуть, а не вдаваться в подробности. Она и Конвей возвратились вскоре после того, как ты уехал. Она вернулась в горы. Гэну она сказала, что хочет что-то сделать. Она вернулась — это все, что я знаю, хотя у меня есть кое-какие сомнения на этот

счет.

Бледный как смерть, Налатан не сводил глаз с Леклерка до тех пор, пока это стало невыносимо. Леклерк посмотрел вокруг и всплеснул руками.

— Гэн пытался убедить ее остаться в Оле.

Налатан раздраженно спросил:

— Ей сказали, что я скоро вернусь?

Бернхард ответила:

— Да, она знала, что ты вернешься.

Налатан задумался, а потом повернулся к ней со словами:

— Ты была там? Тогда ты не можешь знать, что ей сказали. Или не сказали. Как долго она была в Оле? Кто еще ее «посвятил» во что-нибудь? Что ей сказали обо мне?

Бернхард вздрогнула от его взгляда. Луис Леклерк подошел к ней и встал рядом.

— Никто ничего не сообщал и не советовал Доннаси. Никто ничего не сказал о тебе. Естественно, Кейт ничего не могла сделать, чтобы Доннаси осталась. Ты ее пугаешь. Перестань.

Глядя на Леклерка, Налатан кипел от ярости. Но от того, что он увидел, ему стало стыдно. Человек, который слабее его, стоял твердо. Рука его, лежащая на плече Кейт, была готова в любую минуту защитить ее. В их глазах был страх.

Налатан сел. Опустив голову, он тупо смотрел вниз. Сомкнув пальцы, Налатан с ужасом осознал, что его правая рука сжимала рукоятку ножа. Он пробормотал:

— Простите меня, пожалуйста. Это тяжелая для меня новость.

Все облегченно вздохнули, успокоенные такой развязкой. Леклерк сел на свое место. Но Налатан не унимался:

— Ты ее видел перед отъездом? Она говорила о своих намерениях еще кому-нибудь, кроме Гэна?

— Все было очень неожиданно, — ответила Бернхард. — Она попрощалась только с Конвеем, да и то только потому, что он видел, как она уезжала. Доннаси сказала ему то же самое, что и Гэну.

Налатан покачал головой.

— На нее это не похоже. Доннаси жила в Харбундае, жила здесь, в Оле. Никогда ни на что не жаловалось. Что-то случилось.

Леклерк продолжил:

— Доннаси сказала, что ей придется что-то сделать. Сделать самой. Что-то, касающееся Малых.

— Малые? С Гор Дьявола на юге? Здесь?

— Не совсем здесь. Малые идут на север. — Леклерк вкратце рассказал Налатану о событиях, связанных с путешествием Тейт, Конвея и Ланты.

Когда он упомянул Лиса, Налатан встал.

— Вот дрянь! Военачальник Жреца Луны. Она его ранила?

Бернхард вздрогнула.

— Он мертв. Конвей привязал его к лошади и отпустил ее.

Немного успокоившись, Налатан снова сел.

— Он узнал меня, когда мы были в бою около Врат. Мне было интересно, что с ним случилось. Теперь он калека: левая рука не двигается, сломана правая лодыжка, нет левого глаза. Но он жив. Похоже, что он доставит нам еще много неприятностей. Он не ранил ее?

Леклерк кивнул.

— Она была ранена, но он здесь ни при чем. Ей на руки свалился камень. Сейчас с ней все в порядке.

— Мне нужно было быть здесь. Я не отпустил бы ее.

Снова Бернхард встретилась взглядом с Леклерком, но он отвернулся. Луис сказал:

— Мы разные люди, Налатан. Не такие, как ты или Гэн, или еще кто-нибудь. Скажу только одно — она вернется, когда сможет.

— Я упустил ее. Меня здесь не было, когда она вернулась.

Хозяйка улучила момент и поспешила подать на стол большую деревянную тарелку, полную лепешек. Радостно улыбаясь, она объявила:

— Повар из замка говорил, что это твои любимые, Налатан. — Однако ее попытка разрядить обстановку не удалась.

— Спасибо. — Налатан сделал над собой усилие, чтобы хоть как-нибудь следовать правилам хорошего тона. Сконфузившись, женщина оставила поднос на столе и поспешила выйти из комнаты. Налатан положил несколько лепешек себе на тарелку, намазал их маслом и полил золотистым медом. Наколов кусочек на вилку и жестикулируя ею, он сказал: — Телу нужна пища. Я не скоро опять попробую это.

Сообразительная Бернхард задала вполне логичный вопрос:

— Это еще почему?

— Потому что дорога назад в Сушь тяжелая, и я израсходую все съестные припасы.

— Не спеши. — Леклерк, делая вид, что все в порядке, брал одну лепешку за другой с деревянной тарелки. Сделав паузу, чтобы собраться с мыслями, он продолжил: — Я послал всадников в замок, пока ты ужинал вчера вечером. Я попросил Гэна приехать сюда.

— Меня это не волнует. Ты мне уже передал его слова.

— Он немедленно отправил новых всадников и свежих лошадей. Гэн хочет поговорить с тобой.

— У меня свои мысли на этот счет. Никого из них здесь нет, вот и все.

— Налатан. — Глядя с укором, к нему подошла Бернхард, но Налатан продолжал есть и не обращал на нее внимания. Кейт стояла на своем. — Я знаю, ты зол из-за Доннаси. Я тебя не упрекаю. Она не думала, что ты вернешься так скоро, вот и все. Если ты уедешь, каково ей будет, узнав, что тебя нет? Гэн — твой друг. В конце концов, выслушай хотя бы, что он хочет сказать. Это даже не будет касаться Доннаси.

Леклерк согласился:

— Вероятно, разговор будет не о ней. Если бы наоборот, тебе бы пришлось отправиться к нему. У Гэна есть веская причина приехать сюда.

— Я видел ту штуку, которую ты построил. — Налатан почти перешел к обвинениям. — Здесь книги Сайлы.

Вздрогнув, Леклерк стал оправдываться. Он снял злополучные книги с полки и положил их на стол, будто предлагая Налатану.

— Только эти две. И еще одна — красная книжка Конвея.

— А, это та, о которой он говорил, что мы никогда не должны о ней упоминать. Но он дал ее тебе.

Леклерк барабанил пальцами по обложке.

— Там что-то есть. Я хочу разгадать что.

— Мне наплевать, — сказал Налатан, вставая из-за стола.

Бернхард остановила его, положив руки ему на плечи.

— Это смешно. Вы с Тейт так же ужасно себя ведете, как Конвей и Ланта. Вы испортили друг другу жизнь. Вы влюблены и тем не менее требуете друг от друга слишком многого. Это губит ваши отношения, и я хочу, чтобы вы это прекратили. Ты храбрый, сделай же это.

Налатан на минуту был сбит с толку и смотрел на нее, не говоря ни слова, а затем снова принялся за еду. Леклерку Налатан сказал:

— Я должен рассказать Гэну Мондэрку то, что я видел. Я подожду его. — Затем он повернулся к Бернхард: — Я ценю то, что ты делаешь. Слишком поздно. Но прежде, чем критиковать меня и Доннаси, посмотри на себя. Наш недостаток — гордость. Очень хорошо. Теперь суди о себе. — И он вышел из комнаты. Никто не вымолвил ни слова. Казалось, всем было очень тяжело.

Скорый приезд Гэна всех обрадовал. Его встретили радостной суетой на крытом крыльце дома Леклерка. Привязав свою лошадь к ограде, Гэн холодно сказал:

— Я вас знаю, друзья мои. Должно быть, приезд Налатана был радостным событием. Что же вас тревожит?

Все посмотрели на Леклерка. Как хозяин дома, он должен был ответить первым. Однако его главной обязанностью было доставить гостю удовольствие. Леклерк, взглянув на Бернхард, кивнул головой. Она в свою очередь обернулась к Налатану. Он кашлянул.

— Моя жена вернулась в Горы Дьявола.

Гэн удивился и задумался, будто пытаясь все расставить на свои места. Только тот, кто был посвящен в их последний разговор с Налатаном, мог понять скрытый смысл этих слов. Гэн чувствовал себя как зверь, угодивший в капкан.

— Я ей говорил, что ты согласился выполнить мое поручение. Она была огорчена, что не застала тебя. Думаю, что ее отъезд объясняется гневом. Она сказала, что у нее был какой-то план.

Налатан бросился в сердцах к Гэну.

— Что ей говорили обо мне, когда я уехал?

— До меня доходят сплетни, но я их не пересказываю. Кроме того, у меня есть более важные проблемы.

Бернхард позвала Леклерка:

— Пойдем в дом. Мы все замерзнем здесь. Я подам чай.

Уже сидя за столом, Леклерк возобновил разговор:

— Что случилось?

— Вылазка за рабами. Летучая Орда и Люди Реки. К востоку отсюда и к северу от Матери Рек.

— В конце концов, это далеко. Там живет не много людей, — сказала Бернхард, выходя из кухни. Она принесла горячий чайник и чашки. Приятный аромат черносмородиновых листьев и дикого имбиря наполнил комнату. Пока все наливали себе чай, Бернхард подумала, что Гэн не такой жизнерадостный и оптимистичный человек, как ей казалось.

— Жрец Луны пугает меня. Если я не отвечу на этот набег, то люди посчитают меня слабаком. Если наоборот — мне придется самому вести военные отряды. Если они дождутся меня, в чем я сомневаюсь, то отойдут и постараются окружить. Хуже всего то, что я отсылаю людей и ослабляю нашу оборону здесь.

Леклерк пожал плечами.

— И какой же будет ответ?

Гэн улыбнулся. В его улыбке было нечто большее, чем просто облегчение. Он посмотрел на Налатана, взглядом намекая на что-то. Но все это длилось всего одно мгновение, и разгадать замысел Гэна он не смог.

— За мной следуют около тысячи Волков из Олы. Мы выступаем против бунтовщиков.

Налатан спросил:

— А как насчет Жреца Луны? Вдруг он нападет, когда узнает, что ты уехал из замка?

— Я думаю, пока он не готов. В любом случае, он понервничает при появлении тысячи Волков. Набег за рабами не был специально нацелен против меня. Просто ему нужны дополнительные силы и люди, чтобы организовать наступление.

Леклерк сказал:

— Ты уверен, что он собирается выступить?

— Так оно и будет. Ранней весной.

Откинувшись на спинку стула, Леклерк погрузился в свои мысли. Затем вдруг выпалил:

— Мне нужно серебро. Немного.

Бернхард изумилась.

— Ты никогда не говорил о серебре!

Леклерк повернул голову и остановил взгляд на Гэне.

— У нас есть хоть немного?

Гэн протянул к нему руки и взял за плечи.

— Все, что тебе нужно. Обратись к Эмсо. Он ведет дела в мое отсутствие. Он знает, где

серебро.

Леклерк поморщился, и Бернхард сказала:

— Предоставь это мне.

Гэн холодно возразил:

— Эмсо работает на меня. Передай ему, что я потребовал выдать вам столько серебра, сколько нужно. Без вопросов.

— Вопросы! — Леклерк хлопнул себя ладонью по лбу. — Никто не спросил Налатана, что он узнал во время поездки. Какие же мы глупцы.

Никто не возражал. Налатан описал свой путь на юг, рассказал о встрече с Людьми Реки, которые помогли ему, и о других своих приключениях, пока разговор не зашел о крепости. Леклерк чуть не задремал во время рассказа, но старался не подавать вида и сидел прямо. Бернхард слушала внимательно и с интересом. Вдруг Луис наклонился к Бернхард.

— Ты была права. Ветряные мельницы вырабатывают энергию. Электролиз воды. Большие керамические сферы. Как раз то, о чем ты говорила. Водород.

— И кислород. Используют катапульту для поджога, затем пускают в ход горшки, наполненные легковоспламеняющимся газом. Бомбы. Море огня. Ну, сейчас вы рады, что построили те насосы?

Он обнял ее.

— Ну разве мы не пара? — Затем, рассуждая, добавил: — Но как же мы устоим против газовых бомб?

— Нужно вывести из строя катапульту. И рассказать обо всем людям. Любой взрыв принесет не больше вреда, чем большой обломок скалы. Победим страх — победим оружие.

Леклерк согласился. Аккуратно подбирая слова, он объяснил Гэну и Налатану, что башни «изменяют» состав воды, которая потом попадает в сферы. Последние, возможно, усовершенствованы так, чтобы их могла бросать катапульта. Там, где они падают, полыхают пожары. Оба воина осенили себя Тройным Знаком. Они не задавали вопросов. Чудеса, творимые чужеземцами, могут сперва пугать, но люди к ним быстро привыкают.

Налатан встал, Гэн тоже. Налатан настороженно ждал. Гэн сказал:

— Нам нужно поговорить наедине. — Они вышли на улицу, кутаясь и ежась от холода. Собаки Гэна завиляли хвостами от радости. Они тут же разгадали отношение Налатана к их хозяину и, успокоившись, обступили мужчин. Гэн не обратил на них никакого внимания.

Где-то далеко слышался зовущий в атаку звук боевого барабана Волков.

Разобравшись в своих мыслях, Гэн вернулся к последнему разговору с Доннаси. Она хотела, чтобы Налатан последовал за ней, но сделала оговорку, чтобы его не пускали, если его отсутствие может осложнить обстановку здесь. Не было человека, который бы лучше его мог задержать войско Жреца Луны.

Гэну было не по себе от такого объяснения. Он решил перевести разговор на другую тему.

— Ты не поверишь, но Избранные узнали так много со времени твоего отъезда. Женщины Церкви заручились поддержкой Джалиты. Она умеет обращаться с детьми — добра, спокойна и незлопамятна.

Услышав такие слова о Джалите, Налатан злобно ухмыльнулся. С сарказмом он воскликнул:

— Я бы о ней так не сказал, хотя я и не знаю ее хорошо. У нее талант скрывать свою подлинную натуру.

Гэну не понравились слова. Ответ Налатана веял откровенной неприязнью к женщине. Нельзя было сделать каких-либо конкретных выводов, однако это что-то значило.

Налатана не заботили мысли Гэна по этому поводу. Их разговор превратился в пустую трату времени. Доннаси уехала. Уехала снова. Как ему хотелось бы возненавидеть ее.

Гэн решил, что у него больше нет времени на подобные сантименты. Для него не существовало более подходящего человека, чем Налатан. Именно он мог остановить наступление Летучей Орды.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он.

Налатан колебался.

— Скажу тебе прямо: я чувствую, ты мне не доверяешь. Не думаю, что мы и дальше сможем оставаться друзьями. Я не стану твоим врагом. А теперь я ухожу.

— В моей коннице выдохшиеся лошади, а люди — собиратели яблок и моллюсков. Пока еще они держатся и преданы мне, но это ненадолго. Помоги им, или враг расправится со всеми.

— Плохи дела. Думаю, что ты укоряешь меня за то, что Доннаси уехала из Олы. Скажи, почему?

— Отвечу только тогда, когда вы будете вместе и мы вернемся в Олу.

— А если меня убьют?

— Тогда тебе будет не до пустых россказней.

— Очень умно. А если прикончат тебя?

Гэн повернулся к Налатану и холодно посмотрел прямо ему в глаза.

— Я еще не закончил свое дело. Но если этому суждено случиться, отомсти за меня. Наша дружба пока еще стоит этого?

Криво ухмыльнувшись, Налатан направился к дому. Пройдя несколько шагов, он бросил через плечо:

— Ты прирожденный король, не так ли? Только заблудший, как лягушка в дерьме.

— Придержи язык. Ты же на моей стороне?

— Да, пока мы не вернемся в Олу. Как дальше — зависит от тебя.

Колонна людей двигалась из леса в направлении фермы Леклерка. Двое мужчин на крыльце смотрели в их сторону, оглушенные ревущими звуками барабана.

Глава 77

— Что ему нужно? — Эмсо выдвинул вперед челюсть, напомнив Сайле злобного пса, охранявшего мясной прилавок на городском рынке, который не соблазнится ни кусочком мяса с хозяйского стола. За безопасность всего остального, включая ноги прохожих, ручаться было нельзя.

Бернхард повела плечами:

— Ты что, не слышал? Серебро. Гэн согласен.

— Где же он тогда? И почему не поговорил со мной?

Подозрения Эмсо заставили Сайлу забыть о хороших манерах:

— Ты сомневаешься в Церкви. Это оскорбление.

Эмсо немного смягчился:

— Зачем Леклерку серебро? Я имею право это знать. Я ведь отвечаю перед Гэном за все поставки.

Опять заговорила Бернхард:

— Гэн сказал, что Луис получит все, что ему нужно.

Эмсо только собрался что-нибудь ляпнуть, как вошли Нила с Джалитой.

— Я не собирался возражать против решения Гэна.

Нила вскинула брови.

— Возражать? В чем здесь дело?

Сайла ответила ей:

— Кейт пришла с поручением от Луиса. Недоразумение возникло из-за меня. Эмсо просто выполнял свою работу.

Эмсо даже не поблагодарил ее. Обращаясь к Ниле, он сказал:

— Раньше ему нужна была медь. Ее полно в местах, убитых Богом. Теперь он требует серебро. Почему бы не золото? И все для его дурацкого колдовства.

— Неправда. — Глаза Кейт сверкнули. Однако говорила она по-прежнему спокойно. — То, что делает Луис, — это не колдовство, а торжество разума. И он сделает еще больше, вот

увидите. Это только начало.

Недовольно ворча, Эмсо вызвался проводить всех в сокровищницу. Когда стало ясно, куда они идут, Нила и Сайла, переглянувшись, остановились. Удивленный Эмсо ждал объяснений. Нила сказала:

— Мы идем туда, где король Алтанар держал меня и Сайлу. Дальше мы не сделаем и шагу.

Вторая женщина что-то пробормотала, соглашаясь. Эмсо сказал Бернхард:

— Почти все оно в таких вот слитках. — И он показал форму руками.

Бернхард на мгновение задумалась.

— Думаю, двух будет достаточно.

Остальные слушали их, ничего не понимая, и Бернхард улыбнулась, надеясь, что дальнейших расспросов не последует. От волнения на ее теле выступил холодный пот. Эмсо пришел ей на помощь.

— Я принесу их. — И он поспешно ушел.

Он сделал уже полдюжины шагов, когда Джалита окликнула его:

— Подожди. — Обращаясь к остальным женщинам, она сказала: — Мне боязно видеть эти жуткие кельи, но я хочу все знать о вас. Я должна знать, какие страдания вы испытали. Мне надо пойти и посмотреть. — Она взглянула на них, ища понимания и поддержки.

Нила одобрительно улыбнулась.

— Не стоит. Там правда нет ничего интересного. Просто ужасное место.

Со скрытым сарказмом Сайла сказала:

— Какое сострадание. Если пойдешь, то рассмотри все хорошенько, ничего не упусти.

Бернхард не спускала глаз с Джалиты.

Они повернули за угол и прошли вдоль длинного темного коридора. Эмсо указал на отверстие в самом низу крепко сколоченной двери.

— Через него узники получали пищу и воду. Вода подавалась в плоской миске, прямо как для собаки. В этой келье сидела Сайла. — Он снял закрывавшую дверь планку и открыл келью. Джалита зажала рукой нос и отступила назад. Никогда раньше не ощущала она столь ужасный запах. Зловоние человеческих испражнений и пота, смешанное с запахом страха. Им пропитался каждый камень.

Эмсо вошел в келью. Он сразу же вышел обратно, неся в руках два слитка. Только когда дверь была заперта снова и они отошли на несколько шагов от кельи, он глубоко вдохнул. Рядом шла неестественно притихшая Джалита.

Когда они присоединились к ждавшим их наверху женщинам, Джалита крепко обняла Нилу.

— Какое жуткое, жуткое место! Я знала, что вы сильные женщины, но чтобы выдержать такое!

— Сайле было еще тяжелее.

— По-моему, ничего на свете не может быть тяжелее. — Джалита взглянула на стоящую в отдалении Сайлу. — Наверное, это было просто невыносимо.

Сайла задумчиво произнесла:

— Испытание запоминается не спасением, а тем уроком, который ты из него извлекаешь. Огонь и молот сами по себе не выкуют хорошую сталь. Главное — это мозг кузнеца, он все определяет. Люди, а женщины в особенности, должны всегда стремиться выковать из себя наилучшую сталь. Или так и остаться пустой окалиной.

Нила сказала:

— Ты всегда говоришь то, что я думаю. Моя сестра. Спасибо тебе.

Бернхард ухмыльнулась.

— Я знаю еще одно подходящее местечко для вас обеих. Но я к этому не имею никакого отношения.

Джалита продолжала всматриваться в лицо Сайлы, которая неотрывно следила за молодой женщиной. Наконец Джалита отвернулась. Она сказала Эмсо:

— Пошли отсюда.

Нила взяла ее за руку. Эмсо шел впереди всех. Шествие замыкали Бернхард и Сайла. В ответ на шутливый жест Бернхард, показавшей, что хочет задушить Джалиту, Сайла неодобрительно нахмурилась, но не удержалась и фыркнула.

Как только Бернхард ушла, Нила вернулась домой, к своему хозяйству и сыну. Не в силах избавиться от неясного беспокойства, Сайла решила не спеша пройтись до замка. Она остановилась в большом зале, где Эмсо занимался своими правительственными делами. Спрятавшись в самом темном углу, она успокаивала себя тем, что делает это просто из предосторожности, ведь будет нехорошо, если ее застанут подглядывающей за Эмсо и Джалитой.

Она следила за Джалитой, как сова выслеживает мышь.

Как назло, ничего интересного не происходило. Джалита вела себя самым надлежащим образом, держась на расстоянии и наблюдая за Эмсо с таким обожанием, что у Сайлы зачесались ладони. Когда со всеми посетителями было покончено, Эмсо вышел из-за перекладины, отделявшей его бюро от толпы, и присел на край одного из массивных каминов. Джалита устроилась рядом, по-прежнему не преступая границ дозволенного. Когда их потревожили, Джалита мило удалилась, расточая жеманные улыбки и поклоны.

Сайла кипела от злости.

Эмсо ушел вскоре после Джалиты. Сайла видела, как он вошел в комнату для деловых приемов, где стоял массивный стол и камин. Он сел за стол и погрузился в размышления. Сайла смягчилась. Эмсо выглядел таким одиноким, и чувствовалось, что он здесь не на своем месте. Сайле очень хотелось хоть как-то утешить его. Между тем ей нужно было возвращаться в аббатство.

Эмсо размышлял, сидя за столом. Где-то в глубине души он все же сомневался, что лодки Вала или рыбаки Ондрата обнаружат акульи челны. Ведь вокруг одна вода. С какой стати станет рыбачья лодка идти по следу или патрулировать в устье реки? В случае опасности рыбаки скорее спрячутся, чем подадут сигнал тревоги. Эмсо наморщил нос.

После обеда он поехал в замок Ондрата. Сейчас он выглядел еще более угрюмо. С наступлением зимы кучи мусора придвинулись еще ближе к стенам. Они пятнали свежий снег, как язвы проказы. Копошившиеся в мусоре крикливые птицы вихрем взмывали ввысь, когда на кучу налетали свиньи. Издалека за ними наблюдали несколько коров. Перед ними были разбросаны жалкие пучки сена. Бедренные кости выступали из тела коров, словно башни замка, говоря о полуголодной жизни. Одно из животных жалобно замычало, посмотрев на Эмсо. Тот оглянулся и проехал через неохраняемые ворота.

Ондрат обедал. Барона закрывали баррикады из ветчины, тарелок с овощами и массивная супница с дымящимся супом. Он ел в одиночестве. Сделав последний глоток из большой пивной кружки, он обошел вокруг стола, приветствуя гостя. Когда дело дошло до «брата-воина», Эмсо решил, что с него довольно.

— Мне кое-что от тебя нужно, — перебил он барона. — Небольшой отряд, не более тридцати человек. Командовать ими буду я сам. Тяжелая служба, но это ведь лишняя монета для них, а лучшим я буду платить больше.

Ондрат не проявил особого энтузиазма. Подергав себя за ухо и наклонив голову, он сказал:

— В другое время я бы дал тебе в два раза больше людей и платил бы им сам. Служба у тебя — гарантия того, что я получу обратно самых лучших воинов в Оле. Я имею в виду Территории. Или эта работа настолько опасна, что они могут и не вернуться?

— Абсолютно безопасна. Никакой опасности вообще. Что значит «в другое время»?

— Жизнь здесь тяжела. Многие из моих людей просто голодают. Они едят кору, траву, кожу. Все мои войска рыскают в поисках пищи. И в отличие от Волков у них нет всего необходимого.

— Мне нужны люди. Просто для подстраховки. Гэн сейчас отправился в рейд. Он взял с собой часть охраны замка. Мы не кричим об этом на каждом углу, понимаешь? Мне нужно

подкрепление. Я прошу людей у тебя, потому что тебе доверяю. Чем меньше народу об этом знает, тем лучше.

Ондрат перешел на шепот:

— Я найду для тебя людей. Мои люди пойдут куда угодно, если нужно. Гэн Мондэрк — это наше будущее.

Выехав за ворота, Эмсо мысленно поздравил себя. Переговоры оказались не настолько трудными, как это расписывал Гэн. Эмсо усмехнулся; несомненно, когда человек становится лидером, у него появляется жажда деятельности. Трудное кажется ему легким, а легкое — трудным. Бедный Ондрат. Он и не догадывался, что Эмсо был бы рад и двадцати пяти или двадцати воинам.

Та же корова вновь замычала, посмотрев в сторону Эмсо. Теперь она лежала на земле, совсем обессилев от тщетных попыток встать на ноги. Она встряхнулась, как бы отгоняя невидимых мух, и вновь повалилась на бок. Острые ребра тяжело вздымались под тонкой кожей. Вид животного, умирающего прямо у него на глазах, потряс Эмсо.

Но он ничем не мог ей помочь. Стараясь смотреть прямо перед собой, Эмсо прибавил шагу. Три ворона слетели с ветки дерева и сели на дорогу прямо перед лошадью Эмсо. Медленно направляясь к корове, они прошли так близко от Эмсо, что он мог видеть сморщенную кожу на их голых лапах и слышать, как ветер гуляет в их перьях. Алчные, с бегающими глазками-пуговками, направились они к своей жертве, не обращая на человека никакого внимания.

Глава 78

Увидев подбегающих к ней Избранных, Джалита одарила их дружелюбной улыбкой. Затем, приняв угрюмый вид, она указала на аббатство Фиалок. Дети сразу же все поняли, и началась игра. Одна девочка сделала грустное лицо, чем-то похожее на ее собственное, и притворилась читающей книгу. Другая поглаживала животик и чмокала губками, клянча у Джалиты сладкий гостинец.

Джалита отвернулась и пошла дальше. Откуда детям было знать причину ее скрытой печали?

Гэн уехал совсем недавно, а поведение Эмсо уже становилось странным. Даже прибытие в замок людей барона Ондрата для укрепления гарнизона не произвело должного эффекта.

Внешне все было нормально, но Эмсо все мрачнел и разносил стражу жестче, чем когда-либо. Такое обращение особенно плохо воспринималось новыми воинами Ондрата — их дисциплина ухудшалась, и остальные Волки по мере возможности избегали вновь прибывших, при этом стараясь не упускать их из виду.

Нила видела, что происходит с Эмсо, и как-то сказала Джалите:

— Эмсо одинок. Только ты можешь заставить его улыбнуться. Постарайся помочь ему.

Джалита остановилась, уступая дорогу небольшому отряду Волков. Она отвела взгляд, умудряясь краем глаза не упускать их из поля зрения. Стройные молодые воины, четко печатающие шаг, заставили Джалиту подумать о Налатане. Ее лицо расплылось в улыбке, вспоминая, как она задумала провести старого Эмсо.

В первую же их тайную встречу она сделала все, чтобы соблазнить Эмсо, но он отверг ее, заведя болтовню о женитьбе, детях и благословении Церкви. Она потерпела поражение и с тех пор не находила себе места, дрожа, словно ольховый лист на ветру, и мучаясь головной болью. Хуже того, с каждым днем Эмсо отдалялся все сильнее. Если он не совершал обход, то всматривался в море, ожидая появления Скэнов, или глядел на юг в надежде на скорое возвращение Гэна. И спал он совсем мало.

Прибыв в аббатство Фиалок, Джалита попросила встречи с настоятельницей. Ее сразу же провели к ней. Кивком приказав Жрице принести гостье чай, она предложила Джалите

присесть рядом у огня. Джалита придвинула к камину кресло-качалку, почти такое же, как и у самой настоятельницы, разве что менее роскошное. На спинке был вырезан сюжет освящения ягнят. Ручки и спинка кресла настоятельницы были покрыты тонким узором из цветов фиалок. Цветы были инкрустированы маленькими кусочками аметиста, поблескивавшими в свете камина мягкими огоньками.

— Что случилось на этот раз, дитя? Уж не Налатан ли? — Настоятельница хихикнула. — Хорошо придумано — пустить слух среди добропорядочных прихожан о его распутстве. Теперь к нему многие потеряли доверие, да и к Тейт оно тоже исчезло. А в этом слухе есть хоть доля правды?

Джалита только открыла рот, но старая женщина повелительно подняла руку.

— Молчи, ты все равно не скажешь правды. Я уже устала от бесполезных споров.

— Я пришла с новостями, — обиженно ответила Джалита. — Мне нужен совет.

— Конечно, моя дорогая. — Настоятельница отхлебнула чаю. Тишину в комнате нарушало лишь потрескивание поленьев в камине. Вернувшись, Жрица принесла чашку для Джалиты. Когда они снова остались одни, настоятельница продолжила, поставив свою чашку на столик из полированной меди: — Я рада, что ты пришла. Думаю, настала пора честно поговорить, не так ли? Позволь мне помочь тебе. — Она стала пододвигать свое кресло ближе к девушке.

Воспользовавшись заминкой, Джалита поспешно заявила:

— Я всегда была честна, и все мои помыслы только о благе Церкви.

— Мы все лжем. Но сейчас у нас на это нет времени: все происходит слишком быстро. И если мы хотим добиться поставленных целей, нам нужно работать вместе.

— У меня нет никаких целей.

Настоятельница неодобрительно покачала указательным пальцем. Внезапно, выбросив руку вперед, она ткнула им Джалите в правый глаз. Движение было настолько неожиданным, что у девушки не было ни единого шанса среагировать на него, не говоря уже о том, чтобы попытаться уклониться. На какое-то мгновение Джалита оторопела. Затем, резко отдавшись в голове пронзительной болью, правый глаз начало жечь, словно раскаленным углем. Девушка сжалась в комок и сквозь звуки, оказавшиеся ее собственными мучительными стонами, услышала бесстрастный голос настоятельницы:

— Время не ждет. Я не потерплю больше вранья и отговорок. Я должна стать Жнеей. И ты мне поможешь. В обмен получишь влияние и власть, которых ты так жаждешь. Мы наконец поняли друг друга, дитя? Теперь мы заодно?

Всхлипывая, Джалита что-то промямлила.

— Сядь прямо, — приказала настоятельница. — Согнулась в три погибели. Я не могу с тобой так говорить. И прекрати ныть. У тебя будет испуганный вид — все поймут, что мы не обменивались любезностями. Ты смышленая девушка. Это одна из многих черт, которые мне в тебе нравятся. А сейчас ответь мне, мы можем рассчитывать на Эмсо?

Посмотрев на настоятельницу, Джалита стиснула зубы. Она не стала ни вытирать слезы, ни тереть ладонью ужаленный глаз, который слезился и ужасно болел.

— Зачем ты спрашиваешь? Похоже, тебе уже все известно, — резко бросила она.

— Ты обидчива. Постарайся в себе это побороть. В жизни есть вещи похуже болящего глаза. Насколько Эмсо в состоянии командовать гарнизоном? Подозревает ли он измену?

— Эмсо волнуют только дела Гэна Мондэрка. На него не рассчитывай.

— Спасибо. А колдун Леклерк? Его можно использовать?

Это был очень непростой вопрос. Если Эмсо просто инструмент, то Леклерк был магом. И что бы ни случилось, он должен принадлежать Джалите. Однако эта старуха видит ложь так же просто, как обычный человек солнце или луну. Джалиту внезапно охватил страх. Страх, достаточный для того, чтобы захотелось угодить.

— Леклерка можно использовать. Жрица-отступница Кейт Бернхард любит его. И я думаю, что это взаимно, но он желает меня. Мы не должны потерять его.

— Хорошо, он будет у нас на виду. Однако действовать нужно очень осторожно. Мне

никто не осмелится причинить вред. Но одна ошибка, и тебя схватят. Только дай им узнать об этой игре, и тебя поставят в стойло, как очередную лошадь. Мы же не хотим такого конца? Мы ведь теперь заодно?

— Да, сейчас мы повязаны одной веревочкой.

— Приятно это слышать. — Настоятельница неуклюже поднялась, разминая затекшие суставы — встреча была закончена. Женщины направились к выходу. Джалита, собралась было открыть дверь, но настоятельница вцепилась в ее плечо.

— Я всегда была твоим единственным шансом. Жаль, что ты это так поздно поняла. Гэн презирает меня, но чтит мою жизненную силу. Церковь — это женщина, а спасение женщины в безропотном повиновении. Мы можем побеждать только хитростью и коварством. Противостояние — тактика владык, наше оружие — уклонение. Мужчины считают, что все решает металл. Мы же знаем, что обману подвластен любой металл и красота величайший из всех обманов. Наблюдай внимательно за Эмсо, Леклерком и остальными, кого можно хоть как-то использовать, и обо всем говори мне.

— А что, если нагрянут Скэны, когда Эмсо в таком состоянии? Меня не должны схватить. Не думай, что они тебя пожалеют. Сосолассе наплевать на Церковь.

— Никогда не упоминай имена лживых богов в святом месте. И ничего не бойся. Я тебя укрою от твоих мстительных Скэнов. Если, конечно, ты будешь верна мне.

Джалита освободилась от руки, лежащей на ее плече, и распахнула дверь. Эта злая, хитрая настоятельница снова провела ее, взяла над ней верх. В коридоре девушка, обернувшись, спросила:

— Мы ведь заодно?

Стиснув челюсти, настоятельница заиграла желваками, но тут же приветливо кивнула:

— Ну конечно же. Будь в этом уверена. — Она закрыла за Джалитой дверь.

Лицо старухи перекосилось, однако она быстро взяла себя в руки. Настоятельница подошла к окну. Убедившись, что Джалита направилась в замок, она позвонила в серебряный колокольчик, и в комнате появилась Жрица.

— Оседлайте мою лошадь и подведите к выходу. Мне нужно проветриться. Сопровождения не нужно.

Вскоре Ондрат принимал у себя гостью, помогая освободиться от богатой черной мантии с зелено-фиолетовыми украшениями. Она села на одно из двух массивных кресел перед огромным камином и протянула над огнем руки.

— Ну и погода…

— По крайней мере хоть снег перестал валить. А там, гляди, уже и весна.

Настоятельница бросила на Ондрата резкий взгляд, задетая его самодовольным тоном. Тот, ничего не заметив, упоенно продолжал:

— И мы избавимся от Гэна и Сайлы.

Скрывая раздражение, она отвернулась. Сначала Джалита со своим гонором, потом Ондрат напускает на себя важность. Если бы он не был таким отвратительным дураком, то, наверное, стал бы шутом. Она тут же поправила себя: Ондрат был еще и кровожадным дураком, а это нужно постоянно помнить.

— Как захочет того Вездесущий.

— Думаю, есть основания для большего оптимизма.

Она льстиво улыбнулась.

— Тебе что-то известно, ведь так? — Настоятельница игриво ткнула его указательным пальцем — это напомнило ей о Джалите. Мгновение она с наслаждением представляла, как завертелся бы Ондрат, сходя с ума от боли.

— Мы можем встретиться со Жрецом Луны как с равным, а не как просящие помощи. Будущее теперь в наших руках.

— Серьезно? От кого же ты получил такой подарок? И самое главное, почему? — Настоятельница почувствовала в Ондрате какую-то обеспокоенность и пожалела, что так резко на него накинулась.

Придя в себя, Ондрат перешел в наступление:

— Это я должен спросить: где гарантия, что этот Жрец Луны сохранит верховенство Церкви в Оле? Что означает этот союз: равенство или подчинение? Гэн Мондэрк не единственный враг Церкви. Есть ли у Жреца Луны победы в сражениях?

Изумленная настоятельница посмотрела на огонь, ей нужно было немного подумать. Эти вопросы беспокоили и ее, но она не ожидала услышать их от Ондрата.

— Этот союз одобрила Сестра-Мать. Сомнения будут грехом. А что касается чести или намерений Жреца Луны, то это тайна за семью печатями.

— Тем более нужно действовать осторожно. Я сейчас только и думаю, как овладеть Олой раньше, чем Летучая Орда шевельнет пальцем. И тогда ты сможешь преподнести ведьму Сайлу с отступником Гэном Мондэрком в качестве дара Сестре-Матери.

Без ее опыта настоятельница увидела бы в его словах лишь тайное искушение. Но в них была едва уловимая досада — она поняла, что Ондрат замышлял убийство. Его ложь вызвала в душе настоятельницы брезгливость, хотя она видела в замысле определенную выгоду. Ведь если с Сайлой расправится кто-то другой, то руки Сестры-Матери не будут запятнаны кровью. И все же настоятельница хотела выведать его планы.

— Ты склонил Волков на нашу сторону?

— Конечно, нет. Однако, когда придет время, мы можем ударить прямо в сердце Волкам.

— А что с солдатами, которых ты отправил Эмсо? На них смотрят как на врагов.

— Послушай, женщина, мне известно, какой прием был оказан моим доблестным воинам. Если ты хочешь узнать больше, не перебивай меня.

— Желание все узнать взяло верх над моей выдержкой, барон. Прости меня, пожалуйста.

— Я могу договориться с нашими северными союзниками — Скэнами, — продолжил он. — Они придут в Олу, и я окажусь хозяином замка еще до появления Жреца Луны.

Настоятельница была ошарашена. Осклабившись, Ондрат гордо расхаживал перед камином, выдерживая многозначительную паузу. Просчитывая в голове возможные варианты и последствия, настоятельница не сводила с него глаз. Наконец у нее возник первый вопрос:

— Ты хочешь сказать, что будешь королем Олы? А что же тогда с Харбундаем?

— Останется Скэнам. Это северное отродье помыкает нами с момента свержения Алтанара. Гэн и его друзья сами выбрали ложную Церковь и пускай сполна заплатят за это богохульство.

Хороший ответ, подумала настоятельница, решив его запомнить.

— Ты доверяешь Скэнам? Почему ты решил, что они все оставят тебе?

— Чтобы удержать Летучую Орду. Их пугают амбиции Жреца Луны. — Он резко развернулся и очутился нос к носу с настоятельницей. От неожиданности старуха плюхнулась в свое кресло. — А теперь самое главное: мне известно, что на уме у хромого дьявола Лорсо. Он не хочет пускать своих людей в настоящее дело, чтобы сразиться с нами и Летучей Ордой. Он хочет совершать набеги, как он делал и раньше со своими дикарями. Этот умник думает, что укрепления замка ему нипочем. Он задумал нанести удар исподтишка, изнутри. В его планах нет даже намека на оккупацию Олы. Но чего ему действительно хочется, так это помешать Жрецу Луны.

— Тогда нужно ударить сейчас. Немедленно.

Голос Ондрата надломился:

— Сейчас?

Настоятельница словно покрылась льдом. Теперь она была замороженной ледяной глыбой. Четко работающие холодная логика и расчет подавляли все эмоции.

Жнея. Она станет Жнеей.

Ондрат с трудом сглотнул и снова хрипло пробасил:

— Сейчас?

— Гэн уехал с отступником Налатаном. Эмсо слаб, истощен. Черная Молния исчезла и, надеюсь, мертва. Конвей со своей шлюхой почти всегда отсутствуют: развозят провизию. Леклерк слишком занят на своей ферме, и, когда он что-то узнает, все уже будет сделано.

— Гэн, — Ондрат вожделенно процедил это имя. — Он вернется. Но уже после нас.

— Ты схватишь его жену и ребенка.

— Заложники?

— Скажем, определенные гарантии. — Она поднялась. Облачившись в мантию, настоятельница набросила капюшон и стянула его завязками. Уже собираясь выйти наружу, она снова обратилась к Ондрату: — Еще раз извини за мое вмешательство в мужские дела. Я признательна, что ты мне дал возможность еще раз подумать, как разобраться с обидой, нанесенной Церкви.

Ондрат молча стоял и смотрел вслед настоятельнице, пока она не скрылась в темноте коридора.

Глава 79

Окинув взглядом стену леса, прикрывавшего узенькую тропу, Конвей вдруг подумал, что, наверное, похож на черепаху. На голове у него красовалась тяжелая баранья шапка странной округлой формы, чем-то похожая на головной убор Ланты, только побольше. Как и у нее, на нем был тулуп, надетый поверх другой одежды. Последним элементом костюма был огромный воротник, подпиравший нос и закрывавший почти все лицо: видны были лишь глаза.

Конвею вдруг захотелось стать таким же неуязвимым, как черепаха. Однако именно сейчас он чувствовал себя скорее добычей, причем довольно крупной. Поскрипывание кожаного седла, до раздражения напоминающее смех, казалось особенно громким. Но Волки сохраняли строгий маршевый порядок, лица их были насторожены и молчаливы. С трудом подавив желание приказать соблюдать тишину, он снова уставился перед собой на тропинку.

Ехавшая рядом с ним Ланта мягко спросила:

— Ты что-то заметил? Ты так напряжен.

Он откинул воротник.

— Нелегко любить женщину, которой уже известны все мои мысли еще до того, как я открою рот. — Она тихонько засмеялась, и Конвей продолжил: — Я пока ничего не заметил, но собаки встревожены. Что-то не так вокруг, и они это чуют. Думаю, за нами следят.

Ланта кивнула головой.

— Мне кажется, это Малые. — Глаза ее стали серьезными.

— Я тоже думал о них. Но они бы не появились здесь, в низине. Малые обычно держатся выше.

— Все-таки я думаю, что это они.

— Почему?

Она пожала плечами, но движение утонуло под многослойным покровом одежды.

— Не знаю.

— Ладно, с этим ясно. Что еще может случиться?

Вместо ответа Ланта показала ему язык и вновь спряталась за воротником. Небольшой отряд подъехал к краю утеса, когда Конвей заметил впереди что-то, что никак не могло принадлежать окружавшей их природе. Он вскинул руку и помахал ею из стороны в сторону. Волки остановили лошадей и принялись оглядываться по сторонам. Когда рядом остановился старший, Конвей поднялся в седле, показывая вперед.

— Посмотри туда. Следы ведут вниз по склону и дальше по луговине. Довольно отчетливые.

Молодой Волк внимательно изучил их.

— Тут что-то не так. Видишь?

От перепадов температуры образовался наст, и, хотя следы плохо читались, было

заметно, что их оставили чьи-то снегоступы.

— Расположи всадников колонной по двое. Жрицу помести между ними. Я с собаками разведаю путь, — приказал Конвей. — Такие следы могли оставить или Люди Гор, или Малые.

Голос из-за воротника прозвучал с невидимой усмешкой:

— Малые. Я ведь тебе говорила.

Волк ухмыльнулся. Конвей поспешил сказать:

— Почти уверен, что она ошибается.

Старший продолжал ухмыляться, возвращаясь к лошади.

— Если тебе все равно, Мэтт Конвей, то я надеюсь, что она права. Я достаточно насмотрелся на Дьяволов — больше не желаю.

— Возвращайся к своим людям. — Конвей грустно улыбнулся, думая над каждым его словом. Сейчас нужно быть предельно осторожными. На краю утеса группа выстроилась в линию.

— Эй! Конвей!

Он сразу же узнал голос Тейт. Собаки тоже ее узнали. Они тут же опустились на снег и замерли, радостно повиливая хвостами. Конвей посмотрел вниз и увидел у подножия утеса Тейт, медленно выезжавшую верхом из чащи. Она находилась примерно в пятидесяти ярдах, чуть выше белоснежного массива луговины. Конвей помахал ей и увидел, как она машет ему в ответ.

Подъезжая к нему, она еще издали заговорила:

— Ну вы и сбились в кучу. Сюда бы одного морского пехотинца с полным магазином, он сделал бы из вас омлет. Когда я научу этих людей чему-нибудь?

— Неплохо встречаешь друзей. Мы как раз любовались следами. Кто еще с тобой?

— Сейчас уже никого. Все поднялись назад в деревню.

— Малые?

Даже на расстоянии была видна ее ослепительная улыбка.

— От них я и узнала, где можно вас перехватить. Они наблюдали за вами и потом сообщили мне, какой дорогой вы возвращаетесь в Олу.

Как только она замолчала, Ланта поинтересовалась:

— Ты ждала нас? Но зачем?

— Об этом мы еще поговорим. Сначала скажите, что нового в Оле. Как там обстоят дела?

— Возвратился Налатан, но сразу же снова уехал с Гэном, — без утайки ответил Конвей. — В низовье реки возникли серьезные проблемы с работорговцами, и Гэн попросил его поехать с ним. Что Налатану оставалось?

Улыбка на лице у Тейт слегка дрогнула. Она подъехала и, обнявшись сначала с Лантой, потом с Конвеем, продолжила:

— Я предложила Гэну задержать Налатана при себе, если потребуется. Неудивительно, что он попросил его помочь с этим делом. Но все же странно это слышать. Разве Гэн не хочет, чтобы Налатан был в Оле? Похоже, дело дрянь. Если я вас обоих попрошу помочь, вы сделаете это? Мне одной нелегко.

— Многим известно, что ты в одном месте, твой муж в другом. — Конвей взглянул на Тейт. — Конечно, болтают всякое. Ты хочешь, чтобы мы пересказали все эти гадости? Все, что знаю, я рассказал. А чего не слышал, того говорить не буду.

Тишина унылой долины в конце концов выдавила из Тейт ответ. У нее был такой обиженный вид, что у Конвея подкатил комок к горлу. Взглянув на Конвея, она натянуто улыбнулась:

— Мы с этим разберемся сами, я и Налатан. Так и передайте по приезде в Олу. А сегодня вечером будьте моими гостями. Завтра утром мы отправимся домой.

— Остаться здесь? — Ланта моргнула. — Но почему? Разве это безопасно?

— Тут нет Людей Гор или кочевников. Правда, не исключены дикие звери. — К Тейт

постепенно возвращалось хорошее настроение.

— У тебя что-то вверху на рукаве. Что это? — поинтересовался Конвей.

— Чуть позже, когда уйдут солдаты. — Она хитро подмигнула. — Страшная тайна, приятель. Ты в это не поверишь.

— Ты невероятна, Доннаси, — засмеялся Мэтт. — Ладно, обождем.

Ничего не понимающие Волки спускались вниз по долине, а Тейт развлекала своих друзей историями о Малых. Чувствовалось, что ей среди них одиноко, но Тейт по-настоящему оценила их радушие и изобретательность.

— Они живут семьями, прямо-таки целые сообщества. Зимой питаются сушеными продуктами; несколько видов пеммикана. Им нужна будет долина для обработки земли. — Конвей усмехнулся. — Между Ква и этой дырой достаточно плодородных земель. Малые будут рады. — Тейт таинственно улыбнулась. — Подождите меня здесь. Никуда не уезжайте: я скоро вернусь, не беспокойтесь. И не обманите меня.

Дав клятву оставаться на месте, Конвей и Ланта остались ждать. Сначала любопытство переросло в неопределенность, затем в озабоченность. Конвей уже нервно расхаживал взад-вперед, раздраженно ворча о собаках и каких-то поисках, когда вдруг над заснеженной пустыней раздался пронзительный свист. Захваченные врасплох, Конвей и Ланта огляделись по сторонам. Собаки первыми заметили Тейт, махавшую им с вершины крутого утеса, местами поросшего густым лесом.

— Пускай бы лучше она отошла от края, — нервно проговорила Ланта. — Ну наконец-то отошла. Что ей там наверху надо?

Конвей не успел ответить, потому что в следующий момент на черно-зеленом фоне ветвей и стволов увидел огромный, серый с голубоватым оттенком треугольник. Аппарат скользнул вниз по склону, затем мелко задрожал и, вздымая блестящий нос, с поразительной быстротой взмыл вверх.

Раздался пронзительный, победоносный свист. Тейт закричала, и ее голос, в котором читался восторг и радость жизни, заполнил унылую заснеженную долину. Ланта хотела закричать, но смогла лишь издать сдавленный хрип. Она метнулась к Конвею и намертво вцепилась в него, словно он был последним, что осталось у нее от реального мира. Конвей обнял Ланту, не отрывая глаз от похожего на ласточку дельтаплана. Он начал снижаться, описывая круги над безмолвной равниной.

Радостная Тейт крикнула ошеломленным зрителям:

— Ну что скажете, Мэтт? Ланта? Разве это не чудо? — Неожиданно аппарат вышел у нее из-под контроля. Свалившись на крыло, дельтаплан вошел в пике, но ей сразу же удалось выровнять треугольник. Тейт возбужденно засмеялась.

— Спускайся вниз! Ты убьешься! Доннаси, спустись, прошу тебя, — наконец обрела дар речи Ланта.

Запрокинув голову, Конвей безудержно хохотал. Он кричал:

— Ты — гений! Чудо! Ты сейчас к чертям сломаешь себе шею!

Заходя на посадку, Тейт пронеслась над самыми головами Конвея и Ланты, едва не задев их макушки. Упершись ногами в наст, Доннаси притормозила, и дельтаплан клюнул носом, вздымая снежные брызги. Когда они подбежали, Тейт уже стояла, освободившись от планера. Конвей на бегу сшиб ее с ног и повалил наземь, обнимая ее и ревя, как медведь. Причитая и смеясь, сверху навалилась Ланта. Она была так взволнована, что слова у нее выплескивались потоком бессмыслицы. Собаки, объятые всеобщим весельем, прыгали вокруг великолепной троицы и радостно лаяли. Подбежав на зов Конвея, они плюхнулись в снег и, высунув языки, тяжело дышали. Из их пастей валили густые клубы пара.

Успокоившись, Конвей осмотрел дельтаплан. Проведя рукой по каркасу, он вопросительно, посмотрел на Доннаси. Она принялась объяснять:

— Помнишь те духовые трубки Малых для метания дротиков? Расщепленный бамбук, Мэтт. Я попросила их вырезать для меня куски размером побольше. Ну, вот они и нащипали мне сколько надо. Тут у них еще есть один клей с адским запахом, но держит отлично.

— Да, действительно. — Конвей кивнул головой.

— Ты же знаешь эту ткань Форов, — невозмутимо продолжала она. — Клянусь, ее не разорвет и табун лошадей. Мне показалось это неплохой идеей, я и попробовала.

— Вот чем ты здесь занималась, живя вдалеке от всех? И вокруг ни одной целительницы? А если бы ты упала? — притворно серьезным тоном произнесла Ланта.

— Ну, я начинала с малого. С небольших склонов, да и снег мягкий. — Тейт повернулась к Конвею: — Ты не поверишь, как все легко сейчас получилось, Мэтт, только сейчас. Я понимала, что могу раньше срока провалиться, и решила пока сохранять все в тайне.

— Теперь ты можешь забыть про неудачи. Нужно, чтобы все это увидели. Это будет сенсацией.

— Никто это не увидит, — резко оборвала его Тейт. — Пока. Я уже думала об этом, Мэтт. И хочу, чтобы вы дали слово, что будете хранить гробовое молчание.

— Что? Но почему? С этим…

— Что мы можем? — Тейт посмотрела на него, губы сжались, глаза сузились. — Оторвавшись однажды от земли, я уже свободно могу полететь, куда меня пошлет ветер и земное притяжение. Но со стен Олы у меня не хватит высоты даже нормально стартовать. Мы должны хранить этот секрет, пока не сможем произвести настоящее впечатление. Если мне удалось соорудить такой аппарат, значит, Жрецу Луны это тоже по зубам. Поэтому я сказала тебе отправить солдат, а Малым следить за долиной.

Конвей потер подбородок, окидывая горящим взглядом дельтаплан. Тейт подошла к нему и положила руку на плечо.

— Сам подумай, нас уже и так считают ведьмами и колдунами, или кем-то похожим. Стоит всем это увидеть, как нас сразу же сожгут.

Краем глаза Конвей заметил, как Ланта исподтишка осенила себя Тройным Знаком. Он ответил:

— Да, нельзя, конечно, чтобы так все обернулось.

— Естественно. Мы должны использовать это с умом, когда будем полностью уверены в нашей победе. А то дельтаплан может только нагнать страху.

Глава 80

Стоило путникам выехать из-под прикрытия деревьев, на них обрушилась стена дождя. Вьючная лошадь, занявшая в короткой колонне место позади Тейт, везла дельтаплан, разобранный и похожий теперь просто на мешок с трубками.

Повинуясь единому порыву, всадники остановились, глядя на далекие очертания Олы.

— Больше всего я люблю ее именно такой, — проговорила Ланта, — неясной, растворяющейся в оттенках серого. Силуэты зданий, тонущие в легкой дымке, кажется, вот-вот совсем исчезнут. Словно природа стремится поглотить весь этот строгий камень и мрамор, как некогда поглотила проклятые места, «убитые Богом».

Тейт и Конвей переглянулись, пытаясь скрыть пронзившую их боль — боль памяти о гибели огромных, не чета этому, городов.

— Тейт! Нам надо поговорить. — Женщины обернулись на голос Конвея — Ланта с тревогой, Доннаси с пониманием. Поймав взгляд Ланты, Мэтт произнес: — Я не могу отпустить ее туда, не предупредив.

— Ты насчет Налатана, да? С ним все в порядке? Он не ранен? — Голос и интонации Тейт выдавали страх чего-то более глубокого, более серьезного, чем телесная рана.

Остановившись, Конвей развернул свою лошадь так, чтобы видеть ее лицо. Их колени почти касались.

— Он ускакал без объяснений, и это всех удивило. В таких случаях люди всегда придумывают нелепые истории, соответствующие их представлениям.

— Истории?.. — Их глаза встретились, но Тейт, казалось, не видела собеседника. Ее

взгляд проходил насквозь, стремясь к далекому городу за его спиной. В этом взгляде сквозила такая лютая ненависть, что Конвею стало не по себе.

— …Или историю? — продолжила Доннаси. — Сколько версий?

Вопрос показался Мэтту по меньшей мере странным.

— Не все ли равно? Это сплошные выдумки.

— Бедный Мэтт! — Она ласково коснулась его щеки. — Множество слухов чаще всего ничего не значат. Один слух имеет какой-то источник. Пусть это выдумка, но выдумка, с которой все соглашаются. Не бывает дыма без огня.

Все получилось совсем не так, как ожидал Конвей. Он понял бы ненависть или злобу, но грусть и сочувствие были тут совершенно неуместны.

— Когда ты услышишь, то поймешь, что это просто выдумка. Говорят, будто Налатан попробовал подкатиться к Джалите, а когда она его отвергла, исчез. Согласись, это звучит глупо. Даже не думай из-за этих сплетен расстраиваться — и не позволяй ему, когда вернется.

— Конечно. Со мной все будет в порядке. Правда, я ожидала чего-то в этом роде. — Тейт снова прикоснулась к его щеке, и у Конвея возникло ощущение, что она убеждает самое себя.

Повернувшись к Ланте, она постаралась улыбнуться.

— Как ты думаешь, мужчины — это проблема или источник всех проблем?

Та улыбнулась в ответ.

— Когда как. Трудно сказать. — Однако не расположенная обрывать разговор, не упомянув о самом главном, Ланта отбросила условности. — Он любит тебя. Какая ложь, какие сплетни могут это заслонить?!

— Только не оставляй меня, Ланта. Ты нужна мне. Ты даже не можешь себе представить, как нужна мне.

— И Налатан тоже.

Сердце Конвея сжалось, когда все та же гримаса исказила черты Доннаси. Она проговорила:

— Не беспокойся. Налатан — больше всего на свете.

— Вот и хорошо. — Ланта взглянула на Мэтта. — Ты был прав. Хорошо, что мы поговорили об этом. Поспешим теперь к горячей ванне и хорошей еде. Я уже, кажется, начинаю забывать, что это такое.

Встреча в замке была радостной. Дженет Картер и Сью Анспач выбежали под дождь из аббатства Ирисов, и Тейт спрыгнула с лошади, чтобы обнять их. Троица закружилась в счастливом хороводе. Вышедшая навстречу Нила тоже мгновенно оказалась в восторженных объятиях. Появилась Джалита, и рука Ланты поспешно отыскала руку Конвея. Тейт вежливо приветствовала ее. За Джалитой следовал Эмсо, и его Доннаси буквально сгребла в объятия, расцеловав в обе щеки.

Обращаясь к Конвею, Ланта заметила:

— Здесь что-то не так. Он кажется нервным, почти испуганным. Лишь в объятиях Тейт он опять стал похожим на прежнего Эмсо. И посмотри, как он старается держаться поближе к Джалите.

Почти не раскрывая рта, Конвей произнес:

— Ему неуютно в этой куче-мале. Джалита прячется от дождя, и он делает то же самое. Все естественно. А вот то, что мы продолжаем торчать под ливнем, неестественно да крайности. Не пора ли нам исчезнуть отсюда?

Вместо ответа женщина пришпорила коня, и Мэтту пришлось постараться, чтобы догнать ее. Когда это ему наконец удалось, она сказала:

— Еще никто не умирал от дождя! А если бы я хотела сберечь остатки твоего здоровья, мне стоило бы никогда не отпускать тебя от себя.

На закате кто-то постучался к ним в комнату. Выбравшись из тяжелого кожаного

кресла и открыв дверь, Ланта увидела Сайлу и Тейт. Пока первая обнималась с хозяйкой, вторая проскользнула к Конвею, стоявшему у камина.

— Я думал, что ты проспишь беспробудным сном не меньше недели, — произнес он. — Надеюсь, дельтаплан в надежном месте?

— Подвешен к потолку в моей комнате. Немножко кривовато. Я заявила всем, будто внутри ядовитые пауки. Никто не станет туда лезть.

— А что привело вас к нам в столь поздний час?

— Мы беспокоимся. Она объяснит.

Мэтт медленно оторвал взгляд от огня. После короткого теплого приветствия Сайла посерьезнела.

— Буду говорить прямо. У нас действительно появились проблемы. Больше всего меня тревожит сейчас Эмсо. Вы уже видели его?

— Я — да, — ответила Ланта, — а Мэтт витал в облаках.

— Ничего подобного. Просто я не заметил ничего… — Конвей осекся, увидев перед собой три пары разочарованных глаз, и неловко поправился: — Ну, я думаю, он был чем-то обеспокоен. Может быть, слегка раздражен.

Его перебила Доннаси:

— Эмсо напряжен, как струна! Ты не обнимал его. Он не мылся целую вечность.

Остальные женщины закивали, а Мэтт произнес:

— Согласен, он явно нервничает. На него легла большая ответственность. Но это по-прежнему наш Эмсо. И если мы поддержим его, все образуется.

— Мэтт, он в растерянности. — Сайла покачала головой. — Эмсо никогда не принимал новых Учителей, он слишком привязан к старой Церкви.

— Не могу в это поверить… Вспомни, он же был здесь, когда прежняя Жнея пыталась убить Тейт. И нас с тобой заодно.

— Вернемся к этому позже. Есть кое-что еще. Ты знаешь, что Кейт Бернхард влюбилась?

— Кейт? Нет. Но это же здорово! Наконец-то хорошие новости. Однако при чем тут Эмсо?.. — Его глаза расширились. — Она не?..

Сайла слегка прищурилась. Но когда она заговорила, голос был ровным.

— Это Луис, она любит Луиса. И я полагаю, он любит ее. Проблема в Джалите: она тоже им интересуется.

— Кажется, я должен был это предвидеть, — произнес Конвей. Сайла невозмутимо наблюдала за ним. — Джалита настроила Эмсо и Леклерка друг против друга. Эмсо приверженец традиций, и потому он против нового оружия Леклерка. И против всех нас. Вы слышали о сближении Жреца Луны со старой Церковью? Все это плохо пахнет, не так ли? Вы опасаетесь, что Эмсо попытается заключить сделку, защищая Гэна от нас, от Летучей Орды и от Скэнов — от всех разом.

Ланта бросилась ему на шею. Ища глазами Сайлу, она воскликнула:

— Ну я же говорила, что он сообразительный!

Невесело усмехнувшись, Мэтт снова обратился к Сайле:

— У вас есть свидетели? Ведь то, что мы делаем сейчас, ужасно. Эмсо лучший друг Гэна. Он скорее умрет, чем причинит Гэну вред. Мы подозреваем его в предательстве только из-за того, что Джалита поссорила их с Леклерком. Из-за того, что он старомоден. Это нечестно. Какими фактами мы располагаем?

— Для какого оружия нужно серебро? — неожиданно спросила Тейт. Конвей моргнул.

— Серебро? Не знаю. А что?

— Я тоже не знаю. Но Леклерк попросил у Гэна именно серебро, и тот приказал Эмсо выделить два слитка. — Доннаси изобразила руками размеры. — Это очень много.

Снова заговорила Сайла:

— Мэтт, у меня есть для тебя кое-что интересное. Одна Жрица из аббатства Фиалок рискует честью и жизнью, делая ради меня все, что в ее силах. Она совершенно уверена, что

Эмсо участвует в заговоре, который аббатство Фиалок плетет вместе с бароном Ондратом.

— Ондрат? Он спас тебе жизнь!

— Или избавился от тех, кто неудачно на нее покушался.

— Это слишком просто. Твоя Жрица приходит к тебе с обрывками беседы, и ты делаешь выводы о заговоре. Луис просит серебро, и ты его подозреваешь. В чем?

Сайла сохраняла спокойствие.

— Такое количество серебра гарантирует владельцу высокое социальное положение в Оле, управляемой кем-нибудь вроде борона Ондрата.

— Так больше нельзя. — Мэтт осторожно высвободился из объятий Ланты. — Необоснованные обвинения, подозрения, предположения — так мы вчетвером скоро останемся одни. Я еду за Гэном.

— Пошлем Вестника, попыталась возразить Ланта.

Мэтт только покачал головой.

— В таких случаях я не доверяю Вестникам. Я еду сам. Это решено.

Сайла облизнула пересохшие губы, и они заблестели в отсветах пламени.

— Ты все ему расскажешь?

— Я могу не заметить тайных знаков влюбленных, у меня нет твоей интуиции, но я знаю, как мыслят такие люди, как Гэн. Вы все стремитесь действовать осторожно, утонченно. Вернувшись вместе с ним, мы сокрушим все это так же, как сокрушили бы любое другое препятствие. Возможно, это будет не слишком деликатно, зато эффективно.

Женщины встревоженно зашевелились. Сайла встала.

— Поторопись, Мэтт Конвей. Думаю, у нас мало времени. Тебе известно, что в замковой страже много людей Ондрата. У нас Джалита в замке, а за его стенами аббатство Фиалок с Ондратом. Если хотя бы часть моих подозрений справедлива, опасность возрастает с каждым днем.

— Ты в самом деле полагаешь, что Эмсо может свергнуть Гэна?

— Конечно, нет! Но боюсь, что Эмсо, сам того не желая, может кому-то помочь в этом. Ты меня понимаешь?

— Вполне. Я тронусь в путь с первым лучом солнца.

Сайла легко поцеловала его в щеку.

— Вездесущий да хранит тебя, Мэтт Конвей.

Глава 81

Акулий челн слегка покачивался на волнах. Набежавшая волна высоко подняла вырванную кормовую мачту и руль. Длинный гибкий корпус слегка всхлипнул, как маленький ребенок, восхищенный и вместе с тем напуганный огромной мощью моря. С каждой набегающей волной нос челна все больше поднимался, а белые барашки волн шипели и рычали в ночи.

В челне, в укрытии из дубленой, насквозь пропитанной соленой морской водой кожи, сидел на корточках Ондрат и глотал слюни. Большие куски угля жарко горели в прямоугольном керамическом поддоне, лежащем в мелком ящике с песком. Жар от очага смешивался с гнавшим волны ветром. Ондрат был равнодушен к теплу, исходящему от углей, но получал истинное удовольствие от ароматов готовящейся еды. Запах жареной рыбы благотворно действовал на голодный и ноющий желудок.

Лорсо присел на палубу напротив раскаленных углей. Легкие отблески огня плясали по его лицу, по высокому, ровному лбу, по точеным скулам и стройному носу. Особенно отсветы огня изменили его глаза. Глубоко посаженные в глазницах, они стали похожи на маленькие острые точки света. Тело Лорсо качалось в такт качке акульего челна, как будто составляло с ним единое целое.

Ондрат прочистил горло.

— Она не придет… У нее нет для этого никаких причин.

— Причины? Какая женщина не послушается мужского слова?

— Женщина, похожая на вашу женщину-духа.

Ондрат видел, как мгновенно напряглось лицо Лорсо, и проклял ноющий желудок, который превращал его в неблагоразумное ничтожество. Послав проклятие по адресу настоятельницы Фиалок за ее замечательное чувство такта, он добавил:

— Она говорила, что хочет посоветоваться с тобой, но не может прийти на твой акулий челн потому, что ужасно боится воды.

Звуки, такие обычные для морского путешествия, окутывали обоих мужчин. Заскрипела и застонала обшивка бортов. Вода заплескалась о корпус челна.

— Хорошо, я приду в твой замок. Но ты понимаешь, что случится, если мой челн обнаружат?

Холодный пот прошиб Ондрата. Он осенил себя Двойным Знаком.

Безошибочные указания проводника — местного рыбака — быстро привели барона и Скэнов к поросшему ольхой болоту, где и должен был быть спрятан корабль. Посмотрев на звезды, Лорсо сказал:

— У нас в запасе еще добрый кусок ночи. Пока останемся на большой воде. — И добавил, обращаясь ко второму помощнику: — Возьми несколько человек и все проверь. Рыбака не отпускать, пока я не вернусь. Выставить охрану вверх и вниз по течению, а также по обоим бортам. — Улыбка на лице Лорсо, когда он повернулся, должна была унизить Ондрата, на чьей территории были приняты такие меры предосторожности. Но Ондрат лишь ухмыльнулся, молча соглашаясь.

Когда они вошли в форт, Ондрат уже почти забыл об этом неприятном инциденте.

— Мы не держим охрану в это время года. Зима сама заставляет держаться всех подальше, там, где тепло.

Спрятавшись в глубине большого капюшона, Лорсо криво усмехнулся.

Ондрат затараторил:

— Я хочу поблагодарить тебя, что ты согласился провести эту встречу здесь, и особенно за то, что пришел сюда один. Союзники нуждаются в доверии больше, чем в оружии.

— Да, я спросил себя: «Зачем Ондрату обманывать меня?» — и не нашел ответа. Если бы я пришел сюда со своими людьми, нас было бы столько, что тебе осталось бы только храбро погибнуть. Но если ты меня схватишь, мои люди страшно рассердятся. Тебе же нужны друзья, а не враги. Так ведь?

— Конечно. — Ондрат открыл дверь в свой большой зал, семеня позади гостя. Одинокая фигура сидела перед очагом за громадным столом. Отблески огня бродили по залу, прорезая темноту. Где был огонь, там тепло, жизнь. Куда не доставали отсветы огня, там возле невидимых стен собиралась темнота.

Лорсо остановился.

— Это она? Кто охраняет остальные двери? Где они?

— Мы с настоятельницей лично проверили все входы и выходы, но это было перед тем, как я отправился встречать тебя. Никто вас не услышит.

Как зверь на незнакомой территории, Лорсо приблизился к настоятельнице. Дав ей бросить на себя лишь быстрый взгляд, чтобы она уверилась, с кем имеет дело, он отшатнулся глубоко во тьму, положив ладонь на рукоять меча. Согнувшись от напряжения, хромая больше обычного, он подошел к столу, затем развернулся и пошел обратно.

Настоятельница наблюдала за ним со своего кресла с забавной снисходительностью. Не вставая, она протянула руку.

— Я восхищаюсь твоей осторожностью, но заверяю, что нет никакой причины беспокоиться. Никому в голову не придет представить меня в обществе предводителя Скэнов.

— Поработителя, не предводителя. Меня называют Поработителем. И из моих людей именно моя душа подвергается опасности в нашем союзе.

— Несомненно. Но мы здесь собрались не из-за религии, не так ли? Тому есть более земные причины.

— Ондрат говорит, что сейчас самое время атаковать, и мы должны встретиться, чтобы скоординировать наши действия. Скэны же атакуют, когда захотят.

— Но ты же здесь. Значит, ты действительно считаешь, что нам есть о чем говорить. Не так ли? Барон Ондрат сказал, что Скэны должны напасть сейчас, пока нет Гэна Мондэрка.

— Он так сказал. А я ему ответил, что Скэнов не интересует политика Олы. Мы хотим смерти Гэна и его семьи, и твоей сестры — Сайлы.

— Сайла должна умереть. Нила и ее сын могут быть захвачены в плен, но тогда они должны быть у нас. Как заложники, — вступил в разговор барон.

— Потому что ты его боишься. Нет, Скэны убьют Гэна, и на этом все закончится.

Ондрат кашлянул и заговорил низким, сильным голосом:

— Отсутствие Гэна — большая удача, Лорсо. Конвей — Белый Гром — поднялся против него. Охранник замка слабеет, измученный ответственностью. Он ждет помощи только от двух людей. Настоятельница — одна из них. Она может практически сдать его вам.

— А кто второй человек? Можем ли мы его быстро убрать? Это не колдун, который помогает Гэну, Леклерк, что живет на ферме к югу?

Ондрат умоляюще посмотрел на настоятельницу. Ее плотно сжатые губы и острый взгляд ясно дали понять, что она думает о его нежелании отвечать на прямой вопрос Лорсо.

— Я не думал говорить о ней. Это Джалита, девушка, которая убежала от твоих людей. Он сохнет по ней, как старый пес. Она подогревает его. Омерзительная картина. Вообще, он пьяница. Я знаю, ты должен ненавидеть ее, мы тоже ненавидим. Если она останется жива, мы будем рады передать ее тебе.

Голова Лорсо опустилась, словно ему было безумно тяжело продолжать. Он издал какой-то хлюпающий звук — не то шипение, не то свист. Ондрат и настоятельница старались не глядеть друг на друга; они пытались не смотреть и на Лорсо. Его голос, когда он заговорил, был столь же твердым, как прежде.

— Вот что будет дальше. Я вернусь сюда в ночь третьего дня от сегодняшнего. В ночь четвертого дня луна встанет лишь на половину. Скэны начнут атаку на исходе ночи.

Ондрат прервал его:

— Не лучше ли немного отложить ее? Если не будет луны, вы ничего не увидите.

Лорсо опять издал странный звук. Настоятельница пожирала глазами Ондрата. Лорсо продолжал:

— Мой акулий челн, конечно же, пойдет впереди. Ты приготовишь нам укрытие. Мы заляжем там на четвертый день и приготовимся к атаке. Если Гэн Мондэрк вернется к тому времени, то умрет вместе с семьей, если нет, то женщина и ребенок умрут без него. Если Сайла выживет в сражении, она достанется мне, и Джалита тоже. — Он поднял глаза. Взгляд был диким, блуждающим. Ему пришлось напрячься, чтобы сосредоточить его на Ондрате. Когда это удалось, он уставился на череп барона.

— Твои люди должны ударить, когда услышат боевой клич Скэнов, не раньше. Ведьма и Джалита должны быть живьем переданы мне. — Он встал. — Будь готов.

Лорсо уже был на полпути к выходу, когда барон и настоятельница пришли в себя. Темнота проглатывала звуки его шагов на каменном полу. Настоятельница гневно махнула рукой на Ондрата и цокнула языком, как на пугливую лошадь. Он пулей выскочил вслед за Лорсо.

Аккуратно положив руки на подлокотники кресла, настоятельница расслабилась и устроилась в нем поудобнее. Она опустила подбородок на кончики пальцев. Улыбка расплывалась по ее лицу.

* * *

Домел был полностью согласен с Ондратом в том, что касалось секретности

политических дел. Но его очень волновала пропасть, внезапно возникшая между ним и его благодетелем. Домел мог очень точно сказать, когда это случилось.

Три ночи назад.

В ту ночь у барона был посетитель. Очень важная особа. Масса предосторожностей, включая надсмотрщика за самим Домелом. По злобному замечанию Скэна это уже было излишним, как и ночной визит настоятельницы, которая приехала, когда стемнело, и отбыла еще до рассвета.

Домел доверял своему чутью. И больше не доверял барону Ондрату. Кроме того, он никогда не доверял этой старой вешалке со стальным взглядом, называвшей себя настоятельницей.

Так он сидел у себя, связывая вместе длинные кожаные вожжи, недавно украденные на конюшне. Получалась довольно крепкая веревка. Да она и должна быть крепкой: от его окна до земли было не меньше, чем три человеческих роста.

Перед тем как его вежливо, но безоговорочно заключили под замок этим утром, он видел, как барон прогуливался, готовясь к очередному визиту. Повар ворчал, что приходится готовить для чересчур поздних гостей, и расспрашивал о визитере, которому надо было готовить сырые или маринованные овощи и рыбу вместо мяса. Для Домела это означало: Скэны. А Скэны — это предательство.

Пока он трудился, тьма окутала форт. В маленьком кожаном мешочке была сажа. Он зачерпнул немного и протер ею веревку. Теперь светлая кожа не выдаст никому его тайный уход.

Домел разыграл замечательный спектакль с отходом ко сну. Затем забил под дверь деревянный клин, вымазал лицо и руки сажей. Привязав веревку к тяжелому столу, он выбросил другой конец в окно. Спускаться по узлам было несложно. Домел легко спрыгнул на землю и через мгновение был уже у стены, напротив дальнего конца большого зала.

Наверху под самой крышей было треугольное окно. Летом оно закрывалось щитом, позволявшим воздуху проходить внутрь здания. Сейчас же, зимой, оно было закрыто твердыми деревянными дверцами. Обычно туда добирались по приставной лестнице. Домел посмотрел на грубый угол каменного строения. На нем были выступы и трещины, достаточные, чтобы цепляться за них руками и ногами. Поднявшись выше, он испытал себя: попробовал подтянуться на руках. Кости хрустнули от напряжения: неприятный знак того, что стареющие сухожилия и суставы, пораженные артритом, — не самые лучшие помощники для такого дела. Домел заскрежетал зубами. Он не мог стать моложе, но если не выяснит, что происходит в большом зале, то может никогда не стать старше…

Мороз обжигал пальцы, ступни сводила судорога, но он таки добрался до конька крыши. Чтобы добраться до окна, нужно было совершить хитрый маневр. Домел набрал полные легкие воздуха и повис на краю крыши. Мокасины скользили по стене, не находя опоры. Измученные руки судорожно сжимались. Наконец он протиснулся к окну.

Домел весь дрожал, когда добрался до него. Тяжело дыша, он исполнил некое подобие танца, нащупывая ногами крошечный подоконник, и безумно обрадовался, когда наконец нашел его. Перенеся основной вес тела на ноги, он напрягся и попробовал открыть одну из двух створок окна внутрь.

Она не поддавалась.

Домел нажал сильнее. Вторая рука сорвалась с крыши. Пальцы застряли в прочной деревянной петле. На них пришелся весь вес падающего тела, Домел застонал от боли, но удержался.

Болтаясь на приличной высоте над двором, Домел посмотрел на вторую ручку, затем подтянулся и увидел маленькие защелки, запирающие дверцы; открыл их. Висеть на одной руке было совсем непросто, но он подтянулся и, толкая перед собой створки окна, скользя и извиваясь, протиснулся в образовавшуюся щель. Растянувшись на массивной балке внутри, закрыл их за собой.

Некоторое время он просто приходил в себя.

Внизу настоятельница Фиалок спорила с бароном Ондратом. Голоса отражались от стен, смешивались и порождали усиливающийся злобный шум, состоящий из неразличимых звуков.

Домел шустро скользнул вдоль несущей балки мимо связующих стоек и распорок. Прямо над спорящей парой слова, отражаясь от массивного дымохода, были четкими и понятными.

Настоятельница говорила:

— Барон, ты должен успокоиться. Он же сказал, что будет здесь, значит, будет.

Более глубокий голос Ондрата, грубый и напряженный, резко отличался от холодного гневного голоса настоятельницы.

— Но он опоздал! Как ты этого не понимаешь? Если он опоздает с атакой, мы потеряем преимущество ночи.

— Как же он может опоздать, если не назначил точного времени? Ему нужно миновать морской патруль Вала и любопытных рыбаков. Самое худшее, что может случиться, — его просто убьют. И тогда наш план провалится.

— А что, если его схватят? Он же все расскажет. Нет, мы ни за что не должны были соглашаться.

— Я уже просила тебя, перестань говорить «мы». Это целиком твой план.

Ондрат шагнул в темноту. Когда он вернулся, то был уже гораздо спокойнее.

— Я боюсь из-за Волков. Если мы осадим Олу и замок, то каждый мужчина в казармах поднимется против нас.

— Послушай, барон. Любое завоевание — это вызов окружающим. Все, что нам нужно сделать, — это удержать замок до прихода Летучей Орды. Волки окажутся в ловушке между стенами нашего замка и воинами кочевников. Они будут вынуждены сдаться.

— Кто знает, когда Летучая Орда двинется на север?

— Вестник, посланный к Жрецу Луны, объяснит, что через два дня ты будешь хозяином замка. Возможно, это заставит кочевников поторопиться.

Ондрат пребывал в задумчивости, ковыряя указательным пальцем в носу. Поразмыслив таким образом, он изрек:

— Мне это нравится. Немедленно распоряжусь. Тут где-то слонялся без дела один Вестник. Клянусь, они чем-то обеспокоены. — Он потер руки и поднес их к огню. — А когда придет Летучая Орда, она заставит грязных Скэнов задуматься о своем положении. Чем больше сюрпризов мы им готовим, тем больше мне это нравится. Какие они все-таки дикари. Семья Домела; они же были ни в чем не виноваты, но утолили голод их мерзкого божества.

Кивок согласия темного капюшона настоятельницы заставил Домела задуматься о птице, вонзающей свой острый клюв в добычу.

— Утопили, как котят! Как это он сказал? Песнь Проклятия… Интересно, что это значит? — Рука настоятельницы неожиданно выскользнула из рукава и шлепнулась на стол.

— Этот человек — большая помеха. То, что случилось с его семьей, может случиться и с его покровителями.

— Я оставил его в живых только потому, что он представлял интерес для Церкви. — Ондрат задумчиво поднялся. — Возможно, Лорсо заплатит за него.

Домел ничего больше не слышал. В глазах у него потемнело. Он никогда не был любящим мужем или отцом. Уделял мало внимания своим детям, еще меньше — внукам, практически не общался с остальными родственниками. Но они были родственниками!

Домел задумался: кто же из них остался жив ему на позор?

А сейчас эта лживая плесень собирается продать его. Навигатора. Продать.

Песнь Проклятия.

Принадлежащий божеству. Божеству, которое не может покарать человека в честной морской битве. Божеству, которое использует для мести этого чертова обманщика.

Хлопнула огромная дверь, ведущая в большой зал. Даже этот звук Домел уловил с трудом. Сильный внезапный запах моря вернул его к действительности.

Лорсо прохаживался в золотисто-багровых отблесках огня.

Домел ощущал его присутствие столь же ясно, как слышал его голос.

План атаки Скэнов был предельно прост. Часть людей Ондрата проникает завтра в город под видом обычных странников и родственников горожан; они занимают отдельные дома. Перед заходом солнца объединенные силы Кревелена, Бирда, Милла и остальных приверженцев Ондрата двинутся к Оле. Эти воины должны быть готовы атаковать город сразу после захода солнца.

Корабль Лорсо подойдет к проливу ниже замка чуть позже. Морские пираты дадут сигнал огненными стрелами. Люди Ондрата в городе убьют стражников у Восточных ворот и впустят войско Скэнов. Одновременно они нападут на Волков.

— А твои люди? — спросил Ондрат — Что будете делать вы?

Лорсо ответил неторопливо, и Домел улыбнулся обиде в его голосе.

— Мы взберемся на стены замка со стороны моря и как раз будем там вовремя, чтобы завершить начатое твоими людьми. Где будут чужеземцы с оружием-молнией?

— Только одна, — вмешалась настоятельница. — Конвей отправился за Гэном. Тейт может сражаться где угодно, этого не угадаешь.

Лорсо повернулся к ней.

— Гэн и Конвей не вернутся сегодня ночью?

Она отрицательно покачала головой.

— Это невозможно.

— Не люблю этого слова. Лорсо задумался. — Договорись о встрече с этим Эмсо. Требуй, чтобы с ним пришли Сайла и Черная Молния.

— Я не могу. Настоятельница беспомощно взмахнула руками, как мотылек перед костром.

— Можешь. — Лорсо повернулся к Ондрату. — У нас в запасе время до завтрашних сумерек. Ты знаешь, где мой корабль. Будут вопросы приходи. Если нет, встретимся в замке, король Ондрат.

Домел вытянул шею, как журавль. Прихрамывая, Лорсо скрылся в тени, и Домелу снова показалось, что он чувствует запах моря.

Хлопнула дверь.

Сердце звало Домела вон из этой комнаты, домой, где шумно плещется прибой. Где прозрачная зеленая вода плещется у подножия скал, окутанных облаками. Леса полны глубокой тишиной, такой чуткой, что даже голос самой маленькой птички еще долго будет звучать в ушах. Он даже застонал, что раньше не ценил этого.

Домел пополз назад, к дальней стене. Его отвлекли, когда он уже открыл створку окна и высунул голову наружу. Раздался низкий басистый, раскатистый крик, за ним последовали другие. Послышались проклятия. Не оборачиваясь, Домел попробовал справиться с неподатливой дверцей и неуклюже оглянулся. Вооруженный охранник выбежал из двери первого этажа флигеля и понесся ко входу в большой зал.

Домел похолодел.

Охранник замолотил в дверь кулаками. Ему открыл сам Ондрат. Блеснул свет. Испуганный охранник держал в руках какую-то вещь. Рука Ондрата высунулась наружу, сгребла охранника за шиворот и втянула внутрь.

Глава 82

Домел быстро спрятался между балками. Настоятельница носилась вокруг мечущегося в проклятиях Ондрата.

Звуки погони просачивались сквозь стены и щекотали нервы Домела. Он бесшумно вернулся в свой темный угол. Выбора не было, а время шло, причем очень неторопливо.

Внизу раздался тихий шорох. Домел перегнулся через край балки и посмотрел вниз. Там сновали крысы: здоровые, как коты, жирные и самоуверенные. Комната наполнилась

тонким, едва слышным писком. Игрище достигло апогея, когда крысиный вожак добрался до объедков на столе.

Самоуверенность тварей обрадовала Домела — она наводила на мысль о малочисленности охраны. Неожиданно дверь отворилась. Крысы бросились врассыпную и несколькими серыми лентами исчезли в темноте. Домел услышал ненавистный голос:

— Ты что, дурак, думаешь, этот паршивый прихвостень Скэнов обедал тут вместе с нами? Я был здесь всю ночь. Убирайся! Ищи, где он спрятался.

Дверь захлопнулась. Домел больше не обращал внимания на возвращающихся крыс. Притаившись в своем углу, он размышлял над ситуацией. Безоружен. Но пока жив и в относительной безопасности. По крайней мере здесь, если не пытаться отсюда сбежать.

Вообще-то для него это будет не побег, а месть.

Утром засуетились слуги, подметая одной метлой пол и стол. Домел вспомнил крыс и довольно улыбнулся, представляя, какой завтрак будет есть барон. Длинная череда вооруженных людей пришла на утренний доклад. Домел задумался: барон явно чего-то боялся, и очень сильно. Его движения были скованными и нервными. Каждый раз, когда хлопала дверь или снаружи доносился какой-нибудь шум, он напряженно, всем телом, поворачивался в ту сторону. Но все же он выглядел уверенным и решительным.

Домелу было интересно, сколько еще продержится Ондрат. В нем чувствовался какой-то надлом, как в клинке, который прекрасно режет мясо, но ломается, встречаясь с другим клинком.

В замке все стихло, и Домел понял, что приближается ночь. Немного выждав, он поднялся, разминая затекшие, замерзшие руки и ноги, и пополз по здоровенной балке. Он добрался до огромного каменного дымохода. Если быть осторожным, по нему можно спуститься.

Очутившись на твердом полу, Домел подумал об одежде и оружии и решил начать с кухни. Там по крайней мере были ножи.

Повар сидел за маленьким рабочим столом. Домел заглянул в открытую дверь и медленно прокрался внутрь, прячась за длинную скамью перед печкой. Выбрав увесистую кастрюлю с длинной ручкой, он бросился к повару и одним ударом размозжил несчастному череп.

Тяжелое шерстяное пальто повара вполне подошло Домелу. Шапка сидела как влитая. Натянув одежду, он прихватил большой нож для резки мяса. Лезвие ножа было длиной с руку и острое как бритва. Это было серьезное оружие.

Снаружи ночь держала окруженную стеной деревню в своих цепких и тихих объятиях. Изредка раздавался собачий лай. Домел нервничал. Пустынные улицы и неосвещенные дома говорили о том, что большинство мужчин уже двинулись к Оле. Он прокрался к стене. В темноте у лестницы зашевелился охранник.

Большому мясницкому ножу нашлась работа. Охранника не спас даже металлический шлем — он раскололся от мощного удара, но шума было много. Домел стрелой долетел до ровной площадки, где устраивались поединки воинов, перебросил нож через стену и быстро перелез сам. Он уже несся к морю с ножом в руке, когда зажегся первый факел.

Домел легко нашел тропинку, ведущую к рыбацкой деревне, и пустился по ней быстрой рысцой. Причалы были удобно размещены на берегу. Видимо, потребовались месяцы, чтобы все так обустроить. Искушение почувствовать себя снова в лодке было просто непреодолимым. Он одной рукой перерезал швартовочный конец, а другой подвигал взад-вперед румпель.

Из рыбачьих хижин донесся жалостный плач.

Домел поспешно поднял парус. Маленькая лодочка послушно откликалась на его действия, быстро выходя на большую воду. Лежа на спине, Домел пытался разглядеть силуэт акульего челна. Ориентируясь по звездам, он легко вычислил верный курс. Идя напрямую, можно было наткнуться на Лорсо, но времени на маневры уже не было.

Ола стремительно приближалась. К несчастью, он слишком сильно взял на север, к

берегу у замка. На полной скорости лодку вынесло на прибрежные камни. Корпус заскрипел, сокрушаемый обломками скал. Домела оторвало от планшира и перебросило через борт. Мачта хрустнула, застонала и упала рядом с ним. Это было как последний вздох. Лодку развернуло.

Упершись руками в лодку, он попытался сдвинуть ее. Холодное дерево не поддавалось. Она умерла, подумал Домел. Единственный шанс спастись и тот теперь пропал.

И побежал подальше от этого места.

Возле Северных ворот он закричал охранникам:

— Там, наверху, впустите меня! Мне надо видеть Эмсо.

Заслоняя звезды, появилась чья-то голова.

— Утром. Ворота закрыты на ночь.

— На вас собираются напасть.

Еще одна голова.

— Ты кто? Сколько вас?

— Я один, дурак. Неужели тут должна быть целая толпа, чтобы вы поняли, что на вас нападут. Если хотите подготовиться к этому нападению, откройте ворота и впустите меня.

— Ворота закрыты на ночь. Это приказ.

— Послушайте. Скэны собираются засунуть ваши приказы обратно вам в пасть и вспороть ваши животы, чтобы вытряхнуть оттуда кишки. Понятно? Отведите меня к Эмсо.

— Скэны? Что ты знаешь о Скэнах?

— Я покажу вам свои татуировки. Этого достаточно?

Послышалось препирательство стражников. Домел знал, что теперь на него направлена по крайней мере одна стрела, но держался очень спокойно. Ворота, скрипнув, открылись. Две створки разошлись перед ним, как губы громадного рта. Наверху стояли четыре лучника, целясь ему в голову. Пятый мужчина осторожно приближался с мечом в руке. Он вглядывался в темноту позади Домела, пользуясь им как щитом. Подойдя достаточно близко, он сказал:

— Отдай мне свой меч.

Домел протянул нож.

— Это вместо него.

Молодой Волк совершенно спокойно взял нож и бросил его через плечо назад. Нож поднял один из лучников. Стоящий перед Домелом воин потребовал:

— Татуировки?

Сняв пальто, Домел закатал рукав, обнажая черно-красные узоры.

Волк отошел назад, его меч по прежнему был направлен Домелу в живот.

— Пошли со мной, я тебя отведу. Пусть он на тебя посмотрит.

Мужчины оказались внутри. Ворота закрылись. Домел зашевелился.

— Быстрее, они придут до того, как поднимется луна.

Подошел еще один Волк. Домел шел между ними, стражники держали мечи наизготовку. Вскоре к ним присоединился еще один Волк, судя по всему — офицер. Остановив их у дверей, офицер сказал:

— В случае чего, рубите его на мелкие куски. Понятно?

Волки отсалютовали. Один победоносно взглянул на Домела. Другой стоял напряженно, с широко открытыми глазами и побелевшими губами.

Вышел офицер, и за спиной у него появился Эмсо.

— Ну, что тебе?

Домел был удивлен: грязный, неряшливый, небритый, Эмсо выглядел просто как медведь. Жирные волосы спутались. Похоже, он с неделю не снимал одежду: от нее разило, как из помойки. Запах был острый и очень неприятный.

Эмсо повторил:

— Так что?

— Сегодня ночью настоятельница Фиалок просила тебя и твоих друзей о встрече. Они

сейчас у тебя?

Глаза Эмсо блеснули, и он осенил себя Тройным Знаком. То же сделали Волки. Домел видел, как напрягся один из охранников, готовый в нужный момент отскочить в сторону. Эмсо спросил:

— Откуда тебе это известно?

— Может, мы лучше зайдем внутрь, чтобы все меня слышали, а то ты ведь наверняка не захочешь, чтобы я повторял некоторые вещи из тех, что я скажу тебе.

Эмсо на секунду задумался, затем жестом приказал Домелу следовать за ним, приказав через плечо Волкам оставаться снаружи у дверей.

На лицах Черной Молнии и двух окружавших ее женщин читалось простое, доброжелательное любопытство. Одна была в одежде Жрицы Роз; Домел знал, что это должна быть Сайла. Значит, другая, поразительно белокурая женщина — жена Гэна. Но его внимание сейчас больше занимали настоятельница Фиалок и Джалита. Вид у них был просто убитый, глаза полны ужаса.

— Я Домел, Навигатор Скэнов.

— Убей его! — Джалита вскочила на ноги, простирая руки к Эмсо.

Эмсо наполовину вытащил свой мурдат. Домел быстро заговорил:

— Эта женщина — шпион Слез Нефрита, колдуньи Сосолассы, Бога Скэнов. Она объединилась с настоятельницей Фиалок, чтобы свергнуть Гэна Мондэрка и заменить его на…

— Лжец! Лжец! — закричала, вскакивая, настоятельница. — Язычник. Предатель Церкви. — Она повернулась к Эмсо, настаивая: — Убей его! Он порочит имя Церкви и ее слуг. Убей его или будь проклят навеки. Я требую этого.

Эмсо побледнел и заморгал, колеблясь. Мурдат еще больше вышел из ножен, обнажая холодную сталь. Домел перекрикивал настоятельницу:

— Эмсо, они хотят убить нас всех. Потом Гэна, его жену и ребенка, Сайлу. Всех. Послушай меня.

Настоятельница снова завопила. Джалита метнулась вокруг стола и, сопя от напряжения, помогла Эмсо вытащить наконец свой мурдат.

Качаясь от такого натиска, Эмсо смотрен на Домела со странной смесью болезненной ненависти и неуверенности.

Голос Сайлы зазвучал неожиданно ясно:

— Домел, ты говорил про какое-то нападение.

Домел снова обратился к Эмсо:

— Еще до того, как взойдет луна, Скэны будут в твоем замке. Люди Ондрата здесь перебьют твоих Волков. Другое союзники Ондрата — Милл, Бирда и Кревелен — стоят сейчас прямо под стенами Олы. Они атакуют ворота, как только увидят огненные стрелы Скэнов. Воины Ондрата уже внутри замка. Они ждут момента, чтобы перебить охрану и открыть ворота. — Он перевел взгляд на Джалиту и скривился в улыбке, которую, как он надеялся, она должна понять. — Человека, возглавляющего атаку, зовут Лорсо. Мы называем его — Поработитель.

Джалита подняла руки к горлу. Ее «нет» было исполнено ужаса. Она отвернулась к стене. Эмсо попытался заглянуть ей в лицо, но она оттолкнула его, не желая показывать, какое впечатление произвели слова Домела.

Настоятельница держалась лучше. Она подошла к Домелу.

— Лжец! Эмсо, я отвергаю эту чушь. Церковь требует его смерти.

Сайла перебила ее:

— Попридержи свой язык, женщина. Эмсо, проверь-ка слова этого Домела. Собери всех людей Ондрата в одном месте. Подними по тревоге всех Волков в казармах. Если он лжет, ты все равно ничего не теряешь. Если же это правда… — Она посмотрела на Джалиту и настоятельницу Фиалок, ожидая, что их реакция будет лучшим ответом.

— Это ловушка, — произнесла, задыхаясь, Джалита. Потом голос ее немного окреп и

стал увереннее. — Я лгала им, Эмсо, чтобы защитить тебя. — Она прошла вперед и коснулась его руки, держащей меч.

Домел глянул на настоятельницу. Та едва не упала в обморок.

Джалита продолжала:

— Ты знаешь, меня послали Скэны. И этого человека тоже. Я обещала Скэнам, что помогу им. Когда ты пошлешь своих людей к Восточным воротам и усилишь оборону стен замка, Скэны и барон Ондрат будут у Северных ворот. Я должна была быть уверена, что они не изменили план, чтобы рассказать тебе его, не испортив все. Пожалуйста, прости меня.

Эмсо посмотрел на нее. Ему хотелось поверить ей. Он посмотрел на настоятельницу.

— Ты знала об Ондрате?

— Конечно же, нет. Стал бы он доверять женщине? Или Церкви? Особенно Церкви, которой нужен ты и нужен вновь обращенный Гэн Мондэрк, чтобы защищать ее?

— Вновь обращенный? — Вопрос Сайлы оглушил Эмсо своей неожиданностью. — Гэн Мондэрк не нуждается ни в каком обращении. Эмсо, похоже, ты губишь всех нас.

Наконец поднялась Тейт. Все взоры устремились на нее. Она прошла к стене, подняла свой платок и, помахав им, сказала:

— Эмсо, делай то, что ты считаешь правильным. Я поднимусь на западную сторону крыши. На всякий случай.

Вместо того чтобы уйти сразу же, Тейт прошла к другому концу стола, поближе к Эмсо. Остановившись перед ним, она отсалютовала, как было заведено у Волков. Он ответил жутковатой улыбкой и бесконечно усталым приветствием. Через его плечо Тейт заметила движение.

До сих пор ей удавалось избегать Джалиты, сейчас же она была прямо перед ней. Страх искажал лицо девушки, но это был всего лишь фон для ясной, холодной злобы. Оказавшись за спиной Эмсо, где никто, кроме Тейт, не мог ее видеть, Джалита улыбнулась. Легкое, едва заметное движение губ, минутные морщинки вокруг глаз… Жестокость.

Потрясенная, Тейт вышла из комнаты.

Нечленораздельно что-то бубня, Эмсо наполовину подбежал, наполовину доковылял до двери и втащил в залу трех Волков. Стоя спиной к остальным, он отдавал офицеру приказы:

— Послать гонца в казармы. Все немедленно на защиту Восточных ворот. Послать еще одного гонца поднять по тревоге всех Волков в городе. Быть готовыми к атаке Восточных ворот изнутри. Возьмите этого Скэна с собой. Ждите меня на пересечении северной и восточной стен замка. Выполняете!

Офицер выдернул Домела из-за спины у Эмсо и, толкая его перед собой, побежал исполнять приказ. Эмсо все еще избегал смотреть в глаза оставшимся в комнате.

— Вы, двое Волков, отведите настоятельницу Фиалок и женщину, называющую себя Джалитой, в старую темницу и держите их там. Там вроде пустовала одна келья. Не причиняйте им никакого вреда. Не выдавайте их никому, кроме меня.

Волк заговорил:

— Но, Эмсо, как же сражение? Мы ведь его даже не увидим.

— То, что вы делаете, гораздо важнее. Не возражайте…

— Я возражаю. — Настоятельница двинулась к двери.

Не поворачиваясь, Эмсо положил руку на косяк, перегородив дверной проем. Он повторил Волкам:

— Свяжите ее, если нужно. Не причиняйте ей вреда. Не обращайте внимания, что бы она ни говорила. Вы поняли?

Воины отсалютовали. Эмсо посмотрел, как они уводят своих подопечных. Когда Джалита споткнулась, настоятельница подхватила ее. Обхватив молодую женщину, она бросила ядовитый взгляд на Сайлу и Нилу и вышла с гордо поднятой головой.

Эмсо произнес:

— Сайла, Нила, вы меня слышите?

Обе заверили его в этом.

Он поднял голову и начал говорить, казалось, сквозь каменные стены, обращаясь к кому-то, кто был далеко-далеко отсюда.

— Когда я умру, вы услышите обо мне много рассказов. Некоторые — правда. Некоторые — ложь. Так обычно бывает. Я клянусь только в одном — пожалуйста, запомните. Мои ошибки только от моей любви. Не от амбиций. Не от зависти. Кем бы меня ни называли, говорите всем, чтобы меня называли человеком, любившим Гэна Мондэрка больше жизни. Обещаете?

Нила произнесла:

— Ты не умрешь. Ты не можешь умереть. Ты нам нужен.

Сайла поцеловала его в щеку.

— Отправляйся с легким сердцем, старый друг. Обещаем. Мы скажем, как ты просил, потому что знаем — это правда.

Глава 83

Стоя на крыше замка, Тейт хмуро смотрела на юг: на море опускался туман. Факелы на стенах были погашены. Одетая в матово-черную кожу, в левой руке женщина сжимала «вайп», палец покоился на спусковом крючке.

Над головой ярко светили звезды. Густой туман подбирался все ближе, стелясь по низинам и скрывая под собой обычно легко узнаваемые силуэты.

Где-то далеко внизу крался акулий челн.

Тейт посмотрела на юг, туда, где сейчас был Налатан.

Она вспомнила Джалиту. То, как она смотрела из-за спины Эмсо. Тейт была поражена силой ее ненависти, вытеснявшей даже страх. Девчонка явно наслаждалась, выказывая Тейт свою враждебность.

Доннаси поняла еще одно — Джалита вела себя совсем не как человек, осознавший, что загнан в угол. В ее злой улыбке был вызов, решимость обратить поражение в преимущество. Джалита жаждала жизни, победы и полного поражения Тейт.

Внезапно тишину разорвали громкие крики. Раздался предупреждающий об опасности свист и замолк, как будто кем-то прерванный. В следующее же мгновение в ночь ворвались отзвуки сражения, нарастая с каждой секундой. Барабанный бой, прогремевший над замком, возвестил о тревоге.

Тейт бросилась к северной стороне крыши. Горящая стрела рассекла небо, нарисовав огненную дугу. Она вылетела оттуда, где городская стена соединялась с более высокой стеной замка. На секунду Тейт задумалась, с какой из стен выстрелили, но ее размышления прервал шум борьбы.

Звон, раздавшийся позади, заставил ее остановиться. Она обернулась, ожидая увидеть стрелу. Однако это оказалось что-то потяжелее, больше похожее на боевой топор. Тейт отпрыгнула, когда странная тень мелькнула по стене и исчезла в амбразуре. Затем Доннаси разглядела толстую веревку, натянувшуюся вдоль края стены. Тейт приготовила свой топорик.

Подойдя немного ближе к краю, Тейт осторожно заглянула вниз. Двое мужчин, держась за веревку, буквально шли по стене. Третий стоял внизу. Тейт ударила топором по веревке.

Посыпались искры.

Не веря глазам, она ударила снова, затем еще раз. Что-то сверкнуло, и Тейт поняла, что вместо веревки нападавшие использовали обтянутую кожей цепь. Она снова попыталась разрубить ее. Один Скэн был уже совсем близко. Держась за цепь одной рукой, другой он размахивал мечом. Стрела, выпущенная стоящим внизу, разлетелась вдребезги, ударившись в стену возле самой головы Тейт. Щеку обожгли осколки, и Тейт инстинктивно отскочила. Скэн уже был наверху; просунув одно колено между зубцами стены, он пытался достать Доннаси мечом.

Красно-оранжевая вспышка «вайпа» осветила лицо, исказившееся от отчаянного усилия. Это выражение уже не успело измениться. Воина отбросило выстрелом, и он полетел в пустоту. Тейт высунулась, чтобы снять второго нападавшего до того, как он сможет стать на землю. Третий мгновенно исчез в темноте.

Отступив от стены, она увидела еще одного Скэна, идущего прямо на нее с поднятым мечом. Она мгновенно развернулась, но тот успел сбить ее с ног. Быстро вскочив на ноги, Тейт выстрелила в него. Меч его напарника с яростным свистом рассек ночь, на волосок не достав увернувшуюся от удара Доннаси. Она свалила его одним выстрелом, другим добила второго. Подбегая к южной стене, Тейт увидела еще одну цель.

Внизу шло жаркое сражение. Военные кличи воинов Ондрата смешивались с ревом Волков и громкими воплями Скэнов.

В такой схватке в полной темноте «вайп» был так же опасен для друга, как и для врага. Тейт закинула его за спину и бросилась в бой с пистолетом в одной руке и топориком в другой.

* * *

Джалита прислонилась к ногам стоящей настоятельницы. Старшая из двух женщин стояла у входа в темницу с ледяным спокойствием, не подпуская двух молодых Волков. Она положила руки на косяки двери, загородив собой проем, и стояла так с властным видом, освещенная пламенем двух прикрепленных к стене факелов.

— Вы не сможете закрыть нас в этой грязной дыре. Я буду стоять тут, пока ваш хозяин не освободит нас или пока вас не убьют. Мне все равно. Но вы не заставите нас сидеть здесь, в грязи и темноте.

Более серьезный молодой человек возразил:

— Она не такая уж и грязная, настоятельница. К тому же это совсем ненадолго. Эмсо приказал нам.

— Церковь вам приказывает. — Упершийся ему в грудь палец заставил мужчину вздрогнуть. Поворачиваясь и медленно двигаясь, настоятельница представляла внушительное зрелище. — Эмсо приказал не применять силу.

Только чиркнув спичкой, воин ее сразу же выронил, затем он сказал своему другу:

— Это глупость. Мы не можем держать ее здесь. И почему мы сидим тут? Наши друзья сражаются и погибают. Мы нужны там.

Первый, стиснув зубы, покачал головой, не отрывая взгляда от настоятельницы. Его товарищ перенес вес на другую ногу — почти неощутимое движение, позволившее ему отодвинуться немного назад. Услышав шорох, первый вопросительно повернулся к нему.

— Я ухожу, — сказал тот.

— Ты не можешь. У нас приказ.

— Ну тогда оставайся. Если меня убьют, мне будет все равно, что скажет Эмсо. Если меня ранят, он будет переживать за меня. А если со мной ничего не случится, то мне не придется говорить всем, что я пропустил сражение, охраняя безобразную старуху и сопливую девчонку.

Глаза настоятельницы сузились. Она хранила молчание, и лишь бившаяся на виске жилка выдавала ее волнение.

Охранник убежал. Безответные крики его товарища отозвались эхом. Оставшийся Волк сказал настоятельнице:

— Ты погубила его. Эмсо будет все равно, что ты ему скажешь. Тебе должно быть стыдно.

Со стоном привалясь к стене, Джалита неожиданно упала на четвереньки, тужась и кашляя. Ее вырвало на пол, прямо перед настоятельницей. Пожилая женщина отскочила с визгом, приподнимая рясу. Джалита, стоя на четвереньках, продолжала кашлять и плеваться, ее волосы безвольно свисали вниз. Растрепанная, неуклюжая, она отодвинулась назад от

этого месива.

— Они убьют меня. Изнасилуют. Я не смогу этого вынести. Не позволяй им схватить меня. — Затем, с трудом дыша, она через силу обратилась к охраннику: — Воды, пожалуйста. Горло. Очень больно.

Волк быстро отстегнул свой кожаный пояс с фляжкой и, наклонившись, подал ей. Машинально протянув руку, Джалита нащупала фляжку и схватила ее. Она глотнула, затем прополоскала рот. Судороги возобновились, и она протянула фляжку обратно, не в силах поднять слабую, дрожащую руку. Волк наклонился, чтобы взять ее.

Он мог бы заметить кинжал в ее левой руке, вонзившийся в его незащищенную шею. Но и тогда у него не было ни малейшей возможности уклониться. Волк судорожно выпрямился, зажимая зияющую рану. Кровь сочилась через пальцы. Все еще живые глаза тупо смотрели, не веря в случившееся.

Поднявшись, Джалита отскочила к стене, сжимая кинжал в левой руке, готовая защищаться. Правой она подняла фляжку, чтобы прополоскать рот, не сводя взгляда с едва живого воина.

Невероятным усилием молодой Волк сделал шаг к настоятельнице, умоляюще протянув окровавленные руки. Его движения были слабыми и неуверенными. Безо всякой надежды юноша попытался сделать еще один шаг. Падая, он ухватился за рясу настоятельницы, оставив на ней кровавое пятно.

Та отшатнулась назад, уставившись на бездыханное тело у ее ног.

— Можешь оставаться здесь, если тебе это нравится. — Отбросив в сторону фляжку, Джалита бросилась вниз по коридору. Подумав, она наклонилась, чтобы забрать топорик убитого воина. Вытерев кинжал о его одежду, девушка засунула его обратно в рукав.

Настоятельница поспешила за ней.

Снаружи царил хаос. Открыв дверь, они попали прямо в гущу сражения. Повсюду кричащие и ругающиеся люди убивали других и погибали сами в отсветах занимающихся огнем зданий. Сделав несколько шагов в ночь, настоятельница остановилась, закрыв руками уши. Повернувшись, она исчезла во тьме.

Со стены раздался голос Эмсо, перекрывающий гул сражения.

— Джалита! Сюда!

Прямо перед собой Джалита увидела Волка, до половины воткнувшего свой топорик в воина из людей Ондрата. Крик умирающего погнал ее к лестнице, ведущей на стену. Не успев забраться туда, она уже летела, отброшенная ударом, к каменной стене — Эмсо прикрыл ее своим телом. Джалита прокляла свой выбор: у Эмсо осталось слишком мало защитников, и их уже теснили с лестницы. Во всяком случае на земле было чуть безопаснее; атакующее подразделение Волков добилось какого-то успеха, вытесняя нападавших Скэнов и воинов Ондрата из большого зала. Неясное движение позади сражающихся мужчин привлекло внимание Джалиты. Она увидела Избранных, в испуге столпившихся у бокового входа в замок. Она была уверена, что Нила среди них, а высокая Жрица, раздающая всем указания, была не кто иная, как Сайла.

Обернувшись, Джалита увидела Домела, лежащего у стены со связанными руками и ногами. Притащивший его офицер лежал рядом со стрелой в груди. Домел зловеще улыбнулся Джалите. На его лице читалось торжество.

Слова, которые он прокричал Джалите, потерялись в реве сражения. Пробиваясь вдоль стены следом за Эмсо, Джалита увидела, что Скэны уже забрались на стену и ее последние защитники почти вытеснены с лестницы.

Смерть или плен были неизбежны.

Джалита выскочила из-за спины Эмсо, думая бежать к лестнице. Вооруженные Волки преградили девушке путь, не обращая внимания на ее сопротивление. Торжествующий клич Скэнов возвестил победу.

Над всем этим хаосом прогремел голос:

— Не убивайте женщину! Не убивайте ее!

Лорсо.

Разум Джалиты обострился до предела. Ее сердце сжалось. Она не могла дышать.

Пока она не поняла: все так просто.

Всмотревшись в сражающихся перед ней людей, девушка разглядела Эмсо и позвала его:

— Эмсо! Я здесь!

Он бросился к ней. Джалита ухватилась за протянутую ей руку. Развернувшись и став на одно колено, противопоставляя мощи грузного воина вес своего тела, она резко перекинула его через себя. Багровое удивленное лицо Эмсо промелькнуло перед ней, исчезая где-то внизу, и она изо всех сил закричала:

— Лорсо! Помоги мне! Я здесь, Лорсо! Спаси меня!

Встревоженные Волки обернулись. Кто-то закричал:

— Эмсо упал! Она столкнула его!

Лорсо стремительно бросился к ней. Он перепрыгнул через пролом в перилах, сбросив на ходу замахнувшегося на него топором воина.

Волков оттеснили. Оставшиеся в живых прыгали со стены вниз. Схватив Эмсо, они оттащили его от стены и, защищая своего военачальника, встали полукругом.

Над стеной повисло зловещее затишье. То тут, то там еще возобновлялись отдельные поединки. Рыча, как животные, люди уничтожали друг друга, скрестив металл с металлом. Отряд Волков пробивался к воротам, тесня солдат Ондрата и Скэнов. Их силуэты быстро растворялись в темноте.

Стоя там, где только что кипело сражение, Джалита говорила то, чем надеялась спасти себе жизнь:

— Я знала, что ты придешь. Я говорила Слезам Нефрита: «Лорсо не даст мне погибнуть среди всех этих людей». Она заставила меня пойти сюда. Я не могла рассказать ей о нас, но я сказала ей, что остаюсь со Скэнами навсегда. Слезы Нефрита приказала мне слушаться, угрожая мне и моей матери. Но я была уверена, что ты придешь. Поэтому я столкнула того воина со стены. Это был Эмсо, любимец Гэна Мондэрка. Я убила его ради тебя, мой Лорсо. Во славу Поработителя.

— Гэн здесь? Его жена и ребенок? Сайла? — Руки Лорсо сжимали ее горло.

Как только она качнула головой, Лорсо отпустил ее и вместе с одним из Скэнов сбежал вниз по лестнице, набрасываясь на Волков, которые, уворачиваясь, отпрыгнули в сторону.

Лорсо, подняв меч, собрался вновь возглавить бой. Но Джалита попыталась его остановить:

— У нас нет времени. Тебя предали. Волки из казармы будут здесь быстрее, чем ты сможешь убить Сайлу и Нилу. Есть кое-кто, кто нужен тебе гораздо больше, чем эти двое.

Лорсо остановился в замешательстве. Джалита продолжала:

— Человек, которого они называют Леклерком. Он колдун, но он слаб. Он слабый человек, Лорсо. Забери его к Слезам Нефрита. Заставь его колдовство служить нам. Я видела это, Лорсо. Порошок, который разрушает скалы. Стрелы, которые убивают голубым огнем.

— Голубым огнем? Как Жрец Луны?

Она кивнула. Переместившееся куда-то ниже сражение снова затихло. Вдалеке слышался рев переходящих в наступление воинов и отчаянный барабанный бой.

— Подошли Волки, как я тебе и сказала. Да, молния, как у Жреца Луны. У Леклерка есть и такое оружие. Поработитель заставит его отдать нам эту молнию.

На лице Лорсо проскользнула тень сомнения. Загадочно улыбнувшись, он закричал:

— Скэны, выходите из города! Скэны, все наружу! К лодкам!

Его люди мгновенно устремились к стене. Оставленные на поле сражения воины Ондрата просигналили тревогу. Те из них, кто попытался последовать за Скэнами, были безжалостно отброшены. Не понимая происходящего, Волки обрушились на растерянных солдат.

Взвалив Джалиту на плечо, свободной рукой Лорсо указал своим людям путь

отступления.

Несколько воинов Ондрата сражались до самого конца. Но большинство сдались очень быстро. Там, где только что шло сражение, все было охвачено безмолвием. Стоны раненых и умирающих постепенно стихали. То тут, то там раздавались голоса, зовущие друзей. Офицеры и начальники небольших подразделений раздавали приказания. По сравнению с тем, что происходило тут еще совсем недавно, теперь все погрузилось в летаргию. Казалось, все боялись даже шелохнуться, чтобы не нарушить это спокойствие.

Сайла и другие военные целительницы оказывали медицинскую помощь и отпевали умерших, наполняя тишину шепчущими, приносящими успокоение голосами.

Освободившись от связывающих его веревок, Домел подполз к краю стены, незамеченный среди человеческих тел.

— Эмсо, — позвал он осторожно.

— Я здесь. Кто это? — раздался через минуту слабый голос.

Домел улыбнулся. Это был тот вопрос, на который лучше всего было не отвечать.

— Ты можешь сражаться?

— Моя нога. Наверное, сломана. Они еще вернутся? Кто ты? — По голосу было ясно, что он почти узнал своего собеседника.

— Они собираются схватить вашего колдуна, Леклерка. Джалита ведет к нему Лорсо. Если можешь предупредить его, сделай это немедленно. Иначе все его способности будут обращены против тебя и твоего Гэна. Удачи. Ты хороший воин.

— Стой! Волки! Там на стене Скэн! Убейте его!

Домел скользнул через амбразуру, сбросив вниз одну из веревочных лестниц. Он был уже далеко и скрылся в ночи, прежде чем кто-либо мог его настигнуть.

* * *

Барон Ондрат медленно, почти незаметно, пробирался прочь из города. Перебегая открытое пространство возле городской стены, он похвалил себя за предусмотрительность. Ондрат даже улыбнулся, представляя себе, как его друзья бароны судорожно торгуются с рыбаками за место в лодке. Для жизни среди Скэнов потребуется кое-что, прихваченное с собой.

Он мерно раскачивался в седле своей лошади, пустившейся галопом.

Мешок золота смягчит кого угодно. Даже Скэнов. Кроме того, Скэны торгуют с Найонами. А Найоны любят золото.

Все умные люди любят золото. А еще умные люди никогда не умирают рядом со своими подчиненными.

Глава 84

Первой реакцией Тейт на отступление Скэнов было невероятное облегчение. Собрав последние силы, она вступила в бой с воином Ондрата, намеревавшимся защищать честь своего барона одной рукой. Срывающимся голосом Доннаси приказала ему сдаваться. Он ответил тяжелым ударом, вогнавшим конец ее мурдата в землю. В тот момент, когда мечи обоих противников были опущены, Тейт ударила воина головой в переносицу. Хрящ треснул. Толчок коленом в живот согнул солдата напополам.

Она медленно подняла меч. Удар плашмя пришелся ему чуть повыше уха и сопровождался звуком упавшего спелого арбуза.

Вконец обессилевшая, Тейт сползла по стенке вниз и вытянула ноги. Ее жертва была еще жива и издавала странные звуки. Тейт закрыла глаза.

— С тобой все в порядке?

Над ней склонилась встревоженная Сайла.

— Как нельзя лучше! Мы сделаем его в следующем раунде.

— Что-что?

— Ничего. Пытаюсь шутить; забудь об этом. — Доннаси подобрала под себя ноги, и Сайла помогла ей встать. — Просто я устала. Как наши люди?

— Много раненых. Много убитых. Всюду пожары — в аббатстве Фиалок, в замке.

— Пойду разыщу людей для насосов Леклерка. Где Эмсо?

— Собирает остатки войска, я так думаю. Я была очень занята и…

— Не смей оправдываться. Ты поддерживаешь нас всех на ногах, ты и твои Жрицы. Надо бежать — огонь не ждет. Увидимся.

Тейт отхлебнула большой глоток воды из своей фляги и поспешила к ближайшему насосу. Торопливо проверив шланги, она позвала на помощь. Волки, уже имевшие дело с этими машинами, возглавили группы для работы с другими насосами. Однако пламя, охватившее аббатство Фиалок и северное крыло замка, упрямо не поддавалось.

Доннаси продолжала разыскивать Эмсо. Образ старого воина, зовущего Джалиту, постоянно вставал перед глазами. Она пыталась не вспоминать этот крик, в котором слышалось гораздо больше, чем просто стремление защитить товарища. Тейт безрадостно отметила, что научилась тонко улавливать эмоциональный подтекст. Теперь еще оставалось научиться правильно на него реагировать.

Проходя мимо очередной работающей группы, она заметила знакомого Волка, как раз в этот момент уступившего ручку насоса своему товарищу, и поинтересовалась у него про Эмсо.

— Так ты не слышала? Он направил большой отряд на ферму Леклерка, приказав охранять ее. У него сломана нога; несколько Волков помогли ему в конюшне, и он ускакал чуть позже остальных. Мне он сказал, что до его возвращения главной остаешься ты.

— Почему же он не сказал об этом мне? Я сражалась с пожарами. Что, у нас не осталось охраны на стенах?

— Я выставил там людей — ты была занята… Их мало; это скорее наблюдатели, чем защитники. И многих уже нет.

— Ты хорошо поработал. Отдохни. Я позабочусь об охране. Теперь, когда я знаю, что Эмсо оставил меня командовать этой неразберихой, у меня это получится лучше.

Направляясь к стене, Доннаси оглянулась на пожар; кажется, его наконец-то удалось остановить. И самое главное, опасность уже не угрожала подвалам с оружием.

Мысль об этом заставила ее проверить собственную амуницию и прекратить раздумывать, зачем отослали боеспособный отряд. Вероятно, Эмсо все же понял, как важен Леклерк для Трех Территорий.

Это должно было рано или поздно произойти. Эмсо — замечательный человек, несмотря на все свои старомодные пристрастия. Она ускорила шаг, надеясь, что на этот раз Леклерк и Эмсо сумеют забыть разногласия.

* * *

Эмсо слышал победоносные крики Волков. Эти звуки разрывали ему сердце. Дурак. Старый дурак. Мерный стук лошадиных копыт жестко вторил его словам. Он не достоин жалости. Изменник не стоит жалости с того момента, как вступает на путь предательства.

Память возвратила его обратно на стену, где он прикрывал ту, что привела его к такому концу. Старого воина захлестнул стыд. Все было ясно и просто, когда он приказывал заключить ее в тюрьму. Но едва ей стала угрожать опасность, как он оказался беспомощным. Он должен был спасти ее, защитить.

Ондрат, конечно, прячется в своей крепости. Здоровой ногой Эмсо пришпорил лошадь и позволил себе напряженно улыбнуться. Не верилось, что Ондрат останется сражаться вместе со своими людьми. Как только поражение станет очевидным — или хотя бы вероятным, — Ондрат сбежит и отправится в свое убежище готовиться к переговорам. В этом не было сомнений.

Быстрая езда вызывала в сломанной ноге неприятные ощущения. Содержимое седельной сумки тоже следовало бы поберечь от тряски. Но сейчас важнее всего — убить Ондрата. На мгновение появилась неуверенность: справится ли он с Ондратом, стоя на одной ноге. Эмсо выпрямился в седле. Ондрат должен умереть; другого выхода не было.

Полная луна освещала стены крепости, чередуя полосы серебряного, серого и черного. Посередине зияли зловещим приглашением распахнутые ворота. В поселке не было видно ни одного огонька.

Всадник медленно продвигался вперед. Лошадь чувствовала его тревогу. Она мотнула головой, но больше ничем не выдала своего беспокойства. Эмсо мысленно поблагодарил ее.

Он въехал в ворота с обнаженным мурдатом наготове, припадая к лошади и сливаясь с ней в темноте. Ни оклика, ни звука шагов. Непонятный шорох донесся из какого-то здания. Казалось, оставшиеся здесь забились в норы, как мыши, при его приближении.

Дверь замка тоже оказалась открытой и лишь тихонько вздохнула на громоздких петлях, поддетая кончиком мурдата. Воин спешился, едва сдержав крик от боли в сломанной ноге. Привязав лошадь и сжав в руке мурдат, он, проклиная свою неуклюжесть, на одной ноге прыгнул через порог.

В очаге догорали последние красные угольки. В дальнем кресле перед камином сидел Ондрат. На его коленях поблескивал меч. Эмсо быстро продвинулся вперед, используя мурдат как опору, и остановился напротив камина, балансируя на одной ноге.

— Вижу, ты ждал меня. А я боялся, что ты убежишь. Встань, барон, или умрешь на месте!

— Слишком поздно, — ответил из темноты бестелесный голос. — Мне он тоже был должен. Я подоспел первым.

Эмсо с трудом удержал равновесие.

— Домел? Это ты?

— Да, — донеслось из полумрака. — Если бы ты внимательнее смотрел по сторонам по дороге сюда, то заметил бы двух мертвых стражников у ворот и человека, лежащего слева от входа. Ты должен быть мне благодарен. Прыгая на одной ноге, ты не ушел бы ни от одного из них.

Стараясь сдержаться, Эмсо лишь чуть взмахнул мурдатом.

— Если тебе не нравится мой способ передвижения, подойди сюда. У нас с тобой свои счеты.

Домел бесшумно материализовался.

— Понимаю твои чувства. Даже лучше, чем ты думаешь. Я помогу тебе, если ты так хочешь. Ты калека, и я убью тебя.

— Может быть. Это не важно.

Подняв меч, Домел указал им на бездыханное тело барона. В красноватых отсветах тлеющих углей сталь казалась живой.

— Убить кого-то вроде Ондрата — это правильный поступок. Одному из нас убить другого — или друг друга — уже очевидная глупость. Мы оба, покрыв себя позором, мучаемся раскаянием. Поэтому я и убил Ондрата. Он был частью моей подлости.

— Так же, как и моей. И ты, кстати, помог им меня опозорить.

Домел рассек мечом воздух, голос его стал резким и сухим.

— Не станешь же ты утверждать, что идея избавиться от меня, раз уж проблемы Гэна Мондэрка решены, принадлежала не тебе? Или выступление Скэнов переменило твои планы? Если бы не выходки той юной особы, ты бы отослал меня обратно к Лорсо или придушил, как цыпленка.

— Вполне возможно.

Тяжело дыша, Домел сделал шаг вперед.

— Если ты считаешь, что должен сразиться со мной, — не стану тебя разочаровывать. Мои цели иные. Я никогда не смогу вернуть свое доброе имя и честь, но могу сделать так, чтобы меня никогда не забыли те, кто отнял их.

— Интересно, что ты собираешься предпринять? Если победишь меня?

— Я не хочу побеждать тебя. Помоги мне.

Горькая усмешка скривила губы Эмсо. Он тяжело прислонился к камину.

— Помочь тебе? В Преисподней?

— Точно.

— Что это значит? — Усмешка Эмсо медленно погасла.

— Каждый на Трех Территориях услышит о том, что Джалита перехитрила тебя. — Не обращая внимания на неожиданно поднявшийся мурдат, Домел спокойно отошел к Ондрату. Отпихнув в сторону мертвую голову, он устроился на подлокотнике кресла. — В отличие от тебя я собираюсь умереть, сражаясь с причиной всех моих бед.

— Ты имеешь в виду меня? Или Гэна?

— Много о себе воображаешь. Я имею в виду свой народ. Скэнов.

— Не верю.

— Тогда послушай. Флот Скэнов собран сейчас в нашем главном порту. Полагаю, Лорсо организовал этот рейд для захвата Джалиты. В этом случае основная атака должна вот-вот начаться. Я намерен нанести этим подлецам серьезный урон, лишить Скэнов их славы, как они лишили меня чести.

Опустив оружие, Эмсо задумчиво потер подбородок.

— Гэн рассказывал об одном обычае, который он называл Путь Чести. Воин возвращает честь, отправляясь в смертельный поход к врагам племени. — Домел хранил молчание, и Эмсо тяжело вздохнул. — Мы с тобой — пара старых дураков.

— Тогда я умру как храбрый дурак. Отомщенный.

Эмсо вложил мурдат в ножны.

— Если не ошибаюсь, у тебя приготовлена лодка?

Вставая, Домел подтолкнул тело барона кончиком меча.

— У него. Но теперь она ему не понадобится. — Спрятав оружие и поспешив на помощь Эмсо, он заметил, кивнув в сторону его ноги: — Сломана? — Вместо утвердительного ответа тот хмыкнул. — В конце концов, перехитрившая тебя была молода и красива. Моя же гадка настолько, что лучше бы утопить не глядя.

Опираясь на плечо Домела, Эмсо проговорил:

— Хотел бы я встретиться с тобой при других обстоятельствах. Похоже, мы могли бы подружиться.

Тон Домела оставался прохладным.

— После того как Скэны с нами покончат, у нас будет много времени, чтобы познакомиться поближе.

Внезапно остановившись, Эмсо развернулся и запрыгал обратно к камину. Зачерпнув лопатой для золы угли из очага, он высыпал их возле деревянной стены. Домел изумленно наблюдал за ним и, сообразив, что здесь затевается, добавил туда же дров и щепок для растопки. Голодные язычки пламени быстро разрастались. Через мгновение ярко вспыхнули бледные потрепанные знамена, покрывавшие стену. Огонь жадно накинулся на ветхую ткань, и вскоре перед ними было только пламя.

Глава 85

Гэн наблюдал за Налатаном и Конвеем, спешившими к нему с разных сторон.

— Как люди? — поинтересовался он, едва те приблизились.

— Плохо, — ответил Налатан. — Все измучены, Мурдат. Нам нужен отдых.

— Согласен, — хрипло, еще не отдышавшись, подтвердил Конвей. — Люди с трудом держатся в седлах, словно пили без закуски. Если не сделаем привал, то от нас будет мало толку, когда достигнем Олы.

— Неожиданность нашего появления перевесит это. Только мы знаем о своей усталости.

Не было сказано ни слова о том, что, возможно, Скэны уже подавили сопротивление Олы. Но эта мысль внезапно пронзила всех троих. Поход, начавшийся как внезапный марш-бросок, оборачивался испытанием на выносливость. Без запасных лошадей, почти без еды, делавший привалы, лишь когда сон выбивал воинов из седла, отряд полностью утратил свою боеспособность.

Гэн попытался поднять настроение:

— В конце концов, к нам движется подкрепление. Добровольцы от Людей Реки уже недалеко.

Успеха попытка не имела. Заговорил Конвей:

— Люди на близлежащих фермах должны хоть что-нибудь знать. У меня есть предложение. Луна уже взошла. Мы находимся недалеко от фермы Леклерка. Он там, если не случилось чего-нибудь действительно серьезного. Если Леклерк скажет, что замку угрожает опасность, мы поторопимся туда. Если же нет — хорошенько выспимся и выступим утром. Потеряв совсем немного времени, мы войдем в Олу свежими и готовыми к действиям.

Идея витала в воздухе: Гэн как раз раздумывал об этом накануне вечером. Укрывшись от обессиливающего холода, люди взбодрятся, а горячая пища после нескольких часов сна вернет их к жизни. Но вот это «совсем немного времени»…

— Если Скэны приближаются, то они или уже здесь, или не появятся до завтрашнего вечера, — предположил Налатан. — Луна стоит высоко. В их интересах начать наступление в глубокой темноте, чтобы подойти к нам незаметно; но во время самого сражения им нужен лунный свет — управлять атакой или отступлением, если понадобится. Мы все это понимаем.

Гэн оборвал его:

— А что, если Скэны атакуют замок, пока мы в пути? Леклерк может об этом еще ничего не знать.

— Тейт сообщит ему, — убежденно возразил Конвей. — Луис и Кейт хорошо владеют громовым оружием.

Подумав несколько секунд, Гэн кивнул.

— Поворачиваем на ферму Леклерка. Я решу, что делать дальше, поговорив с ним.

Через несколько минут Гэн неожиданно натянул поводья; Налатан и Мэтт последовали его примеру. Осторожный свист Гэна остановил передних. Привстав в стременах, он прислушался. Налатан замер, приложив руку к уху. Конвей, по остроте слуха заметно уступавший спутникам, быстро потерял терпение и потребовал объяснений.

— Громовое оружие. Два выстрела. — Гэн вопросительно оглянулся на монаха, и тот подтвердил его слова.

Второй свист Гэна сплотил вокруг него тесную группу — сорок два воина. Все еще стоя в стременах, он обратился к ним:

— На ферму Луиса Леклерка напали. Мы направляемся туда. Тот, чья лошадь пала, движется за нами пешком. Кто чувствует себя не способным сражаться — прямо сейчас спешивается и передает своего коня другому.

Послышался молодой возмущенный голос:

— Мы сами сейчас упадем! Не будем терять времени!

Гэн поблагодарил ночь, скрывшую вспышку возмущения от явного нарушения субординации, которая сменилась смущением и благодарностью.

— Отличное намерение… и плохой язык. За мной и да хранит нас Вездесущий!

Тишина нарушалась лишь грубыми окриками, подгонявшими измученных, едва переводящих дыхание лошадей.

Вскоре посеребренные лунным светом стволы деревьев окрасились оранжевыми отблесками.

— Пожар, — прошептал Конвей.

Налатан, отвязав щит от седла, вытащил меч и проверил нож на поясе. Конвей в свою

очередь зарядил «вайп» и «буп». Впереди Гэн уже сжимал в правой руке мурдат.

Держась за Налатаном, Конвей свистнул собак. Прихрамывая, Карда и Микка пристроились по бокам от него, слишком изнуренные, чтобы поднять головы, когда Гэн кликнул Шару и Чо.

Выскочив на опушку леса, отряд замер в растерянности.

Домик Леклерка сгорел уже почти дотла; столб дыма и гари, поднимавшийся в небо, закрывал звезды. Пламя пожирало мастерские. В воинственных криках Скэнов Волки слышали злобное ликование. Заметив возле одной из мастерских вспышки оружия-молнии, Гэн круто развернул коня.

— Ты! Скачи что есть мочи в Олу за подмогой. Быстро! — И уже более спокойно обратился к оставшимся: — Пламя высветит Скэнов. Я насчитал по крайней мере сорок человек. Чем меньше их останется, тем лучше. Удачной охоты! — Он исчез за деревьями.

Конвею хотелось броситься за ним в галоп. Крик безнадежности застрял в горле — слишком далеко! Лошади упадут замертво прежде, чем достигнут фермы. Он чувствовал, как дрожат ноги его скакуна, и видел взмыленные морды остальных лошадей.

«Хорошо, если мы успеем сделать по одному меткому выстрелу до того, как окажемся на земле, — подумал Мэтт. — Удачная охота, что ни говори».

Громкие возгласы прервали его размышления. Впереди промелькнул отряд вновь прибывших Скэнов, спешащих к ферме напрямик через поле. Конвей сжал зубы. Их превосходство только умножается.

По сигналу Гэна воины построились в шеренги. В любой другой ситуации сцена выглядела бы комично: лошади спотыкались, всадники шатались в седлах, и ряды колыхались, словно пшеница под ветром. Гэн скомандовал перейти на легкий галоп. Неровные силуэты Скэнов на фоне огня казались нереальными.

Новая команда перевела отряд на рысь. Две лошади, натолкнувшись друг на друга, повалились на землю. Один из воинов, поднявшись, попытался бежать. Второй оказался под лошадью, бившейся в конвульсиях. Еще одна лошадь, упав на колени, сбросила своего седока.

Не помня себя от ужаса, Конвей дико закричал, когда Скэны снесли двери мастерской. Раздался одиночный выстрел, показавшийся ему каким-то слабым и обреченным.

Все ощутимей жар полыхающих строений. Гэн перевел Волков в галоп, призывая держаться в тени. Забыв обо всем на свете, Конвей ожесточенно стегал своего коня в отчаянной попытке успеть на помощь друзьям. Но изнуренное животное, хрипло втягивая воздух, едва поспевало за остальными.

Ржание упавшего со сломанной ногой коня встревожило ближайших Скэнов. Но в следующее мгновение Волки уже настигли их, срубая людей, как сухие ветки. Мэтт, сопровождаемый взбесившимися Кардой и Миккой, устремился сквозь это месиво к дальней стороне постройки.

Поливая приближающихся Волков градом стрел, из-за пожарища появился новый отряд Скэнов. Из мастерской выскользнула группа Скэнов. Четверо из них несли тело.

Только одно. Выкрикивая имена друзей, Мэтт в очередной раз пришпорил лошадь. Измученное животное, сделав последнюю попытку скакать быстрее, полностью выдохлось. Качаясь на широко расставленных ногах, лошадь просто остановилась, опустив к земле морду, покрытую пеной и потом.

Соскочив на землю, Конвей выстрелил в группу, несущую пленника. Сейчас она огибала лучников, стремясь к спасительному леску, за которым виднелось море.

Налатан, тоже потерявший коня, остановил готового броситься в погоню Конвея, ухватив его за плечо. Мэтт попытался вырваться, но монах лишь крепче сжал его руку, не обращая внимания на предупреждающее рычание возбужденных собак.

— Полегче, Мэтт Конвей. Эти стрелки убьют тебя и твоих собак прежде, чем вы сумеете приблизиться. Взгляни налево: оставив несколько человек вести ответную стрельбу, Гэн отправил остальных в обход лучников.

— Там пленник!..

— Вижу. Пойдем. Мы обойдем их справа. Держи себя в руках.

И, не дожидаясь возражения или согласия, Налатан двинулся вперед, пригибаясь к земле и прикрываясь щитом. Он выглядел бы смешным, если бы не скорость передвижения. Конвей старался не отставать, держа собак рядом.

— Используй оружие-молнию только в крайнем случае. Наше главное преимущество — бесшумность, — тихо обронил монах.

Лесок за домом Леклерка неожиданно закончился обрывом. Скэны ожесточенно сражались, прикрывая отход отряда, захватившего пленника. Опытные воины, они подпускали людей Гэна поближе к себе, а потом рубили мечами из-за деревьев. Маскируясь в ямах, они протыкали насквозь своих врагов, слишком измученных, чтобы быть внимательными.

Несмотря на усталость, Налатан и Конвей, не желавший уступать монаху ни в скорости, ни в осторожности, являли собой смертоносную силу. Скэны гибли под точными быстрыми ударами меча и штыка.

Однако вскоре успех Скэнов стал очевидным. Оставшиеся в живых Волки сосредоточились на одном из пологих склонов, ведущих к воде. Залитые ярким лунным светом, недалеко от берега качались на волнах четыре судна. Скэны, скрываясь среди выброшенного на берег плавника, открыто насмехались над своими топчущимися наверху врагами.

Тем временем немногочисленная группа Скэнов пробралась через нагромождение бревен, и теперь ее отделяла от кромки воды только узкая полоса освещенного луной пляжа.

— Пленник наверняка у них, — нетерпеливо проговорил Конвей. — Они вот-вот уйдут. Нам пора.

Ему ответил угрюмый Гэн:

— У нас одиннадцать раненых. Даже с твоим оружием, даже с собаками все, что мы сможем сделать, — это погибнуть, убив нескольких врагов.

Чувство бессильной ярости охватило Мэтта, вызывая невыносимую боль. От напряжения побелели костяшки пальцев, сжимавших оружие.

— Скэны пришли за Леклерком и Бернхард, прослышав о том, что они строят, об оружии, которое они делают. Если дадим им уйти, мы обречены. Поверь!

— Мы не можем спасти твоего друга, — устало повторил Гэн. — Лучше вернемся назад и поищем остальных, а заодно и Сокровища Врат, если они не сгорели.

Эта мысль пронзила сознание Конвея огненной стрелой: он совершенно позабыл о книгах. Именно у Леклерка хранилась красная записная книжка со списком пещер. Если она сгорела, последняя связь со старым миром потеряна навсегда.

Так много знаний. Последний шанс.

— Я спускаюсь туда. Что бы ни случилось, хуже уже не будет.

В следующую секунду его остановил Налатан.

— Я лучше справлюсь с этим. А ты со своим громовым оружием прикроешь меня и поможешь добраться до похитителей. Каждому свое.

— Я не могу пойти на это. Тейт…

— …есть Тейт. А я — есть я.

Слова монаха не оставляли возможности для дальнейших препирательств. Невидимкой он устремился вниз.

Глава 86

На взмыленной лошади примчался взъерошенный Волк.

— Где Черная Молния?! Она им нужна! — прокричал он.

Стоя на крыше замка, Тейт наблюдала за людьми, заканчивающими борьбу с огнем. Услышав голос Волка, она подбежала к самому краю.

— Скэны атаковали ферму Леклерка. Он послал меня за тобой.

Тейт все поняла. Джалита. Это она рассказала Скэнам — своим Скэнам — о Леклерке и Бернхард, об их изобретении и оружии. Глядя на юг, Тейт старалась забыть зарево пожара, бушевавшего всю ночь, но видение не исчезало.

Домчавшись до своей комнаты, она схватила снаряжение. Мозг напряженно работал. Джалита понимала реальную силу Леклерка. Она знала о книгах, знала, что построенное Леклерком и Бернхард один раз можно построить снова. Тейт была уверена, что самым ужасным последствием рейда станет не уничтожение необходимого для обороны оружия, даже не гибель многих и многих молодых Волков, а утрата знаний.

Схватив дельтаплан и бормоча на ходу: «Что там еще новенького?» — Тейт побежала вниз. Наполнивший здание дым разъедал глаза и легкие. Выйдя наружу и закашлявшись, она подозвала всадника.

— Скажи точно — что случилось?

— Леклерк приказал нам занять оборону у обрыва, потом отступить. Скэны были уже на берегу, когда мы добрались туда. Четыре акульих челна. Но там не только экипажи. Мы с боем прорвались обратно к ферме. Их там слишком много, Тейт.

— А Эмсо ранен?

— Он не ездил с нами.

Эта новость заставила Тейт забыть о страхе и о потерях. Ее жгло воспоминание об Эмсо, зовущем Джалиту.

Глупец. Жалкий глупец. Тейт хотелось заплакать, увидеть его мертвого и обнять в последний раз.

Посланник спросил:

— Ты идешь?

Тейт стряхнула с себя оцепенение.

— Я хочу еще кое-что сделать. Езжай к Восточным воротам. Найди там командира резерва Волков. Передай ему мое приказание немедленно идти на подмогу к Леклерку. И быстро пошли всадника к Волкам, преследующим повстанцев. Пусть они вернутся в город. Повтори.

Воин без ошибки повторил. Тейт хлопнула его коня по крупу.

— Давай!

Прежде чем всадник успел развернуться, Тейт уже звала Ланту, Картер и Анспач. Когда они прибежали, Тейт бросила:

— Это дельтаплан. — Она не обращала внимания на изумленные лица обеих подруг. — Я хочу, чтобы вы пошли со мной. У меня нет времени спорить с теми, кто захочет назвать меня ведьмой, домовым или кем-нибудь еще. Вы поможете мне собрать его?

— Зачем? — удивилась Картер.

— Скэны атакуют Леклерка. Они пытаются похитить его и Бернхард. С воздуха я смогу расстрелять мошенников.

Анспач покачала головой.

— Только не в темноте. Ты не сможешь этого сделать. Это сумасшествие. Тебя подстрелят с земли.

— Может быть. Но я сделаю все, что в моих силах. Этот дельтаплан довольно надежен.

— Ты хочешь умереть? — Картер покосилась на Анспач. — Ты убьешь себя. Что, если изменится ветер? Ты даже не знаешь его направления.

Тейт быстро сообразила, вспоминая направление дыма.

— С северо-запада. — В ее голосе сквозило самодовольство. — Мы теряем время!

— Пойдем. — Ланта побежала за лошадьми. Тейт быстро догнала ее. Картер и Анспач обменялись нерешительными взглядами, прежде чем последовали за ними.

Следуя совету Ланты, они поскакали вдоль берега в южном направлении. Иногда препятствия заставляли их удаляться от берега, вызывая некоторую задержку, но желание Тейт непременно найти обрыв, чтобы взлететь на дельтаплане, позволило им быстро

определиться с маршрутом. Они услышали звуки сражения задолго до того, как смогли хоть что-то разглядеть. Вскоре показались акульи челны, застывшие в освещенной светом луны воде. Решив, что они подошли к нужному месту, Тейт погнала лошадь вверх по размытому склону. Земля крошилась под копытами коней, склон был слишком крутой. Женщины спешились и потащили тяжелую ношу на себе. Колючий кустарник ранил им руки, торчащие из земли ненадежные камни обрушивались под ногами. Но они упорно карабкались вверх.

Разложив перед собой части дельтаплана, они поняли, что трем женщинам, к тому же абсолютно не представляющим, как это делается, будет непросто собрать его при тусклом свете луны. Но и эта трудность осталась позади.

Внизу на побережье кто-то командовал голосом, похожим на рев быка:

— Акульи челны! Выслать маленькие лодки! Держитесь подальше от берега! Они не смогут послать на нас молнии — побоятся за жизнь пленника.

— Пленник. — Анспач произнесла то, о чем со страхом подумал каждый. — Только один.

Тейт поторопила:

— Мы можем спасти его, кто бы он ни был. Быстрей, быстрей.

Они подняли треугольное крыло. Тейт проверила ремни, состояние ткани, перекладину.

— Это похоже на большую птицу, расправляющую крылья, — сказала Картер. — Ты сможешь сделать это, Доннаси. Я знаю, ты сможешь.

Ланта и Анспач поддержали ее.

Между краем леса и откосом была узкая полоска молодой поросли, достаточно широкая для дельтаплана.

— Мне надо бежать на север, чтобы попасть в ветер, — сказала Тейт.

Ее прервал ружейный огонь. Все посмотрели на юг. Скрытый растущими на откосе деревьями, видимый только по слабым вспышкам выстрелов, кто-то стрелял по берегу.

Яростный, резкий воинственный клич разорвал ночь. Тейт замерла, сжав кулаки.

— Нет, нет, Налатан, не надо. Нет. — Ее голос был полон покорности, вины и мольбы.

Яростные крики кипели в ночи. Зазвенел металл, ни на что не похожий звук удара меча о меч. Человек закричал. Его вопль боли был заглушён звоном и скрежетом стали о сталь, и вновь кто-то закричал. После этого характерные звуки поединка на мечах стихли.

Затем страшное молчание было разорвано пронзительным криком Налатана:

— Где этот трус Лорсо? Неужели он так быстро удрал?

Хлопнул «вайп».

Налатан снова закричал:

— Лорсо! Мой друг из оружия-молнии только что убил еще одного из твоих людей, прятавшегося в деревянном форте. Они не могут помочь тебе. Давай покажи им, какой ты мужчина. Если только сможешь.

Тейт побежала, приподняв носовую часть дельтаплана, и оттолкнулась от края склона.

Полетела. Полетела!

Черный треугольник со свистом понесся над освещенным луной берегом. У Картер перехватило дыхание. Анспач стиснула ее в объятиях. Тут заговорила Ланта:

— Вверх. — Она хрипло выдохнула слово, как бы отдавая приказание крошечному силуэту дельтаплана. — Поднимись же вверх, ты, заколдованная тряпка. Не подведи ее. Ты не посмеешь!

Порыв ветра подхватил дельтаплан, когда Тейт повернула в южном направлении. Ткань громко захлопала. Анспач прошептала:

— Она возвращается.

— Ты сломаешь мне ребра, — сказала Картер. — Она это сделает. Сделает.

Теперь Ланта молчала, чувствуя, что если она и откроет рот, то только чтобы попросить удачи.

Благоприятный порыв ветра поднял дельтаплан Тейт именно в тот момент, когда это было нужнее всего. Налетев сзади, он придал ей скорость, вдавив в перекладину. Она

старалась разглядеть, что происходит на берегу. Где Налатан.

Было трудно что-либо разобрать. Свет луны разбивал черноту ночи, бросая причудливые блики на море и побережье, и окружающее казалось нереальным.

Маленькие лодки направлялись к акульим челнам. Одна повернула назад. Сверху Тейт слышала разговор с удивительной ясностью.

— Поработителя не оскорбили выкрики этих отбросов с берега! Воины Поработителя не умрут, как свиньи в загоне!

— Это ловушка, Лорсо. Они пошлют на нас молнии.

— Мы видели, что молнии могут промахнуться. Они не станут рисковать своим другом. — Маленькая лодка была уже почти на берегу. Из нее выпрыгнул человек. Другой побежал, чтобы встретить его в воде. Налатан.

Сверху схватка казалась Тейт иллюзорной, опасной игрой света и теней. Она смотрела и не видела — не могла видеть.

Она направила вниз нос дельтаплана, приближаясь к сражавшимся.

Мужчины были слишком близко. Рука к руке, по колено в мерцающей воде.

Слишком быстро. Тейт прикинула угол — слишком крутой. Она подняла нос дельтаплана, описав круг над морем. Опустившись ниже, она скользнула в направлении акульих челнов. Ее приближение отметили испуганные крики. Доннаси пролетела челны Скэнов, оставив позади себя хор воющих выкриков. Потом она спустилась так низко, что могла различить отдельные камни, вспыхивающие в лунном свете, как маяки, и помчалась над берегом, внезапно наполнившись радостной силой. Краем глаза Тейт заметила участившиеся вспышки выстрелов.

Трепет ткани и свист ветра казались экзотической неритмичной музыкой, прославляющей ее мощь. В стороне от Налатана и его противника с криком пробежал какой-то человек.

Воины бросились к морю. В маленькой лодке кто-то яростно греб к берегу, выкрикивая чье-то имя.

Один из сражающихся в поединке зашатался и отступил к берегу, потом упал на колени.

Налатан. Налатан.

Тейт была в этом уверена.

Враг поднял меч. Маленькая лодка была почти рядом с ним.

Сжимая мурдат, Тейт издала первобытный, полный ненависти клич. Человек, собирающийся убить Налатана, обернулся на крик. У Тейт еще осталось время удивиться его ярости — он не пытался уклониться, а стремился ударить видение, с быстротой молнии несущееся на него. Вытянувшись в струнку, Тейт нанесла удар, чуть не выронив мурдат из рук. Дельтаплан задрожал, как будто не зная, что делать дальше.

Она уже проносилась мимо, заваливаясь набок, глядя на черное, приближающееся море. На одно страшное мгновение у нее появилось ощущение, что эта пустота что-то требует от нее, как будто Тейт что-то у нее взяла и теперь должна заплатить.

Резко скользнув к земле, дельтаплан упал на сваленные бревна.

Бамбуковый каркас смягчил удар, и Тейт не получила серьезных повреждений. Выбравшись из обломков, она бросилась к месту сражения, выкрикивая имя Налатана.

Налатан откликнулся. Слышать его голос — это было прекраснее всего на свете. Только сейчас Доннаси вдруг поняла, что вокруг продолжается бой.

Гэн выкрикивал приказы. Волки эхом отвечали ему с утесов; это были немногочисленные, усталые выкрики, но они несли в себе радость победы. С моря доносились выкрики и раздраженные команды. Раздался звук выстрела. Тейт подумала о том, кто бы это мог быть. И кто был пленником? И был ли этот пленник еще жив?

Небольшая группа отступала к берегу почти по пояс в воде. Последние небольшие лодки были почти у акульих челнов. Повинуясь легким движениям весел, три челна уже повернули на север. Один дрейфовал, полностью покинутый. Разгоравшийся на его палубе

огонь освещал парус.

Подбежав ближе, Тейт заметила фигуру, поддерживаемую другими, в движущейся по берегу группе. Зовя Налатана, она побежала быстрее. Кто-то побежал ей навстречу, крича что-то в ответ, называя ее имя. Налатан.

Неукротимый воин, Тейт упала в объятия мужа и разрыдалась, как малое дитя.

Находившиеся поблизости раненые, изможденные, попробовавшие вкус битвы видели, как Налатан, этот беспощадный человек, тоже заплакал. Конвей с комком в горле заметил, что никто не засмеялся над подобной слабостью.

* * *

Наступил мрачный, холодный рассвет. Серое, промокшее небо скрывало горизонт. У подножия склона остатки погребального костра напоминали о месте упокоения умерших, среди которых уже не было врагов.

В центре группы, собравшейся на возвышении, догорал костер. Мужчины спали в неловких позах там, где их свалила усталость. Картер и Анспач медленно ходили между ранеными, подбадривая и успокаивая их. Всем нуждающимся уже была оказана помощь, и они настояли, чтобы Ланта пошла к своему мужу. Три семьи сидели теперь вокруг пламени костра вместе с Гэном, который наконец смог узнать обо всех событиях прошедшей ночи.

Гэн пробормотал невнятно, превозмогая усталость:

— Если Три Территории выстоят, этим мы будем обязаны только Леклерку… и тебе, Кейт Бернхард. Я вечно буду благодарить Вездесущего за ваше спасение.

Бернхард покраснела, положив свою голову на плечо Леклерку.

— Вот кого надо благодарить. Он заставил нас сложить все в его бункере и велел мне остаться там. Жаль, что мы потеряли несколько катапульт. Но если бы не предостережение Эмсо, нас бы застали врасплох. Волки, которых он послал, дали нам время спрятать остальное оружие.

На голове Леклерка белела повязка. Он слабо улыбнулся.

— Это была ночь героев. Вы даже не можете себе представить, что я чувствовал, лежа в лодке и зная, что стану рабом. Даже после того, как Налатан убил их вождя, меня бы увезли, если бы не вы. Я даже не знаю, как благодарить вас. — Несмотря на тяжелую накидку и жар костра, он сильно дрожал. Бернхард прижалась к нему. Леклерк благодарно и застенчиво улыбнулся.

Конвей напряженно спросил:

— А книги? Ты их тоже спас?

Вопрос оскорбил Бернхард. Она резко ответила:

— Они закопаны под полом бункера, защищенные даже от огня. Луис настоял.

— А красная? Она тоже там? — не сдавался Конвей.

Леклерк поднял голову.

— С остальными. Почему ты ею так интересуешься?

По правде говоря, ответ Конвея был продиктован страхом. Эта книга со списком мертвых людей и мест захоронений была почти талисманом. Она символизировала тех, кого Конвей почти не помнил и о ком он сожалел почти так же, как сожалеют о братьях, ушедших из семьи. Он пробормотал что-то, стараясь замять разговор.

Во время этого разговора Тейт повернулась в объятиях мужа, чтобы прошептать ему что-то на ухо. Она специально села с правой стороны. Правый глаз Налатана был всего лишь узкой щелкой. Словно отравленный цветок, красный кровоподтек обезобразил половину его лица. Тейт прошептала:

— Посмотри на Кейт и Луиса, сидящих так близко. Видишь, как они смотрят друг на друга? Они кое-чему научились. Похоже, Тан, мы станем свидетелями романа.

Он отстранение улыбнулся. Его голос сильно изменился из-за разбитой челюсти.

— Есть кое-что, о чем нам надо поговорить. Слухи. Обвинения. Когда будет время…

Она сжала его руку.

— Я знаю об этих сплетнях. Я люблю тебя. Только это имеет значение.

Налатан покачал головой.

— Из всех ответов, которые ты бы могла дать, на этот я даже не надеялся. Я не заслуживаю тебя.

— Я знаю.

Налатан даже не пытался сделать вид, что удивлен. Покорно вздохнув, он обратился к Конвею, который уже закончил свой разговор с Леклерком:

— Лорсо не погиб. По крайней мере, он был еще жив. Если бы его люди не приложили столько усилий, чтобы вытащить его, они смогли бы помешать нам освободить Луиса.

— Ты его не убил? — Тейт выпрямилась. — Я ведь ударила его, я думала, что ты… — Выражение лица Налатана остановило ее. Он отвернулся. Тейт могла бы поклясться, что заметила на его лице сострадание. — Что же тогда произошло?

— Его рука. — Налатан вытянул перед собой правую руку. — Она отрублена. Для такого человека это хуже, чем смерть.

— Хорошо. — Заметив удивление, Ланта пояснила: — Они зовут его «Поработитель». Сотни жизней, десятки тысяч рук — ничто не принесет ему больше боли, чем то, что с ним произошло. Если он придет в Церковь, я должна буду его простить. Но не раньше. Его жестокость живет в глазах всех моих осиротевших Избранных.

Леклерк тихо рассмеялся.

— Я понимаю. О, как я это понимаю…

Гэн встал. Его колени громко хрустнули. Он потянулся — захрустело и плечо. Все смеялись, когда из леса появились два человека. Молодой Волк, засыпающий на ходу, сопровождал другого, столь же уставшего человека. Волк сказал:

— Этот человек говорит, что он из племени Речных. Он был в Оле. Они послали его сюда.

— Я разрешаю тебе оставить караул. Можешь спать, — сказал Гэн Волку и взглянул на незнакомца.

Человек Реки резко вымолвил:

— Жрец Луны идет. Летучая Орда начала переправу через реку три — нет, четыре дня назад. Жрец Луны пообещал: когда луна потемнеет в следующий раз, человек с именем Мондэрк перестанет существовать.

Конвей заметил, как изменились лица его друзей. Гэн произнес:

— Даже если ему и его союзникам Скэнам удастся взять мою голову, они проиграют. Мое сердце будет жить в груди моих друзей, так же как и их сердца живут во мне. Теперь отправимся в Олу, вернем этого старого-дурака Эмсо, преследующего повстанцев. Он будет сожалеть, что пропустил драку здесь.

Обнимавшему Ланту Конвею показалось, что она вздрогнула. Но в чем он был уверен, так это в том, что Тейт старалась не смотреть в сторону Гэна.

Глава 87

Слезы Нефрита ждала, стоя на своем обычном возвышении.

Акульи челны Лорсо приближались. Прикрывая глаза рукой, Слезы Нефрита взволнованно считала. Одного не хватает. Сколько же тогда погибших? Сколько еще стали бесполезными инвалидами?

Повернувшись, она сделала знак рукой. У подножия ее ожидала команда с паланкином. Новый возница расставил рабов и повел их к вершине холма. Сидя наверху паланкина, расторопный, как белка, одетый в кожаную куртку и в кожаные штаны, он был очарователен. Возница со вкусом украсил свою щегольскую шапку радужными скорлупками. Кроме того, ему удавалось заставить работать на полную мощь свою команду из ленивых слизняков.

Слезы Нефрита видела это, когда разрешила юному шельмецу вести всю группу на

конюшню. Он был из тех, кто разбирается в породах скота. Взяв в руки хороший хлыст, он заставил рабов прыгать, как блох. У мальчика было будущее.

Из-за занавесей своего паланкина она наблюдала за маневрами кораблей. Лорсо командовал, стоя на носу, бледный и мрачный. Он тяжело прислонился к деревянной стойке. Все больше волнуясь, Слезы Нефрита разглядывала команду и воинов, собравшихся возле мачты. Все, даже занятые приготовлениями к швартовке корабля, смотрели на Лорсо с бледными от благоговейного трепета лицами. Холодный пот побежал у нее по спине.

Было что-то еще. Что-то прибитое к мачте. Кожаная сумка?

Резко откинувшись назад, она подала команду вознице:

— К моему дому. Быстрее.

То, что она видела, было какой-то подсказкой. Бог испытывал ее. Она должна, обязательно должна найти скрытый смысл в этих знаках.

Нетерпение заставило ее вновь приникнуть к окошку сразу же, как только она очутилась в своем доме, отодвинуть занавеску. Слезы Нефрита выглянула наружу и тревожно присвистнула. Лорсо был уже почти у дверей. Торопливо шаркая ногами, она добралась до кресла возле огня и упала в него. Старые острые кости уперлись в хилую плоть. Она злобно взглянула на вошедшего Лорсо, проворчав:

— Спроси разрешения войти в дом Женщины-Духа.

Лорсо невозмутимо отошел в сторону, чтобы пропустить Джалиту, пряча правую руку за спиной.

— Я вырос в этом доме. Он такой же мой, как и твой. — Джалита одарила Слезы Нефрита понимающей улыбкой.

У старухи заныло сердце и перехватило дыхание.

— Ты, предательница! Во имя Сосолассы, что ты сделала с моим сыном?

Лорсо холодно рассмеялся.

— Я знаю Сосолассу, мать. Может быть, даже лучше, чем ты. Он дал мне Джалиту и дал мне это. — Лорсо поднял вверх обрубок правой руки.

Округлившиеся глаза старухи закатились вверх, зрачки превратились в маленькую полоску. Джалита вскрикнула. Лорсо спокойно наблюдал. Сжав подлокотники кресла, Слезы Нефрита с трудом стряхнула с себя оцепенение. Слова звучали невнятно, заглушенные слюной.

— Скажи мне… Твоя рука… Объясни…

— Я осадил замок Гэна Мондэрка. С моими людьми я разбил его личную охрану, поднял с постелей его жену и друзей, сжег замок. — Он махнул изувеченной рукой. — Это ведьма. Черная ведьма атаковала меня, мать. Только меня. Она летела. Как летучая мышь. Я ударил ее по крылу. Она отняла мою руку.

Темные линии прочертили его лицо; глаза смотрели из глубоких, красных от дыма глазниц, но Лорсо говорил с твердой уверенностью. Слезы Нефрита не покидало ощущение, что покалечили сына, выполнявшего ее приказ, и подменили его этим сильным раненым человеком. Она спросила:

— Ведьма летала? Она прыгнула откуда-то?

— Летала. Сделала круг над морем, подлетела к берегу, ударила меня по руке, как летучие мыши нападают на насекомых. Все мои люди видели. Она спасла другого колдуна, человека, знающего магию.

— Гэн? Сайла? — Слезы Нефрита фыркнула. Она знала ответ. Она также чувствовала потребность унизить этого человека.

Лорсо спокойно сказал:

— Гэн был на юге, в походе. Я не знаю, где была Сайла.

Его ответ обеспокоил Слезы Нефрита даже больше, чем глупости о летучей мыши.

— Ты сказал, что Гэн был на юге. Где же он сейчас?

— Не знаю.

— А ты не знаешь, сколько пива потребовалось, чтобы ты и твоя команда увидели

летучую мышь?

Он напрягся.

— Хватит, мать. Я сказал тебе: теперь я узнал божество. Мы видели то, что мы видели. Черная Молния взяла мою руку. Спроси бога сама. Тот напиток и дым, помнишь? Посмотри на меня. Ты видела, чтобы человек с таким достоинством переносил подобную рану? Вот ответ: я то, что создала ты и наше божество. Полностью. — Отвернувшись от старой женщины, он посмотрел на Джалиту. Та улыбнулась ему. Это было лицо женщины-победительницы. Слезы Нефрита хорошо это знала — в свое время она тоже испытала это волнующее возбуждение плоти.

Но один вид этой победы вызывал у нее ненависть.

Опустошающая усталость охватила Слезы Нефрита. Казалось, что тепло домашнего очага вытянуло через трубу, оставив ей холод и пустоту. Она сказала Лорсо:

— Ты обманул меня. Набег не получил благословения.

Он улыбнулся. У Слез Нефрита перехватило дыхание. У него было такое выражение лица, которого она никогда раньше не видела.

— Ты благословила его еще тогда, когда послала меня поймать девушку, которую хотела воспитать так, чтобы та исполняла все твои приказания. Ты назвала ее «ядом». Ты, как никто другой, должна знать, что при использовании отравы часть ее может пристать к отравителю.

— Не пытайся заморочить мне голову, Лорсо. Я никогда не предлагала тебе совершить набег!

— Ты хотела, чтобы я отправился за ней. Ее миссия удалась. Самые близкие друзья Гэна Мондэрка не верят друг другу. Там открытый мятеж. Его Волки ослаблены, готовы к тому, чтобы их разбили. Ты хотела, чтобы она привела меня к Оле. Сейчас я твой сын более, чем прежде. Я сражался с летающей ведьмой и победил, как мне кажется.

— Ты обманул меня.

— Лучше сказать, что мы обменялись ложью. После этого мы снова сможем стать матерью и сыном, работать вместе. У нас двоих есть то, что мы хотим. — Он протянул поврежденную руку к Джалите. Она прижалась к Лорсо.

В темной комнате, благоухающей загадочными запахами, уставленной колдовскими принадлежностями, три разума ощупывали друг друга, прикасались, схватывались и отстранялись. Джалита нарушила молчание:

— Я женщина Лорсо. Я буду преданно служить ему. Я подарю ему радость или нежность и все, что он захочет. Я буду так же служить Слезам Нефрита.

Никаких условий. Никаких явных уловок. И, сказала себе Слезы Нефрита, ни следа правды. Однако слова были произнесены, и это был хороший момент для начала игры. Слезы Нефрита сказала:

— Скэны должны понять, что Сосоласса говорил с Лорсо напрямую, освящая этот набег. Лорсо пришлось принести в жертву свою правую руку, чтобы доказать свою преданность и силу божества. Он освободил Джалиту, мою помощницу, для меня. Она — это мой подарок ему. Лорсо — избранник божества. Поработитель должен править.

И снова этот всезнающий, уверенный взгляд на причину всех бед, лгунью и обманщицу Джалиту.

Слезы Нефрита почти не слышала, как попрощался Лорсо. Она махнула рукой, уже глядя на играющие язычки пламени в печи, и так и оставалась сидеть в задумчивости, пока тихий стук в дверь не вывел ее из этого состояния. Слезы Нефрита в ярости открыла ее, подняв руку для проклятья.

Это был юноша, ее возница. Удивление заморозило проклятья у нее в горле. Слова возницы были сбивчивы:

— Левый Передний носильщик. Он вывихнул лодыжку. Я заменил его. Я не смогу вести рабов завтра.

Тон, которым были произнесены слова, насторожил Слезы Нефрита. Юноша скрывал

свои настоящие чувства. Часть ее разума аплодировала его способностям; другая часть пыталась разобраться с тем, что она видела. Страдание? Разочарование? Нет, что-то другое. Она почувствовала, что ее гнев возвращается. Однако любопытство было сильнее.

— Почему ты не можешь вести?

— Я должен занять место моего отца, рыболова.

— Скажи отцу, что я хочу, чтобы ты был со мной.

— Он погиб во время набега Лорсо. Моя мать теперь одна. С нами. И все, что у меня есть, — это сестры. Мой отец не должен был уходить. — Последние слова были сказаны с поднятым вверх подбородком, твердым взглядом голубых глаз. И в самом деле вызов.

Слезы Нефрита провела костлявыми пальцами по его волосам. Хороший парень. Умный.

— Твое имя Бороссо?

Он подозрительно кивнул.

— Иди домой, Бороссо. Скажи своей матери, что о вашей семье позаботятся. Я хочу, чтобы ты работал здесь. Для меня. Все время. Ты понял?

Он снова кивнул. Она схватила его ухо пальцами.

— Когда я задаю вопрос, ты должен отвечать.

Слезы наполнили его глаза, маленькие блестящие капельки ненависти, благодарности и покорности.

— Да, я понял. — Не отклоняясь назад, не жалуясь.

Довольная, она отпустила его ухо.

— Тогда ступай. Мы будем делать замечательные вещи, юный Бороссо. Замечательные!

Закрывая за ним дверь, Слезы Нефрита радостно засмеялась…

Глава 88

— Дальше пойдем на веслах. — С этими словами Домел опустил парус. Покачиваясь на волнующейся глади залива Глотки, небольшой катамаран тотчас перестал слушаться руля. Домел бросил Эмсо в руки весло, приговаривая: — Работай, когда тебя не выворачивает наизнанку. И делай то и другое тихо.

Эмсо был слишком жалок, чтобы возразить. Мерно взмахивая веслом, он почувствовал неожиданное облегчение. Или, может, это была надежда — земля на горизонте казалась пределом всех мечтаний. Он чуть не рассмеялся вслух, предвкушая приближающееся избавление. От стольких вещей. Навсегда.

Когда они подошли к берегу, Скэн бесшумно спрыгнул за борт, слегка забрызгав при этом перевязанную ногу Эмсо. Домел уже оттолкнул катамаран, но Эмсо все еще сидел в нем, что-то нащупывая. Он вытащил пару седельных сумок и только после этого помог своему напарнику избавиться от легкого суденышка.

Эмсо выбрался на берег вслед за Домелом. Скрепя сердце, он не мог не отдать должное морской сноровке Скэна. Теперь ему предстояло оценить того в роли рейдера.

Точно так же, как Скэн мог убедиться в решимости Волка. Решимости бывшего крестьянина, бывшего вождя отрядов Волков. Эмсо пробормотал:

— Только потому, что я любил тебя, друг мой. Тот, кто тебя ненавидел, не смог бы причинить тебе столько боли.

Домел подошел поближе:

— Тебя все еще мутит? Что ты бормочешь?

— Это тебя не касается. Двигай.

— Я тебя, наверное, прикончу. Своими собственными руками.

— Ничего ты не сделаешь. Заткнись и показывай дорогу.

Домел схватил его за плечо, и Эмсо замер. Повернувшись спиной к свисающему над водой бревну, Скэн вполголоса приказал:

— Как только минуем это бревно, пойдем вглубь. Оттуда видна гавань и акульи челны, они стоят на глубокой воде. Их стерегут часовые-рабы, прикованные к своим постам. Их должно быть трое. Как только увидим ближайшего, ты его прикончишь. Я знаю, где двое остальных — их я беру на себя.

— Освободи их. Пусть они сражаются за нас.

— Сражаются? Они рабы.

— Пусть они умрут, сражаясь.

— Я не умираю вместе с рабами. В любом случае они знают, что происходит с теми, кто отказывается подчиняться. Или сопротивляется. Они все равно не станут сражаться.

— Обойдем их.

— Послушай меня. Им суждено умереть. Будем действовать быстро. Моим людям нужно время. Если рабы поднимут тревогу, мы вообще не сможем вывести челны из строя. Что с тобой? Они же всего лишь рабы, Эмсо.

— Они люди.

— Убей их, или ты погубишь себя. И меня.

Эмсо вздохнул, глянув на луну.

— Ну ладно, раз уж так надо. Хотя это и неправильно.

Они залегли в нескольких шагах от первого часового. Домел растворился в темноте, и Эмсо, несколько раз глубоко вдохнув, стал подкрадываться. Шелест прибрежных кустов от сильного бриза надежно маскировал его неуклюжесть. Сидящий охранник пошевелился, уставившись на освещенную луной поверхность воды. Эмсо нанес удар. Тяжелый металлический шар на рукоятке мурдата ударил охранника по затылку. Подхватив обмякшее тело, Эмсо зажал ему рукой рот.

— Ни слова. Один звук, и ты — покойник. Ясно?

Придя в сознание, охранник оцепенел. Он кивнул, круглые от страха глаза блестели.

— Я сейчас выломаю штырь, которым крепится твоя цепь. Присоединяйся к нам или беги прочь, но молча.

Тот снова кивнул. Медленно, осторожно Эмсо ослабил хватку на нижней половине лица охранника. Перепуганные глаза неподвижно уставились на него. Изогнувшись дугой, часовой отпрянул назад и попытался закричать. Раздался даже не крик, а скорее жалобный писк, остановленный мурдатом у горла. Эмсо навалился на часового, вмял того в скалистый берег. Они яростно боролись, под ними влажно хрустели камни, но часовой не оставлял попыток закричать. От черной в свете луны крови исходил легкий пар.

Наконец часовой затих, и Эмсо тяжело скатился с него. Домел лежал на расстоянии вытянутой руки. Он тихо произнес:

— А ты — больший дурак, чем я думал. Как по-твоему, почему некоторые из них сдаются, позволяя взять себя в рабство?

— Ты когда-нибудь заткнешься? Что теперь?

— Собери лодки. Отбуксируем их с собой. Эмсо не успел подняться, когда шум гальки заставил его обернуться. Домел тоже пригнулся, вглядываясь. У самой воды их окружили бродячие собаки. Животные выжидали. При слабом свете их нервное шевеление создавало впечатление единого целого. Сквозь рычание можно было различить напряженное подвывание. Эмсо рубанул мурдатом. Стая отступила, но две собаки остались стоять, пригнув головы и рыча. Они медленно пошли на остановившихся перед ними людей. Остальные пристроились за ними.

— Кровь, — сказал Домел. — Их раздражает запах.

— Сейчас я им добавлю. — Эмсо перекинул седельные сумки через левую руку так, что его кулак был спрятан в складках кожи. Выставив такой щит, он, не произнося ни слова, угрожающе надвигался на собак. Пара псов перед ним разделилась, остальные змейкой подтягивались вперед. В животе у Эмсо похолодело. Свирепая решимость животных лишала присутствия духа.

Вожак прыгнул, раскрыв полную сверкающих клыков пасть. Эмсо выкинул руку с

кожаной сумкой. Собака вцепилась в нее зубами и повисла, сдавленно рыча. Ударом сплеча Эмсо снес голову прыгнувшему на помощь второму псу. Как бы продолжая движение, он вонзил мурдат в висящего на седельной сумке. Остальные в ту же секунду исчезли в темноте. Домел буркнул:

— Хорошо, что ты захватил эти сумки. Зачем они тебе? — От возбуждения он заговорил почти в полный голос.

Эмсо осадил его:

— Потише. Крики поднимут всех твоих сородичей.

— Собаки все время дерутся и подыхают. Никто и ухом не поведет. Да здесь и некому нас услышать. Пошли, у нас есть работа. — Он протянул Эмсо козлиную шкуру, измазанную чем-то жирным. — Масло, — произнес Домел. — Дальше по берегу есть склад. Я заглянул туда. — Он забросил массивный тюк на плечо. Белоснежные зубы блестели. — Воск.

* * *

Домел стоял на палубе и улыбался. Всего акульих челнов было пять рядов, по пятнадцать челнов в каждом. Огонь пожирал первый ряд и уже принимался за второй.

Из трюма вылез Эмсо. Домел похлопал его по плечу.

— Они проснулись. Вслушайся в их вопли.

— Лодка готова? — Эмсо выглянул через борт. Домел кивнул. — Тогда в путь, — добавил Эмсо.

Постепенно пламя перекидывалось и на челны в других рядах. Огонь и ветер вздымали горящие обломки в воздух. Когда они падали на другой корабль, огонь вспыхивал с новой силой. Домел злобно рассмеялся. Эмсо бросил на него настороженный взгляд. Тот объяснит:

— Они говорят, что Домела больше не существует, даже имени такого нет. Пусть смотрят. И знают.

Скэны столпились у воды, тщетно пытаясь отыскать лодки, уведенные Домелом и Эмсо. Низко пригнувшись, те налегали на весла, чтобы поскорее добраться до темного западного побережья, подальше от толпы Скэнов.

Соскочив на берег, Эмсо и Домел возвращались, держась в тени и огибая по дуге небольшую бухту. Они одновременно остановились, вынимая оружие. Эмсо перекинул свои седельные сумки через голову, создав подобие щита, закрывающего верхнюю половину груди и спину. Домел стянул с себя одежду выше пояса, обнажив узор красно-черных татуировок. Когда толпа расступилась, освобождая путь для Слез Нефрита, Домел фыркнул и вышел вперед, туда, где было побольше света. Эмсо ковылял рядом, стараясь не ступать на перевязанную ногу и прогоняя боль.

Домел успел сделать несколько шагов, когда его наконец заметили. Первый же увидевший в ужасе выдохнул его имя. Другие зашумели, указывая на Домела. Остальные уставились, словно лишившись дара речи. Первоначальное оцепенение прошло, и толпу накрыла тишина. Воздух был пропитан испугом.

Домел шагнул вперед. Заглушая рев пламени, он прокричал:

— Старуха! Посмотри на меня. Ты говорила Скэнам, что божество уничтожило меня. Вот он я. Ты говорила им, что божество пошлет их за победой на акульих челнах. Вот они, подожженные моей рукой. Я, Домел, бросил вызов твоему божеству. Победил его. Посмотри на меня и признай свою ложь.

Эмсо придвинулся к Домелу:

— Только Домел знает мое имя. Никто другой здесь не посмеет его произнести.

Из толпы вылетела стрела, пролетев над головами пары воинов. Не успел затихнуть ее свист, как послышался рев Лорсо:

— Нет! Взять их живыми. Они оскорбили нас и наше божество. Они нужны мне живыми. Взять их!

Приказ Лорсо словно спустил доведённых до бешенства Скэнов с цепи. Они бросились

вниз, к берегу.

Эмсо запустил руку в переднюю сумку. Слева от него стоял Домел, вид его был ужасен. Подняв свой меч, он приставил его к горлу. Эмсо крикнул ему:

— Нас не возьмут. Я позаботился об этом. — Эмсо протянул товарищу один из двух предметов, похожих на затупленные зеленые металлические камни для пращи. Домел в недоумении уставился на них. — Тейт называет их гранатами. — Времени было в обрез. Показывая принцип действия, Эмсо выдернул кольцо, придерживая чеку. Домел повторил его движения. Эмсо сказал: — По моему сигналу отпустишь эту металлическую штуку. Не оплошай. Встретимся в Далекой Земле.

Спокойствие и уверенность Эмсо подействовали на Домела. Он зажал гранату в левом кулаке. Правая держала меч. Эмсо отковылял на несколько метров в сторону. На его лице застыла спокойная улыбка. По иронии судьбы колдовство чужаков, пришедших в Олу, должно сослужить ему последнюю службу. Если, конечно, эта странная металлическая штука сработает.

Словно буруны, Скэны рассыпались вокруг своих жертв. Они лишь отражали удары и уворачивались, не решаясь убить. Эмсо и Домел дрались насмерть. Вылетевшая из толпы кожаная веревка затянула вокруг них петлю. Меч Домела упал на землю. Эмсо взмахнул мурдатом, пытаясь разрубить путы, но один из нападавших прыгнул вперед, перехватив его руку.

Эмсо и Домел скрылись под грудой Скэнов.

Слезы Нефрита ликовала при виде происходящего.

— Мы их заполучили. Теперь Домел увидит, что Сосоласса…

Груда тел все росла. Один за другим раздались два оглушительных взрыва, и в небо полетели куски обожженного человеческого мяса. Слезы Нефрита закачалась. Отпрянув назад, она споткнулась и упала прямо в объятия Джалиты. Через мгновение до нее донеслись нечеловеческие крики.

Кто мог, пятился назад, забыв про убитых и корчащихся, стонущих раненых. Многие с визгом бросились бежать. Некоторые с молитвами упали на колени. Лорсо бежал к месту кровопролития, выкрикивая приказы, требуя, чтобы жертвам была оказана помощь.

Слезы Нефрита облокотилась на поддерживающие ее женские руки. Джалита быстро пришла в себя, тихо прошептав:

— Сейчас самая ответственная работа — за женщинами. Теперь, как никогда, нужно божество. Скэнам нанесена обида. Разум людей притуплён болью, расшатан страхом. Святости божества брошен вызов. Сила могущественнейшего вождя под сомнением. Пришло время начать все создавать заново.

Взяв свой посох и выпрямившись, Слезы Нефрита повернулась лицом к Джалите. Лицо старой женщины было залито светом огня, луна отражалась в ее запавших глазах. Она тяжело выдохнула. В ее дыхании слышались звуки леденящего ветра, холодной мглы, которая разрушает разум и подталкивает в лапы дурманящего сна, длящегося вечность. Потрясение ушло на второй план. Взгляд каждой из женщин проникал другой в самую глубину души. Слезы Нефрита улыбнулась и промолвила:

— Да, моя Джалита. Мы действительно должны все начать создавать заново. О да.

Глава 89

Всякий раз, когда колонна Волков маршем покидала Олу, над ней реяли знамена, а боевые барабаны выбивали грозный ритм. Возвращавшихся воинов встречали весенними цветами и торжественными звуками труб и горнов. Вот уже почти месяц война представляла собой монотонную серию беспощадных засад и ожесточенных непрерывных боев. Изменялось многое: обстоятельства столкновений, время суток, местность, погода. Но неизменным было одно — после каждого боя стаи Волков редели.

Измученные, обескровленные отряды не могли себе позволить вести образцово-

показательные сражения. Они атаковали без предупреждения, бежали без капли сожаления, затем из прикрытия наносили удар по преследователям. Кочевники Летучей Орды понимали такую тактику. Они и сами ее придерживались. Но Волки воевали в лесу, где мобильность лошадей сводилась к нулю и зачастую пеший имел преимущество перед конным. Дюжие пехотинцы Волков видели в лошадях только средство передвижения и считали, что сражаться мужчина должен на земле. Они знали лес как свои пять пальцев, находя укрытие там, где кавалерии не хватало простора.

Свирепость кочевников, теряющих своих товарищей с убийственной неумолимостью, с каждым разом нарастала. Их оружием была сплошная стена огня, несущаяся впереди наступающих отрядов. Огонь отмечал их продвижение. Там, где они проходили, не оставалось ничего живого.

Столбы дыма возникли на горизонте, когда вся компания была на ферме у Леклерка. Появление Гэна внесло полную ясность. Он въехал вместе с отрядом Джалайла, его знамя колыхалось от легкого ветерка. Словно крот, из своей подземной норы показался Леклерк. Он прикрыл глаза рукой, прищуриваясь. При виде Гэна он понимающе буркнул:

— Пора вылезать, так?

— Боюсь, да.

— А ты не мог бы дать мне еще пару дней? Я еще не во всем уверен.

Гэн отрывисто рассмеялся.

— У меня немало вопросов уже сейчас. Тебе не кажется, что в воздухе что-то висит?

— Наверное, дым. — Леклерк безразлично улыбнулся. — Сейчас тут чего только нет. Сколько у нас еще времени?

— Ночь. Не больше.

Леклерк присвистнул. Не теряя времени, он приказал, чтобы все оборудование погрузили на платформы. Затем он проследил, как перенесли несколько огромных свертков из его личной мастерской. Когда Кейт игриво попыталась заглянуть, он решительно запретил ей. Повинуясь интуиции, она спросила:

— Это как-то связано с этим серебром, да?

Его глаза широко раскрылись. Он ничего не сказал, только бросил подозрительный взгляд на своего лучшего слесаря. Тот принялся оживленно жестикулировать, показывая, что ни в чем не виноват и знает о строжайшей секретности. Какое-то время Леклерк не сводил с него глаз, и, когда снова повернулся к Кейт, на лице его читались смешанные чувства раздражения и понимания. Тем не менее он не проронил ни слова.

Был вечер, когда Гэн с Конвеем стояли на городской стене над Восточными воротами. Перед ними простиралась унылая картина. Огонь и дым горящих построек разительно контрастировали с мириадами ростков весенней зелени. На коричневато-желтом поле торчали ряды зловещих кольев, заостренные концы которых готовы были разодрать в клочья любую лошадь. На окраине далекого леса мелькали всадники.

Откуда-то издалека с юго-западного направления донеслась барабанная дробь. Ритм, медленный и сильный, нес скрытую угрозу. Конвей развернулся в ту сторону.

— Ураган — лучший отряд кочевников, — промолвил он и, когда удары затихли, показал в направлении ближе к югу. Словно по подсказке, там зазвучал следующий барабан, его ритм был отличен от первого. Конвей пояснил: — Они будут стучать по очереди, пока не доберутся до северо-востока. Они хотят нам сказать, что мы окружены.

— Я знаю, ты обучал этих людей. Тяжело поверить, что ты жил среди них. Да, друг мой, куда судьба нас только не забрасывает. Все мы знаем себя очень плохо, так ведь? — Это было скорее утверждение, нежели вопрос. — Как эти воины из Урагана сражаются, спешившись, против стен и хороших укреплений?

— Точно демоны. Они верят, что, сражаясь за Жреца Луны, они после смерти прямиком попадут в прекрасный мир на луне. Они думают, будто спустя некоторое время родятся заново вместе с ним и будут жить вечно. Они переносят боль не легче, чем остальные, но не боятся смерти.

— Надеюсь, они скоро появятся. Если они нападут, договорившись со Скэнами, то нам не устоять. — Второй барабан умолк. Его сменил третий. Гэн сдвинул брови, обернулся.

Его позвал Волк. Гэн откликнулся, и парень прокричал:

— Мурдат, Леклерк говорит, что вас ждут в замке!

Гэн сбежал по ступенькам. Конвей старался не отставать. Прыгнув в седло, Гэн произнес:

— Возможно, это акульи челны. — Они поскакали, чтобы выяснить все на месте.

Леклерк ожидал их в большом зале, в нескольких шагах позади него стояли Сайла и Ланта. Помещение освещали только несколько свечей, расположенных в пирамидальном канделябре.

Конвей еще не успел привыкнуть к полумраку, когда из темноты появилась фигура человека и заняла место рядом с Леклерком.

Это был Найон. Одет он был необычайно пышно. Его камзол был ярко-красного цвета. На ногах были черные с белыми носками невысокие туфли и широкие шаровары в бело-синюю полоску. На голове возвышался плоский кожаный чепчик с небольшим козырьком, пришитым под очень стильным углом, от которого отходил назад веер из трех длинных черно-белых перьев. Наряд дополняла сабля с двумя рукоятками, сидящая в лакированных ножнах, инкрустированных изображением дракона из осколков цветного стекла.

Конвей удивился. Он полагал, что никто не мог проплыть по Внутреннему Морю мимо Скэнов.

Гэн прямо так и спросил:

— Как тебе удалось миновать наших врагов?

На лице незнакомца появилась заразительная улыбка.

— Кораблей нет. — Присутствующие вытаращили глаза. Он рассмеялся, после чего на ломаном языке передал историю рейда Эмсо и Домела. Когда он прибыл в деревню Скэнов, ему разрешили стать в гавани на якорь, но запретили покидать корабль. Один из охранников, посланных на борт, чтобы приглядывать за ним и его товарищами, очень сильно любил напиток, который Найон назвал сава. Найон подмигнул: — От него губы шевелятся быстро, а голова — медленно, понятно?

Гэн кивнул, и Найон продолжил:

— Воин Лорсо приходил мой корабль. Нет руки. — Он показал свою. — Говорит, ведьма ее забрать. Черная женщина. Ты знаешь?

— Она — мой друг, — ответил Гэн. — И она не ведьма.

— Она летать.

— Она не ведьма. Зачем ты приехал?

Найону хотелось продолжить разговор о ведьмах, но он подчинился воле хозяина.

— Торговать. Ты лучший друг, чем Скэны, я думаю. Ты убить Летучую Орду, мы торговать. Шерсть, шкура, нефрит. Ты иметь горящий черный камень — уголь, я думаю? Мы говорить. Если ты жить.

— Мы останемся в живых. И у нас есть нечто получше угля.

Найон посмотрел на Сайлу и Ланту, затем снова на Гэна.

Он сказал:

— Мои люди слышать много о целительницах. Мы тоже так говорить. Но целительница не ходить к Скэны. Молодая женщина — жена Лорсо — говорить, что убивать всю Церковь. Плохая женщина. Теперь я идти. — Он поклонился, принося извинения. Когда Гэн ответил ему тем же, щеки незнакомца тронул легкий румянец искренней признательности. Он тепло улыбнулся.

Леклерк заговорил, словно во сне:

— Торговать. С Япон… Найонами. — Внезапно он встрепенулся, обратился к Гэну: — Ты сделаешь это? Займешься торговлей?

— Моя заветная мечта.

Леклерк резко удалился. Конвей улыбнулся.

— Что он на этот раз замышляет?

— Надеюсь, что-то очень мощное. — Голос Налатана привлек всеобщее внимание. Он продолжал: — Только что прибыл разведчик. На лодке, обойдя оцепление. Проходы в горах по-прежнему закрыты. От Людей Собаки помощи не предвидится. Основные силы Летучей Орды разбивают лагерь.

Сайла сказала:

— Мы готовы, Гэн. Аббатство станет домом исцеления. Молитвы вознесены, лекарства подготовлены и освящены.

Он поблагодарил ее. Погрузившись в размышления, Гэн вышел на улицу. Забравшись на коня, он глянул на Налатана и Конвея.

— Вездесущий добр к нам. Он забрал Эмсо, но Он вдохновил его уничтожить Скэнов. Нам дан еще один шанс.

— Небольшой шанс. — Конвей запрыгнул в седло, встретился взглядом с Гэном.

Засмеявшись, Гэн похлопал Конвея по плечу.

— Что бы мы делали с большим шансом?

— Я бы хотел попробовать. Хоть раз! — прокричал ему вслед Конвей, пристраиваясь рядом с Налатаном. Монах-воин изобразил улыбку.

— Погоди, пока ты не увидишь костры, Конвей. Их дым подобен туману. Они тащат с собой свои огромные крытые повозки. Те светятся ночью будто гигантские свечи, прикрытые куском ткани. Даже с молнией Леклерка, я думаю, наш небольшой шанс совсем невелик.

Они еще не успели подъехать к стене, когда воздух рассекла стрела длиной около метра, выпущенная из катапульты. К счастью, она никого не задела и разбилась об одно из зданий. Оба ринулись под защиту стены.

Незаметно город погрузился в темноту. Волки совершали вылазки наружу, устраивая засады и готовя налеты. Тем же были заняты и кочевники. Время от времени тишину ночи распарывали стрелы катапульт с обеих сторон. Их жужжащий, свистящий полет мелодично дополнял непрекращающийся стук барабанов Урагана.

Конвей заснул на удивление легко. Он однажды проснулся, услышав ужасный скрип. Понемногу до него дошло, что этот звук не имел ничего общего с людским горем. Колеса, решил он, стенобой выдвигается на ударную позицию. Под утро его разбудил звук взрыва. На этот раз кричали люди. Сработала одна из проволочных мин Леклерка.

Рассвет пробивал себе дорогу сквозь дым сотен костров. Шаг за шагом солнечный свет приоткрывал все, что было припасено для Олы. Хворост, сложенный под огромными кольями, готовый к сожжению. Увидев заградительные экраны, защищавшие стенобой, Конвей разочарованно стукнул по стене замка. Катапульту прикрывали два огромных мата, плотно сплетенные из веток и молодых деревьев. Разнесенные на несколько метров, они свободно свисали с толстых канатов. Если стрела катапульты противника и пробила бы первый мат, то она отклонилась бы от цели и погасила почти всю свою скорость. Второй мат дублировал действие первого. Попавшая в него стрела потеряла бы большую часть энергии и не смогла бы нанести заметный урон. Единственной неприкрытой частью катапульты была отвесная рукоятка спуска.

С позиций кочевников полетели зажженные стрелы, опасно грациозные. Они взмывали в небо, оставляя за собой шлейф дыма, и, казалось, зависали в верхней точке. Конвею вдруг стало любопытно, когда мир снова узнает такие слова, как апогей и перигей. Устремляясь вниз, стрелы мягко посвистывали своим оперением. Горящая пакля нервировала. Время от времени кустарник вокруг заграждений против всадников охватывался огнем. Сначала Конвей предлагал подложить под них черного пороха. Однако, видя, как барьеры горят еще до наступления, он обрадовался, что в конечном счете отказался от этой идеи.

Краем глаза он заметил, как двинулась спусковая рукоятка катапульты. Вдоль стены передали приказ Гэна катапультам открыть огонь по цели. Полдюжины стрел вылетели из орудий, жужжа, точно рой разъяренных шмелей. Две из них пробили маты. Конвей увидел,

что одна из них только всколыхнула поверхность второго мата и беспомощно свалилась на землю. Другая ушла далеко в сторону. Остальные четыре стрелы застряли. Гэн отдал приказ стрелкам экономить снаряды.

К тому времени рукоятка катапульты уже исчезла из виду. Волки, доселе не видавшие столь диковинное орудие, выглядывали из-за стены, боясь пропустить его действие. На мгновение показался ремень с грузом. Когда он остановился, вышвырнув снаряд, хлопок страшной силы заставил многих подпрыгнуть. Приближающейся с неестественным стонущим звуком валун явно не достигал цели. Волки, без труда оценив траекторию, стали насмехаться над ним еще до приземления. Их насмешки стихли, когда валун упал на землю, выбив кусок грунта длиной с человеческий рост, подскочил в воздух и ударил о стену. От удара каменные заграждения заскрежетали.

Вдалеке позади Конвея в ответ удару валуна раздался одиночный выстрел. Он обернулся и увидел на крыше замка Тейт. Ствол снайперской винтовки выглядывал за край. Она выстрелила снова. Конвею хватило времени, чтобы разглядеть дымок от пыли в месте, где тяжелая пуля из отработанного урана встретилась с первым матом. Спустя несколько секунд он услышал страдальческий вопль одного из тех, кто был спрятан за стенобоем.

Как только огонь съел все заградительные барьеры, всадники Летучей Орды погнали из леса стадо скота численностью в несколько сотен голов. Коровы с ревом неслись прямо на городские стены. Некоторым из Волков эта картина показалась забавной. Более серьезные, как и Конвей, наблюдали за всем с мрачным видом. Несчастные животные, погоняемые невероятно проворными всадниками, панически разбегались вдоль стен Олы. Все мины, заложенные защитниками Олы вдоль стен, сработали.

Людей послали добить раненых животных и подобрать убитых: оружие сработало вхолостую, так хоть можно было запастись мясом.

Тем же днем через Восточные ворота Леклерк провел в город процессию из запряженных парами лошадей, тянущих здоровые повозки. Последняя была больше остальных. Задав направление к городской стене, Леклерк останавливал колонну через определенные интервалы, распрягая лошадей и оставляя одну за одной все повозки. С последней сгружали рядом с остальными длинные копья.

Конвей ухмыльнулся своему другу, но тот только одарил его улыбкой и, подняв большой палец вверх, спешно продолжил приготовления.

Новые привязанные к тросам копья были готовы. На каждой повозке стоял генератор, в добрых три раза превышавший по размерам своих предшественников. Конвей заметил, что Луис что-то объяснял команде Галмонтиса. Он продемонстрировал все повторно, пользуясь медной пластиной, насаженной на шест. Эти копья предназначались для обороны стены. Каждое из них работало от своего генератора и было закреплено на конце длинного троса, изолированного при помощи пропитанной воском ткани. Второй трос был привязан к костылю, вбитому в обильно смоченную землю.

Четверо управлялись с расположенными друг напротив друга изогнутыми рукоятками. Копьеметатели были экипированы толстыми кожаными перчатками.

На первого из Волков, подошедшего к пластине, та не произвела никакого впечатления.

Наконец он с любопытством дотронулся до листа металла. Эффект был устрашающий. Раздался громкий треск, сопровождающийся голубыми языками пламени. Медная пластина стала на дыбы, словно живая. Из отверстия в центре пластины повалил едкий дым. Копьеметатель отшвырнул свое оружие, вопя во весь голос. А с наконечника копья все сбегали на землю электрические искры.

Леклерк подозвал к себе группу, приказал обследовать повреждения. Остаток показательного занятия прошел в атмосфере внимания и почтения.

Наступила вторая ночь. На этот раз Волки за ворота не пошли. Катапульты кочевников молчали. Только не утихала барабанная дробь. Непрекращающаяся. Действующая на нервы.

В кромешной тьме делались последние приготовления. Люди делились самыми сокровенными мыслями, о которых никогда не говорили вслух. Те воины, которым удалось

заснуть, все время ворочались и что-то бормотали. Остальные лежали, поглощенные таинством жизни, которое открывается только в моменты острого ощущения приближения смерти.

Глава 90

От темной стены деревьев на дальнем краю поля битвы отделились три всадника. Быстрой уверенной рысью они ехали в тусклом, неверном свете восходящего солнца, и вскоре их уже можно было различить. Барабаны смолкли.

Человек, едущий впереди Жреца Луны и Лиса, держал в поднятых руках огромный белый флаг. Стоя на стене под своим знаменем, Гэн довольно посмеивался, чем вызвал вопросительные взгляды Тейт и Налатана. Гэн пояснил:

— Кто-то должен нести белый флаг. Это ниже достоинства Жреца Луны. А Лис к нему не может притронуться. — Он добавил: — Ты оказался прав насчет ран Лиса, Налатан. Не уверен, что узнал бы его. Даже отсюда я могу сказать, что он чудом остался в живых.

Тейт ответила:

— Ненависть явно обострила твои способности. Ты и вправду можешь разглядеть его раны? Чем, по-твоему, они нанесены?

Гэн проигнорировал замечания об остроте своего зрения.

— Я слышал ваши рассказы про Жреца Луны. И знаю Лиса и его Дьяволов. Подозреваю, что Жрец Луны попытается нас убедить сдаться, Лис же едет, чтобы позлорадствовать. — Он помахал длинным древком, чтобы приближающиеся всадники могли наверняка разглядеть знамя.

Волки и простые горожане столпились у стены, чтобы не пропустить момент встречи. Командиры Волков сдерживали толпу на некотором расстоянии.

Тейт оглядывала поле битвы, где пробивающийся солнечный свет открывал обманчиво миролюбивую картину. Она тотчас дернула Налатана за руку.

— Тан. Смотри. Стенобой. Они за ночь передвинули его.

— Вкопали в землю. — Он озадаченно нахмурился.

— Теперь они будут спокойно заряжать и метать, а я не смогу их подстрелить.

Услышав их разговор, Гэн помрачнел.

— По крайней мере, оттуда он хоть не сможет достать до замка или дома исцеления. Но городские здания под угрозой.

Тейт произнесла:

— Она проломит стены, Гэн. У нас появилась проблема.

— Даже если они проделают брешь в стене, им предстоит еще через нее пройти. Но они не знают, что их союзники не приплывут. Со спокойными тылами мы можем собрать больше сил для контратаки.

Тем временем Жрец Луны подъехал достаточно близко, чтобы начать переговоры. Он сделал небрежный жест рукой.

— Доброе утро, молодой Мурдат. И ты, Доннаси. Рад снова вас видеть.

Высунувшись из бойницы, Тейт прокричала:

— Я знаю тебя. Ты послал этот кусок гнилого мяса убить меня и Конвея.

Лис привстал в стременах.

— Ты уже рассказала своему мужу, какое удовольствие мы разделили, черная ведьма? Он в курсе всего, что произошло?

После его слов в толпе пробежал легкий ропот. Задыхаясь от ярости, Тейт подняла свой «вайп». Налатан крепко обхватил ее и, слегка приподняв, развернул лицом в другую сторону. Не обращая внимания на смех Лиса и изумленные взгляды толпы, он со всей серьезностью произнес:

— Они пришли под белым флагом. Потише, пожалуйста.

Тейт понурилась. Она прикрыла глаза, в уголках блестели слезы.

— Он сделал мне больно, очень больно, Тан. Я думала, что умру. Но он не… не…

Налатан приставил палец к ее губам. Когда она успокоилась, он ослабил хватку. Она вымолвила:

— Я в порядке. — В ее взгляде читалось нечто большее. Она вернулась на свою позицию у стены, Налатан занял место рядом.

Жрец Луны тем временем продолжал:

— …нет нужды проливать кровь. Мы можем обговорить условия. — При виде Тейт он оборвал речь и широко улыбнулся. — А, ты вернулась. Извини моего друга. Переговоры — это не самое сильное его место. Как ты знаешь. Я объяснял твоему другу, что я — верующий, человек мира. Я объединился с его Церковью, чтобы собрать население Трех Территорий снова в одну паству.

Ничего не сказав, Тейт бросила взгляд на Гэна, который ответил:

— Убирайся с Трех Территорий, пока можешь.

Небрежный жест Жреца Луны предвещал беду. Троица на стене напряглась. Сигнальщик помахал белым флагом. Из леса легкой рысью выехал еще один всадник. На нем была зеленая накидка с капюшоном для езды, настолько просторная, что спадала впереди и позади седла, а сбоку свешивалась почти до щиколоток. Предназначенная для того, чтобы сохранять тепло всадника и лошади в промозглые утренние часы, она прекрасно маскировала незнакомца. Гэн и Налатан обменялись легкой улыбкой. Тейт спросила, что происходит. Ответ Гэна был туманным:

— Я думаю, разгадка кроется в этом человеке.

Неизвестный всадник присоединился к остальным. Быстрым движением руки настоятельница Фиалок откинула капюшон. На голове была повязана яркая зелено-синяя лента. Налатан поморщился, словно от боли в животе.

— Они сделали ее Жнеей. Эта старая лгунья подчиняется теперь только Сестре-Матери.

Держась поодаль от Лиса, новоиспеченная Жнея по кивку Жреца Луны обратилась к защитникам. На первом слове ее голос сломался, но это не могло сгладить резкую враждебность.

— Сестра-Мать уполномочила меня даровать прощение каждому, кто отречется от сторонников известной ведьмы и богохульницы, бывшей Жрицы Роз Сайлы. Все, кто защищает это место, будут отлучены. Их тела не будут сожжены и останутся на съедение мерзким тварям. Они будут обречены на вечные муки в Преисподней.

Ее лошадь вдруг встала на дыбы, ударила копытами по воздуху. Дико вращая глазами, она пронзительно заржала. Испуганное животное удалось успокоить только вдвоем — Лису и сигнальщику. Люди глазели на это представление, каждому было интересно, что произойдет. Внезапно, притягивая к себе все взоры, распахнулись Восточные ворота. В толпе нарастал удивленный гул от такого предательства.

Из них галопом выехали Сайла и Нила, остановившись всего в нескольких шагах от Жреца Луны и его окружения. Возбужденные лошади пританцовывали, взбрыкивая и мотая головой. Протянув руку в обвиняющем жесте, Сайла громко, во весь голос, отчеканила:

— Ты позоришь Церковь. Ты позоришь сама себя. Церковь есть прощение, утешение и исцеление. Церковь — это даже гораздо больше; Церковь — это учение.

Такая концовка явно сбила всех с толку. Многие из присутствующих пробормотали что-то неопределенное. Жнея осенила себя размашистым Тройным Знаком и театрально отвернулась, словно пораженная громом.

Нила пустила свою лошадь вперед.

— Именно ты должна дрожать. Изменница. Угнетательница. Многие служители Церкви из поколения в поколение старались вместе с такими, как Жрец Луны или Алтанар, подчинить женщин. Иногда Церковь превращалась в стальной кулак, по своей воле или в знак протеста, но у нее никогда не хватало смелости дать нам свободу. Мы все здесь — свободны, открыты учению, и мы можем стать еще свободнее и сильнее. Церковь сделала

это возможным. Мурдат сделал это возможным. Народ — как мужчины, так и женщины, — весь народ Трех Территорий сделал это возможным. Мы будем свободными!

Одинокий голос женщины превратился в громкий клич на стенах. Он звенел вызовом, гордостью, решительностью. Его подхватил кто-то еще. Клич взорвался сотнями женских голосов, растянутых вдоль стены. Один из Волков из отряда Джалайла, вскарабкавшись на стену, встал над одной из бойниц. Вскинув вверх красно-желтый флаг своей стаи, он победно завыл.

Искра, брошенная женщинами, разожгла единство.

Жрец Луны резко развернул свою лошадь, чуть не сбив при этом Жнею, и помчался к своим позициям. Жнея и сигнальщик в панике ретировались следом. Последним уехал Лис, погрозив толпе кулаком. Он что-то произнес, но его слова потонули в общем гаме.

Наступила мертвая тишина. Карканье ворон и крики чаек звучали на ее фоне устрашающе громко. Промычал теленок, и сотни пар глаз стали тревожно озираться. Разговоры велись вполголоса.

Затем тишину разрубил вой волков. Далекая отрывистая песнь проникала каждому в душу, рассказывая о свободе певцов. На несколько долгих мгновений мир, казалось, остановился, настигнутый этим диким нестройным звуком.

А затем их дружный клич растворился в громе барабанов Урагана.

Из леса появились лошади, тащившие странные повозки, длинные и узкие, на высоких колесах. Их высокие борта и передние стенки были наклонены внутрь. Повозки остановились вне досягаемости катапульт, лошадей распрягли. Укрытые в них воины выпрыгивали через задний борт. Затем они подтолкнули повозки вперед, образовав ровный ряд. После этого люди снова скрылись внутри.

Катапульты Гэна открыли огонь. Несколько стрел попали прямо в передок повозки. Посыпались искры. Повозка дернулась, и застрявшая в ней стрела разломалась на куски. Стоявший на стене со снайперской винтовкой Конвей объяснил:

— Железная обшивка. Бьюсь об заклад, там катапульты Жреца Луны. — Словно отвечая ему, передние стенки повозок откинулись. Стрелки на стене навели прицел на обнажившиеся горизонтальные луки. Через пару мгновений в сторону защитников уже летел град стрел. Каждая несла на себе горящую, пропитанную маслом тряпку.

Заработали помпы Леклерка, но кое-где огонь все же занялся.

Стенобой выпустил снаряд.

На этот раз на позициях остались только Волки, обороняющие стену. Они завороженно наблюдали, как к ним приближается сферический предмет. Когда он подлетел поближе, многие обратили внимание на его странную траекторию, комбинацию свиста и рева. Предмет уже, казалось, проносился мимо, когда его полет вдруг резко ускорился. Мужчины вскрикнули и пригнулись. Он просвистел над ними и разбился на мостовой в груду черепков. Все испуганно глядели на это зрелище. Один, посмелее, подошел поближе, пнул ногой пару осколков.

— Так это же горшок, — произнес он в полном изумлении. — Огромный чертов горшок. Причем пустой. — Женщину неподалеку разобрал нервный смех. Когда смельчак обернулся к ней, она покраснела, но не перестала хихикать. К ней присоединился мужчина. Вскоре вся улица с весельем и шутками изучала осколки.

Человек на стене предостерегающе закричал. Толпа исчезла в укрытиях.

Второй снаряд попал в горящее здание. Раздался тяжелый глухой стук. Огонь неистово заметался, вырываясь наружу, — он словно удвоил свою свирепость.

Посмотрев на Тейт и Конвея, Гэн тревожно спросил:

— Вы знаете это оружие. Как оно поддерживает огонь?

— Газ. Водород. — Гэн ничего не понял, и Конвей, состроив гримасу, продолжил: — Горшки могут образовывать новые очаги пожара, но только там, где уже горит пламя. Это что-то вроде нефти.

Гэн залился румянцем от гнева.

— И много еще твои люди знают? Я думаю, это может плохо кончиться, Мэтт Конвей.

Ответа не последовало. Поспешив на передовую, Конвей принялся обстреливать повозки из снайперской винтовки. Но даже эти массивные пули не могли пробить металлическую обшивку. Он подождал, пока не откроется передняя стенка. Прежде чем прислуга катапульт приучилась только чуть-чуть опускать заслонку и сразу поднимать ее после выстрела, две из них Конвей успел вывести из строя. Впрочем, он и сам превратился в отличную мишень.

Стенобой метал горшки, начиненные смесью смолы, нефти и воска. Там, где они разбивались, во все стороны разлетались брызги огня, горючая смесь затекала в щели. Огонь приносили стрелы катапульт.

Город был охвачен пламенем. Насосы Леклерка явно не справлялись с такой нагрузкой. Каменные и кирпичные здания, наполненные предметами из дерева и ткани, превратились в раскаленные печи. Подлетали все новые и новые шары с водородом, пробивали стены, подкармливали пламя.

Жрец Луны повел массированную атаку на Восточные ворота. Из леса высыпали воины Летучей Орды, с воплями мчась в наступление. Гэн обратился к Конвею:

— Прикрой южную сторону. Они хотят удерживать нас малыми силами и стенобоем. Ты со своим оружием-молнией можешь заменить целый отряд, поэтому я возьму побольше людей сюда. — Налатану и Тейт он приказал: — Вы оба останетесь со мной. Главный удар будет нанесен здесь.

Спустя несколько мгновений они увидели Нилу, подбежавшую со своим двойным луком вплотную к стене и вставшую неподалеку от Гэна. Она брезгливо и до смешного неуклюже смела пыль, немного почистив место вокруг бойницы. Только перехватив скептический взгляд своего мужа, Нила сообразила, что именно она делает. Невинно пожав плечами, женщина взяла стрелу из колчана и повернулась к приближающимся всадникам. Гэн не смог сдержать хохот.

Лучники, в числе которых была и Нила, превратили лужайку перед городскими стенами в кладбище. Кочевники Летучей Орды с лестницами и веревками с крюками наперевес издавали боевые кличи, пели славу вечной жизни. И грудами падали на землю.

Их лучники и стрелки из катапульт тоже проливали немало крови. Молодые Волки вываливались из бойниц, умирая под крепостной стеной. Многие вставали, шатаясь и держась за раны.

Среди представителей цивилизации, практически не знающей сложных механизмов, Тейт выглядела машиной — прицеливающейся, стреляющей и убивающей машиной. Ее «буп» разбрасывал сгрудившихся кочевников во все стороны. Затем каждого по отдельности добивал «вайп». Стоило нескольким воинам собраться у стены, она бросала туда гранату. Рядом с ней с убийственной точностью орудовал луком Налатан. Взглянув на свою жену, он увидел почти незнакомого человека, сеющего разрушение, и почувствовал весь клубок боли, распаляющей эту женщину.

Атака захлебнулась. Нападавшим так и не удалось приставить хотя бы одну лестницу к стене. Они стали отступать, и Волки, повернувшись к востоку, победно завыли.

Но их клич не заглушил сигнал тревоги, донесшийся с южной стороны. Бойцы потоком отхлынули от стены. Скучали брошенные в панике катапульты. Некоторые из защитников упали на колени, вцепившись руками в горло и яростно потирая глаза. Многие мучились приступом жестокого кашля.

Обернувшись, Гэн увидел, как обломок стены в ее верхней части, высотой примерно с два человеческих роста, ввалился внутрь и обрушился на деревянный загон для лошадей. Крики раздавленных животных смешались с воплями людей.

Следующий снаряд еще больше увеличил пробоину.

Гэн вдруг понял, что попался на удочку. Жрец Луны пожертвовал частью кочевников, чьими трупами были сейчас усеяны подступы к восточной части стены, чтобы создать впечатление, будто основной удар будет нанесен там. Теперь же кавалерия Летучей Орды

выскочила из леса с южной стороны и помчалась в атаку. Что было хуже всего, лес на юге находился значительно ближе, а значит, нападавшие доберутся до стены гораздо быстрее.

У Гэна все сжалось внутри от мрачного предчувствия. Он побежал вниз по ступенькам, зовя Шару и Чо. Ему нужно было успеть перестроить оборону.

Тут вдобавок к этому Конвей, отшатнувшись от пролома в стене, ступил на угрожающе раскачивающуюся балку. Гэн громовым голосом звал команду Леклерка, приказывая занять позиции у стены.

Бойцы, как и Конвей, повели себя весьма загадочно. На агонию некоторых из них было страшно смотреть. Доносились душераздирающие вопли. Кто-то умирал. Умирал очень мучительно.

Первой к Конвею подбежала Сайла. Она подвела его к стене, посадила, прислонив к ней спиной. Он с трудом мог говорить, попросил воды. Когда прибежала Тейт, он напрягся и, превозмогая боль, прохрипел:

— Хлор. — Слово вырвалось с каким-то жутковатым хлюпаньем. — Газ. Горшки. Хлор. — Тейт непонимающе на него уставилась, и тогда он практически выкрикнул: — Соленая вода!

Куда-то спешащий Леклерк расслышал его слова. Он побледнел, ударил себя по лбу.

— Тупица. Как же я мог оказаться таким идиотом? Тройные вышки, на море. Электрический разряд в воде, да, но в морской воде. Не только водород плюс кислород, но и водород плюс хлор. Жрец Луны. Вот мразь. Использует отравляющий газ.

Глава 91

Стройная линия обороны была нарушена, хотя пролом был не так уж и велик. Точно как наконечник стрелы, подумал Гэн; маленький, но способный убить.

В воздухе еще стоял горький запах гари. У ног Гэна вертелись собаки, теребя лапами носы и непрестанно чихая. Горячий ветер приносил запах пожарищ. В обычное время эта вонь наверняка была бы отвратительна. Но сейчас она заглушала другой запах и по сравнению с ним была прямо-таки благоуханием.

Конвей, ужасно кашляя, попытался подняться на ноги.

Внимание Гэна привлекли звуки штурма, вновь предпринятого кочевниками. Но какое-то чутье подсказало ему, что ярость, обезобразившая лицо Леклерка, сейчас имеет большее значение. Он спросил:

— Этот запах, от которого у меня режет в глазах и который раздражает собак, — это от него пострадал Конвей и остальные?

— Да. Это яд. Он проникает в легкие, образуя соляную кислоту. — Это вроде…

— В воздухе? Яд?

Леклерк отвел взгляд от страдающего Конвея. Ему показалось, что он видит Гэна, по-настоящему видит, впервые. Сколько ему лет? Леклерк попытался найти ответ. Только достиг зрелости. Став жертвой новой технологии, он не мог понять, что произошло. Его слова заставили Леклерка посочувствовать им обоим.

— Да, Гэн. Боюсь, именно так. Некоторые из горшков отравили воздух.

На мгновение Леклерку показалось, что лицо Гэна сковал панический ужас. Но уже через секунду тот снова стал Мурдатом.

— Жрец Луны не станет отравлять воздух, которым дышат его люди. Поэтому нам надо держаться подальше от этих чертовых горшков и встретить людей Летучей Орды. — Решительно повернувшись, он начал раздавать приказы. Было самое время. Волки разбегались от мест, куда упали эти проклятые горшки, некоторые волокли раненых или отравленных товарищей. Всех обуял страх. Леклерк заметил, как один из них бросил меч и побежал прочь.

Голос Сайлы заставил Леклерка снова повернуться к ним. Конвей стоял на ногах, скрючившись от боли. Он отмахнулся от помощи Сайлы.

— Нет времени. Нужно попасть на крышу. Ураган. Я знаю их тактику, сигналы. — Он доковылял до двери, протиснулся внутрь. Леклерк и Сайла увидели, как он буквально пополз вверх по лестнице.

Она отвернулась, беспомощная и разгневанная.

— Я не смогу ему помочь, если он будет так себя вести. Во всяком случае они… — Грохот огромного валуна прервал ее слова. Построенная против стрел, пращей и огня, стена была несерьезным препятствием для стенобоя. Три Волка, сметенные ударом, были разорваны в клочья обломками от внутренней поверхности стены. Они упали, как окровавленные манекены. Эта часть стены обвалилась.

Лежа на крыше здания, Конвей посмотрел через громадную полукруглую выбоину в каменной кладке. Воины Урагана наступали, привычно разделившись на три колонны. Те, что по бокам, поливали обороняющихся сплошным градом стрел. Центральная колонна, достигнув бреши в стене, спешилась для атаки. Лестницы уже были приставлены к пробитому в стене проему. Конвей точно знал, что наступавшие поднимались и по обе его стороны. На приличном удалении он разглядел дотоле спрятанные катапульты, выезжавшие из леса. Их стрелы мешали попыткам Гэна укрепить оборону у бреши в стене.

Стенобой все забрасывал за спины защитников горшки с газом и камни. Обстрел велся по всему фронту. В серое, моросящее небо поднимались мутные столбы дыма и огня. Ближе к востоку, прямо на повозку с одним из генераторов Леклерка, спешащую к самому опасному месту, обрушилась стена одного из зданий. Конвей заметил остальные повозки и помпы, пробирающиеся через развалины к проему.

Он не открывал огонь, пока первые забывшие страх воины из Урагана, пренебрежительно не замечая стрел, не вскарабкались к бреши в стене. С боевыми кличами, выкрикивая свои имена в стремлении к славе, они появлялись словно существа из кипящего ада. Расстояние до земли с внутренней стороны было примерно с человеческий рост, но оно быстро уменьшалось с каждым павшим из воинов Урагана или Волка.

Обосновавшись на стене, бойцы из Урагана освободили место для лучников, прикрытых щитами. Шквал стрел смел оборонявшихся. Другие кочевники, не обращая ни на что внимания, принялись при помощи кувалд и клиньев выковыривать камни из проема в стене, пытаясь его расширить.

Прогремела винтовка Тейт. Щит одного из лучников, стоящих на стене, дернулся назад. Человек, подпрыгнув, закричал, словно не желая верить своим глазам, уставившись на кровавое месиво на месте левого плеча. Затем он свалился в людской водоворот, выкрикивая свое имя. Конвею как-то не к месту стало интересно, кто бы это мог быть.

Тейт мгновенно оказалась в центре внимания. Стрела из захваченной катапульты пролетела в считанных миллиметрах от нее. На одну ужасную секунду Конвею показалось, что в нее попали.

Ничего этого не зная, Налатан сражался на переднем крае. Он воплощал собой разрушение. Его тяжелый боевой посох мелькал, словно палочка дирижера. От ударов железных шаров на обоих его концах трещали кости, ломались мечи, прогибались шлемы. Конусообразная накладка для руки наносила страшные раны. Его меч пожинал смертельный урожай. Но все же он отступал вместе с другими Волками.

На краю шеренги копьеметателей, одетых в доспехи из толстой кожи и стальных пластин, показался Леклерк. Он стоял со свирепой решительностью человека, потерявшего страх. Волки пошли в наступление. Их двузубые копья сверкали. Волоча за собой тяжелые конденсаторы, они двигались с неподобающей ситуации неторопливостью. Остальные Волки, помня показательный урок, разбегались с их пути. Воины из Урагана, уверенные, что противник обратился в бегство, пошли на копьеметателей в атаку.

Ужаленные обоими зубцами умирали. Неумолимость была поистине жуткой. Все происходило до удивления однообразно. Те, кого задевало зубцами, отскакивали и падали вниз. Многие не успевали даже вскрикнуть. При прикосновении к щитам или клинкам сабель происходило короткое замыкание. Те из первой волны нападавших, кто остался в живых,

поспешили ретироваться.

В брешь вливались все новые бойцы, оттесняя старых в сторону.

Когда конденсаторы разрядились, электрическая атака утихла. Прикрывая отход своих людей огнем «вайпа», Леклерк вывел их из боя.

Теперь на стене появились другие копьеметатели, вооруженные новыми, более мощными генераторами. Конвей с крыши наслаждался их слаженными действиями. Они толкали помпы и повозки с водой, одновременно укрывшись за их высокими бортами. Сзади подъехали повозки с генераторами, каждая со своей обслугой из двух человек. Помпы, насколько хватало мощности, принялись поливать нападавших. Самым необычным во всей этой ситуации был запах соленой воды — Леклерк сказал, что она куда лучше проводит электричество.

Когда сперва испугавшиеся кочевники поняли, что просто промокли — как будто только что прошел дождь, — они вновь кинулись в атаку. В образовавшейся свалке не было времени для рассуждений о странном способе сражаться, но у нападавших зародилось почти телепатическое ощущение, что их поджидает неизведанная, непонятная опасность.

Новые копья, плюющиеся ярко-голубыми искрами, материализовали эти подсознательные предчувствия. Прикрываясь щитами, защищавшими их только от катапульт, копьеметатели бесстрастно шли в атаку. Десять воинов выстроились в линию. Мощь копий убивала каждого, кто оказывался на пути. Свобода действий копьеметателей, однако, была ограничена уязвимостью прислуги генераторов. Они не могли остановить колышущуюся людскую массу, хлынувшую через брешь в стене. Для Конвея настал момент сосредоточиться. Когда был поднят первый сигнальный флаг, он одним выстрелом уложил сигнальщика. Оставшиеся без тактического управления воины из Урагана в замешательстве затоптались на месте.

Слева от себя Конвей слышал работу Тейт. После каждого выстрела один из воинов падал.

Несмотря на все это, нападавшие постепенно все глубже и глубже проникали в город. Битва превратилась в одиночные поединки и столкновения стенка на стенку. Выжившие примыкали к следующей группе, и бойня начиналась снова.

В поле зрения Конвея дважды попал Гэн. Он метался по улицам Олы, словно живой огонь, — организуя, командуя, сражаясь. Сначала Конвей увидел, как он собирает отряд Волков и отправляет их в бой. Второй раз он уже сам вместе со своими собаками держал удар — Гэн, Шара и Чо оказались в самом центре кровопролития.

В конце концов полчища кочевников Летучей Орды кровью затопили оборону. Отрядам на восточной и северной стенах грозила опасность быть отрезанными от замка. Барабаны и горны Волков играли печальные мелодии отступления. Конвей спешно покинул свою позицию. Каждый вдох отзывался пожаром в его легких. Он не был уверен, что сможет сражаться завтра.

Отступление было упорным, полным героизма. Волки сознательно не оставляли убитых и раненых. Улицу за улицей, дом за домом, они сдавали позиции. Оборона перед стенами замка удерживалась, пока не отъехали все повозки с генераторами, помпами, водой. Катапульты прикрывали отход обескровленных отрядов Волков.

Несколько обезумевших кочевников пытались прошмыгнуть вслед. Они пали под таким дождем стрел, что, казалось, их тела и окрестная лужайка пустили всходы в виде древков с оперением. Лучникам Волков было приятно лишний раз показать свою готовность к продолжению битвы.

Все защищавшиеся собрались на территории замка — таков был печальный итог дня. Опустошенные огнем здания Олы презрительно отвечали моросящему дождю волнами жара. Сокровища города превратились в скользкую черную массу, неторопливо текущую на восток.

С уцелевших стен города посмеивались барабаны Летучей Орды, точно это Жрец Луны наслаждался капитуляцией противника. Зияющая брешь в южной части стены была завалена

телами погибших Волков и воинов Урагана, обнявшихся в братстве кончины.

Сжав кулаки, Гэн пылал от сознания бессмысленности всех потерь. Рядом с ним, как всегда остро чувствующая страхи и тревога мужа, Нила пыталась его утешить:

— Это был праведный бой, за правое дело. Люди это понимали.

Ничего не ответив, он только сжал ее руку. Надеясь облегчить его страдания, она сказала:

— Многие из жен Волков остались помочь Сайле, Ланте и остальным целительницам в доме исцеления. Вал на акульих челнах увез самых тяжелых раненых на свой остров. Его люди совершают налеты на Летучую Орду с тыла; склады не повреждены, и мы по-прежнему сохраняем доступ к морю. Мы обязательно победим.

Внимательно слушая, Гэн по-прежнему не произнес ни слова. Нила спросила, что его больше всего беспокоит. Он показал подбородком на юго-запад.

— Подкоп. Этот лязг и громкие скрипы могут принадлежать только тяжелым повозкам. Сегодня ночью они подтянут стенобой, так что он сможет достать до замка. И они отравят нам воздух.

Глава 92

Выстрелы катапульт грохотали в ночной темноте. Тяжелые метательные орудия не могли причинить серьезного вреда каменным стенам замка. Дважды их снаряды попадали в фонари, освещающие открытое пространство перед стенами, но ответные удары Волков заставляли захлебнуться атаки кочевников. С обеих сторон потери были небольшими. Главное, чего добивались осаждавшие, — вконец измотать войска Гэна.

Разносившийся в ночи грохот, выдававший перемещение стенобоев, отдавался ужасом в сердцах осажденных. В замке пока не было пожаров, поэтому нечего было бояться горшков, начиненных водородом. Но оставались тяжелые каменные снаряды. Обстрел велся довольно беспорядочно, но эти глыбы наводили на людей ужас, хотя реальные потери от них были невелики.

Этого нельзя было сказать о снарядах с хлором. Защитники боялись их приносящих смерть дымов еще больше, чем разрушающих глыб. Каждый новый снаряд вызывал панику и лишний раз убеждал людей, что им не остается ничего, кроме ожидания.

Отвернувшись от огней лагеря Летучей Орды, Гэн удивился, заметив Налатана. Тот подошел незаметно, пока внимание Гэна было отвлечено другим.

— Я был в доме исцеления. От отравленного воздуха уже умерли четверо Волков, две горожанки и одна Жрица. Я видел, как она уходила в иной мир. Это жуткое зрелище, человек как будто сгорает изнутри.

— Так вот как Жрец Луны решил победить нас. Его катапульты будут обстреливать нас своими колдовскими снарядами, пока мы все не погибнем.

— Пока он по крайней мере ничего не поджег здесь, — сказал Налатан, указывая на город. — Кроме того, сейчас дует западный ветер, и я надеюсь, что он не изменится.

— Почему?

— Я выходил за ворота замка.

— Я же запретил.

— Жаль, потому что мне придется опять нарушить твой приказ. Он мне не нравится.

— Он тебе не нравится? Но я не хочу потерять лучшего бойца в своем лагере. И я не хотел бы объяснять моему другу Тейт, что я стоял в стороне, пока ты бездумно рисковал своей жизнью.

— Именно потому, что я лучший боец в лагере, я должен был это сделать. Они передвинули стенобой на новое место.

— Ты уверен?

— Запах; раньше пахло колесной мазью и воском. Кроме того, не слышно стука колес и ржания лошадей, значит, они ушли.

Гэна разобрала досада. Он сам должен был обратить на это внимание. Но все-таки в одиночку совершать набеги в лагерь противника было глупостью со стороны Налатана.

— Твои планы?

— Стенобой сделан из дерева, и я просто сожгу его. А эти горшки, чем бы они ни были наполнены, только помогут ему гореть. — В тусклом свете его лицо выглядело еще более суровым и холодным, чем камень, рядом с которым он стоял. — Подумай о других снарядах, Гэн Мондэрк. Если их разбить, то отравляющий воздух понесется на восток, на лагерь тех, кто принес это проклятие. Орудие, которое отравляет воздух, — это дьявольское орудие, и оно должно быть уничтожено.

Над их головами просвистел снаряд, выпущенный из катапульты. Ударившись в стену, он разбился вдребезги, осколки с грохотом обрушились на землю. Гэн ответил:

— Это не очень хорошая идея. — Соглашаясь, Налатан чуть наклонил голову. Гэн продолжил: — Это слишком сложная работа, и одному она не по силам. — Налатан промолчал. В голосе Гэна прозвучало раздражение: — Кто проследит за твоим возвращением? Прикроет тебя? Здесь нет равных тебе в воинском искусстве.

— Есть один человек.

Гэн повернулся, всматриваясь в лицо своего соратника.

— Я отвечаю здесь за каждую живую душу и не могу уйти и рыскать в темноте.

— Никто не говорил, что ты должен делать это. — Тон Налатана был полон сарказма.

— Ты хочешь взять меня измором, не так ли? Ты хорошо выучил уроки своей Церкви, монах. Ты изворотлив, как хорек.

— Так легче подкрадываться к кочевникам, болтливый волк. Я подожду у Южных ворот, пока ты переговоришь со своей женой.

— Ты уже предупредил Тейт?

За вопросом Гэна последовала очень долгая пауза.

— Она сейчас спит. Думаю, лучше дать ей немного отдохнуть.

— Я передам это Ниле, и она расскажет Тейт, что случилось, если мы не вернемся назад. Ты согласен?

— Конечно. Кроме того, ты — Мурдат, и кто-то должен знать, куда ты пошел.

— Извини, что я назвал тебя изворотливым, это слово сорвалось у меня с языка. — Гэн повернулся. — Теперь пошли, мы должны подготовиться. Мне не доставит удовольствия умереть, как кролику, загнанному в ловушку.

Остановившись у небольшой двери Южных ворот, Гэн приказал подлить масла в фонарь. Как только решетка была поднята и фонарь притушен, Гэн с Налатаном вышли за ворота, за ними бежали Шара и Чо. Чуть отойдя от стены, они припали к земле и медленно поползли вперед. Оба воина прихватили свои луки и стрелы, не забыв про мечи. Налатан нес бурдюк, наполненный горючей жидкостью.

Ориентируясь по слуху, они приближались к стенобою. Судя по всему, орудие готовили к стрельбе. Торопливые команды, ворчание и пыхтение людей, устанавливающих катапульту, подтвердили их предположение.

Команда кочевников работала в темноте, но других мер предосторожности Гэн с Налатаном не заметили. Наполненные газом горшки, спрятанные в двух укрытиях у невысокого холма, не охранялись. Размеры этих горшков поразили Гэна. Он провел по ним рукой, как бы знакомясь с трубчатыми выступами и деревянными пробками. Выяснив, что обнаруженные снаряды начинены хлором, Гэн с Налатаном потихоньку отошли.

В нескольких шагах к востоку они неожиданно обнаружили команду кочевников, возившихся с лебедкой орудия. Увидев массивный силуэт стенобоя на фоне звездного неба, оба диверсанта замерли в благоговейном страхе перед этой махиной и немного отползли назад. Человек, отдававший команды, стоял на платформе. В руке он держал небольшой фонарь, повернув его темной стороной к замку. Словно тень, он метался по платформе, проверяя состояние механизма; его движения были быстрыми и уверенными. Нагнувшись, он подвесил фонарь на уровне глаз.

Гэн с Налатаном сразу же узнали Лиса. Налатан тихонько присвистнул, но этот свист был не громче комариного писка. Гэн понял сигнал.

Очень осторожно Налатан приготовил бурдюк, наполненный горючей жидкостью. Гэн вложил стрелу и натянул тетиву. Они кивнули друг другу. Выпуская стрелу, Гэн закричал:

— Лис!

Суетящийся на платформе человек мгновенно отпрянул, но стрела все же настигла его, попав в грудь. Лис покачнулся, отклонился назад, обхватил себя руками и рухнул на колени.

Бурдюк уже со свистом летел в воздухе, целясь в самое сердце разрушительного орудия. Горючая жидкость растекалась, заполняя все щели и трещины деревянной конструкции. С глухим стуком горящие стрелы достигли цели. Огонь охватил дерево. Лис попытался подняться с колен, но пламя настигло и его. Он беззвучно корчился, лежа в центре всего этого сооружения.

Теперь Гэн спустил собак на ошеломленную команду кочевников, работавших с орудием. Еще четверых достали его стрелы. С демоническим воем собаки помчались в темноту, готовые разорвать на части и растерзать всех, кто попадется на их пути. Они буквально сдирали кожу с убегающих кочевников, и ночную тьму пронзали крики ужаса, обрывавшиеся с пугающей внезапностью.

Налатан щедро посыпал черным порошком горки круглых горшков. С помощью тлеющего уголька он зажег фитили. Как только те зашипели, он свистнул Гэну, и тот, дунув в серебряный свисток, отозвал собак.

Гэн с Налатаном уже возвращались к замку, когда дорогу им преградил конный дозор.

Испуская пронзительные вопли и зажигая стрелы, кочевники атаковали их. По сигналу Гэна Шара и Чо набросились на лошадей. Точный ответный огонь Гэна и Налатана превратил все вокруг в кромешный ад. Лошади становились на дыбы, дико ржали и падали. Всадники валились на землю, где их настигали разъяренные псы. Воины в панике разбегались. Гэн и Налатан пытались выбраться из этой озверевшей и проклинающей все на свете толпы.

Придя в себя, командир всадников закричал, приказывая своим воинам оставить собак и не упускать убегавших людей. Гэн и Налатан поспешили к замку, крича, чтобы погасили фонарь. Им ответил сконфуженный крик, но фонарь продолжал гореть, отчетливо высвечивая двух бегущих людей.

Налатан остановился, чтобы поправить висевший за спиной лук. Ближайший к нему кочевник резко осадил коня, отрезав ему дорогу к замку. Еще четверо всадников окружили воина-монаха. С призывными боевыми криками появилось подкрепление.

Оставшиеся всадники начали пускать зажженные стрелы в Налатана. Пытаясь уклониться от них, он прокричал остановившемуся было Гэну:

— Беги! Если ты задержишься, то у меня не будет ни малейшего шанса избавиться от них в темноте. Не позволяй мне умереть здесь ни за что. Спасайся, беги.

Судорожно подергиваясь, Гэн стоял в полной нерешительности. Из темноты к нему подбежали Шара и Чо. Налатан повторил свою просьбу, почти приказ. Беззвучно плача от потери, ярости и боли, Гэн побежал. Прокричав свое имя человеку на стене, он ввалился в дверь вместе со своими собаками. Затем обернулся, увидев Налатана, который мчался от стены в темноту, в сторону моря.

Весь лагерь Летучей Орды гудел. Подожженный стенобой выглядел как огромный горящий факел в осином гнезде. Испуганные кочевники бежали прочь из леса.

Водород многократно усилил эффект взрыва черного порошка. Это не был просто мощный взрыв — ночь всколыхнул грандиозный каскад нарастающего по силе звука и огня. В темное небо взметнулось сине-фиолетовое пламя, пронесшееся огненными шарами. Раскатившиеся по полю снаряды оглушительно взрывались, порождая разлетающиеся во все стороны огонь и искры.

Разрывающиеся горшки с хлором таили еще большую угрозу. Невидимая безмолвная сила сковала темноту, обнаруживая себя только внезапными пронзительными криками

агонизирующих жертв. Взбесившиеся лошади в панике убегали прочь. Охваченные безумием люди криком взывали о помощи и разбегались куда глаза глядят.

В центре всего этого кошмара башня стенобоя наклонилась и с треском и грохотом рухнула на землю.

В замке растрепанная и взъерошенная Тейт с опухшим после сна лицом и полными ужаса глазами стояла между Нилой и Сайлой. Они старались поддержать ее. Голосом, полным неверия и обвинения, она умоляла Гэна сказать ей, что это неправда, что человек, оставшийся в одиночестве за стенами замка среди кочевников Летучей Орды, не был ее мужем.

Глава 93

Доннаси Тейт словно обезумела. Сайла и Кейт отвели ее в дом исцеления, уговорили выпить немного успокоительного чая, но даже после этого она не могла прийти в себя, и ее уложили в постель. Тейт дрожала и плакала, бормоча что-то на незнакомом странном языке. Сайла лишь с удивлением смотрела на нее, а Бернхард часто вздрагивала и отворачивалась, как будто что-то понимала во всей этой тарабарщине. Когда Анспач и Картер зашли навестить свою подругу, Кейт сказала:

— Она сейчас в забытьи. Бредит. Она знакомила Налатана со своей семьей, говорила о футболе. Потом объясняла какой-то Марии, почему она добровольно пошла в эту пещеру.

Все эти фразы не имели никакого смысла для Сайлы. Но речи Тейт напугали остальных трех женщин, и они перенесли ее кровать в дальний угол комнаты, чтобы она могла спокойно отдохнуть.

Однако при первых же звуках военного барабана Тейт поднялась. Она еще пошатывалась, как безумная, но держала себя в руках и ни за что не соглашалась снова улечься в постель.

Кочевники зажгли факелы. Светящаяся волна прерывалась, скрываясь за деревьями, и появлялась снова, разгораясь еще ярче. Огоньки были разбросаны по всему лесу, они двигались, создавая загадочную прозрачную картину. Когда они показались из-за деревьев, раздалась дробь барабана Летучей Орды. Зажглись и другие факелы, и вскоре город оказался окружен огоньками. Огромный барабан все выбивал дробь в ритме биения человеческого сердца.

Первая группа факелов выдвинулась вперед. Зажегся огонь и на повозках кочевников, дополняя картину окантовкой из массивных золотистых фонариков.

Однако спектакль, разыгранный по всем законам жанра и с атрибутами, придающими ему красоту и загадочность, не удался. Возможно, причиной тому был монотонный глухой звук барабанов или прохладный легкий туман, наступавший с запада и смазывавший световой рисунок.

Первые ряды кочевников подошли поближе, и осажденные увидели белый флаг. Чуть позади лошадь тащила какую-то повозку.

Тейт удивила стоявших рядом с ней Гэна и Конвея, мгновенно разгадав, в чем дело. Вздохнув, она произнесла единственное слово:

— Налатан.

Гэн перегнулся через стену.

— Да, в повозке кто-то стоит, возможно, это он, — произнес он слабым голосом.

Голос Тейт был ровным и безжизненным:

— Это он. Они привезли его, чтобы показать нам.

Цель этих маневров стала ясна. Стена, окружающая сам замок, была немного выше городских. Кочевники Летучей Орды не могли стоять на городской стене — она простреливалась метательными снарядами осажденных, но ей не могли воспользоваться и защитники замка. Наступающие отряды стремились овладеть стыком этих двух стен, что означало бы триумф Орды. Леклерк присоединился к Конвею и Гэну, поспешив за

обезумевшей Тейт.

За первой группой с белым флагом следовал большой отряд кочевников. Сгрудившись в темноте, они сопели и перешептывались между собой.

Освещенная группа остановилась, и воины воткнули свои факелы в землю, расположив их так, что образовались две линии, перпендикулярные стенам замка. Повозку развернули торцом к строю кочевников, установив ее между факелами. В центре повозки стоял привязанный к кресту Налатан, как будто его распяли. Он искал глазами Тейт. Она окликнула его, и он бесстрастно кивнул ей в ответ. Было не похоже, что он ранен. Перегнувшись через стену, Тейт снова позвала его, но Конвей оттащил ее назад, сказав:

— Я знаю, как тебе больно, Доннаси, но ему еще больнее видеть твои страдания. Не доставляй удовольствие нашим врагам. Держись, ради него. — Тейт не могла оторвать глаз от Налатана, но заставила себя успокоиться.

Одетый во все белое от тюрбана до башмаков, Жрец Луны спешился и, подойдя к повозке, взобрался на нее. Жнея присоединилась к нему, не поднимаясь на повозку.

Обращаясь к осажденным, Жрец Луны сказал:

— Эта война дорого обошлась тебе, Мурдат. И мне тоже. Мой союзник, Жнея, предлагает нам заключить мир. Думаю, что мы могли бы прийти к какому-нибудь соглашению.

Гэн посмотрел на Тейт. Ее лицо исказилось от боли и отчаяния.

— В обмен на жизнь Налатана я дам ему все, что смогу.

Доннаси взглянула на него и, не говоря ни слова, перевела взгляд на происходящее внизу.

Леклерк проскользнул за спину Гэна, прошипев:

— Отвечай ему. И пусть он говорит. Дай ему возможность сказать все, что угодно и о чем угодно, но продолжай переговоры. — Его тон не допускал никаких возражений. Он обратился к Тейт: — Доннаси, спустись со стены и подбери крепкую команду. Действуй по своему усмотрению, но помни, что удар должен быть нанесен быстро и жестко. Ждите около Южных ворот и будьте наготове. Не беспокойся о сигнале и не задавай никаких вопросов.

Тейт оставалась безучастной.

— Не понимаю, о чем ты.

— Помоги мне спасти его или не мешай. Мы не можем понапрасну терять время. Готовься выехать из замка и вызволить его из повозки или возвращайся назад, я найду кого-нибудь, кто поможет мне.

Из темноты раздался голос одного из Волков:

— Я пойду.

Тейт подскочила как ошпаренная.

— Тогда ты пойдешь со мной. Идем. — Она буквально смела Леклерка со своего пути. Он вздрогнул, невольно отступив назад. Лицо Леклерка еще хранило улыбку, когда он повернулся к удивленному Гэну и сказал:

— Пусть займется делом. Она сейчас в ярости, и это хорошо. Остается надеяться, что ее гнев обрушится не на меня. — С этими, словами он поспешил к лестнице, позвав за собой Конвея.

Уходя вслед за Леклерком, Конвей услышал, как Гэн спрашивает Жреца Луны, к чему ему столько воинов для переговоров под белым флагом. Ответ Жреца Луны прозвучал оскорбительно.

— Я знаю, что ты умный парень, но знаю и то, что можешь обмануть. Поэтому я и пришел с моими передовыми отрядами.

Моля небеса, чтобы Гэн не потерял самообладания, Конвей бросился за Леклерком. Догнав его, он спросил:

— Что ты задумал, Луис?

— Я тут кое-что захватил с фермы. Надеюсь, эта штука сработает.

Конвей почти остолбенел от удивления.

— Ты в своем уме? Ты же дал Тейт надежду, что спасешь Налатана.

Они пробрались к повозкам в выгоревшем аббатстве Фиалок. Сдирая чехол с одной из них, Леклерк резко повернулся к Конвею.

— Если у тебя есть хоть какая-то идея, то выкладывай, и будем действовать. Я уже сказал ей и повторяю тебе: заткнись и помогай или предложи что-нибудь получше. — Леклерк отвернулся, как бы демонстрируя, что он просто не в состоянии вынести непослушания. Он подозвал нескольких Волков из отряда контрнаступления:

— Вы, двое, подойдите сюда и помогите мне.

Трое бойцов достали из повозки большой ящик. Длина и ширина его были приблизительно равны длине руки человека, а высота — с рост человека. Конвей держал в руках треногу. Все вместе они направились к стене. Уже наверху Леклерк приказал своей импровизированной команде собирать устройство, пристроив его у стены.

В ящике лежал большой предмет, похожий на тарелку из полированного серебра. Ее быстро установили на треногу. Конвей спросил:

— Это рефлектор? Зачем он тебе?

Не отвечая, Леклерк присел на корточки рядом с Гэном, стараясь, чтобы его не заметил Жрец Луны. Гэн прошептал:

— Луис, делай же что-нибудь. Я долго не продержусь, хотя он и болтлив, как сорока.

— Подбрось ему мысль поговорить о религии.

Гэн глянул вниз, и Леклерк сказал:

— Мне нужно еще немного времени.

Гэн согласно кивнул, и Леклерк поспешил к Конвею. Он позвал двух человек, тащивших провода. Луис быстро подсоединил один провод к генератору, а другой к контакту на обратной стороне тарелки. С внутренней стороны в зажимы держателей он вставил два черных цилиндрических предмета, похожих на сигары с одним заостренным концом. Эти заостренные концы почти соприкасались. Леклерк сказал Конвею:

— Когда я махну рукой, ты поставишь эту штуку вертикально, нацелив ее на Жреца. Не заслоняй прибор. Нажми вот здесь и крикни команде, чтобы крутили генератор. Этой рукояткой подвинь верхний цилиндр. Как только генератор наберет обороты, соедини цилиндры, и они загорятся. Потом разведи их. — Леклерк повернулся, собираясь уйти.

— Подожди. — Конвей удержал Леклерка. — Что же эта штука делает?

Леклерк раздраженно высвободился.

— Ты уже все забыл. Это угольный прожектор. Цилиндры сделаны из смеси порошкового угля и смолы, да еще древесных опилок, которые служат связующим веществом. Сейчас они увидят самый яркий свет с тех пор, как мы попали в криогенные капсулы. Во всяком случае, я надеюсь.

— Но ты ведь никогда не проверял это устройство. Верно?

Леклерк слабо усмехнулся.

— Я уже говорил: у тебя что, есть идея получше? — Он направился к Гэну, не собираясь больше понапрасну терять время.

Жрец Луны продолжал разглагольствовать:

— Мы слишком задержались. Сдавайтесь мне на милость, вероотступники: Леклерк, Конвей, Сайла и Ланта. Я отдам вам Налатана, и все остальные останутся живы. Если откажетесь, то все защитники замка будут уничтожены, как колдуны и ведьмы. Я жду вашего решения.

Гэн невольно взглянул на Тейт. В тусклом свете факелов ее лицо было словно из черного камня. В непокорно вздернутом подбородке чувствовался вызов и неповиновение, но легкое подрагивание плеч выдавало ее истинные чувства — крушение всех надежд.

— Скажи ему, что он мошенник и обманщик и что у него нет никакой реальной силы, — произнес Леклерк.

Гэн вздрогнул, быстрый взгляд, брошенный на Леклерка, выдавал его смятение. Но он снова повернулся к Жрецу Луны.

— Чтобы убить узника, много войска не нужно. Вы затеяли этот спектакль, чтобы прикрыть свою слабость.

— Ну что ж, я это сделаю. — На его лице появилась самодовольная ухмылка, а в наглом тоне звучал вызов. Он пригласил Жнею подняться на повозку и встать рядом с ним.

Нервный приглушенный шум пронесся над стеной — все это не предвещало ничего хорошего. Лучники натянули тетиву своих луков.

Став рядом с Налатаном, Жрец Луны достал из-за пазухи толстых гремучих змей. Шум на стене превратился в стон, который быстро нарастал, разносясь во все стороны. В массе всадников, сгрудившихся позади Жреца Луны, пронесся тот же звук.

Напротив, Леклерк не терял присутствия духа, хотя и заметно нервничал.

— Мы достанем его, — сказал он, схватив Гэна за руку. — Скажи ему, что даже божество не может угрожать убить пленника под белым флагом. Мать-Луна лишит его власти. Скажи ему об этом.

Гэн нахмурился, но передал слова Леклерка, голос его прозвучат зловеще и убежденно. Жреца это только позабавило. Он вяло махнул рукой толпе позади него, указывая через плечо:

— Безбожники не могут навредить мне.

Волк наклонился к Гэну.

— Никакое он не божество. Он просто прячется позади Налатана, Мурдат. Разреши мне запустить метательный снаряд в них обоих. Налатан будет только благодарен нам. Не позволь этим тварям искусать его.

Гэн ответил:

— Этим ты убьешь служительницу Церкви. — Затем он повернулся к Леклерку: — Ну как?

— Кричи. Скажи ему, что ты сейчас приведешь Луну. Скажи ему это. — Леклерк позвал Конвея: — Поднимай эту штуку и включай.

Гэн заговорил громовым голосом, эхом отзывавшимся в ночи:

— Луна, как и все остальное, — это часть Вездесущего. Нельзя искать бога там, где его нет. Трюкач! Обманщик! Истинная Церковь, настоящая Церковь здесь, и я докажу это. Сейчас по моей команде явится Луна.

После слова «сейчас» Леклерк отдал приказ Конвею и подал сигнал Тейт. Воины поспешили открыть Южные ворота. Оживший генератор многообещающе загудел.

Конвей дернул переключатель, но ничего не произошло. Гэн с волнением взглянул на серебряный диск. Его зеркальная поверхность слабо мерцала в свете горящих факелов. Она была такой же бледной, как полная луна перед осенним равноденствием, покрытая легкой дымкой тумана. Все это выглядело явным мошенничеством, просто грубым надувательством. В темноте позади передовых отрядов Жреца нарастали хриплый смех и непристойные угрозы.

На верхушках соединенных угольных цилиндров появились едва заметные красные пятна.

— Не двигайся, Гэн. Сейчас у нас все получится, — сказал Леклерк.

Смех Жреца Луны был словно удар кнутом. В раскатистом голосе Жнеи звучала триумфальная насмешка победителя:

— Вы будете сожжены. Все вы. Мне видится пламя, которое пожирает все вокруг, оно уничтожит ложную Церковь, все вы погибните.

Вдоль стен пронесся стон, люди искали поддержки друг у друга. В воздухе висело отчаяние и, даже хуже того, проклятие.

Люди осеняли себя Тройным Знаком, Двойным Знаком, губы шептали молитвы. Бесстрашные сердца, не боявшиеся смерти, сейчас оробели при мысли о суровом мраке загробного мира.

— Ты просто одурачил нас, Луис. Я не знаю, что ты собираешься делать, но вижу, что дух Волков сломлен и мы должны что-то предпринять, — в отчаянии произнес Гэн.

Красные пятна в цилиндрах внезапно вспыхнули белым, раздался треск, и во все стороны полетели струи бело-голубого дыма.

Конвей дернул рукоятку, разъединяя цилиндры. С громким хлопком набиравший силу свет померк, и верхушки цилиндров снова покраснели.

— Я же говорил — не так быстро, ты все погубишь! Снова соедини цилиндры и медленно разведи их, — диким голосом закричал Леклерк.

Из темноты доносился мрачный ропот Орды. Где-то вдалеке звучала победная дробь военных барабанов. Пронзительно закричала Жнея, ее угрожающий смех заставил всех содрогнуться.

Дрожа от волнения, Конвей начал все сначала. Рубиновое свечение опять побелело, становясь все ярче. Цилиндры ожили, разбрасывая ослепляющие искры. Диск заработал, луч света был направлен прямо на повозку Жреца Луны.

Змеи извивались у того в руках. Ослепленный ярким светом, он поднял их вверх, защищаясь от направленного на него потока лучей. Змеи вырвались из рук, упали ему на плечи и оказались прямо перед Жнеей. Двигаясь совершенно синхронно, разинув пасти и клацая ядовитыми зубами, они бросились на искаженное от ужаса лицо.

Тейт во главе небольшого отряда стрелой вылетела из ворот. Они оказались на повозке прежде, чем ошеломленные воины Жреца Луны пришли в себя от удивления. Быстрый удар меча разрубил веревки, связывающие Налатана, и чьи-то руки положили его поперек седла Тейт. Воины были уже у ворот до того, как кочевники поняли, что их провели.

И до того, как они сами осознали, что в спешке никто не прикончил Жреца Луны.

Сейчас он лежал под повозкой, вопя и взывая о помощи, а на повозке, безумно крича, корчилась от боли Жнея. Волки, уже державшие наготове луки, боялись стрелять, чтобы не попасть в женщину, хотя все знали, что она умирает.

И тут в полной мере проявилось вероломство Жреца Луны.

Пока он вел переговоры с Гэном и все внимание его людей было привлечено к Южной стене, отряды Летучей Орды просочились через выжженный город с востока. Сейчас, увидев невероятное свечение, превосходящее саму луну, они поднялись как один.

Они видели оружие, которое убивает непонятным образом. Они видели, что их стенобой, превозносившийся как чудо военной техники, лежит разбитый на куски. И все же они пошли в атаку, не в силах видеть, как их собственный божественный символ лежит поверженный, дрожащий и взывающий о помощи.

Несколько человек, сопровождавших Жреца в его вероломной миссии, сейчас пытались спасти его. Сняв путы с лошадей, они отвели повозку в сторону. Жрец Луны отползал на четвереньках в темноту под охраной своих защитников.

Барабанный бой вдалеке, прежде звучавший высокомерно и надменно, постепенно затихал и наконец пропал совсем.

Разнеслось зловещее завывание. Это был волчий вой. Звук разрастался, разносясь по всей округе, постепенно он усиливался и становился все более уверенным.

Поля перед замковой стеной опустели.

Победившие защитники замка замерли в глубоком молчании. Гэн прислонился к холодному камню, положив на него голову. В этой наступившей тишине он слышал и освобождение, и потери, и надежды, которые приходят к каждому выжившему воину. Как молчание бойца, который выжил, но заплатил за это слишком высокую цену. То самое драгоценное мгновение, омраченное лишь осознанием того, что оно должно пройти. И должно повториться.

Гэна не заботило, что кто-то может увидеть его слезы. Он лишь боялся: ему придется признаться, что это плач не только по убитым и изувеченным друзьям.

Факелы постепенно отступали в лес, защищающий Орду. Их былая воинственность увядала, превращаясь в апатичное бледное мерцание, а затем они и вовсе исчезли. Похожие на светильники повозки кочевников двигались сквозь тьму как фантомы, ищущие утешения в единении. Несколько повозок образовали круг, и вскоре внутри этого круга запылал огонь.

— Погребальный костер, — сказал Конвей. — Они провожают в иной мир своих умерших. Все закончено, мы победили.

В рядах победителей не было бурного веселья. Безмолвные Волки наблюдали за бушующим пламенем, следили за факелами, постепенно исчезающими в глубине леса.

На поле сражения появились Нила и Сайла.

— Тейт в доме исцеления вместе с Налатаном. Он чувствует себя хорошо, у него лишь несколько ушибов. Леклерк сейчас вместе с Бернхард. Они рассказали мне, что Жнея говорила что-то о своем видении, о пламени, — сказала Нила.

Гэн повернулся и взглянул на нее, содрогаясь при виде изможденного лица, одежды, испачканной, когда она ухаживала за ранеными. Посмотрев ей в глаза, Гэн ответил:

— Видения и пророчества. По-видимому, их всегда нужно истолковывать. — Он задумчиво улыбнулся.

Глава 94

Спустя восемь дней после отступления Жреца Луны к Восточным воротам подошла группа воинов. Там их уже ждали. Волки, получившие приказ наблюдать, не обнаруживая себя, заметили их задолго до того. Разведка доложила, что воины вооружены тяжелым оружием.

Когда отряд подошел ближе, люди, занимающиеся восстановлением разрушенных стен, побросали свою работу. Испуганные женщины поспешили забрать детей. Ребята, сумевшие убежать от материнской заботы, ринулись занимать удобные места на стене, проскальзывая мимо пытавшихся их ухватить Волков.

Гэн, стоя рядом с Конвеем и Налатаном, старался не обращать внимания на эту возню. Он беспокоился за тех немногих Волков, что сейчас карабкались на стены, занимая оборону. Обернувшись к городу, Гэн нахмурился — по лицу промелькнула тень опасения за женщин и детей, недавно покинувших надежные стены замка.

Как донесла разведка, приближающийся к городу отряд насчитывал всего двадцать всадников. Говорили также, что эти люди пришли с запада. Второй отряд был гораздо подозрительнее. Оставаясь в лесу, он двигался параллельно первому, но не приближался.

Разведчики дознались, что эти двадцать человек, побывав в лагере уцелевших кочевников из племени Летучей Орды и их союзников из Людей Реки, говорили со Жрецом Луны. Жрец уже возложил вину за смерть Жнеи на отступницу Церковь, а за свое поражение — на объединенное могущество нескольких известных колдуний из Олы. Некоторые в его армии верили. Многие нет.

Но эти новые люди, поговорив с ним, отправились прямиком в Олу.

Гэну все это не нравилось.

Поднявшейся на стену Сайле он неожиданно резко заметил, что ей тут не место. Она вскинулась:

— Двадцать человек? Да они едут так, будто отправляются на рынок. Разве это настоящая опасность?

— Мы не знаем, кто они и что им надо. И кого может послать Сестра-Мать, после того как убили ее Жнею. На всякий случай держись подальше.

Сайла покачала головой. Легкий ветерок подхватил густую массу черных волос, и они заколыхались как расправленные крылья. Темные пряди упали на спину и плечи. Поправляя волосы, она провела левой рукой по правому плечу. Тяжелый золотой браслет, охватывающий запястье, блеснул на солнце.

Лошадь ехавшего впереди всадника нетерпеливо гарцевала, вытанцовывая замысловатые фигуры. Внезапно она рванулась вперед, так быстро и неожиданно, что остальные сразу же остались далеко позади.

Вдоль стены прокатилась волна тревоги. Воины проверили луки. Звук доставаемых из ножен мурдатов зазвенел как металлический дождь.

Всадник приближался, грива коня колыхалась на ветру, а хвост несся, как развевающееся знамя.

Взглянув на Гэна, Сайла заметила, как быстро сменяли друг друга выражения на его лице, как будто капли дождя барабанили по воде, — каждое было непохожим на все остальные и таким мимолетным, что исчезало, только появившись. Ее сердце бешено заколотилось в груди. Сайла произнесла лишь одно слово:

— Он?

Ответом была его усмешка. Невольно вскрикнув, она стремглав помчалась вниз по лестнице.

Клас на Бейл соскочил на землю, когда его боевой конь, еще не успев окончательно остановиться, яростно бил копытами, вырывая комья грязи. Подхватив Сайлу на руки, он закружил ее, и она вскрикнула от восторга. Когда он поцеловал ее, мир еще раз закружился, и в глазах у Жрицы Роз потемнело. Сжимая в объятиях и пожирая ее глазами, Клас воскликнул:

— Больше никогда! Никогда не отпущу тебя, не дам уйти. Ни за что.

— Да, — только и смогла произнести Сайла, но это было то единственное слово, ради которого она жила. Именно его ей так долго не хватало. — Мы будем вместе. Мне незачем никуда уезжать. Мы будем жить вместе. Не будет больше походов, не будет…

Он снова поцеловал ее, и стало ясно, что простого «да» было вполне достаточно.

Гэн ждал, стоя в стороне. Наконец Клас заметил его. Мужчины обнялись. Обступившие их Волки тихо перешептывались, указывая на странный черный квадрат, вытатуированный на щеке Класа. Обсуждали шрамы. Послышалось несколько удивленных возгласов, что наставник Гэна немного ниже своего ученика. Другие говорили, что у него мускулы как у степного медведя.

Клас снова обнял Сайлу, как будто боясь, что она исчезнет. Гэну он сказал:

— Мы пытались добраться сюда вовремя, чтобы помочь вам. Я рад, что наша помощь не понадобилась.

Гэн с усмешкой поправил:

— Ваша помощь была нужна. Мы победили, но потеряли много людей. Слишком много. Даже такой маленький отряд мог бы помочь.

— У нас есть еще столько же воинов из нашего племени и еще Ночные Дозорные со своими собаками. И в два раза больше воинов Малых.

Гэн моргнул.

— Малых? С тобой?

Нарочито небрежно Клас произнес:

— Разве ты не знал? Мы большие друзья, Люди Собаки и Малые. Они прекрасные воины. — С хитрой усмешкой, он добавил: — Спроси Доннаси. Тебе рассказал бы и Лис, но Жрец Луны сообщил нам, что он умер.

— Мои разведчики донесли, что ты говорил со Жрецом Луны.

— Я предупредил, чтобы он не совался на земли Трех Территорий. Сейчас он договаривается с Людьми Реки, чтобы оставить у них раненых и семьи убитых. Речные не слишком-то радуются.

Сайла сказала:

— Выделите немного земли племени Малых. Еще многие собираются прийти с юга. Они хотят поселиться у подножия холмов и в горах.

— Почему не подходят приехавшие с тобой Малые? — спросил Гэн. — И что со вторым отрядом?

Неопределенно хмыкнув, Клас смиренно взглянул на Сайлу.

— Что-то вроде ритуала. Вроде мужского братства. За все отвечает Тиниллит. Тейт его знает.

Сайла насторожилась. Ритуал и братство замешивали сюда религию.

— Кажется, Малые знают кое-что интересное о мозгах. Что-то вроде того, как

подавлять боль.

— Вот именно, — приободрился Клас, еще крепче прижав ее к себе. — У них можно многому научиться. И они поддерживают связи с Церковью.

Отряд Людей Собаки под предводительством Класа уже вошел в город, и повсюду слышались их молодые голоса, восхищавшиеся зданиями. Люди запросто общались. Некоторые из прибывших были ветеранами войны с Алтанаром. Оживленно жестикулируя, они разговаривали громче других, хвастаясь своим опытом и рассказывая истории спустившимся со стен воинам.

Гэн, Сайла и Клас втроем двинулись к замку. Гэн отправил гонцов искать своих ближайших друзей, включая Леклерка и Бернхард, перестраивавших ферму. Все остальные уже собрались в обеденном зале замка, когда, держа шляпу в руке, вошел молодой человек и сообщил, что Леклерк и Бернхард вынуждены остаться, чтобы поговорить со своими соплеменниками, но они приглашают всех остальных присоединиться к ним на ферме.

Эта идея понравилась. Оживленно болтая, все отправились «в гости». Когда они добрались до места, все еще царило праздничное настроение. Луис и Кейт, стоя на крыльце, приветствовали гостей с истинно деревенским радушием, предлагая горячий чай. Стол ломился от свежего хлеба, копченой ветчины, сыра, масла и медовых сладостей.

Сайла заметила, что Леклерк казался чем-то озабоченным. Она поделилась своими мыслями с Лантой. Ее маленькая подруга согласилась:

— Он насторожен. Не сильно взволнован, но ему хочется, чтобы все чувствовали себя хорошо. Мне кажется, он что-то задумал.

Пророчица оказалась не слишком далека от правды. Через некоторое время Леклерк попросил внимания.

— Прошу меня простить, но я хочу попросить всех моих соплеменников отойти от своих жен и мужей и пойти со мной. Нам нужно кое-что обсудить наедине.

Гэн поднялся, держа в руке чашку чая.

— Мы достаточно доверяем друг другу, чтобы позволить вам обсуждать что-то наедине. Мы подождем здесь. Так даже лучше — те, кто останется, разведут огонь. Сегодня мы приготовим еду на улице, ужин будет у костра. Устраивает?

Все согласились. Отряд «соплеменников» верхом отправился вслед за Леклерком и Бернхард. Хозяева отказались обсуждать причины такого путешествия. Дорога не заняла много времени, и вскоре они очутились на гребне холма, откуда открывался вид на небольшую долину. Там все обступили какой-то загадочный, лежащий на земле предмет, спрятанный под чехлом из материи племени Фор. Загадочная конструкция покоилась на четырех толстых деревянных ножках. Спешившись и знаком показав остальным последовать их примеру, Леклерк и Бернхард встали около нее.

Засунув руку в карман, Леклерк извлек оттуда красную книжку, театрально помахав ею в воздухе.

— Люди нашего времени. В капсулах, как и мы. Все это было и прошло. Помните эти числа? Каракули? Это из-за них мы здесь. Радиочастоты. Низкочастотный диапазон.

Взяв книгу, Конвей посмотрел на числа.

— Слишком низкие частоты, Луис.

— Они лучше распространяются. На них легче настраиваться, и я это уже проделал. — Леклерк приподнял материю Фор. Под ней оказался странный предмет.

Картер произнесла:

— Похоже на электронное насекомое. Что это за штука?

В ответ Кейт и Луис ненадолго покинули компанию и вернулись, таща за собой длинные провода. Кейт сказала:

— Луис натянул через долину провод — антенну. Пожалуй, это самое примитивное радио со времен Маркони, но это радио. Оно принимает сигнал.

В воздухе повисло восхищенное молчание. Голос Леклерка дрожал, когда трясущейся рукой он указал на небольшой лимб солнечных часов.

— Видите эти три камня? Когда тень ложится на каждый из них, я слышу сигнал. Длинный. Я бы сказал, что это машина, такая же, как и та, что поддерживала нашу жизнь, простирает мертвую руку через столетия. Но я принимаю и случайные сигналы. Иногда длинные, иногда короткие, но всегда на одной и той же частоте.

Тейт сказала:

— Даже не верится. Кто-то?.. — Она замолчала, подавленная смыслом фразы.

Леклерк кивнул:

— Передает. Причем с большой мощностью, иначе я бы не смог принять сигнал. Нас ищут.

— Или это кто-то такой же, как и мы, — хмуро подала голос практичная Картер. Леклерк кивнул, соглашаясь, хотя ему и не понравилось, что его поправили.

Анспач сказала:

— Ты можешь определить, где находится передатчик?

— Нет, никак. Но мы знаем, где находятся пещеры.

Когтей покачал головой.

— Верно ли твое предположение, что это сигнал?

Бернхард повернулась к нему:

— Оно верно. Мы проверяли. В течение четырех дней.

Конвей осторожно произнес:

— Четыре дня — не слишком большой срок, Кейт.

Вмешалась Тейт:

— А для меня достаточно большой. Луис знает, что говорит. Давайте послушаем, уже время. — Она указала на камень, к которому подбиралась тень от гномона.

— Слушать нечего. — Леклерк указал на крошечный зазор в идущем к земле проводе. — Смотрите сюда.

Сбившись в кучу, люди напряженно молчали.

— Вот! — закричал Леклерк, показывая.

Тейт выпрямилась:

— Это все? Эта крохотная голубенькая искорка? Это и есть твой сигнал?

Слишком увлеченный наблюдением за искрой, Леклерк резанул воздух ладонью.

— Точно вовремя. Как я и говорил.

Долгое время после того, как искра исчезла, все неподвижно смотрели на провод, как будто что-то еще видели. Гнетущая тишина. Первым нарушил молчание Конвей:

— Хорошо, это сигнал. И что дальше?

Картер, вскочив со своего места, отошла на пару шагов и, подняв руку, заговорила, обращаясь ко всем:

— Не спешите… Никто ничего не должен говорить. Кроме нас, есть еще и другие. Нужно подумать.

Тейт возразила:

— Нужно подумать, это правда, но думать быстро. Мы должны решить: отправляться на поиски этих людей или нет. Но Дженет права. Кроме нас, есть еще и другие. Для меня это Налатан. Для нее, Сью и Кейт это Избранные. — Тейт подмигнула Леклерку. — Ну и, может быть, они тоже. — Луис, нахмурившись, заметно покраснел, а лицо Кейт просто пылало. Тейт продолжила: — Если кто-нибудь хочет идти или остаться — это его дело. Я предлагаю решить это по дороге на ферму. Там мы все выскажемся. Никто не будет задавать вопросов, и никто не будет спорить. Согласны?

Последовало долгое напряженное молчание. Леклерк рассеянно разбирал свое примитивное радио и закрывал его чехлом. Потом он задумчиво проговорил:

— Мне кажется, это наилучший выход. Наше собственное решение, к которому мы придем, исходя из личных причин. Когда мы вернемся, я буду говорить первым, если никто не возражает. Никто не возражал. Снова воцарилась тишина. Обратная дорога показалась долгой и тяжелой.

У огня их встретил жизнерадостный Гэн.

— Как раз вовремя. Мы скоро начнем готовить. — Вглядевшись в их лица, он осекся. Радость померкла. — Что-то случилось? Почему вы так серьезны?

Они спешились, как будто стыдясь взглянуть в глаза. Тейт сразу же пошла к Налатану, а Конвей быстрыми шагами направился к Ланте. Та встревоженно посмотрела на него, но Конвей лишь покачал головой.

Леклерк сказал:

— Мы пришли к тебе как странники, Мурдат. — Обращение заставило Гэна насторожиться. Леклерк поспешно продолжил: — Ты знаешь, что мы не такие, как все. Ты знаешь, что мы доверяем тебе, как ты доверяешь нам. Сейчас я прошу тебя принять одну тайну. Мы — все люди нашего племени — получили сообщение, посланное способом, известным только нам. Если об этом секрете станет известно за пределами этого собрания, то мы все умрем как колдуны. Но мы не колдуны. Просто мы не такие, как все. Мы просим тебя понять это. Сообщение требует, чтобы мы приняли решение, что делать дальше. Мы расскажем вам все, потому что вы так дороги нам.

Осенив себя Тройным Знаком, Гэн осторожно произнес:

— Кто будет говорить первым? — Нила медленно отошла от него. Также осенив себя Тройным Знаком, она стала в стороне, оставаясь все же поблизости, готовая прийти на помощь.

Клас на Бейл выступил вперед, заслонив плечом Сайлу. По его скулам заходили желваки, когда она отказалась от такого покровительства, с неменьшим упорством шагнув вперед.

Разговор о тайнах и колдунах не ладился.

— Первым буду говорить я, — твердо произнес Леклерк. — Я помог Трем Территориям и вам. И я завидовал вам. Я сказал себе, что хочу править. — Лицо Гэна потемнело. Леклерк не обратил на это внимания. — Я ошибался. Вождя из меня не получится. Но я могу помочь вам. Я могу сделать Три Территории сильнее. Клянусь вам в своей верности. Я остаюсь с вами.

Торжественно кивнув, Гэн взглянул на Бернхард.

— А ты, Кейт Бернхард?

Застигнутая врасплох, Кейт смешалась, руки ее подергивались, а рот растерянно открывался. К лицу прилила краска.

— Дети, Избранные. И… и все остальное. Я хочу сказать, что остаюсь здесь.

Леклерк подошел к ней. Мрачная решимость подчеркивала его неловкость. Но когда он взял ее руку в свою, движения его были нежны и уверенны. Кейт удивленно взглянула на него. Леклерк произнес:

— Если она согласится, я попрошу ее выйти за меня замуж.

Кейт остолбенела. Потом взорвалась:

— Как такой умный человек может вести себя так глупо? Ты кого спрашиваешь, его или меня? Конечно, я выйду за тебя замуж. Я люблю тебя, дурачок. — И она поцеловала его.

Вздох одобрения прокатился по толпе, а когда все стихло, Конвей сказал Гэну:

— Я остаюсь. Здесь можно построить целый мир. Торговля, оборона, а возможно, и завоевания. Это вызов, который я принимаю. — Он отсалютовал, и Гэн улыбнулся, отвечая на приветствие. Когда Конвей повернулся к Ланте, она заключила его в объятия.

— Я бы пошла с тобой. Как замечательно, что мы остаемся.

В словах, произнесенных прямо у его груди, Конвей услышал что-то необычное.

— Почему? Что ты говоришь? Я что, нарушил какой-нибудь из законов Церкви или еще что-нибудь?

Все так же прижимаясь к нему, Ланта покачала головой.

— Уже нет.

Сбитый с толку, он взглянул поверх ее головы на остальных. Губы Сайлы изогнулись в сочувственной усмешке. Гэн насмешливо фыркнул. Взгляд Тейт заставил его почувствовать

себя так, как будто он только переступил порог лагеря для новобранцев. Конвей пригнул голову, как приготовившийся к обороне бык.

— Что такое?

Ланта топнула ногой.

— Мне не хотелось говорить тебе это так. Но, похоже, все остальные догадались. Я беременна.

Конвей подхватил Ланту на руки, и они засмеялись, как дети. Он гикнул, потом завыл по-волчьи. Ланта сначала зажала руками уши, а потом прикрыла ему рот. Пристыженный, Конвей опустил ее на землю, неловко извинившись:

— Что я делаю? С тобой все в порядке? Я не сделал тебе больно?

Нила сухо сказала:

— Несколько дней назад она выдержала битву, Мэтт Конвей. Я думаю, от таких упражнений с ней ничего не случится. — Поздравляю, Ланта, такая хорошая новость. — Снова раздались крики одобрения. Ланту обступили женщины, обнимая и поздравляя.

Когда суматоха поутихла, Конвей подвел Ланту к огню, напротив Тейт. Когда они сели, он прошептал:

— Я люблю тебя. Никогда еще не был так счастлив. — Ланта улыбнулась, взглянув с благодарностью и пониманием, и еще крепче прижалась к нему.

Подойдя к Гэну, Картер пожала плечами.

— Избранные — мы нужны им. Я хочу сказать, я нужна. Я остаюсь.

Анспач сказала:

— Я тоже. Эти дети теперь для меня как родные. Я не могу уйти. Ни за что.

Отойдя от Класа, Сайла, громко смеясь, бросилась обнимать обеих женщин.

— Я чуть не умерла, затаив дыхание. Вы не представляете, как я рада. Я ухожу с Класом на восток. Хочу основать там монастырь. Я собиралась попросить вас стать в нем настоятельницей Ирисов и настоятельницей Фиалок.

Гэн прервал их изъявление чувств:

— Быть последней не похоже на тебя, Тейт. Мне кажется, я знаю причину.

Тейт сидела у огня, держа «вайп» на коленях. Заговорив, она погладила его, как будто лаская любимое животное. Намеренно не замечая сидящего рядом, плечо к плечу, Налатана, она устремила колкий взгляд прямо на Гэна.

— Ты прав. Я ухожу. Хочу узнать, что там такое. — Внезапно самообладание изменило ей. На какую-то долю секунды взгляд ее задержался на друзьях, как будто выдавая что-то сокровенное. — Твоя судьба, Гэн Мондэрк, — это слава твоего племени, и долгое время твоя судьба была нашей. Мы росли в лучах твоей славы. Но даже у тех, кто остается здесь, есть свои цели. Моя далеко отсюда. Я не знаю где. Я буду искать ее. За стенами.

Налатан обнял ее за плечи. Вздрогнув, Тейт вздохнула. Как будто отпуская что-то дорогое, но выросшее и больше ей не принадлежащее, она с облегчением уступила его силе.

Остальные оставили их одних, подчиняясь невысказанному, но принятому всеми соглашению. Налатан сказал:

— Мы с тобой разные. И мы не такие, как все. Удивительно, как я нашел тебя. Спасибо за то, что ты сказала, что мы должны идти. Ты уверена, что сделала это для себя? Не потому, что мне противны стены?

— Я сделала это потому, что я этого хочу. — Тейт сжала его руку. — Теперь у меня есть все, чего я хотела. Кроме еды. Мы будем есть или нет? — Они весело засмеялись, присоединяясь к остальным.

Остаток вечера прошел без особых событий, хотя и несколько странно. На всем лежала печать какого-то уныния, но в то же время чувствовалось, что принято решение, так долго откладываемое и наконец найденное. И если смех иногда был неестественным, то теплота никогда не покидала его. Они сидели вокруг костра, прогоревшего так, что неяркое свечение почти утонуло в свете мириад звезд. Очарованные этим великолепием, друзья не спешили расходиться.

Наконец, поднявшись, Гэн сказал:

— Вряд ли мы когда-нибудь еще увидим такую ночь все вместе. Какое это было время! Завтра будет новый день. Многое предстоит сделать. Мы построим новый мир и откроем еще множество новых миров. Мы посеем мечты и пожнем радость! А потом снова посеем мечты. И так без конца.